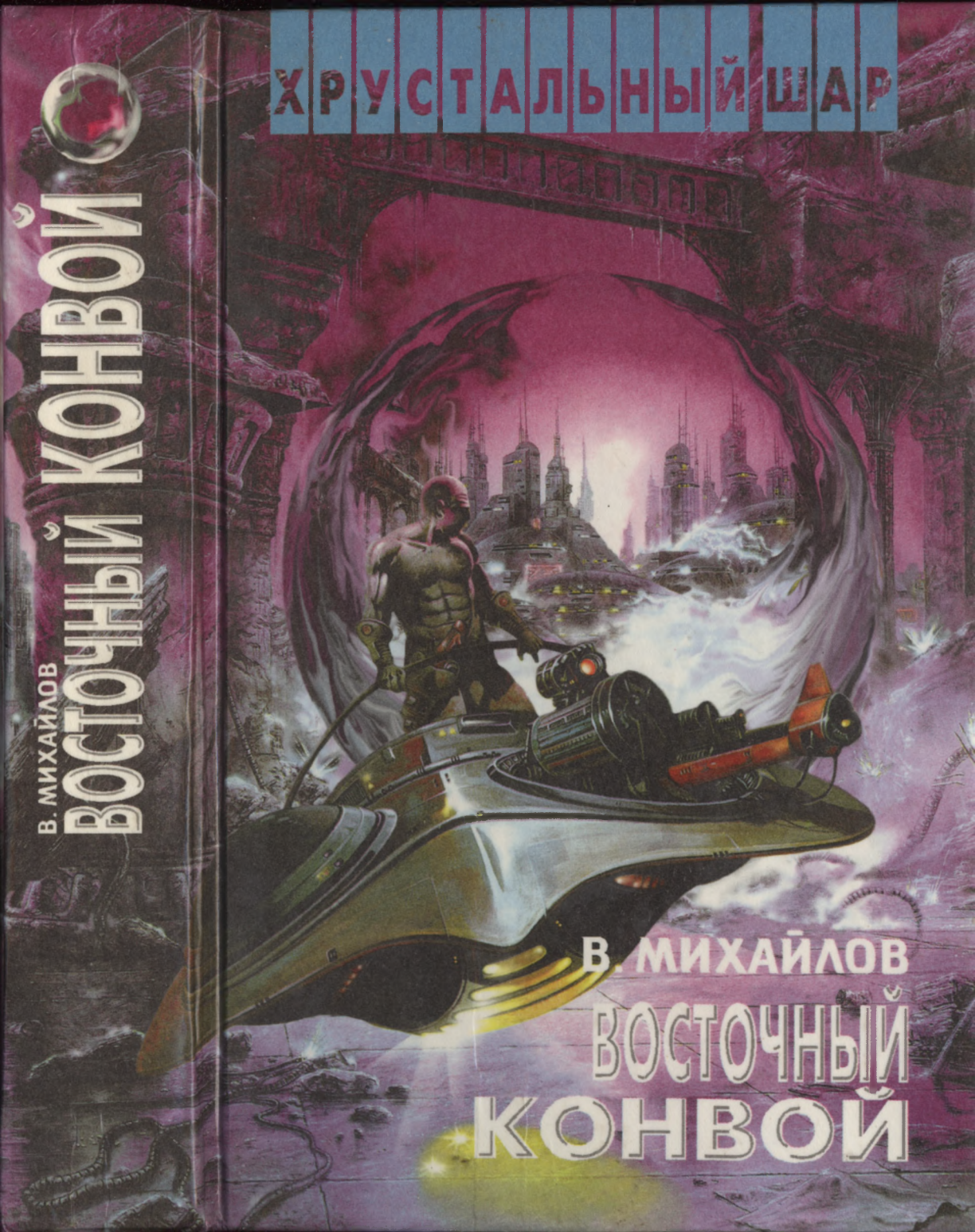
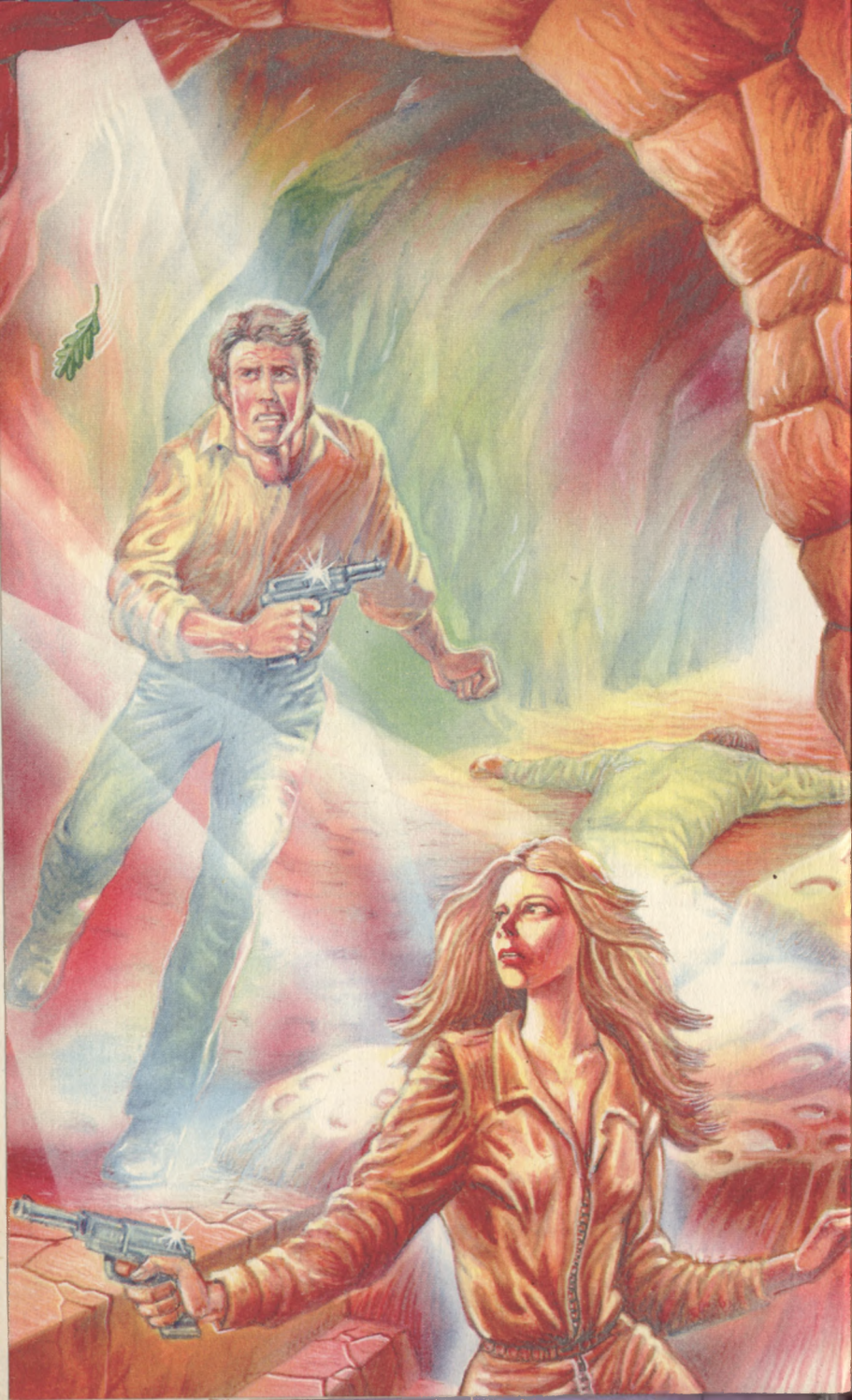

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР
В. МИХАЙЛОВ
ВОСТОЧНЫЙ КОНВОЙ
В. МИХАЙЛОВ
ВОСТОЧНЫЙ КОНВОЙ



Владимир Михайлов принадлежит к плеяде известнейших фантастов России. Его творчество уже несколько десятилетий неизменно привлекает внимание читателей. Трилогия "Капитан Ульдемир" (премия "Аэлита" 1991 г., Беляевская премия 1994 г.), роман "Дверь с той стороны", повести "Особая необходимость", "Люди Приземелья", "Исток", "Не возвращайтесь по своим следам", "Стебелек и два листка", "...И всяческая суета", многочисленные рассказы — признанная классика отечественной НФ.

В новую книгу В. Михайлова вошли образующие дилогию повести "Ночь черного хрусталя" и "Восточный конвой" — своеобразный сплав политического детектива и фантастического боевика. В первой повести главный герой дилогии, агент Интерпола Даниил Милов, расследуя дело о контрабанде наркотиков, оказывается в эпицентре экстремистского переворота. В "Восточном конвое" Милову поручено разобраться в загадочных событиях, происходящих на территории некоего суверенного государства, возникшего после распада Советского Союза...

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

В. МИХАЙЛОВ

ВОСТОЧНЫЙ КОНВОЙ

НПП «Параллель»
Нижний Новгород
1996

ББК 84Р7

М69

Составитель серии
М. Редошкин

Серийное оформление
А. Гришина

Иллюстрации
В. Ана, А. Михайлова

В оформлении обложки
использована работа Луиса Ройо
(© 1993 by Luis Royo)
Публикуется с разрешения автора
и его агента Александра Корженевского

Михайлов В. Д.
М69 Восточный конвой: Повести. — Н. Новгород: НПП "Параллель", 1996. — 573 с.: ил.

ISBN 5-86067-040-0

В сборник произведений В. Михайлова "Восточный конвой" вошли написанные в жанре фантастического боевика повести "Ночь черного хрусталя" и "Восточный конвой".

ISBN 5-86067-040-0

© В. Д. Михайлов, 1996
© Издательство "Параллель", 1996

НОЧЬ ЧЕРНОГО ХРУСТАЛЯ

— Доктор Рикс! Срочно — город! ОДА!

Женщина выхватила из кармана халата плоскую коробочку коммутатива. Нажала кнопку.

— Доктор Рикс? — Голос в коробочке казался сплющенным. — Снова ОДА! Девочка, роды проходили нормально...

Женщина опустила веки — может быть, чтобы никто не увидел в ее глазах отчаяния. Но голос ее в наступившей мгновенно тишине прозвучал спокойно, почти безмятежно, как если бы ей сообщили — ну, что лампочка в прихожей перегорела, например; только свободная рука непроизвольно сжалась в кулак:

— Что же вы предприняли?

— Сразу же, по инструкции, дали кислород. Затем...

Она слушала еще несколько секунд.

— Пока дышит нормально. Однако...

Она перебила:

— Готовьте к перевозке. Сейчас к вам вылетит вертолет.

— Доктор, хотелось бы... Видите ли, ее отец — Растабелл.

Она знала, кто такой Растабелл.

— Не волнуйтесь, все будет отлично.

Рука с коммутативом медленно опустилась, бессильно повисла, но лишь на секунду.

— Доктор Карлуски, разрешите...

Он кивнул головой с узким, морщинистым лицом.

— Разумеется, доктор Рикс. Я уверен это вчерашний выброс; следовало ожидать...

На несколько мгновений выдержка изменила ей:

— Шесть наших обращений к этому их правительству, шесть успокоительных ответов — и все на бумаге, только на бумаге... В конце концов, это же их дети, а не мои!

— Ну, что вы, — сказал доктор Карлуски, стянув морщины в улыбку. — Правительства всегда бездетны. Хорошо, что у нас еще есть гермобоксы.

— Еще три, — ответила она уже в дверях. — Что будет потом — не знаю...

— А кто знает? — сказал доктор Карлуски ей вслед.

Что будет потом, не знал никто. Ни здесь, в Международном Научном Центре ООН, располагавшемся в уютном (по привычке его продолжали считать уютным) уголке Европы, в Намурии, ни, пожалуй, во всем мире.

Правда, не было уже той растерянности, что сопутствовала первым подобным случаям сперва вовсе непостижимым, потому что младенцы рождались вроде бы совершенно здоровыми, были они доношены, выходили правильно, не было ни удушения пуповиной и никаких других бед из числа тех, что подстерегают еще не родившегося. Вскрытия показывали, что дети были совершенно нормальными — только их крохотные легкие выглядели как бы сожженными если не кислотой, то удушливым газом. Ведь ничего, кроме воздуха, каким все дышат, не содержалось в родильных залах. Все дышат, а эти вдруг не захотели: один, другой, третий, четвертый — и, как говорится, пошло. Не только в Намурии, хотя небольшая страна эта оказалась одной из первых, и не только в Европе. Другая закономерность, правда, прослеживалась: чем ближе к большим промышленным районам, тем чаще такие случаи происходили, потому что тем меньше оставалось в этих местах того, чем можно дышать. Отказ Дышать в Атмосфере — вот что такое ОДА.

И в самом деле: можно ли было называть старым и легким слово «воздух» нынешнюю смесь кислорода и азота со всеми теми неисчислимыми добавками, какими обильно обогащала ее цивилизация: продуктами сгорания твердого, жидкого и газообразного топлива в цилиндрах и камерах автомобилей, тепловозов, теплоходов, самолетов, энергостанций, заводов и фабрик, ракет, или просто на месте добычи; отходами промышленности — химической прежде всего, но не только; продуктами сжигания мусора; тончайшей цементной, фосфатной и другой всякой пылью; отходами горнодобывающей и горнообрабатывающей промышленности? Да что перечислять — тут впору заводить Черную книгу, чтобы на множестве ее страниц всерьез заняться поименованием всего того, чем мы за десятилетия усовершенствовали наивно-примитивную стихию, а здесь не место для этого. Добавим только, что уже не воздухом, конечно, была эта смесь — скорее уж следует называть ее «Аэрозоль-XX» — по номеру нашего благодатного столетия и по ее физической сущности.

Не будем здесь говорить и о том, что не одна только атмосфера подверглась подобному «обогащению», но и вода, и поверхность земли, и недра ее, да и ближний космос, пожалуй, тоже; попытаемся лишь назвать этот процесс приспособления природы к человеку самым пригодным для этого словом вместо существующего для этой цели бодрого термина «техническая цивилизация» — словом этим будет война, и не просто война, но гражданская. Потому что только на войне убийства происходят не исподтишка, но явно, и почитаются не за преступление, но за подвиг — не так ли поступает цивилизация с природой? И не подвигом считали мы разве все достижения вышепоименованной? Подвигом, несомненно; и гордились, и подвигали на дальнейшее в том же духе. Итак, война. А почему гражданская? Потому что в гражданской войне народ уничтожает сам себя, для народа гражданская война — форма самоубийства или борьба если уж не до смерти, то самокалечения во всяком случае. Но разве природа и человек — не один народ по имени «Жизнь на Земле»? И то, что происходило и все еще происходит в процессе цивилизации, не есть ли война одной части народа против другой, война регулярной армии людской цивилизации против партизанских операций порядком уже разозленной природы? Гражданская война, да.

Не вчера это уже стало ясным. И не вчера впервые были произнесены власть предержащими во всех концах планеты правильные и достойные слова относительно пресечения, недопущения, исправления, восстановления... Так клянется алкоголик: вот сегодня еще выпью, а с завтрашнего дня — завяжу! Так обещает сам в себе запутавшийся человек: с понедельника начну новую жизнь! Сколько завтрашних дней прошло, сколько понедельников... Ты еще дышишь, человек? Ну живуч, прямо сказать...

Кто как, впрочем. Кому сейчас, скажем, семьдесят — тем дышится легче. Было время адаптироваться: родились-то они тогда, когда дышать было куда проще. Нет, конечно, двести или две тысячи или двадцать тысяч лет назад воздух был еще чище. Но даже семьдесят лет назад над полями и в лесах еще держалась благодать, с неба не лились еще желтые, а то и радиоактивные дожди, а поля и грядки удобрялись более по старинке, навозцем. Так что хоть в

детстве подышали вволю, а потом приспосабливались понемножку. Тридцатилетние, особенно горожане, — уже другой коленкор: вдыхали аэрозоль с младых ногтей, хотя не столь еще густой, как нынче. Ну, а теперь и вовсе не осталось населенных мест, куда не проникли бы механизмы и химикаты. И вот в разгар научно-технической революции, грозившейся привести благодарное человечество к полному познанию всего на свете и безмятежному благоденствию, детишки как-то уж и вовсе хлипкими стали входить в сей мир — юдоль не слез, но небезвредных отбросов.

Воздух, как и вода, на всей планете пришли потихоньку к одному знаменателю: природа не знает границ ни для добра, ни для зла. Естественные компенсаторы и фильтры первыми не выдержали нагрузки, тем более, что оставалось их все меньше; они были природными богатствами, которые человек транжирил вместо того, чтобы разумно жить на проценты. И вот наконец и он, наиболее приспособляющаяся (за исключением разве крысы, клопа или таракана) часть природы, исчерпал, похоже, свои резервы адаптации и выносливости. Так что к тому дню, с которого началось наше повествование, на всех материках уже не на сотни, а, по статистике Всемирной Организации Здравоохранения, на тысячи шел счет представителям разумного вида, при рождении требовавшим для дыхания первобытно-чистого воздуха — или вовсе отказывавшимся жить. То ли мутантами они были, то ли спираль развития снова вышла на такую вертикаль — но так вот получилось.

Сперва, как уже сказано, растерялись. Но теперь научились крохотных бунтовщиков сберегать: помещали в герметические боксы, куда подавалась приемлемая для младенцев дыхательная смесь, с ароматом хвои даже. Кормить их тоже приходилось с самого начала искусственными составами из натуральных (по возможности) продуктов. И дети жили, словно драгоценные экспонаты музеев, за броневыми стеклами. Старшему из них во всем мире шел сейчас четвертый год. Самая младшая — вот только что родилась, при нас, можно сказать.

Что будет потом — это, конечно, не только доктора Рикс интересовало, не одну лишь эту молодую, красивую и (под белым халатом) несколько даже вызывающе одетую

женщину, но и людей не столь уже молодых, строго одетых и занимавших куда более высокие, а порой даже и высочайшие уровни в мировой иерархии. Но как-то всегда оказывалось, что «сегодня» было важнее, чем «потом». Мир все усложнялся, но дышать не становилось легче. Что же касается людей, общества, человечества, то с ним было, как с ядерным реактором: работает и взорваться вроде бы не должен. Но — может.

— Вызывает клиника Научного центра. Вертолет прибыл?

— Да, доктор Рикс, благодарю вас, только что погрузили малышку. Но господин Растабелл очень встревожен. Он...

— Успокойте его.

— Доктор Рикс, а не могли бы вы лично поговорить с ним? Вы специалист, да и американская медицина...

— Позвоню ему, как только дитя окажется у нас и я осмотрю его.

— И еще одна просьба, доктор: если...

Пол под ее ногами ощутимо дрогнул; звякнули инструменты в стеклянных шкафчиках, колыхнулась вода в стеклянном сифоне, листок бумаги спланировал со стола и закачалась подвешенная к абажуру настольной лампы куколка: фантастический астронавт-десантник с бластером наизготовку.

«Физики стали слишком много позволять себе, — мельком подумала женщина. — Совершенно не считаются с тем, что у нас — дети».

— Да, я слушаю: какая просьба? Алло! Вы меня слышите?

Но телефон молчал.

— А теперь, доктор, вопрос на засыпку...

— Честное слово, Гектор, у меня не осталось ни секунды. Надо проверить, как новенькая дышит в боксе, затем...

— Что же, я могу брать интервью не только на бегу, но и стоя на голове. Скажите: вот вы спасаете этих несчастных. Но что ожидает их потом? Герметичные дома, кон-

торы, цеха, города? Или вы надеетесь научить их дышать той гадостью, какой дышим мы?

— Это задача для ученых. Я всего лишь врач.

— Их становится все больше — это, видимо, не случайно. Не опасаетесь ли вы, что в один прекрасный день общество возмутится — с непредсказуемыми последствиями?

— Это не мои проблемы, Гектор. Наше дело — убедить власти в том, что надо срочно принимать меры не на словах, а на деле, иначе человечеству грозит гибель в недалеком будущем.

— Какие меры вы считаете необходимыми?

— Любые, которые могут привести к очищению среды. За подробностями обращайтесь в «Грин пис».

— Вы верите в возможность таких мер?

— Я оптимистка. Ну, все, на этом — наилучшие пожелания.

— А у меня еще целая связка вопросов. Чем вы заняты сегодня вечером? Что, если я навещу вас дома, в городе? Ваш муж ревнив?

Она усмехнулась.

— Вечером я приглашена на вечеринку — тут рядом, в Сайенс-виллидж.

— И пойдете?

— Почему бы и нет? А вообще, на возникающие вопросы человек должен находить ответы сам.

— Браво, это я использую. Что же, раз так — мчусь в город, к Растабеллу. Думаю, что они вот-вот начнут атаковать правительство всерьез — теперь, когда он пострадал, так сказать, лично. Но сперва забегу к нашим сейсмикам: они, кажется, что-то такое засекли.

— Был какой-то странный толчок. Но землетрясений тут не бывает...

— Город все еще не отвечает, доктор. Глухо.

— Когда телефон исправят, разыщите меня — я обещала позвонить Растабеллу. Буду у себя до шести, сестра Ибарра.

— Непременно, доктор.

«И в самом деле, пойду на вечеринку, — подумала она, направляясь к блоку гермобоксов. — И не устою. Не стану

больше сопротивляться ему. Да и чего ради? Пусть несерьезно, пусть быстролетно — но хоть что-то, иначе совсем завяну... А в обаянии ему не откажешь. Отбиваться я буду, но не очень убедительно. Пусть Моран удлинит список своих побед — на самом деле это ведь я решила так, не он...»

— Рад видеть вас, фрау доктор!

Еще долю секунды она внутренним взором созерцала неотразимого Морана, хотя поздоровавшийся с нею здесь, в коридоре, человек был полной его противоположностью: невысокий, округлый, с редкими, прилизанными волосами, и одет он был с аккуратностью клерка, хотя чиновником как раз не был.

— А, господин инженер! Почему вдруг «фрау»? Что за противоестественная смесь? Впрочем, мы в чем-то напоминаем Вавилонскую башню, может быть, вы и правы...

Инженер смутился:

— Сам не понимаю... Наверное, потому, что я только что разговаривал с профессором Ляйхтом — он предпочитает свой родной язык.

— Вы были у нас?

— Лишняя проверка никогда не мешает. Теперь я могу поручиться: вашу новую маленькую милую пациентку электроника не подведет.

«Сентиментален, как всегда, — подумала она. — И, наверное, примерный супруг и отец. Хотя нет — он, кажется, как раз бездетен».

— Я очень благодарна вам за внимание к нашим детям. Но не стану задерживать: вы, конечно, спешите, как всегда, к вашей очаровательной жене.

— Увы, на сей раз я увижу ее лишь через несколько часов. Я обещал профессору Ляйхту вечером посмотреть его персональник у него дома, в поселке.

— В Сайенс-виллидж? Как же она перенесет целый вечер без вас?

— Я предупредил ее еще до того, как замолчали телефоны. Почему это, как вы думаете?

— Понятия не имею. Так почему же?

— Я и сам не знаю. Она, я думаю раньше ляжет: очень устает в последние дни, необычайно много работы в конторе мистера Рикса...

«Особенно для секретарш, — подумала она, по-прежне-

му приветливо улыбаясь, — пригожих собой, сверхурочной работы. Сукин сын!»

— ...Впрочем, что я вам объясняю: вы наверняка знаете о делах вашего мужа намного больше моего.

«Ни черта не знаю, — подумала она, — да и знать не хочу».

— Ну, желаю вам всего лучшего.

— Мое почтение, доктор.

«Вот поют, — подумал Милов, — ну прямо соловьи...»

Во тьме вспыхнула искра; мгновенный взвизг резнул по слуху, потом глухо загудело — словно в глубочайший колокол ударили: ухнул неимоверным басом, покачался из стороны в сторону и стал затухать. Но Милов успел уже нырнуть в дыру — вход в пещерный лабиринт.

Собственно, и не пещеры это были, скорее катакомбы. Тут естественные пустоты, характерные для таких геологических структур, с обширными залами (в одном из них даже подземное озерцо плескалось), перемежались и соединялись вымытыми некогда водой ходами и рукотворными коридорами, в прошлом — горными выработками. В седой древности в пещерах жили, потом — скрывались, во время второй мировой войны их использовало Сопротивление, а после нее, хотя и не сразу, проложили несколько маршрутов для туристов; маршруты эти оборудовали электрическим освещением, но стоило отклониться от нехоженой трассы — и человек попадал в первозданную мглу. Входов в катакомбы имелось несколько, все они были снабжены прочными дверями — сперва деревянными, потом их заменили пластинами из котельного железа: чтобы предотвратить несчастные случаи, какие время от времени приключались с «дикими» туристами и с детьми. Одна из этих дверей сейчас оказалась, на счастье Милова, приотворенной, и пули пришлись по ней.

«Рикошет, — подумал он, переводя дыхание и напряженно вслушиваясь. — Плохо стреляют, а странно, они должны уметь профессионально, и по звуку в том числе; но и так ничего, чуть левее — тут бы мне и конец. Но, значит, я верно иду, — думал он, на четвереньках отползая подальше от входа, в глубину, — жму им на больную

мозоль... Конечно, найдись среди них хоть один порешительнее — впрыгнул бы за мной и длинной очередью вдоль хода — и все, и снято, как говорила Аллочка... Если они меня опознали — человек я заметный, их могли предупредить — то и преследовать они вряд ли сунутся, репутация у меня достойная; но уж постараются и живым не выпустить, залягут, как кот у норки; наверняка ведь думают, что я этих ходов не знаю, а если и знаю, то лишь официальные маршруты. Плохо они обо мне думают, плохо... А засуетились они заметно, может, у них и тайники тут, перевалочные базы? Ну, если поживем — увидим...»

Он спешил уйти подальше, прикидывая на ходу, как побыстрее и побезопаснее выбраться отсюда, чтобы попасть, наконец, в Научный центр, найти там одного человека и выжать из него все, что можно, а потом найти другого, уже в городе, и с ним сделать то же. Несколько раз Милов свернул почти наугад: надо было сойти с туристской тропы. Сейчас ход расширился, двигаться можно было почти бегом, лишь немного пригибаясь. Воздух был сырой и затхлый, значит, другого выхода поблизости не было. Хорошо: никто не успеет забежать и устроить засаду впереди. Подумав так, Милов усмехнулся и еще ускорил шаг. И, словно в отместку за ухмылку, кто-то или что-то долбануло его по лбу с такой жестокой силой, что он не устоял на ногах — рухнул и, кажется, отключился.

Ненадолго, впрочем. Милов пришел в себя то ли от невыносимой, дергающей и стучащей боли в виске, но может быть, и от слабого, осторожного шороха, что послышался. Милов с силой притиснул висок к холодному, мокрому песку, чтобы умерить боль. Никуда не денешься: звуки были звуками шагов, и они приближались осторожно, но упорно.

«Значит, решились все-таки, пакостники, — подумал он с неожиданным спокойствием, — пошли на добивание... Ну, в такой непроглядности в меня еще попасть надо. Правда, и мне по звуку трудно будет их упредить: здесь многократное отражение. Ладно, пусть они начинают, а я тогда — по вспышкам... А куда девался тот, что меня сшиб? Весьма странно... Может, спешил к выходу, и я ему просто мешал? Постой, а где выход? Там, где мои ноги. А эти приближаются с другой стороны — выходит, успели-таки забежать...»

Шаги приближались все медленнее, охотники, видимо, не хотели рисковать.

«Что же они — даже фонариками не запаслись, дурачье, неужели думали, что я по туристским ходам побегу? — с некоторым пренебрежением подумал Милов. — А ведь готовились, наверное, всерьез... Или просто боятся?..»

Тут шаги и вовсе замерли. Милов старался дышать как можно реже, тише, отбойный молоток в черепе перестал частить. Потом он услышал совсем рядом едва различимый шепот и очень удивился: разговаривали по-английски, а не по-намурски и не по-фромски — то были два местных языка.

— Нет, нет, помнится, тут можно пройти, надо только опасаться сталактитов, они тут мощные, их не вырубали, это дикий ход.

«Странный акцент, — подумал Милов. — Местный, надо полагать. В местных языках я — с грехом пополам... Так вот, значит, на что я налетел; было бы идти поосторожнее, как это я оплошал... О чем это они там?»

— Жаль, мне бы хоть фонарик захватить, но кто мог знать?

— Как тихо... Может быть, мне почудилось и никто не стонал

«Второй — явно из Штатов», — решил Милов.

— Нет, не почудилось, стон был. А куда мы здесь выйдем?

— Кажется, этот ход ведет к реке, но должен быть еще один выход, поближе — мы с женой тут бывали когда-то, но далеко не забредали, боялись.

— А может быть, лучше вернуться? Я думаю, там уже все успокоилось... — Это был уже не шепот, а негромкий голос, и Милов едва не присвистнул от удивления: голос принадлежал женщине. — На худой конец, будем со своими, если даже что-то еще и не так. Ну, в конце концов, что нам грозит?

«Нет, — подумал Милов, — это не мои друзья-приятели. Это случайный народ. Любовники, может быть — искали уединения и заблудились. Пора объявиться — не то они, от безвыходности, начнут делать что-нибудь нескромное...»

Он подтянул ноги к животу, изготовленный было к бою

пистолет водворил на место. Бесшумно привстал — и снова ткнулся головой в сталактит, в самое острие, и невольно зашипел.

— Кто там? — вскрикнула женщина испуганно. Сразу же зашуршало: мужчина шагнул вперед, дыхание его сделалось шумным. Он мог сейчас, пожалуй, и напасть, не рассуждая, просто чтобы подавить страх в себе самом.

— Эй, приятель, — по-английски окликнул его Милов, негромко, словно сидел за столиком в кафе и мимо прошел официант. — Осторожно, не запачкайте об меня обувь.

Тот снова остановился.

— Что вы тут делаете? — через мгновение осторожно спросил он.

— Принимаю солнечные ванны, — ответил Милов, чувствуя, как возвращается к нему уверенность. — Предупреждаю: я занял лучшее место и не собираюсь уступить его просто так.

Тот усмехнулся — просто потому, что того требовало чувство собственного достоинства.

— Меня радует ваш юмор, — ответил он. — Но не окажете ли вы любезность говорить серьезно? Тут, собственно, нет ничего смешного...

— Кончайте болтовню! — неприязненно сказала женщина; судя по звуку ее голоса, она отступила шага на три-четыре — на случай, если завяжется схватка, наверное. — Не знаю, может быть, пещеры — ваше постоянное обиталище, но нам не хотелось бы медлить.

— Вы совершенно правы, — согласился Милов; он тянул время, чтобы совсем уже оправиться от удара. — Можно простудиться. Да и воздух, откровенно говоря... Хотя, должен сказать, снаружи он тоже не заслуживает доброго слова.

— Дайте нам пройти! — потребовала женщина.

— Обождите секунду, — примирительно сказал Милов, — я попытаюсь встать.

— Ах, вы лежите, — сказал мужчина. — Вот почему я затруднялся понять, где вы находитесь.

— Вам плохо? Или вы ранены? — спросила женщина и шагнула вперед.

— Стойте там! — на всякий случай задержал ее Милов.

Она обиженно хмыкнула, но остановилась, говоря:

— Надеюсь, ваш утренний туалет не затянется? Кофе в постель здесь не подают. Может быть, конечно, дома у вас горничная... Вы из поселка?

— Дома у меня гарем, — сказал Милов и, упираясь ладонями в шершавые стенки хода, стал подниматься.

— Боюсь, что господин не из поселка, — сказал мужчина своей спутнице так, словно Милов далеко и не слышит их. — Я там знаю всех, и персонал тоже. — Он повысил голос: — Не могли бы вы сказать, кто вы и как оказались здесь?

Милов ощупал пальцами голову.

— Ничего, — вслух сказал он самому себе. — Кажется, обошлось без телесных повреждений, связанных с длительным расстройством здоровья.

— А может быть, он из этих? Поджидал нас? — предположил мужчина. Видимо, темнота придавала ему смелости; вообще-то, судя по манере говорить, он не принадлежал к забиякам.

— Встали? — нетерпеливо спросила женщина. — Поздравляю. А теперь, пожалуйста, пропустите нас, если вам не нужна помощь.

— Боюсь, что она потребуется вам, — ответил Милов. — Если не ошибаюсь, вы хотите воспользоваться ближним выходом? Не советую: там ждут меня, но могут открыть огонь, даже не спросив, кто идет. Нервные люди.

— Вы... контрабандист? — нерешительно спросил мужчина. — Извините за такое предположение, — тут же заспешил он, — но в этих местах...

Он умолк.

— В этих местах?.. — повторил Милов.

— Ну, я, собственно, не знаю, я живу в городе. Но говорят... — Он снова не закончил фразы.

— Нет, — сказал Милов, — все не столь романтично. Я турист-одиночка, много слышал об этих пещерах, но возле входа меня хотели ограбить, и, кажется, даже убить. Оставалось лишь улизнуть сюда, где потемнее.

— Это необычно, — задумчиво проговорил горожанин. — О грабителях у нас давным-давно не слыхивали. Знаете, — оживился он, — скорее это были... ну, те самые, что в поселке. Вы не знаете разве, что произошло вот только что, вечером, в Сайенс-виллидж?

— Никогда не бывал там.

— Перестаньте, Граве, — сказала женщина. — Господин хочет сохранить инкогнито. Во всяком случае английский — не его родной язык.

— Я из России, — сказал Милов вежливо. — Турист.

— Все равно: все мы сидим в одном и том же джеме по уши. Итак, мистер русский, вы полагаете, тут нам не выйти?

— Милов, — представился турист. — Даниил Милов, к вашим услугам, мэ'м.

— Очень приятно, Дан. Меня зовут Евой. А это господин Граве. Его воспитание не позволяет, чтобы его называли по имени.

— Что делать, — сказал Граве, — мы, намуры, консервативны и, признаться, даже гордимся этим. Но скажите, господин Милф, о засаде вы говорили серьезно?

— К сожалению.

— Я не очень уверен относительно других выходов, — сказал Граве виновато. — Слишком давно не бывал здесь, хотя работаю рядом со дня основания Центра. Впрочем, так всегда бывает... Знаю только, что выходы есть, но вот где они?..

— Ну же, решим, что-нибудь, — нетерпеливо сказала Ева. — Не люблю неподвижности. Ну, а вы, Дан, — вы в самом деле собирались заночевать тут? Мне такая спальня не по вкусу.

— Боюсь, что к утру здесь будет чрезвычайно холодно, — согласился Граве. — Если бы мы еще оделись подобающим образом; но все произошло так неожиданно...

— Ночлег здесь не входил в мои планы, — признался Милов. — Я рассчитывал попасть в Центр — там есть какой-нибудь странноприимный дом, надеюсь?

— Гостиница, — сказал Граве. — Но в Центр еще надо попасть, а это, я полагаю, сейчас затруднительно. В той стороне один-единственный выход, через него мы и попали сюда. Однако, — в его голосе проскользнула нотка горечи, — в старой тихой Намурии стали происходить невообразимые вещи: там тоже люди с оружием, и мы едва спались от них, когда бежали из поселка...

— Так что выбираться придется вместе, — заключила Ева. — Осталось лишь придумать — как.

— Отчего ж не придумать, если подумать... — пробормотал Милов, занятый сейчас другими мыслями. Ни к чему были ему сейчас эти спутники, а в одиночку он, вероятнее всего, прорвался бы; но бросить женщину было бы не по-мужски, а от компаньона ее, похоже, большого толку ждать не приходилось. Ну что же, воспримем как лишнюю помеху, только и всего. Главное — не терять больше времени. И так уже...

— Мне известен еще один выход, — сказал он. — Правда, он не для туристов: над рекой, в обрыве, но невысоко. Есть в нем одно неудобство: спуститься вниз там нельзя — берег нависает, подняться — тем более. Можно только прыгнуть в реку.

— Просто ужасно, сколь многого я с собой не захватила, — сказала Ева: — ни пижамы, ни купальника...

— Я тоже, — сказал Милов, — я путешествую налегке. — Он не стал объяснять, что сумку ему пришлось бросить, когда за ним гнались; по счастью, ничего серьезного там не было, опыт давно научил самое необходимое носить в памяти и в карманах. — Да и господин Граве вряд ли предусмотрел такую потребность.

— Вы же видите, господин Милф, — у нас с собой ничего...

— Не вижу, как ни удивительно. Здесь не слишком светло, а? Ну что же, раз мы не экипированы, придется лезть в воду в чем мать родила.

— Это будет крайне неприлично, господин Милф, — сурово произнес Граве. — Если бы еще с нами не было дамы...

— Вы знаете, Граве, — сказала Ева, — я не очень любопытна.

— Тем более, что все равно ничего не видно, — добавил Милов. — Впрочем, дело ваше. Только не забудьте, что придется переплывать реку: и из-за обрыва, и чтобы обойтись без неожиданностей.

— Вы полагаете, там тоже опасно? — с некоторым беспокойством спросил Граве.

— Полагаю, тот выход известен не только мне. Итак, плыть придется, а разводить потом костер для просушки — потеря времени, да и небезопасно.

— Вы считаете, все настолько серьезно? — спросил Граве.

— Я знаю только, что меня хотели подстрелить, — сказал Милов, — и для меня этого достаточно. Итак, решено?

— Так или иначе все вымокнет, — сказала Ева.

— Плывя, держите одежду над головой.

— Давно так не пробовала.

— Ну, отдадите мне, — сказал Милов. — Верну сухой.

— Вы крайне любезны, — сказала Ева. — Ведите нас, пещерный лев.

— Вы хотели сказать — пещерный человек, — поправил Граве.

— Хотела то, что сказала. Не придирайтесь.

— Но вы же его даже не видели, — сказал Граве, видимо, все еще колеблясь: купание, кажется, его не прельщало. — Откуда же вы знаете, что он похож на льва?

— Нам придется, — предупредил Милов, — миновать тот вход, которым воспользовался я. — Он знал, что обходного пути нет: схема ходов в окрестностях Центра была крепко запечатлена в его профессиональной памяти. — Так что никакого шума. Я иду первым, вы, Ева, кладете руку мне на плечо, а господин Граве замыкает — точно так же.

Он ощутил, как легкая ладонь легла на его плечо.

— Тронулись!

Они шагали молча, стараясь ступать в ногу. Ева сняла туфли и несла их в руке: острые каблуки тонули в песке, ноги сразу промокли.

«Одно приключение вместо другого, — думала она, ощущая под пальцами твердое плечо. — Хороший свитер, надеюсь, он не какой-нибудь дикой расцветки, хотя от русских, говорят, можно ожидать чего угодно — и прекрасного вкуса, и самого дурного... Напрасно я не надела кроссовки — с брюками вполне уместно... Правда, их снимать труднее. — Тут ее мысли пошли в другом направлении. — А мой соблазнитель! — она не удержалась и фыркнула, подавляя смех. — Бедный котик: мышка уже в углу, загнана, он и коготь выпустил — и вдруг вламываются и портят всю охоту... Но уж тут он повел себя молодцом... Странно и ужасно: еще днем мы жили в цивилизованном мире, пусть не таком зеленом и душистом, как некогда, но все же... Да, мир... В нем прежде всего страдают дети. Я недолюбливала Растабелла, слишком уж он фанатичен и ограничен, хотя и талантлив, конечно, — а теперь мне его жаль. Бедная

девочка... Растабелл теперь, наверное, и вовсе перестанет сдерживаться, а ведь за ним идут люди, его даже правительство побаивается. У нас такая администрация не продержалась бы и месяца, все потребовали бы импичмента, а тут... Все-таки в Европе очень много несовременного. Кстати, я ему так и не позвонила. С телефоном никогда такого не случалось. Что-то произошло в столице? Или здесь, в городе? Этот город — как теневая столица: здесь живет Растабелл и еще многие из его компании, этот странный Мещерски, и другие... Лестер давно дружит с Мещерски, у них, по-моему, какие-то общие дела. Лестер... Слишком много секретов завелось у него в последние два года, и это не бабы — все его налеты на баб мне были известны едва ли не заранее; нет, тут другое — я думаю, он...»

Мысли прервались, когда она услышала тихое: «Тсс... Стоп». Милов остановился, остальные — тоже, но рука женщины оставалась на его плече, он снял ее пальцы осторожно, почти ласково. Повернув голову, едва уловимо выдохнул:

— Обоим — лечь, только тихо... Скажу — бегите, как на сотке, свернете в первый ход направо — там я вас догоню...

Помедлил еще секунду и бесшумно двинулся дальше. Выход, тот самый, его, чуть серел в кромешной тьме пещерного хода, и более светлым пятном выделялась часть стенки напротив. Было и снаружи темно: новолуние.

«Лицо, — подумал Милов, — лицо светлое, остального им не различить. Ползком? Опасно: кто-то может сидеть у самого проема — незачем подставлять ему спину... — Он все же опустился на живот, подобрался, без единого шороха подполз к выходу — сейчас дверь была распахнута настежь, значит, стерегли, иначе заперли бы. — Что делать? Ладно, я-то проползу, но те двое — нет, не имею права...»

Решившись, он коротко кашлянул — и в ту же секунду ударили выстрелы, пули врезались в стенку хода. Охотники не ушли. У них хватило терпения.

«Неосторожно мы там разговаривали, — подумал Милов, — громко и долго, и я хорош — потерял ощущение реальности. Так что эти знали, что я возвращаюсь, лишь на долю секунды не хватило у них выдержки — начали

стрелять, не дожидаясь, пока голова возникнет в проеме, на сером фоне. Странно все же, кого они против меня послали: профессионалы уже раза два подловили бы. Интересно, что у них тут вообще происходит? Меня об этом не предупреждали. Ну ладно, еще поиграем...»

Он не двигался с места, вслушиваясь в шорохи снаружи: там стрелявшие меняли места, хруст их башмаков по гравию был отчетливо слышен. Опершись локтями, Милов медленно изготовился, зная, что сейчас один окажется в поле зрения: снаружи казалось, верно, что в ночи их не увидеть, они не понимали, что по сравнению с непроглядностью пещеры ночная темнота была едва ли не ясным днем. Черное появилось: Милов нажал на спуск. Человек снаружи вскрикнул и упал. Снова заскрипел гравий и застучали выстрелы, но Милов лежал сейчас в мертвой зоне: чтобы убить его, надо было подойти вплотную к двери и вскочить в ход, но на это никто не отваживался.

«Да, странных людей они послали, — подумал он, — хотя и знают, что я ухватился за цепочку...»

Нервная пальба заглохла, когда Милов снял еще одного, засевшего в отдалении — выстрелил по вспышке. Наступила пауза, и тогда он негромко скомандовал своим:

— Ну, бегом!

Он знал, что у них сейчас было несколько секунд времени: находившиеся снаружи чуть отступили, решая, какую теперь применить тактику, и можно стало промелькнуть мимо хода. А вот ему самому придется еще выждать и отступать медленно: наверняка те сейчас все-таки решатся вскочить и стрелять в упор... Граве протопал мимо, Ева тоже — и вдруг остановилась прямо перед ним, подставляясь под пули, упала на колени — и он почувствовал прикосновение губ; поцелуй пришелся в висок.

— С ума сошла! — сдавленно крикнул он. — Дура! — забывшись, выругал он по-русски. Но она уже вскочила, кинулась дальше, и выстрелы извне опоздали на долю секунды.

«Сумасшедшая девка, — подумал Милов с невольным одобрением, хотя и зол был на нее сейчас. — Ну, можно и самому...» — И снова замер: судя по звукам, двое подкрадывались к выходу с разных сторон, держась вплотную к склону, в котором был выход — чтобы не подставиться.

Те замерли у самого проема — он слышал их дыхание. Прошла секунда, другая, десятая — тогда Милов шумно вскочил, затопал ногами, оставаясь на месте. И мгновенно один из затаившихся влетел в ход, чтобы ударить в спину убегающему. Милов свалил его — в упор, наповал. И выметнулся наружу, и прикончил последнего, не дав ему опомниться.

«Самооборона», — подумал он, представив, как ему потом достанется за лихую стрельбу, если удастся выкрутиться живым, конечно. А нет — что же, никто особенно не пожалеет, Аллочка уже замужем, только коллеги разве что... Ну, а что сейчас снаружи — может быть, здесь и выйти, путь-то расчищен...

Он замер на секунду — и выстрелы снова прозвучали, хотя и с дистанции: видимо, заслышав перепалку, сюда начали стягиваться и какие-то другие люди. Милов подхватил пистолет свалившегося у входа — плоский браунинг, оружие непрофессиональное; подскочил к первому убитому — у того был винтовочный обрез, и вовсе ненужный, зато у лежавшего в пещере оказался армейский пистолет.

«Странно, — подумал Милов, — ни одного автомата; нет, как-то не так все происходит, непривычно, любительство какое-то, а меня ведь ориентировали на специалистов... Да, надо как-то разобраться в этой обстановке, а то, может быть, я вовсе не в свое дело ввязался?..» — Но больше думать было некогда, и Милов побежал вдогонку своим. Надо было правым ходом пробираться к реке, пока те еще не принялись травить всерьез. Спасение было в скорости, и он припустил так, что снова противно застучало в голове.

Двое ждали его, как и было условлено. Он подошел к ним, как умел, бесшумно. Те приглушенно разговаривали.

— Чужой человек, — говорил Граве, — по-моему, не заслуживает доверия. Не будь он еще русским... Не надо ждать его, я надеюсь, мы и сами тут выберемся, я сделаю все, чтобы вы вернулись домой, к мужу, целой и невредимой.

Милов застыл: интересно было, что прозвучит в ответ.

— Подите вы к черту, Граве, — ответила женщина спокойно, — мы ведь не по схеме компьютера пробираемся, там я бы вам доверилась... Да и все равно: своих не бросают. Вы стойте тут, а я вернусь: может быть, его ранили...

— Может быть, убили, — ответил в свою очередь Граве, — и вы попадете прямо в руки этим...

— Чем это здесь пахнет? — спросила Ева. Милов невольно принюхался: и в самом деле, воздух здесь был немного другим, отдавал чем-то этаким — не бензином, не кислотой, но что-то было в нем постороннее.

— Да, — сказал Граве, — что-то такое есть на самом деле...

— Это запах вашей трусости, — сказала Ева.

Граве обиженно засопел, Милов усмехнулся: сказано было не по делу, но весьма определенно. Он беззвучно ступил.

— Нет, без меня вам не выбраться, господин Граве, — сказал он, — тут впереди лабиринт, и вы проплутаете в нем до конца жизни, а мне маршрут известен. Тут озерцо впереди, подземное — видимо, в него натекло всякой дряни — вот оно и пахнет. Ваш Центр, думаю, что-то сбрасывает не по адресу.

— Ох, Дан, — сказала Ева, — и он с непонятным удовольствием уловил в ее голосе радость. — Наконец-то, а то я уже испугалась.

— Спасибо, Ева, — сказал Милов. — Теперь поторопимся: похоже, что становится все более сыро, словно бы вода выступает снизу — не знаю, отчего. Готовы?

— Да, — ответила Ева, а он нашел в темноте ее руку и положил на свое плечо.

— Двинулись, — сказал он, и они пошли... Сзади было тихо. Под ногами уже ощутимо хлюпало, хотя уровень реки находился намного ниже, это Милов помнил.

«Сплошные загадки, — подумал он, идя с вытянутыми вперед руками — одна прямо, другая чуть выше головы, чтобы не налететь ни на что сослепу. — Ничего, выскользнем; но что все-таки тут творится? Очень невредно было бы понять...»

Выбраться удалось благополучно: три мягких всплеска, прозвучавших почти слитно, не нарушили черного безмолвия ночи ни окриком, ни выстрелом. Вода была не холодной, но какой-то скользкой, маслянистой, противной по ощущению, и пахла дурно. В этой реке уже пять лет не

купались — наука и техника своего добились. Трое поплыли к противоположному, правому берегу не быстро и бесшумно, равняясь по женщине. Она плыла медленнее других, и Милов все время держался рядом — греб он одной рукой, другую, со своей и ее одеждой, держал над головой. Вода слегка обжигала, раздражала кожу. Интересно, чего только ни сбрасывали в нее за последние годы, — думал Милов, — а ведь тут еще аккуратисты. Другие, выше по течению, и вовсе совесть потеряли...

Добравшись до берега, трое вздохнули облегченно: пусть и бессознательно, в воде они каждую секунду ожидали выстрелов вдогонку, а здесь уже можно было как-то укрыться. Пригнувшись, пробежали в прибрежный кустарник. Граве на бегу закашлялся.

«Нет, все-таки в пещере воздух был чище», — подумал Милов. Среди кустов он, не одеваясь, стал рвать жухлую траву, обтираться ее пучками: кожа требовала, чтобы с нее сняли грязь — экскременты цивилизации. Глядя на Милова, стали вытираться и те двое, только Ева отошла чуть подальше, заслонилась кустом, Граве же просто повернулся спиной. Милов покосился туда, где двигалось тускло-белое, невольно сбивавшее с нужных сейчас мыслей женское тело. Вдруг вспомнилось, как они с Аллочкой вот так, среди ночи купались в Оке: сколько же это уже времени прошло? Он не стал подсчитывать, ни к чему было. Одевшись, все трое поднялись на пригорок и присели, чтобы оглядеться и собраться с мыслями. Ева же — еще и для того, чтобы растереть совершенно окоченевшие ступни; просить об этом мужчин ей сейчас почему-то не хотелось, хотя и естественно было бы.

Отсюда, с холмика, открывался хороший вид на Научный центр, и можно было залюбоваться гигантским, хорошо ограненным, сияющим огнями монолитом хрусталя: именно таким представлялся отсюда главный корпус. На Центр денег не пожалели, начиная уже с проекта, строили всем миром и собрали в него едва ли не все лучшее, что только существовало в современной науке — чтобы умерить национальные и державные амбиции и принести побольше пользы всем, а не сидеть по углам, общаясь через журналы. Время на Земле вроде бы спокойное, разоружались искренне, снова начали ощущать забытый было вкус

к жизни, без сердечного сбоя поднимать глаза к небу, не опасаясь, что безоблачная глубина вдруг разразится дождем из тяжелых семян, из которых вырастают гигантские грибы, дышащие ветром пустынь. Из оружейной науки пошло в цивильную так много, как никогда еще: демонтировали ракеты и боеголовки, но технологии оставались, и оставались мозги: серое вещество требовало нагрузки. Международный штиль позволял людям из разных, порой очень различных стран общаться и работать без задних мыслей; не то, чтобы все противоречия в мире разрешились, этого придется — все понимали — ждать еще долго-долго — но все же человечество куда больше почувствовало себя чем-то единым, планету — неделимой территорией, где границы, оставаясь на своих местах, перестали быть стенами или занавесами — если и не для политиков, то уж для ученых — во всяком случае. Поэтому такие вот центры — и отдельных наук, и синтетические, и технические — возникали все чаще: ведь и с деньгами в государственных бюджетах стало полегче — демонтаж ракет обходился все-таки дешевле, чем их строительство и испытания. В науку и технику пришло немало и военного народа — правда, чаще администраторами, чем учеными, однако без хороших менеджеров в наше время науке не процвести — это давно стало понятным. Так что золотой век если и не наступил, то уже, по крайней мере, мерещился где-то не в самом далеке. В общем, много уже было сделано полезного, и даже такое многотрудное дело, как нахождение взаимоприемлемого компромисса между цивилизацией и природой, начинало казаться в конечном итоге осуществимым — но не сразу, не сразу конечно.

«Оттого-то и бывало так приятно, — думала Ева, яростно растирая ступни и лодыжки, совсем уже потерявшие было чувствительность, — приходить сюда вечерами по изящному мосту, прекрасно вписанному в пейзаж, и смотреть — не с этого дикого пригорка, но с другого холма, повыше, куда и лестницы удобные вели, и вершина была выровнена и забетонирована, имелось, на чем посидеть, и напитки, и легкие закуски продавались в изобилии».

Но и отсюда, где сейчас переводили дыхание трое мокрых и далеких от спокойствия людей, приятно было любоваться сияющим хрустальным монолитом, привычно узна-

вая и административный этаж, и ярусы ресторана и увеселительных заведений, а выше — технические службы, а еще выше — этажи математиков, теорфизиков, экономистов, правоведов, философов, теологов наконец. Клиника, как и полагается, находилась не в Кристалле, а в собственном здании, на отшибе, как и многие другие институты; однако лабораторию ОДА разместили, когда стало необходимым ее создать, именно в монолите, потеснив историков и филологов, специалистов по мертвым языкам: жизнь предстоящая как бы вытесняла память о былом, но это лишь казалось, потому что чистый воздух, которого требовали пациенты лаборатории, был намного древнее и мертвых языков, и старейших мифов — не говоря уже о каких угодно письменных свидетельствах. Такое решение было понятным: клиника, с ее постоянной угрозой переноса инфекций, для младенцев никак не подходила, а свой собственный корпус, не с десятком гермобоксов, а с сотнями, должны были заложить лишь в конце года, чтобы открыть его весной.

Да, и Кристаллом можно было любоваться, и многими другими сооружениями, среди которых даже самые прозаические по назначению выглядели маленькими шедеврами архитектуры и инженерии, — да такими, собственно, и были, хотя поражали не столько красотой своей, сколько неожиданностью. Жизнь цвела и двигалась и во всех этих строениях, и в переходах, воздушных и подземных, и на автомобильных аллеях и стоянках, и на вертолетной площадке на самом верху Кристалла — одним словом, везде. Кроме разве парка: так называлось пространство вокруг небольшого пруда (официально его предпочитали называть озером), упорно зарастающего всякой дрянью, — эта часть территории была засажена деревьями, еще не так давно совершенно здоровыми, а теперь несколько привядшими, как и везде. Газоны разграфлены аллеями: предполагалось, что там будут в свободные часы прогуливаться корифеи наук, а поучающиеся станут с жадностью подхватывать их глубокие мысли и безумные идеи. Ученые, однако, эту рощу невзлюбили, потому что от пруда несло откровенной тухлятиной научно-технического происхождения — зато ночами там собиралось множество кошек.

Да, все это было видно отсюда, как и некоторые из

множества тяготевших к реке от химических, биологических и всяких других заведений трубопроводов, снабженных, разумеется, очистными устройствами. Дорогие и убедительные, они, видимо, все же не до конца оправдывали надежды, отчего прекрасно вымощенная плиткой и ярко освещенная набережная, как и парк, почти совершенно пустовала. Окрестное население, — такое было, — уже не раз и не два выражало неудовольствие самим существованием Центра, от которого якобы передохла рыба, и хорошо еще, если только рыбой дело ограничится. Жители даже, наняв адвоката, составили однажды петицию, в которой требовали перенести науку куда-нибудь, хоть в центр Антарктиды, а их, туземцев, оставить в покое в презренном невежестве. До суда, однако, не дошло, потому что истцам резонно ответили: во-первых, что если не Центр, то тут воздвигли бы что-нибудь еще погромче, погрязнее, подымнее и поядовитее; прогресс нельзя остановить, и всякое место, на котором можно что-то построить, никак не имеет права оставаться в первозданной запущенности; и во-вторых, в Европе полно продовольствия, куда же фермеры станут девать продукты своего труда, если Центр вдруг исчезнет с лица земли? Даже и русский рынок ведь не бесконечен. Обитатели окрестных ферм и деревень смирились, по крайней мере внешне, а к тем, кто все еще ворчал, — привыкли. Как-никак, Центр платил хорошо и хорошими деньгами, настоящими. Так что и днем, и ночью научно-технический прогресс являл здесь миру свой лик — несколько надменный и самоуверенный, но исполненный выражением заботы о всяческом расширении Знания — на благо людей, разумеется, кого же еще.

И сейчас, ночью, взгляду с пригорка, поросшего травой, что начинала сохнуть, едва успев проклюнуться, и болезненным, тоже как бы расхотевшим расти кустарником, лик этот казался настолько внушительным, успокаивающим, обнадеживающим, а элегантные линии строений — такими неизменно-вечными, что уже не верилось, что вот еще только минуты тому назад людям приходилось спасаться в узких пещерных ходах и убивать других, чтобы не быть убитыми этими другими — по причинам, пока еще совершенно непостижимым. Успокоение внушало и несильное зарево, поднимающееся далеко отсюда, за лесом, над не-

большой и очень надежной АЭС, делавшей и Центр, и поселок ученых совершенно независимым от всей остальной Намурии. Когда ставили Центр, энергии в стране не хватало, большая гидростанция только еще строилась, и Центру удалось получить разрешение намурийского правительства, что обошлось, правда, недешево. Теперь ГЭС уже давала ток, обширное водохранилище заполнилось до проектной отметки, затопив, правда, с десяток селений — естественно, без человеческих жертв, остальное же, с точки зрения прогресса, сожаления не заслуживало. Когда гидростанцию пустили, возникли разговоры о переводе Центра на общее энергоснабжение и о закрытии АЭС Центра; однако переговоры обещали затянуться надолго, как это обычно и бывает.

Да, красиво все это было и внушительно. Но стрелялито почему и зачем?

— Так что же все-таки там у вас стряслось? — поинтересовался Милов.

Уже почти совсем оправившись после неожиданных приключений, волнений, страха и вынужденного купания, они все еще сидели, чувствуя себя в относительной безопасности и как бы оттягивая мгновение, когда придется встать и, очень возможно, снова подвергнуть себя каким-то угрозам. Было тихо, только Граве временами громко и каждый раз неожиданно икал — верно, никак еще не мог согреться.

— Да перестаньте, — сказала Ева, — уймите свои страхи и не нарушайте торжественной тишины.

— Я не боюсь, — возразил Граве, — просто я так реагирую на охлаждение. Вы спрашиваете, что стряслось, господин Милф? Нечто такое, что не укладывается в моем сознании. Нечто небывалое, скажу я вам. Вот именно. Поселок жил своей нормальной вечерней жизнью, поселок, в котором живут ученые и кое-кто из служб Центра. Ну, вы представляете, как в таких поселках проходят вечера...

«Черта с два я представляю, — подумал Милов. — Никогда не жил в таких поселках, да и с учеными что у меня общего? С этими — одно, пожалуй: я тоже представляю здесь ООН — только в другой области деятельности. У каждого свои проблемы...»

— Ну, разумеется, могу себе представить, — ответил он вслух.

— И вот в этот спокойный, совершенно благопристойный, могу вас заверить, поселок внезапно врываются какие-то... Не знаю даже, как их назвать...

— Психи, — сказала Ева.

— Во всяком случае, какие-то совершенно неприличные люди, хулиганье. Вооруженные пистолетами, охотничьими ружьями, не знаю, чем... Врываются в коттеджи. И начинают, вы не поверите, избивать людей, крушить все вокруг себя — мебель, посуду, лампы, книги, бить окна... Я как раз занимался терминалом в доме профессора Ляйхта — они разбили весь компьютер, это акт вандализма, нет другого слова... Меня сильно ударили в спину, я вынужден был покинуть дом. Я хотел сесть в машину и уехать, но на стоянке было множество таких же головорезов — боюсь, что машина может пострадать... Тогда я побежал ко входу в пещеры. В этом направлении бежали и другие, за нами гнались, но мне удалось ускользнуть — мне и вот доктору Рикс... Это было ужасно, ужасно — они избивали людей, стреляли — я надеюсь, что в воздух, но выстрелы раздавались совершенно отчетливо...

— Интересно, — пробормотал Милов. — Откуда же они взялись?

— О, на этот вопрос я, к сожалению, могу ответить совершенно точно: это были местные жители, фермеры, сельскохозяйственные рабочие... Да, как ни постыдно, это были намуры. А ведь мы испокон веку отличались спокойным, уравновешенным характером. Если бы это совершили фромы, я, откровенно говоря, не очень удивился бы; поверьте, мне чужда всякая национальная ограниченность, я ни в коем случае не расист, но фромы есть фромы, это вам скажет кто угодно... Но это были намуры, господин Милф...

— Так что судьба остальных жителей вам неизвестна?

Ответила Ева:

— Люди бежали, как я заметила, главным образом к Центру; а куда еще можно было деваться? Надеюсь, им удалось добежать. В пещере, кроме нас двоих, никого, кажется, не оказалось, и туда за нами никто не погнался.

— Поселок далеко от Центра?

Ева встала, вытянула руку:

— Примерно там... Обычно его легко опознать: над ним тоже как бы световой купол, особенно когда в небе облака. А сейчас совершенно темно...

Граве снова икнул. Ева подошла к нему, села рядом, обняла, сказала:

— Грейтесь, а то мне даже жарко стало от таких воспоминаний. А вообще, когда вы в последний раз были у психоаналитика? — Граве не ответил. Налетел ветер, принес удушливо-тошнотворный запах. Ева фыркнула, Граве закашлялся, потом пробормотал:

— Это снова органики что-то такое выплеснули.

— Какая разница? — отозвалась Ева.

— Да нет, я просто так,

Милов краем уха слушал их разговор, думал же о другом. Нет, это все к нему отношения не имело. «У меня другая задача, — думал он. — Главное — оказаться в нужное время в нужном месте, не то груз опять уйдет — и канет неизвестно куда, как и в прошлый раз. Нет, чую, цепочка не зря ведет через этот самый Центр. Но если там сейчас беспорядки... Ну, все равно, его-то я разыщу...»

— Простите? — спохватился он, поняв, что обращаются к нему.

— Я говорю: скорее всего, это месть фермеров. Центру не следовало отказываться от закупок. Это было так неожиданно и для фермеров столь болезненно... Нет, я не оправдываю их, не поймите превратно, но ведь они на это рассчитывали, и вдруг...

— Вовсе не вдруг, — не согласилась Ева. — Мы их уже не раз предупреждали: содержание нитратов в овощах выше всяких допустимых пределов. У Центра достаточно денег, чтобы получать за них доброкачественную пищу.

— Простите меня, доктор, но это эгоизм, — сказал Граве обиженно. — Конечно, вы иностранка, но мне, намуру, не все равно, как будут жить наши фермеры. Поверьте, им не так-то легко, и в какой-то степени их можно — нет, не оправдать, разумеется, но во всяком случае понять логику их мышления...

— Понятно, — сказал Милов, хотя рассуждения Граве его совсем не убедили. Впрочем, чего не случается на свете... — Значит, поселок они разгромили? — Он встал, с удовольствием потянулся. — Ну, кажется, мы достаточно

отдохнули... Глядите-ка, а ведь там уже не так темно, как было только что!

И в самом деле, облака над местом, где находился поселок, словно бы посветлели.

— Ну, слава Богу, — сказала Ева. — Значит, все кончилось, люди вернулись. Может быть, и мне?.. — подумала она вслух. Милов смотрел на облака, они становились все ярче. «Нет, — сказал он, — думаю, это не обычное освещение. Может быть, это и не поселок вовсе?» «Но там именно Сайенс-виллидж, — сказала Ева, — ничего другого там нет.» Зарево разгоралось неровно, как бы играя — но упорно. «Если это поселок, то он горит, — сказал Милов, — другого объяснения не вижу». После этих слов они смотрели молча. Потом Граве сказал: «Да, это, несомненно, пожар. Колоссальный. Какой смысл был исправлять компьютер, который все равно сгорит — даже и то, чего они не успели разбить?» «Господи, — пробормотала Ева, — почему, почему? За то, что мы не купили у них сколько-то тонн капусты или томатов? Это же немыслимо и бессмысленно, это невозможно понять!» «Ну, — сказал Граве, — люди бежали в спешке, кто-нибудь забыл выключить нагревательный прибор, а от этого до пожара — один шаг». «Пожалуй, нет, — сказал Милов, — очень уж бойко горит. Случайный пожар не распространяется так быстро: ветра почти нет. Тут скорее поджог, с разных сторон одновременно. Очень благородно с их стороны, что хоть людей выгнали из домов». Ева усмехнулась, сказала: «Ну, меня вот не очень выгоняли — наоборот, несколько молодых людей хотели задержаться со мной в доме. Юнцы, физиономии в прыщах, решили, видимо, познакомиться вплотную. Да, вот еще что: на груди у каждого из них был пришпилен дубовый лист — по-моему, не настоящий, а то ли пластиковый, то ли матерчатый... Отличительный знак, так сказать». «Нет, — сказал Граве уверенно, — наши фермеры так не стали бы». «Как же вам удалось избавиться?» — поинтересовался Милов. «Помог хозяин дома, каратист, между прочим». «Понятно, — сказал Милов, — а почему он не убежал с вами?» Ева ответила не сразу: «Потому что я убежала сразу. Очень испугалась. Сейчас мне самой противно».

— Как бы там ни было, господа, — сказал Граве и то-

же встал, — надо идти. Машины наши, вероятно, погибли, но моя застрахована, и ваша, доктор, тоже, я надеюсь? Воспользуемся ранним автобусом, только не пойдем на обзорный холм, а прямо к мосту, там он делает остановку. Да-да, я понимаю, очень прискорбно, но сейчас мы никому и ничем помочь не в состоянии — кроме наших семей, Вот и поспешим к ним. Или вы собираетесь оставаться здесь до скончания веков?

— Боюсь, — сказала Ева, — что скончание веков уже наступило.

Мужчины повернулись к ней. Она стояла, вся подавшись вперед, глядя туда, где за лесом, едва проступавшим на левом берегу, в отдалении (за эти годы лес медленно, но решительно отступил от реки, которая вместо жизни — или вперемешку с нею — несла все более концентрированную гибель; у деревьев, надо думать, есть какой-то свой инстинкт, и если каждое в отдельности уйти от опасности не может, то лес в целом такой способностью обладает, так же, как и противоположной: возвращаться, когда угроза миновала и враг леса — цивилизованный человек — оказался вынужден убраться прочь) стоял город, хотя отсюда не увидеть было и высочайшей из его кровель или башен, но и над ним должно было светить ночное зарево. Однако сейчас в той стороне было совершенно темно, и для всех, исключая Милова, в этом было нечто неестественное и страшное.

— Ни искорки, — сказала Ева почти жалобно. — Ни проблеска...

— Наверное, перебои с энергией, — успокоил Милов. — Это лучше, чем пожар.

И сделал было шаг, чтобы спуститься к реке. Однако оба его спутника по-прежнему стояли, словно в оцепенении: минувший день закончился неожиданно недобро, и от ночи следовало, наверное, ожидать каких-то новых и не менее угрожающих сюрпризов.

— Знаете, господа, — неожиданно откровенно сказал Граве, — мне страшно. Не напрасно ли мы успокаиваем себя?

Ева вцепилась пальцами в его плечо, тоже напуганная

молчаливым мраком, которого даже горящий поселок не мог одолеть.

Милов остался как бы в одиночестве. Он был чужаком тут, и не его город это был, и дела у него были — свои, особенные, его спутников совершенно не касающиеся. Наверное, пора было прощаться с ними и следовать своим путем; город пока его не интересовал: его очередь, города, должна была наступить позже. Все было тихо, так что оба спутника Милова, у которых город создавал чувство общности и единой судьбы, наверняка смогут спокойно добраться до дома на своем автобусе. Надо было уходить, иначе он рисковал попасть в жестокий цейтнот. И все же что-то мешало вот так сразу повернуться и двинуться своим путем. Может быть, как раз потому, что был он здесь посторонним, он сохранил способность думать трезвее и, не имея пока никаких доказательств, как-то нутром, что ли, чувствовал: что-то не так, не в отказе покупать капусту было дело, а значит, инцидент мог оказаться не единственным, и опасность, какой бы она ни была, далеко еще не миновала — интуиция говорила так, а он привык доверять ей. Значит, рано еще было уходить? Он уже повернулся было, чтобы поторопить их, но тут горожане и сами вышли, наконец, из своей бездвижности.

— Я чувствую, как Лили зовет меня! — патетически сказал Граве. Дрожь его прошла, голос звучал едва ли не героически.

Ева же, напротив, попыталась погасить волнение насмешкой.

— Браво! — сказала она. — Вот заговорил мужчина. А вы, Дан, не спешите спасать свою благоверную? Туристы ведь ездят семьями. Где вы, кстати, ухитрились потерять ее? Или она предоставляет вам неограниченную свободу действий?

«Черт знает, что я говорю, — подумала она сама. — Зачем?»

— Я езжу один, — сказал Милов. — Догадался своевременно развестись — давным-давно.

— О, — сказала Ева, — куда только смотрят женщины? Какой шанс упускают! Ну, пора идти. Вы, надеюсь, с нами? — Это был даже не вопрос, но утверждение.

— С вами, — сказал Милов, прикинув еще, что до Центра добраться куда быстрее можно будет по шоссе, доехав на автобусе до перекрестка. — Во всяком случае, часть пути проделаем вместе, а уж там — помашу вам рукой на прощание.

— Значит, бросите нас на произвол судьбы, — сказала Ева.

Вместо ответа Милов протянул оба захваченных в пещере пистолета:

— Возьмите на всякий случай...

— Нет-нет, от этого избавьте, — сказал Граве и спрятал руки за спину. — У меня нет разрешения полиции на ношение оружия, и я не вправе...

— Давайте, Дан, — кивнула Ева.

— Справитесь?

— Ну, я современная женщина. Не беспокойтесь. Вряд ли он понадобится, я беру его как сувенир — на память...

— Гм, — сказал Милов несколько смущенно и засунул второй пистолет в карман. — А я-то надеялся избавиться от лишнего груза. Господин Граве, вы можете получить его, как только попросите.

— Нет-нет. Очень вам благодарен, но... Обождите, господин Милф, нам же не в ту сторону! Мост — там!

— Знаю. Но вы уверены, что на мосту — чисто?

— А вам нужно, чтобы было подметено? — не утерпела Ева.

Милов усмехнулся:

— Простите, это жаргон... Понимаете ли, у меня есть сильное подозрение, что там не безопасно. Когда стреляют и преследуют людей, это не кончается так быстро и безболезненно, поверьте, охота на людей — старый, но вечно увлекательный спорт. Поэтому я предлагаю идти вброд.

— Что, снова стриптиз? — недовольно спросила Ева.

— Могу помочь раздеться, — усмехнулся Милов.

Он и сам не понимал, почему вдруг брякнул такое — нелепое и пошлое. «Стыдно», — подумал он с осуждением.

— Я иногда принимаю такую помощь, ответила Ева вызывающе, — но не от первого встречного. Только тогда попрошу мужчин отвернуться: уже не так темно.

Это говорилось уже на ходу: они все прибавляли и прибавляли шагу.

Трое шли, наискось приближаясь к воде, и Милов, как и в пещере, шагал впереди — умеренно, словно был гидом и не раз водил экскурсии по этим местам. Граве этого даже не заметил; торопливо переступая короткими ногами, он был душой уже весь в городе, у себя дома, рядом с Лили. Ева оказалась наблюдательнее — и потому, что была женщиной, и еще, наверное, ничья судьба не волновала ее настолько, чтобы совершенно отвлечь от реальности. Увязая каблучками в песке, она нагнала Милова и пошла рядом.

— Вы говорили, что впервые здесь, Дан?

— Так оно и есть. Что вас смущает?

— Слишком уж уверенно вы идете.

— Я опытный путешественник, и заблаговременно изучаю местность по картам.

— И на них обозначен каждый брод?

Он усмехнулся.

— Вот именно: каждый брод.

— Дан, вы...

— Что, Ева?

— Нет, ничего.

Милов замедлил шаг.

— Что такое? — Она невольно перешла на шепот. Он ответил так же:

— Кусты на берегу. Стойте тут, а я проверю.

— Но ведь все спокойно...

— Дай-то Бог, — сказал он. Шагнул — и растворился в темно-серой мгле. Еве сразу стало зябко. Река плескалась совсем рядом, и в стороне, выше по течению, на поверхности воды играли блики: строенный из дерева поселок вдалеке горел так сильно, что отблески пламени достигали даже реки. Граве стоял у Евы за спиной, громко сопя.

— Нет, нет, — вдруг сказал он в полный голос. — Все чушь. Нелепость. Земледельцы сошли с ума, но это еще не значит...

Она, не поворачиваясь, нашарила его руку, стиснула до боли.

— Граве, смотрите... Видите?

— А что я должен увидеть, доктор?

— Да не вверх глядите, а на воду!

Что-то плыло по течению — темное, удлиненное, слишком маленькое, чтобы оказаться лодкой.

— Да, вижу. Какая-то колода, я думаю.

— Граве, я боюсь...

То плыл труп. Река несла его неторопливо, словно в торжественной похоронной процессии.

— По-моему, это все-таки бревно, — неуверенно сказал Граве. — Конечно, оно имеет некоторое сходство...

Милов возник неслышно, как и ушел.

— Идемте, — сказал он. — Тут спокойно.

— Дан, я не полезу в эту воду... в ней плавают мертвецы. Ужасно!.. Что это значит?

— Что убивают людей.

— Но почему, зачем?

— Боюсь, что мы это узнаем. Мужайтесь, Ева, другого пути нет. — Он остановился у самого уреза воды, прислушался. — Тут.

— Ладно, — со вздохом проговорила Ева. — Только на этот раз я пойду последней: уж очень густой загар ложится на голое тело от ваших взглядов.

— Я надеюсь, вы не подозреваете меня... — негодующе начал Граве.

— Да нет, конечно, — сказала Ева, — просто я в настроении шутить. Ну, идемте, не то я совсем замерзну, простуда и так уже мне обеспечена.

— Боюсь, что вызвать врача будет трудненько, — сказал Милов, ступив в воду и ногой пробуя дно. — Теперь никакой самодеятельности, ни шагу в сторону — огонь будет открыт без предупреждения. Не бойтесь: я тоже шучу...

Они медленно двинулись, слышался только легкий плеск, и лишь однажды Ева издала сдавленное «Ох!» — оступилась, видно, однако справилась и шла вместе со всеми, не отставая.

— Вы осторожно, — тихо сказал Милов, — тут дно паршивое.

— Это я уже поняла, — так же приглушенно отозвалась женщина.

Вода, которую они расталкивали сначала бедрами, потом грудью, казалось, стала еще жирнее, неприятнее на ощупь, чем была, в ней попадалось больше всякого плавучего мусора, потом проплыли еще два трупа. Один — ближе к левому берегу, к которому они направлялись, и тень почти совсем скрыла его от падавших на воду отблесков

пожара; из-за них вода местами, казалось, сама то и дело вспыхивала холодным радужным пламенем. Другой труп проскользнул почти рядом; он плыл лицом вверх, но черты лица было не разглядеть, еще слишком темно было, и Милов лишь понадеялся, что это не тот был, чей снимок он видел и запомнил, кого нужно было встретить в Центре не далее как утром, которое все приближалось. На мгновение Милов поднял глаза к небу; оно понемногу затягивалось дымкой, слишком много всего в поселке уже сгорело и продолжало гореть, но дым, к счастью, проносило левее. И он не мешал дышать.

Милов ногой нащупывал место для каждого нового шага, середину они уже миновали — и вдруг с левого берега неожиданно и сокрушительно хлестким потоком голубого света ударил прожектор, уперся в правый, теперь уже дальний берег, подполз к воде, осторожно опустился на нее и начал высвечивать, но не равномерным сканированием, а рывками, зигзагами — видимо, управляли им люди неопытные. После едва ощутимой заминки Милов прошипел: «Нырять!» — настолько повелительно, что у спутников его не мелькнуло и мысли о неподчинении. Головы скрылись под маслянистой поверхностью, но луч прошел мимо, хотя и под водой свет был так силен, что ощущался даже кожей. Ева, начав уже задыхаться, первой высунула голову, волосы ее повисли, словно водоросли, с них стекала вода, едва слышно журча. «Прощай, красота,» — пробормотала она с печальной насмешкой. «Быстро к берегу!» — скомандовал Милов. Они зашагали, расталкивая воду теперь уже коленями, не стесняясь более шума: тут и сама река не молчала в неровностях берега. «Глаза щиплет», — пожаловалась Ева. «Надо было зажмуриться плотнее, тут вам не Майами Бич, — сердито выговорил ей Милов. — Ну-ка, давайте сюда».

Они были уже на берегу, на песке, и Милов, повернувшись, подступил вплотную к женщине — она отчаянно терла глаза пальцами, но легче не становилось, — с силой отнял ее руки, взял голову Евы в ладони. «Да не жмурьтесь сейчас! — тихо прикрикнул он, — раньше надо было, там, в воде!» Они стояли сейчас почти вплотную, голые, соприкасаясь грудью, но как бы вовсе не понимали или не ощущали этого. Ева машинально положила руку на его плечо,

он и не почувствовал вроде бы, приблизил свое лицо к ее, пегому от растекшегося грима. Граве возмущенно отвернулся и поспешил отойти подальше: происходившее выходило далеко за всякие мыслимые пределы не то что приличий, а... а... ну, одним словом. Милов стал языком вылизывать ее глаза, поминутно сплевывая. Она стояла покорно, и еще секунду оставалась так, когда он уже отошел, и только после этого вдруг едва не захлебнулась дыханием, словно придя в себя. Граве в отдалении успел уже обтереться травой и теперь поспешно одевался, бормоча: «Господа, я сильно опасаюсь, что мы опоздаем...» Луч прожектора широко промахнул поверху, но теперь они его не боялись: они были внизу, под обрывом, а прожектор — высоко на берегу.

— Как фильм о войне, — сказала Ева, одеваясь. — А я думала, что такое никогда не повторится...

— Нет, — сказал Милов задумчиво, — на войну не похоже, но и на полный мир тоже. Трудно сказать, что происходит, но думаю, что мы не зря пренебрегли мостом.

— Я сейчас мечтаю о примитивной вещи, — сказал Граве. Он приблизился к ним медленно, как бы опасаясь какой-то новой нескромности, что было бы, по его затаенному мнению, совершенно не удивительным: русский, американка — чего еще можно от них ожидать?.. — Да, о крайне примитивной: добраться до дому, поцеловать жену, лечь в постель, а утром, проснувшись, узнать, что все это наваждение кончилось — и забыть раз и навсегда!

— А если я не хочу забыть? — подняла голову Ева. — Дан!

— К вашим услугам, красавица!

Красавицей ее сейчас — в космах, которые она кое-как пыталась расчесать, в потеках косметики, уже различимых в занимавшемся рассвете, — никак не назвать было, но Милов знал, что на такое обращение женщины не обижаются ни при каких обстоятельствах. А кроме того, если забыть о пятнах и мокрых, жирных, спутанных волосах, была она и на самом деле очень привлекательна, а может, и больше того.

— Мне было хорошо, Дан, когда мы так стояли, — проговорила она без тени смущения.

— Спасибо, — серьезно сказал он. — И мне.

— Хочу, чтобы это повторилось.

— Обещаю, — так же серьезно ответил Милов.

— Господа, — просительно сказал Граве, — сделайте одолжение... Нет, я совершенно не собираюсь вмешиваться в ваши дела, но мы, намуры, относимся ко всем аспектам морали чрезвычайно серьезно... Мы — спокойный, уравновешенный народ, мы любим тишину и порядок во всем...

— Это заметно, — сказал Милов.

— Господин Милф, отдельные эпизоды, разумеется, не исключены, да, преступники есть и у нас, хотя это, как правило, фромы. И тем не менее я взываю к вашей порядочности...

— Извините, Граве, — сказала Ева. — Я не хотела вас шокировать, просто... Одним словом, идемте. Мне тоже не терпится принять ванну. Где ваш автобус?

— Придется идти вдоль реки, у самой воды, а уже близ моста поднимемся наверх, там как раз находится остановка. Можно подняться и здесь, но, несмотря на тишину, я теперь опасаюсь...

И в самом деле было тихо, и луч прожектора погас.

— Правильно опасаетесь, — сказал Милов. — Ну, теперь ведите вы.

Идти по влажному песку было легко. Все более светлело. Поселок вдалеке, видимо, уже догорел — зарево совсем ослабло, пламя не поднималось столбами, и река казалась теперь черной, как только что заасфальтированная дорога. Ветер иногда налетал слабыми порывами и, отразившись от высоком берега, чуть рябил воду. Почти ничто не нарушало тишины; впрочем, это, может быть, сюда, под обрыв, не доносились звуки: и Центр, и город были там, наверху. После очередного порыва ветерка Милов принюхался:

— Бензин? — предположил он вслух.

— Ну вот, пора подняться, — вместо ответа проговорил Граве. — Тут должна быть тропинка, попробуйте отыскать ее, господин Милф, — я плохо вижу в таком свете.

— Обождите, — Милов медленно прошел вперед. — Кажется, вот она. Да, похоже.

— Дан, — сказала Ева, — а тропинок на вашей карте не было?

— Таких — нет. Я поддержу вас, Ева, тут круто.

— Господа, — сказал Граве, — вы помните, я просил вас не позволять себе ничего нескромного...

— Не уговаривайте, — сказал Милов, — я все равно обязательно позволю. Но не при вас. Ну, полезли.

Они выбрались наверх и остановились. Наверху было чуть светлее.

— Тут осталось два шага, — сказал Граве. — Идемте.

Через минуту-другую они действительно вышли на асфальтированную площадку рядом с дорогой. Автобуса там не оказалось.

— Придется, видимо, немного подождать, — сказал Граве. Он взглянул на часы. — Нет, не разберу... Однако я уверен, что автобус еще не проходил.

— И не пройдет, — ответил Милов невесело. — Глядите.

Если бы они все еще шли низом, то неизбежно наткнулись бы на него. Автобус валялся под откосом берега на боку, передняя часть его уходила в воду.

— Вот откуда бензином пахло, — сказал Милов.

— Что же нам делать? — растерянно проговорил Граве.

— Идти пешком.

— Смотрите, и столбы повалены, — сказала Ева тревожно.

— Похоже, это не только капуста, — проговорил Милов. — Ну, в путь. Жизнь становится чем дальше, тем интереснее.

И они двинулись быстрым шагом.

— Вы не могли бы помедленнее? — попросила Ева. Туфли свои она еще внизу то ли потеряла, то ли бросила, и снова шла теперь босиком; видимо, это было для нее непривычно. — Тут все колется, — объяснила она, — и мне надоело прыгать горной козочкой.

— Ничего удивительного... — проворчал Милов. — Картины одна другой краше.

— Я не узнаю Намурии... — проговорил Граве с искренним трагизмом в голосе.

И в самом деле, то, что они видели сейчас и среди чего находились, не очень походило на то представление о Намурии, которое возникало по рассказам путешественников, туристским проспектам и рекламным плакатам, хотя все

это, в общем, и соответствовало действительности — но только не сегодняшней, сиюминутной. В таких странах, как Намурия — да в любой, не только европейской или североамериканской даже — признаки машинной цивилизации давно уже проникли и в самые глухие уголки, так что лес порой мог удивить ровностью рядов, какими росли многолетние уже, дородные деревья, и в разных направлениях расходились от трансформаторов — в каменных будках или на деревянных и бетонных устоях располагались они — провода, толстые, силовые, а на столбах пониже держались телефонные и телеграфные, а если мачт с проводами не было, то в определенном ритме попадались таблички, предупреждающие, что под землей здесь проходит кабель; аккуратные павильончики автобусных остановок виднелись у дорог; и где-то в пределах видимости оказывался фермер на своем тракторе, оснащенном по сезону — плугом, сеялкой, косилкой, граблями; и уж, разумеется, не умолкало на дорогах, только среди ночи ослабевая, шуршание шин по асфальту, гудрону, бетону, легкое жужжание легковых и сердитое гудение грузовых моторов — немецких, французских, итальянских, американских, японских, реже — российских, чешских, румынских, к темноте сползавшихся к кемпингам и мотелям, а со светом вновь разлетавшихся во всех направлениях ради дела или прихоти.

Да, еще вчера так было. И, похоже, кончилось как-то сразу и по причинам, которые пока еще не понять было. Сейчас на дороге, по которой шли трое, ни машин не попадалось, не рокотали тракторы на аккуратных полях, попрежнему занимавших все пространство, свободное от лесов и дорог; столбы с проводами были где повалены, где сильно наклонены; повалены были дорожные указатели и щиты с описанием предстоящих дорожных развязок; зато вдруг масса всякого мусора взялась откуда-то — мусора, в котором можно было угадать обломки и останки того, что вчера еще было нужными, полезными и желанными в жизни вещами: главным образом, электрическими и электронными приборами — от утюга до стереофонического двухкассетника или какой-то из приставок к персональному компьютеру, без какого не обходился уже давно ни один фермер. Словно бы кто-то сначала собрал и изуродовал как только сумел, а потом погрузил на многотонные трейлеры и, мед-

ленно двигаясь по дороге, неустанно расшвыривал по сторонам — и на дорогу, и в кюветы, по которым сейчас медленно текла вода, неизвестно откуда взявшаяся, потому что дождей давно уже не было. Кирпичная будка с черепом и костями в десятке метров от дороги стояла с распахнутой железной дверцей, и внутри ее, как все легче становилось различить, желто отсвечивали пряди медных проводов. Местами ровное темно-серое покрытие дороги было усеяно мелкими крошками разбитых автомобильных стекол; какие-то тряпки валялись, остатки одежды, клочья газет, яркие журнальные обложки. Вот на какую дорогу вышли и двинулись по ней Ева с двумя спутниками: что же удивительного в том, что нелегко было ей ступать босиком.

— Господи, Ева! — воскликнул Милов, прямо-таки ужаснувшись. — Нельзя же так! Где ваши туфли?

— Где прошлогодний снег, — она старалась еще шутить.

Милов снял свои туфли, носки.

— Немедленно обуйтесь. Не смущайтесь — носки я меняю дважды в день, старый предрассудок.

— Вот еще! — сказала она. — У меня двадцать три с половиной, а у вас...

— Двадцать пять, — сказал Милов, — и набейте в носы травы или вот вам тряпка...

— Я, к сожалению, не могу помочь, — сказал Граве, — у меня двадцать девятый номер. А как же вы теперь, господин Милф?

— Обойдусь. Да и, наверное, на этой дороге можно найти все, что угодно — и пару обуви в том числе. За меня не волнуйтесь, я считаю, что легко отделался: иначе мне пришлось бы нести Еву на руках — это было бы, конечно, приятней, но тогда я лишился бы маневренности.

— И почему я не отказалась наотрез? — усмехнулась Ева, но во взгляде, который она подняла на Милова, было странное какое-то выражение — словно она впервые его увидела; да так оно и было по сути дела: при свете — впервые. И тут она неудержимо звонко расхохоталась:

— О Дан, что это такое? Нет, я не могу, не выдержу! Прелестно, неподражаемо прелестно...

Она заливалась, будто не было страхов, пещер, грязной

реки, заваленной дороги, стертых ног. Может быть, и было в ее смехе что-то от истерики, но все же главным оставалось веселье.

— Да в чем дело? — Милов уже готов был обидеться.

— Галстук, Дан, ваш галстук! Где вы ухитрились откопать такой шедевр?

Галстук у Милова, теперь уже хорошо видный в глубоком вырезе свитера, был и на самом деле выдающимся: шириной в лопату — таких давно уже никто не носил, — он бросался в глаза еще и редкой до безвкусия расцветкой громадными красными розами, зелеными листьями, а над ними — райской птицей всех цветов радуги...

— Это у вас там делают такие? Снимите, Дан, ради Бога, иначе я просто не выживу — смех убьет меня!

— Ни за что! — сказал Милов торжественно. У него и в самом деле были причины не снимать эту часть экипировки — до поры, до времени во всяком случае. — И не просите: я дал обет носить его, и не могу от этого отказаться. Проиграл пари, понимаете?

Пари — дело святое, это Ева знала. И, отсмеявшись, уступила. Встала, прошла два шага, вернулась.

— Что же, вполне приемлемо. Спасибо, Дан. Хотя если вы ждете, что теперь я понесу вас на руках, то не надейтесь напрасно: и не подумаю.

— Если вы готовы, доктор, то идемте, — поторопил Граве. — Мне кажется, мы теряем очень много времени.

— А вот мне кажется, нужно еще помедлить, — неожиданно возразил Милов. — Там, впереди, по-моему, автобусный павильончик еще не разгромили: вот давайте посидим там и немного подумаем.

— О чем думать? — не понял Граве. — Пора домой!

— Да вот хотя бы об этом, — Милов повел рукой округ. — О том, что все это должно означать. Или вы по-прежнему думаете, что это не более чем капустный бунт?

— Что бы это ни было — надо спешить.

— А я вот так не думаю. Знаете, господин Граве, мне не раз случалось прыгать в холодную воду, но я предпочитал не делать этого с завязанными глазами.

— Но ведь гораздо проще узнать обо всем в городе, вам не кажется?

— Прежде еще нужно туда попасть. И я не уверен, что

это будет просто. Уже не говорю о том, что мне-то в город не нужно, наоборот, мой путь — в Центр. Но вот понять происходящее нужно в любом случае. Сюрпризы хороши в день рождения, но не сейчас. И если мы не постараемся понять, с чем можем столкнуться, нам может прийтись солоно.

— Дан прав, — сказала Ева. — Соглашайтесь, Граве.

Граве еще поколебался — видимо, всякая задержка сейчас вызывала у нем даже не досаду, а просто злость. Но шагать дальше одному, надо думать, улыбалось ему еще меньше.

— Хорошо, — буркнул он наконец. — Но сделайте одолжение, думайте быстрее. Только почему для этого надо забираться в будку?

— Дорога, может быть, просматривается, — сказал Милов, — и движущийся предмет легче заметить. Если же мы сосредоточимся только на наблюдении...

— Ну, хорошо, хорошо. Идемте.

До павильончика дошли без приключений. Скамья в нем сохранилась — была она каменной; только урна для мусора оказалась перевернутой и откатилась в сторону. Они сели.

— Очень уютно, — сказала Ева. — Ну, Дан, начинайте. И постарайтесь успокоить нас, потому что от вида этой дороги мне хочется плакать.

— Согласен, — сказал Милов. — Поделюсь своими мыслями. Нет, тут не вспышка фермерского гнева. Тут что-то куда более серьезное. Господин Граве, вы — местный житель, вы лучше знаете свою страну, чем, вероятно, Ева, и во всяком случае, чем я. Что, по-вашему, могло произойти? Внешне это напоминает некий эмоциональный взрыв, причем тут действовали не одиночки, но масса: даже банде хулиганов сотворить такое не под силу, по-моему, за всем этим чувствуется какая-то организация. Тут творилось не просто бесчинство. Вы обратили внимание? Ни одно деревце не сломано, не ободрано, ни один куст не помят, хотя вдоль дороги их вон сколько; только изделия рук человеческих, и тоже не всякие, но, как мне кажется, в основном плоды современного развитого производства. Я насчитал восемь электрических утюгов — и ни одного простого, полдюжины разбитых стиральных автоматов — и ни одного корыта...

— Да их наверняка давно уже не осталось! — сказала Ева.

— Может быть. Но вот журналы на дороге нам попадались только связанные с техникой, а не, скажем, с порнографией...

— У нас нет таких, — хмуро сказал Граве.

— Я чувствую, это звучит неубедительно — но дело в том, что я стараюсь перевести на язык доказательств то, что ощущаю интуитивно... Хорошо, не стану доказывать, скажу только о моих выводах. Я не очень хорошо разбираюсь в намурском и совсем не знаю фромского; однако, мне кажется, и журналы, и газеты — обрывки их — попадались тут на обоих языках. Если бы не это, я предположил бы, что речь идет о национальном конфликте: по слухам, между намурами и фромами вовсе не всегда царят мир и согласие...

— Это и неудивительно, — сказал Граве. — Мы, намуры — народ работящий, тихий, законопослушный; кроме того, мы живем на этой земле столько, сколько себя помним. Фромы же появились тут каких-нибудь четыреста лет назад; это пришлый народ, работают спустя рукава, зато любят повеселиться, да... Не возьмусь утверждать, что мы с ними всегда ладим. Но чтобы дело дошло до такого... — Он пожал плечами. — Нет, все было тихо, мирно... Так что если вы подозреваете, что у нас возникли какие-то столкновения на этой почве, то наверняка ошибаетесь...

— Намуры и нас, иностранцев, не очень любят, — сказала Ева. — Но в действиях это, насколько могу судить, никогда не проявлялось. Я всегда чувствовала себя тут спокойно, как и во всякой цивилизованной стране. Теряюсь в догадках...

— Вот вы оба, — сказал Милов, — были свидетелями, даже участниками этого... назовем его инцидентом — в поселке. Наверное, ведь люди, ворвавшиеся к вам, не были предельно молчаливыми; что-то же они говорили, даже кричали, может быть. А вот что?

— Нет, конечно, они вовсе не молчали, — подтвердила Ева. — Один из тех, что вторглись в дом моего приятеля, сказал мне очень даже выразительно: «А ты, цыпка, сейчас сделаешь ножки циркулем». А другой добавил: «Получишь массу удовольствия, ручаюсь».

— Гм, — неопределенно сказал Милов. — Ясно, однако, не совсем на тему. А что слышали вы, господин Граве?

— Ну, я не возьмусь передать дословно, я, признаться, был достаточно взволнован, чтобы... Но смысл был примерно таков: всмятку все умные головы, погодите, мы вам еще не такое покажем, убийцы очкастые... Да, нечто подобное. Были и другие выражения, но они — не для женского слуха.

— А вот это уже ближе к сути дела, — сказал Милов. — Ведь Намурия, господин Граве, страна промышленная, не так ли?

— О, да! — ответил Граве, и в голосе его прозвучала гордость. — Наши изделия известны во всем мире. Наша электроника, наша химия — мы успешно конкурируем с Америкой, Японией, Германией...

— И природа при этом гибнет, — закончил за него Милов.

— Что верно, то верно, — сказала Ева. — Найти зеленое местечко стало почти невозможно. А даже я еще помню...

— Вам легко говорить это, доктор, — Граве, казалось, несколько обиделся. — А что творится у вас дома?

— Бордель, — сказала Ева. — Но мы спохватились раньше вашего. Уже почти во всех штатах приняты законы... Как и у вас, Дан, по-моему...

— Ну, у нас принятие законов — фактор скорее тревожный, — усмехнулся Милов. — Мы ничего не умеем так хорошо, как обходить законы, и если до их принятия нарушаем правила кое-как, то после — начинаем делать это уже профессионально. Правда, я уже некоторое время не бывал дома, и что там сегодня — могу только представлять...

— Все путешествуете, — сказал Граве.

— Все путешествую, — подтвердил Милов. — У вас же, Ева, насколько я понимаю, просто сильно возросли цены на убийство природы — как охота на львов стала обходиться дороже, когда их осталось мало. Цены возросли, но охота не прекратилась. Ну, а тут, в вашей стране, господин Граве...

— У нас, — сухо проговорил Граве, — происходит то же, что и везде. Мы вовсе не желали и не желаем отставать от уровня цивилизации. Да, конечно, издержки, но наше

демократическое общество успешно протестует. Партия Зеленых — вам о ней, разумеется, известно, — уже прочно утвердилась в парламенте и активно действует. Наши молодые защитники природы предприняли у берегов Новой Зеландии...

— А, ну, это, конечно, колоссально, — согласился Милов. — Судьба Новой Зеландии, безусловно, должна волновать вас безмерно. Ну, а на берегах вот этой реки — Дины, кажется, я верно назвал, — что они сделали?

— Я полагаю, немало, — сказал Граве. — В частности, даже Научный центр вынужден платить немалые штрафы...

— Все верно, — согласился Милов. — Зелень исчезает в природе, но вместо зеленых листьев возникают зеленые бумажки на банковских счетах. Вы никогда не пробовали приготовить салат из двадцатидолларовых бумажек? Свою валюту я не предлагаю, у нас зеленые только трешки, их нужно очень много, чтобы насытиться. Хотя из пятидесятирублевых, пожалуй, можно варить неплохие щи.

— О, щи! — сказала Ева. — Экзотика!

— Бросьте, Ева, — сказал Милов. — Экзотика — это когда в магазинах полно всего, а когда жрать нечего — это как раз неэкзотично. Да не об этом речь. Скажите: вот то, что происходило и в поселке, и, видимо, тут, на дороге, и может быть, сейчас творится еще где-нибудь — не могло ли все это произойти как реакция на уничтожение природы — не скажу — безнаказанное, нет, но пока что неостановимое? Понимаете ли, если убийца близкого вам человека осужден на пожизненное заключение или даже приговорен к смерти — разве убитый воскресает? Разве возмещается ваша потеря? Почему в вашей стране, Ева, в свое время существовал суд Линча, а у нас — так называемый самосуд? Потому что или не было судебной власти, или на нее не надеялись. Так сказать, прямое волеизъявление жителей. И для того, чтобы оно возникло, порой достаточно бывает одного единственного события, даже не самого важного...

— Такое событие было, — сказала Ева хмуро. — Еще один случай ОДА. Как раз вчера. И нужно же было, чтобы ребенок оказался дочерью Растабелла...

— Я слышал эту фамилию, — сказал Милов. — Но это не здешний министр-президент. Кто он?

— Общественный деятель, — сказала Ева.

— Сказать так — ничего не сказать, — обиделся Граве. — Растабелл — это наш голос, звучный и неподкупный. Он всегда творит о том, что больнее всем сейчас. А ныне — вы правы, Милф, — природа болит у нас больше всего. За Растабеллом идет народ и пойдет дальше, куда бы он ни повел. То, что случилось — для него, разумеется, трагедия. И, если подумать, то вполне возможно предположить, что народ, узнав о несчастье, постигшем его любимца, и, справедливо полагая, что корень зла — в засилье современной технологии... м-м... несколько нарушил общепринятые нормы поведения...

— Ну, что же, — сказал Милов задумчиво. — Тогда, пожалуй, можно уже понять, что происходит — пусть это и кажется невероятным: научно-техническая контрреволюция, если хотите. По-моему, точнее не определить.

— Ну, господин Милф, — сказал Граве, — вы видите вещи в слишком мрачном свете. Что это у вас — в национальном характере?

— Да нет, напротив, — сказал Милов, хотя можно было и не отвечать — просто пожать плечами. — Мы ужасные оптимисты, иначе давно наложили бы на себя руки.

— Странный оптимизм, — недоверчиво покачал головой Граве. — Допустим, я принял ваше предположение и поверил, что жители целой округи набросились на жителей поселка — в основном ученых — чтобы таким способом выразить свое отношение к... к тому вреду, который цивилизация вынужденно наносит природе. Набросились — вместо того, чтобы проявить разумное терпение и дожидаться решения проблемы в рамках закона... Нет-нет, позвольте мне закончить: я согласен, что наше правительство в отношении экологических проблем вело себя не лучшим образом, что, безусловно, отразится на ближайших же выборах. Но ведь это не только у нас, мистер Милф, это происходит действительно во всем мире — и нигде люди не свирепеют, не накидываются на других, не валят столбы, не сбрасывают в реку автобусы...

— Еще немного, Граве, — сказала Ева, — и вы убедите меня в том, что автобус сбросили мы с вами.

— Простите, доктор, не могу принять вашей шутки: для меня все выглядит достаточно серьезно, чтобы не сказать более... Я лучше знаю нас с нашим национальным харак-

тером, чем вы, — о господине Милфе я уже не говорю. И вот что я утверждаю: произошел инцидент, да; но не надо сразу же давать ему громкие названия, эпизод есть эпизод, и если даже пошел дождь, даже сильный, не надо спешить с заключением о начале потопа!

— Кстати, — сказала Ева. — Дождя как раз нет. И не было.

— А при чем тут...

— Откуда же вода в канавах? Всегда они были сухими...

— Ах, какая разница, откуда? Господин Милф, надеюсь, я вас убедил?

— Не в том, в чем вам хотелось бы. Понимаете ли, то, что ситуация во всем мире примерно одинакова, может означать и совсем иное: что нечто подобное может происходить не только у вас. Чуть раньше, чуть позже...

— Неправдоподобно. Чтобы люди всего мира...

— Лавина может начаться с одного камушка, разве не так? И почему бы этому событию не оказаться таким вот камушком? А лавина — это и есть та самая НТ-контрреволюция. Кстати, вы не замечали, что у революций проявляется тенденция — завершаться собственной противоположностью?

— Не изучал революций, — буркнул Граве.

— Точно так же жизнь кончается смертью, — неожиданно серьезно молвила Ева. — Что удивительного? Все в мире приходит к своей противоположности.

— Революция! — проговорил Граве сердито. — Я этого слова никогда не любил, потому что оно означает нарушение порядка, то есть мешает жить и заниматься делом. Но почему? Неужели нельзя обойтись без этого?

— В общем, потому, — ответил ему Милов, — что революция чаще всего не знает своей цели, хотя и провозглашает ее; вернее, она не знает, достижима ли цель принципиально, реальна ли она. Следовательно, и пути к цели она знать не может и лишь совершает простейшие и не всегда логичные действия, уповая на то, что нечто получится. Но чаще всего выходит совершенно не то, что хотелось и думалось. Потому что к людскому обществу чаще всего относятся так же, как к природе: оно неисчерпаемо, все стерпит и потому — вперед, без оглядки! А общество, как и природа, несет потери и что-то теряет безвозвратно.

— Это ваше общество, — сказал Граве с раздражением, — хваталось за оружие, когда его морили голодом, лишали свобод — хотя даже и при таких условиях далеко не всегда... Но наше общество! Сегодня! Нет, это лежит за пределами здравого смысла. Общество, с его компьютерами, автомобилями, видеосистемами, кухонными автоматами, рефрижераторами, стиральными машинами, изобилием всего... Извините, Милф, я понимаю, что в вашей стране, может быть, и не все обстоит так, как я сказал, и если бы нечто такое произошло у вас или, допустим, в Польше... Но ведь мы живем в прекрасной, мирной и благоденствующей стране, где нет ни одной хижины, куда не была бы подведена горячая вода!

— Вот в ней-то могут утопить каждого, кого сочтут виновным. Вы не хотите понять, Граве. Люди прежде всего нуждаются не в горячей воде. И не в автомобилях, тряпках или космических кораблях. Им куда нужнее другое — жизнь. Когда люди начинают понимать, что все блага жизни они получают за счет этой же самой жизни, что жизнь, которую нужно отстаивать, — это не только они сами, но и все живое, что только есть в мире, и сами люди живы лишь до тех пор и потому, что живым остается это живое — вот тогда революция — я имею в виду нашу с вами научно-техническую, великую протезную революцию, — вот тогда она и обращается в свою противоположность, а мы с вами встречаемся в пещере и стараемся унести ноги подобру-поздорову, и плюхаемся в отравленную воду, вступив перед тем в огневой контакт...

— Что-что? — спросил Граве.

— М-м... Я имел в виду перестрелку. Ну, что же — видимо, мы хотя бы приблизительно разобрались в обстановке. Пошли?

Граве взглянул на часы.

— Я полагаю, что сейчас уже нет смысла. Через четверть часа должен быть следующий автобус, и с ним, я надеюсь, ничего подобного не случится. За это время до следующей остановки нам не дойти.

— А вы уверены, что следующий будет? — недоверчиво спросила Ева.

— Простите, доктор, но я надеюсь, вы не станете поддерживать предположения нашего спутника? Вам, жителю

цивилизованной страны, было бы непростительно делать столь экстремальные предположения: будто у нас может произойти нечто... подобное.

— Ну, если говорить серьезно, — не сразу ответила Ева, — мне, откровенно говоря, страшно не хочется говорить серьезно, мне спать хочется... Но раз уж вы затеяли серьезную беседу... Мы, медики, кое-что начали понимать всерьез и раньше. А биологи — еще раньше нас. Начали... Но понимание, мне кажется, — это не миг, не прозрение, это влюбиться можно мгновенно... а понимание — процесс длительный. Хотя для начала нужен какой-то толчок... вроде нашей ОДЫ. Нет, мы понимали, что цивилизация приносит и немалый вред — но прикрывались успехами медицины, увеличением продолжительности жизни, и нам казалось, что проигранное в одном месте мы возмещаем в другом, и равновесие в общем сохраняется. Но вот все начинает становиться на места, и делается как-то неуютно... — она поежилась.

— Это нервы, только нервы, — сказал Граве. — Конечно, вы имеете дело с больными, а вот я с вами не могу согласиться. За последние десятилетия человечество выиграло великую битву — против ракет и ядерных головок. Мы победили без крови. И это настолько грандиозно, что на то, что вас беспокоит, я смотрю как на относительно мелкие неприятности.

— То была первая холодная война, — сказал Милов. — А сейчас мы вступили во вторую, и она будет посложнее. Потому что тогда воевать приходилось в основном с предрассудками, амбициями политиков и военных, ложными понятиями престижа, просто упрямством, порой — тупоумием, интересами военной промышленности; но тут можно было победить, потому что в глубине души все были согласны с самого начала: уж очень конкретной выглядела смерть. Как в авиакатастрофе: если вы падаете с неба — надежды не остается. Вот мы и выиграли. А сейчас идет та же самая битва за выживание. Но только если там враг был конкретен, я говорю не о пресловутом «образе врага», а о враге всеобщем: оружии, которое можно было при случае увидеть и потрогать, и если тот враг был не в нашей повседневной жизни, а вне ее — мы не катались на ракетах и не ели ядерные заряды, — то сейчас все неопределенно,

опасность не концентрируется на десятке или сотне военных баз, она в нашем гараже, холодильнике, тарелке, стакане — она везде. И поняв это, человек хочет возвращения к первозданной чистоте воздуха, воды, пищи — но еще не согласен жертвовать ради этого всем комфортом, и пока он торгуется со смертью — процесс идет...

— Не согласен, — решительно объявил Граве. — Не могу признать, что мы ничего не сделали для устранения опасности. Да вот хотя бы: супруг доктора, господин Рикс, человек у нас весьма уважаемый и не раз оказывавший стране услуги, не получил разрешения правительства на создание тут, у нас, какого-то своего предприятия — оно оказалось неэкологичным, и парламент... Впрочем, доктор наверняка знает все это значительно лучше меня.

— Ничего я не знаю, — сказала Ева, нахмурившись, — и не желаю знать, мы занимаемся каждый своими делами... Видите, мы снова пришли к разговору о смерти; однако это будет уже не падение с высоты, это будет рак, и та его форма, которую излечивает только нож. Рак — это не только Лестер, это и мы с вами, Граве, и еще миллионы умных, образованных, деятельных людей. Мы упустили миг, когда цивилизация из доброкачественной начала перерождаться в раковую.

— Вот именно, — подхватил Милов. — А ведь если больной понял, что у него — скверная опухоль, и хирурга нет — он согласится, чтобы ее хоть топором удалили, и пусть это сделает хоть дровосек — иначе смерть... И вот процесс понимания этот шел достаточно давно, и ему помогали — журналисты, парламентарии, гуманисты, проповедники...

— Уж лучше бы они молчали, — вздохнул Граве. — Конечно, свобода печати — великая вещь, однако порой...

— Наоборот: надо было договаривать до конца. Кричать: рак не проходит от аспирина! Мы туманно предупреждаем каждого курильщика: гляди, парень, наживешь себе рак легких! Но курить не запрещаем: насилие над личностью, да и все же доходная статья... Точно так же пытались предупредить человечество — но никто не попытался что-то сделать всерьез. Очищение? Но сигарета с фильтром не становится безвредной, верно? Курильщик скажет вам: бросить трудно, привычка, потребность... Так

же и человечество: оно привыкло, у него есть потребность во всем, что дает современная цивилизация. Но ведь и наркотик становится потребностью! Так что если в результате начинаются серьезные осложнения или, как теперь любят говорить, непредсказуемые события — хотя на самом деле они легко предсказуемы, — то единственное, что можно сделать, это выбрать: на чьей ты стороне.

— Как легко рассуждать, господин Милф, — сказал Граве холодно, — когда горит дом соседа... Интересно, а что бы вы сделали, происходи это у вас дома?

— Я был бы с теми, кто за жизнь, — сказал Милов, — жизнь ценой комфорта, а не наоборот. Я не из самоубийц. И думаю — вы, господин Граве, тоже. Хотя — вы ведь не верите, что здесь, у вас, может происходить что-то серьезное...

Граве помолчал.

— Видимо, автобуса не будет, — сухо произнес он затем. — Что же, идемте. К сожалению, мы потеряли немало времени.

— Пешком в город? — воскликнула Ева. — Даже если мы и дойдем, то в лучшем случае к вечеру...

— Важно дойти до перекрестка, — сказал Граве. — Тут мы в стороне, но между Центром и городом какое-то движение наверняка существует: остановим первую же машину...

— Дан, придумайте что-нибудь, — сказала Ева. — Понимаете, я все-таки ухитрилась стереть ноги на этой дороге и не знаю теперь...

— Все очень просто, — сказал Милов. — Вы вдвоем оставайтесь здесь пока. Я доберусь до перекрестка и первую же попавшуюся машину пригоню сюда.

— Вы полагаете, водитель согласится? — на всякий случай спросил Граве.

— Я его очень попрошу, — сказал Милов. — Так, чтобы он не смог мне отказывать.

— Да нет, — подумал Милов. — Я здесь человек посторонний, я не нахожусь в состоянии войны с этой страной, что бы тут ни происходило. Значит, если он попросит меня подойти — подойду спокойно и вежливо...

Это было, когда он уже приближался к перекрестку и

шел открыто по дороге — не канавой и не придорожным кустарником; шел так, чтобы не вызвать никаких подозрений у возможного наблюдателя: такой наблюдатель мог существовать — давний и многогранный опыт подсказывал это. Вооруженный человек возник внезапно — появился из-за толстого дерева, до которого Милову оставалось еще шагов двадцать; на человеке был солдатский комбинезон, только вместо погонов на плечах были дубовые листья — суконные или пластиковые, отсюда не разглядеть. Придерживая правой рукой висевший на плече и направленный на Милова автомат, человек махнул левой, подзывая:

— Ты! Ну-ка, сюда!

Это было сказано по-намурски; тексты такой сложности Милов понимал без напряжения. И, повернул чуть наискось, пересекая полотно дороги — спокойно и вежливо и даже с доброжелательной улыбкой.

— Стоять!

«Три метра», — привычно определил Милов дистанцию. Остановился, уже не улыбаясь, но взглядом выражая полное спокойствие.

— Руки за голову!

«Пистолет — тот, что в кармане, — он заметит сразу, если только не совершенный младенец. Однако, судя по его повадке — опытный парень. А вот со вторым... ну ладно, посмотрим, что дальше будет... Руки за голову? Да пожалуйста, сколько угодно...»

Милов послушно охватил ладонями затылок.

— Повернись спиной!

— Послушайте, — сказал Милов медленно, стараясь подбирать слова поточнее и ставить их в нужной форме, — я тут случайно, ни в чем не участвую, у меня больная женщина...

— Спиной! — теперь вооруженный крикнул с явной угрозой и шевельнул автоматом.

«Пуля в спину — не очень приятно, — подумал Милов, поворачиваясь, — однако без всякого повода стреляет только маньяк, сумасшедший, а этот вроде не похож... Нет, надо сохранять спокойствие до последнего, я тут лицо незаинтересованное, у меня свои заботы...» — и все же он почувствовал, как пот проступает на спине: не любил Милов таких положений.

— Ты фром? — услышал он сзади; судя по голосу, человек остался на том же месте.

— Я иностранец, — ответил он, чуть повернув голову, чтобы тому было слышнее, но и затем еще, чтобы видеть его уголком глаза. — Турист.

— Еще один, — проговорил вооруженный мрачно. — Чужак. Слишком много чужаков развелось в Намурии, налетело, как на падаль. Но мы еще живы... Что у тебя там в кармане? Может, фотоаппарат?

— Могу показать, — ответил Милов.

— Руки! И не шевелись, если хочешь пожить еще хоть немного!

Вооруженный шагнул вперед, теперь до него осталось около метра. Левая рука его была вытянута, чтобы сразу залезть Милову в оттопыренный карман; подходил он не прямо со спины, а чуть справа. «Опытный, — подумал Милов, — но у меня-то опыта побольше, так что давай лучше поговорим на равных...»

Он крутнулся на левом каблуке, ударил правой ногой — руки снимать было некогда. Как и ожидал Милов, тот запоздал с реакцией на долю секунды — пуля прошла рядом. Когда такой удар наносит нога в тяжелом армейском ботинке, человек больше не поднимается; Милов был босиком, да и не хотел он убивать, старался только, чтобы его самого не убили. Противник лишь согнулся вдвое от боли. Милов сцепил пальцы вместе, рубанул.

«Что же мне с тобой делать? — размышлял он, глядя на скорчившееся у его ног тело. — В канаву? Захлебнешься... Вот оружие придется позаимствовать: наверное, ты тут не последний такой... Значит, иностранцы тут нынче не в чести... — Он нагнулся, ухватил лежавшего под мышки, оттащил к дереву; тот, с закрытыми глазами, судорожно дышал. Милов распустил ему ремень, чтобы легче дышалось, потом взгляд его упал на добротную армейскую обувь. Милов колебался несколько секунд: мародерство ему было противно. — Придется все же считать это трофеем, — схитрил он сам перед собой, — ему теперь спешить некуда, а у меня полно дел... — Он расшнуровал башмаки, надел — были они номера на два больше, однако босиком по стеклу было куда хуже. — Так, — подумал он затем. — Ну, лежи, приходи в себя, да поучись, когда очнешься,

вежливее обращаться с прохожими, тебя не задевающими...»

Он успел сделать шагов десять; инстинкт заставил его резко обернуться. Тот, под деревом, лежал, опираясь на локоть левой руки, правая резко, пружинно распрямилась, свистнул нож. Бросок был хорошим, острие скользнуло по щеке. Милов не успел ни о чем подумать — пальцы сработали сами. Тот, в комбинезоне, дернулся, откинулся на спину. Милов вернулся. На этот раз было все. «Нет, не в свое дело я ввязался, — подумал Милов. — Однако же, он и разобраться не пожелал, я оборонялся... — Теперь можно было оттащить тело в канаву: тому уже все равно было, на ветерке лежать или в воде, он уже не жил. — Вот так, — подумал Милов, — такие вот веселые дела происходят...»

— Ну, где же он там? — пробормотала Ева. — Мог бы и вспомнить о нас.

— Странный человек, вам не кажется, доктор? Некоторые его ухватки заставляют подумать... Впрочем, не знаю.

— С ним что-то случилось, — сказала женщина. — Надо что-то делать. Идти на помощь, может быть.

— Осмелюсь предположить: ничего с ним не случилось. Просто остановил на дороге машину и пустился по своим делам. В конце концов, он не обязан...

— Перестаньте, Граве, — произнесла Ева таким тоном, что у инженера пропала охота продолжать. — Оставайтесь, если вам страшно, а я пойду.

— Лучше уж всем вместе, — услышала она сзади.

— Дан! Откуда вы взялись?

Он подошел совершенно бесшумно — вынырнул из-за автобусной будки и остановился, чуть усмехаясь. Щеку его пересекала свежая царапина, на груди висел автомат.

— Почему так долго? — спросила Ева, и в голосе ее промелькнула капризная нотка. — Мы уже боялись за вас. Особенно Граве.

— Нет, — сказал Граве, — доктор и тут не уступала первенства.

— Стоял на перекрестке, хотел дождаться машины.

— Не дождались, — констатировал Граве.

— Их просто нет. Ни единой.

— Откуда у вас это... оружие? — строго спросила Ева.

— Нашел, — очень серьезно сказал Милов. — Оно там валялось, я и подобрал.

— А оно стало сопротивляться и оцарапало вам лицо?

— В этом роде.

— Постойте. Царапину нужно прижечь. У меня есть...

Она выудила из сумочки флакончик. Попрыскала. Странный, горьковатый аромат расширил Милову ноздри, заставил глубоко вдохнуть воздух.

— Чистой воды «Березка», — определил он.

— Не знаю, что вы имеете в виду, Дан. Это парижские...

— Нет, это у нас такая терминология, Ева... Так вот, дорогие спутники: машина нам пока не светит. Придется все же двигаться самым примитивным способом — пешком.

Ева вздохнула:

— Если вы не побежите слишком быстро, буду вам очень благодарна.

— А знаете, что? Давайте-ка, я понесу вас! Милов вдруг понял, что ему очень хочется взять ее на руки — нет, посадить на плечи и нести.

— Нет, Дан, я привыкла стоять на своих ногах. Как вы думаете, эту воду можно пить? У меня пересохло горло...

Милов отрицательно покачал головой. И не только потому, что в этой же канаве, только там, подальше, лежал труп.

— Ева, вы же врач, сами понимаете, что нет. Эту воду пусть пьют наши враги.

— Где же найти другую?

— В двух шагах от вас, красавица.

На сей раз Милов произнес это слово с легким сердцем: Ева успела смыть грязь с лица, причесаться — волосы не висели более бахромой, — и даже подкраситься немного; потерять туфли — не так страшно, но сумочку со всеми необходимыми принадлежностями она из рук так и не выпустила.

— Где же?

Милов завел руку за спину, а когда вытянул — в ней была плоская фляжка.

— Пейте, отважный доктор.. А вы, господин Граве, наверное, не отказались бы от чего-нибудь покрепче? Вот, держите.

— Как вам удалось раздобыть это, господин Милф?

— Я же творил вам: на этой дороге можно найти все, что угодно.

— Что-то очень крепкое, — Граве вытер губы.

— Из солдатского репертуара. Ну, что же: вперед! На шее паруса сидит уж ветер!..

Теперь можно было идти смелее, но Милов тем не менее внимательно наблюдал, не отвлекаясь на разговоры. Солнце поднималось все выше, изредка налетали порывы ветра, и тогда по дороге навстречу идущим с шуршанием бежали клочья бумаги, сухие листья (теперь деревья начинали терять листву уже в середине лета, и даже сосны не так крепко держали хвою), поднимались облачка пыли; порой ветер приносил отзвуки непонятного гула. Идти приходилось все медленнее — Ева уже явственно прихрамывала, но на новое предложение Милова — взять ее на плечи — лишь отрицательно покачала головой. И Граве заметно нервничал: видимо, непонятное всегда раздражало его, беспокоило, выводило из себя.

«Человек регламента, — подумал о нем Милов, — таким приходится трудно, когда часы начинают показывать день рождения бабушки. Приободрить бы его немного, а то он ведь и женщину до города доставить не сможет...»

— Ничего, господин Граве, — весело молвил он, — не унывайте, ничего плохого ведь, по сути, не происходит. Вспомните: мало ли что бывало в двадцатом веке: войны объявленные, войны необъявленные, войны внутренние... и ничего — живем!

— Может быть, в вашей стране к этому привыкли, — нехотя ответил Граве, — у вас, действительно, чего только не бывало...

— Вот тут вы не совсем правы: на экологической почве у нас как раз до такого не доходило. Пока, во всяком случае.

— Видимо, вы все же бережливее относитесь к природе?

— Я этом не сказал бы, — усмехнулся Милов. — Природу мы душили не меньше вашего, а может быть, и больше. Беда в том, что у нас и так было слишком много запущенных болезней — и наших собственных, и ваших недугов, которые мы усваивали, добиваясь ваших успехов. Так что об этом нашем общем, всепланетном раке — ваше сравнение, Ева, кажется мне очень точным, — мы думали

никак не больше вашего, а действовали, пожалуй, меньше, — хотя поразговаривали, безусловно, вдосталь, что есть, то есть. Но ведь рак не из тех болезней, которые можно заговорить, больной и под гипнозом преставится благополучно, если насквозь в метастазах... А у нас еще и традиция сработала: ждать, пока вы начнете, чтобы на вашем опыте убедиться, что дело стоящее... Давняя привычка: во всем, кроме политических экспериментов, начинать вторым номером, за вами — чтобы было, кого догонять. Да тут сперва и поартачиться можно было: это, мол, только у них так, исторически обреченных и разлагающихся, а у нас такого даже и по теории быть не должно; и лишь вволю на сей счет поупражнявшись, просили: «Поднимите нам веки» — и убеждались: ну да, то же самое, те же симптомы — возрастные болезни мы долго понимали как политические, хотя это недуги не общественного строя, а всей цивилизации... Понимаете, руководство — ваше, наше ли — тоже ведь находится внутри опухоли, как же ему так сразу взять да себя — ножом, пусть и хирургическим... Это ведь каково — решиться! А даже и решившись — еще ведь и знать надо, как резать да как потом зашить, речь-то уже не о смене плановой экономики на рыночную или наоборот, речь — о смене цивилизации, не больше, не меньше! А в этом — исторически — мы очень робки. Хотя и новое общество строили, и все такое, но ведь строили в рамках все той же, не нами придуманной цивилизации... Вот если бы мы с самого начала сказали себе и всему миру: не догонять то, что устремлено в тупик, не по социальной своей структуре, но из-за в корне неверного отношения к обитаемой нами планете, не догонять; а — идти другим путем! Строить иную цивилизацию, а не другую общественную или государственную форму в рамках все той же, технологической, которая и по сути своей более ваша, чем наша, — потому что вашим способом жизни она и порождена. Иную цивилизацию! Подите-ка решитесь! А ведь больной канцером — он, как известно, старается в него не верить: верить страшно, тогда надо начинать о душе думать!.. И мы утешаемся: ну, какой там рак, это язвочка, гастритик какой-нибудь, ну, попьем таблеточек, в крайнем случае — лучевую терапию, но и это уже из чистой перестраховки, только чтобы домашних успокоить. Да и времени нет бо-

леть, работа продохнуть не дает! И ведь верно, есть работа, есть — а новообразованьице разрастается, а жизнь гибнет, вся планета гибнет, а безотходная технология — это то самое лекарство от рака, хотя и не стопроцентное, которое изобрели бы — да больной раньше помрет... Но вот приходит мгновение, когда больной вдруг понимает: нет, не язва, не воспаление какое-то — это он, что и называть страшно. И наступает сумятица, потому что глубокий животный страх только к ней и приводит. И от смертельного ужаса, конечно, многое может возникнуть: и кровь, и погромы — бей ученых, вон до чего довели; бей инженеров — понастроили, позатопляли, поизуродовали; бей начальство — докомандовалось, довело до ручки. И уж заодно, конечно, — бей инородцев, или иноверцев, или жидомасонов, или там черных котов — опыт-то во всем этом есть, он едва ли уже не в генетической памяти сидит... Так что, господин Граве, того, что у вас, может быть, сейчас происходит, опасаться, конечно, надо, но не в сторону отходить, а наоборот, стараться повернуть ко благу, чтобы не кровопускания устраивать кому-то, а заставить правительствующих, кроме разговоров, и дело делать — спасать природу и человечество любой ценой, если даже на первый взгляд она немыслимо дорогой покажется: жизнь-то дороже, а мы ведь сейчас сами себя в классическую ситуацию поставили: кошелек — или жизнь! Надо, надо кошелек отдавать... Вот почему и нельзя вам сейчас унывать, наоборот — к делу готовиться, ко множеству серьезных дел. Выше голову, господин Граве, выше голову!

Милов перевел дух, про себя удивляясь, что оказался вдруг таким оратором — хоть в парламент, хоть на народный съезд! Однако Граве по-прежнему шел молча, глядя под ноги, — то ли не убедил его Милов, то ли думал — и не мог прийти к окончательному мнению... Однако заговорила Ева:

— По-вашему, Дан, администраторы и ученые во всем и виноваты?

— Невиноватых, Ева, нет. Ведь пользовались-то плодами все — пусть не поровну, но пользовались, за малыми только исключениями. Все виноваты, и всем исправлять. Главное тут не свернуть на другую дорожку, это легко сделать...

— На какую же?

Но еще и об этом говорить Милову не хотелось: достаточно уже сказал. Да и времени не осталось.

— Однако, прекрасные мои спутники, вот мы и пришли!

— Слава Богу, — пробормотал Граве.

Они стояли на том самом перекрестке, на котором побывал уже Милов. Сейчас тут было спокойно, никто не мешал осмотреться и решить, как быть дальше.

Продолжение дороги, что вела от моста, — по этой дороге они пришли сюда — уводило к лесу; левая дорога шла к Научному центру, правый поворот — к городу. По-прежнему не видно было ни одной машины, только на правой дороге, метрах в двухстах отсюда, сбоку что-то чернело, словно бы машина сорвалась с дороги и теперь лишь багажник торчал из кювета. Эта дорога, как и все остальные, была обсажена деревьями, и тень одного из них накрывала машину, так что разглядеть подробности нельзя было — да и солнце, высокое уже, светило в глаза.

— Это новое, — сказал Милов скорее самому себе; однако английский вошел уже в привычку, и сказано было по-английски, так что остальные поняли. — Когда я здесь был, ее не было.

— Значит, все-таки проезжают машины, — проговорил Граве таким голосом, словно ему было все равно: ездят они или нет.

— Вы могли просто не заметить, Дан, — сказала Ева.

— Не заметить я не мог, — ответил он, внутренне уязвленный. Впрочем, для нее он ведь до сих пор оставался лишь туристом; турист, понятно, мог и не заметить. — Да ладно, не все ли равно, есть она или ее нет? — Он взглянул на часы. — Ну что же, как принято говорить в таких случаях, — был рад познакомиться, сохраню о вас лучшие воспоминания.

— Что это значит, Дан? — вопрос Евы прозвучал и тревожно, и высокомерно. — Вы что, собираетесь бросить нас тут?

Вы *меня* способны оставить — вот как следовало понимать это; Милов, однако, в этом был глуховат.

— Я ведь с самого начала предупредил вас: мне нужно быть в Центре — там меня ждут...

— Вы... — сказала Ева. — Вы...

Она не договорила — резко повернулась и, даже почти не хромая, быстро пошла прочь, чтобы, наверное, не сказать лишнего; пошла, не разбирая пути, скорее всего инстинктивно, к толстому дереву — укрыться, может быть, за его стволом и там дать волю слезам. Милов глядел ей вслед: он был несколько удивлен, не понял происходящего и поэтому спохватился не сразу.

— Ева! Постойте, Ева!

Она, не оборачиваясь, махнула рукой, сделала еще два шага — увидела. Как схваченная, остановилась. Поднесла ладони к щекам. Медленно повернулась. Глаза ее были широко раскрыты и неподвижны.

— Что это? Дан, что это?

Он, тяжело ступая, подошел к ней.

— Это вы его?..

Милов пожал плечами.

— Напал он. Вот и... так получилось. — Он не ощущал вины, но понял вдруг, что это был, возможно, первый убитый, увиденный ею в жизни.

— И у вас поднялась рука?

— А вам бы хотелось, чтобы тут лежал я?

Ева лишь медленно покачала головой, пошевелила губами, но не произнесла ни слова.

Граве подошел, остановился и тоже стал смотреть на убитого.

— Он напал на вас, вы сказали? Но почему?

— По-моему, ему не понравилось, что я иностранец и плохо говорю по-намурски. Может быть, он решил, что я — фром.

— Не могу поверить, — сказал Граве, в голосе его слышалась неприязнь. — Вы, надо полагать, наслушались о нас всякого вздора... Вот доктор Рикс тоже иностранка — разве она когда-либо чувствовала на себе чью-то неприязнь по этой причине?

— В наше время все меняется быстро, — сказал Милов почти механически, задумавшись совсем о другом: если действительно иностранцы оказались в немилости, можно ли сейчас оставить Еву с одним только Граве, который вряд ли сможет при нужде постоять за нее. Что это был за человек — тот, убитый, — для чего дежурил здесь с оружием, что означали эти дубовые листья вместо погонов?..

— Вы, помнится, сказали что-то о дубовых листьях — у тех, кто напал на поселок?

— В этом нет ничего страшного, — ответил Граве. — Символ «воинов природы» — есть у нас такое движение, его возглавляет господин Растабелл. Однако я сомневаюсь, чтобы те люди...

— Минутку, господин Граве. У них такая форма — солдатские комбинезоны?

— Ну что вы, никакой формы у них нет, да и оружия тоже, это гражданское движение, совершенно мирное. А этот... этот, мне кажется, из волонтеров.

— Тоже защитники природы?

— Я мало что о них знаю. Так, слышал краем уха, что возникла такая организация из бывших солдат, в основном воевавших, — вы слышали, возможно, что несколько лет назад мы вели небольшую и никому не нужную войну, которую потом сами же и осудили. Может быть, конечно, они тоже за сохранение природы, не знаю.

— И это тоже — Растабелл?

— О нет, он вообще против применения оружия...

— Мещерски, — сказала Ева неожиданно; до этого мгновения она, казалось, даже не прислушивалась к разговору. — Это его отряды. Я знаю это случайно — Лестер хорошо знаком с ним.

— Господин Лестер Рикс, — произнес Граве торжественно, словно церемониймейстер. — Муж доктора.

— Их девиз — «Чистая Намурия», — дополнила Ева.

— Ну, что же, — сказал Милов. — Это уже яснее.

— Извините, доктор, — сказал Граве, — но все это лишь досужие разговоры. Волонтеры никогда не вступали в конфликт с властями. И вас, господин Милф, я призываю не делать поспешных выводов. Лучше подумайте вот о чем: вы, вольно или невольно, убили человека, гражданина Намурии, и должны нести за это ответственность: мы живем в цивилизованном государстве. Если вы сейчас покинете нас, то это можно будет расценить лишь как попытку укрыться от ответственности. Как лояльный гражданин моей страны, я вынужден буду помешать вам в этом!

Он даже плечи расправил и приподнялся на носках — бессознательно, наверное, и выглядеть он стал не грознее, а комичнее.

«Господи, — подумал Милов, — сморчок этакий, грозит мне... Но он ведь прав — с точки зрения нормальных условий жизни, и уважения достойно, что так выступил — не круглый же идиот, чтобы не понимать, что я его даже со связанными за спиной руками в два счета утихомирю. Мне надо в Центр, это верно, однако ситуация не тривиальная, да и женщина, чего доброго, подумает, что я испугался и спешу унести ноги...»

— Вы убедили меня, господин Граве, — сказал он почти торжественно, краем глаза следя за Евой, — сейчас она повернулась к нему лицом и на губах ее возникла улыбка, одновременно и радостная, и насмешливая: она-то, женщина, ясно видела, кто из двоих чего стоил. — Убедили, и я готов последовать за вами. — Милов почувствовал, как легко вдруг стало на душе: неужели было у него внутреннее нежелание, расстаться с этой женщиной тут, на распутье, возможно ли, чтобы он... — он оборвал сам себя, — ладно, психологию оставим на потом.

— Распоряжайтесь, господин Граве, я готов повиноваться (фу ты, черт, я вдруг заговорил в его стиле, словно на Генеральной Ассамблее). Итак?

— Бросьте, — сказала Ева. — Противно слушать. Дан, вам и в самом деле нужно в Центр? В таком случае мы пойдем с вами.

— Доктор, это необычайно глупо, — сказал Граве. — Что мы будем там делать?

— Я? Да мне сейчас просто стыдно оттого, что сбежала, поддалась страху. Я врач. И там мои пациенты. Дети. Забыли?

— Но ведь вы только вечером закончили дежурство! А в городе у вас семья. Семья!

Он выговорил это слово так, словно семья была самым святым в мире, превыше всего — кроме Бога одного, как сказано. Ева в ответ невесело усмехнулась.

— Ну, Лестеру-то все равно... если я не приду, он, по-моему, просто вздохнет с облегчением.

— Вы не должны говорить так, доктор, а мы — слушать... Но постойте, у меня возникла блестящая мысль! Что, если мы посмотрим ту машину? Может быть, она еще способна двигаться — тогда мы за полчаса доберемся до города; вы, Милф, дадите в полиции свои показания, а мы поручимся за вас, и вы сможете в ней же

съездить в Центр. Поверьте, вы все равно выиграете во времени.

«Насчет выигрыша не знаю, — подумал Милов. — Мне надо было оказаться там еще полтора часа назад, теперь все будет сложнее. А мысль и на самом деле неплохая».

— Будь по-вашему, господин Граве. Ева, как ваша нога? Болит?

— Вам так хочется взвалить на шею лишнюю обузу, Дан?

— Знаете, вам просто нельзя отдаляться от реки: там вы иная.

Наверное, Милов слишком пристально смотрел на нее в этот миг, потому что она вдруг нахмурилась:

— Не надо, Дан, я не краснела уже лет сто, а вы заставляете...

— Не буду, — сказал он послушно. — Не хотите, не надо. Тогда сделаем так: мы бежим к машине, а вы идете, не спеша. Пока доберетесь, мы уже выясним, что там с нею. Все — в пределах прямой видимости, не бойтесь. Но в случае чего — не стесняйтесь, кричите погромче.

— Вы еще не знаете, как я умею кричать, — сказала она.

— Ну, господин Граве, в путь?

Они пошли быстро, почти побежали к торчавшей из канавы машине. Ева медленно шла вслед им, прикусив губу: ноги болели все сильнее, женщина не сводила глаз с быстро отдалявшихся спутников и то и дело спотыкалась — тогда боль пронизывала ее от пальцев ног до самого сердца. Двое приближались к машине: вот они достигли ее, остановились, немного постояли, Милов поглядел в сторону Евы, она махнула ему рукой, сигнализируя о благополучии, — тогда он спрыгнул в канаву. Женщина прошла уже полдороги до них, когда он показался снова, что-то сказал Граве, снова поглядел на Еву — она не различила, улыбнулся он или нет, солнце светило ей в лицо. Теперь и Граве полез в канаву — видимо, там нужно было что-то сделать вдвоем. Ева шла, ожидая, что машина вот-вот дрогнет и начнет задним ходом вылезать из канавы. Вместо этого, когда идти осталось уже совсем немного, оба мужчины снова показались; они словно бы пытались вытащить на дорогу что-то тяжелое. Вытащили. Положили. Ева снова подняла ладони

к щекам: то был человек. Она побежала, уже не обращая внимания на боль, припадая на ногу. Милов бросился ей навстречу, подбежал, схватил ее руку:

— Так плохо?

— Да вот... немного не повезло.

— Сядьте. Давайте ногу. Ну-ка...

— Ох!

— М-да... Как это вы?

— Еще в реке... о камень или корягу...

Он поднял ее на руки, хотя она и на этот раз попыталась было протестовать, и понес к машине, испытывая странное, самому ему непонятное чувство, ощущение ноши, которая не тяготит, напротив, прибавляет сил, чуть ли не в воздух поднимает. «Маленькая ты, — подумал он, — легонькая...»

Он бережно опустил ее наземь — посадил невдалеке от вытащенного из машины и теперь лежавшего на травке под деревом тела. Ева взглянула и невольно вскрикнула.

— Вы его знаете, Ева?

— Это же доктор Карлуски! Мой шеф по клинике... Он должен был сейчас находиться с детьми. Ничего не понимаю...

— Это точно он? — быстро, требовательно спросил Милов.

— Я работаю с ним шестой год... — Ева, встав на колени, поискала у лежавшего пульс, подняла веки. — Еще теплый... Снимите с него... или хотя бы расстегните... Рубашку тоже... По-моему, пуля, хотя я, конечно... Почти нет крови — скорее всего, внутреннее кровоизлияние...

Она еще что-то говорила — Милов не слушал. «Он бежал, — думал Милов. — Значит, меня все же опознали и его предупредили. Убили его случайно? Если нет — значит, они сами рвут свою цепочку. Решили затаиться, переждать? Или что-то другое? Так или иначе, в Центре теперь делать нечего. Остается город. Карму гант шесть, квартира тринадцать, ключ «Дромар»... Да. Город».

— Какой ужас! — сказал Граве, он был ошеломлен. — Теперь просто необходимо вызвать полицию сюда...

— Давайте без лишних слов. Займемся делом, — и Милов стал влезать в кабину через левую переднюю, не помятую дверцу. Приглушенно взвыл стартер — раз, другой. Мотор не заводился. Милов вылез, поднял капот, посмотрел.

— Тут электронное зажигание. Граве, вы в нем смыслите?

— Надо посмотреть... — ответил Граве осторожно. Он подобрался к мотору справа, пришлось даже опуститься на колени, — с минуту смотрел.

— Милф, в багажнике должны быть инструменты — сумка...

— Тут их три.

— Самую маленькую... — Граве принял сумку, раскрыл, снова наклонился над мотором. — Ага, ясно — все просто, Милф, вы и сами бы поняли... Найдите мне кусочек фольги, здесь просто сгорел внутренний предохранитель.

— У меня есть сигареты, — сказала Ева.

Милов несколько мгновений смотрел на нее очень пристально, словно то, что у женщины оказались сигареты, было случаем из ряда вон выходящим.

— Интересно, а какие вы курите?

— Салем, — сказала она, — при случае, по настроению... Вот вам фольга.

Минуты через две мотор взревел. Милов, сидя за рулем, включил задний. Машина, завывая и пробуксовывая, все же выползла на дорогу. Остановилась. Мотор ровно работал на холостых. Граве из канавы критически посмотрел на нее.

— Ничего, — сказал он, — не очень помялась. Он очень аккуратно съехал.

— Видимо, жил еще секунду-две, — сказал Милов.

— Неужели мы так и оставим его — бросим на дороге? — сказала Ева. — Он был хорошим врачом, прекрасным человеком...

Милов посмотрел на нее как-то странно.

— Мир праху его, — сказал он. — Но нам нужны живые.

— Там, впереди, обычно дежурит дорожная полиция, — предупредил Граве. — Я полагаю, нужно остановиться и сказать им, дать все необходимые объяснения. Иначе...

— Посмотрим... — ответил Милов неопределенно.

— Прошу вас, не относитесь к этому легкомысленно. Мой гражданский долг... Видите? Вот они стоят! Тормозите, прошу вас.

— Это не полиция, — сказал Милов. — Какие-то штатские. Им мы не обязаны давать показания.

Впереди, близ щита с названием города, и в самом деле стояли трое. Один из них повелительно взмахнул рукой, приказывая остановиться.

— Шутник, — проворчал Милов сквозь зубы. Он включил правый поворот и подвернул чуть ближе к обочине, чтобы можно было подумать, что машина сейчас остановится. Но, почти поравнявшись со стоявшими, резко нажал на газ. Машина рванулась, едва не сбив стоящего у самого полотна.

— Пригнитесь, Граве, — посоветовал Милов.

В зеркале заднего обзора он видел, как один из оставшихся позади поднял автомат, но как-то нерешительно — и опустил, так и не выстрелив. Однако тот, которого чуть не сбили, вытянул руку с пистолетом. Прозвучал выстрел, но машина была уже далеко.

— Разве можно стрелять! Мы же не сделали ничего такого! — возмутился Граве.

— Сукины дети, — сказал Милов.

— Но, господин Милф, вам все же следовало остановиться. Пусть это и не полиция, но все-таки... Я не понимаю: вы к ним относитесь враждебно, по-моему, но ведь, если я вас правильно понял, вы тоже сторонник защиты природы, не так ли?

— На такой дороге, — сказал Милов мрачно, — в два счета можно пропороть шину... О чем вы? Да, о природе... Я — за ограничение, а может, и за прекращение этой бесконечной кавалерийской атаки, когда техника вкупе с прикладной наукой скачет с криком и свистом и размахивает саблями... Но если защита природы сопровождается убийствами и пожарами, то это уже не защита, а что-то другое... пока еще не знаю, что. Скажите лучше, здесь всегда такое безлюдье?.. Ева, как вы там?

— Вполне прилично, — ответила лежавшая на заднем сиденье Ева. — Все же машина — прекрасный продукт цивилизации. Пешком я далеко не ушла бы...

— Ничего, Ева, — сказал Милов. — Я бы унес вас, и далеко.

— Не надо, Дан, — сказала она. — Пожалуйста.

— Что же это такое... — начал было Граве, — и умолк, словно прикусил язык.

Они въехали в город. Но не в тот, из которого Граве выехал прошлым утром, чтобы, как обычно, провести рабочее время, надзирая за многочисленными компьютерами Научного центра. Нет, внешне многое осталось прежним: гладкий асфальт улицы с аккуратной белой разметкой, узкие дома под красной черепицей, старинные шпили церквей, а впереди — серые силуэты современных деловых и жилых башен. Уже настал для улицы час быть оживленной: обычно люди в эту пору спешили на работу, шли за покупками, совершали утреннюю — для укрепления здоровья — пробежку; собаки тоже требовали моциона. Однако сейчас тихий пригород скорее смахивал на поле недавно отгремевшего сражения.

Тротуары, прежде к этому часу уже чисто выметенные и обрызганные водой, сейчас тут и там были усеяны осколками стекла, обломками каких-то ящиков, картонными коробками с фирменными наклейками. Краем глаза Милов заметил валявшуюся рядом с тротуаром мужскую шляпу и машинально шевельнул рулем, чтобы объехать ее.

Ставни магазинов были закрыты, на втором и третьем этажах многих домов окна смотрели пустыми глазницами и на ветру парусили выплеснувшиеся наружу гардины.

Лежал на боку автомобиль; другой, подальше, догорал, испуская струйки сине-серого дыма, он был покрыт пятнами пены или порошка из огнетушителей. Ударило запахом сгоревшей резины. На краю проезжей части валялся круглый обеденный стол без ножки.

Докатился глухой рокот — словно вдалеке что-то взорвалось.

Распахнулась дверь утреннего кафе, оттуда вывалилось несколько человек, пестро одетых, но все — с дубовыми листьями на груди, на рукавах, у одного — на каскетке. Они тащили, держа за руки, человека — ноги того волочились по земле. Глянув в зеркало, Милов успел увидеть, как его приподняли и стали бить головой об стену дома; человек не пытался вырваться — видимо, был уже без сознания, а может, и мертв.

Дальше на улице стояли двое с охотничьими ружьями и тоже с дубовыми листьями. Они проводили машину взглядами, один что-то крикнул, но не двинулся с места. Граве съежился на сиденье. Милов заставил себя не при-

бавлять газу, он ехал даже чуть медленнее, чем разрешалось в городе.

Обычных прохожих не было заметно, даже ни одной собаки не попалось на пути.

Проехали перекресток; на нем стоял волонтер — с карабином, с дубовыми листьями на плечах. Он скользнул по машине равнодушным взглядом. Граве схватил Милова за плечо:

— Остановитесь, пожалуйста — спросим у него...

Милов дернул плечом, сбрасывая ладонь соседа.

— Может, лучше спросите у этого?

Он кивнул влево: там, впереди, у тротуара, валялось тело в черном полицейском мундире — форменная каскетка откатилась в сторону, ноги были подогнуты, словно полицейский в последний миг пытался уползти, укрыться, но не успел. Граве откинулся на спинку сиденья, тяжело задышал.

— Куда же поедем теперь, Граве? — спросил Милов. — Будем искать полицейский участок? Или, может быть, остановимся вот тут?

Слева по движению, на двери, за которой, судя по вывеске, помещалась часовая мастерская, виднелся кусок ватмана в поллиста, на нем косо, корявыми буквами было написано: «Запись добровольцев». Около двери стояло несколько молодых парней. Они тоже поглядели на машину, один крикнул, разглядев Еву через боковое стекло: «Эй, куда бабу везешь, давай сюда!», другой сделал вид, что расстегивает брюки, остальные засмеялись. Хорошо, что Ева не видит, — подумал Милов невольно. Однако слышать-то она наверняка слышала, но промолчала, лишь закрыла глаза.

— Это еще ничего не значит... — помолчав, ответил Граве. — Поедемте в Старый город, там ратуша и рядом — префектура... Нет, — он увидел, что Милов включил указатель поворота. — Небоскребы — это Новый центр, поезжайте прямо, я покажу... — Он произносил слова с трудом, будто что-то мешало ему говорить. На следующем перекрестке тоже оказался волонтер, как и те, предыдущие, — парень моложе тридцати, в комбинезоне и с автоматом, не современным, однако, а времен второй мировой войны. Рядом с ним топтался и штатский — в руках он сжимал дро-

бовик, на поясе у него висела ручная граната музейного образца. Волонтер что-то сказал штатскому, и тот бросился, размахивая ружьем, но не к машине Милова, а на противоположную сторону улицы. Там тоже показалась — выехала на следующем перекрестке — машина, на крыше ее, на верхнем багажнике, было наложено и увязано множество узлов и картонных коробок, видимо, тяжелых — машина прижималась к самой дороге. Машина ехала сюда, навстречу: кто-то хотел выехать из города. Штатский остановился посреди проезжей части, снова махнул рукой. Встречная машина набрала скорость. Штатский отскочил в последний миг. Волонтер в центре перекрестка вскинул автомат: прозвучала очередь. Милов успел увидеть, как ветровое стекло встречного рассыпалось в крошки, машина вильнула влево, наискось пересекла улицу уже позади машины Милова и врезалась в дом, мнущийся металл крякнул, дико завизжала женщина — то ли в машине, то ли в доме.

— Интересные пироги, — сказал Милов. — Выехать, оказывается, куда труднее, чем въехать.

— Здесь направо, — с трудом, сквозь зубы проговорил Граве.

Милов аккуратно показал правый поворот: никаких помех не было, светофоры смотрели слепыми глазами, на рельсах стоял пустой трамвай, совершенно целый и, насколько хватало глаз, нигде не только не ехало, но даже и у тротуаров не стояло ни одной машины, все они словно испарились, растаяли. Теперь Милов со спутниками ехали по проспекту. Наверное, в нормальной жизни он был очень красив: старинные, чистые и ухоженные дома в пять-шесть этажей с балконами, эркерами, порою с гербами или латинскими изречениями над входом чередовались с домами явно современными, но той же высоты, широкооконными, то гладкими, то рустованными, со стеклянными входами, порой — с аккуратно разграфленной небольшой стоянкой для машин перед домом. На каждом месте был аккуратно выведен номер квартиры, арочные въезды вели во дворы. Здесь было чище, чем на той улице, откуда они свернули, и еще менее людно, только один-единственный дворник, в фартуке и почему-то с лопатой, медленно шел по тротуару, едва заметно покачиваясь; может быть, он был пьян. Впе-

реди, на одном из изящно выгнутых фонарных столбов висел человек.

— Меня тошнит... — пробормотал Граве, судорожно глотая. Лишь через минуту он смог спросить: — Что вы об этом думаете?

— Думаю, что на современных фонарях вешать куда труднее, чем на старинных, — спокойно ответил Милов. — Они куда выше, да и конфигурация не располагает. Но традиции — великая вещь...

— Перестаньте! Как вы можете...

— Прикажете рвать на себе волосы? Третьего-то ведь не дано... Вам трудно это понять, Граве, ваша история не располагает к пониманию таких вещей. Но согласитесь: это не очень-то похоже на благородную борьбу за спасение природы, верно?

— Замолчите!

В молчании квартал скользил мимо за кварталом, лишь едва слышно сипел мощный мотор — машина была из дорогих.

«Карлуски мог себе позволить, — подумал Милов мельком. — И телефон, и комп, только на мои вопросы он все равно не ответит... Ага, вот эти не успели уехать», — механически отметил он, проехав мимо стоянки, на которой, аккуратно в своих прямоугольниках, на голых колесных дисках стояли скелеты двух сгоревших машин. На бампере одной из них чудом уцелел номер — не намурийский, но, похоже, французский. Было тихо и странно, как будто все, что произошло здесь, — и выбитые окна, и сожженные машины, и выкаченные кое-где на улицу и опрокинутые мусорные контейнеры, и еще несколько убитых людей, попавшихся на дороге, и две мертвые собаки даже, — все это было сотворено в полной тишине, в каком-то ритуальном молчании, глубочайшем безмолвии, хотя на самом деле было наверняка не так. И, если не считать того дворника, ни единой живой души, лишь из одного-другого окна чье-то лицо украдкой выглядывало — и тут же снова пряталось в неразличимости. Проехали мимо грузовика, на полной, похоже, скорости врезавшегося в столб, столб согнулся и теперь нависал над улицей, как до половины поднятый шлагбаум. Милов проехал под ним — и услышал, как снова где-то, не видно — где, раскатился взрыв, мощнее пре-

дыдущего, и медленно затих, но больше ничего не изменилось.

— Сейчас налево, — сказал Граве каким-то неживым голосом.

Повернули на большом перекрестке — тут пересекались два широких проспекта примерно одинаковой ширины и похожей застройки. Но тот, на который они свернули, был все же совершенно непохожим на первый: там была неподвижность, тут — движение.

Прежде всего машина нагнала шагавшую по проспекту группу человек в пятьдесят. Судя по пестроте одежды, то были добровольцы; хотя название это означало то же самое, что волонтеры, однако разница между теми и другими была разительной: эти хотя и старались выдерживать воинский строй и маршировали с неподвижными, каменно-серьезными лицами, незнакомство их с военным делом ощущалось сразу: не было в их строю ни равнения, ни дистанции, большая половина их не была вооружена, прочие несли кое-как разнообразные устройства, из которых можно было, во всяком случае теоретически, стрелять, или которыми можно, казалось, колоть или рубить.

«Музей, да и только, — подумал Милов, — половина всего этого взорвется при первом же выстреле».

Колонна осталась позади, но, проехав еще метров двести, ездоки увидели и настоящих солдат. Проспект здесь расширялся, образуя как бы небольшую площадь, и сейчас посреди этой площади стоял танк, монументальный, словно памятник самому себе, живой в своей металлической мертвости, громко угрожающий в молчании, многотонный призрак, овеществленное «мементо мори», и единством противоположности с ним были солдаты — десятка два молодых и здоровых ребят, подтянутых и вместе вольно стоявших, или сидевших на зеленой броне, или прогуливавшихся подле танка, не выходя, однако, за пределы некоего не обозначенного, но, видимо, четко ощущавшегося ими круга. Они не держали автоматы наизготовку, наоборот, улыбались дружелюбно тем немногим людям, что молча стояли на тротуарах, как бы завороженные зрелищем боевой машины (есть для людей невоенных нечто странно-привлекательное во всем военном, какая-то тайна чудится им за необычным обликом по-своему прекрасных в своей жестокой

целесообразности машин уничтожения, и они не могут просто пройти мимо, но невольно останавливаются, как бы надеясь, что разгадка этой тайны вдруг снизойдет на них); вдруг возникли на площади и две или три девушки — они всегда возникают, материализуясь из ничего, там, где появляются солдаты — наверное, сама солдатская мечта и материализует их...

На машину военные люди не обратили ни малейшего внимания, похоже было, что они и не собираются действовать, а стоят тут просто так: поставили — и стоят, и если едет машина, хотя бы и с помятым слегка передком — то и пусть проезжает, это не их, не солдатское дело. Милов плавно объехал площадь, повинуясь знаку «круговое движение»; для этого ему пришлось переехать валявшуюся на асфальте сорванную вывеску на фромском языке. Ева позади тихо застонала, Милов бросил взгляд в зеркальце — глаза ее были закрыты, нога, видимо, не успокаивалась.

— Теперь уже недалеко, — сказал Граве голосом, близким к нормальному. — Тут скоро будет небольшая улочка — направо...

Милов кивнул, Однако, когда пришло время поворачивать, он резко затормозил. Там, куда надо было свернуть, шла драка, сражались две группы, с каждой стороны человек по двадцать, ни волонтеров, ни солдат среди них не было. Дрались безмолвно и жестоко, кто-то уже валялся на асфальте — трое или четверо, на них наступали ногами, о них спотыкались. Мелькали кулаки, палки, велосипедные цепи — впрочем, цепи, может быть, шли в дело и мотоциклетные. Но с противоположной стороны улицы уже приближалась бегом группа волонтеров — то ли чтобы влиться в побоище, но может быть, они хотели просто разнять драчунов.

— Это все фромы, — проворчал Граве. — Сводят счеты...

— С обеих сторон фромы? — уточнил Милов.

— Нет, я имел в виду, что напали, конечно, фромы — это их квартал. Как мы ни стараемся...

— Здесь нам вряд ли удастся проехать.

— Ничего, — сказал Граве, — можно и по следующей улице.

В следующую они свернули беспрепятственно. Было почти безлюдно, только навстречу шли трое: один впереди, двое за ним. У переднего руки были связаны за спиной,

лицо в кровоподтеках, один глаз заплыл, на груди его висел на веревочке кусок картона или фанеры, на нем что-то было написано. Двое конвоиров-добровольцев были вооружены: один берданкой, другой обрезом, на боку второго висела старинная сабля, ножны чиркали по тротуару. Милов сбавил скорость. Ева открыла глаза, спустила ноги с заднего сиденья, стала садиться: решила, видимо, что приехали. Арестованный, увидев машину, вдруг кинулся к ней; тот, что был вооружен обрезом, не колеблясь, выстрелил. Промахнулся, но бежавший упал на колени — может быть, от страха подогнулись ноги, но выходило так, словно он на коленях умолял спасти его. Задние подбежали, стрелявший, передернув затвор, выстрелил еще раз, в упор.

— Остановите! — крикнула Ева.

Милов прибавил скорость.

— Ужасно... Вы видели, что там было написано? «Я отравлял планету, я заслужил смерть!» Остановите же, Дан, может быть, он только ранен...

— Добьют, — выговорил Милов сквозь зубы. — Вам хочется лечь рядом с ним? Поймите, наконец: мы сейчас в другом мире, где все ваши добрые принципы не действуют.

— Перестаньте быть таким невозмутимым! — крикнула Ева. — Ненавижу...

— Да что господину Милфу, — горько сказал Граве. — Это ведь не его страна, доктор, и не его соотечественники...

— Это и не моя страна — и тем не менее...

— Вы живете у нас достаточно давно.

— Дан, ну отчего вы так жестоки?

— Для меня люди — везде люди, — проговорил Милов, круто выворачивая влево: навстречу шли волонтеры числом не менее роты; вооружены они были, как полагалось, у трех или четырех были даже пулеметы, некоторые несли коробки с лентами.

— Может быть, хоть они наведут порядок? — вслух подумал Граве.

— Возможно, — буркнул Милов, — только какой? Вряд ли тот, старый, который вам, господин Граве, так по вкусу. Хотя мне, откровенно говоря, многое еще не ясно...

— Я лежала, — сказала Ева, — и мне были видны верхние этажи — с транспарантами, с надписями... «Сжечь

машины», «Долой технику», «Мы хотим дышать», «К ответу ученых», «Позор правительству», «Спасем наших детей»... Но ничего не говорилось о том, что надо убивать людей.

— А это и не полагается говорить, — сказал Милов, слегка пошевеливая руль. — В наше время это делается без предварительной рекламы. Бывают, конечно, исключения — но это когда выступают хулиганы, уличные или политические. А серьезная сила молчалива... Нам далеко еще?

— Совсем близко. Видите улочку? Налево.

Сворачивая, Милов успел прочитать табличку на углу. Карму гант, так назывался переулок.

— Куда вы привезли нас, Граве? — не удержался он.

— Это вы привезли меня, Милф. Домой. Я немного растерян, и... Надо решить, что делать дальше, и мне хотелось застать Лили, пока она еще не ушла. Да и вам не мешает отдохнуть, выпить хотя бы по чашке кофе... Прямо, прямо.

Улочка была застроена небольшими домами — не выше четырех этажей, но добротными, солидными — домами для зажиточных людей. Она была, наверное, зеленой и тенистой — когда деревья еще были зелеными. Но стволы их, полумертвые, окаймляли проезжую часть и сейчас.

— Вон к тому дому — серому, номер шесть.

«Так, — подумал Милов, послушно снижая скорость. — Карму гант, номер шесть. Смешные совпадения бывают в жизни: совершенно случайно я оказался там, куда не только Граве, но и мне самому нужно. Однако он, похоже, к моим делам никакого отношения не имеет — мне нужен другой человек, тот, что живет в тринадцатой квартире...»

Он затормозил, и Граве тут же выскочил из машины.

— Слава Богу! Кажется, все в порядке...

И подъезд, возле которого они остановились, и вся улочка выглядели спокойно, мирно, достойно, словно тут же, неподалеку, на главных улицах, не убивали людей.

— Спасибо, мистер Милф, огромное спасибо! — Милов и не подозревал, что Граве способен быть таким оживленно-радостным, как сейчас. — Откровенно говоря, я и не надеялся уже: ведь происходит что-то апокалиптическое... Ева, я надеюсь, Лили немедленно сделает вам перевязку,

и сразу же позвоните домой, чтобы успокоить... Милф, вас я, разумеется, тоже приглашаю!

— Принимаю, — ответил Милов, потому что ему все равно нужно было в этот дом, а кода он не знал — тут в инструктаже был пробел, код он должен был выжать из Карлуски вместе со множеством всякой другой полезной информации.

Они вошли в подъезд. В вестибюле было темно, в швейцарской — пусто.

— Странно, — сказал Граве. — У нас тут всегда освещено, да и Мартин не позволяет себе... Сюда, прошу вас, направо, к лифту.

Он нажал кнопку, но лампочка не вспыхнула, дверцы не разъехались, не послышалось и приглушенного рокота снижающейся кабины.

— Не понимаю. Похоже, что в доме нет электричества. Когда-то так уже случалось — пока еще не была построена станция. Мартин, вероятно, повел монтера вниз, к распределительному щиту. Может быть, вы обождете? А я...

— Какой этаж? — спросил Милов.

— Четвертый. Мне очень жаль, но...

— Побережем время. Вы, Ева, все-таки добились своего: придется мне нести вас.

Он сказал это с улыбкой, ясно показывавшей, насколько приятно это будет — для него, во всяком случае. Не дожидаясь ответа, он поднял ее на руки. Ева обхватила его за шею. Даже Граве позволил себе улыбнуться.

— Достается вам сегодня, господин Милф, не правда ли? Похоже, мы были для вас не самой лучшей компанией... Я думаю, Лили еще спит. — Он обогнал поднимавшегося с ношей Милова, и когда тот появился на площадке четвертого этажа — квартиры с двенадцатой по шестнадцатую, — уже вкладывал пластинку с личным кодом в щель замка.

— Не будем шуметь, друзья, — проговорил он почти шепотом, отворив дверь. Милов позволил Еве встать на ноги, поднял глаза. Квартира была номер тринадцать.

— Прошу извинить, — говорил шепотом Граве, пропуская их в прихожую, — мы редко принимаем гостей, но у нас очень уютно. Вообще, в доме живут очень солидные, добропорядочные люди... Вот сюда, прошу — располагай-

тесь, посмотрите пока на моих рыбок, у меня прекрасный аквариум... — Он машинально щелкнул выключателем. — Все еще нет тока — странно. И уборщица, кажется, сегодня не приходила — чувствуется, что пыль не вытерта. Еще раз приношу свои извинения...

Милов нагнулся и поднял с пола окурок.

— Граве, — сказал он негромко, — ваша жена курит «Дромар»?

— Она вообще не курит, — сказал Граве, — но вы правы, такие сигареты у нее есть — иногда за рюмкой ликера, с подругами — современные женщины, понимаете ли, должны... Сейчас, я только загляну в спальню. Лили придется встать...

— Где у вас телефон? — спросила Ева.

— Там столик, рядом с аквариумом, да проходите же, садитесь, прошу вас.

Он бесшумно отворил дверь спальни и шагнул; после мгновенного колебания Милов последовал за ним.

«Дромар», — думал он. — Не найдется ли у вас сигареты? — Только «Дромар», ничего другого я не курю. — Слабовато, не правда ли? — Зато какой аромат!» — то были ключевые слова в этом звене цепочки, при обмене репликами пачка «Дромара» должна была появиться на свет. «Если они всерьез рвут цепочку, — подумал Милов, — если с Карлуски — не просто случайность, то...»

Окно спальни было закрыто тяжелой шторой, но и в полутьме можно было увидеть белую кровать, широчайший шкаф, зеркало в полстены. Милов смотрел на отраженную в зеркале кровать — на ней лежала женщина, до подбородка накрытая пуховым одеялом, глаза ее были закрыты. «Спит», — прошептал Граве с нежностью, осторожно пятясь. Он наткнулся на Милова, не сводившего глаз с зеркала — с одеяла в нем, которое не шевелилось, словно бы под ним лежала статуя, а не молодая и красивая женщина. «Пойдемте, — так же шепотом пригласил Граве, — пусть еще отдохнет, она страшно устает порой...»

Милов взял его за плечи, грубо отодвинул в сторону. Подошел к окну, рывком откинул штору. Приблизился к кровати. «Что вы делаете, как вы посмели! — зашипел Граве. — Это... это переходит всякие границы! Вы дикарь!» Милов, стоя вплотную к кровати, смотрел на лицо женщи-

ны: оно было серо-бледным, он положил ладонь на ее лоб — лоб был холодным. Тогда Милов решительно откинул одеяло. Лили лежала в пижаме, чуть раскинув руки, на груди краснело пятнышко. Крови почти не было. «Что... что это значит?» — задыхаясь, произнес Граве за спиной. Милов взял руку убитой. Рука была холодной, безжизненной. «Ева! — крикнул он, — подойдите, пожалуйста, вы здесь нужны!» «Нет, но этого же не может быть, мы просто не туда попали», — проговорил Граве заплетающимся языком. Вошла Ева. «Телефон совершенно онемел, — сказала она, — ни намека на звук... Что тут? Боже...» «Тихо! — закричал Граве. — Она спит! Спит, говорю вам! Это просто помада, след помады, выйдите отсюда, она выспится и встанет, мне лучше знать!» Ева произвела свои нехитрые манипуляции. «Я, конечно, не судебный медик, — видимо, такое предисловие она считала обязательным, — но видно, что борьбы не было, вероятнее всего, в нее выстрелили, когда она спала — кто-то вошел в квартиру...» «Никто не мог войти в квартиру! — снова закричал Граве. — Замок настроен только на ее и мой дактошифр!» Милов пожал плечами: он знал, что ключи есть к любым замкам. «Ева, — попросил он, — вы не могли бы посмотреть внимательно: нет ли на теле следов уколов». «Вы полагаете?..» — она недоверчиво смотрела на него. «Сделайте это, пожалуйста». «Тогда пусть Граве поможет мне». «Вы думаете, он сейчас способен?» Граве стоял в углу, не издавая ни звука, покачиваясь с каблуков на носки и обратно. «Но ведь... — тут Ева спохватилась, что перед ней лежит уже не живая женщина, а лишь тело, к которому применима другая система приличий. — Ну, тогда вы помогите...» «Никогда не раздевал мертвых женщин», — подумал Милов, не очень как-то послушными пальцами расстегивая пуговички. «Нет, — сказала Ева, — ни следа. Что будем делать?» «Думаю, надо позаботиться о нем, — сказал Милов, — боюсь, что для него это — удар ниже пояса, и сильнейший». Но Граве в комнате уже не было — он стоял в прихожей, прижав телефонную трубку к уху, и что-то громко и возбужденно говорил по-намурски. «Телефон, видимо, включили», — сказал Милов. Тут, в спальне, тоже был аппарат — на ночном столике, со стороны Лили. Милов поднял трубку, поднес к уху, покачал головой: ни зву-

ка. «Дан, я боюсь, он... вы понимаете?» Милов кивнул и спросил: «Что он говорит? Я не воспринимаю, когда разговор идет на такой скорости». — Он не сказал, что вообще Намурия — не его регион, и его послали сюда только потому, что заболел Мюнх, — если можно считать болезнью две пули, в груди и в плече, и на язык ему дали неделю времени. Ева прислушалась: «Я тоже знаю не в совершенстве, но... Он разговаривает с канцелярией Господа, требует, чтобы его соединили с Самим, поскольку ему необходимо, чтобы Спаситель прибыл и воскресил Лили. Сейчас угрожает обратиться к конкуренту...» «Печально, — сказал Милов. — Он, кажется, всерьез тронулся». «Дан, это все, что вы можете сказать? — с внезапной тоской в голосе спросила Ева. — Рехнулся, не рехнулся... Это ведь любовь, знакомо вам такое слово? Понимаете хоть, что оно означает? Любовь, о которой может только мечтать — и мечтает всякая женщина, но только редкая встречает в жизни такую... Вы просто никогда не любили, Дан, если ничего другого не можете сказать...» Милов увидел, что на глазах ее выступили слезы, и внезапно, помимо желания, представил, что не Лили лежит убитой в собственной постели (Лили, какими-то неведомыми путями впутавшаяся в опасные игры, ставшая звеном цепочки, которую теперь хозяева безжалостно рвали, уничтожая звено за звеном), а Ева, всем лишь несколько часов назад им впервые встреченная, но чем-то его уже зацепившая, уже прирастившая немного к себе, как он сейчас почувствовал; он представил себе Еву в постели мертвой — и ощутил вдруг, как перехватило горло, и понял, что куда сложнее обстояло дело с ним самим, чем ему казалось, и не просто из чувства долга он брал ее на руки и нес, но уже ощущая какую-то ответственность за нее — неизвестно перед кем, но ответственность, как за существо, данное ему и близкое ему и необходимое ему во всей жизни, сколько бы ее ни оставалось... Он изумился внезапному ощущению, и испугался его, и подумал, что если бы это Ева лежала, то он — нормальный, здоровый и ко многому привыкший человек, — пожалуй, тоже сошел бы с рельсов — не так, наверное, но сошел бы...

Сам того не сознавая, он все эти секунды, пока такие мысли проносились в голове, а импульсы — в сердце, смотрел на Еву в упор, крепко схватив ее за плечи — и она

смотрела на него и, видимо, понимала и читала нечто в его глазах, потому что умолкла и тоже только смотрела... Громкий звук, донесшийся из прихожей, заставил их опомниться. Милов мгновенно оказался у двери, в руке его как-то сам собой возник пистолет. Опасности не было: это Граве, потерявший сознание, упал, опрокинув столик с телефоном, валявшийся теперь рядом. Ева подбежала, встала на колени около упавшего.

«Так или иначе, — думал Милов, глядя на ее узкую спину и светлые, уже высохшие волосы, — свое дело я, кажется, благополучно провалил. Были известны два звена цепочки — и вот они, одно за другим, ликвидированы. Куда шла цепочка дальше — у меня лишь слабые представления, да и у всех наших... Да никто не давал мне полномочий идти дальше: цепочка-то вела наверх, тут, наверное, нужен работник с другим статусом. Значит, программа теперь выглядит так: доставить Еву домой — хоть одно благое дело будет сделано, Граве отвезти в какое-нибудь медицинское учреждение, думаю, что они и в такой неясной обстановке должны действовать, а самому потом спешить в Регину, их столицу, и оттуда доложить, что и как, — ну, а там уж как прикажут. Да, ничего лучшего сейчас не придумать. Только не ввязываться ни во что: вовсе это ни к чему... А дальше?» — эта мысль, собственно, касалась уже одной только Евы, все хлопотавшей возле Граве. «Не знаю, как дальше, не знаю... Может быть, ничего и не случится — хотя уже нельзя будет жить так, как будто ее не было на свете... Не знаю, жизнь покажет».

— Думаю, надо поторопиться, Ева, — сказал он.

— Мне никак не удается...

— Ничего. Тут нужно время.

Милов нагнулся, не без усилия поднял Граве с пола и взвалил себе на спину. Что-то осталось в руке, вроде тряпочки, он сунул это в карман, не думая, машинально, из привычки не бросать ничего на пол. Ева отворила выходную дверь, придержала ее, Милов вынес Граве. Дверь мягко защелкнулась за спиной. «Рыбки теперь передохнут», — вдруг почему-то подумал Милов и даже пожалел их, как будто рыбки станут единственными жертвами происходившего. Ева шла впереди, Милов тяжело спускался вслед — веса в Граве было куда больше, чем в женщине. Внизу по-

прежнему никого не было, только на втором этаже приоткрылась и тут же захлопнулась дверь. Ева открыла заднюю дверцу машины, потом, обойдя ее, — противоположную и помогла втащить и уложить Граве на сиденье. Снова обойдя машину, заметно припадая на ногу, прежде чем сесть, она остановилась рядом с Миловым.

— Дан...

— Ева?

— Странно, правда? И неожиданно...

Ему не надо было объяснять, что это сказано не о Лили, и даже не обо всем том, не вполне понятном, что происходило нынче в городе и вокруг него.

— Ева, я...

— Да. Я ведь поняла.

— Но если бы вы не сказали там, я бы не понял — о себе...

— Не надо объяснять, — сказала она.

— А мне надо, — сказал он. — Только не сейчас. Что с ногой?

— Посмотрим потом. Терпимо.

В машине он спросил:

— К вам домой?

— Да, — сказала она, помедлив. — Наверное, да.

Он включил мотор.

До перекрестка доехали беспрепятственно. Там, однако, пришлось уменьшить скорость: за то время, что они провели у Граве, на пересечении улиц собралось довольно много людей — с дубовыми листьями и без них, вооруженных и безоружных, молодых и пожилых; общим для них было, пожалуй, выражение лиц — какое-то мрачное ожидание читалось на них. Людей пришлось едва ли не расталкивать машиной — дорогу уступали неохотно, в самый последний миг. Милов спросил негромко:

— Где пистолет?

— В сумочке.

— Выньте и держите на коленях. Прикройте хотя бы платочком...

— Вы чего-то всерьез боитесь?

Милов пожал плечами.

— Город без энергии — это неспроста. Обычную аварию давно бы уже устранили. Боюсь, кто-то разыгрывает

тут пьесу во многих действиях. Это уже не просто вспышка негодования фермеров и не только выступление в защиту природы. Слишком чувствуется организация. Жаль, я не очень ориентируюсь в намурийских проблемах. Может быть, вы просветите невежественного туриста? — Он наконец выбрался из сутолоки и прибавил газу.

— Бросьте, Дан, — сказала Ева. — Я ведь не спрашиваю, кто вы такой и зачем оказались здесь: наверное, вам не нужно, чтобы я спрашивала. Но и дурочкой считать меня не надо.

— В этом неповинен. И если вам так показалось — простите.

— Прощаю. Здешние проблемы? Да самые обычные. Намуры и фромы. Демократы и консерваторы, а у власти — либералы. Внешние долги: нечем платить проценты, конкурентоспособность падает. И, конечно, экология...

— Не знай я, что вы врач, принял бы за политического обозревателя.

— У нас дома только и говорят, что о политике и экономике.

— Понятно. И оппозиция правительству сильна?

— Не сказала бы. Она стоит на таких крайних позициях, что на выборах...

— А если без выборов?

— То есть как это?

— Да очень просто. Масса может всколыхнуться по любому поводу, для всех вполне приемлемому. Но ее всегда умели поворачивать в нужную сторону так, что она этого и не замечала... А тогда события могут принять такой оборот, что сделаются опасными не только для Намурии, но для всех — для нас, для вас...

— Ну, мы-то далеко, — сказала она. — За океаном.

— Что теперь океан?.. Да и разве все ваше за океаном? А дети?

— Да, — помедлив, сказала она. — Вы правы. Дети. Нет, Дан, я не поеду сейчас домой — передумала. Мне нужно в Центр. К ним. Тем более, что Карлуски погиб. Так что выезжайте на проспект, и — прямо, пока сумеем. Главное — выскочить на шоссе.

— Ваше слово — закон, — согласился он. — И Граве там пристроим, кстати. Только надо бы где-нибудь заправиться — едем на остатках...

— Направо и еще раз направо, — сказала она.

— Спасибо, мой штурман.

На проспекте прохожих стало намного больше, и с первого взгляда можно было подумать, что все в порядке; однако в отличие от хаотического движения людей на улицах в обычное время, здесь почти все направлялись в одну сторону; почти не было женщин, и совсем — детей. И никакого транспорта, за исключением той машины, в которой ехали они сами.

— Дан! — это было сказано почти с ужасом.

— Что с вами, Ева? — Он резко затормозил.

— Вы что, тоже... из них?

— С чего вы взяли?

— Дубовый лист...

— Ну?

— Он торчит у вас из кармана!

Сняв руку с руля, он вытащил зеленую суконную тряпочку из кармана. Помял в пальцах.

— Шинельное сукно... Не бойтесь, Ева, это я подобрал у Граве в прихожей. Верно, потерял кто-то... тот, кто приходил.

— Дан, я и в самом деле начинаю бояться: что происходит с миром?

— Не знаю, хотя предположения можно строить. Может быть, он, как змея, меняет кожу. Выползает из старой.

— И старая кожа — мы?

— Может быть.

— Слушайте, а это хорошо, что мы едем в ту же сторону, куда идут все они?

— Мы ведь направляемся к центру, если нам нужно на шоссе?

— Но можно и обратным путем — так, как приехали...

— Боюсь, что там выехать из города будет трудно — помните? Ну вот, и люди тоже идут в центр. Да, теперь я уверен: это не само собой случилось. Кто-то это затеял, готовил, командовал. Ну, а теперь — здесь, во всяком случае, — они, видимо, одержали верх и теперь должны из-

ложить свою программу и обнародовать указы. И есть лишь один способ сделать это.

— Как в средние века?

— Тока ведь нет, а значит — ни радио, ни теле, ни газет. Нет информации. А без нее — многое ли отличает нас от средних веков?

— Вы всерьез?

— Не совсем. Думаю, что какие-то качества нас все же отличают, даже когда нет электричества. — Милов кивнул в сторону одного из немногих прохожих, что шли против движения; этот был без листка и тащил два ведра с водой. — Даже когда приходится заменять водопровод вот этим...

— Дан, а вы помните танк? И солдат? Вот это меня всерьез пугает...

— А меня, напротив, успокаивает. Они бездействуют — значит, ждут команды. Откуда? Из столицы, естественно. В таких случаях правительство, как правило, не реагирует мгновенно: нужно взвесить последствия — и внутренние, и внешние... А пока армия под контролем правительства, могут быть эксцессы, но до всеобщей резни не дойдет.

— Думаете, в столице не происходит ничего подобного?

— Если правительство хоть чего-то стоит, его не так легко разогнать, как ваших коллег в поселке... Ага! Бензоколонка. Давно мечтал о встрече.

— Дан. Вы плохо говорите по-намурски, а они...

— У вас есть какая-нибудь булавка, шпилька? Приколите мне повязку, как только остановимся.

Он подъехал к колонке, затормозил, протянул ей левую руку.

— Теперь пересядьте за руль. Пистолет оставьте на сиденье, под платочком. И если увидите, что у меня осложнения...

— Буду стрелять.

— Нет. Вы немедленно уедете.

— Не выйдет, Дан. С моей ногой мне сейчас даже не выжать сцепления. Так что обойдитесь без осложнений.

Он вышел из машины. Заправщика не было. Просунув

руку в окошко, погудел; никто не вышел из конторки и после этого. Тогда Милов сам отвинтил пробку бака, вставил наконечник шланга. На всякий случай еще раз погудел. Теперь человек вышел и махнул рукой. Проговорил лениво:

— Ты что, только проснулся? Тока нет.

«Дурак старый, — подумал Милов о себе. — Знал ведь, что город без энергии, как же насосы станут качать? Однако же бензин мне нужен». — Он заметил, что за будкой, почти целиком скрытая ею, стоит «тойота» — наверное, самого заправщика. «Ну, — сообразил Милов, — у него-то, надо думать, бак полон, не в ту эпоху живем, когда сапожники ходили без сапог...» Он направился к будке неторопливыми, уверенными шагами. Заправщик стоял, подбоченившись, Милов подошел вплотную.

— Зайдем на минуту к тебе, — он сказал это по-намурски, заранее построив фразу и несколько раз произнеся ее мысленно, чтобы не запнуться.

Заправщик смерил его взглядом, усмехнулся, отступил. Милов шел вплотную за ним. Затворил за собой дверь. Тот обернулся.

— Твоя минута пошла.

— Надо залить бак. У тебя есть запас. У всех есть. Плачу вдвойне.

— У всех, может, и есть, — пожал тот плечами, — а у меня сухо. Да и внизу негусто: вчера не привозили — к чему, все равно тока не будет.

— А я слыхал — вот-вот дадут.

— Вот от кого слыхал — пусть они тебя и заправляют. А мне нечем. Да и некогда: пора на площадь, сам Растабелл, говорят, обратится к народу. И тебе полезно сходить, раз уж листочек нашел, хоть ты и иностранец, говоришь как-то дубово. И бабу свою захвати, ей тоже не помешает послушать. — Он кивнул в сторону окна, из которого видна была машина, и в ней — Ева, опустившая боковое стекло. Она тоже смотрела в их сторону — напряженно, упорно.

«И в самом деле, выстрелит, если что», — поверил Милов, и от этой мысли ему стало весело.

— Ты пешком пойдешь? — спросил он.

— А как же. От машин — вред, ты что, не знал?

— Тогда отдай твой бензин.

— Ого! А до аэропорта я ее плечом толкать буду, по-твоему?

— Куда лететь?

— Дурак ты. Мы их там жечь будем! А ты разве не туда ехал? Постой, постой, а куда же...

Милов нанес удар по всем правилам искусства. Заправщик рухнул, не издав ни звука, хотя и здоровый был парень, бульонный. Милов нагнулся, снял с лежавшего дубовый листок вместе с булавками, ощупал, вытащил тяжелый пистолет. «Обойдешься», — подумал он, перешагнул через заправщика и вышел. Аккуратно затворил за собой дверь, подошел к машине. Ева смотрела на него и улыбалась, улыбалась — у него даже дыхание перехватило. Он тоже улыбнулся ей, сказал:

— Сдайте задним ходом вон туда, к «тойоте», — и сам направился туда. Открыл бак — бензина, как он и полагал, было по самую пробку. Подъехала Ева. Милов открыл багажник «своей» машины, нашел шланг и стал качать грушу. Бензин полился из бака в бак. Милов внимательно глядел — не появится ли хозяин, но тот, как видно, не спешил прийти в себя. Закончив, Милов аккуратно завинтил обе пробки, шланг уложил в багажник, захлопнул крышку. Ева уступила ему место за рулем.

— Ничего, — сказал он. — И плечом дотолкает.

— Что?

— Да нет, это я так... Нате-ка. — Он протянул Еве листок; этот в отличие от найденного им, был из тонкого пластика. — Очень модное украшение. Наденьте. Как тут Граве?

— По-прежнему.

Они осторожно выехали на улицу. Прохожих стало еще больше. Шли они все в том же направлении. Одиночки, нестройные ряды добровольцев, время от времени — ровно печатавшие шаг небольшие отряды волонтеров, человек по двадцать пять — тридцать. Не было лишь военных: армия не играла.

— Смотрите, Дан!

То были совсем другие люди; прямо посреди улицы

шла колонна, человек до ста, у большинства руки были связаны за спиной, кое на ком одежда разорвана. Их вели люди, одетые одинаково, как волонтеры, но не в отслужившее солдатское, а в черные брюки и черные же облегающие свитеры, и дубовые листья на груди каждого были не зелеными, но ярко-желтыми, и сразу бросались в глаза.

— То ли кунсткамера, — пробормотал Милов, — то ли расцвет плюрализма... Это еще что за формирование?

— «Молодые стрелки», — ответила Ева.

— Все-то вы знаете...

Колонна мешала проехать. Милов решительно загудел. Строй не сразу, как бы нехотя, начал принимать влево. Объезжать пришлось медленно, почти вплотную. Арестованные шли, угрюмо глядя кто под ноги, кто прямо перед собой, никто не шарил глазами по сторонам — видимо, стыдно было своего положения. Один, уже очень немолодой, споткнулся, страж крикнул ему: «Под ноги гляди, морда безродная!» — но тот поднял голову, оглянулся на звук мотора, встретился со взглядом Милова — в глазах старика стояла тяжелая тоска. Ева отшатнулась, припала головой к плечу Милова.

— Осторожно, девочка, — сказал Милов. — А то я врежусь не в того, в кого стоило бы...

Она всхлипнула.

— Ну, не надо, Ева, не надо...

— Не понимаю, — сказала она с отчаянием в голосе. — Не могу понять... Ученые, инженеры — дико, но в этом есть хоть какая-то логика. А это?.. Не укладывается в сознании.

— Ну, почему же? — сказал Милов даже как-то лениво, словно ему предстояло объяснять ребенку вещи очевидные и понятные едва ли не от рождения. — Для одних истребление природы было причиной требовать изменения самой сути цивилизации, постепенного перевода ее из материального в духовное русло. А для тех, кто организовал все это, — он кивнул в сторону колонны, мимо которой они все еще ехали, — то был лишь повод для обвинения властей в несостоятельности, чтобы захватить все в свои руки. А метод не ими придуман, он давно зна-

ком: начинать нужно с чего-то привычного и всем понятного...

— Но ведь опыт истории...

— А при таких болезнях не вырабатывается иммунитета. Ею можно заболевать еще и еще раз, были бы условия...

— Что теперь с ними сделают?

Милов пожал плечами. Колонна осталась, наконец, позади, и он увеличил скорость — ненамного, потому что народу все равно хватало, и люди шли не только по тротуарам.

— Болит голова, — пожаловалась она.

— Крепитесь, Ева, милая... Вот дьявол! Ну, что ты скажешь!

Впереди, перегораживая улицу, тесно друг к другу стояли грузовики.

— Через такую баррикаду я прорваться не берусь. Разве что на танке. Тут можно двигаться только вместе со всеми.

— Ни малейшего желания.

— Вот и у меня тоже. Поэтому...

— Погодите, — хрипло послышалось сзади: Граве очнулся. — Где мы? Куда вы меня везете? Почему?..

— Лежите спокойно, — посоветовал Милов.

— Остановитесь! Выпустите меня! Я убью их, я всех убью! Дайте мне! — он протянул руку между передними сиденьями. — Вы предлагали мне пистолет!

— Разве вы стрелок, Граве? Да и вообще, это не выход.

— Но ведь они убили ее... — проговорил Граве и зарыдал, словно только сейчас понял, что означали эти слова, — тяжело, истошно, не умея остановиться. Машина тащилась на второй передаче.

— Все, — сказал Милов. — Дальше не проехать. Сделаем так...

Непрерывно гудя, он стал сворачивать в первую же подворотню. Машину нехотя пропускали. Въехали в неширокий дворик с росшим посредине деревом с опавшей корой. Милов остановил машину.

— Придется переждать здесь, — сказал он. — Кончится же когда-нибудь это шествие. Граве, вы сидите и не вы-

совывайте носа, воздавать будете потом, сейчас это невозможно. А вы, Ева...

— Я с вами, — решительно заявила она.

— Но я хочу пойти на площадь — посмотреть, послушать, меня все это чем дальше, тем больше интересует. А у вас нога...

— Мне очень нравится, — сказала Ева, — когда меня носят на руках.

— Ну, если так, то сдаюсь, — капитулировал Милов.

— Оставьте мне пистолет, — снова сказал Граве, уже тихо.

— Оружие вам ни к чему. Ждите, пока мы не вернемся.

Граве только засопел.

Милов вылез, помог выйти Еве.

— Я сразу возьму вас на руки. Так будет надежнее.

— Боитесь потерять меня? — спросила она, улыбнувшись. — Нет, я хоть немного хочу пройти сама.

Он крепко взял ее за руку.

— Все равно, я вас не потеряю.

Это была Ратушная площадь, и люди заполнили ее до предела; правда, была она не так велика, как и в большинстве старых европейских городов. Люди стояли, разделившись на две четко обозначенные группы, одна побольше, другая — не столь многочисленная, видимо, намуры непроизвольно подходили к намурам, фромы — к своим, никто не устанавливал их так, но все же между группами оставался неширокий проход, тянувшийся до самой ратуши, и там, вдоль здания, стояла третья группа, самая маленькая — но то были волонтеры.

— Не станем углубляться, — сказал Милов, когда он и Ева вышли на площадь, несомые потоком. — Входя, думай о том, как будешь выходить. — Встав перед Евой, он начал расталкивать толпу и вскоре добрался до стены одного из окаймлявших площадь домов, остановился близ подъезда. — Вот здесь и останемся. — Он поправил висевший за спиной автомат, ни у кого не вызывавший удивления: вооруженных тут было немало. — Надеюсь, стрелять нам не придется.

— Будем говорить поменьше, — тихо отозвалась Ева. — Кто знает, как здесь воспримут иностранцев...

Над площадью стоял гул, неизбежный, когда собирается вместе такое множество людей. Местами над толпой поднимались наспех изготовленные лозунги, намалеванные, скорее всего, на полосах от разодранных простыней. Тут и там размахивали национальными флагами, но в стороне, занятой фромами, мелькали и еще какие-то цвета — возможно, у фромов был и свой флаг, особый. Потом словно кто-то подал знак, Миловым не замеченный, — и все запели что-то, что Милов принял за марш, но то был государственный гимн, и пели его на двух языках, изо всех сил, как бы стараясь перекричать не только другой язык, но и все шумы в стране.

Затем вдруг настала полная тишина. На длинном балконе второго этажа показалось несколько человек, все — штатские, только один, очень немолодой уже, был в комбинезоне, как все волонтеры, без знаков различия, но с дубовыми листьями. Они выходили не спеша, один за другим, и останавливались, подойдя вплотную к балконным перилам. Судя по всему, это и были главари, или вожди — те, кто возглавлял это не до конца еще понятное движение с его не до конца еще понятной жестокостью. Можно было ожидать, что их встретят взрывом энтузиазма, но это, видимо, здесь не было принято; а может быть, люди и не знали всех в лицо — ведь и суток еще не прошло с минуты, когда все началось.

Наконец, вышел последний, — их оказалось девять человек всего. Милов машинально огляделся в поисках телекамер, усмехнулся силе привычки: телевидения на сей раз не будет, как не бывало его сотни и тысячи лет... Люди на балконе помолчали, потом стоявший в середине поднял руку, как бы призывая ко вниманию, хотя и без того все внимание было устремлено на него. По прямой Милова отделяло от балкона не более пятидесяти метров. Щурясь, он вглядывался в лица тех девятерых — лица были обыкновенными, не очень выразительными, человеческими — некоторое волнение, правда, можно было заметить на них. Он вдруг ощутил, как Ева сильно вцепилась в его руку.

— Больно?

— Нет, ничего... — не сразу ответила она. И через секунду повторила: — Нет, ничего, ничего. — И словно дождавшись именно этих слов, стоявший в середине девятки начал говорить.

— Сограждане! — произнес он, потом понял, видно, что на этот раз усилителей и микрофонов нет, и нужно говорить громко, чтобы услышали все, и повторил, на сей раз почти выкрикнул:

— Сограждане! Мы с вами решились и совершили великое дело. Вы сами знаете, какое: мы спасли жизнь. «Жизнь» с большой буквы — нашу, наших детей, всех предстоящих поколений. Десятки и сотни лет люди и правительства, не имевшие или потерявшие чувство ответственности перед настоящим и будущим, убивали, отравляли, калечили мир, в котором мы все живем, в котором только и можем жить. Вы все знаете, и не по рассказам знаете — на самих себе, на детях своих испытали, как все это происходило. Как вырубались и отравлялись леса, как вода превращалась в химический рассол, в котором ничто живое существовать уже не могло, как земля, данная нам от Бога, наша плодородная земля становилась порошком вроде тех, каким морят насекомых, — но это не насекомых морили, это нас медленно, но верно убивали, начиняя плоды нив, садов и пастбищ такими количествами противных жизни веществ, что мы, сами того не понимая, подходили уже к той грани, за которой началось бы стремительное и неудержимое вымирание... Ради чего все это совершалось, сограждане? Ничто не требовало этого, потому что нет смысла в росте населения, если оно растет лишь для того, чтобы быть отравленным, удушенным и сожженным... И мы в нашей маленькой стране тоже пользовались ядовитыми плодами этого образца жизни, и к нам приезжало все больше людей из других стран, привлеченных нашим кажущимся благополучием, и приезжали они не с пустыми руками, вначале привозили с собой горькие плоды науки и техники, а затем стали выращивать их и на нашей благословенной земле; и мы не запретили им въезд, не подумали о своем будущем. Говоря «мы», я имею в виду то правительство, которое существовало до вчерашнего дня; но бремя его вины перед народом

превысило все мыслимые пределы, и Создатель — или судьба, если угодно, — сурово покарали преступных властителей: рухнула, как многие из вас уже слышали, плотина, и поток обрушился на столицу, и все они утонули, подобно крысам...

Рев толпы прервал его.

«Господи, что за идиоты, — подумал Милов, понимавший не все, но главное. — Радуются беде — как же они не соображают, что погибли наверняка и сотни тысяч людей, таких же, как они сами, ни в чем не виноватых... Так вот, значит, в чем дело, почему нет энергии и откуда вода в канавах... Но он подставляется очень необдуманно — опыта не хватает?..»

Опыта, видимо, было достаточно, потому что оратор продолжал:

— Да, погибли еще многие и многие, и мы скорбим о них. Но разве не сами они привели себя к погибели? Разве не им, жителям столицы, разве не их заводам и вертепам прежде всего нужна была та сила, ради которой и воздвигли плотину, чтобы вода — наша чистая, природная, необходимая вода вертела их машины, убивавшие и уже убившие жизнь в нашей реке и других водоемах? Да, и мы с вами, сограждане, остались без электричества, и нам отныне придется многое делать не так, как до вчерашнего дня, — но предки наши на нашей земле столетиями жили без него — и только благодаря их здоровой жизни мы и появились на свет! Вспомним о предках, сограждане, и пожелаем стать такими, как они, и не сетовать, но благословлять ту волю, благодаря которой все произошло... Ограничим себя, сограждане, и в потребностях, и в поступках, будем жить скромно, строго, целеустремленно и чисто...

— Дан! — возбужденно прошептала Ева. — Но ведь все это верно, он прав! Он прав!

— Согласен. И все же... где-то в рукаве у него крапленая карта. Очень уж не вяжется...

— Это же Растабелл, Дан! Он честный человек...

— Ну, может быть, и не он сам, но кто-то из близких к нему гнет свою линию — идет к власти, к полной власти, к диктатуре, может быть... Погодите, послушаем еще.

— ...Вы скажете, сограждане: но ведь и мы виноваты!

Да. Но разве мы не поняли? Разве не раскаялись и не доказали этого делом?

Тут толпа снова на несколько мгновений взорвалась ревом: Милов почувствовал, как вздрогнула Ева, да и самому ему стало не по себе, хотя он вроде бы привык в жизни ко всякому. «Он их доведет до кипения, — подумал Милов, — тогда уже не помогут никакие танки...» Люди ревели, топали, аплодировали, поднимали в воздух оружие — те, у кого оно было, остальные вздымали над головой сжатые кулаки, размахивали флагами. Казалось, взрыв этот никому не под силу унять, но оратор снова поднял руку — и толпа затихла сразу, доверчиво, покорно. «Да, он хорошо держит их в руках, — подумал Милов. — Не зря оказался во главе. Растабелл, Растабелл... что-то я слышал — или читал?..»

Но оратор уже заговорил снова:

— Мы это сделали, да, сограждане. Но это не значит, что мы целиком оправданы. Мы все еще виноваты. Виноваты в том, что были слишком нерешительны. И на нашей благословенной Господом земле возникла страшная язва, рассадник гибели. Вы отлично знаете, о чем я говорю: о Международном Научном центре. Нельзя было допускать его. Нельзя было идти ни на какие соглашения. Мы — допустили. И в этом — наша общая вина, и теперь получить прощение матери-природы и самого Творца мы можем только все вместе, общими действиями. Потому что, дорогие сограждане, дело дошло до того, что и на нашей земле стали рождаться дети, которые не хотят жить! Это наша с вами гибель! Это преступление не одного только нашего века — это величайшее преступление за всю историю рода людского!

Снова взрыв. Ева сказала в самое ухо Милова — громко, иначе ему не услышать бы:

— Дан, он все равно прав — куда бы ни гнул...

Милов кивнул:

— А лозунги всегда правильны. Они — начало. Но потом...

Он умолк одновременно со всеми: снова над головой оратора взлетела рука, и опять все повиновались беспрекословно.

— Но мы выступили вовремя, все еще в наших руках!

Сограждане... — тут он запнулся, почти незаметно, на полсекунды только, но все же запнулся, словно ему надо было в чем-то преодолеть, убедить самого себя, и это ему удалось, хотя и недешево стоило. — Всего лишь несколько часов прошло с той поры, как остановились заводы, как перестали они отравлять воздух — наш с вами воздух. И вот — результаты! Наши дети, — он снова на мгновение прервался, словно перехватило горло, — наши дети, о которых я сказал, были помещены в условия, в которых не должны жить люди, только лабораторных крыс можно использовать так. Вы спросите: а что было делать, нельзя же было позволить им умереть! Отвечу: да, нельзя! Но не надо было для этого замыкать их в непроницаемые камеры, словно приговоренных к пожизненной тюрьме; надо было сделать то, что и сделали мы: убрать, обезвредить источники отравления! Мы сделали это — и вот...

Он повернулся к выходившей на балкон двери. Толпа замерла. И тут же, одна за другой, на балкон вышли четыре рослые женщины, одетые, как сестры милосердия, и каждая держала на руках младенца — крохотное тельце, аккуратно укутанное в одеяльце. Стоявшие вдоль перил потеснились, и женщины остановились у самого края балкона, медленно, торжественно протянули сильные руки, на которых лежали младенцы, и застыли так — лишь на их лицах читалась радость. Один ребеночек заплакал, и такая немота стояла на площади, что этот тихий плач услышал каждый.

Растабелл поднял голову, раскрыл рот, но, наверное, не нашел нужных слов; молчание на миг стало невыносимо тяжелым — и тут заговорил другой, стоявший рядом с ним, слева:

— Вы видите, сограждане! — крикнул он. — Вот они! Всего несколько часов — и они уже дышат, как мы с вами, обыкновенным воздухом. Не потому, что изменились они: изменился воздух! И отныне они будут жить, как все люди, угроза пожизненной тюрьмы более не нависает над ними!

На этот раз ликующий рев достиг такой силы, что даже Растабеллу не по силам оказалось бы справиться с ним, не то что новому оратору; Растабелл, однако, и не

пытался, он даже сделал шаг назад, отдалился от перил, показалось даже, что хотел уйти — он посмотрел в сторону двери, — но остался; люди же клокотали, как лава в кратере проснувшегося вулкана. Многие плакали, не стесняясь.

— Дан... Я не верю, этого не может быть, мне кажется, тут совсем другие дети...

— Кричите «Ура!» — ответил он, — кричите громче! — И сам заорал: — Да здравствует! Ура! Ура!

Не менее десяти минут прошло, пока второй оратор смог заговорить снова:

— Сограждане! Наш Первый гражданин напомнил вам, что минувшей ночью многие выступили против источников гибели. И обезвредили некоторые из них. Но не все! Успокаиваться рано: снова могут закипеть котлы с адским варевом, в воздух и воду снова извергнутся плоды дьявольской кухни! И еще не наказаны те, кто занимался и дальше готов заниматься этими человеконенавистническими делами — если мы не помешаем... Что же удивительного, мои сограждане, намуры и фромы: ведь большинство из них не принадлежит к нашим народам, это пришлые люди, чуждые нам, и они не станут щадить ни нас, ни наших детей, и если даже все мы поголовно вымрем, никто из них и не почешется! Так что же мы — так и позволим им?.. Нет, и еще раз — нет, говорю я! Сограждане, собратья, дети древних народов! Вы взяли в руки оружие! И я призываю вас не складывать его до тех пор...

Люди бушевали, и рев их, отражаясь от каменных стен, вихрился, креп, оконные стекла звенели и, казалось, вот-вот разлетятся осколками. Говоривший снова терпеливо обождал.

— Как же мы, друзья, поступим с ними? Тут были разные мнения: проявить милосердие и просто выбросить их за пределы страны; или же, поскольку они ели наш хлеб и наносили нам ущерб, заставить их честным человеческим трудом покрыть причиненные нам убытки. Да, собратья, мы люди милосердные, и нам чуждо стремление причинить кому-либо вред. Но ответьте: а они о нас думали, они нас жалели? Нет и нет! И мы поняли одно: этих людей не переделать. Такими они родились, такими воспитаны, и стремление ко злу у них в крови, так что они вновь и

вновь будут искать и находить способы заниматься тем же самым — а ведь для этого не всегда нужны большие залы и дорогие приборы и машины. Оставшись в живых, они постоянно находили бы поддержку среди тех, кто сам и не занимался такими делами, но принадлежит не к нашему двуединому народу, и сам не только не скрывает, но гордится своей чужеродностью, и поэтому всегда рад будет оказать поддержку тем, кто вредит нам. Поступить со всеми ними, и преступниками, и пособниками, милосердно — означало бы снова предать наш народ, не избавить его от давно нависавшего дамон... дакло... ну, от меча гибельной угрозы, черт меня возьми, мне эти чужие слова всегда нелегко давались... — Он переждал одобрительное гудение толпы, постепенно он обретал власть над нею. — Нет! — выкрикнул он затем. — Мы не пойдем на предательство — да вы и не позволите нам, потому что в своем сердце вы уже вынесли им приговор, и приговор этот — смерть!

На этот раз шторм грянул не сразу, и как-то вроде бы нерешительно; но в разных углах площади все громче и определеннее раздавалось: «Смерть! Смерть!» — и в конце концов сборище загремело еще грознее, чем прежде.

— Дан, я боюсь...

— Вот теперь обозначилось направление, понимаете?

— Кто бы мог подумать: в наше время, во вполне цивилизованной стране, с традициями...

— Диалектика, — усмехнулся Милов: — единство противоположностей, и новое вызревает в недрах старого, устойчивого как будто... Довольно противный голос, кстати.

— ...Не месть и не расправа — наша цель, но уничтожение всего того, что угрожает жизни. Все, что принесено извне в нашу жизнь, в наши дома, на улицы, в леса и поля, реки и озера той болезнью, которую именуют научно-техническим прогрессом — все это подлежит уничтожению. Долой! Долой все то, что, как нам по нашей наивности казалось, делает нашу жизнь удобнее, комфортабельнее, приятнее! Ибо все это, братья, действительно делало удобнее — но не жизнь нашу, а смерть, нашу с вами и всех тех, кому надлежало прийти от нас — после нас. Поэтому — не надо жалости! Не надо

сомнений! Чистый воздух, чистая земля, чистая вода, чистый народ!..

— Дан, вы понимаете, что это значит? Это же призыв разгромить Центр и расправиться...

— Чего уж проще.

— До сих пор я надеялась, что дети послужат защитой, те, что у нас в Центре: это же их дети! Но теперь... Дан, они ведь, по сути, решили принести их в жертву, раз объявили здесь, что они здоровы и благополучны, что там их больше нет. И Растабелл среди них, вот этого я не могу понять...

— Почему?

Ответа он не получил; почувствовал, что кто-то оттесняет Еву от него, насколько это было возможно в плотной толпе. Не размышляя, Милов резко двинул рукой, почти наугад. Но в этой каше нельзя было ударить, как следует, и кулак лишь скользнул по чьей-то скуле. Ева, изловчившись, перехватила его руку.

— Дан, милый, это же Гектор, из Ю-Пи-Ай, это свой... Гектор, это Дан Милов, из России. Гектор, кто это вас так? Дан не мог...

— Простите, Гектор! — заорал Милов, чтобы перекричать толпу. — Я было решил...

— Пустяки, Дан, то ли бывает. Вы от кого?

— Нет, я тут в общем случайно.

— Жаль — обменялись бы информацией. Вы понимаете, что тут происходит?

— Догадываюсь. А вы?

— Меня потрясло чудо с детьми: за несколько часов...

— Чистый блеф. А меня — то, что он сказал о плотине.

— К сожалению, правда. Я успел доехать до самой воды...

— Действительно — потоп?

— Прямо по Писанию. Я кое-что повидал в жизни, но тут мне, откровенно говоря, стало не по себе.

— Что на дорогах? Везде так?

— Туда доехал благополучно. А на обратном пути меня остановили, отобрали машину и подожгли, да и мне дали по скуле за то, что вылез не сразу. Так что вы не оригинальны.

— Добровольцы?

— Волонтеры. Вокруг бывшей столицы их много.

— А что остальные?

— Видел большую драку — намуры на фромов. Но там волонтеры сразу взялись наводить порядок. Решительные парни, ей-богу. По-моему, драка возникла потому, что не поделили... Понимаете, вода понемногу отступает — уходит в реку, впитывается в грунт, и на окраинах уже можно пробраться...

— Мародеры?

— Да. Но пойманных убивают на месте. Ощущение такое, что те, кто сейчас взял власть, стоят за дисциплину.

— Естественно. Надо сказать, им крупно повезло.

— Плотина рухнула, как по заказу, с нее и началось, хотя терпение у людей давно было на исходе; я здесь третий год, и жизнь за это время не становилась легче... Погодите. О чем он?

— ...Сограждане! Еще одно усилие! И оно будет последним. Сотрем с лица земли, и плугом проведем борозду...

— Ну, программа изложена исчерпывающе. Знаете, Гектор, я, откровенно говоря, побаиваюсь.

— Ничего, выберемся...

— Я не об этом. Понимаете, такое напряжение ведь не только в Намурии. Легче сказать, где его нет — в Швеции и Швейцарии, может быть. А примеры заразительны. И если в других странах не начнут принимать серьезных мер...

— То есть, не прибегнут к армии?

— Глупости, Гектор. Серьезные меры могут быть лишь одни: немедленно жать на тормоза, наводить порядок в защите жизни от «Хомо Фабер», иначе мир может в несколько дней превратиться черт знает во что... Вы уже ударили в свой колокол?

— Как бы не так! Нет связи, понимаете? Столько информации — и нет возможности передать...

— А Центр? — спросила Ева. — Там-то энергия, наверное, есть? Станция своя, радиоцентр — тоже...

— Я всегда говорил, что женщины умнее нас, — сказал Гектор; они говорили по-английски, и на них все чаще косились те близстоящие, кто мог хоть что-то услышать, кроме не прекращавшегося рева толпы. — Давайте исчезнем,

пока это еще возможно, и постараемся пробиться в Центр. Хотя не представляю...

— У нас тут рядом машина.

— О-о! Тогда я с вами. Берете?

— С радостью. Помогите Еве, Гектор, у нее нога. А я пойду ледоколом: меня сегодня еще не били. Ну — вперед!

Они опоздали на несколько секунд: уже вся масса людей устремилась в улицы, уводящие с площади, и троих просто-напросто потащило вместе со всеми. Противостоять потоку было невозможно. К счастью, их понесло по той же улице, по которой они пришли.

— Страхуйте Еву справа, иначе ее сомнут.

— Понял, Дан. Когда-то я умел...

Журналист и сейчас не утратил способности ввинчиваться в толпу решительно, но не грубо, без обострений. Он взял Еву под руку.

— Теперь пробьемся в ту подворотню, к машине. У вас есть оружие?

— Что за чушь? Конечно, нет. Зачем мне было?..

— Получите в машине, у меня там лежит трофей...

— Почтенные сограждане, пропустите, женщине плохо, — воззвал Гектор по-намурски.

— Язык — великое дело, — пробормотал Милов, — иначе как люди врали бы друг другу? Ну-ка, нажмем... Не бойтесь, можно и в челюсть дать, они даже не заметят — так возбуждены... Вот так! Видите — даже не оглянулся, сейчас всем не до таких мелочей.

— Можно подумать, что вы местный житель.

— Знаете, народы все разные, но толпа везде одинакова. Ну — еще одно усилие...

Как течение выносит щепку в спокойную заводь, их вытолкнуло в подворотню. Двор был пуст, лишь дерево по-прежнему медленно умирало, и ему не легче было оттого, что судьба его наконец-то заинтересовала людей всерьез.

— Прыжки и гримасы, — пробормотал Милов. — Где машина?

— Наверное, там, где Граве, — ответила Ева, вытирая

пот со лба. — У меня чуть не вырвали сумочку... О, да в ней кто-то успел похозяйничать!

— Пистолет?

— Цел: в кармане жакета. А вот кошелек...

— Выживем — разбогатеем. Как удалось Граве вырваться? Почему он не дождался нас? Хотя, может быть, он и не при чем, а машину угнали, чтобы сжечь. Призывы здесь, похоже, осуществляются быстро. Боюсь, что мы его больше не встретим; в его состоянии легче легкого — наделать глупостей, а люди сейчас не настроены снисходить к недостаткам ближних... Ну, черт бы взял машину, но вот связь нужна. Мир, видимо, ничего еще не знает о том, что здесь происходит. Новые правители, конечно, сообщат — но не сразу, да и боюсь, что их истолкование будет далеким от истины.

— Ну, не знаю, — сказал Гектор, — надолго ли они пришли. Армия еще не сказала своего слова. Хранит спокойствие и нейтралитет. Да, кстати: у армии ведь своя связь, почему мне сразу не пришло в голову!

— Дан, — сказала Ева, — кажется, я смертельно устала, и нога никак не успокаивается. Пешком до Центра не добраться. Выход пока один: идемте ко мне.

— А там у вас машина? — с надеждой спросил Милов.

— Моя осталась в Центре, но я надеюсь, что другая — дома. Там можно будет подумать спокойно, для меня найдется неплохая аптечка. И как знать — может быть, решится вопрос и о связи.

Гектор покачал головой:

— Я неплохо знаю Лестера, Ева. И, откровенно говоря...

— Его сейчас нет дома, — сказала Ева уверенно. — Дан, не размышляйте глубокомысленно. Поверьте: я права. Идемте.

Они вышли на улицу. Торопливо расходились последние участники сбора, и на лицах их было написано, что они идут на трудную и серьезную работу.

— Это в двух шагах, — сказала Ева. — Теперь моя очередь возглавлять шествие.

Улица, на которой они вскоре оказались, была застроена красивыми многоэтажными домами, теперь уже стары-

ми, но по уровню удобств наверняка превосходившими те жилища, которые во множестве воздвигал нынешний век. Было нечто величественное в этих строениях, среди которых не было и двух одинаковых, но все вместе они выглядели архитектурным целым; объединяло их, кроме единой школы, и еще одно: ощущение неприступности, замкнутости, какой-то крепостной уверенности в себе...

Но сейчас незримые крепостные валы словно бы рухнули, и возле домов толпился народ; тяжелые, привыкшие стоять замкнутыми, двери подъездов были распахнуты настежь, зеркальные окна кое-где — тоже, и уже летели на мостовую книги из окон третьего и пятого этажей углового дома. Некоторые падали тяжело, кирпичом, словно за годы стояния на полках книжных шкафов — семейных, переходивших из поколения в поколение — листы их так срослись друг с другом, что уже не могли более разъединиться, как не могли разъединиться судьбы их героев или символы их формул; другие книги, как будто стараясь подольше удержаться в воздухе, а может быть, и вовсе улететь от ожидавшей их судьбы, раскрывались на лету и были похожи на подстреленных из засады птиц; третьи, самые старые, возможно, или более других читанные, уже в падении разлетались отдельными страницами, и можно было подумать, что кто-то швыряет сверху пачки листовок, чтобы донести до людей неизвестно чей яростный призыв...

Внизу люди сгребали упавшие книги, сносили на руках, толкали ногами, прикладами ружей, громоздя кучу, а другие летели еще и еще, а кто-то уже подносил к куче зажигалку, бережно прикрывая ладонью лисий хвостик пламени, а еще кто-то кричал, задрав голову: «Газеты кидайте, газеты, чтобы сразу разгорелось...»

— Боже мой, боже мой, — бормотала Ева. — Книги, но зачем же книги — они же не вредят природе, почему же их...

— А почему же нет? — сказал Милов, криво усмехнувшись. — Где граница, до которой можно, а дальше — нельзя? Если можно убивать людей — почему же не жечь книги? Трудно бывает начать, но еще труднее — остановиться, особенно если катишься с кручи в каменный век...

— Ненавижу ваше спокойствие, — задыхаясь, проговорила она.

Тем временем еще другие окна распахнулись, и вперемешку с книгами стали грохаться на тротуары и проезжий асфальт радиоприемники — от карманных транзисторов до массивных настольных всеволновых суперов; один, маленький, угодил в голову кому-то из усердствовавших внизу — тот схватился руками за поврежденный череп, сквозь пальцы проступила кровь, кто-то засмеялся, никто не подошел помочь; гулко взрывались выброшенные телевизоры; откуда-то волокли, кряхтя, аппарат телекса; кто-то подтащил несколько портретов и тоже бросил их на книжную кучу, по которой огонь уже поднимался все выше. Из другого подъезда вышвырнули — сильно, словно из катапульты выстрелили, человека — лицо его было в крови, он прижимал к груди пачку каких-то бумаг, их рвали у него, несколько раз ударили, швырнули на тротуар и потом переступали через него, пока он, придя немного в себя, не отполз к самой стене; там он сел, глаза его близоруко моргали, по лицу текли слезы, но обрывки бумаг он все еще сжимал в пальцах...

— Господи, — простонала Ева — у нее подгибались ноги, Милов и Гектор едва не силой тянули ее вперед, поддерживая с двух сторон. — Это же поэт, я его знаю, мы здороваемся, его, наверное, спутали с братом, тот — ученый, но занимается астрофизикой, ну какой от нее вред природе?

— Не ожидал, что такое еще возможно, — сквозь зубы процедил Гектор. — Ну ты, посторонись! — и плечом толкнул одного из огнепоклонников, так, что тот, шатнувшись, невольно отступил, пятясь, на несколько шагов, рассыпая журналы, кипу которых нес на вытянутых руках.

— Оказывается, возможно, — ответил Милов. — И об этом еще мало кто задумывается всерьез. Чем быстрей мы предупредим, тем лучше.

— Сюда, в этот подъезд, — проговорила Ева едва слышно.

Они подошли. Из дома тащили уже не книги, а книжный шкаф — старинный, резной, черный, одна дверца его все время открывалась, ее со злостью захлопывали, но она снова падала.

— Это не ваш, Ева? — спросил Гектор.

Она медленно качнула головой:

— Нет. У нас все современное, мы ведь здесь недавно...

Люди со шкафом застряли в подъезде, войти было невозможно.

— Гектор, помогите им, — попросил Милов.

— Чтобы я, своими руками?..

— Именно вы, и своими руками: должны же мы попасть внутрь.

Гектор выругался и пошел на помощь тащившим; те были хлипковаты, чего о корреспонденте не сказать было. С его помощью шкаф выволокли, бросили на улицу, стали, усердно пыхтя, разламывать на доски. Гектор вернулся.

— Чувствую себя подонком, — сказал он, снова взяв Еву под руку.

— Зачем, зачем? — снова не проговорила, скорее простонала Ева. — Культура же не враг экологии, наоборот, зачем же они все это?

— Очень просто, — сказал в ответ Милов, — уничтожение экологии и есть уничтожение одной из форм культуры, как и истории, как и творчества. Покончив с одним — логически переходят к другому — это естественный процесс: если уж начато уничтожение, оно само собой завершится лишь тогда, когда уничтожено будет все — и сама жизнь.

— Но ведь провозглашается как раз обратное!..

— Когда же вы здесь, в вашего западном парадизе, научитесь понимать, что лозунг — одно, а действие — совсем другое, — с досадой пробормотал Милов.

— Теперь, наверное, уж никогда, — ответил Гектор, — просто не успеем. По-моему, третий этаж, Ева?

— Третий, — подтвердила женщина безразличным голосом.

Лифт, естественно, не работал. Милов поднял Еву на руки, сказал Гектору:

— Идите вперед.

На площадке второго этажа двое, один с дубовым листом добровольца, другой в полицейской форме, но без нашивок, преградили им дорогу.

— Кто такие? Здесь живете? — спросил доброволец.

Полицейский молчал, внимательно глядя на Милова. Даниил опустил Еву, помог ей встать на ноги, чувствуя, что сейчас понадобятся свободные руки, тогда полицейский перевел взгляд на обезьяний галстук Милова — всмотрелся внимательно, словно там было написано нечто, потом посмотрел Милову прямо в глаза. Гектор тем временем тихо и зловеще втолковывал добровольцу:

— Ты что, сукин сын, не видишь — это мадам Рикс?

— А на ней не написано, какая она такая мадам, — не без некоторой наглости отвечал тот.

Полицейский сдержанным и уверенным голосом произнес:

— Пр-ра-пустить!

— Слушаюсь! — немедленно ответил доброволец.

Полицейский, все еще глядя в глаза Милову, едва уловимо качнул головой, чуть заметно приподнял плечи, Милов же не то чтобы кивнул, но сделал какой-то неуловимый намек на такое движение. После этот он, поддерживая Еву, повел ее наверх. Гектор замыкал шествие.

— Сейчас, — сказала она и стала рыться в сумочке. Потом подняла глаза на Милова. — Наверное, вытащили с кошельком... Господи, я устала, устала, не могу больше... — и заплакала.

Милов смерил взглядом дверь — она была даже на вид массивной, не из тех, какие вышибают плечом или ногой с разбега.

— Ничего, — сказал Милов, — не волнуйтесь, Ева, милая: сейчас все уладим.

Он перегнулся через перила.

— Капитан, — крикнул он вниз, — поднимитесь, пожалуйста, нужна ваша помощь.

Человек в полицейском мундире поднялся по ступенькам.

— Мадам потеряла ключ, — объяснил Милов, — дайте возможность попасть в квартиру.

— Но, господин по...

Милов прервал мгновенно:

— Это моя личная просьба.

Полицейский, не колеблясь более, вынул из кармана черную коробочку с кнопками, повозился с полминуты, от-

крыл дверь — за ней оказалась другая, она тоже отняла несколько секунд.

— Прошу, — сказал он и отступил в сторону.

Ева вошла, за ней Гектор, Милов задержался на мгновение.

— Что тут? — спросил он капитана полиции. — Что-то еще можно сделать?

Полицейский покачал головой:

— Мы зашли в тупик, сейчас все порвано, обстановка неясная — пока стараемся уцелеть.

— Желаю, — кратко попрощался Милов, потому что изнутри уже звала Ева:

— Дан, ну где же вы там!

Он вошел, закрыл за собой обе двери.

— На засовы, пожалуйста, — попросила Ева, — вся механика ведь не действует.

Гектор задвинул засовы. Вслед за хозяйкой они вошли в обширную комнату, где она не села, а просто рухнула на широченный диван.

— Сядем, передохнем, — сказал Гектор, — тут мы в безопасности.

Милов кивнул: он знал это лучше Гектора, однако говорить об этом счел излишним: это было только его делом, и еще нескольких человек в этой стране (и капитана полиции или бывшего капитана, черт его теперь знал) — и ничьим больше.

— Понимаю, — сказал он, — раз тут живет Рикс, то и охрана выставлена, не так ли?

— Если бы только Рикс! — усмехнулся Гектор. — Там, на втором этаже, где они стоят — сам Мещерски.

— Ах, да, Мещерски, — сказал Милов с понимающим видом. — Ну конечно, как же я сразу не подумал! Кстати, а кто такой этот Мещерски?

Тут они оба расхохотались.

— Нет, Дан, в покер с вами я не сяду, — сказал, посмеявшись, Гектор. — Я, было, и вправду поверил, что вы в курсе всех дел. Мещерски — это тот, кто выступал на площади вслед за Растабеллом. Глава добровольческого движения, председатель партии борьбы за жизнь, и так далее.

— Высоко залез, — сказал Милов. — Судя по фамилии, он мой соотчич? Из эмигрантов, что ли?

— Нет, не думаю, чтобы он был русским — возможно, кто-то из предков, но вообще-то он свой род ведет, по слухам, от каких-то греков или из тех краев, во всяком случае.

— Интересно, — проговорил задумчиво Милов. — Деятель культуры и глава штурмовиков — в одной упряжке?..

— Ну, это до поры до времени, — уверенно молвил Гектор, — Растабелла они сразу же, как только утвердятся у власти, ну, не то чтобы выкинут, но сделают из него — как это у вас, русских, называется — образец...

— Образ, — поправил Милов, — икону, вы это имели в виду?

— Вот-вот, и будут ему поклоняться, но делать-то станут по-своему.

— Ясно, — сказал Милов и встал. — Ева, — позвал он осторожно: женщина лежала с закрытыми глазами и отозвалась лишь на повторное обращение. — Вам что-нибудь нужно?

— Спасибо, Дан, ничего, я просто полежу, только, если можно, снимите с меня ваши туфли — я вам очень благодарна за них, но теперь я уже дома.

Милов осторожно снял с нее обувь.

— Ева, с ногами нужно что-то сделать. Где тут поблизости живет врач?

— Не надо врача, в ванной откройте аптечку, там есть такая коричневая туба с мазью — это все, что нужно.

Милов не сразу (жилище было обширным) нашел ванную, принес требуемое, выдавил мазь на пальцы, осторожно начал втирать.

— Как приятно, — тихо проговорила Ева, — еще, пожалуйста... и вторую тоже...

Это заняло минут пятнадцать; Гектор тем временем, сперва поглядев на них с иронией, закрыл глаза и, кажется, задремал.

— Я еще полежу немного, — сказала Ева, — а потом чем-нибудь покормлю вас.

Милов и в самом деле почувствовал, что закусить было бы нелишне. Услышав о еде, Гектор мгновенно открыл глаза.

— Кстати, о еде — а где у вас телефон? Серьезный, я имею в виду.

— В его кабинете, — сказала Ева бесцветным голосом. — Из холла по коридору прямо, в самом конце.

— Да не работают телефоны, Гектор, — напомнил Милов. — Тока ведь нет все еще.

— Ну, — сказал Гектор, — правил без исключений не бывает, это-то вам известно?

— Тогда я с вами, — сказал Милов.

Он снова подошел к Еве, погладил ее по голове — она слабо улыбнулась. Гектор уже вышел, чтобы, по журналистской привычке, первым захватить связь.

— Дан, — тихо сказала женщина, — вы меня презираете?

— За что, Ева?

— Ведь Рикс — мой муж, вы знаете... И он во всем этом играет какую-то роль, похоже — немалую. Но я не знала и сейчас не знаю, честное слово...

Милов пожал плечами:

— Ну и что? Почему вы должны стыдиться своего замужества? Я вот тоже был женат, и надеюсь, что вы простите мне это: тогда я ведь не знал вас...

Он ожидал, что она снова улыбнется, но женщина оставалась серьезной.

— Рикс, — повторила она, — он ведь тоже стоял там, на балконе, по соседству с Растабеллом и Мещерски.

Милов присвистнул.

— Но какое отношение он, иностранец, может иметь...

— Я не знаю, как и что, — сказала она, — честное слово, хотя и видела, что у него есть какие-то дела с политиками, но ведь деловому человеку без этого нельзя. Но я не предполагала, клянусь вам...

— Ева, — серьезно сказал Милов, — я тоже клянусь вам, что никогда не стану целоваться с Риксом.

На этот раз она все же подняла уголки губ.

— А со мной?

— Если бы не Гектор поблизости...

— А мне все равно, — сказала она, — хоть бы он даже стоял рядом.

— Я вовсе не настолько близок с ним, — сказал Милов, — чтобы доставлять ему такое удовольствие. Но

вас, Ева, я не отдам больше ни Риксу, ни Гектору — никому!

— Хорошо, — сказала она, — я потерплю, я очень терпеливый человек.

— Пойду, попробую позвонить, если это и на самом деле возможно, — сказал Милов, нагнулся и поцеловал ее; поцелуй был долгим.

— Идите, сказала она, — не то моего терпения не хватит.

Он прошел в кабинет. Гектор сидел за обширным пустым столом. Тихо звучал транзисторный приемник; передача шла на английском. Кроме приемника, здесь были два телефона, стояли телекс, факсмашина, на отдельном столике — персональный компьютер, по стенам — закрытые полки с видеокассетами и дискетками. Гектор нажимал клавиши одного из телефонов. Окна были зашторены, шум улицы сюда не доносился.

— Ну, есть успехи?

— Вот этот аппарат дышит. Остальное мертво.

— А компьютерная связь?

— То же самое. Звоню всем подряд. Аэропорт, вокзалы, телевизионный центр — все молчат. Ни междугородный, ни международный каналы не действуют. Сейчас звоню одному парню, у нет есть самолет... Ну, вот.

— Что?

— Мертво. Впечатление такое, что все телефоны в городе выключены — кроме таких вот, особых. Это специальная линия с питанием от установки в Министерстве порядка.

— Но ведь эти, работающие, должны для чего-то служить?

Гектор не успел ответить: телефон зазвонил — негромким, приятным жужжанием.

— Не снимайте, — поспешно сказал Милов.

Гектор кивнул. Телефон прожужжал несколько раз и умолк.

— Кому-то нужен Рикс, — сказал Милов.

Телефон проснулся снова. Прожужжал восемь раз.

— Вероятно, Рикс должен вскоре явиться, — сказал Гектор. — Это было бы некстати.

— А может, он сам разыскивает жену?

— Если так, то теперь он знает, что ее нет дома.

— Кстати: что вы успели услышать по радио?

— Сообщили, что связь со страной прервана и граница закрыта. Больше никто ничего не знает: ни Рейтер, ни ваш ТАСС, ни, естественно, Ю-Пи-Ай — поскольку я сижу здесь и молчу. Значит, ни у кого нет связи, не только я один страдаю.

— Попробуйте позвонить еще. Может быть, в префектуру?

— Мысль не банальна. Спрошу хотя бы, какие возможности связи будут предоставлены иностранным корреспондентам.

— Постойте... Если префектура работает, там в два счета установят, откуда вы звоните.

— От Рикса, не откуда-нибудь!

— Не годится. Если вы рядом с Риксом, то он знает больше, чего сам префект — вам не понадобилось бы звонить.

— Верно. Значит, у нас остаются две возможности выйти на связь: через армию или Научный центр. Надо спешить, Милов, не то во мне крепнет ощущение не просто дармоеда, но плохого журналиста, а я всю жизнь считал себя хорошим... Что там, на улице?

Милов подошел к окну, отодвинул штору.

— Работают вовсю.

— То есть, жгут?

— В лучших традициях.

— Жутковато становится, честное слово... Не знаю, как вас, Дан, а меня успокаивает лишь то, что у нас это было бы невозможно.

— Не знаю, Гектор, не знаю. Конечно, у вас великие демократические и гуманные традиции и все такое прочее, однако люди везде боятся за свою жизнь, людям всюду надоела расправа с миром, в котором мы живем, и людям повсеместно осточертело, что правительства много говорят, еще больше обещают, но слишком мало делают для того, чтобы цивилизация перестала быть смертоносной. И вот под знаменем борьбы с этими уродствами людей можно повести в конечном итоге на что угодно.

— Но не на то, чтобы жечь книги и ломать машины.

И тем более — убивать людей или хотя бы ограничивать их основные права.

— Вы всегда оставались наивными людьми, Гектор, беда вашей истории не в том, что она коротка, а в том, что в ней не было такого количества пакостей, как у нас в Европе — и в России в том числе... Хотя по сути наша история — она и ваша, но вы этом как-то не осознаете, вам все кажется, что она началась в тысяча четыреста девяносто втором году... Разве у вас дома, Гектор, нет мальчиков, которые носят на рукаве свастику или хотя бы малюют ее на заборах? У нас, например, они есть.

— Ну, сопляки, единицы...

— Если единицы собрать и возглавить, то это уже вовсе не безвредно. Что делать, у демократии множество издержек, вы это знаете давно, мы узнали позже, но тоже успели понять, и дело не в свастике, вместо нее может быть и треугольник, крест, круг, овал, пентаграмма — дубовый лист, наконец... Важны цель и метод.

— Дан, честное слово, я не просил читать мне лекцию.

— А вы не обижайтесь, я это делаю совершенно намеренно, на случай, если вы найдете связь раньше, чем я: вы тогда должны будете не просто информировать, но как можно убедительнее объяснить, что и почему здесь происходит — это во-первых, а во-вторых — что сегодня же или в крайнем случае завтра то же самое может начаться и в любом другом месте. Чтобы верха поняли: начинать надо немедленно, и начинать им самим, а не ждать, пока процесс начнется сам собой, снизу.

— Начинать что: жечь книги и убивать ученых, или хотя бы загонять их в лагеря?

— Не притворяйтесь идиотом, Гектор. Начинать решительные действия, чтобы люди поняли: правительства хотят всерьез и немедленно ограничить или вовсе устранить уничтожение жизни на планете. Ну хотя бы остановить заводы, пусть только химические, пусть на два-три дня — но чтобы поверили, и напряженно думать, до раскаления мозгов думать о том, как решить проблему всерьез и надолго. Иначе... Знаете, один наш русский император сказал некогда: лучше отменить крепостное право сверху, чем дожидаться, пока оно само собой начнет отменяться снизу.

— Как вы любите козырять своим Петром Великим...

— Нет, это был как раз не он... Ну, я надеюсь, вы меня поняли?

— Хорошо, — Гектор встал. — Я понял, что работать мы должны каждый в своем направлении: так больше шансов. Я попробую договориться с военными.

— А я поспешу в Центр. Постараюсь не опоздать.

— Боитесь, что там будет жарко?

— Уверен в этом. Но что делать?

— Вы правы. Но только — Дан, не обижайтесь, вроде бы и не мое дело, однако, хочу сказать вам... Не тащите женщину на гибель. Да-да, Еву, не делайте большие глаза, тут и слепой бы все увидел. Я понимаю — она сама хочет, там ее пациенты и так далее. Но все они — все, кто есть и еще окажется там, — скорее всего обречены: вы же слышали речь и видели толпу. Зачем же лишние жертвы?

— Простите, Гектор, но вы не понимаете...

— Да все я понимаю, я же вам сказал... Но вот именно поэтому — не берите греха на душу. И не только потому, что она и так уже вымоталась до последнего, пусть она даже сможет взять машину, но там-то, Дан, там... Вы — я не знаю, кто вы такой, и не хочу знать, но вижу, что вы малый прочный и, надеюсь, выкрутитесь, а если и нет — что же, все от Бога; но вот она... Так что я вам всерьез советую: уходите, пока она еще не пришла в себя. Иначе вам ее не удержать, а без вас она, быть может, и не рискнет, а может быть муж ее удержит...

— Вы правы, Гектор, — сказал Милов, помолчав. — Тогда объясните — как мне добраться туда кратчайшим путем. Я плохо знаю город, вернее — почти совсем не знаю.

— Скорее надо думать о самом безопасном пути.

— На это уже нет времени. Я ведь всерьез боюсь за всю Европу, Гектор, за весь мир, я перед вами не роль играю.

— Ну, дело ваше. Сейчас я вам нарисую, так будет вернее.

На листке из блокнота Гектор набросал схему.

— Вы легко разберетесь. Двинете пешком?

— Как получится.

— Сейчас пешком проще.

Милов кивнул и сказал:

— Дайте-ка и мне листочек.

Не садясь, он написал: «Ева, дорогая. Вам лучше пока побыть дома. Я навещу Центр и вернусь. Берегите себя». Он покосился на Гектора и дописал еще; «Целую. Ваш Дан». Проставил время. Гектор стоял у окна, глядя на улицу.

— Ну, все, — сказал Милов, справившись с желанием попросить журналиста просмотреть его записку: в своей английской орфографии он не был уверен — но в конце концов, не для чужих глаз это было написано. — Пойду.

— Я тоже, — откликнулся Гектор.

— Оставить ее одну — не опасно?

— В этом доме — ничуть. Наоборот. Тут надежно.

— Пожалуй. Мгновение, я только положу записку.

Он на цыпочках вошел в ту комнату, где лежала Ева. Она спала, постанывая во сне, один раз скрипнула зубами. Милов постоял, глядя на нее, борясь с искушением подойти. Туфли — его, миловские, — валялись рядом с диваном. Их он подобрал, чтобы потом, в холле, переобуться. Записку сложил пополам, домиком, и поставил на низкий круглый стол близ дивана. Еще раз посмотрел на Еву. Вдруг усмехнулся, снял свой дивный галстук — теперь он уже не нужен был — и тоже положил на стол, по соседству с запиской: эту пеструю тряпку она заметит во всяком случае — и улыбнется... Повернулся и вышел. В холле переобулся, взял прислоненный к стене автомат, закинул за спину.

— Вы обещали мне пистолет, — напомнил Гектор.

Милов вынул из глубокого кармана армейский, позаимствованный на бензозаправке.

— Постарайтесь при случае раздобыть что-нибудь более убедительное, — посоветовал он.

— Вроде этого, вашего?

— Вот именно.

Они тихо затворили за собой обе двери. На втором этаже по-прежнему дежурили. Гектор сказал строго:

— Мадам остается дома. Господин Рикс скоро прибудет. Так что будьте внимательны.

Он начал спускаться. Полицейский сказал своему напарнику:

— Проводи господ, чтобы там — сам понимаешь...

Доброволец щелкнул каблуками и последовал за Гектором. Тогда полицейский проговорил едва слышно:

— Колонель...

Милов посмотрел на него взглядом, выражавшим абсолютное непонимание.

— Простите, офицер — вы и тогда уже что-то говорили мне, но боюсь, что вы приняли меня за кого-то другого. Извините, я спешу.

— Прекрасная погода на дворе, не правда ли? — спросил капитан полиции вместо ответа.

Милов прищурился:

— Вы полагаете, можно не брать зонтика?

— Разве что от солнца.

Милов напрягся:

— Слушаю. Докладывайте.

— Капитан Серос, из Службы. Мы вас ждали еще вчера, я опознал вас по галстуку...

— Вчера я попал в охоту.

— Возможно, вам просто не повезло: вы видите, что здесь происходит. Полиция, по сути, распущена, армия стоит в стороне... Но даже вчера было бы уже поздно. Все мы опоздали. Но главное — мы ошибались: по цепочке шел не наш товар. Мы не успели выяснить, что именно перевозили, но только не нарки. Теперь цепочка порвана. Будут приказания, колонель?

Милов пожал плечами.

— Цепочку я видел — обрывки... Не знаю, капитан. Старайтесь выжить, не влезая в эти дела слишком глубоко — вот все, что могу посоветовать.

— Голова идет кругом... — пожаловался полицейский. — А вы попытаетесь выехать?

— Капитан! — сказал Милов с упреком: — Начальство, как известно, не спрашивают. — Повернулся и заспешил вниз.

Гектор ждал в подъезде. Добровольца не было видно.

— Что у вас там за секреты? — подозрительно спросил журналист.

— Ну, какие у нас могут быть секреты, — сказал Милов. — Просто хотел уточнить дорогу.

— Ладно, не хотите — не говорите, — обиженно про-

говорил Гектор. — Зато я тут узнал еще одну интересную новость. Этот доброволец — фром, понимаете?

— Да будь он хоть папуасом...

— Вы не понимаете ситуации, Дан. Понимаете, оказывается, фромы под шумок решили отделиться от Намурии, раз все идет вверх дном...

— Я же вам говорил: экологические кризисы порой принимают странные формы, — усмехнулся Милов. — Ну, двинулись?

Они вышли на улицу. Там было дымно. Гектор сказал:

— Будем живы — встретимся.

— Все бывает, — сказал Милов.

И они зашагали — каждый в свою сторону.

Милов шел по тротуару тем обманчивым шагом, какой кажется неторопливым, но на самом деле позволяет развивать немалую скорость. С дубовым листом на рукаве, с автоматом за спиной, он ничем не отличался от большинства других людей на улице; те жители, у которых не было ни листьев, ни оружия, ни желания участвовать в происходящем, отсиживались, надо полагать, в домах, надеясь, что происходящее их не коснется. Костры из книг чадили, зато мебель, тоже выброшенная кое-где под горячую руку, горела весело.

«Интересно, — подумал Милов, спокойно вышагивая, — очень даже интересно... По правилам, мне действительно надо как можно скорее покинуть страну — мне здесь больше делать нечего как должностному лицу. Но вот как человеку... Если ты человек, то не можешь так просто сказать себе: это не моя страна, не мой народ, это их внутренние дела, меня вся кутерьма совершенно не касается, пусть жрут друг друга, если это им нравится — главное, чтобы у меня дома все обстояло благополучно... Не можешь хотя бы потому, что нет больше домов-крепостей, и все, что происходит в одном, завтра перекинется и на другой; в наши дни всякий политический процесс подобен если не чуме, то уж во всяком случае СПИДу, и сколько ни кричи: «у нас этого нет» — завтра же убедишься, что — есть, и еще сколько!.. Нет, удрать сейчас — это не для меня. Но, значит, надо становиться на чью-то сторону. А на чью? Я

и сам считаю, что наука с техникой вместе с политическим руководством виноваты, беспредельно виноваты — не думали, не хотели предвидеть последствий, полагали, что нашли путь к счастью, и на деле предавались эгоистической эйфории безответственного созидательства — а созидательство не имеет права быть безответственным и бесконтрольным, порнография существует не только в искусстве, на и в науке, в прикладной науке, и уж тем более — в инженерном творчестве. Надо было вовремя схватить за руку — никто не схватил, поэтому теперь хватают за горло, чтобы задушить. И ведь задушат, рука не дрогнет. Постой, по сути дела, ты сам себе и от собственного имени излагаешь программу Растабелла? Выходит, так. Значит, ты на их стороне? Да нет же! Ну, а почему же? Он прав, а ты против него — значит ты неправ? Тогда не лучше ли тебе и в самом деле удрать за границу, к своему официальному начальству, и не забивать себе голову всей этой несуразицей? Да нет, не так просто, — ответил он сам себе. — Потому что ты отлично понимаешь: Растабелл прав, но борьба сейчас идет не за Растабелла или против, нет, идет самая обычная, примитивная борьба за власть, причем не демократическая борьба, а борьба за диктатуру, за власть фашистского типа, природа же пригодилась как лозунг, только и всего. Думаешь, новое правительство, утвердившись, сразу же станет заботиться о природе? С первого взгляда можно подумать, что так и будет: заводы не дымят, что-то уже взорвано, как ты сам слышал... Но интересно: что именно остановлено, что именно взорвано, а что просто приостановлено на денек-другой? Это же крайне сложно: людей-то кормить все равно надо, и если ломают одну систему кормления, ее надо заменить другой — а кто об этом слышал? Вот интересно, а деловые интересы того же Рикса при этой операции пострадали? Не верю. Просто мы предполагали, что Рикс оперирует по-крупному наркотиками, а, оказывается, у него был какой-то другой бизнес, и мне очень интересно — какой же, и что ему это дает...»

Он бессознательно изменил направление, чтобы обойти лежавшего на мостовой убитого, вымазанного кровью; лицом мертвец походил на еврея.

«Ну да, — подумал Милов, — без этого никак нельзя,

как же без этого... Но вообще все это, если говорить всерьез — довольно спокойная и миролюбивая акция. Все-таки Европа, поотвыкали. Вот если у нас тоже начнется такое, то уж это будет — не дай Бог, чего-чего, а уж размаха нам не занимать — во всем...»

Он шел мимо магазинов, больших и маленьких, большинство было закрыто, но некоторые все же торговали — булочные, овощные, мясные лавки, те, где товар не мог ждать. Покупали немногие: никто, похоже, не собирался делать запасы.

«Да, поотвыкали, — подумал Милов. — И еще не поняли, что такое для их страны остановка гидростанции и затопление; вот что значит — нет информации. Надеются на помощь остального мира? Поможет, конечно — если только в остальном мире не начнется то же самое. Но ведь и остальной мир дышит тем же воздухом, пьет ту же воду, да и ее не хватает уже, и живет под тем же ультрафиолетом — озоновый-то слой рвали все сообща, дружно; так что может получиться, что остальному миру окажется не до них, вообще никому ни до кого, кроме самих себя. А если...»

Он понял, наконец, что окликают его — и, кажется, уже не в первый раз; окликали по-намурски, так что он как-то не принял на свой счет, выпал на несколько мгновений из реальности — и только когда его дернули за рукав, сообразил. Остановил его доброволец, у которого, кроме дубового листа на груди, была еще и узкая зеленая повязка на рукаве; видимо, был он каким-то начальником. Начальник сердито смотрел на него, сурово выговаривая.

Из его слов Милов понял хорошо если четверть, однако уразумел, что ему следовало присоединиться к стоявшей посреди улицы группе человек в двадцать, кое-как вооруженных — они старались образовать какое-то подобие воинского строя. Никакого другого решения мгновенно не пришло в голову, и Милов поспешно проговорил: «Юр, юр» — то есть «да, да» — в значении этого слова у него сомнений не возникало — и присоединился к группе. Начальника это, кажется, совершенно удовлетворило. Он строгим оком оглядел строй, громко скомандовал — и отряд двинулся: вразброд, конечно, не в ногу, но прилагая все

усилия, чтобы выглядеть воинственно. Милов шагал в последней шеренге.

«Глупо, конечно, — думал он, — ну, а что другое оставалось? Знать бы язык как следует — я бы ему, понятно, втер очки, а так... Пуститься наутек? Сопротивляться? Несерьезно, несерьезно... Ладно, помаршируем. Давно не приходилось. Но эта наука вспоминается быстро. Пока воинство идет, кажется, в том направлении, куда и мне нужно. Легион спасения планеты... А может, они и действительно направляются в Центр? Ломать приборы, убивать чужестранцев?»

Он покосился на соседей по шеренге. На убийц они походили так же мало, как и на солдат. Но люмпены, не хулиганы, не пьянь — все они были, судя по облику, добропорядочными гражданами, приличными и наверняка по сути своей миролюбивыми — из тех, что живут, стараясь не обижать других хотя и не позволяют, чтобы их самих обижали; нормальный продукт демократии... И вот они шли, быть может, убивать, и не потому шли, что их гнали, но были наверняка убеждены в своей правоте, в том, что все, что им предстоит совершить — необходимо, неизбежно и, главное, справедливо...

Рядом с Миловым старательно маршировал человек, ну, скажем, второго среднего возраста, почти совсем лысый, в золотых очках на носу; на плече он нес старинное, наверняка коллекционное, музейное ружье, которое если и стреляло, то в последний раз, пожалуй, не менее двухсот лет назад; приклад и ложа были инкрустированы красным деревом и перламутром, зато ремня не было, багинет тоже отсутствовал. Человека этого можно было бы принять и за скромного труженика науки — но тех наверняка не было в строю, нынче они были дичью. Сосед перехватил взгляд Милова и спросил по-намурски нечто, чего Милов не понял и попросил повторить помедленнее. Сосед улыбнулся и легко перешел на английский:

— Мне так и показалось, что вы иностранец.

Ничего иного не оставалось, как кивнуть.

— Англичанин? Американец?

— Ну, собственно...

— Я так и понял, — удовлетворенно кивнул сосед. — У меня не очень хорошее зрение, но людей я различаю сра-

зу. Что же, весьма приятно, что вы с нами. Это даже, я бы сказал, в какой-то мере символично.

Милов не стал выражать сомнения, лишь промычал нечто — при желании звук можно было принять за подтверждение.

— Много лет все беспорядки шли от вас, — сказал сосед. — Из Америки.

— Разве? — улыбнулся Милов. — Я понимаю еще, если бы вы сказали — из России...

— Ну, это уж само собой разумеется! Но вся эта машинизация, ведшая к уничтожению природы, а значит — и нас с вами... Ведь порядок — это гармония, человек всегда должен был жить в гармонии с природой, но вы это забыли — хотя был ведь у вас Торо, но вы им пренебрегли, не прислушались... А то, в чего мы с вами сейчас участвуем — отнюдь не беспорядки, напротив, это восстановление исконного порядка, возвращение к нормальной жизни, а следовательно, и к нормальной морали, этике, уважению к человеку...

— Как-то это не вяжется с трупами на улицах — вы не считаете?

— Разумеется, это прискорбно. Крайне прискорбно. Но ведь согласитесь: гниющую ветвь отсекают, хотя на ней может сохраниться и несколько еще здоровых листочков.

— Возврат к нормальной жизни, — проговорил Милов. — В таком случае те, кто ведет нас, вероятно, — люди высоких душевных качеств, а не просто защитники природы?

— Ну конечно же! Растабелл...

— А Мещерски? Рикс? Вы простите мне мое невежество, но я и в самом деле, горячо сочувствуя идее спасения мира, не очень осведомлен о тех, кто возглавляет движение здесь, в вашей прекрасной стране.

Они молча прошагали с минуту, прежде чем сосед ответил:

— Я понимаю, на что вы намекаете. Вы хотите сказать, что во главе движения встали, кроме чистых душ, подобных Растабеллу, еще и некоторые политиканы, а также деловые люди. Конечно, это несколько омрачает... Но согласитесь, что всякое дело должны совершать специалисты,

иначе оно обречено на провал. Мы, друзья и защитники природы, к сожалению, не всегда обладаем нужными способностями, и еще менее — опытом. Мы умеем насаждать сады и леса, поверьте. Но для этого нам нужно создать такую возможность, сами мы создать ее не умеем, увы. Ведь моментально возникает сложнейший узел проблем, чье разрешение доступно лишь профессионалам. Да, разумеется, от нас не укрылось, что на первый план в движении выходят люди действия. Но мы не препятствовали, потому что они несли наши знамена, а не наоборот. Они делают необходимое дело: расчищают место, на котором потом будет посажен — и вырастет — зеленый, шумящий, животворящий лес. И вот тогда-то настанет наша пора!

— То есть люди действия отойдут в сторону и предоставят руководить вам?

— Разумеется, я не имел в виду себя лично, я всего лишь нотариус... Но, конечно, главную роль станут играть те, кто сумеет организовать восстановление природы и жизнь на новых, разумных основах.

— Ученые? Однако, разве не против них мы с вами выступаем сейчас?

— Ну, не поголовно же против всех... Ботаников, зоологов и тому подобных мы стараемся сохранить.

— И это удается?

— Ну, знаете, — сказал сосед, чуть нервничая; прежде чем продолжить, он попытался пристроить ружье на плече поудобнее: рука, видимо, устала и вместе с прикладом сползала вниз. — Конечно, что-то могло получиться не так... Люди разгорячены, разгневаны, чаша терпения переполнилась... Все же мы стараемся.

— Значит, руководить будут ботаники с зоологами?

— Да! И мы создадим общество гармонии с миром.

— А нынешние отойдут к сторону?

— Но как же они смогут не сделать этого? — удивился нотариус. — Мы живем в демократической стране, пусть наша демократия и не так стара, как некоторые другие... Однако когда мы, народ, сочтем, что пришла пора, — мы провозгласим это, и им не останется ничего другого, как отойти в сторону и выполнять чисто служебные функции.

— Да, — сказал Милов. — Вы жили в демократической стране — пусть и не самой, но все же... И у вас никогда не было фашизма какой бы то ни было расцветки. А раз вы не знаете, не испытали, что это такое...

— Простите, что вы имеете в виду?

Тут раздался громкий оклик — даже не разобрав слов, Милов по одной лишь интонации понял, что сказано было нечто вроде «Разговорчики в строю!» Сосед, видимо, понял больше и умолк.

— А куда нас ведут? — все же спросил Милов, понизив голос.

— Разговаривать запрещено, — еще тише ответил сосед.

Они зашагали молча. Но третий в шеренге, все время топавший с мрачно-сосредоточенным видом, — вооружен он был автоматом, как и Милов, — наверное, тоже хоть что-то понимал по-английски, теперь вдруг заговорил, громко и сердито, словно ему на запрещение было наплевать. Милов сосредоточился, чтобы понять, и в какой-то степени это стало ему удаваться.

— Ну, и что, — говорил второй сосед, — если наши командиры потом не захотят отдать власть? Они умеют руководить, они сохранят и страну, и нас, и вырвут с корнем все сорное семя. Они — сила, а что смогли ваши либералы и демократы? Довели до ручки, вот и пришлось взяться за оружие!

Милов с усилием подобрал слова для ответа:

— А вы понимаете, что есть фашизм? Что фашизм неизбежно уничтожает людей: некоторых — физически, но всех — морально?

— Не всякую силу надо называть фашизмом, — убежденно сказал автоматчик, — и не всякое стремление к чистоте нации — расизмом. Все это — история, это давно прошло. Но власть должна не только издавать законы, но и принуждать к их выполнению, и должна строго карать нарушителей — иначе трубы будут вечно дымить! И если сохранять законы можно только при помощи силы, то пусть будет жестокость и пусть будет сила!

Кажется, убежденность автоматически заразила и нотариуса, все более изнемогавшего под тяжестью своей реликвии, так что он не удержался, несмотря на страх перед запретом:

— Да! — подтвердил он. — Природу уничтожали силой — и лишь при помощи силы можно ее восстановить!

«Да, — подумал Милов, когда после второго, еще более свирепого окрика они замолчали окончательно, — да, все просто, и не опровергнешь. Все логично: надо обуздать науку и технику, чтобы сохранить планету и самих себя, а чтобы обуздать — необходима сила, и вот она, сила... Судя по истории, демократия быстро восстанавливается после крушения фашизма, но боюсь, что и фашизм в какой-то из своих форм может не менее быстро восстановиться после крушения демократии — под лозунгом наведения порядка в чем угодно. А ведь при демократии абсолютного порядка всегда и во всем быть не может, чем выше уровень демократии, тем сложнее, а не проще, становится общество вопреки чаяниям утопистов; а в сложной системе возможность какой-то частной неполадки всегда больше. Это фашизм стремится упростить общество: так ему легче править; но сложное демократическое общество всегда содержит какой-то процент любителей железного порядка, прямо-таки машинного, хотя тут сейчас именно против машин и выступают; они согласны жить и поступать от и до, но чтобы и все остальные жили и поступали точно так же; и что за беда, что тем самым пресечется всякое развитие? Оно им и ни к чему, оно нарушает привычки, традиции, которые — хороши они или плохи — со временем, им как бы освященные, начинают казаться идеальными. Потому золотой век всегда и относится к прошлому... — Тут мысль Милова скакнула в сторону: — Пытались, правда, отнести эпоху высшей пробы и к будущему, и тогда оно действительно блестело и переливалось грандиозным мыльным пузырем. А на самом деле...»

Додумывая эту мысль. Милов прозевал команду и налетел вдруг на шагавшего впереди: отряд остановился. Передний, однако, даже не выругался, только передернул плечами. Остановка могла означать, что сейчас начнется что-то конкретное, дело дойдет до оружия — и людям делалось не по себе, потому что почти все они никогда не были солдатами и не привыкли к тому, что убийство может быть и священным долгом, а не преступлением против личности.

«Если бы армия выступила на стороне законного прави-

тельства, — размышлял Милов, — если бы, конечно, такое правительство существовало, — я бы на все это ополчение не поставил и пяти копеек. Но армия пока бездействует, может быть — просто ждет, пока вся грязная работа не будет сделана энтузиастами, а потом возьмет власть — легко, одной рукой возьмет, — и настанет военная диктатура. Только вот армия, придя к власти, станет ли задумываться о сохранности природы? Будет ли искать равнодействующую между интересами природы и человека в ней, искать компромисс? Диктатура — все равно, гражданская или военная — компромиссов не любит...»

— Что? — переспросил он, не расслышав сказанного его очкастым соратником.

— Я говорю: слава Богу! Пока только остановка для соединения с другим отрядом.

Милов посмотрел. Вблизи стояла еще одна группа таких же добровольцев, более многочисленная — ничем другим она не отличалась, и воины в ней были такого же, солидного уже возраста.

— Скажите, — повернулся он к нотариусу, — неужели защита природы интересует только людей зрелых? Где же молодые люди?

— О, вы ошибаетесь. Просто у них — свои отряды. Согласитесь, что это разумно: у них и сил побольше, и темперамент... не беспокойтесь, они уж не останутся в стороне!

Да, организация и в самом деле была неплохо продуманной... И командиров, видимо, подобрали заранее. — Милов поглядел на того, кто командовал их отрядом, — сейчас тот, повернувшись к строю спиной, разговаривал с другим человеком, тоже носившим зеленую повязку на рукаве. Казалось по их жестикуляции, что оба в чем-то не согласны, но вот пришли, наконец, к единому мнению, повернулись и медленно двинулись вдоль фронта прибывшего отряда, когда строй повернулся направо. Милов оказался в первой шеренге. Командиры приближались, и Милов все более пристально всматривался в того, другого. Что-то было в нем очень знакомое, очень... Что-то... «Граве! — подумал Милов изумленно. — Черт возьми, это же Граве!..»

Да, именно Граве это был, живой и здоровый, с командирской повязкой на руке и пистолетом за поясом — тем самым пистолетом, что Милов оставил тогда в машине.

«Ну, молодец, — подумал Милов, весело глядя на товарища по скитаниям, пока тот приближался, — всех нас за пояс заткнул. Зря я боялся, что он спятил необратимо; видимо, нервная система крепкая, психика устойчивая, погоревал, пережил, понял, что не рыдать надо, а дело делать, — и уехал, не стал дожидаться нас. Нехорошо, конечно, с его стороны, но при таком раскладе трудно его упрекнуть. Зачем только он полез в добровольцы? А куда еще? — сам себе ответил Милов. — Вот и сам я, получается, пошел же. Если он не один тут такой — это хорошо, люди здравомыслящие крайностей не допустят, сыграют, может быть, роль этакого тормоза. Да увидь же ты меня, увидь, нам с тобой обоим в Центр надо, людей спасать, предупредить об опасности, выйти на связь со всем миром...»

Граве увидел его, когда был уже почти рядом. Остановился. Долго смотрел на Милова, и на губах его возникло даже нечто вроде улыбки — но не более того, а Милов-то ожидал, что тот ему чуть ли не на шею бросится! Хотя — какие могут быть нежности в воинском строю... Граве повернул голову ко второму командиру, негромко сказал что-то; тот пожал плечами и кивнул. Тогда Граве скомандовал громко по-намурски:

— Милф, выйдите из строя, подойдите ко мне!

Милов вышел, с удовольствием, по всем правилам, «дав ножку», приблизился, щелкнул каблуками. Второй командир скомандовал — и отряд, с которым пришел Милов, кое-как повернулся налево, приблизился к большому отряду, пристроился к нему. Нотариус в последней шеренге оглянулся и помахал Милову рукой.

Граве сказал:

— Ну что же — поехали.

— Куда? — осмелился спросить Милов.

— Туда, куда вы и хотели попасть.

«Вот и прекрасно, — подумал Милов. Все же молодец он. Кто бы подумал: казался, в общем, божьей коровкой, пистолета взять не хотел — и на тебе, командует отрядом и собирается, похоже, делать именно то, что нужно».

— Слушаюсь! — ответил он громко.

Граве зашагал первым, не оглядываясь. Свернули за угол. Там стояла машина — та самая, наследие покойного Карлуски. Завидев ее, Милов обрадовался, словно встретил старого, доброго знакомого. Новых вмятин на ней не прибавилось, и это почему-то было приятно.

— И как это у вас ее не отобрали? — весело спросил Милов.

Граве ничего не ответил, только покосился на Милова, глаза его странно блестели.

«Под газком? — подумал Милов. — Для смелости, что ли? Ну, если и принял, то немного».

— Еву я доставил домой, — сказал Милов.

Вовсе не обязательно было ему отчитываться, командирская повязка Граве была, по разумению Милова, такой же липой, как и его собственный листок на груди. Однако должна же была интересовать Граве судьба их спутницы в ночных приключениях. Граве на сей раз откликнулся — что-то пробормотал. Милов переспросил:

— Простите?

— Я говорю, все равно, — ответил Граве погромче.

Он сел за руль, кивнул Милову на правое сиденье. А больше сесть и некуда было: сзади на сиденье и на полу машины что-то лежало, укрытое сверху брезентом. Повернувшись, Милов хотел, любопытствуя, приподнять брезент. Граве резко осадил его:

— Это не трогать!

Милов пожал плечами. Играем в секреты? Ладно, все равно, приедем — увижу: ясно же, что инженер везет что-то для Центра.

Граве вел машину небыстро, повороты брал плавно, старательно объехал выбоину, что попалась на пути, — то была, впрочем, одна-единственная на всей дороге. Въехали в промышленный район; по сторонам, за бесконечными бетонными заборами, тянулись фабричные корпуса, многоэтажные заводские строения, старые и новые, но все крепкие, добротные; складские помещения — и капитальные, и легкие металлические полуцилиндры, на которых отблескивало давно уже прошедшее зенит солнце. Порой улицу пересекали железнодорожные рельсы подъездных путей — на переездах Граве был особенно осторожен, проезжал их со

скоростью пешехода, хотя рельсы шли заподлицо с мостовой и толчков ждать не приходилось. В одном месте на рельсах, едва не загораживая проезд, стояли четыре длинных товарных гондолы с маневровым паровозиком — все была тихо, безжизненно, и не верилось, что еще день тому назад здесь шумело, вращалось, двигалось, жило. Зато ни деревца не было вокруг, ни кустика, ни травинки даже, пусть даже убогих, умирающих, как в жилой части города: здесь цивилизация победила безоговорочно, чтобы теперь умереть. Хотя пока это была еще, пожалуй, не смерть, скорее летаргия, и пробудить уснувших оказалось бы делом нетрудным — было бы желание.

Однако, это тут так выглядело, где они проезжали сейчас, а где-то в других местах, наверное, происходило и нечто иное: один, другой, третий взрыв раскатился, но далеко, на другом конце города, наверное. Видимо, и здесь все шло не как-нибудь, но в соответствии с продуманным планом.

«Интересно все же, — подумал Милов, — люди-то что будут делать? Те, что еще вчера здесь работали? Разрушить до основания — работа простая, но ведь потом надо и строить что-то? Можно, конечно, и города разрушить, и всех на землю посадить — но ведь и тут профессионализм нужен, да и земли пустой нет, значит, надо ее отнимать у кого-то. Может быть, конечно, есть у них уже какой-нибудь теоретически изящный проект, который на практике, вернее всего, ничего не стоит... Нельзя ведь «назад к природе», можно только — вперед к ней... Ну, и что же ты думаешь, — спросил он сам себя, — ты один такой умный, а другие ничего не понимают? Ну ладно, есть, допустим фанатики вроде тот же Растабелла, но ведь политики, как правило, фанатизмом не страдают — хотя порой оно и может показаться — на деле они всегда практики, или же удерживаются недолго. Нет, не зря, видимо, тут сохраняются эти корпуса: пройдет немного времени и окажется, что надо их снова пускать — и будет это подано и воспринято как новая великая победа, а чтобы ощутимым был прогресс, кое-где улучшат очистку, а в других местах только сделают вид, что улучшили, а на деле все так и останется; просто другие люди окажутся у руководства, что и требовалось доказать. Но беда ведь в том, что из-

бежать этого уже почти невозможно, а может быть — и совершенно уже невозможно. Потому что новая цивилизация действительно необходима, но никто разработкой хотя бы основ ее заниматься и не начинал даже, отделывались заклинаниями. Значит, должно было взорваться — и вот взорвалось. Но и у этих, судя по всему, никаких основ нет, иначе в сегодняшних речах хотя бы хвостик позитивной программы мелькнул, а его не было. И вернее всего, все просто пойдет по новому кругу. А впрочем...»

— Интересно, как теперь будут использоваться все эти корпуса? — спросил он вслух.

— Никак, — ответил Граве, не отводя глаз от дороги. — Их просто взорвут. Разве не слышите? Я потому поехал этой дорогой, что здесь это начнется позже.

— Почему вы думаете, что взорвут?

— Не думаю — знаю. Растабелл сказал.

— Я слышал его речь, но не помню...

— Это он мне сказал. Мне.

«Заговаривается? — подумал Милов. — Может, он все-таки...» — Громко же сказал:

— Ну, на все взрывчатки не хватит...

— Вы думаете? — равнодушно спросил Граве; так говорят просто чтобы не прерывать разговора, не более того.

— Да тут и думать нечего.

— Ну, почему же, — сказал Граве. — Думать всегда есть о чем, если человек умеет думать...

После этом разговор все же пригас. Город заканчивался, мимо проскальзывали унылые пустыри, где еще ничего не успели построить. Дальше пошли хилые, хворые рощицы, два или три раза машина по аккуратным, чистым мосткам проскочила над ручьями — вода их отблескивала радужной пленкой, и в эти ручейки кто-то что-то сбрасывал — дерьмо хотя бы, если не было ничего другого. Окрестность выглядела, как давно брошенное жилье, в котором воцаряется запустение, однако же люди здесь жили, на всей планете люди как-то ухитрялись жить...

— Когда-то, — неожиданно затворил Граве, — тут шумели леса. В них жили олени. Вы хорошо стреляете, Милф?

— Хотите предложить охоту на оленей?

— Кто-нибудь предложит. Кому-нибудь. Не сейчас, конечно. Но тут снова вырастут леса. И в них будет жизнь.

— И тогда вы снова повезете меня по этой дороге и скажете...

— Нет, — сказал Граве все так же равнодушно. — Я не повезу. И не скажу. Да и никто другой вас не повезет.

— Понимаю: машин не будет. Но воскреснут лошади...

— Лошади воскреснут. А вот мы с вами — никогда.

— Ну, не так уж мы стары, чтобы не дожить...

— Мы не стары, — сказал Граве. На шоссе он немного прибавил скорости, но по-прежнему был осторожен и внимателен. — Мы не стары. Мы мертвы, Милф. Неужели вы не понимаете?

— Нет, — честно сказал Милов. — Не понимаю.

После этого еще несколько километров они проехали в молчании.

— Мы мертвы, — сказал Граве, словно решив посвятить спутника в некую, ему одному ведомую тайну, — потому что мертвы те, кого мы любим.

— Я очень, очень сочувствую вам, Граве. — сказал Милов искренне.

— Как и я вам.

— Мне?

— Потому что Ева тоже мертва.

— Что за вздор! Я сам привел ее домой, я же говорил вам! И там была охрана. Кто решился бы убить жену Рикса? Бред!

— Я.

— Вы?!

— Я сам пришел к ней. Потом, уже после вас. И убил ее — теперь вам ясно?

— Вы с ума сошли! — пробормотал Милов; ничто другое не подвернулось на язык.

— Может быть, да. А может, нет. Какая разница?

— Врете, Граве!

— Зачем?

«Сейчас я убью его, — со странным спокойствием подумал Милов. — Просто задушу. Своими руками. Пусть он врет — за одно уже то, что такая мысль возникла в его

безумной голове. А если не врет? Господи, что же это делается, что делается в нашем сумасшедшем мире?..»

— Граве, если это правда, — почему?

— А почему убили мою жену?

— Если хотите знать — потому, что она была ввязана в мощную контрабандную сеть...

— Да. Теперь я это знаю. Как и то, что вы никакой не турист, а агент, шедший по их следам...

— Кто сказал вам?

— Лестер Рикс. Я пришел к нему и потребовал ответа: за что? Я хотел убить и его. Но он мне все объяснил. Ничего не случилось бы, если бы вы не шли по следам.

— Не во мне дело, Граве.

— Не объясняйте: я теперь знаю все. Вы — охотник за наркотиками. Но ведь не их ввозили сюда, Милф! Везли совсем другое. И моя жена никак не могла избежать участия, раз уж работала у Рикса: она поневоле оказалась в курсе... Но поймите, вы, ищейка без чутья, за все время Рикс не ввез сюда ни одного грамма наркотиков!

— А что же, в таком случае? Косметику? Электронику? Бросьте, Граве, не рассказывайте сказок.

Граве усмехнулся.

— Нет, Милф, не косметику, тут вы правы. Пластик. Взрывчатку! — Теперь машина шла километров на сто с небольшим, дорога была гладкой, прямой и пустынной. — И только ее. Но много. Очень много! Однако это же совершенно не ваше дело, Милф! Так что вы зря вмешались в эту коммерцию. И те, кто вас послал, — тоже. Не будь вас — Лили жила бы. И Ева Рикс не встретила бы вас — и тоже осталась бы жива. Пластик, Милф! Другая технология доставки. И ни одна из ваших тренированных собак его не чуяла. Потому что это — не пахнет! И его ввозили сюда вагонами! А вы искали двойные донца в чемоданах и прочую ерунду...

— Зачем и кому понадобилось столько взрывчатки? Рыбу глушить? — так она и без того давно вымерла. Я знаю, сколько можно заработать на взрывчатке; поверьте, Граве, не так уж и много.

— Все-то вы знаете, умница Милф! Но знаете стáндартно. А вы попробуйте подумать, как следует — и поймете...

— На такой скорости мне трудно думать, Граве; не гоните так, никто нас не преследует.

— Может быть, и нет. Но какая-то машина видна далеко позади. И я не хочу, чтобы нас догнали.

— Так что же я должен понять?

— Да хотя бы то, что вряд ли было простым совпадением: плотина рухнула и потоп случился именно тогда, когда все было готово, вплоть до дубовых листьев на грудь, и именно тогда, когда еще один ребенок, родившись, отказался дышать...

— Что вы плетете, Граве...

«На такой скорости мне с ним ничего не сделать, — думал Милов, быстро-быстро проигрывая в уме варианты. — Надо как-то отвлечь его, чтобы он, втянувшись в спор по-настоящему, машинально снизил скорость, и тогда — как собаку...»

— Вы говорите глупости, Граве!

— Вы, Милф, просто ничего не знаете. Сыщик! Плотине помогли развалиться! А вы представляете, сколько для этого потребовалось взрывчатки? Это вам не самолет взорвать... И ведь хватило, не правда ли? И осталось еще много! Много! Вы говорите — заработок, прибыль... А сколько стоит, по-вашему, власть? Сколько стоит спасение планеты? Да-да, не одной только маленькой Намурии, но всей планеты! Потому что — и об этом вы и сами начали догадываться еще раньше — мы всего лишь запал, сигнальная ракета: сегодня одержим победу мы — и завтра это начнется везде, потому что повсюду есть единомышленники и Растабелла — чтобы провозглашать лозунги, — и Мещерски, чтобы реализовать замыслы.

— Граве, Граве, что вы говорите! Вы так тяжело переносите гибель вашей жены — но ведь одно только наводнение наверняка унесло сотни тысяч жизней...

— Им некогда было спастись, да и некуда...

— А все то, что вы начинаете, унесет еще больше. По всей планете — страшно подумать, сколько...

— Чего же тут страшного Милф? Дурная традиция, только и всего. Думать надо реалистически. Современная технология губит мир — это аксиома. Но только при ее помощи можно прокормить столько людей, сколько населяет сейчас Землю! Слишком много людей! Возврат к охрани-

тельному ведению хозяйства неизбежно потребует уменьшения их числа. Перенаселение, Милф — вот наша беда. И не надо пугаться рациональных мер, которые приведут к сокращению числа жителей! Не надо! Потому что гибель части лучше, чего всеобщая гибель. Простая и неопровержимая логика, не правда ли? Да, жертвы уже есть и еще будут — но нам ли бояться этого? Ведь мы сражаемся за будущее человечества, Милф! Вот зачем власть, вот для чего нужна сила! И вот для чего — взрывчатка. Вся она пойдет в дело, не беспокойтесь. Чтобы уничтожить! Вырвать с корнем! Выжечь! — Теперь Граве почти кричал, капельки слюны вылетали изо рта и оседали на приборном щитке. — И начнем мы с этого самого Центра, потому что он уже не просто учреждение, он стал символом! Уничтожим символ!

— Вы же сами там работали...

— Да. Но они — сначала Растабелл, а потом и Мещерски — я и с ним ведь разговаривал, — помогли мне понять: постигшее меня — кара за то, что я был с вами. Чинил ваши проклятые «Ай-Би-Эм» и прочие дьявольские орудия. Поделом мне! Но я искуплю. У меня нет другого пути!..

Граве на мгновение повернул к Милову лицо с глазами — дикими, словно искра разума уже совсем покинула их.

— А что касается Рикса — то что ему ничтожные доходы, когда он поднимается на такую вершину, каких мало на Земле: на вершину полновластия! Не беспокойтесь, Лестер прекрасно считает, а он-то уж точно знает, сколько выиграет!

— Но что он сделает с вами, убийцей его жены?

— Со мной? Да ничего! Со мной уже никто и ничего не в состоянии сделать, Милф, потому что сейчас я могущественнее, чем все они вместе взятые, они еще могут чего-то бояться, я же ничего более не боюсь. Я самый сильный и самый свободный человек на Земле сейчас! Что мне Рикс, что мне вы?..

— Граве, — сказал Милов, — прошу вас, остановимся на минутку.

Вместо ответа Граве сильнее нажал на педаль газа.

— Остановитесь же: мне нужно...

— Потерпите, — равнодушно ответил Граве, — недолго осталось. Или обходитесь, как знаете... и, краем глаза уловив почти незаметное движение Милова: — Стоп! Не пытайтесь что-то сделать! Машина набита взрывчаткой, все установлено, как надо, и мы взлетим на воздух даже просто от резкого торможения! Так что сидите тихо, как маленькая мышка — если хотите прожить еще некоторое время!

Милов откинулся на спинку, положил ладони на колени, закрыл глаза. Неожиданно пришло расслабление, и странное спокойствие охватило его, покой безжизненности.

«Ева, — думал он, — родная, нелеп этот мир, и мы с тобой были в нем так же нелепы во всем — начиная с нашего знакомства и кончая тем, чем все это завершается... Нелепо было, наверное, ввязываться в чужую драку, надо было сразу, как только я понял, в чем суть, хватать тебя и мчаться прочь, пусть бы они сводили свои счеты, а мы должны были предупредить весь мир. Но у тебя были твои дети, которые не желают дышать, а у меня — другие дети, свои, потому что ведь каждое дело, которое мы начинаем, — наше дитя, и мы стремимся заботиться о нем и растить его... Я виноват во всем — в том, что тебя нет! Я, потому что оставил тебя там, хотя должен был понять, что спокойнее тебе быть со мною даже под огнем, чем пусть и у себя дома, но без меня... Поверил логике, а тут ведь логика ни при чем, когда чувствуешь к человеку то, что почувствовал я, — совсем другим надо руководствоваться, не логике верить, а подсознанию. Ты прости меня, маленькая, мне даже не хочется больше убивать этого идиота, мне даже почему-то жаль его... Тогда я на миг представил тебя на месте его Лили, и мне сделалось страшно. Почему я в тот миг не подумал, что наши представления помогают событиям реализоваться, — то, что раньше называлось «накликать беду»? Помешало то, что я старый коп, старая ищейка международного масштаба, у меня был след, и я бежал по нему, думая, что смогу вернуться к тебе. Забыл, что если мы и возвращаемся, то не туда, откуда вышли, а в иное время с иным расположением планет. Тебя нет, и мне все равно — пусть убийца жмет на газ, спеша доставить свою взрывчатку в Центр, где она... Где она — что?..»

— Послушайте, Граве, а на кой черт вы тащите в Центр такое количество пластика?

Граве засмеялся — как-то странно, судорожными выдохами.

«Господи, — догадался Милов, — он же просто не умеет смеяться, наверное, никогда в жизни по-настоящему не смеялся...»

— А вот увидите, Милф! Пройдет совсем немного времени — и вы увидите или, во всяком случае, почувствуете... Да ведь вы и сами прекрасно все поняли, зачем же задавать лишние вопросы?

Милов покосился на спидометр; было где-то под сто сорок.

— Я просто хотел сказать вам, Граве, что если вы действительно хотите доставить ее в Центр, эту вашу контрабандную взрывчатку, то не гоните так, как сейчас: мало ли — не выдержит камера...

— Скорость придает решимости, Милф, вселяет уверенность — разве не знаете? Я бы гнал еще быстрее, но эта колымага уже на пределе, быстрее она просто не может, а другой машины мне достать не удалось — не до того было. Просил у Рикса, но он не дал, хотя, если разобраться, — зачем ему машина, их все равно больше не будет... М-да. К сожалению, у того, сзади, мотор, видимо, посильнее — да и нет у него, наверняка, причин ехать осторожно. Гонит, как ненормальный... Милф, мне не нравится этот преследователь. Оглянитесь. Я разрешаю. Только без глупостей. Понимаю, что у вас может возникнуть искушение, однако, что бы вы ни сделали, Центр вам все равно не спасти, и людей в нем — тоже, но я везу им судьбу легкую и быструю, а другая может оказаться куда мучительнее... Теперь я вас предупредил. Можете посмотреть.

Милов послушно посмотрел в заднее стекло — для этого пришлось извернуться в кресле. Широкая, приплюснутая к дороге машина и в самом деле была теперь куда ближе, чего когда Граве заметил ее впервые.

— Хорошо идет, — сказал Милов. — Классная машина.

— Слишком хорошо. Возьмите ваш автомат, Милф.

— С какой это радости?

— Сейчас вы будете стрелять. Старайтесь попасть в водителя. Или по колесам. Надо остановить его, слышите? Он определенно гонится за нами, хочет помешать мне.

— По-моему, он больше не приближается: держит дистанцию. Ну и пусть себе держит, а?

— Милф, где же ваш опыт? Они держатся позади, потому что собираются стрелять по нам — и не хотят пострадать в случае, если мы взорвемся. А для этого может хватить и одного попадания: у меня ведь и весь багажник набит... Не медлите, стреляйте через стекло — нам оно все равно не понадобится, до своего конца мы доедем и так...

Слишком многословен был и слишком лихорадочно сыпал словами — нет, конечно, с психикой у Граве было совсем плохо, но он сидел за рулем — и ничего с этим не поделаешь.

— Но они ведь не стреляют! И не могу я так, ни с того, ни с сего. А если это совершенно непричастные люди? Ну подумайте, Граве, кто может гнаться за вами? Кому известен ваш замысел? И кто осмелится помешать вам?

— Ну, всегда есть люди, не согласные даже с очевидными истинами. А если они и не при чем — что за беда, если с ними что-то случится? Я ведь уже сказал вам, Милф: перестаньте мыслить по-старинке! Мы с вами сейчас выполняем волю природы, высший закон ее, и мораль природы выше нашей, человеческой. Да стреляй-те же, будьте вы прокляты!

— Хотите сигарету, Граве?

— Ну ладно, если вам так не терпится... Я везу пластик, чтобы взорвать ваш чертов Центр, Милф. Все, кто виноват, ответят мне. И уж вы в первую очередь — с вами счет особый.

— Вы же не умеете взрывать, Граве.

— Я же говорил вам; все сделано — мне нужно только доехать, въехать, вбиться в проклятый Черный Кристалл. О, какой это будет торжественный въезд!

— Судя по тому, что я слышал, Кристалл — постройка прочная. Тут вашего заряда не хватит. Зря пыхтите.

— Не волнуйтесь. Там есть свой запас, его не успели до конца вывезти, а может быть, намеренно оставили...

«Ну да, — подумал Милов. — Не зря меня ориентировали в первую очередь на Центр. Покойный доктор Карлуски. Тогда это, пожалуй, серьезно... Что там визжит этот псих? Я ему ничего не могу сделать, но и он мне тоже — ему сейчас нельзя даже отвести глаза от дороги...»

— Заткнитесь, Граве, — сказал он. — Они не приближаются, на таком расстоянии попасть трудно, а у меня всего один рожок, и если я потрачу патроны зря...

— Слушайте, Милф! Черт с вами! Обойдусь без вашей жалкой жизнишки. Обещаю: сшибете их с дороги — и я вас выпущу, только без оружия, и живите, как вам будет угодно — если вы еще способны жить. Иначе погибнете вместе со мной, все равно — на дороге от их пули или в Центре, под обломками Кристалла. Выбор прост, Милф. Хотите жить? Тогда стреляйте и помните — только попадание идет в зачет.

«Жить-то я, конечно, не против, — подумал Милов. — Не ради себя, но получается так, что кроме меня некому предупредить мир. Гектор? Не знаю, очень мало уверенности, что армия захочет помочь, раз уж она объявила невмешательство, и значит, только из Центра возможно выйти на связь. Так что надо сберечь Кристалл, и себя тоже. Если там, в машине, предположим, люди Мещерски, и вцепились они в нас, чтобы убедиться в выполнении задания, то пустить их под откос — вполне приличное дело. Однако этим не спасти Кристалл, не спасти детишек, которые как бы завещаны мне Евой. Ну-ка, попытаемся соединить приятное с полезным...»

— Ладно, уговорили, — проворчал он. — Сейчас.

Он неспешно, осторожно переместился на сиденье — встал на него коленями, оперся локтями о спинку, изготовил автомат.

— Не медлите, Милф, стреляйте же!

Милов всматривался в преследовавшую машину; окна ее были из поляризованного стекла, и увидеть водителя не удавалось. Но определить, где должна находиться его голова, было нетрудно даже и теперь.

— Черт, они, видно, заметили меня — отстают... Граве, вам придется немного сбавить скорость, чтобы восстановить дистанцию.

— Очень не хотелось бы.

— Иначе мне не попасть. У него черные стекла, ничего не видно.

— Бейте по колесам.

— Вы даже в зеркале видите, что это не просто. Если бы сбоку, но он не хочет подставиться. Подтормозите.

— Ну-ну... Хорошо.

И он начал медленно сбрасывать газ.

Гектор остановился. Часовой смотрел на него невозмутимо, не снимая рук с висевшего поперек груди автомата. Не угрожая, но и пропускать, похоже, не собирался.

«Спокойно тут, — подумал Гектор, — словно бы ничего и не происходит вокруг. Сила есть сила — даже если это армия настолько условная, как здесь, в Намурии. Но это хорошо, что не чувствуется нервозности: больше шансов получить содействие».

— Приятель, — сказал он. — Я к полковнику Фрезу, по его приглашению.

Он не врал: приглашение такое действительно было сделано — месяца два назад, когда военные устраивали пресс-конференцию по поводу состоявшихся учений. После вопросов и ответов состоялся дружеский ужин с напитками — за столом Гектор и познакомился с полковником и на какой-то рюмке даже подружился, так что на прощанье они обменялись адресами и приглашениями, испытывая друг к другу искреннее уважение, потому что принадлежали к немногим, еще державшимся на ногах. Полковник Фрез был парень что надо, и именно он командовал расквартированной в городе частью. На его содействие Гектор и рассчитывал и жалел только о том, что не было с собой бутылки, чтобы на хорошей ноте возобновить прервавшийся тогда разговор.

Гектор старался сейчас держаться уверенно, и свою корреспондентскую карточку протянул жестом небрежным и достойным, одновременно сделав еще шаг. Часовой шевельнул автоматом, движение было достаточно выразительным.

— Вызови разводящего, — сказал он, не поворачивая головы.

За узкой дверцей, которую часовой закрывал собою, послышались шаги, потом приглушенный голос — так говорят в телефонную трубку при хорошей слышимости. Видимо, армия не испытывала трудностей со связью. Да и во всем остальном порядок, похоже, не понес ущерба: разводящий возник почти сразу, взял карточку Гектора, внимательно оглядел, потом столь же пристально посмотрел на корреспондента.

— Обождите.

Разводящий скрылся. Снова послышались приглушенные голоса.

«Вот номер будет, — подумал Гектор, если дружок прикажет сообщить мне, что не имеет быть в расположении части, с незнакомым договориться по такому щекотливому делу шансов практически нет. Хотя попробую, конечно...»

Разводящий возвратился.

— Идите за мной.

Часовой стоял все так же невозмутимо; поравнявшись с ним, Гектор ощутил трудно определимый армейский запах — кожаных ремней и солдатских башмаков, оружейной смазки и мужского пота: солнце светило вовсю, и часовой стоял на самом припеке. За дверью оказалось неширокое помещение с телефонным аппаратом, подле столика с телефоном сидел еще один солдат. Разводящий кивнул на аппарат:

— Говорите.

Гектор взял трубку.

— Алло! Полковник, вы?

— Алло, приятель! — услышал он. — Рад вас слышать, хотя, откровенно говоря, время для встречи не самое лучшее. Ничего, ничего, понимаю: журналист всегда на службе, как и наш брат, военный. Только хочу сразу предупредить о двух вещах: информации для вас у меня практически никакой, сами понимаете, да и посидеть как следует не сможем.

— Рад буду увидеть вас хоть на пять минут.

— Ну, вы меня тронули до глубины души. Не могу противиться столь дружескому чувству. Отдайте трубку капралу.

В голосе полковника явственно слышалась ирония, но сейчас это Гектора нимало не смутило: ради связи он на

что угодно мог бы пойти. Капрал, сказав в телефон: «Слушаюсь!», положил трубку, задвинув предварительно антенну, и повернулся к журналисту.

— Идите за мной, — повторил разводящий уже однажды сказанное.

Видимо, с людьми гражданскими здесь предпочитали общаться строго по уставу. Гектор еще раз убедился в этом, когда, послушно следуя за капралом, как бы невзначай спросил его: «Ну, а вам как все это нравится?» — и получил в ответ лаконичное «Не положено». Неясным осталось, что именно было не положено: вступать в разговоры с посторонними, иметь свое мнение о происходящем или то и другое вместе. Пересекая обширный плац, Гектор, однако, не заметил ничего, что свидетельствовало бы хоть о малейшем волнении. Покой царил и в том здании — одном из окружавших плац военного городка, — в которое он вошел вслед за разводящим; внизу, сразу за дверью, их встретил средних лет офицер, попросил еще раз показать карточку — теперь уже ему, сказал разводящему: «Идите» и вежливо кивнул журналисту:

— Командир ждет вас.

Затем повернулся и стал подниматься по лестнице.

Гектор хотел было и ему задать тот же вопрос, но подумал, что и тут успеха не добьется, и единственная надежда — что дружеские чувства полковника существуют не только на словах. На втором этаже офицер отворил обитую пластиком дверь: за нею была комната с письменным столом и несколькими шкафами, двумя железными в том числе; за столом никого не было, зато в левой стене существовала еще одна дверь, тоже с обивкой. Офицер отворил ее, ступил в сторону и кивнул Гектору:

— Прошу.

Гектор вошел. Полковник встал, вышел из-за стола, сделал несколько шагов навстречу. Был он высок, молод для своего звания — в маленьких армиях командиры редко бывают молодыми; румянец свидетельствовал о завидном здоровье. Он приветливо улыбался и крепко, словно стараясь выжать из ладони Гектора всю жидкость, пожал руку журналиста.

— Вот приятная неожиданность, — проговорил он хорошо поставленным командным голосом. — А я уже думал, не поставить ли свечку за упокой: ваш брат обычно трется в столице и если уж гибнет, то близ начальства, верно? Рад, рад видеть тебя в наших краях. Ну, садись, к сожалению, служба — дело строгое, но честь, как говорится, превыше, верно?

Говоря это, полковник успел усадить Гектора в кресло, извлечь из шкафа бутылку рома и две рюмки. Закуской должны были служить картофельные чипсы в изящной вазочке.

— Вот так, — удовлетворенно кивнул он, все еще не давая журналисту произнести ни слова. — Погоди, погоди. Я ведь понимаю, не одни лишь дружеские чувства привели тебя ко мне именно сейчас: что-то тебе понадобилось, верно? Но у меня свои условия. Я в твоем распоряжении примерно на час, больше не выйдет. Так вот, из этого часа десять минут я беру себе, что означает: ни слова о делах. Ну, а уж потом твоя очередь. — Он налил. — Ну — виват!

— Хайль! — произнес Гектор в ответ, и это полковника нимало не удивило, он лишь подмигнул, выливая шершавое пойло в рот. Пришлось не отставать. Оказалось, однако, что именно этой маленькой дозы и не хватало Гектору, чтобы прийти в себя.

— Ну, давай, кайся, — сказал он. — Как семья, дети? Ты ведь теперь, наверное, стал кем-то вроде военного министра?

— Не нарушай уговора. Лучше я тебе сперва расскажу, как провел отпуск. Махнул я, понимаешь, в Испанию — ну, ты представляешь, верно? Три дня скучал в шикарном отеле, стал уже подумывать — не сорваться ли куда-нибудь, где повеселее. Но тут...

Гектор слушал, не забывая кивать, но то, что рассказывал полковник о своих шалостях, до него не доходило, не ко времени было. Он глядел за окно; видна была часть плаца, и на нем сейчас занимался, судя по численности, взвод, комендантский, наверное, занятия были отнюдь не строевыми — отрабатывался штурм здания, из которого вели огонь. Солдаты действовали умело, и это было куда интереснее, чем рассказ полковника, хотя в иное время он,

пожалуй, доставил бы журналисту немало удовольствия: он и сам любил временами расслабиться.

— Лихо, верно? — завершил полковник свою исповедь. — Ну, вот, свое время я использовал. Слушаю тебя. Что, кроме нерушимой дружбы, принесло тебя ко мне?

— Связь.

— А подробнее? Что, почему и зачем?

Монолог Гектора занял минут десять.

— Понял тебя, — кивнул полковник. Объясню теперь нашу позицию. Армия нейтральна. Старого правительства нет, новое еще не создалось. Программа тех, кто претендует на власть, не ясна до конца, но в общих чертах нас устраивает, поскольку на наши права не посягает.

— Но разве не долг армии — восстановить порядок, когда он так явно нарушается?

— А почему, собственно, она должна защищать и восстанавливать то, что ты называешь порядком? Подумай: люди сейчас выступили не против какого-то правопорядка — коммунизма, капитализма или, скажем, христианства или ислама. Они выступают против цивилизации, вмещающей и одно, и другое, и третье, и четвертое, и еще великое множество всяких множеств, верно? Люди выступили против того, чтобы идти в прежнем направлении и пилить сук, на котором мы все восседаем. Так почему армия должна защищать пильщиков?

— Хотя бы потому, что армию такой, какова она есть, сделали именно, как ты говоришь, пильщики — люди науки, люди техники. Что такое она без них?

— Без них? Да все та же армия. Или ты думаешь, что легионеры Цезаря считали себя ущербными оттого, что у них не было танков и сверхзвуковой авиации? Они обо всем этом и представления не имели, и это не мешало им вести и выигрывать войны — с куда меньшими энергетическими затратами... Наоборот, все эти люди нам, армии, надоели хуже горькой редьки, потому что мы вынуждены слишком во многом считаться с ними, а науку никогда не удавалось и не удалось бы сделать одним из родов войск с беспрекословным подчинением главнокомандующему... Нет, мы — те, кто командует армией, — отлично понимаем, что без науки и техники нам легче. Зачем же

способствовать восстановлению порядка, который нам не нужен?

— Интересно. Ну, а предполагаемый противник, который не лишится ни танков, ни авиации — как вы, в случае чего, будете с ним справляться?

— Мы полагаем, что происходящее у нас — только начало глобального процесса. А пока он не стал таким, вовсе не собираемся выбрасывать свою технику. Но скорее всего, процесс будет развиваться именно так не только у нас: другого пути, вероятно, просто нет.

— А согласится ли с вами правительство — то, которое возникнет? Ведь сейчас армия намного сильнее любой другой внутренней силы именно потому, что она вооружена современным оружием. Если же вы поставите себя на один уровень с просто вооруженным населением, власть уже не сможет чувствовать себя столь уверенно.

— Есть, конечно, политики, которые так думают, но есть и другие, — понимающие, что власть в ядерный век может основываться на иных принципах. В неядерные века — а их было множество — она существовала даже с большим, возможно, комфортом. Но теперь правители не хуже своих подданных понимают, что можно обойтись без танков и роллс-ройсов, даже без горячей воды можно, но вот без воздуха — нельзя, и без неотравленной пищи — тоже...

— Вот тут ты ошибаешься, логика тебя подводит. Если бы дело обстояло так, правительства давно приняли бы меры. Но они как раз делали очень мало...

— Правительства плывут по течению цивилизации, не они правят ею, но она — ими. И сломать ее им не под силу, ее надо медленно, медленно гнуть. Но это надо было начинать намного раньше, а сейчас уже поздно. Сейчас ее начали ломать снизу. И наше, армии, дело — лишь позаботиться о том, чтобы это не стоило большой крови и невосполнимых потерь. Это — единственное, что мы сейчас себе позволяем: следить, чтобы игра велась по определенным правилам. Те, кто руководит процессом, понимают это, а те, кто пытается нарушить... Вот только сегодня утром мы отобрали и привезли целую машину стрелкового оружия: пришлось разоружить два чересчур лихих отряда. Иными словами, мы не против того, чтобы перевести поезд

на другой путь, но не желаем, чтобы его пустили под откос. Мы как бы стоим над схваткой — пока нет никакого законного правительства, да и когда оно возникнет, мы признаем его лишь на определенных условиях и гарантиях — и сегодняшние руководители это прекрасно понимают. Итак, мы ни на одной стороне; если же я, предположим, дам тебе связь, получится, что мы приняли какую-то из сторон...

— Ничего подобного: я — это мировая пресса, я тоже ни на чьей стороне.

— Возможно, ты лично — да. Но те, для кого предназначена твоя информация — как они воспримут ее?

— Брось, брось, полковник, не в этом дело, не считай меня таким уж дураком. Скажи откровенно: ты не хочешь, чтобы внешний мир знал подробности о происходящем — чтобы они не успели там, у себя, принять меры. Значит, в глубине души ты все же на стороне этих?

— Я на стороне жизни. А ты?

— Я тоже. В частности — я за то, чтобы сохранить жизнь тем ученым и техникам, которые находятся сейчас в Черном Кристалле, в Центре. Если ты не хочешь дать мне связь...

— Совершенно исключено.

— ...то хотя бы пошли войска, чтобы защитить Центр, его людей от самосуда.

— То есть откровенно выступить на их стороне? Нет, милый друг, ни в коем случае.

— Послушай. Но ведь новое правительство, судя по тому, что знаю я — да и ты, наверное, тоже — ни в коем случае не будет демократическим...

— А меня это не очень шокирует. Армии легче жить с правительством не совершенно демократическим, потому, может быть, что сама она совершенно демократической организацией никогда не будет — не может быть по сути своей.

— Значит — пусть гибнут люди? Но ведь это даже не ваши подданные, полковник! И если те державы, чьими гражданами эти ученые являются, захотят обеспечить их безопасность — так это называется в наши времена... — долго ли сможет твоя армия противостоять рейнджерам? И что от нее потом останется?

— Ну, — сказал полковник, помолчав, — международных осложнений мы вовсе не желаем...

— Так защитите людей!

— Понимаешь ли, мы не можем сделать это открыто. Не говорю уже о том, что я не командующий армией, и если отдам такой приказ моим солдатам — завтра же меня здесь может не оказаться. Правительства нет, но генералы живы и находятся на своих местах. А что военного министра нет — так он все равно был штатским, и интересы армии не впитал с молоком матери. Но, в конце концов, почему этих людей надо защищать? Я знаю Центр: Черный Кристалл — с точки зрения его обороны — вовсе неплохая крепость, там полно людей, способных носить оружие...

— Беда в том, что им нечего носить! Хоть поделись оружием, если ты не согласен ни на что другое!

— Ты с ума сошел! Оружие — это армейское имущество, и я не имею никакого права... Это было бы просто преступлением!

Минуту-другую они помолчали.

— М-да, — пробормотал затем полковник. — Рейнджеры... Нет-нет, я не вправе дать ни одного автомата, ни одного патрона. Трудно даже сказать, какой шум поднялся бы, а ведь у нас сейчас обстановка тоже напряженная, ты не представляешь, как тяжело поддерживать несение службы на должном уровне... Да вот, зачем далеко искать: пригнали, ты уже слышал, машину с оружием, отнятым у хулиганов — там и автоматы, и патроны, и карабины, — и даже не потрудились загнать в гараж, машина так и стоит неразгруженной, даже не в расположении, а за забором... И вот уверен: если бы кто-нибудь сел в нее и поехал — разгильдяи на проходной даже не почесались бы... Нет, события, безусловно, влияют и на нас, на дисциплину, на воинский порядок... Понял?

— Так точно, — ответил Гектор бодро.

— Разгильдяи, говорю тебе, разгильдяи! Уверен даже, что ключ из зажигания никто не позаботился вынуть... Вот я обожду еще с полчасика — и специально пойду, проверю, стоит ли она еще там — вдоль забора направо...

— Боюсь, — сказал Гектор, — что мне придется покинуть тебя еще до этого.

— Кажется, ты прав: час уже истек, у меня тут неотложные дела... Жаль, что не получилось посидеть по-настоящему, но погоди вот, уладится все, успокоится как-то — тогда уж...

— Непременно, — подтвердил журналист. — Только тогда меню выберу я, а то от этого твоего в глотке першит...

Полковник развел руками и проводил Гектора до двери. Дальше все шло в обратном порядке: адъютант проводил его до подъезда, там уже ожидал разводящий; в его сопровождении Гектор беспрепятственно вышел за пределы расположения, постоял минутку, размышляя, рассеяно свернул вправо. Часовой изо всех сил смотрел в противоположную сторону. Грузовик стоял, и ключ на самом деле был в замке зажигания. Гектор усмехнулся. Сел. Мотор включился сразу. Гектор глянул в зеркальце. Часовой по-прежнему глядел влево, хотя ничего особенно интересного там не происходило. Гектор набрал скорость. Все было тихо. Дорогу он знал. Груз негромко позвякивал в закрытом брезентом кузове.

«Ну, что же, — подумал Гектор, — и такой клок шерсти пригодится, и на том спасибо. Но теперь предстоит еще уговорить профессоров стрелять, боюсь, это окажется еще труднее...»

Граве начал медленно сбрасывать газ. Расстояние между машинами сокращалось. Милов прищурил глаз. Потом широко раскрыл оба. Что там такое? Флаг? Нет не флаг...

Водитель машины-преследователя на ходу опустил стекло и высунул руку, в которой что-то яркое, цветастое, билось, извивалось на ветру. Милов вгляделся — и ударило в виски, мурашки побежали по спине. Ах ты... Ах, ты!

— Еще чуть медленнее!

«Сверну шею, — подумал он. — И уж что-нибудь поломаю наверняка. Но выбирать не приходится. Тряхнем стариной... Нет, никому другому это не пришло бы в голову — значит...»

— Граве, поближе к обочине!

— Это еще зачем?

— Солнце бьет в глаза — от его стекла...

— Ладно.

Милов опустил левую руку, нашарил ручку. Машина шла совсем рядом с травянистой обочиной.

— Ну, что же вы? Огонь!!

— Слушаюсь, господин ефрейтор, — ответил Милов и левой рукой рванул ручку дверцы.

Он вывалился спиной вперед, сгруппировавшись на лету. Автомат он не удержал, и оружие лязгнуло по асфальту, но не выстрелило — предохранитель не подвел. Боль ударила, казалось, сразу со всех сторон, рванула, вонзилась... «Кажется, жив еще», — успел подумать Милов, клубком катясь по траве. Рядом взвизгнули тормоза. Линкольн-континенталь, низкий, длинный, как летний день, остановился рядом. Правая дверца распахнулась.

— Дан, вы живы? Дан! Чему вы смеетесь!

— Ева! Ева, сумасшедшая вы женщина...

Он с трудом, как бы по частям, поднялся. Граве был уже далеко, машина его все уменьшалась, превращалась в точку. Автомат валялся на шоссе, сзади, шагах в тридцати.

— Ева, милая, задний ход — подберем игрушку...

— Я развернусь.

— Потеря времени. Надо настичь его!

Ева все еще сжимала в пальцах нелепый галстук Милова.

— Не спрашивайте, Ева, некогда — объясню по дороге...

Он подхватил автомат, перегнувшись с сиденья, захлопнул дверцу. Кости, кажется, в порядке. «Жива, — подумал он, — жива, как ей удалось?»

— Ева, как вы спаслись?

— От чего, Дан?

— Граве говорил...

— Граве? Он заходил, разговаривал с Лестером. Ко мне только заглянул мимоходом — сказал, что хочет разыскать вас, я объяснила, что вы постараетесь попасть в Центр.

«Выдумал? — пытался сообразить Милов. — Нет, он же сумасшедший — ему хотелось убить ее, но он не решился, конечно, — а потом поверил, что так и сделал... А может, и остальное — фантазия? И в машине у него нет никакой взрывчатки? Ладно, увидим».

— Как нога? — спросил он.

— Спасибо, Дан, — сказала она. — Вспомнить сейчас о моей ноге — это говорит о многом. Еще побаливает. Но я терплю. Дети... И вы.

— Глупая, — сказал он.

— Это у меня от рождения, — сказала Ева.

Машина бесшумно летела — не по дороге, кажется, а уже над нею; точка впереди начала снова обретать очертания.

— Хорошая у вас машина, — сказал Милов.

— Рикс не любит маленьких.

— А поживее она способна?

— По такой дороге я легко дам сто двадцать миль, если понадобится. А он держит примерно восемьдесят.

— Быстрее не может. Приблизься метров до пятидесяти. Ближе не надо. И как только я начну стрелять — жми на тормоза.

— Что ты хочешь с ним сделать? Я надеюсь...

— Только то, чего он сам захотел. Как тут опустить стекло?

— Кнопкой.

Милов опустил свое стекло, высунулся: сперва руки с автоматом, потом голову — но ее пришлось тут же убрать: резкий ветер бил в лицо, заставляя закрыть глаза. «Ничего, мы и так... Хотя бы по колесам. Не уйдет, и отстреливаться не сможет — он же не рейнджер, он нормальный гражданин, честный, добродетельный умалишенный».

Он выпустил короткую очередь. Вторую. Граве вилял по дороге, по всем четыре ее полосам. Мимо. Опять мимо.

«Что я — стрелять разучился?.. Так, заднее стекло — в крошки. Виден затылок, голова, пригнувшаяся к рулю. Нет, в него не буду. Дам шанс: если он все выдумал — пусть живет. Только сбить с дороги: если в машине не пластик, он уцелеет, отделается синяками, может быть. Только сбить с дороги. Сейчас он снова вильнет — и можно будет по колесам...»

Длинной очередью, последними патронами он повел сверху вниз наискось. Но Граве в последний миг вильнул, и багажник закрыл колесо.

Ревущее пламя клубком оторвалось от дороги, на лету

рассыпаясь на части. Налетела взрывная волна. Ева вскрикнула. Линкольн рвануло, занесло, швырнуло в канаву. Сталь скрежетала, сминаясь. Земля перевернулась. Финиш, конец пути.

— Ева, вы живы?

Она лежала на траве, куда Милов вытащил ее из смятой, невосстановимо изуродованной машины; у него самого был рассечен лоб, кровь текла по лицу и, кажется, пару ребер придется капитально ремонтировать. Но, может быть, и не так все плохо...

— Ева!

Она открыла глаза:

— Что с нами было?

— Дорожно-транспортное происшествие. Эксидент.

Она несколько раз моргнула. Глубоко вздохнула и охнула.

— Где болит? — спросил Милов.

— Спросили бы, где не болит...

— Встать сможете?

— Помогите...

— Минутку. Здесь болит? А здесь? А так? Тут?

— Дан, кто из нас врач? Подозреваю, что вы.

— Ну, что вы, Ева, милая... Но в санитары гожусь. Теперь попробуем подняться. Держитесь за меня. Так, та-ак... В общем, отделались мы с вами чрезвычайно легко.

— Однако, мой рыцарь, ваша внешность несколько пострадала. Пора и мне вспомнить, что я медик. В машине есть аптечка...

— Пусть ее поищет кто-нибудь другой, нам некогда. Да и заживает на мне мгновенно. До Центра далеко еще?

— Рядом. Километра полтора, если идти напрямик. Но я, кажется...

— Ева, Ева, как вам не стыдно! Усидеть сможете?

— Вы рыцарь или лошадь?

— Я кентавр.

— А если всерьез: вам по силам будет?

— Я в форме, — сказал он. — Ну, раз-два... Удобно?

— Никогда больше не слезу. Хотел бежать от меня. Каково?

— Я бы вернулся, — сказал он искренне.

— Знаю. Потому и погналась. Но не очень-то воображайте: у меня ведь дети. Все равно, я бы поехала к ним.

— Наверное, там есть кому присмотреть.

— Нет, я должна быть с ними сама. Хоть ползком...

— До этого не дойдет. А машина все равно дальше не повезла бы, — сказал Милов, когда они поравнялись с глубоким провалом во всю ширину шоссе — там, где взорвалась машина Граве. — Ну, мир праху его.

— А мне жаль его, — сказала она.

— Да и мне тоже — теперь... Он любил свою жену.

— Дан, а ведь мы, наверное, сами во многом виноваты.

— Конечно, — сказал он, постепенно привыкая, к ритму ходьбы с грузом. — И мы, и он, и все, кто только говорил, но ничего не делал, чтобы подхлестнуть наши правительства, ждал, пока это совершит кто-нибудь другой. Ну что же, кто-то другой и осуществил — по-своему... Пришпорьте-ка меня, Ева, не то мы придем слишком поздно.

— Запрут крепостные ворота?

— Нас могут обогнать — те, кто идет, чтобы уничтожить Центр.

— И мы вдвоем их остановим? И победим?

— Нет. Но предупредим Центр. И весь мир.

— И там погибнем?

— Может быть.

Метров сто они прошли молча; но идти в безмолвии было труднее.

— Знаете, Ева, мне страшно повезло.

— Конечно, знаю. А в чем именно?

— В том, что вы весите килограммов пятьдесят, не больше.

— Девяносто шесть фунтов.

— Представляете, если бы вы весили двести?

— Я? Никогда! — возмущенно заявила она.

— Ну, не вы, а другая женщина...

— Дан! На свете нет других женщин, ясно? Есть только я!

Он медлил с ответом.

— Немедленно опустите меня на землю! — потребовала она. — Не желаю иметь с вами ничего общего!

— Их нет, Ева, — сказал он. — Никогда не было. И не будет. Пока мы живы. Но если бы когда-нибудь раньше они были, то не обязательно носили бы брюки и брюки, вечно брюки. Знаете, кентавры очень любят ощущать...

— Терпение, Дан, — сказала она. — Они не приросли ко мне.

— Только на это я и надеюсь, — сказал он, ускоряя шаг.

Сквозь редкую цепочку окружавших Центр добровольцев они прошли беспрепятственно, никто даже не попытался задержать их, а Милов к тому же все еще носил на груди дубовый лист. Широкие стеклянные двери распахнулись перед ними, пропустили и захлопнулись. И сразу показалась, что все беды и опасности, пожары и убийства, свидетелями которых они были, на самом деле не существовали, что сами они выдумали и поверили в них, как Граве — в убийство Евы. На самом же деле везде царил порядок и разумная жизнь текла, как ей и полагалось, и можно было спокойно думать о своей работе и своей любви. Потому что здесь, в обширном вестибюле Кристалла, где лежали ковры и на стенах висели подлинники кисти мастеров, и сиял мягкий, неназойливый свет, и стояла крепкая, благословенная тишина — где, одним словом, все выглядело так же, как и неделю, и месяц, и год назад — здесь можно было почувствовать себя защищенным всею той силой, которая была у остального, пока еще (хотелось надеяться) жившего нормальной жизнью мира, в чьих традициях было — не оставлять своих людей в беде, но всякими способами стараться вызволить их — начиная с тихой дипломатии и кончая высадкой десанта. Хотя как раз в устойчивости остального мира Милов был не очень-то уверен.

— А я думал, что здесь яблоку упасть некуда, — сказал он, остановившись посреди вестибюля.

— Ну, Кристалл достаточно велик... Дан, а вам не кажется, что мы уже приехали? Пожалуйста, здесь мне неудобно...

Он бережно опустил Еву на пол и с удовольствием перевел дыхание.

— Бедный мой кентавр, — сказала она и провела рукой по его грязной от пота и пыли, колкой щеке. — Извините меня.

— Нет, не так, — сказал он. — Спасибо. Спасибо за первобытное ощущение: я вдруг почувствовал себя мужчиной не только по первичным признакам.

— Зато теперь я принимаю на себя роль женщины и хозяйки дома. Вам нужна ванна, бритва и гардероб. Потом нам не помешает что-нибудь выпить и немного поесть.

— Лазурная перспектива, — согласился он. — Но это потом. Прежде всего отведите меня на радиостанцию. Необходимо как можно скорее оповестить весь мир. Вероятнее всего, это уже сделано, однако я не знаю, в какой степени здесь понимают ситуацию: глядя из этого райского уголка, кажется, трудно составить верное представление.

Ева покачала головой.

— Вы не знаете наших порядков, Дан. Никто и близко не подпустит вас к микрофону и не примет от вас ни единого слова без разрешения администрации. И никто не даст вам разрешения прежде, чем вы убедите их в необходимости этого...

Что-то неуловимо изменилось в ней, когда она оказалась внутри Кристалла: там, в дороге, она была только женщиной, а тут — еще и человеком, работающим в Центре и подчиняющимся его порядкам.

— Черт бы побрал ваших бюрократов, — сказал Милов. — Ладно, ведите, я им в двух словах объясню...

— В двух словах они не поймут. Научная администрация, Дан, консервативнее любой другой. И до тех пор, пока вы больше всего напоминаете беглого каторжника, с вами и разговаривать не станут, и я ничем не смогу помочь. Я ведь хозяйка около своих гермобоксов, а для всего Центра — величина столь малая, что никто даже не заметит, если я вообще исчезну.

— Ну! Супруга самого Рикса...

— Рикс — это звучит там, в городе. А для Центра он всего лишь обосновавшийся здесь бизнесмен. Далеко не из самых крупных. Далеко не Хант!

Разговаривая, она медленно, припадая на ногу, вела его к стене, в которой виднелись двери лифтов. Он попытался было воспротивиться, но тут же понял, что она права.

«Ладно, — подумал он, — у нас еще есть фора. Мы опередили пехоту, пожалуй, часа на четыре. Ну, пусть они идут кратчайшим путем — такой наверняка есть, какие-нибудь тропы и тропинки — но и тогда окажутся здесь часа через три, не раньше...»

Ему показалось удивительным, что где-то могут еще работать лифты; но здесь исправно вспыхнул зеленый треугольничек, и видно было, как кабина заскользила сверху по прозрачной шахте.

— Фантасмагория! — не удержался он. — Я начинаю всерьез бояться, что наши шефы могут не понять, насколько дела плохи.

— Вы и сами уже не так уверены, правда?

Он промолчал.

Они вышли на двадцать втором. Широким, пустым коридором добрались до ее отделения. Дежурная сестра сидела на своем месте у пульта — с головы до ног в голубом, накрахмаленном, спокойная, уверенная в себе.

— Добрый вечер, доктор Рикс. — Тонкие брови сестры выразили нечто вроде удивления. — Вы с больным? Секунду, я вызову доктора Нулича, чтобы отправить пациента в клинику... — Она говорила с акцентом.

— Нет нужды, сестра Пельце. Душ и что-нибудь, во что можно его переодеть.

— Только не в пижаму, пожалуйста, — попросил Милов.

— Позвоните в клинику, пусть там посмотрят в гардеробной — может быть, у кого-то из больных найдется подходящее.

— Простите, доктор, но...

— Знаю, знаю. Скажите доктору Нуличу, что я прошу. Белье, костюм...

— Там мало что осталось, доктор. Почти всех больных сегодня вывезли эти... местные. Остались только иностранцы.

— Скажите, сестра, может быть, мне самой сходить в гардероб?

Привычка к подчинению возымела действие.

— Наши палаты — те, что для родителей, — пусты. Душ можно принять там. А вы сами, доктор? Похоже, что вы попали в катастрофу.

— Не мы одни, сестра.

— Знаете наши палаты едва удалось отстоять: сейчас в Кристалле так много людей — ученые со всех концов Центра, жены, дети... Странно: гостиница почти пуста, если уже им нельзя было оставаться в поселке, — нет, всех привезли сюда. Теперь они в кабинетах, гостиных, комнатах для переговоров... Но у нас, к счастью, тишина: дети.

— Их не увезли вместе с больными?

— Кто бы позволил!

— Хорошо. Пойду, приведу себя в порядок. Дан, когда будете готовы — приходите, сестра вас проводит.

Она пошла, стараясь хромать как можно меньше. Милов смотрел вслед, пока сестра не окликнула его:

— Мистер Дан, пожалуйста — я уже пустила воду. — Она с неодобрением посмотрела на автомат Милова. — А это можно оставить здесь — потом зайдете и заберете.

— Да, конечно, — спохватился Милов. Усмехнулся: — Когда насмотришься на происходящее в городе, кажется странным, что где-то еще есть вода в кранах.

— Мы независимы от властей, — сказала сестра Пельце гордо.

— Дай-то Бог, — пробормотал Милов, направляясь в палату. Перед тем, как идти в ванную, заглянул в комнату — кровать была застлана свеженьким, пестрым, с острыми складками бельем. «Сейчас бы отключиться минуток на шестьсот, — подумал он мечтательно. — Да если бы еще не в одиночку... Но, похоже, в этой жизни выспаться больше не придется, да и ничего другого тоже».

Ему все яснее становилось, до чего незащищенным был Центр; если действительно придется защищать его — задача может оказаться непосильной: стеклянные двери — и никакого оружия, нечего оборонять, да и некому. Это ведь не военная база на чужой территории... Что может спасти? Только вмешательство со стороны. Но там ничего не знают, и узнают наверняка слишком поздно. Ладно, а вымыться все-таки нужно...

Он так и сделал, стараясь не совершать лишних движений, и, как ни странно, почувствовал, что боль во всем теле начала униматься по мере того, как расслаблялся, выгонял из себя напряжение.

Когда он вышел из ванной, одежда оказалась в палате.

«Дисциплина тут у них почище армейской, — усмехнулся он, — но в медицине, наверное, только так и можно — если всерьез работать, если не для формы. — Он глянул на себя в зеркало. — Все-таки совсем иное впечатление. Правда, автомат к этому костюму как-то не идет. И все же без него — никуда. Вот патронов бы еще раздобыть — выйти, ограбить добровольцев, что ли, пока к ним еще не подоспела подмога?»

Сестра Пельце снова осуждающе покосилась, когда он подхватил автомат и закинул за спину. Однако не сказала ни слова. Они дошли до замыкавшей коридор перегородки с дверью. В полутемной палате Ева сидела за столиком, опираясь подбородком о кулаки — посвежевшая, причесанная, в халате. Компьютер. Приборы, экраны со струящимися кривыми. Еле уловимое дыхание каких-то механизмов...

— Вот они, — сказала Ева, и Милова поразила прозвучавшая в ее словах нежность женщины, у которой, видно, своих детей не было, — а не просто сострадание врача. Она встала и подвела Милова к прозрачным камерам, в которых мирно спали младенцы, дыша воздухом, какого более не существовало в окружающем мире: чистым воздухом, диким, нецивилизованным, первобытным.

«Вот они, — подумал Милов, стиснув челюсти. — Те, ради кого мы якобы жертвуем всем на свете, собой прежде всего. На деле же — маленькие желтые птички. Канарейки человечества — те, кто первыми начинают задыхаться в отравленном воздухе, как некогда подлинные канарейки в шахтах. Что же, свое дело вы делаете исправно. Но поймем ли мы ваш сигнал, как надо?»

— Идемте, Ева, — сказал он. — Где там ваши вседержители?

— Сейчас все собрались в ресторане. Очень кстати, не правда ли?

— Лучше бы они собрались на радиостанции, — ответил Милов.

— Там бы нас не накормили.

— Хозяйка дома, — улыбнулся он.

— Нет, к сожалению. Будь я хозяйкой, сразу дала бы вам микрофон. Но должна ведь женщина хотя бы накормить своего любовника.

— Я уже любовник? — спросил он.
— Будешь, — сказала Ева, — куда ты денешься.

Большой зал ресторана оказался битком набитым — одни ели, другие сидели за бутылкой вина или чего-нибудь покрепче, за чашкой кофе или просто за пустыми столиками — но везде разговаривали; видимо, неопределенность положения Центра все же ощущалась и тревожила если не всех, то многих. Разговоры велись на разных языках: в предчувствии опасности люди сознательно или бессознательно группировались землячествами.

«Заграница, — подумал Милов. — Наши бы наверняка засели в конференц-зале, тут, надо думать, не один такой, а эти, видишь — в ресторане, не привыкли, как мы: с президиумом, с докладчиком... Зато там сразу было бы ясно, где начальство, а тут я даже не пойму, кто директора, а кто лаборанты...»

Ева, видимо в этом все же разбиралась и уверенно вела Милова по сложной траектории между расставленными, могло показаться, в полном беспорядке столиками. Он успевал уловить обрывки разговоров — на тех языках, какие понимал:

— ...Когда вернусь в Кембридж, подниму кампанию протеста...

— ...В конце концов, Германия вложила в этот Центр так много, и мы ведем здесь важнейшие разработки...

— ...И вы понимаете, Смарт, эта семнадцатая элементарная частица, я полагаю...

— ...Накупила кучу барахла. И если нас будут вывозить отсюда вертолетами, то придется все бросить. Но комп я все-таки постараюсь вытащить. К счастью, он у меня здесь, как был — в упаковке...

«Земляки», — с удовольствием подумал Милов, прислушиваясь к русскому языку. Но не было времени окликнуть соотчичей, поздороваться с ними.

— ...Глупости, ничего не случится. Они еще принесут извинения, вот увидите. Государственный секретарь, я уверен, уже...

— Обождите минутку здесь, Дан, — сказала Ева. —

Сперва я представлю вас заочно. — И она, почти не хромая, направилась к столику, стоявшему в едва уловимом, но все же отдалении от прочих. Милов остановился. Рядом несколько столиков было сдвинуто вместе; здесь, судя по разнообразию акцентов, компания была интернациональной.

— ...Ну, а чего же вы ждали? Да я в любой миг могу перечислить все преступления, какие мы совершали и продолжаем совершать по отношению к природе. Только это займет не часы — дни, недели... Возьмите хотя бы все Красные книги. Везде! Леса. Мировой океан. Почвы. Ископаемые. Воздух. Флора. Фауна. Озон. Даже космос успели уже изрядно запакостить...

— Прискорбно, конечно, и все же это не повод для эксцессов. Просто — такова жизнь, и другой она быть не могла.

— Такой ее сделали — при нашем усердном споспешествовании. Не дав себе труда подумать — должна ли она быть такой. Ее сделали такой вы. Я. Наши коллеги. Сотрудники. Ученики. Наши учителя. Наши пророки и боги...

Еще один:

— Да, мы исправно выполнили все, что было предсказано за сотни лет до нас...

— Ну конечно, вы же коммунист, кого начнете цитировать сейчас — Ленина или Маркса?

— Всего лишь Ламарка, успокойтесь. Того самого, Жана-Батиста. Он сказал примерно так: «Назначение человека, похоже, заключается в том, чтобы уничтожить свой род, сперва сделав земной шар непригодным для обитания».

— Чепуха. Возьмите хотя бы продолжительность жизни: когда раньше она была такой? Когда раньше планета была в состоянии прокормить столько людей? Можно привести сотни возражений! Вы просто пессимист...

— Возражать мне легко. А вы возразите «им»!

— А кто «они» такие?

— Да все остальные. Кто верил нам или в нас, не задумываясь, шел за нами, полагая, что мы-то уж знаем, куда ведем. Люди. Человечество, если угодно. Надо быть совершенными идиотами или слепцами, чтобы не видеть, что именно к такой развязке идет дело. Потому что человече-

ством все больше овладевает ужас. А ужас, когда достигнута его критическая масса, взрывается. Это было ясно уже годы назад!

— Кому ясно? Вам, допустим, было ясно? Мне, например, — заявляю и клянусь! — ничего подобного и в голову не приходило! Вам было ясно — вот и предупредили бы. Что же вы тогда молчали?

— Да потому что я, как и все мы, получил нормальное современное воспитание, научившее нас думать одно, говорить другое и делать третье — то, что все делают. Все катились под гору — и я катился со всеми заодно и, как любой из нас, старался съехать как можно комфортабельнее...

— Да перестаньте! Пусть мы и нанесли природе некоторый ущерб, не отрицаю, но в наших силах — все исправить. Дайте мне только время...

— Берите, берите все время, сколько его есть и будет до скончания веков, я не жаден, дарю вам вечность. Но вот дадут ли вам время они? Понявшие, что надежды на нашу совесть тщетны, цивилизация сильнее совести, и что если они хотят сохранить хотя бы те воздух и воду, какие еще существуют сегодня, то им надо стрелять в нас с вами, громить лаборатории, взрывать заводы и станции, раскалывать головы с оптимально организованным серым веществом... Они не хотят больше, чтобы взрывались реакторы, рушились плотины, шли желтые дожди, выбрасывались удушливые газы, чтобы ширилась ОДА...

— Опять-таки позвольте усомниться: уже был СПИД — и никто не начал стрелять.

— Потому что там речь шла все-таки о природном явлении. Хотя в наших условиях эта локальная болезнь быстро стала повсеместной. Но вот ОДА — уже целиком наших рук дело...

— Да к чему валить все на нас? Уничтожение природы начали не мы, его начали еще кроманьонцы — уничтожали целые виды животных!

— Учтите: природа вовсе не беззащитна, она и сама может постоять за себя. У нее есть охранительные средства, и в их числе — то стремление к самоуничтожению, которое сидит в нас изначально. Да-да, коллега, и эпидемии прошлых веков, и ядерные бомбы нашего времени, и взрыв

СПИДа, и ОДА, и даже нынешнее выступление против нас — все это способы, какими природа стремится защитить себя от человека — при помощи человека же.

— Перестаньте! Самоубийство — в том, чтобы пытаться уничтожить все наши достижения! И человечество на это не решится.

— Наши достижения — или наши ошибки? Потому что, по сути дела, это одно и то же!

— Ну-ну, не надо вместе с водой выплескивать и ребенка...

— Не мы держим лохань, не мы! Мы сейчас — тот самый ребенок, которого выплескивают. И можем только кричать «Уа!»

— А я вот давно говорил: цивилизация изжила себя, процесс роста превратился в болезнь, все мы страдаем гигантизмом. Ее пора свертывать. Но без излишней резкости и торопливости, иначе в мире начнется такое...

— Началось уже. Только вы никак не хотите понять этого. Наступает хрустальная ночь. Вы помните, хотя бы из курса истории, что такое была хрустальная ночь?

— Знаете ли, я могу обидеться. В моей семье, среди моих недавних предков... Я еврей, в конце концов!

— Вот она и повторилась, только наша ночь — ночь Черного хрусталя: недаром Черным Кристаллом называется это здание... А вместо евреев будут уничтожать ученых и всех, кто хоть как-то содействовал нашим свершениям. Ужасно, несправедливо? Согласен. Но уже ничего не поделаешь, процесс пошел.

— Ну, до уничтожения не допустят. Как писал наш великий Рабле относительно мелюнских угрей...

— Я тоже думаю, что вы делаете слишком поспешные обобщения. В конце концов, локальный инцидент... Наши правительства сделают выводы.

— Правительства инертны. А вот массы...

— Ну, не думаю. Нет, нет. Но знаете что? Мне кажется, пришла пора писать письмо главам государств — наподобие того, как написал Рузвельту Эйнштейн...

Наконец-то Ева вернулась к Милову. Он посмотрел на нее с нежностью.

— Пойдемте, Дан, — она взяла его за руку. — Они вас выслушают.

— Словно бы я за подачкой пришел, — буркнул Милов.

— Не обижайтесь: они так привыкли. Уже одно то, что вы не ученый...

Шестеро сидевших за столом потеснились, и, как будто без всякого сигнала, официант тут же подставил еще стул; место для Евы нашлось еще раньше.

— Ну, господин Милов, чем вы хотите нас напугать? — почти весело обратился к нему тот, напротив которого Милов оказался. — Я волею судеб возглавляю этот питомник гениев и инкубатор открытий...

Они слушали Милова внимательно, не перебивая.

Он старались говорить как можно короче и выразительнее.

— Итак, вы хотите использовать нашу станцию, чтобы обратиться к правительствам всего мира и предупредить их об опасности? Скажу сразу: нам положение не представляется столь трагичным. И мы уже сообщили о том, что здесь произошло. Так что мы полагаем: остается лишь спокойно ждать. Не сомневаюсь, что правительствами будут предприняты все необходимые действия.

— Нельзя ли уточнить, что именно вы сообщили?

— Только факты: местные власти выразили несогласие с пребыванием нашего Центра на их территории и требуют его ликвидации; местное население проявило некоторую несдержанность, в результате чего пострадал поселок ученых, однако посягательств на их жизнь не было — если не считать двух или трех спонтанных проявлений... Вообще вопрос, как вы понимаете, весьма спорный. Существует соглашение с правительством этой страны, так что переговоры будут весьма долгими, а мы тем временем спокойно продолжим нашу работу.

— Однако, того правительства больше нет.

— Но нет и никакого другого.

— Прошлой ночью сожгли поселок; в следующую, может быть...

— Это нереально: ни одно новое правительство не станет начинать свою деятельность с таких поступков.

— Боюсь, что вы не поняли главного: в стране устанавливается — или уже установился — новый режим, фашистского типа. Могу напомнить: один из основных признаков

таких режимов — полная бесконтрольность внутри и обильная дезинформация, направленная как вовнутрь, так и вовне. Я уже рассказал вам, что нам с доктором Рикс едва удалось предотвратить диверсию против Центра. А у вас ведь и реактор на ходу!

— Ну, он в полусотне миль отсюда, там полная автоматизация, ни одного человека. Ну хорошо, сумасшедшие могут найтись везде, и мы вам очень благодарны — вы подвергались немалому риску... Что же касается характера, который имеет новый, как вы говорите, режим, то, простите, в это трудно поверить. В наши дни, в нашем мире...

— А взрыв плотины?

Теперь говорили все шестеро, разговор стал общим.

— Ну, знаете ли, слова сумасшедшего — еще не доказательство. Просто бред. Тем более, как вы сами рассказали, он считал, что совершил... некоторые действия, но, как оказалось...

— Да, да. Я был на станции буквально несколько дней назад, — согласитесь, что такую диверсию нельзя провести без подготовки, плотина — не автомобиль; а там абсолютно ничего не было заметно. Другое дело — уровень воды повышался, действительно, быстрее обычного, и если при постройке плотины были допущены ошибки или злоупотребления...

— Я тоже не верю в гипотезу преднамеренного взрыва. Слишком уж... романтично.

— Вот именно — чересчур пахнет кинематографом.

— Во всяком случае, мы не можем выступить с заявлением такого рода. Наш престиж...

— Да поймите же! — Милов, утратив обычное спокойствие, едва не кричал, по сторонам уже стали оборачиваться. — Процесс может стать глобальным! Изменение характера цивилизации, отказ от многих производств, регулирование населения — все это неизбежно, и если этим немедленно не займутся правительства, то сделают другие — как это случилось здесь. В борьбе со всеобщим страхом смерти молчание и бездействие — плохое оружие! А другие тем временем говорят и действуют — но цели у них свои, совсем не те, что у нас...

— Дорогой друг, мы понимаем, что увиденное в городе

не могло не подействовать на ваше восприятие событий, на ваше воображение тем более, что вы, как — м-м...

— Скажите: полицейский!

— Ну, назовем хотя бы так. Вы, естественно, должны болезненно воспринимать всякое отступление от принятого порядка — согласитесь, что профессиональное мышление полицейского не может быть чрезмерно широким и демократичным; зато мы, ученые, привыкли... Одним словом, мы не допустим никакого использования нашего радиоцентра — во всяком случае, пока обстановка не прояснится.

— Может оказаться слишком поздно, — сказал Милов мрачно.

— Мы так не думаем.

«Бесполезно», — подумал Милов. Он встал.

— Благодарю вас, господа, за то, что вы меня выслушали.

— Господин Милов, — услыхал он сказанное вдогонку. — Нам не хотелось бы, чтобы вы расхаживали здесь с оружием. Мы не привыкли, и к тому же это могут увидеть женщины, дети...

— Я приму это к сведению, — сказал Милов учтиво. Ева тоже встала и догнала его.

— Я с вами Дан.

— Доктор Рикс — сказал кто-то из шестерки, — нужно, чтобы мистер Милов как следует отдохнул, пришел в себя. Позаботьтесь об этом.

— О, разумеется, — сказала она, улыбаясь. — Поужинаем, Дан, и поднимемся ко мне.

Он взглянул на нее. Да пропади все пропадом, — подумал он. — Почему мне должно хотеться большего, чем остальным? Мне сейчас ничего, кроме нее, не нужно. Я-то выкручусь и ее хоть на руках, хоть в зубах, но вытащу, а эти — пусть подыхают под обломками вместе со своими мнениями и традициями. Зато те, кому удастся выжить, поймут, наконец, что к чему...

Они поднялись на лифте, подошли к ее двери.

— Чувствуй себя, как дома, — сказала она.

— Это значит — приготовиться мыть посуду? У тебя тут хорошие запоры?

— Чего ты боишься, у тебя же оружие, — упрекнула она.

— Зарядов нет.
— Сейчас проверим.

Кажется, два или три раза звонил телефон, но никто и не подумал обратить на него внимания. Прошло черт знает сколько времени, пока они в первый раз пришли в себя. Комфортабельная комната, небольшое жилище рядом с кабинетом врача, была наполнена их дыханием. Сознание возвращалось медленно. «Ах ты... русский, — неожиданно она не нашла другого слова. Но тут же исправилась: — Мой человек. Знаешь, я с первого взгляда поняла, что в тебе есть что-то... такое». «Конечно, — откликнулся он, — какой еще дурак, кроме русского, станет тащить на себе женщину столько километров, чтобы сделать то, что можно было еще на берегу, в кустах... А ты кошка». «Ну нет, там тебе до этого было еще очень далеко... Почему — кошка?» «Не уверен, но ощущение именно такое». «Поэтому ты ласкаешь меня так нежно? Можно подумать, что ты мальчик, а я у тебя — первая в жизни, — она засмеялась безмятежно и счастливо. — Попробовал бы ты сказать иначе». «Это правда». «А почему все-таки кошка?» «Потому что ты сказала — с первого взгляда. Но мы встретились в темноте. Если ты там смогла увидеть меня, значит — кошка». «Я — сиамская, — сказала она. — Но тебя действительно почувствовала сразу — угадала по голосу». «Знаешь, я только сейчас понял: там, на берегу, я страшно ревновал к Граве. Ты так к нему прижалась...» «Ничего. Зато сейчас я прижмусь к тебе... вот так...» «Ты... — проговорил он, снова теряя рассудок».

Во второй раз они очнулись, когда было уже совсем темно. «Раз, два, три, четыре...» «Что ты считаешь?» «Подожди, дай закончить. Дюймы. Ну, разве можно пользоваться этим, нападая на маленькую, усталую женщину? Ты маньяк, вот ты кто. Ты долго тренировался перед тем, как наброситься на меня?» «Я проходил специальную школу в Тибете, — сказал он, — и сдал экзамены, и только тогда получил разрешение разыскать тебя. Мне сказали, что ты — моя половинка». «Они угадали, — ответила она, — и в этом твое несчастье». «Почему?» «Потому, что кончилась твоя привольная жизнь. Теперь ты не избавишься от

меня ни в этом, ни в том мире». «А ты веришь в тот мир? — спросил он серьезно». «Конечно — иначе этот ничего не стоил бы». «Ладно, — сказал он, — согласен и на тот. Но и ты никогда больше не станешь прижиматься ко всяким сумасшедшим». «Сейчас тебе станет очень смешно, — сказала она. — Потому что на самом деле я себе позволяла очень редко. Разве что на словах». «Почему?» «Потому, что когда изображаешь себя такой, вы, мужчины молчаливо признаете за мной право выбора. И не лезете так нагло, как к другим, изображающим робость и неопытность». «Может быть, — согласился он — но только я никогда не лез нагло. Не умею». «Тебе так не больно?» «Нет, — сказал он — позволяю тебе это, и еще многое другое». «Совсем темно, — сказала она, когда прошел еще, быть может, час. — Странно, что все спокойно. Может, мы и вправду ошибались?» «Ну и черт с ним». «Смешно, но я жутко голодна. Зря мы не взяли ничего с собой. Спустимся, поедим чего-нибудь». «Ох, — сказал он, — это слишком трудно: придется одеваться, я подозреваю, что на тебе сейчас ничего». «В самом деле? Господи, до чего неприлично. А еще хуже — что и ты совершенно голый. Ну что же, пойдем так, не станем терять времени на одевание». «Я могу, — сказал он. — Но я уже говорил, что нет патронов». «Зачем они тебе?» «Стрелять в тех, кто там сразу набросится на тебя». «Я думаю, — сказала она, — что им сейчас не до этого. У них свои проблемы, — да и жены рядом». «Все равно могут, — сказал он. — Это будет своего рода ремиссия — перед смертью». «Почему перед смертью? — она повернулась на бок и приподнялась на локте». «Потому что те нападут. А здешний люд — никудышные вояки, да и оружия нет...» Эти слова окончательно вернули их в тот мир, что находился за стенами комнаты. Ева встала и начала шарить вокруг в поисках белья и одежды. «Зажги свет, — посоветовал он». «Да, — ответила она, — я как-то забыла об этом...» «Тут обо всем на свете можно забыть, — мысленно согласился он, — да и стоило бы». Вспыхнул свет. «Обожди еще минутку, — попросил он, — постой так». Ева повернулась вокруг оси, словно манекенщица. «Устраивает?» «Теперь побыстрее одевайся, — сказал он, — не то я ослепну, а слепой — никудышный стрелок. Хотя на худой конец могу и по звуку». Он встал с кро-

вати. «Черт, голова кружится». «Я же говорила — пора поесть. Дети должны питаться регулярно и качественно. Я имею в виду тебя». «Ты просто боишься, что я сожру тебя, если ты не подсунешь мне чего-нибудь другого». «Ну, — сказала она, — кошек не едят». «Знаешь, бывает, что и кошек, и не только...» «Не надо, — сказал Ева, — мне противно». «Извини, не буду, — ответил он и подумал: все-таки мы из разных миров. Во всяком случае, по происхождению, хотя сейчас мы с ней — один мир, неразделимый».

Ева, уже одетая и причесанная, подошла к нему:

— Клянусь тебе: никогда, никогда у нас не будет иначе. Даже потом, намного позже, когда что-то уйдет все равно, никогда не будет иначе.

Он прижал ее к себе и поцеловал, благодаря и надеясь. Потом закинул автомат за спину, они вышли, оставив постель в полном беспорядке, и направились к лифту. Но по дороге Ева сказала:

— Давай заглянем на миг.

Они заглянули.

— Сестра, все в порядке? — спросила Ева строго.

— Все в порядке, доктор Рикс. Звонили — искали вас.

— Кто?

Сестра посмотрела на экран.

— Он назвался Гектором. Просил передать, что ждет вас и господина в ресторане. По-моему, это тот самый корреспондент, который...

— Спасибо, сестра, — сказала Ева. Прошла вдоль гермобоксов, останавливаясь, внимательно вглядываясь. Милов не удержался, подошел и прошептал на ухо:

— Я могу сделать тебе и получше.

— Когда мир образумится, — ответила она громко.

Сестра позади вздохнула. Они вышли. Лифты все еще работали, и это показалось Милову удивительным и внушающим надежду.

В ресторане было еще больше людей, чем в прошлый раз, теперь тут сидели и женщины, и дети, стоял невообразимый шум, и найти свободное местечко оказалось нелегко.

— Не просто будет найти здесь Гектора, — сказал Милов, — если у тебя есть такое желание.

— К чертям Гектора, — сказала Ева. — Я хочу есть.

Кое-как они уселись. Официанты куда-то исчезли, но фрак метрдотеля Милов углядел в царившем хаосе. С трудом удалось заполучить его к столику.

— Вы решили уморить нас голодом? — строго спросила Ева.

— Простите, но...

— Мы весь день занимались любовью и голодны как волки.

Метрдотель позволил себе намек на улыбку.

— Завидую вам. Но вы заставляете меня краснеть — поверьте, это впервые в жизни...

— Впервые в жизни слышите такое?

— О, мадам... Нет, совсем другое, просто беда: у нас ничего нет! Все съедено и сегодня не привезли ни горсточки продуктов! У нас не осталось ни одной машины, все они увезли больных еще утром и не вернулись, а поставщики и не показывались. Говорят, что-то происходит, мадам, и я готов в это поверить. Я в отчаянии и не знаю, что делать — разве что покончить с собой, как некогда славный Ватель...

— А вы пошарьте в холодильниках, — мрачно посоветовал Милов.

— Бесполезно. Мы никогда не оставляем продукты на завтра, нельзя же кормить гостей несвежим...

— Ну, хоть что-нибудь, — сказала Ева самым нежным голосом, излучая обаяние.

— Ну, разве что... Не решаюсь выговорить — может быть, яичницу? Допускаю, что осталось еще с дюжину яиц.

— Давайте все, что найдете, — сказал Милов, придав голосу оттенок угрозы. — И, я надеюсь, не все еще выпито?

— С этим пока благополучно, такие продукты не портятся. Я сделаю все, что в моих силах...

И действительно, яичница возникла, и еще какие-то обрезки ветчины, какие в нормальное время никто не решился бы предложить клиентам. Но сейчас все годилось.

— А, вот вы где! А я разыскиваю вас по всему Кристаллу...

— Погодите, Гектор, дайте доесть, — попросила Ева.

Журналист внимательно изучал их лица.

— Ну что ж, я так и думал, что без этого не обойдется. Но, откровенно говоря, удивлен, что вы все-таки нашли друг друга. От души поздравляю!

— Принимаю, — сказала Ева. — И не ждите, Гектор, что я стану смущаться. И Дан тоже.

— Я? Да я лопаюсь от гордости, — сказал Милов. — Ладно. Гектор, удалось вам добраться до армии? Дадут они связь? Или уже дали?

— Категорический отказ. Никакой надежды. Но кое-что мне все же удалось выпросить. Оружие. Полный грузовик. Старое, но еще стреляет. И патроны, конечно.

— Прелестно, — сказал Милов. — Кто только будет стрелять? Ну, а здесь что вы успели сделать?

— Побеседовать с начальством.

— У меня с ними, как пишут в газетах, не возникло взаимопонимания.

— Меня тоже поначалу слушали очень скептически. Но я их расшевелил, потому что у меня нашелся аргумент, какого у вас не было. Вы ведь лишь предположительно говорили о том, что на Центр могут напасть. Ну, а я видел отряды собственными глазами. Пришлось немножко попетлять по дорогам. Стягиваются со всех сторон. И сейчас они уже недалеко отсюда.

— Добровольцы? Если только они, то чем черт не шутит — таких солдат и тут полно, может, и отобьемся. А вот если вступят волонтеры...

— Думаю, что подойдут и они но сильно опасаюсь, что их первым объектом будет электростанция — чтобы оставить Центр без энергии, простейшая логика диктует такой образ действий. А потом уже могут подойти и сюда — к тому времени, как это их ополчение докажет свою неспособность... Волонтеры, видите ли, честолюбивы. Везде свои сложности...

— Вернемся к начальству.

— Охотно. Моя информация заставила их призадуматься, и они поручили мне разыскать вас.

— Почему же вы искали не его, а меня, Гектор? — усмехнулась Ева.

— Потому что вас здесь видели; ну, а раз и он здесь, то искать его нужно было рядом с вами, поскольку его тут не знают, а вы известны. Так вот, Дан, они созрели для того, чтобы предоставить нам радио. Мы с вами должны составить текст. Давайте работать. — Движением руки Гектор смахнул посуду на пол — никто, кажется, даже не услышал звука, не оглянулся, не подбежал — вытащил из кармана крохотный диктофон, поставил на стол. — Нет, пожалуй, на таком звуковом фоне мы и сами себя не поймем. — Он вынул блокнот, раскрыл. — Ну, вперед. Что для начала?

— К правительствам и народам всех стран... — начал Милов.

— К мужчинам и женщинам всего мира, — сказала Ева.

— Ну конечно, — усмехнулся Гектор. — Решающее слово всегда остается за женщиной.

— Потому что оно правильно, — сказала Ева.

— ...Теперь вы поняли, насколько положение серьезно. Не только здесь, где беда уже произошла, и не только наши жизни в опасности. Так будет и у вас. В вашей стране. На вашей улице. В вашем доме. События будут развиваться быстро, очень быстро. Вы должны успеть предотвратить их. Спасти природу, не забыть о человеке. Руководствоваться разумом и требовать тот же от вашего правительства. Вы не должны опоздать! И еще... мы просим спасти нас. Мы ведь тоже хотим жить...

Закончив, Ева откинулась на спинку стула. Красная лампочка погасла. Передача закончилась.

— Хорошо, — сказал оператор из своего отсека. — И записалось нормально. Будем повторять непрерывно.

— Пока есть энергия, — негромко проговорил Милов.

— Кажется, мы ничего не забыли, — сказал Гектор.

— Но решится ли хоть одно правительство выбросить десант? — усомнился Милов. — Это ведь не просто. Существует международное и всякие другие права...

Гектор пожал плечами:

— Поживем — увидим. А пока давайте послушаем

глубиной в милю с лишним. Мы заглушим реактор и взорвем плиту. Станция провалится, а потом сработают заряды, обрушивающие породу.

— И мы останемся без энергии, — сказал Милов.

— Да. Останемся без энергии,

— И дети погибнут, — сказала Ева. — Самыми первыми.

— Да и не спасут они никого и ничего, — добавил Гектор. — Потому что народу еще утром объявлено, что дети вывезены. Их даже показывали с балкона.

— Но это же неправда! — сказал шеф.

— Объясните это им, когда они начнут стрелять.

Наступило молчание.

— Вряд ли кто-нибудь из нас, — сказал один из администраторов, человек, известный всем, ветеран физики, чье имя стояло третьим в списке, — согласится спасти свою жизнь за счет ребенка. Меня, Майк, во всяком случае вычеркните. Я всю жизнь старался оставаться порядочным человеком и, думаю, это мне в общем удавалось — зачем же на склоне лет... И я вам ручаюсь, Майк: при такой дилемме не согласится никто. Среди нас есть люди более способные и есть — менее, но подлецов я здесь не встречал.

— Джеп, — сказал шеф. — А может быть, это у вас просто срабатывает комплекс вины?

— Вот если я воспользуюсь вашим предложением, такой комплекс просто убьет меня. А так... да, каждому из нас можно осудить многое в своей жизни и работе но я человек религиозный и отвергаю самоубийство в любой форме. Нет, Майк, я просто действую в соответствии с логикой. А вы на моем месте?

— Вы же слышали Джеп, — сказал шеф, — что меня в списке не было. Я тут капитан и сойду последним — или пойду ко дну. А вы, Анатолий, — вы тоже есть в списке...

— Естественно, что я там есть, — сказал названный по имени ученый. — Но вот тут мой соотечественник, — он подмигнул Милову, — засвидетельствует, что мы — народ, далеко не трусливый. Могли бы и не спрашивать, Майк.

— Боюсь, что вы правы, — сказал шеф и медленно разорвал список. — Следовательно, дети и обслу-

живающий их персонал. Я имею в виду и детей сотрудников Центра — по принципу возраста: самые младшие, столько, сколько возьмут пилоты. А возглавите вы, доктор Рикс.

— Ни за что! Я все сделаю, погружу их, но долететь они могут и без меня. В Центре множество женщин...

— Вы отвечаете за этих детей, — сказал шеф. — Без вас я просто не позволю отправить их. Нам же не жест важен — важно, чтобы они выжили!

— Дан, скажи им, — она прижалась к Милову, — объясни, что я не могу!..

— Ничего, родная, — тихо сказал Милов, — сможешь. Я понимаю, что сейчас остаться тут куда легче, чем улететь. На этот раз тебе придется труднее, чем всем нам. Но не спеши отпевать нас: мы еще не покойники и не собираемся стать ими.

— Не хочу, не могу без тебя, — бормотала она, немало не стесняясь присутствовавших. — Только что мы... Ни за что!

— Лети, Ева, — сказал Милов. — Сам-то я выпутывался и не из таких еще передряг. Это твои дети, ты сама говорила.

— Доктор Рикс, — сказал шеф. — Никто не расторгал контракта с вами, вы здесь работаете и, следовательно, выполняете мои распоряжения. Извольте заняться эвакуацией детей. Чтобы самое позднее через час машина была в воздухе.

— Час двадцать, быстрее невозможно, — сказала Ева, утирая слезы.

— Ну, вот и умница, — сказал Милов. — Идем, мы с теми, кто уже получил оружие, тебе поможем.

— Если все же придется взорвать станцию, долгой осады мы не выдержим, — сказал шеф. — Кондиционирование, подача воды, все, что нам нужно — прекратится. И у нас нечего есть.

— Но если они ворвутся, — сказал Гектор, — все кончится еще скорее. Только не надо иллюзий, шеф: они будут убивать. Нужно время, чтобы они пришли в себя.

— Или чтобы кто-то выбросил десант, — сказал старик, которого звали Джепом.

— Наше слабое место — ворота, — сказал Анатолий. — Они не рассчитаны на осаду. Ничто тут не рассчитано на осаду, но ворота — вообще чистая декорация.

— И еще стеклянный подъезд...

— Ну, тут легче — двери не столь уж велики. — сказал Гектор. — Я в этом кое-что смыслю: бывал в Бейруте, в Анголе, в Афганистане... Радио еще работает?

— Передает непрерывно, — сказал шеф. — И будет, пока стоит станция. Ну что же, пора спускаться, джентльмены. По-моему, там уже началась перестрелка.

«Куд-да! — подумал Милов, нажимая на спуск. — Вот то-то! Нет, это, конечно, не «калашников», — думал он дальше. — Но для одиночной стрельбы — ничего, годится. А хорошо я устроился. Очень приятный ветерок. Вообще, чудесная ночь. Ночь черного хрусталя — так, кажется, говорил тот, в ресторане?»

Он находился в том из помещений второго этажа, которое нависало над подъездом со стеклянными дверями. Окно, наклоненное вниз, как и все нижние окна Кристалла, было разбито, чтобы удобнее было стрелять; оно доходило до самого пола, и Милов лежал, опираясь на локти. Очередная атака была только что отбита, и нападавшие вновь отступили за бетонный забор, где находились в безопасности от пуль. Менее сотни стрелков защищало Кристалл, но каждый из них находился в своем помещении, и наступавшим казалось, что обороняющихся много.

«Это не на моей совести, — думал Милов, глядя на тело, лежавшее вблизи ворот, ярко, как и все подступы к подъезду, освещенное сильным прожектором — одним из тех, что были установлены по периметру Кристалла в самой широкой его части. — Это на совести тех, кто взбаламутил и послал сюда несчастных дилетантов — они даже по прожектору попасть не могут... Ничего, воевать можно, только — долго ли? Если не будет десанта, наше дело про-

играно, это ясно. Хорошо, что станция работает, — значит, не добрались до нее еще. А когда доберутся — нам придется куда солонее... Боюсь, что волонтеры пошли именно туда: они-то понимают, что втемную нам куда труднее будет отстреливаться. Хотя — и тогда света будет, пожалуй, более чего достаточно...»

Наверное, света хватило бы, потому что на территории Центра многое уже горело — одно догорало, другое только занималось, третье горело вовсю, как будто зданиям надоела неподвижность, полета захотелось, полета — пусть и в виде пламени и дыма, пусть и в последний в своем существовании раз. Горело, выло, шипело, разлеталось густыми брызгами, пламя было где синее, где — зеленое, фиолетовое, желтое, оранжевое, белое — знатнейший получался фейерверк. Ветер дул от реки, и временами парящие куски и клочья чего-то, как бы лохмотья пламени долетали до подножия Кристалла, догорали и бессильно гасли. Но гигантская глыба хрусталя стояла еще неповрежденной, если не считать разбитых окон; в какие-то мгновения Милову то казалось, что Кристалл сейчас расколется, грянет обломками, осколками, дребезгами во все стороны, то, наоборот, неизвестно откуда возникала вера в то, что — устоит, выстоит, всех перестоит, будет выситься до той поры, пока правительства всех сопредельных и отдаленных стран не перестанут чесать в затылках и начнут отдавать распоряжения.

«Но так ли получится или иначе, — думал Милов, используя минуты передышки, одновременно заряжая обоймы, — молодец Ева, что не побоялась улететь. Она-то уж теперь в безопасности, за нее мне не страшно, и поэтому я могу воевать совершенно спокойно. Если уцелею — дома с меня, конечно, три шкуры спустят за вмешательство во внутренние дела чужой страны; но это не чужие дела, это и наши, сейчас все общее, потому что планета стала общей. А вообще — сейчас я не домашний, сейчас я ООНовский и защищаю институт, принадлежащий ведомству, в котором я работаю».

Пол под ним чуть содрогнулся, и прожекторы разом погасли, а за бетонной оградой раздался радостный вой.

«Все, — подумал он, — станции конец! Сейчас, сию минуту надо им кинуться — пока мы еще не привыкли к новому освещению. Из-за забора, из темноты — и сразу на штурм дверей. Ага! Вот они! Ну, покажитесь, покажитесь...»

Он стрелял, когда ему почудился шорох позади, за спиной, в комнате — не тот глухой стук, с которым врезались в стену влетавшие в окно пули, а именно шорох: кто-то неуверенно пробирался в темноте. «Кому-то жить надоело — подумал он, — или за патронами пришел? Нет уж самому нужны...»

— Эй, ты! — крикнул он. — Ползком двигайся, если уж такой настырный. Чего тебе? Стрелять надо, а не ползать?

— Погоди, я сейчас.

— Ева?

Она улеглась недалеко. Выпустила очередь. «Откуда у нее автомат? Хотя это мой автомат, по голосу узнаю. А патроны откуда взяла?»

— Ева, патроны откуда?

— Привезла с собой. Как ты тут ведешь себя? Скромно?

— Кто тебе позволил вернуться?

— Никто не запрещал. Дело я сделала. А летчики тоже люди, и у них здесь товарищи...

— Ну погоди, негодная, я тебе... Стреляй, стреляй!

Наступавшие не выдержали и на этот раз. Откатились. Снова наступила передышка.

— Иди сюда, Ева.

— Зачем?

— Наложу взыскание.

Он поцеловал ее — насколько хватило дыхания.

— Ох, Дан... — сказала она.

— Ты абсолютно распутная, моя любимая женщина, — сказал он. — Без тебя тут так спокойно стрелялось... Значит, довезла?

— Конечно.

— Что там слышно?

— Слышно вас. Уже зашевелились. Пока я там возилась с малышами, прошли даже слухи о том, что готовится десант...

— Если бы!

— Но сверху мы видели — люди все еще идут сюда. Пилоты говорят, что это волонтеры. Те, кто умеет воевать.

— Далеко они?

— Нет, не очень. Знаешь, они не идут, они бегут, и через час-полтора могут оказаться здесь.

— Профессионалы, — сказал Милов. — Против волонтеров нам тут долго не продержаться. Они и вооружены лучше, и главное — сноровка не та. Так что... Ты смотри — мало получили — опять собираются! Знаешь, отдай-ка мне автомат, вот тебе карабин, тебе ведь все равно...

— Даже лучше, — сказала она. — Держи. Вот патроны.

— Ну, теперь я кум королю. — сказал он.

Перестрелка длилась несколько минут — и снова впереди опустело.

— Когда придут волонтеры, нечем будет стрелять, — сказал Милов. — На это они и рассчитывают: победить малой кровью. Наших, по-моему, поубавилось — большинство ведь тоже воюет на уровне здешних добровольцев. Ты уж, пожалуйста, будь добра, не щеголяй геройством, не суйся под пули — тут не дикий Запад. О большем даже не прошу.

— Потому что понимаешь: я ведь и правда не уйду от тебя. Не могу. Когда-нибудь, может, сумею, а сейчас — нет. Ты понимаешь это? Серьезно?

— Знаешь, — сказал он, — после того, что у нас с тобой было, и правда можно, наверное, умирать спокойно: ничего лучшего в жизни не было и не будет. Но — хочешь, смейся, хочешь, нет — я все-таки надеюсь на здравый смысл человечества. Если даже где-то в правительствах сидят дураки или рохли, то не обязательно же на смену им должны прийти фашисты; бывает, что возникают и умные... И вот я надеюсь, что они успеют. Они должны успеть. Понимаешь?

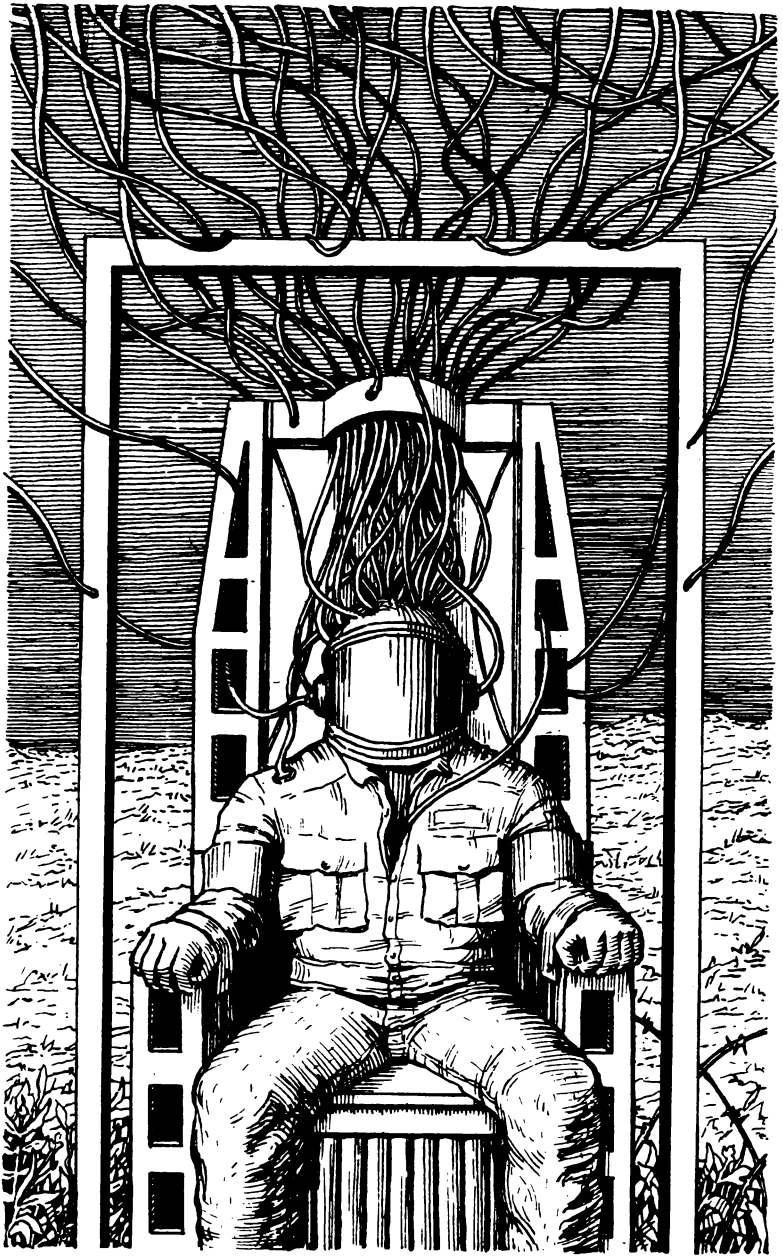
Ева не успела ответить: снова началась атака.

Милов бил прицельно, короткими очередями. Он видел, как падали люди, и жаль было их, но он знал, что нельзя иначе.

«Они там, в мире, должны понять, — думал он. — Ра-

ди всех любимых женщин, ради всех детей, которые должны дышать — они там, везде, должны понять. И должны успеть сделать все, пока еще не стало поздно. Пока вместо них этого не начнут делать другие — в своих интересах. И у себя дома должны успеть, и тут тоже. Должны успеть! — думал он, нажимая на спуск. — Должны успеть! Должны успеть...»

ВОСТОЧНЫЙ КОНВОЙ



Часть первая
«Классное занятие»

Глава первая

1

(Отсчет не ведется)

Самолету наверху было одиноко. Такова их судьба, — одиночество приносит безопасность, хотя и тяготит порой. Но когда самолеты в небе встречаются, это означает катастрофу.

Предчувствие катастрофы не оставляло Милова с самого начала полета. Оно возникло, едва лишь лайнер «Люфтганзы» оторвался от взлетной полосы и, оставляя внизу и позади аэропорт и сам город Франкфурт-на-Майне, набирал высоту, чтобы лечь на нужный курс и через несколько часов приземлиться — если ничего не произойдет — в аэропорту города Атланта, штат Джорджия, США.

Милов уважал предчувствия. Они редко обманывали его. Если бы ощущение опасности зародилось у него еще на земле, он, скорее всего, отложил бы полет. Теперь он не мог сделать ничего, что хоть как-то предотвратило бы опасность.

Он сидел, опершись плечом о спинку кресла, повернувшись на сиденьи наискось, чтобы таким образом отделиться от остальных пассажиров, заполнявших кабину, и создать себе привычное состояние одиночества, свойственное ему (как он сейчас полагал) не в меньшей степени, чем самолетам в высоте. Может быть (думал он) отставному полицейскому и следует быть одиноким, чтобы никому не портить жизнь: долгие годы службы способствуют утяжелению характера. Милов привык уходить в капсулу одиночества, даже находясь в толпе. И сейчас применил этот же прием, чтобы расслабиться и освободиться от трудно определимой, и все же явственно ощутимой тревоги.

Некоторое облегчение приносила мысль о том, что предчувствия, посещавшие его, сбывались по-разному. Одни — немедленно или почти немедленно, другие — лишь со вре-

менем. Про себя он называл их «отложенными штрафами», пользуясь хоккейным термином.

Может быть, впрочем, на возникновение скверных предощущений повлиял и недавний разговор со старыми друзьями, в котором было сказано и услышано много всякого.

Последнее предчувствие — последнее до нынешнего часа — сбылось сразу. Оно навестило Милова пять дней тому назад, во время очередной бессонницы. Где-то в середине ночи, окончательно разуверившись в возможности уснуть, он почувствовал вдруг твердую уверенность в том, что сию минуту ему позвонит Ева. Ощущение было настолько сильным, что он тут же поднялся и пошел в ванную бриться — хотя телефон его не был оборудован видеоблоком, и Ева никак не могла бы разглядеть двухдневную щетину.

Он втирал в свои впалые щеки лосьон, когда телефон грянул — застрочил короткими очередями, частыми, как пульс бегуна на финише дистанции.

Милов метнулся к аппарату, распластываясь в воздухе, словно бы бросался на вооруженного противника, чтобы выбить из его руки финку или ствол. Схватил трубку.

То была действительно Ева. Слышно было прекрасно, как и всегда, когда звонили из Штатов, а не откуда-нибудь из Бибирева или Выхина.

— Что ты делаешь? — Это была всегдашняя ее манера: обходиться без предисловий.

— Не сплю.

— Естественно. Хотя... ну да, у вас же ночь. У тебя ночь?

— Пока еще ее не отменили.

— А чем занимаешься днем? Всё ловишь гангстеров?

— Да нет, — сказал Милов после крохотной паузы. — Уже не ловлю. Вышел, как говорится, в тираж...

— Неужели?

— Так полагается. Прошло моё время. Одно прошло, другое пришло... Жизнь, одним словом.

— Ты ведь еще совсем не старый.

— Ну, в общем... так получилось.

— Тебе грустно?

— Не без того.

— О, не надо грустить. Только сейчас для тебя и начнется настоящая жизнь. Много свободного времени, можно путешествовать, объездить весь мир. Я права?

— Хочу увидеться с тобой, — эти слова вырвались у него невольно.

— И мне тоже очень хочется!

Такие желания возникали у Евы раз или два в год. Что у нее было в промежутках, Милов не знал и не хотел знать.

— Ты и в самом деле очень хочешь встретиться?

Словно бы она и так не знала. Милов проглотил комок и ответил:

— Приезжай. Тогда сама поймешь.

— Не могу. У меня пациенты, и надвигается конференция. Очень много сумасшедшей работы. Поскучай еще немного. Я тоже буду скучать. Сейчас у меня просто нет времени. Пойми и не обижайся. Как только смогу, позвоню тебе, и ты приедешь. Если только (тут голос ее сделался чуть более напряженным) ты действительно свободен. У тебя ведь никого не появилось? Ты и в самом деле свободен?

— Как ветер.

— Ты мне изменяешь? Сознавайся немедленно!

— Каждый день, — улыбнулся он. — А ты?

— С утра до вечера только тем и занята, не беспокойся.

— Ах, вот на что уходит твое время! Я уязвлен до глубины души, разгневан, взбешен и жажду крови.

— Я так и знала. Поэтому буду ждать тебя здесь. Где-нибудь через месяц. Или даже раньше, может быть. Тогда и прилетишь свободно, как ветер.

— Ветру легче, — сказал Милов. — У него нет проблем с передвижениями. А у меня есть.

Он не стыдился признаваться в бедности. Бедность была той ценой, какую приходилось платить за чистую совесть; по мнению Милова — ценой не слишком дорогой. У Евы обстоятельства были более благоприятными, но и ей швыряться деньгами не приходилось. Да и не любят этого американцы.

— Ты о деньгах? Не беспокойся, на этот раз все складывается весьма удачно.

— Получила наследство?

— Все, слава Богу, здоровы. Нет, просто так сложились дела. Так что нужно лишь немного терпения. Вот и всё пока. Не грусти. Набирайся здоровья. Как только смогу — немедленно позвоню тебе. Целую.

— И я тебя. Желаю успеха на твоей конференции. Байбай...

«Интересно, — подумал он, положив трубку и присев на диван. — Мое предчувствие оправдалось, только не совсем в том виде, в каком я его ощущал. Кто его знает — может быть, я что-то не так понял, когда Мерцалов говорил, что мне в эти дни должно сильно икаться... Ошибся? Или же... это был не последний звонок? Ну что же — во всяком случае, у меня и на самом деле возникло неопределенное количество свободного времени. Потому что мне-то представлялось, будто лететь надо будет немедленно. Придется поразмыслить над тем — как использовать его с наибольшей пользой. Или — это ближе к истине — с наименьшим вредом. Безболезненно убить месяц, или сколько там получится...»

2

(Обратный отсчет по-прежнему не начат)

Месяца, однако же, не получилось. Всего четверо суток.

Вечером четвертого дня, если считать от предчувствия и звонка, он вернулся домой довольно поздно — после театра. Теперь хватало времени и на то, чтобы ходить на спектакли и в концерты — не на самые лучшие, разумеется, места. Но уж став пенсионером, надобно быть им до конца. Посмотреть мир — на это денег не хватало, но на хлеб и кое-какие зрелища еще можно было раскошелиться.

Он пил цветочный чай на кухне, куда был перетащен и телефон; длинный шнур позволял иметь его под рукой даже в ванной. Трудно было привыкнуть к тому, что никто не собирается нарушить его покой требовательным звонком; никому-то он стал не нужен. А ведь были времена, когда телефон просто-таки разогревался от непрестанной работы —

так, что трудно было удержать трубку в пальцах. Но великий болтун превратился в великого немого, и примириться с этим оказалось нелегко. Скоро, пожалуй, дойдет до того, что придется самому слать себе записочки по факсу. Но почему-то в это он не верил. Вот и сегодня, аккурат, когда он выходил из театра, забрезжило предчувствие скорого беспокойства. Или на сей раз опять «отложенный штраф»?

Звонок застиг его именно на этой глубокой мысли. Пронзительный и дробный. Не городской. Заставляющий мгновенно подхватиться, словно колокола громкого боя на военном корабле. Снова Ева?

Милов сорвал трубку.

Голос — незнакомый, мужской. Язык — английский. Заокеанский вариант. Южный.

— Мистер Милф?

Он позволил себе помолчать долю секунды — чтобы пережить великолепное ощущение, какое возникает перед прыжком в ледяную воду. Но когда ответил, голос звучал спокойно, с едва уловимой ноткой недовольства:

— Я слушаю.

— С вами будет говорить доктор Хоксуорт. Одну минуту.

Доктор Хоксуорт? Ин-те-рес-но...

Другой голос возник почти сразу.

— Мистер Милф, я доктор Хоксуорт. Вынужден сообщить вам не самую утешительную новость. Мисс Блумфилд вчера попала в эксидент и сейчас находится в госпитале.

Мисс Блумфилд — это была Ева. После развода с Риксом она вернула себе добрачную фамилию.

— Что... что с ней? — Собственный голос показался ему незнакомым. В нем возникла дрожь, между словами будто кто-то вколачивал клинья, разгоняя их подальше одно от другого.

— Состояние достаточно серьезное, хотя сохраняются все надежды. Тем не менее, она просила передать вам, чтобы вы, не откладывая, приехали повидаться с нею. Атланта, штат Джорджия... Если вы вылетите уже завтра...

— Завтра? — повторил Милов несколько оторопело. —

Не уверен, что смогу так сразу... сделать все необходимые приготовления.

— Мистер Милф, мисс Блумфилд предполагала, что могут возникнуть затруднения. Но мы — большие друзья, работаем по соседству, и договорились всё уладить. Вы не должны задерживаться. Мы берем на себя...

— Нет, — сказал Милов. — Не мой вариант.

Он давно привык избегать денег, появляющихся неизвестно откуда. Нет, Еву он ни в чем не подозревал. Но ее провести было проще простого, в этом Милов был более чем уверен. Во всяком случае, именно так он и должен был реагировать на неожиданное предложение. Как говорится, хоть беден, да честен.

Кажется, его сомнения были восприняты правильно.

— Не беспокойтесь: никто не собирается делать вам подарки. Всё в порядке вещей: дают кредит. Близким друзьям Евы известно кое-что и о вас, так что мы нашли выход. У вас здесь будет возможность немного заработать — сможете рассчитаться, и еще останется кое-что.

— Предлагаете лекции? — оживился он. В один из его приездов к Еве ему удалось прочесть небольшой курс лекций в тамошней полицейской академии, и несколько поправить свои дела.

— В этом роде, — сказал Хоксуорт . — Как это у вас называется — обмен опытом, не так ли?

Опыта Милову было не занимать, на этот счет он был спокоен.

— Итак, можно передать Еве, что вы прилетите?

— Уже укладываюсь.

— Очень хорошо. Мой приятель — он сейчас по делам в Москве — завтра занесет вам билет и деньги. Виза у вас, по ее словам, открытая?

— Совершенно верно.

— Тем проще. Вылетайте. А в аэропорту я вас встречу. Из Москвы летите до Франкфурта, там пересядете на прямой — в Атланту. Итак, о'кей?

— О'кей.

— Ждем.

И зазвучали гудки отбоя. Без долгих послесловий и прощаний.

— Забавно... — пробормотал Милов, усвоивший уже

привычку одиноких людей разговаривать вслух с самим собой. — Выходит, что...

Остальное он додумал безмолвно. Снял трубку, по памяти набрал номер. Дождавшись ответа, сказал негромко:

— Мерцалова мне.

— Как доложить?

— Отставник Интерпола.

— Обождите у телефона.

И почти сразу прозвучало:

— Мерцалов.

— Добрый вечер, Миша.

— А, привет, привет, — ответили ему. — Ну, что слышно?

— Наверное, завтра не увидимся.

— А что стряслось?

— Уезжаю. Как и предполагалось. Вот, укладываюсь.

Там помолчали. Потом уточнили:

— Значит, звонок был.

— Не совсем такой.

— Ничего. Суть не меняется. Или, по-твоему, что-то не так?

— Конечно, не так, — сказал Милов почти сердито. — Что Ева попала в аварию — это как, нормально?

— Увидишь на месте. Ты в форме?

— Процентов на девяносто.

— Мало. Нужно сто двадцать. Видимо, мы должны повидаться.

— Не остается времени.

— Значит, увидимся сейчас, — ответили с того конца. — Подъезжай, не медли. Только не сюда. Ко мне домой. Кстати, и ребята обещали подойти: Эскулап, Географ... Распишем пулечку, раздавим пузырёк, может быть, поболтаем за жизнь. Эскулапу не лишне показаться заодно. А Географ грозится накормить досыта самыми свежими сплетнями о мире. Словом, надо тебе прибыть немедля. — Мерцалов помолчал. — А вообще интересно... Десятерная втемную, нет?

— Хуже, — сказал Милов. — Мизер втемную. — И повесил трубку.

Глубоко вздохнул. Поморщился, представив себе долгий, нудный полет. Но тут же глянул на фотографию Евы,

улыбнулся и полез в стенной шкаф — за многострадальной дорожной сумкой.

3

(Начат обратный отсчет: 240 часов до)

Поболтали действительно в свое удовольствие. Выпили самую малость хорошего вина. Расслабились. Пульку, впрочем, расписывать не стали — решили отложить до миловского возвращения.

— Да и я, кстати, успею вернуться, — сказал Мерцалов. — Тут у меня возникла приятная возможность: небольшой круиз по ближним морям-океанам. Подышу соленым воздухом. А то давно уже...

Происходил Мерцалов из моряков, и время от времени уходил в море по каким-то своим (как предполагал Милов) делам. Он и Милов служили в разных конторах, но контактировали издавна.

— Эти мне моряки, — сказал Эскулап. — Давай-ка я лучше, раз уж так получается, погляжу на тебя в натуре, Даниил-Заточник. Ты ведь и прививок наверняка не сделал?

— Вот-вот, — сказал Мерцалов. — Нашего медикуса хлебом не корми, дай только уязвить кого-нибудь длинной иглой. У него, как ты понимаешь, всегда случайно в кустах оказывается рояль.

— Omnia mea mecum porto, — процитировал Эскулап.

— Что означает: он никогда не выходит из дому без порток, — весьма вольно перевел Мерцалов. — А ты, Географ, тоже не удержишься от напутствия убывающему?

— Да ну, — сказал четвертый из присутствовавших. — В школе по географии у него всегда были пятерки. Даже когда он ни черта не знал. А с памятью у него вроде всё пока еще в порядке. Главное, мент, не забудь: в круглых числах — двести сорок часов. И маленький плюс-минус. Но на плюс не очень полагайся, лучше рассчитывай на минус. Двести сорок часов. Это у меня все. — Он зевнул. — Господи, на рыбалку никак не выбраться. Люблю хорошую

рыбалку, люблю, когда основательно клюет на живца, когда удочка гнется, да не ломается...

— Сачок бы не прорвался, — сказал Мерцалов. — Только по-моему у тебя еще что-то осталось на душе, Америго Везуччи.

— Мир полон слухами, — задумчиво проговорил Географ. — Где-то дешевеют бананы, дорожают грибы. Для примера могу назвать парочку рынков в низких широтах. Хотите?

Они захотели, и он назвал.

— Твою контору это заботит, — сказал Мерцалов.

— Словно бы твою — нет? — откликнулся Географ.

— Да, — сказал Мерцалов хмуро. — Ходил Ваня по грибы. Да весь вышел.

— А что стряслось? — спросил Милов настороженно.

— Видно, волки съели. Подробностей пока не имеем.

— Может, в дырку провалился?

— Дырки — те, что мы знаем — по сведениям, не замешаны. Кстати, их практически уже кончают замазывать. Но может быть еще какая-то — или какие-то — о которых мы не знаем. Вот попадешь ты, Данила, в лес — гляди под ноги. Хорошо бы в лесу, конечно, повстречать девицу-красавицу, с большой родинкой под левым глазом, на самой на скуле, — она, глядишь, и вывела бы...

— Ваню не вывела, — сказал Географ.

— Да ладно, — сказал Эскулап. — Что мы всё о делах; не на службе...

— А служба у нас такая, — сказал Мерцалов, — а служба у нас простая, усёк, полицист, насчет политики цен на грибы и прочее? Запомни на всякий пожарный.

— Ладно, — сказал Милов. — Все будет о'кей.

— Вот ножки подводят, — сказал Эскулап. — Для такого мужчины ножки, скажем прямо, тонковаты. В футболисты он не годится. Ладно, поглядим, чем тут можно помочь...

— Значит, так, — сказал Мерцалов. — Ты, видимо, всё усвоил. Теперь катись-ка спать, пенсионер, отставной козы барабанщик. В шесть утра навестишь Эскулапа, он тебе нарастит мускулатуру, доведет до кондиции, — не верти носом, приказ! Потом увидимся с тобой в одно касание —

и прощай, Макар, ноги озябли. А досматривать сны будешь в самолете.

— Только, Эскулап, чтобы никакого металла, — сказал Милов.

— Учи ученого. Как тебя предчувствия — не одолевают чрезмерно?

— Да нет, — пожал плечами Милов. — Как будто бы в норме.

— Ну, — сказал Мерцалов, — по последней, что ли? За тех, кто в море... и на холоде.

Каждый потянулся к своему бокалу.

Вроде бы веселым был трёп, да и вся обстановка легкой; но, судя по выражению лиц, все четверо были чем-то всерьез озабочены.

4

(228 часов до)

Такими были последние до нынешнего дня предчувствия: из категории немедленно исполняющихся. Так что можно было надеяться на то, что сегодняшняя тревога если и получит обоснование, то лишь в более или менее отдаленном будущем, но никак не сейчас.

Конечно, если бы и произошло что-то, — упал самолет, например, — то пожалела бы о Милове, наверное, только Ева. Открыто, публично. А другие люди тоже пожалели бы — но никто посторонний об этом так и не узнал.

«Черт, — подумал он сердито, — что, больше уж и думать не о чем, как о собственной кончине? Хотя — почему бы и не подумать заблаговременно? Ведь когда она придет, думать будет, вероятнее всего, некогда».

Самолет же так и не упал. Аккуратные и умелые немецкие пилоты закончили полет без происшествий.

В Атланте было и в самом деле тепло. Даже жарковато, как подумалось Милову.

Он, со старой сумкой, что составляла весь его багаж, без труда прошел контроль. Ступил на территорию великой страны. Постоял несколько секунд, представляя, что всё в

полном порядке и вот сейчас Ева поспешит ему навстречу, широко раскинув руки, улыбаясь и как всегда не обращая внимания на то, что об этом подумают. Впрочем, она была самостоятельной женщиной, ни от кого не зависевшей. Все-таки медики в Штатах — не самые бедные люди.

Однако, Евы не было, да и не могло быть. А навстречу ему не быстро, но и не очень медленно шел, скорее всего, тот самый Хоксуорт, что принял в Еве и в самом Милове столь горячее участие.

5

(226 часов до)

Отличная машина неслась по отличной, оживленной дороге уже более получаса, а город всё не начинался, и непохоже было, что скоро начнется. Южный сельский пейзаж скользил за открытыми окошками, теплый ветер залетал в машину и вертелся там, ероша волосы. Мелькали ограды, дома, автомобили, рекламные щиты, дорожные знаки, бензоколонки, придорожные кафушки, непривычного облика рощицы, люди... Милов глядел с любопытством: все-таки, плохо он знал эту страну. Хоксуорт, сидевший рядом, время от времени закуривал, медленно, спокойно выпускал дым. Похоже, судьба Евы его не очень волновала — или же ничего серьезного женщине не грозило. Но тогда она могла бы позвонить и сама...

— И как же это все-таки получилось? — спросил Милов, забыв, наверное, что уже дважды задавал этот вопрос, и дважды же получал ответ.

— Подробностей я не знаю, — ответил его спутник точно так же, как и раньше. — Можно будет выяснить в полиции.

— Она была за рулем?

— Кажется, да. Хотя, по-моему, то была не ее машина...

— Нам далеко еще? Мне казалось, что аэропорт не так далеко от города.

— Я не говорил вам, что она в городе. Ее доставили в

ближайшую больницу, что представляется мне совершенно естественным.

— Ну да, конечно, — пробормотал Милов и умолк.

Но, кажется, они и на самом деле подъезжали; водитель уменьшил скорость, затем свернул на дорогу поуже, и километра через полтора — опять свернул, проскочив мимо щита с надписью «Private». Еще мили две — возник высокий глухой забор с воротами, без всякой вывески. Было пустынно вокруг. Машина остановилась перед воротами, через секунду створки неохотно разъехались. Автомобиль медленно двинулся по аллее, что полукругом изгибалась между деревьями. Подрулил к трехэтажному, не очень большому дому — красивому, старой постройки, с колоннадой и портиками — выдержанному, как подумалось Милову, в колониальном стиле. Хотя судить об американской архитектуре... он и в отечественной-то разбирался не весьма. Водитель мягко затормозил.

— Это здесь, — сказал Хоксуорт, и первым вылез из машины. — Прошу вас.

— Не очень смахивает на больницу, — заметил Милов, оправляя пиджак.

— Частная клиника, — ответил Хоксуорт невозмутимо. — Входите. О вашем приезде знают. Но придется обождать: в эти часы к больным тут не допускают. Строгие порядки, дисциплинированный персонал. Не совсем так, как у вас в России, а?

Все же странно спокоен был он. Милов, впрочем, тоже.

— Моя сумка, — сказал он только.

— Не беспокойтесь. Она не затеряется.

— Не сомневаюсь, — сказал Милов, следуя за своим спутником.

6

(225 часов до)

Интересный мужик. Если приглядеться. Так, по первому взгляду, беглому, ничего особенного — прохожий, да и только. И рост, и телосложение, черты лица — все заурядное, на такого посмотришь — и тут же забудешь. И только

вот так, посидев с ним за столиком да внимательно посмотрев и послушав, начинаешь понимать, что у человека этого не одно дно, да и не два, наверное, а черт знает сколько — дюжина, быть может... Вот он вроде бы не сказал ничего особенного, идет, как у нас говорят, легкий треп — но чувствуется с его стороны игра, нет, даже не игра — у профессионала она и не должна восприниматься, — но, так сказать, вторая личность, которая еще не выглядывает из-за первой, но за ней уже угадывается. И это не потому, что я такой проницательный, — нет, это он намеренно себя показывает, чтобы я заметил и понял, и подготовился к разговору, конечно, не здесь и не сию минуту, но в скором времени и где-то поблизости. И вряд ли это будут рассуждения по поводу лекций, какие мне якобы предстоит прочесть. Тут пахнет чем-то более масштабным. Хотя наши ребята на сей раз, кажется, слишком уж зафантазировались. Интересно; давно мне не приходилось заниматься чем-то подобным. Растренирован. Кстати: хотелось бы знать, какую роль тут играет Ева. Использовали ли ее втемную? Похоже, что да — она как была, так и осталась человеком в общем простодушным, даже наивным, вопреки непростой жизни... или благодаря. Так что не нужно, что бы ни последовало за этим интересным дебютом, ни в чем упрекать ее — Ева тут в стороне, за скобками, играть придется мне самому против этого, как и я уже пожилого, сдержанного, на косой пробор причесанного джентльмена, в котором, когда присмотришься, угадывается спортсмен — теннис или гольф, это само собой, но и боевые искусства, пожалуй, тоже. Странно, что курит. И не только потому, что это сейчас не модно. А принимает наверняка очень умеренно. Да, интересно, интересно — какое продолжение последует...

Такие мысли приходили в миловскую голову, пока они вдвоем сидели за завтраком в столовой госпиталя, в этот час пустой и тихой. Так назвал это помещение Хоксуорт: столовая. Обслуживал их мужчина в белой куртке, не промолвивший ни слова; меню, видимо, было согласовано заранее. Взгляд у официанта был фотографический, и когда он на миг поднимал глаза — Милову чудилось даже, что он слышит пощелкивание затвора — фото, не винтовочного. Хоксуорт ел с аппетитом, не отвлекаясь на разговоры, как бы показывая, что в общении не очень

заинтересован, но — ощущалось — приглядывался исподволь. И лишь когда уже встали из-за стола, сказал, как о чем-то само собою разумеющемся, словно продолжая давнюю тему:

— Мисс Блумфилд жива и здорова, и не попадала ни в какую катастрофу. Здесь, разумеется, не больница, это вы давно поняли, мистер Милф. Могу добавить еще, что Ева не имеет представления о том, что вы в эту минуту находитесь здесь; она полагает, что вы по-прежнему в Москве, и мы надеемся, что она еще некоторое время будет в этом уверена.

Милов ощетинился; это у него всегда получалось неплохо.

— То есть, вы хотите сказать, что это какой-то розыгрыш? Могу расценить вашу выходку просто как грубую и глупую. Как вы могли себе позволить? Приняли меня за мальчика? Резвитесь на досуге? Требую, чтобы меня немедленно доставили в аэропорт. Где у вас телефон? Я немедленно позвоню в российское посольство...

— Обождите, мистер Милф. Я уверен, что на самом деле вы вовсе не считаете меня способным на шутки такого рода, не только глупые, но и достаточно дорогие. Мы — я и другие люди, встречаться с которыми вам вряд ли нужно — пригласили вас сюда в наших общих интересах. Мы намерены сделать вам предложение, которое, как мы надеемся, покажется вам привлекательным со многих точек зрения.

— Может быть, вы сэкономили бы деньги и время, если бы сделали это предложение в Москве? — поинтересовался Милов. — Потому что ведь и отправлять меня восвояси вам придется за свой счет. Не слишком ли дорого за весьма среднее удовольствие видеть меня здесь?

— Зная о вас достаточно много, не сомневаюсь, что сказанное мною не явилось для вас чем-то совершенно неожиданным. Потому что мы были вольны приглашать вас, но ведь и вы могли отказаться. Не так ли?

Тут он мог бы чуть улыбнуться, но не сделал этого, остался серьезным, и Милову это понравилось, потому что свидетельствовало об уважении к нему.

— Допустим, я соглашусь с вами. — Милов постарался произнести это как можно спокойнее и непринужденнее. — Что от этого изменится?

— Мисс Ева, кстати сказать, очаровательная женщина, — проговорил Хоксуорт. — И я, откровенно говоря, вам немного завидую.

Милов кивнул:

— На вашем месте я, наверное, испытывал бы то же самое чувство.

Он должен был сказать что-то такое, слегка легкомысленное — чтобы почувствовать себя готовым к предстоящему разговору.

— Вот видите, — сказал Хоксуорт, — сразу находятся вещи, на которые мы смотрим одинаково; собственно, это совершенно естественно: мы современные, нормальные люди. Верю, что между нами не возникнет разногласий и по всем другим предметам. Вы сыты? В таком случае предлагаю перейти в другое помещение, где разговаривать будет удобнее. Полной интимности не обещаю — там будет еще один человек, но он полностью в курсе всех дел.

И вежливо пропустил Милова вперед.

7

(223 часа до)

— Прежде всего хочу извиниться перед вами за то, что мы весьма бесцеремонно прервали ваш отдых в вашей прекрасной стране России, — такими словами Хоксуорт начал объяснение в любви.

Был самый разгар дня, и разговаривали они с бокалами в руках — подливали, правда, очень редко. Оба понимали, что тема требует свежей головы, ясного мышления. Третий — долговязый, белобрысый мужик неопределенного возраста — что-то около пятидесяти — пока помалкивал, но в предмете разговора, видимо, разбирался достаточно хорошо. Он был представлен Милову, как мистер Клип, эксперт.

— Ну, последнее время я только и делаю, что отдыхаю, — сказал Милов. — Так что не стесняйтесь. Вы разожгли моё любопытство, если говорить откровенно.

Собеседник, казалось, не принял его слов во внимание.

— Хотя, — продолжал он медленно, как бы размышляя

вслух, — есть у нас, пожалуй, возможность эту оплошность компенсировать. Да, безусловно. Скажите, мистер Милф, как вы ответите на предложение совместить отдых с некоторой полезной деятельностью? Провести время на побережье — море, прекрасный пляж...

— Я уже не очень хорошо переношу жару во влажном климате, — покачал головой Милов, значительно отклоняясь от истины.

Хоксуорт улыбнулся:

— Там не жарко. Во всяком случае, в прямом значении слова.

— Вот как, — сказал Милов. — Могу отгадывать до трех раз?

— Убежден — вам хватит и одного.

— Каспария, — сказал Милов.

Молчаливый блондин чуть заметно усмехнулся.

— Другой на вашем месте поиграл бы в недогадливость, — сказал Хоксуорт.

— Не люблю суеты, — усмехнулся Милов.

— Могу только приветствовать. И все же — интересно проследить за ходом вашей мысли. Для лучшего знакомства.

— Нет ничего проще. У вас всегда богатый выбор. И если обращаются ко мне, то потому, что я обладаю каким-то нестандартным опытом. Нестандартным и достаточно редким. Что у меня за душой — я знаю не так уж плохо... Кроме каспарийского опыта, вряд ли что-нибудь в моей пестрой биографии могло вас заинтересовать.

— Да, — сказал мистер Клип, эксперт. — Вы прожили там много лет.

— Может быть, даже слишком много. Иногда мне так кажется. Но должен напомнить: я жил в Каспарии, но не в Технеции.

— Практически в Технеции не жил никто — кроме, конечно, тех, кто и сейчас там обитает, будь они людьми — или кем-то другим, да... Но хотелось бы, чтобы вы нарушили эту... скажем, традицию.

Милов кивнул — в знак того, что понимает суть предложения. И, помолчав, ответил:

— Что бы там ни предстояло делать — могу сказать лишь одно: это работа для молодых и честолюбивых. Я, к

сожалению, ни то, ни другое. Увы. Вам ведь известно, что с некоторых пор я в отставке?

— Работа для знающих и терпеливых. Умелых и опытных.

— Я падок на лесть, — кивнул Милов. — Вы угадали. Следует ли мне считать ваши слова официальным приглашением на службу?

— Наш разговор — просто беседа двух частных лиц. Мистер Клип не в счет — он, так сказать, наблюдатель. Итак — два лица. Одно делает некое предложение. Другое частное лицо — принимает.

— Или отвергает. Какой мне смысл на старости лет совать голову в растопленный камин? Или вы думаете, что в Технеции — намного прохладнее?

— Позвольте мне, — сказал Хоксуорт, — немного порассуждать на общие темы. Говорят, вы, русские, любите такие разговоры.

— Выслушаю вас с интересом.

— Не обижайтесь, Милф, но вы уже не очень молоды. Это наш общий недостаток, избавиться от которого не представляется возможным.

— Откровенно говоря, я и раньше догадывался об этом.

— Я так и подозревал. Так вот, начиная с определенного возраста я стал задумываться о том, что оставлю после себя. И пришел к невеселому выводу...

— Относительно счета в банке?

— Это не единственное, и даже не главное. Далеко не главное. Не все ведь измеряют совершенное ими в жизни количеством нулей. Уверен, что и вы смотрите на свое пребывание в сей юдоли слез так же — или почти так же.

— Продолжайте, — так отозвался Милов на сделанную собеседником паузу. — Прежде, чем исполнять дуэт, я хотел бы услышать как можно больше, чтобы уяснить, в каком ключе играется мелодия.

— Хорошо. Короче: перед тем, как окончательно выйти в ничто, я хотел бы сделать что-то такое, что забылось бы не сразу. Писатели в таких случаях говорят о главной книге. Ну, а нам с вами...

— Следовало бы говорить о главной операции? Это вы хотели сказать?

— Я так и думал, что мы воспринимаем жизнь одинаково.

— Насчет жизни — не уверен.

— Вы считаете, что совершили уже всё, на что были способны?

Милов немного поразмыслил.

— Вряд ли кто-то знает предел своих возможностей.

— Следовательно, не считаете. Но от активной работы вы отстранены. И вряд ли это вас устраивает.

— Возможно, вы правы.

— Наверняка прав. А я предлагаю вам неплохой способ доказать, что с вами еще следует считаться. Подумайте о своей репутации, Милф. Если вы сделаете эту работу, ваш рейтинг среди профессионалов всего мира подскочит... даже не знаю, на сколько. Просто боюсь сказать.

— Знаете, кого вы мне сейчас напоминаете? — сказал Милов. — Воскресного рыболова с длинной удочкой и банкой червей. — Он пожал плечами. — Но то, что вы сейчас наживили — даже не червяк на крючке, в лучшем случае — капроновая муха. Я не клюю.

— Вы кривите душой, Милф. Клюете. Но это не главная наживка. Поскольку, повторяю, я выступаю как частный предприниматель, то я подряжаю вас — и, следовательно, плачу. И хорошо плачу — даже по нашим представлениям. Согласитесь — это уже не капрон. Чувствуете слюноотделение?

— Захлебываюсь, — кивнул Милов. — Еще что-нибудь?

— Вам мало?

— Нет. Просто по существующим канонам вы сейчас должны бы мне чем-то пригрозить. Завуалированно, тем не менее ощутимо. Скажем, заговорить о благополучии Евы...

— Фу, — сказал Хоксуорт укоризненно. — Неужели вам лезет в голову подобная ерунда?

Милов лишь усмехнулся. Мистер Клип поднял брови.

— Откровенно говоря, — признался Хоксуорт, смеясь — мне и самому порой начинают мерещиться кремлевские злодеи с кинжалами в зубах; так и тянет заглянуть под кровать, основательно вооружившись...

Милов тоже коротко посмеялся. Клип остался серьезным. Он сказал:

— Мне такая предосторожность никогда не кажется из-

лишней. Отношения между двумя странами сейчас далеки от идеальных. Наше правительство опасается, — вполне обоснованно, по-моему, — что ваши интересы на Балканах и в Центральной Азии весьма ощутимо расходятся...

— Ну, ну, — остановил его Хоксуорт. — Мы ведь не собираемся решать глобальныее политические проблемы; нас никто не уполномочил на это. Наши стремления куда скромнее.

— Ладно, — сказал в ответ Милов. — Теперь будет любопытно услышать — какие объективные причины должны заставить меня принять ваше предложение — которого вы, собственно, еще и не сделали.

— Разумеется, — кивнул Хоксуорт. — Во-первых, у вас больше шансов выполнить эту работу успешно, чем у любого другого, кого мы могли бы послать.

— Нет-нет, — Милов покачал головой. — Это все еще вариация на тему моих безграничных достоинств. Где тут объективность?

— Вы не совсем правы. Дело в том, что любая... гм... профессиональная группа весьма хорошо осведомлена обо всех, кому мы могли бы доверить такое задание. В том числе и соответственные службы Каспарии.

— Технеции, — поправил Милов.

— Это одно и то же, — сухо вставил мистер Клип. — Во всяком случае, со многих точек зрения.

— Ну да, конечно же. Вы ведь понимаете: они наблюдают за нами весьма заинтересованно. И стоит одному из наших людей скрыться из поля их зрения, как технетские специалисты начнут — просто так, на всякий случай — искать его у себя. И скорее всего найдут раньше, чем нам этого хотелось бы. Что же касается вас, то вы в эту обойму не входите: вы полицейский, а ни одна полиция не занимается подобными делами. Кроме того, вы вообще в отставке. Никого не беспокоит, где вы находитесь и чем развлекаетесь в данный момент; я имею в виду заинтересованные службы. Вот вам одна из объективных причин, заставивших меня остановить выбор на вас: наилучшие шансы из всех возможных.

— Может быть, это причина для вас. Но не для меня.

— Не спешите. Вообще, боюсь, что мы ведем разговор

в неправильном направлении. Конечно, в принципе вряд ли стоило бы говорить с вами о сути дела прежде, чем вы дадите свое согласие. Но я в такой мере уверен в нем, что рискну. Потому что все объективные причины настолько тесно связаны с существом предлагаемой вам работы, что я просто затрудняюсь... Впрочем, вряд ли нужно специально предупреждать вас о полной конфиденциальности нашего разговора?

— Она сама собой подразумевается, — кивнул Милов.

— Ну, вот. Тогда я позволю себе сперва изложить вам содержание предлагаемой работы, и лишь потом, если еще потребуется, вновь примусь уговаривать вас.

— Согласен.

— Полагаю, что картина преображения Каспарии и превращения этой маленькой страны в Технецию вам известна хорошо, так что не стану тратить времени на изложение событий.

Милов не ответил.

— Вы задумались, мистер Милф?

— Одну минуту, — сказал Милов. — Я собираюсь с мыслями.

8

(224 часа до)

Он и на самом деле стал вспоминать.

Тогда, после Большого Распада множество обломков Империи превратилось в независимые образования. В том числе и Каспария. Губерния стала государством, хотя не обладала еще собственной историей, поскольку все годы ее самостоятельного существования два человека могли бы пересчитать по пальцам, и, строго говоря, все только начиналось; тем не менее — да, стала государством со своими традициями, фольклором (достаточно богатым), литературой (пока весьма бедной), искусством, деньгами, которые в мировой экономике ажиотажа не вызывали, но все же котировались. Страна, производившая не шибко качественную продукцию, но стремившаяся как можно быстрее пе-

ренимать опыт гигантов, чтобы найти на мировом рынке местечко для установки и своего ларька; к европейским центрам чего бы то ни было никак не относившаяся, но вызывавшая всеобщее сочувствие многими печальными событиями, происходившими в те давние и совсем недавние времена, когда страны этой, как и некоторых других с подобной же судьбой, вообще в реальности не существовало, а были только департаменты и губернаторства. Но когда она, страна эта, обрела, наконец, искомую самостоятельность, в ней вроде бы все быстренько сделалось, как у порядочных: избирался парламент, действовало правительство, существовали оппозиция, профсоюзы, банки и супермаркеты; был не такой уж узкий спектр политических партий, от категорически консервативных до ультра-коммунистической, для которой Китай был переродившимся социалимпериалистическим обществом; были армия и полиция — словом, все, что уместно иметь любой пристойной стране, с гомиками и наркоманами, коллекционерами и рокерами, национальными большинством и меньшинством, богатыми и бедными, и так далее.

И была ненависть, которая всеми способами культивировалась и поддерживалась, — ненависть к большому восточному соседу, имя которому — Россия.

«Да, вот так это было на моей памяти, вовсе не очень давно», — думал Милов, позволяя себе на время забыть о сидевшем тут Хоксуорте, не проявлявшем, впрочем, нетерпения.

Пока тамошние правители не провозгласили иное направление развития, в котором узрели давно уже искомый выход из политико-экономической безвестности, шанс в одночасье из задворков Европы превратиться в один из ее центров, вопреки географии. Светлая и плодотворная идея заключалась в том, чтобы, по сути дела, совершить очередную научно-техническую революцию, а для этого, не отказываясь от машин, научиться создавать их на биологической основе, иными словами, на той базе, что существовала в живой природе — на фундаменте естества. Чего ради? Да просто потому, что живое вещество сложено из едва ли не самых дешевых и широко распространенных материалов, технология производства которых издавна известна, использоваться же всякое разумное существо может в любой об-

ласти деятельности — независимо от того, получено ли оно традиционным, или же промышленным путем.

Это, казалось, вовсе не должно было означать каких-либо крутых перемен в отношениях Каспарии с другими странами — и с теми, с кем отношения эти были весьма дружественными, и с другими, с которыми они были скорее враждебными. И вроде бы поначалу так и обстояло дело: покровители продолжали поддерживать политически и давать кредиты, дипломаты — вести переговоры, деловые люди — по возможности торговать, хотя товара у Каспарии было маловато. Но постепенно стали замечаться и некоторые перемены. В частности, оказалось: доступ иностранцев в страну был сильно ограничен, а у тех, кто там уже находился по необходимости, оказалась весьма урезанной возможность передвижения по Каспарии. К сожалению (а может быть, и к счастью, как знать?) прочий мир не оценил своевременно всей серьезности положения и предоставил малозначительной стране сходить с ума так, как ей кажется приятным, поскольку такое право и является одним из краеугольных камней демократии. Спохватились лишь тогда, когда в постепенно самоизолировавшейся стране стали происходить события, которые смело можно было назвать необратимыми и — быть может — даже опасными для всех, находившихся за ее границами, то есть для всего остального мира...

9

(По-прежнему 224 часа до)

— Ну, что же, — сказал Милов наконец после весьма длительной паузы. — Если я что-то забыл — спрошу, когда понадобится.

— О'кей. Тогда скажите, Милф: сколько технетов сейчас обитает, по-вашему, в Технеции?

— Полагаю... их число сопоставимо с количеством населения в старой Каспарии. Во всяком случае, суммарно, насколько известно, население не выросло. Но какую его часть составляют технеты, и какую — люди, данных нет; во всяком случае, я их не знаю.

— Иными словами, всех вместе должно быть около двух миллионов?

— Не исключено, что даже бо́льше.

— Два миллиона сто тридцать две тысячи, — вставил мистер Клип. — И у нас есть цифры, которые у вас, по вашим словам, отсутствуют: сегодня технеты составляют уже самое малое три четверти всего населения. То есть, больше полутора миллионов. Впечатляет?

— Такие цифры подразумевают наличие мощной промышленности по производству этих... существ, — сказал Милов. Хоксуорт кивнул:

— Именно. Кто такой — или что такое — технет, вы, без сомнения, представляете достаточно хорошо.

— Человекоподобный робот.

— Пожалуй, даже точнее будет сказать — искусственный человек. Техногенный. Произведенный промышленным способом. Согласны с таким определением? — снова вступил в разговор мистер Клип.

— Не имею возражений.

— Насколько вы сильны в вопросах экономики промышленности, Милф? — поинтересовался Хоксуорт.

— Ну, у нас в стране с некоторых пор каждый, похоже, считает себя сведущим в экономике. Я, правда, не столь самонадеян. Хотя, конечно, всякий юрист должен что-то понимать и в экономических проблемах.

— Но тем не менее... вы пытались прикинуть, какова может быть себестоимость одного такого существа — даже при поточном производстве?

— Не пытался, потому что не было в этом никакой необходимости. Но, если знать технологию, или хотя бы принцип производства..

— Увы, секрета пока не знает никто. Но несмотря на это, мы можем предположить, что производство такого андроида стоит — ну, во всяком случае, больше, чем изготовление среднего автомобиля.

— Полагаю, что в таком расчете нет ошибки.

— Прекрасно. Но автомобили выгодно производить потому, что их можно продать, вернуть расходы и получить прибыль. А вот технеты не продаются. Мы серьезно интересовались этим, и не установили ни одного случая продажи. За пределами страны их просто нет.

— Иными словами, расходы не возмещаются?

— Совершенно верно. То есть, в производство приходится вкладывать все новые и новые средства — не получая никакой прибыли.

— Возможны иные формы прибыли. Не обязательно от продажи. Технеты участвуют в производстве всей другой продукции. Их труд, надо полагать, не оплачивается. Однако, продавая произведенные ими товары, владелец получает прибыль. Не так ли?

— Рассуждение верное. В принципе. Но в отношении данного конкретного случая... У нас имеются исчерпывающие сведения относительно экспорта Технеции за все минувшее десятилетие — то есть за все время ее существования. Это нищенские цифры, Милф. Полученной прибыли не хватило бы даже на сырье. А деньги за свою работу технеты, насколько нам известно, все же получают. Пусть и не очень большие. В их стране, мистер Милф, сохранилось еще очень многое от людского общества, наследниками которого они стали. Деньги в том числе.

— Кстати, насчет сырья. Технеция сама ничего не имеет. Значит, должна ввозить все, из чего делают технетов — если, конечно, они не производятся из песка и древесины. Вы наверняка интересовались и этими данными?

— Следим очень внимательно, — сказал мистер Клип.

— И что же?

— Ничего. Если, конечно, эти существа имеют хоть что-то общее с теми роботами, к каким мы привыкли.

— А не может ли быть, что средства в производство этих технетов инвестируют какие-то зарубежные фирмы, банки, группы?..

— Мы, разумеется, прощупали. Ничего не установлено, никакого движения капиталов. Да и смысл? Финансировать производство продукции, не выставляемой на продажу?

— Гм. А вам не приходило в голову, — задумчиво сказал Милов, — что продажа все-таки происходит? Ведь если технеты внешне не отличимы от людей, их можно вывозить совершенно нетрадиционными способами. Они просто выезжают. Как угодно: воздухом, морем, по рельсам...

— Мы думали и об этом. И попытались ненавязчиво проследить за технеційским экспортом. Что касается выезда, то сейчас оттуда выезжают очень немногие, в основном

это — официальные лица: дипломаты, журналисты, деловые люди, — массового потока нет. Конечно, это не значит, что его и не может быть. Может — контрабандой. Но в таком случае вывоз может осуществляться только в одном направлении: на восток. Через Россию, мистер Милф, через вашу страну. А вопросы, связанные с вашей страной, вы сможете решить успешнее, чем, скажем, я или мистер Клип, не так ли? Да, конечно, нас интересует: не вывозятся ли технеты именно таким путем? И если да, то куда и для чего?

— Даровая рабочая сила...

— Мы бы знали. Ведь технеты должны быть дорогой продукцией, и приобретение их под силу лишь богатым странам или концернам. Но они все на виду. А представляете, какой шум подняли бы профсоюзы?!

— Пусть так. Ну, а если использовать их не в производстве? Если слухи соответствуют истине, то технеты — первоклассный военный материал: хорошие солдаты, за гибель которых не приходится ни перед кем отчитываться — что для командования весьма существенно. Не поверю, что вы не анализировали проблему в этом аспекте.

Хоксуорт одобрительно кивнул:

— Вы ясно мыслите, Милф. Конечно же, мы анализировали — и не только анализировали. Результат нулевой. Но именно по этой причине проблема интересует нас все больше. Понимаете, если их вывозят, чтобы использовать в качестве солдат, но до сих пор они нигде не засветились — значит, не исключено, что их кто-то где-то накапливает для внезапного удара — по кому-то... Это интересует нас, и должно еще более интересовать вас, Милф. Потому что отношения вашей страны с Технецией всегда были достаточно напряженными. Теперь вам ясен масштаб проблем? И причины, по которым они нас интересуют?

— Пожалуй. Вопросов целый мешок. Вот первый: кого это «нас»? И почему, собственно, эти вопросы вас настолько заинтересовали?

Хоксуорт не спешил с ответом. Но заговорил Клип:

— Интересоваться обсуждаемой проблемой у нас есть множество причин. Вы знаете, конечно, что здесь всегда относились к Каспарии с большим сочувствием. Даже в самые

тяжелые времена. Наша позиция и сейчас остается неизменной. Но, как вы знаете, если вы оказываете кому-то поддержку, вы должны быть уверены в его, так сказать, добросовестности — во избежание неприятностей.

— Но это — дело государства, а не частных лиц.

— В принципе частные лица тоже могут действовать по доверенности государства. Я вовсе не хочу сказать, что в данном случае это так — однако, мы заинтересованы в том, чтобы быть полностью в курсе происходящих там событий. Согласитесь: если окажется вдруг, что произведенные там технеты входят в состав каких-либо вооруженных сил — законных или, того хуже, незаконных — это может привести к немалым осложнениям и для Технеции, и для нас...

— Снова «нас». Кто же вы в конце концов?

— Скажем, так: группа частных лиц, заинтересованных в благоприятном развитии отношений с Технецией и в дальнейшем. И мы готовы взять на себя финансирование операции по выяснению некоторых деталей. Хотим получить ответы на наши вопросы.

— Большая куча вопросов, Милф, — заговорил и Хоксуорт. — Громадная. Как пирамида Хеопса. И ни одного ответа.

— Чтобы найти их, воистину надо быть семи пядей во лбу. Вот бы вам отыскать такого — вместо отставного копа... Вроде Леонардо да Винчи. Универсала...

— Мы искали. Но лучшей, чем ваша, кандидатуры не смогли найти. Поверьте: мы с куда большим удовольствием послали бы своего. Его не пришлось бы уговаривать: достаточно было приказать. Мистер Милф, уверяю: я не привык упрашивать, это не доставляет мне ни малейшего удовольствия, да и не очень у меня получается. И уж если я пошел на такое, то, видимо, потому, что лучшего выхода не нашлось.

— А как отнесутся к привлечению иностранца ваши государственные службы?

— Мое правительство? Оно в этом никак не замешано: как мы уже говорили, операция проводится частными лицами. И то, что мы сейчас находимся и разговариваем именно тут — всего лишь случайное совпадение. Во всяком случае, так будет официально объяснено всякому любопытному. Кроме того, мы ничем не нарушаем интересов

страны. Наше правительство по-прежнему твердо стоит на позициях невмешательства в чьи бы то ни было дела — до тех пор, пока дела эти остаются внутренними. Мало того: правительство традиционно придерживается политики наибольшего благоприятствования по отношению к бывшей Каспарии; правительство всегда — достаточно консервативная институция, тяжелая на подъем. Однако по отношению к отдельным лицам, группам, организациям, существующим и действующим на территории любой страны, но распространяющим свою деятельность за ее пределы, мы не брали на себя никаких обязательств. Так что наше правительство не обеспокоено моей активностью.

— В частности и потому, — не мог не усмехнуться Милов, — что если я и попадусь на чем-то, ваша страна никак не будет скомпрометирована: виноватым окажется иностранный подданный...

— Ну, вы не попадетесь. Не берусь сравнивать вас с Леонардо в живописи или изобретательстве, но если говорить о предлагаемой мною работе, то при возможности выбирать между великим итальянцем и вами, я все равно остановился бы на вас. И вовсе не потому, что вы нравитесь мне, как собеседник. В этом качестве как раз я предпочел бы многих других. Но у вас есть, кроме личных качеств, и другие необходимые для этой работы данные. Знание языка. Местности. В конце концов, вы можете найти там людей, с которыми были знакомы ранее — если вам понадобится помощь...

— М-да. Или они найдут меня — когда это будет мне совершенно ни к чему.

— Н-ну, вы будете достаточно осторожны, я убежден. Итак, я, как видите, выкладываю на стол все карты до единой.

— Что же, я всегда был сторонником полной откровенности.

— Полной — насколько это допустимо при нашей профессии... Хорошо, мистер Милф, вернемся к делу. Думаю, я сказал вам достаточно для того, чтобы вы могли себе представить масштаб предложенной вам работы и, разумеется, уровень опасности.

— В самых общих чертах — да. Но о многом хотелось бы получить более конкретную информацию.

— При наличии вашего согласия.

— Какие-то бумаги?

— Никаких. Я верю вам на слово. Надеюсь, что и вы поверите мне.

— О'кей, — сказал Милов. — Я согласен.

— В таком случае, сделаем перерыв, чтобы вы сумели просмотреть то, что у нас есть по месту предстоящей вам работы.

10

(221 час до)

В безмолвном одиночестве Милов знакомился с материалами. Впрочем, большая часть этой информации была ему известна и раньше.

Заключалась же она в том, что Каспария привлекла внимание мира несколько лет тому назад, когда неожиданно, без всяких предварительных намеков, в главных газетах и на телеканалах мира были опубликованы документы, получившие наименование «Манифеста необратимости». Основным из этих документов было правительственное заявление, многословное и полное ссылок на исторические прецеденты, философские учения и на всякое другое. Если же говорить о сути дела, то она заключалась в следующем:

а) сообщалось, что за последние годы в стране была не только разработана основанная на достижениях мировой науки конструкция, но и создана технология и развито производство принципиально новых роботов, на биологической, а не механической основе (эта часть заявления заставила многих невольно вспомнить Чапека). Названные «технетами», они внешне и конструктивно были очень похожи на людей, однако не обладали множеством недостатков, свойственных царю природы, зато превосходили его немалым количеством достоинств. Они полностью заменяли человека в любой области деятельности, во всем многообразии созидательной жизни;

б) за минувшие годы, вследствие указанных перемен, граждане страны получили возможность жить, пользуясь всеми благами цивилизации, не прилагая никаких усилий

для того, чтобы зарабатывать на жизнь и используя все свое время для собственного развития и совершенствования. Таким образом, были решены все социальные проблемы и, если называть вещи своими именами, осуществлена извечная мечта человечества;

в) к сожалению, люди оказались не готовы к благим переменам, и это привело к определенным неурядицам, вплоть до открытых выступлений против технетов. Поднимался даже вопрос об отказе от них и возврате к старому производству. Однако поступить таким образом, с точки зрения правительства, означало бы препятствовать прогрессу, идти на поводу у отсталой части общества, к тому же представленной в большинстве своем людьми некоренной нации. Тем временем (продолжало излагать свою позицию правительство) технеты все более убедительно доказывали не только свои преимущества над людьми в области производства, а затем и услуг, но стали выдвигаться в стране на ведущие позиции и в других областях жизни.

Обладая свойством, которое нельзя назвать иначе, как разум, технеты за считанные годы своего существования — за двенадцать лет — неопровержимо доказали, что они так же, как и люди, тяготеют к общественному мироустройству, так что к настоящему времени создалось новое общество, состоящее уже не из людей, но из технетов, выработавшее свои законы и функционирующее на территории страны параллельно традиционному человеческому. Это неизбежно должно было вызвать — и вызвало к жизни некое подобие соревнования или конкуренции между обеими социальными формациями, и сегодня можно уже со всей определенностью утверждать, что людьми это соревнование проиграно как вследствие свойственной им внутренней противоречивости (чего общество технетов совершенно лишено), так и потому, что творческие потенции технетов в любом направлении значительно превышают человеческие.

Дальнейшее сосуществование двух социумов в рамках одной страны, где власть оставалась в руках людей, в то время, как все хозяйство полностью и безраздельно перешло сперва в ведение, а потом и в собственность технетов, наделенных всей полнотой гражданских прав, представлялось невозможным. Проанализировав сложившееся в стране

положение, правительство пришло к выводу, что единственным не только возможным, но необходимым и неизбежным шагом с его стороны является передача всей полноты власти технетам, чтобы их общество, их раса не были вынуждены прибегнуть к силе для утверждения исторической справедливости и смогли бы достойно указать путь, по которому в недалеком будущем пойдет вся планета. Однако, исходя из обязательных демократических предпосылок, людское правительство сочло необходимым предварительно заручиться гарантиями того, что люди в новых условиях, хотя и лишившись права избирать руководящие учреждения страны и быть в них избранными — такими правами впредь будут пользоваться одни лишь технеты — будут обладать полной свободой действий, смогут по желанию покидать страну — или оставаться в ней, находясь на полном иждивении, хотя в таком случае виды деятельности, в которых люди могли бы применять свои способности, значительно сокращались. Страна отныне, согласно единодушному волеизъявлению технетского большинства, будет носить название «Технеция», а полностью — «Прогрессивная республика Технеция». Желающие покинуть страну должны реализовать это право не позже определенного срока, затем выезд будет в весьма ощутимой мере ограничен, а вскоре и совершенно прекращен, в то время как въезд в бывшую Каспарию прерывался уже с момента обнародования настоящего текста — на неограниченный срок и для всех без исключения.

Вторым из опубликованных документов оказался меморандум нового, технетского руководства; заявление в своей информативной части во многом повторяло уже сказанное в первом документе, однако в конкретных выводах шло значительно дальше. Мотивируя свои первоначальные действия необходимостью изолировать молодое и еще не окончательно укрепившееся технетское общество от влияния внешних сил, выражая опасение, что влияние это будет преследовать цели реставрации (поскольку ничто не указывало на возможность спокойного и доброжелательного отношения к новому обществу со стороны старого, отживающего человечества), — новое правительство заявляло о замораживании на неопределенный срок неправительственных отношений со всеми странами и организациями,

с которыми отношения такого рода существовали, если только эти государства и организации не заявят незамедлительно об отказе от любых претензий по поводу людского населения — поскольку, как тут же пояснялось, «подобные требования ставят независимую Технецию в крайне унизительное положение, против чего она будет протестовать всеми имеющимися в ее распоряжении способами».

Впрочем, до таких крайностей не дошло; не отменяя формально своих постановлений, международные организации кулуарно дали понять, что никаких практических действий предпринимать не будут, а предпочитают прибегнуть к тихой дипломатии. И дело постепенно затухло — во всяком случае, со стороны нельзя было заметить каких-либо действий ни с той, ни с другой стороны. Хотя, как показывало предложение, сделанное Милову, на самом деле интерес к проблемам не упал, напротив — становился все глубже по мере того, как возрастало их число.

11

(все еще 221 час до)

— Итак, — сказал Милов, — общая задача мне ясна. Как ясно и то, что выполнить ее в полном объеме я не в состоянии, и вам это отлично известно. Давайте уточнять.

— Это тот редкий случай, — ответил Хоксуорт задумчиво, — когда поставить конкретную задачу я не в силах, да и никто другой не смог бы. Все надежды связаны у нас с умением исполнителя импровизировать на месте, в зависимости от обстановки. Кстати, это одна из причин, по которым мы пригласили именно вас: известно, что вы умеете действовать в одиночку, на ходу изобретая образ действий. Тем не менее, попытаюсь ответить на ваши вопросы.

— Мой вопрос очень прост, — сказал Милов, безмятежно улыбаясь. — Если я правильно понял, вы собираетесь забросить меня туда. Насколько могу судить — не для оседания. Что я должен сделать?

Хоксуорт заговорил не сразу:

— Хотелось бы, чтобы ответ оказался столь же про-

стым, как и вопрос; но такого у меня нет. Скажите — приходилось вам в детстве встречать такие головоломки: множество точек на белом листке; если вы соедините их линиями в определенном порядке, то получите вполне осмысленный рисунок — надо лишь догадаться о порядке. Вот и сейчас мы имеем дело с чем-то подобным. С россыпью точек...

— Наверное, их можно как-то назвать?

— Условно — разумеется. Вот одна точка: люди. Те люди, что составляли население Каспарии. Выехать за пределы страны захотела — или смогла — лишь незначительная их часть...

— Тысяч двести, — сказал эксперт Клип.

— Где остальные? Что с ними? Вы понимаете: выяснить это нас заставляют чисто гуманные соображения. Очень интересный вопрос, вы не находите?

— Вопрос — нахожу, а вот найдется ли ответ?

— Во всяком случае, вы сделаете все, чтобы его отыскать, не так ли?

— Насколько это окажется в моих силах. Хотя, по объему работы, тут впору открывать частное детективное агентство...

— Открывайте — если удастся. Мы финансируем. Выпьете?

— С удовольствием.

Хоксуорт поднялся и направился к бару.

— Откровенно говоря, — воспользовался паузой Милов, — я не думал, что у вас так мало информации. Неужели у вас там никого не осталось? Трудно поверить.

— Ни слова об этом, Милф. Это наше больное место. Но получить оттуда хоть сколько-нибудь достоверные сведения практически невозможно. Официальные коридоры через границу перекрыты. Неофициальных просто нет.

— Но не говорите, что у вас там раньше не было своих людей...

— Не путайте меня с разведкой, Милф; у нас свое хозяйство, у них — свое.

— И ни единого информатора?

— Этого я не говорил. Однако, сведения, получаемые нами оттуда, настолько противоречивы... Но, собственно,

вас, Милф, это и не должно интересовать: у вас не будет никаких контактов с теми, кто там оказывает — или делает вид, что оказывает нам какие-то услуги. Вы — своего рода суперагент, одиночка. Совсем наоборот: по вашей информации мы будем проверять то, что дают нам они. Не исключено, что кто-то из них просто водит нас за нос. Конечно, это не значит, что мы не дадим вам совершенно ничего. Поделимся всем, чем можем. В частности: о некоторых людях у нас сведения все-таки имеются. Мы знаем, что в Технеции существует нечто вроде человеческой оппозиции, и возглавляет ее некто по фамилии Орланз; мы относимся к этой организации весьма доброжелательно и, быть может, они смогут оказать вам какое-то содействие.

— Только ни в коем случае не подставляйте их под удар, — сурово предупредил Клип.

— Итак: первое — люди, второе — достоверность информации...

— Есть еще и третье — источники финансирования производства технетов. Вы же понимаете: никакое производство невозможно без затрат. Откуда берутся деньги? Кто платит и почему? Если мы разберемся с этим, решить все прочие проблемы будет куда легче.

— Ваши пожелания никак не назовешь скромными. Чего еще вы ждете от меня?

— Вот, наконец, четвертое и главное: производство технетов. Конструкция. Материалы. Технология. Места производства...

— С этого бы и начинали, — сказал Милов, усмехнувшись. — Оказывается, речь идет просто-напросто о промышленном шпионаже.

— Политика и экономика связаны неразрывно — вы это прекрасно знаете... Всё это крайне интересует нас. Тех, кого представляю я: американцев каспарийского происхождения. Хотя бы и не владеющих языком, часто вообще не бывавших там, — с неожиданной горячностью проговорил Клип.

— Боюсь, — сказал Милов, — что мне придется прекратить прием заказов. Программа перегружена.

Он невольно взглянул на часы. По местному времени была половина шестого вечера, но он воспринял это иначе:

двести двадцать часов до. Время не желало включить тормоза.

— Будем считать, что я всё понял. Вот мой вопрос: Ну, а как вы представляете все это практически? Насколько я понимаю, сейчас попасть в Технецию или на Марс одинаково нереально.

— Всего лишь почти одинаково. Вот это «почти» я и собираюсь использовать.

— Вряд ли это будет дипломатическая маска.

— Об этом и речи быть не может. Нам никак не удалось бы зачислить вас на государственную службу: вы не гражданин этой страны. Да и замечу кстати вот что: наши официальные представители, начиная с чрезвычайного и полномочного посла, днем и ночью находятся под столь надежным колпаком, что бьюсь об заклад — фиксируется даже количество бумаги, каждый раз используемой в туалете; и я вовсе не уверен, что бумага эта потом не подвергается всяческим анализам. Возможности передвижения по стране там крайне ограничены, хотя все это пытаются объяснить заботой о безопасности наших и всех других представителей. Даже вам такое не снилось и в наихудшие времена. Дипломаты, журналисты, деловые люди, представители искусства, туристы — все поголовно на коротком поводке. Нет, никаких масок, Милф... Вы окажетесь там невидимкой. Тропа, по которой вы пойдете — разового пользования. Это должно показать вам, насколько мы на вас надеемся: независимо от результатов, таким приемом больше не сможет воспользоваться никто. То есть, мы отдаем вам все, чем располагаем сегодня. Вот, кажется, я и выложил то, что знал, что мог сказать. Думаю, теперь задача вам более-менее ясна. Вы должны по этим немногим точкам воссоздать рисунок. Согласны?

— М-да... — пробормотал Милов. — Скажите, вы рассчитываете забросить меня в столицу? Или куда-то в другое место? Скорее всего, на побережье при помощи подводной лодки?

— Нет. Этот способ известен им не хуже, чем нам. И побережье входит в приграничную зону, где охрана наиболее сильна. Мы собираемся доставить вас в точку, равноудаленную от всех границ — туда, где ищут мень-

ше всего. Вот сюда. Отсюда добраться до столицы будет проще.

Милов посмотрел на карту, возникшую на мониторе.

— Знакомые места. Глухие. Странно, что в такой маленькой стране могут существовать глухие места. Тем не менее, они есть.

— Потому-то мы и выбрали эту округу. Наблюдения со спутников подтверждают, что она и сейчас достаточно безлюдна. Хотя... составить точное представление о реальной обстановке можно лишь погрузившись в нее, не так ли?

— Всякое погружение заключает в себе возможность утонуть, — проговорил Милов безмятежно. — Особенно, когда никто не протянет руки с берега.

— К сожалению, на это надежды мало. Не то, чтобы вы были совсем один; мы дадим вам нечто вроде группы поддержки — но ее не будет с вами постоянно, она — лишь на крайний случай, если придется уходить с шумом. А мы надеемся, что обойдется без этого. Но вообще-то мы исходим из того, что вы хорошо плаваете. А чтобы легче было держаться на поверхности — подбросим вам несколько спасательных кругов...

На клочке бумаги он написал несколько цифр — две группы по шести знаков.

— Это — в случае удачи. Если же дело все-таки сорвется не по вашей вине — тогда вот это. — Он пододвинул бумажку Милову.

— Да, — сказал Милов, глянув на нее. — Если столько нулей — можно, конечно, выплыть. Во всяком случае, теперь я воды боюсь значительно меньше, чем минутой раньше.

— А огня?

Милов ответил не сразу:

— Как сказать: от пуленепроницаемого жилета не отказался бы.

— Думаете, это поможет?

— Нет, конечно. Я шучу.

— Понимаю. Хорошо, мы позаботимся обо всем, что сможет вам понадобиться. Полагаю, самым лучшим будет — заложить груз на том самом месте, куда вы прибудете.

— А средства связи?

— Снабдим, разумеется. Но тоже — только в случае крайней необходимости. Каждый сеанс увеличивает риск. Да что я вам говорю — все это прописные истины.

— Только учтите одно пожелание, — сказал Клип тоном, подчеркивавшим важность того, что он собирался сказать. — Занимайтесь своим делом, и не отвлекайтесь ни на что другое, понимаете? Ни на какие увлекательные авантюры — вроде поисков тех мифических ракет, о которых в свое время было немало шума — вы помните, разумеется...

— Очень смутно, — сказал Милов. — Куда уж тут отвлекаться — вы мне надавали заданий... А сколько у меня времени на подготовку?

— Старт — не позже, чем на седьмой день.

Милов покачал головой.

— Я не располагаю таким временем.

— Что вы хотите этим сказать?

— У меня есть и другие дела. Если вы можете отправить меня, самое позднее, послезавтра — я берусь за работу. Если нет — отказываюсь. Я не умею откладывать.

— Что же, нас это вполне устраивает. Любите летать?

— Нет, — сказал Милов. — Но привык.

— А падать?

— С высоты? С парашютом, вы имеете в виду?

— Я имею в виду — без него.

— Откровенно говоря, такого опыта у меня нет.

— Вот и появится.

— Не скажу, чтобы вы меня обрадовали.

— Надеюсь, что все обойдется без неприятностей.

— Дай-то Бог.

— Разумеется, мы будем молиться за вас.

— Благодарю.

«Как все это понимать в свете предчувствий? — подумал Милов, идя по длинному коридору в отведенную ему комнату. — Считать все это удачей или наоборот? Сумма красивая, слов нет. Но работа предстоит кудрявая, и даже очень. Ладно, кто поживет, тот увидит...»

Глава вторая

1

(171 час до)

Самолет компании «Си-Эй-Ти», совершавший чартерный рейс из аэропорта Кеннеди в Бомбей с посадками в Рейкьявике и Москве, по неизвестной причине взорвался в воздухе в половине первого ночи. Пассажиров на борту потерпевшего аварию воздушного корабля было, по счастью, немного — главным образом группа спортсменов во главе с тренером, летевшая в Россию, чтобы, судя по их разговорам, сыграть несколько товарищеских матчей с российскими профессионалами, а после соревнований провести еще день-другой в Москве. Деловые люди, направлявшиеся из Штатов в Москву или Дели, предпочитали другие, более скоростные рейсы. В Москве же самолет — судя, во всяком случае, по документации — должен был принять пассажиров, желавших лететь в Индию. Наверняка то должны были быть мелкие российские коммерсанты.

Взрыв произошел в хвостовой части самолета, и лишенная управления машина тут же перешла в беспорядочное падение. Еще не так давно подобная катастрофа означала бы безусловную гибель всех, кто находился на борту; однако к тому времени, о котором идет речь, наученные горьким опытом ведущие авиационные державы разработали достаточно эффективные способы спасения людей даже и в таких безнадежных случаях. И когда самолет устремился вниз, совершая, подобно падающему листу, непредсказуемые движения, летчикам даже не пришлось ничего предпринимать самим: исправно сработавший компьютер мгновенно привел в действие необходимые механизмы. Специально для такого случая предназначенные заряды, исполняя свою миссию, отстрелили все, что теперь оказалось лишним в обезжизненной машине: крылья вместе с топливными баками, и еще как-то державшиеся на полуоторванной хвостовой части моторы. Над фюзеляжем, внутри которого пассажиры успели уже надеть дыхательные маски, выскочившие из спинок кресел, как только давление в салонах начало падать, — над фюзеляжем взметнулись,

словно узкие, длинные языки пламени, а потом и широко распахнулись, и тут же стали раздуваться, заполняясь гелием из имевшихся на борту баллонов, спасательные аэростаты, чьим первым назначением было — мягко опустить на землю все, что уже нельзя было назвать самолетом, но что еще оставалось средством передвижения. Опустить, где придется, чтобы спасти. Пригодились все-таки громадные оболочки, до этого хранившиеся в уложенном виде в тесном пространстве между обшивкой лайнера и потолком пассажирской кабины. Падение замедлилось, отстреленные части самолета, обогнав, уже исчезли глубоко внизу, а командир корабля, едва только он убедился, что и главный, и оба вспомогательных аэростата раскрылись полностью, объявил по трансляции, что всякая опасность жизни и здоровью пассажиров, а также целости и сохранности их багажа миновала.

Пассажиры, успевшие надежно пристегнуть пояса безопасности, перенесли воистину трагическое происшествие с достойным уважения спокойствием — вряд ли естественным, но тем не менее завидным. Так что несколько минут, — довольно много, впрочем, — пока останки машины снижались, в кабине никто не кричал, не вскакивал с места и вообще не проявлял никаких особенных признаков растерянности: все, повинуясь команде тренера, просто-напросто остались на своих местах, лишь приняв рекомендованные для таких ситуаций позы: пригнулись, приблизив головы к коленям. И лишь мужчина, до того дремавший в кресле «С» в первом ряду, отстегнулся, встал, несмотря на ощутимую болтанку, сделал, придерживаясь за переборку, три-четыре шага, нажал ручку двери и оказался в пилотской кабине. Видимо, действие это заинтересовало и тренера спортсменов, который немедленно поднялся со своего места и последовал за пассажиром.

В рубке было спокойно. Командир корабля сидел, откинувшись, насколько позволяла спинка кресла, второй пилот курил сигарету, глубоко затягиваясь и медленно выпуская дым, штурман, держа ладони на наушниках и полузакрыв глаза, слушал эфир. Казалось, никто из них не удивился неожиданному появлению пассажира. Он аккуратно затворил за собою дверь, широко расставил ноги,

чтобы держаться устойчивей. Когда секундой позже в рубку вошел тренер, пассажир лишь посторонился, чтобы пропустить его. И опять-таки никто из экипажа не выказал ни малейшего признака удивления или беспокойства.

— Ну, как? — спросил пассажир, глядя на командира. Вопрос был задан по-английски. Пассажир владел языком чисто, но легкий, едва уловимый акцент свидетельствовал о том, что язык этот не был для него родным.

— Все о'кей, — ответил командир невозмутимо.

— Насколько возможно в этих условиях, — дополнил ко-пилот.

— Неожиданности? — поинтересовался пассажир, не проявляя никакого волнения.

— Ветер, — на этот раз ответил штурман. — Не по прогнозу. Норд-вест, с моря. До двухсот сорока футов. В этом году ветры вообще словно с цепи сорвались.

— Вроде бы ни к чему нам такой ускоритель, — сказал пассажир.

— Совсем некстати, — пробормотал тренер команды.

— А, ладно, — усмехнулся второй пилот. — Мелкая картошка.

— Значит, пронесет? — спросил пассажир.

— Боюсь, что занесет далековато, — кивнул командир.

— Может перенести через границу?

— Джордан, — сказал командир. — Как полагаешь?

— Не думаю, — сказал штурман.

— Джордан так не считает, — сказал командир.

— О'кей, — сказал пассажир. — Поживем-увидим. Тогда у меня пока все. А у вас, тренер?

— Я подожду до земли, — сказал тренер. — Хотел только сказать, что у нас всё в порядке.

— Хотите кофе? — предложил штурман.

— Потом, — сказал пассажир. — На земле. Просигналить успели?

— Это автоматически, — объяснил второй пилот. — Комп подает сигнал без наших просьб.

— Спасибо за информацию, — поблагодарил пассажир.

— Не стоит благодарности, — ответил капитан.

Пассажир кивнул и неторопливо вернулся в салон, где

включенные табло просили пассажиров воздержаться от курения и пристегнуть ремни.

— Ваши ребята хорошо переносят передряги, — одобрительно сказал пассажир тренеру, когда тот проходил мимо, направляясь к своему месту.

— Иначе нельзя играть, — сказал тренер.

— Покачивает, — сказал пассажир, держась за подлокотники кресла.

— Не без того.

— Могут быть легкие осложнения, как вы думаете? — спросил пассажир. — Путается вся топография. Может забросить куда-нибудь — в центр какого-нибудь города.

— Без осложнений редко обходится, — сказал тренер равнодушно. — И в городах люди живут.

Пассажир усмехнулся и, ни на что более не отвлекаясь, направился к своему месту. Для этого ему пришлось миновать несколько рядов. Люди, мимо которых он проходил, смотрели на него безразлично. Словно бы его вылазка к пилотам осталась незамеченной.

Кабина снижалась. Само приземление состоялось относительно благополучно. Опускавшаяся кабина счастливо миновала лес, — не очень густой, кстати, — и лишь чиркнула по верхушкам деревьев, по самой опушке, после чего достаточно ощутимо, но все же не очень опасно ударилась о мягкую, поросшую травой землю обширной поляны; аэростаты, успевшие за время спуска стравить почти весь газ (иначе кабину с людьми могло бы унести вообще неизвестно куда), — яркие оболочки баллонов перед тем, как погаситься, еще несколько метров протащили громоздкое тело машины по кустам, безжалостно ломая их, затем опали — и на этом рейс закончился.

Люди еще секунду-другую сидели молча, потом все разом зашевелились, отстегивая ремни и выбираясь с немалым трудом в проходы между креслами. Это было нелегко, потому что кабина лежала с сильным креном на борт — именно на левый, в котором были двери, так что для того, чтобы выбраться из машины, пришлось воспользоваться аварийными выходами. Несколько минут продолжались внезапно вспыхнувшие беспорядочные разговоры — вернее, не разговоры даже, а обмен какими-то междометиями, обрывистыми фразами, малопригодными для изложе-

ния мыслей, но прекрасно передающими чувства и настроения, и для того только и служащими, чтобы дать выход внутреннему напряжению. «Ну, слава Богу — смотри-ка, а? Все-таки... — М-да, знать бы заранее...— А я уж было подумал... — Смотрю на тебя, ты сидишь серьезный, как в церкви... — Ну, такое ли приходилось переживать! Вот однажды... — Ладно-ладно, воспоминания потом, сейчас в самый раз было бы глотнуть, это точно...» — и тому подобное. Многие с облегчением закурили, и привычный запах табачного дыма смешался с ароматами летней ночи.

Было двадцать третье июля, пора все еще коротких ночей. Самое начало суток — половина второго, но настоящей темноты так и не установилось: почти полная луна временами показывалась из-за туч и позволяла ясно разглядеть и обширную поляну, на которой приземлилась превращенная в спасательный ковчег кабина самолета, и неравномерно зубчатую, словно кардиограмма больного человека, кромку леса на востоке, и — на севере, поближе — другие заросли, не столь высокие, скорее напоминающие кустарник; похоже, что за ними протекала небольшая речка, быть может, даже просто ручей. На юге и западе лес подступал почти вплотную и уже не выглядел сплошной лентой, но расчленялся на отдельные деревья и их группы. С первого взгляда не было заметно никаких признаков цивилизации: ни захудалой постройки, хотя бы полуразвалившегося сарая или охотничьей избушки, и ни единого огонька не светилось, насколько хватал взгляд. Можно было подумать, что потерпевших аварию людей и в самом деле забросило в какие-то забытые Богом и не востребованные людьми края; однако, все прекрасно понимали, что приземлились в Европе, хотя почти на ее окраине — однако, вся Европа населена не так равномерно-густо, как это представляется по книгам, и в ней еще немало мест, где можно и заблудиться, особенно в ночной мгле, и даже погибнуть нечаянно; правда, об этом люди не думали: активной группе не страшно то, что способно всерьез испугать одиночку. И все же мгновенная растерянность, похоже, охватила спасшихся; однако, уже в следующую секунду командир начал отдавать распоряжения экипажу, а тренер — своим спортсменам — и все

очень быстро успокоились окончательно и принялись за дело, всем своим обликом и движениями стараясь выразить, что ничего страшного, собственно говоря, не произошло; словно бы такие происшествия были заранее предусмотрены расписанием полетов.

2

(170 часов до)

В то время как члены экипажа и спортсмены, собравшись группой подле измятых останков завершившего свой жизненный путь летательного аппарата, занимались непростым делом выгрузки багажа, тот пассажир, что во время аварийного спуска навестил пилотов самолета в их кабине, отошел шагов на двадцать и, остановившись, неторопливо и внимательно огляделся. Постояв так с минуту и не услышав, надо полагать, и не заметив ничего такого, что могло бы вызвать у него тревогу, он широкими шагами направился в сторону предполагаемой речки. Пройдя метров двести, вышел на неширокую, разбитую грунтовую дорогу, что шла к лесу. Пассажир нагнулся, внимательно ее разглядывая, и без труда различил следы широких гусениц. Он что-то проворчал себе под нос, пересек дорогу и продолжил путь в прежнем направлении.

Достигнув полосы кустарника, он решительно углубился в нее. Предчувствие не обмануло: за кустарником действительно открылась речка — неширокая и безмолвная, лишь по временам нарушавшая тишину ночи негромким воркованием. Пассажир отломил веточку, бросил ее в воду и таким способом без труда установил, что река текла слева направо — если стоять лицом к ней на этом, правом, как оказалось, берегу, южном.

Он постоял недолго, глядя на светлую дорожку, что наискось ложилась на воду, когда луна на краткие мгновения показывалась из-за туч. Потом вынул из кармана замшевой куртки, в которую был одет, маленький кожаный футлярчик, извлек из него шарик — слуховую капсулу, вложил ее в ухо и застыл, прислушиваясь. Еще через несколько секунд начал медленно поворачиваться, пересту-

пая ногами на месте, — два или три раза останавливался на секунду-другую, потом возобновлял движение. Завершив полный оборот — кивнул, словно соглашаясь с самим собой, вынул капсулу из уха, водворил в футляр и спрятал его в карман.

Похоже, ничего другого ему и не нужно было. Он подошел вплотную к воде, так что носки его туфель ушли в мокрый песок, присел на корточки, сложил ладони ковшиком, зачерпнул воды, поднес к лицу, принюхался, попробовал на язык, но пить не стал, а выплеснул воду и вытер ладони платком. После этого он повернулся и зашагал обратно — туда, где оставались его товарищи по несчастью, пробормотав лишь:

— М-да, занесло, прямо сказать, далековато...

Люди уже справились с выгрузкой багажа (некоторые чемоданы оказались изрядно помятыми, но, будем думать, никто не посчитал этот ущерб чрезмерной платой за спасение; тем более, что спортивные сумки, весьма объемистые, кстати, находились в пассажирском салоне и вовсе не пострадали, а сейчас были в полном порядке сложены в стороне). Закончив свою работу, подтянув и свернув оболочки, люди, придя, надо полагать, к выводу, что ночью их никто разыскивать не станет и на помощь в ближайшие часы рассчитывать не приходится, пытались как-то поудобнее устроиться на ночь; кто-то успел уже приготовить себе немудреное ложе, натаскав сена из обнаруженного неподалеку, тут же на поляне, стога, большинство же решило скоротать ночь в тех самых креслах, в которых сидели во время полета. Чуть поодаль от накренившейся кабины трое возились, опустившись на колени — похоже, закапывали что-то, может быть — остатки от импровизированного ужина, делали так, как и полагается поступать туристам на лоне природы. Люди эти орудовали маленькими лопатками, известными под названием саперных. Никто не обращал на них внимания. Только пассажир, вернувшийся от речки, внимательно посмотрел, но очень быстро отвел взгляд. Словом, все было спокойно. И никто почему-то не только не спросил, но даже не подумал вслух о причине того взрыва, который и вынудил систему вступить в действие. Как будто самолеты взрывались в воздухе каждый день. Хотя, быть может, такое отсутст-

вие любопытства можно было объяснить тем, что никому не хотелось даже в мыслях возвращаться к страшному событию.

Лишь командир корабля стоял в отдалении, словно погрузившись в мысли — они вряд ли могли быть веселыми. Пришедший с реки пассажир остановился рядом с ним. Через несколько секунд к ним присоединился и тренер, сделавший, видимо, всё, что от него в этом положении требовалось.

— Ну, пока мы сделали, что требовалось, — негромко сказал он. — Природа иногда нарушает самые точные расчеты, приходится вносить коррективы. Наверное, нам придется пересмотреть программу игр?..

— Боюсь, что так, — подтвердил командир. — Не лишним было бы знать — куда же нас снесло.

— Есть под руками карта? — спросил Милов. — Мне приходилось в недавнем прошлом бывать в этих местах. Попробуем разобраться.

— Джордан! — позвал командир.

— Да, сэр, — откликнулся штурман.

— Карту.

У Джордана через плечо висел планшет, как если бы штурман был военным летчиком, хотя все здесь были из гражданской, частной авиации. Он расстегнул планшет и вынул сложенный во много раз лист.

— Вот здесь, — он указал пальцем, — мы находились в момент взрыва.

— Хороший был взрыв, — сказал командир самолета. — Аккуратный.

Пассажир всмотрелся, не сразу различая контуры в слабом свете карманного фонарика.

— Вот где мы, — сказал он, указывая пальцем. — Километров на полтораста восточнее, чем мне хотелось бы. Слишком близко к границе.

— Это плохо? — спросил командир. — Вы свободны, штурман.

Пассажир кивнул.

— Хотя в Европе вообще не осталось границ, — пробормотал Джордан, отходя.

— За исключением этой, — поправил его пассажир. — Других в Европе действительно нет.

— Разве? — спросил командир без особого интереса.

— С недавних пор.

— В Европе, — сказал командир, — вечно что-нибудь меняется. Наверное, здесь сложно жить, мистер Милф?

— Дело привычки, — сказал пассажир.

— Граница на самом деле так непроницаема? Чего ради?

— Это типично для государств, не очень уверенных в прочности и законности своего статуса. — Милов усмехнулся. — Такие обычно крикливы, жестоки и страшно обидчивы. К неприкосновенности своей территории они относятся крайне болезненно, я бы сказал даже — истерично.

— Это их проблемы, — сказал командир.

— Такие формации как правило недолговечны. Но подобные государства, страдающие комплексом неполноценности, нередко встают на уши, чтобы самоутвердиться и приобрести авторитет в мировом масштабе. Так что это не только их проблемы, командир.

Несколько секунд они помолчали. Потом Милов сказал — на этот раз в его голосе звучала озабоченность:

— Мы сейчас оказались в их восточной приграничной зоне. Тут охрана и контроль ведутся наиболее тщательно. Пограничники, войска, национальная гвардия... Наше снижение они безусловно не проспали. Не обстреляли, и на том спасибо. Но здесь они окажутся очень скоро, не сомневаюсь. Они уже на колесах, вот-вот вы услышите звук моторов. Но увидите их не сразу. Они оцепят весь этот район, возьмут в плотное кольцо, а на поляну выйдут только, когда рассветет. Если, конечно, нынешние обитатели унаследовали тактику своих предтеч.

— Насколько я понимаю, в этой обстановке домашний вариант не срабатывает, — сказал тренер.

— Нет, конечно. На него не остается времени. Смотрите. Мы должны были опуститься вот где. Но нас занесло — мы уже видели, насколько восточнее. Тут наше место сейчас. Отсюда до предполагавшегося района исчезновения втрое дальше, чем мы рассчитывали. Тем более, что дороги уже перехвачены, в этом можете быть уверены.

— Вы разобрались точно?

— Ручаюсь.

— Что предпримем?

— Я буду действовать по своей схеме. А вам придется отвлечь внимание от меня.

— Поднять шум?

— Не здесь. Вас наверняка увезут отсюда...

— Попытаются, — усмехнулся тренер. — Это еще не значит, что у них получится.

— Получится, — кивнул пассажир. — Потому, что вы не станете оказывать сопротивления. Здесь, во всяком случае.

— Тогда нам придется сейчас убрать и весь инвентарь. Мы останемся с голыми руками...

— На время. Теперь смотрите: вероятнее всего, вас повезут по этой магистрали. Вот место, откуда вам проще и надежнее всего будет добраться до места исчезновения: лес, как видите, здесь подступает ближе всего к шоссе. Тут вы стряхиваете сопровождение и таким образом получаете в свое распоряжение машину и всё прочее. А я тем временем постараюсь раствориться совсем в другой стороне: возьму севернее, потом выйду к железной дороге...

— Ясно, — сказал тренер. — Думаю, никаких сложностей не возникнет. А в дальнейшем?

— Дальше — всё, как намечено. Вы отсиживаетесь. Но через сто часов должны в полной готовности быть вот где. Там встретимся. По схеме «Дорожный патруль». Остальное подскажет обстановка. Если возникнут изменения, сообщу. Сеансы связи ежедневно.

— Связь по намеченному графику?

— Постараюсь выходить по расписанию.

— А если с вами что-нибудь случится?

— Мы будем видеть его постоянно, — сказал командир самолета. — Он с маячком. Если что — мы перестанем видеть.

— В таком случае, — сказал пассажир, — будете действовать по схеме «Возвращение». Но к вам — если засветитесь — тут отнесутся в общем-то неплохо. Вот ко мне...

— Вы так хорошо их знаете?

— Я прожил в этих местах десятки лет. Когда это была еще... — Он, не закончив фразы, помолчал секунду. — Хочу предупредить вас: будьте готовы к неприятностям. И не забывайте, что это все-таки не люди. Хотя, думаю, в ос-

новном всё пойдет так, как предполагалось. Тем более, что у нас всё, кажется, в порядке?

— Значит, придется играть на другом поле, — тренер пожал плечами. — Только и всего.

— Голов позабиваете? — усмехнулся Милов.

— Или поразбиваем, — серьезно ответил тренер. — У нас нет никого ниже третьего дана. Сейчас дам команду, чтобы заложили инвентарь на сохранение — и останется только ждать.

Тренер кивнул в ту сторону, где его воспитанники заканчивали выравнивать землю, в которую перед тем зарывали всякую всячину.

— Найти место исчезновения довольно сложно, — предупредил Милов. — В той обстановке, что была тут когда-то, больших дорог не протаптывали. Впрочем, карты у вас есть. Как-нибудь разберетесь.

Он невольно усмехнулся, вспомнив старый армейский анекдот: крестьянка в поле говорит маленькому сыну: «А вон военные машины едут... Вот дядя офицер вышел... Карту рассматривает... Сейчас подбежит, будет дорогу спрашивать».

— Разберемся, — согласился тренер. — А вы? Кажется, вам придется нелегко: ваше время сокращается раза в два, если не ошибаюсь.

— Я неплохо ориентируюсь в этих краях, я ведь говорил. Так что не беспокойтесь. Думаю, смогу пройти без особых неприятностей.

— В команде всегда легче.

— Я привык путешествовать в одиночку.

— Дело ваше, — сказал тренер невозмутимо. — Мне приказано выполнять ваши распоряжения, и я намерен так и поступать. Желаю удачи.

— Еще увидимся, коуч. И вам всех благ, командир. Спасибо.

— Надеюсь, — сказал тренер. — Счастливо.

— Всё будет хорошо, — заверил командир. — Сигналы прежние?

Милов кивнул:

— Я сам или, может быть, связник. Если появится. Еще что-нибудь?

— Всё в порядке, — сказал командир.

— Тогда сейчас же просигнальте провожавшим. Дайте им обстановку, только не пугайте. Потому что серьезных поводов для тревоги нет.

— Джордан! — позвал командир самолета.

— Сэр?

— Давайте связь.

— Да, сэр.

— Ну, я пошел, — сказал пассажир.

— Удачи, мистер Милф, — пожелал тренер.

— И вам того же.

Подойдя к сложенному подле самолетной кабины багажу, Милов без труда выудил из кучи свою сумку, перекинул ее ремень через плечо, повернулся и, мягко ступая, двинулся к лесу.

Летчик и футбольный тренер смотрели ему вслед. Луна зашла за тучи, и вскоре Милова совсем не стало видно.

Зайдя в лес, он еще с полчаса шел, углубляясь в чащу. Потом остановился. Огляделся, прислушался. Всё было спокойно. Он извлек из сумки плоскую коробку рации. С ее помощью отсюда можно было связаться хоть со Штатами, но ему не нужно было так далеко обращаться. Он уселся близ большого куста и послал вызов. Потом негромко заговорил в микрофон.

Вскоре ему ответили. Он слушал внимательно, всё более хмурясь, сжимая губы, словно стараясь удержать какие-то слова, что могли бы оказаться неуместными. Но когда надо было ответить — голос его прозвучал совершенно спокойно:

— Вас понял. Приму к сведению.

Выключил рацию, упрятал ее в сумку и двинулся дальше.

3

(169 часов до)

«Сукин сын!» — подумал он и, мысленно же, добавил еще пару словечек покрепче, когда тяжелый башмак — явно солдатский — тяжело опустился на присыпанную опалой хвоей землю совсем рядом с пальцами его левой руки,

уже протянувшейся вперед для очередного движения вперед (по-пластунски, на брюхе).

Хорошо, что здесь, в лесу, было еще темно, да и тучи как раз наползли; хорошо было и то, что солдат не смотрел под ноги, а глядел выше, медленно поворачивая голову, взглядом сканируя свободное от деревьев пространство.

Это было внутреннее кольцо охраны, проходившее в полусотне километров от государственной границы. Видно, Технеция не скупилась в средствах для защиты своей неприкосновенности.

До сих пор всё шло вроде бы благополучно. Пробраться ночным лесом, взяв нужный азимут, не представляло для Милова труда; ноктовизор, которым его не забыли снабдить, своевременно извлеченный из сумки, помогал вовремя замечать и обходить препятствия. Но сейчас положение изменилось. Видно, он всё же зазевался в какой-то миг, успокоенный гладким течением событий — и не углядел вовремя простенькую ловушку, сигнальную проволочку, тянувшуюся поперек его пути на высоте примерно сантиметров двадцати пяти — тридцати. Ощутил ее лишь тогда, когда она легко спружинила, задетая его ногой.

Он успел упасть и отползти в сторону и назад — подальше от нее. И не ошибся: уже через несколько минут послышались шаги. Приближалось сразу несколько охранников. Они шли, рассыпавшись в цепь. Если и они вооружены приборами ночного видения, то шансов благополучно проскочить у него не останется.

На всякий случай он вынул из ножен десантный кинжал. Впереди уже суетились огоньки фонариков. Скрещивались, расходились, замирали на месте и опять возобновляли движение.

Милов старался дышать бесшумно. И благодарил судьбу за то, что здесь не было собак. Возможно, технеты не испытывали особого доверия к естественным, живым помощникам, предпочитая полагаться на приборы. А может быть, собак просто не хватало на всю охрану. На внешней границе страны они наверняка были. Но сейчас это волновало его меньше всего.

Солдаты приближались. Они шли метрах в десяти друг

от друга, не больше. И нельзя было напасть на одного так, чтобы этого не заметили другие.

Еще минута, две — и его неизбежно заметят.

Положение опасное, — подумал Милов, — но сложным его не назовешь. Ситуация достаточно элементарная. И есть способы выхода из нее. Известные приемы. Конечно, настоящего ловца так не проведешь. Но ведь не может быть, чтобы все они были настоящими ловцами. Очень не хотелось бы...

Правда, тут без жертв не обойтись. Однако, эта мысль как раз не очень беспокоила Милова.

Будь против него люди — он наверняка не думал бы об этом с такой легкостью. Моральная сторона убийства не доставляет никаких затруднений лишь на войне. А войны сейчас не было, ее и не предвиделось. И убить человека в этих обстоятельствах было бы для него не так просто, несмотря на то, что в разные времена ему приходилось делать это.

Да; но тут он имел дело не с людьми. Технет, как ему было известно из всех, предоставленных ему материалов — при всем внешнем сходстве, не человек, а механизм. Машина. И когда речь идет о технете, нельзя даже говорить об убийстве. Ты просто выводишь из строя аппарат — пусть сложный, тонкий, но все же аппарат. И ответственность тут может быть только материальной, а никак не моральной.

Это не одушевленные существа. И хотя Милову приходилось слышать разные мнения на этот счёт, он не без оснований полагал, что рассуждать о том, можно ли мыслящие машины причислять к существам одушевленным, и распространяется ли благодать Господня также и на них — дело теологов. Для практика машина всегда останется неживой. Даже если он признает за нею наличие определенного характера, привычек и прочих атрибутов живого существа.

Поэтому Милов, осторожно пошарив в сумке, вытащил пистолет с длинным стволом. Бесшумное оружие, один из образцов, изобретенных и изготовленных в его стране.

Он тщательно прицелился в самого дальнего из видимых ему солдат, не забыв перед тем отвести предохранитель. И нажал спуск.

Пистолет коротко вздохнул.

Было нелегко попасть в находившегося в тридцати метрах солдата, как раз перед выстрелом наполовину защищенного стволом сосны. Однако Милов стрелял наверняка; иного он не мог себе позволить.

Солдат упал, не издав ни звука.

Однако, ожидаемого эффекта не получилось. По миловскому сценарию, ближние в цепи должны были броситься к упавшему — чтобы выяснить, что с ним приключилось и при нужде оказать помощь. Но этого не произошло. Солдаты продолжали двигаться в прежнем направлении. Просто в цепи возникла брешь.

«Технеты, — подумал Милов. — Аппараты, не обладающие эмоциями. Им, надо полагать, чуждо инстинктивное движение — броситься на помощь ближнему своему».

Итак, прием не помог. И воспользоваться образовавшимся промежутком было невозможно: он не успеет проползти тридцать метров, цепь выйдет на Милова раньше.

Ну, что же; это ведь всего лишь машины...

Отчего только приходится каждый раз заново убеждать себя в этом?

Он медленно-медленно поднялся. На этот раз прицелиться — прямо в того, кто приближался к нему — было куда проще.

Прозвучал второй, еле уловимый вздох. Словно одна машина сожалела о другой.

Но теперь другие солдаты отреагировали. Может быть, потому, что этот, падая, негромко, но все же вскрикнул.

Цепь разорвалась.

Милов отполз наискось, по диагонали, закинув сумку на спину, чтобы не производить лишнего шума. Хотя его вряд ли услышали бы. Второй солдат громко стонал. Совсем как стонал бы человек.

Милов выругал себя за неточную стрельбу. Хотя, если разобраться, все получилось как раз к лучшему.

Переползая, он нашарил обломок сука. И, отжавшись от земли, метнул его в ту сторону, откуда пришел — словно гранату.

Сук опустился с громким шорохом. И тотчас двое сол-

дат бросились туда. Ударили очереди. Фонтанчики хвои взлетали в воздух.

Зато дорога теперь была открыта.

4

(168 часов до)

После этого он до Текниса добрался спокойно, без единой накладки, хотя именно эта часть пути теоретически представлялась наиболее опасной, потому что до той поры ему ни одного живого технета видеть не приходилось. Солдат он не считал, потому что воспринимал их лишь как темные силуэты, да и вообще по солдатам трудно судить обо всем населении; у них своя интернациональная специфика.

Действительно, вчерашний день завершился до удивления благополучно.

Оставив охранную цепь позади, предоставив им разбираться в том, что и каким образом произошло, отойдя подальше от места событий — он, благодаря надежно хранившемуся в памяти знанию географии, без труда определил направление на железную дорогу, и уже через два с небольшим часа вышел к полустанку, на котором (во всяком случае, прежде) останавливались местные поезда; а других в стране сейчас и не было. Какое-то время Милов колебался: опасно было, не зная нынешних нравов и обычаев, показываться на станции среди ночи, и, безусловно, намного спокойнее (хотя далеко не столь комфортабельно) стало бы — провести остаток ночи в лесу. Однако ранний рассвет заставил его понять, что в лесу его сейчас заметит любой случайный прохожий — а всякий, пытающийся укрыться в чаще, сразу же вызывает куда больше подозрений, чем некто, уверенно и открыто пришедший на станцию и расположившийся на скамейке в зальце ожидания; тем более, что он может оказаться и не единственным, а тогда всё и вообще будет выглядеть совершенно естественно. И Милов двинулся на станцию, стараясь вести себя как можно непринужденнее, но внутренне напряженный до предела и каждую минуту

готовый к быстрым, решительным и жестким поступкам. Перед тем, как выйти из леса, он постарался отыскать местечко поукромнее и там — в кустарнике — вырыл яму и закопал в ней свою сумку вместе с оружием и всем снаряжением, какое в случае неприятностей могло бы его выдать. Зарыв — привычно зафиксировал место, найдя ориентиры и запомнив пеленги на них.

Перед тем, как выйти к станции Сандра, ему пришлось пересечь шоссе. Движение в этот ранний час было не очень оживленным, и он уже готов был в несколько прыжков перебраться в противоположный кювет, как вдруг послышавшийся гул заставил его укрыться за кустом.

Это шли тяжелые машины, длиннющие, пестро разукрашенные трейлеры из таких, что развозят срочные грузы по всей Европе. Тягачи славной марки «Мерседес». Металлические полуприцепы были, похоже, основательно загружены — судя по звуку, с каким тягачи брали не очень трудный подъем. Конвой из пяти одинаковых машин.

Конвой шел с востока. А что было тут на востоке? Бывшей каспарийской земли в том направлении, если отсчитывать отсюда, оставалась самая малость. Дальше лежала Россия. На технецийской территории отсюда и до самой границы не было больше ни городов, ни серьезных промышленных предприятий. До урожая было еще долго, так что и не сельской продукцией эти катафалки были загружены.

Такой крупный груз, — подумалось Милову, — мог тут идти только из России. Что же — торговать никому не возбраняется. Однако, с недавних пор Милов знал, что серьезной официальной торговли с Технецией Россия не вела: отношения между государствами не благоприятствовали бизнесу.

Официальному. Но Милов недаром считался неплохим специалистом по контрабанде. Хотя случалось ему и ошибаться.

Глядя вслед одолевшему подъем конвою, Милов задумался. И потом, уже перейдя беспрепятственно дорогу и приближаясь к станции по безлюдному проселку, за неимением другого занятия он продолжал анализировать. Пусть это и не относилось впрямую к его задаче — опыт

научил никогда не пренебрегать никакой информацией: в мозаике живой жизни может неожиданно найтись местечко и для нее. Да и сознание, что ты занят каким-то полезным делом, всегда поднимало настроение и помогало ощущать себя нужным человеком, находящимся в нужном месте и в соответствующее время.

Итак, кто-то вывозил что-то из России. Вывозил контрабандой, но весьма своеобразной, более всего походившей на контрабанду государственную, или, во всяком случае, на негласно признаваемую государством: слишком уж гладко все шло — если учитывать, как серьезно охранялась эта граница с технетской, внутренней стороны. Россия — другое дело, с той стороны граница все еще оставалась чисто условной, охрана ее была поставлена скверно по отсутствию людей и денег; да и много было границ у России, такой их протяженностью вряд ли обладало еще какое-либо государство в мире. Так что с той стороны участие государства не предполагалось, хотя (размышлял Милов неспешно) какие-то официальные лица — персонально — и могли быть, и даже наверняка были в таких перевозках заинтересованы. Значит, что-то из России вывозилось — силами Технеции, но, скорее всего, по заказу некиих третьих стран или третьих лиц.

Было два способа установить связь вещей: если узнать, что же именно вывозится — можно было бы прикинуть, а кому такой груз мог бы потребоваться; или же наоборот: установить адресата — и уже от этого танцевать, строя предположения относительно того, что же именно могло понадобиться такому получателю. Да, разумеется, Милов мог этого не делать, даже более: не должен был этого делать, его наняли по другой необходимости, и не будь тут замешана Россия, он в данной обстановке, вернее всего, и не стал бы отвлекаться, а постарался как можно быстрее и незаметнее исчезнуть, чтобы обрести наконец нужную свободу действий; но его страна именно была замешана, пусть и пассивно, а он никогда не переставал чувствовать себя ее гражданином — в какой бы части света ни находился и по какому договору бы ни работал. Только ощущая себя гражданином своей страны, можно чувствовать себя уверенно в роли человека, которому доступен весь мир; к этому выводу Милов пришел еще в пору первой своей за-

рубежной операции. Так что надо было что-то сделать для своей страны — по этой вот причине, и еще по некоторым другим.

Что же, придется выкроить время и для таких делишек... А сейчас надо сосредоточиться на окрестностях: чем ближе к станции, тем становится опасней. Не хотелось бы снова наследить.

По счастью, действовать жестко больше не пришлось. На станции не было видно даже дежурного, но зал ожидания оказался открыт, и на массивной скамье уже сидело двое.

Картина технетского мира, новая для Милова, выглядела точно так, как если бы здесь по-прежнему обитали люди, а двое, что сидели поодаль друг от друга, каждый на своем конце лавки, ничем не отличались от любого разумного существа на Земле — от самого Милова хотя бы. Во всяком случае, на взгляд не отличались. И одеты они были примерно так же, как он — а вернее, это Милов был одет подобно им, потому что вопрос о том, как он должен выглядеть, глубоко и серьезно обсуждался во время его подготовки к операции. Фотографии, как-то попавшие в мир, давали приблизительное представление о том, что и как носят технеты у себя дома; ничего особенного — в основном те же самые джинсы и соответствующие куртки, или джинсовые же комбинезоны, вряд ли с престижными лейблами; вот и Милова так одели, и, как теперь оказалось, поступили совершенно правильно. И хорошо, что свою замшевую куртку он предусмотрительно засунул в сумку перед тем, как зарыть ее поблизости.

Он уселся в середине скамьи, на равном расстоянии от одного и другого, чтобы можно было боковым зрением наблюдать сразу за обоими, в случае каких-то их действий успеть принять контрмеры, а если такой надобности не возникнет — просто привыкнуть к соседству человекоподобных механизмов, научиться воспринимать их, как нечто естественное и дружественное, если же он заметит какие-то специфические их особенности — жесты, слова и тому подобное, — постараться запомнить их и взять на вооружение. До ближайшего поезда, как сообщило висевшее на стене расписание, оставалось более трех часов, так что времени для привыкания было вполне достаточно.

Милов хотел оставаться совершенно спокойным; внешне это ему, похоже, удавалось, но внутренне он был напряжен, казалось, до мыслимого предела. Потому что рядом с ним сидели вроде бы люди — но на самом деле они не были людьми. Ему было бы гораздо легче, если бы они не были похожи на людей, и чем меньше были бы похожи, тем он был бы спокойнее — хотя это сразу выдало бы его первому встречному, а он ведь не знал, каким был сейчас тут статус людей, и никто вовне не знал: может быть, им вовсе не полагалось пользоваться железной дорогой, или входить в здание вокзала, или, как существам подчиненным, полагалось каким-то образом приветствовать технетов — хозяев этого маленького провинциального мирка — но тем не менее хозяев... Однако, на взгляд это были люди, натуральные люди; они никак не походили на серийные изделия, напротив — обликом разительно отличались один от другого, что было бы совершенно естественно у людей и казалось неверным, ненужным, невероятным — у машин. Не поворачивая глаз, Милов наблюдал так пристально, что уже глаза заболели, отмечал всякое случайное движение, пытался найти признак, по которому можно было бы безошибочно отличать технета от человека — и не находил. Вероятно, творцам этих биологических аппаратов было свойственно определенное эстетическое чувство, и они понимали, что сотни тысяч и даже миллионы одинаковых фигур вызывали бы уныние не только у посторонних, но и у самих технетов — не исключено, что и им было свойственно ощущение личности, и уж во всяком случае (об этом Милова предупреждали) пока что, не создав оригинальной структуры своего общества, они в очень многом просто подражали людям, пользовались готовыми стереотипами и алгоритмами. И тем не менее, надо было смотреть и искать...

Три часа протекли спокойно; за сто восемьдесят минут и один, и другой пассажир не произнесли ни слова; один из них выкурил три сигареты — из чего следовало заключить, что технеты, в числе прочего, унаследовали от людей и их — во всяком случае, некоторые — пороки; в основном же и тот, и другой дремали, и Милову пришлось немало постараться, чтобы не последовать их примеру и остаться бдительным до конца. В шесть часов утра открылась касса:

совершенной расе приходилось оплачивать проезд точно так же, как ее предшественникам, теперь неизвестно куда канувшим. Милов, услыхав какое-то шевеление за пока еще закрытым окошком, неторопливо поднялся и вышел на перрон, в то время как соседи его подошли к окошку и замерли в ожидании. Потом вошел снова и встал за ними. Жаль было тратить местные деньги на билет, — денег ему дали очень, очень немного, — но еще глупее было бы рисковать; сейчас задачей было — не выделяться среди технетов, и раз они брали билеты, следовало взять и ему. Кто знает — может быть, они сохранили, среди прочих достижений цивилизации, и билетных контролеров?

Поезд подошел без опоздания — самый обыкновенный поезд, какие и раньше здесь ходили, не с креслами самолетного типа, но с давно и прочно знакомыми жесткими полками. Билетов никто не проверял, да это было бы весьма затруднительно в плотно набитом вагоне; в нормальной обстановке Милов избегал толчеи, но сейчас теснота его обрадовала: он почувствовал себя растворенным в массе, невидимым, а значит — находящимся в безопасности.

Всё было, как у людей — если не считать молчания, полного безмолвия, в котором проходила поездка. Каждый (чувствовалось) был здесь сам по себе, обособлен и одинок, и до всех остальных ему не было никакого дела, гори они синим огнем. В общем, не удивительно, — решил Милов: все-таки, только людям свойственно сочувствие и сопереживание; ну, еще собакам, может быть — но уж никак не механизмам.

До Техниса поезд шел три часа, дольше, чем в старые времена, — останавливаясь, как говорится, у каждого столба; с каждой остановкой народу всё прибавлялось, так что под конец даже дышать стало затруднительно. Это, кстати, убедило Милова в том, что технеты вдыхают и выдыхают воздух точно так же, как люди; весь этот механизм был скопирован идеально точно. Но еще более поразило Милова то, что роботы эти обладали — как если бы они были людьми — каждый своим обликом, отличаясь от других и фигурой, и чертами лица; технеты вовсе не походили друг на друга, как походят продукты крупносерийного производства, они действительно были — каждый

сам по себе. Это было приятно, но и опасно: совсем немного нужно было расслабиться, чтобы поверить, что ты находишься в нормальном человеческом окружении — и внутренне разоружиться; а этого делать было никак нельзя.

И только глаза напоминали о том, что это все же не люди: даже не равнодушный, но по-настоящему пустой взгляд ничего не выражающих глаз, которые у технетов вряд ли можно было назвать зеркалом души. Да у них и души, надо полагать, не было. Если только она не является всего лишь производным достаточно сложно организованных тканей — на чем продолжают настаивать убежденные материалисты.

(Но — каждому воздастся по вере его...)

Когда поезд остановился, наконец, у столичного перрона, пассажиры стали выходить без лишней толкотни, старались не мешать один другому; возможно, и здесь сказывалось стремление к обособленности. На вокзале не было никакого контроля (чего Милов в глубине души опасался), всё было тихо-спокойно, не чувствовалось, что в этой стране чего-то боятся. Да, собственно, бояться им было и нечего.

Кроме, быть может, самих себя? Трудно сказать. До сих пор и в поведении человеческих масс слишком много неясного, а поведение массы андроидов никто до сих пор вообще не изучал — по причине отсутствия предмета исследования.

Так или иначе, Милов благополучно покинул вокзал (ничуть не изменившийся с той поры, когда он уезжал отсюда в последний раз) и, старательно подражая окружающим, направился к недалекому отсюда центру.

Глава третья

1

(164 часа до)

В последний, двадцать восьмой день месяца Сетей, иными словами, в канун первой Недели Провозглашения, в двадцать два часа с минутами в Текнисе, на углу Шестой Юго-Восточной спицы и Третьего Внутреннего обода (в том месте, где он носит название Сквера Четырех Единиц), случилось необычное. На широком тротуаре, по которому

двигалось еще довольно много прохожих (движение в столице иссякает обычно к двадцати трем), вдруг возникла какая-то сутолока. Шагавшая по своей стороне тротуара, среди многих других, техналь первого рабочего срока, чей вид не вызывал никаких сомнений относительно ее состояния, оказалась на деле неисправной; внезапно, ни с того, ни с сего она участила ритм дыхания, сбилась с нормального темпа движения, создавая тем самым неудобства для двигавшихся вслед за ней, несколько раз, уже совсем остановившись, переступила ногами — и медленно опустилась на тротуар; мгновение удержалась в сидячем положении, а затем и вовсе улеглась горизонтально — не то, чтобы поперек тротуара, но наискось, так что приходилось переступать через нее, чтобы задержка движения не стала серьезной.

Несколько шедших позади нее технетов и техналей так и сделали, и это было вполне обычно и естественно, потому что никто из них не принадлежал к Службе Исправности. Однако, шедший в нескольких метрах за ними технет неожиданно и неоправданно увеличил скорость и опасно устремился вперед, для чего ему пришлось войти в соприкосновение с передними; они еще не успели отреагировать на его действия, как он уже поравнялся с упавшей техналью, резко остановился, опустился на колени, обнял ее за плечи и начал приподнимать с тротуара — хотя ничто в его облике, начиная с цвета комбинезона, не говорило о принадлежности ни к Службе Исправности, ни к Системе Порядка. Да, именно опустился на колени рядом с нею, окончательно прервав движение по тротуару, обнял и начал поднимать, не имея на то никакого права.

Он подсунул ладони под плечи упавшей и ощутил тепло ее тела. Приподнял ее, чтобы удержать в сидячем положении; сильно подул ей в лицо — а что еще он мог сделать? Она медленно открыла глаза, большие, карие.

— Вам плохо? — Но тут же он поправился: — Вы неисправны?

— Я... Трудно дышать... я... — Но тут во взгляде ее зажегся страх. — Я исправна, совершенно исправна, прошу вас...

— Я помогу вам.

— Прошу вас... Это случайность, у меня все в порядке, уверяю...

— Но я ведь ничего...

Ее взгляд, только что еще туманный, прояснился.

— Вы... не слис? Нет, вижу... И не сипо? Но тогда...

От нее исходил тонкий, горьковатый запах, и технет, стоявший на коленях, невольно вдохнул поглубже. Кто-то, чтобы пройти, толкнул его коленом, чья-то куртка мазнула по голове.

— Вставайте, вы можете? Поднимитесь же! Как вас зовут?

— Нет, голова кружится... Но вам нельзя...

— Я провожу вас — вам снова может стать дурно...

Кто-то с силой сжал его плечо. Технет поднял голову. То был слис. Второй остановился в двух шагах. Слисы всегда прибывали не позже чем через пять-шесть минут после проявления неисправности. И всегда не менее, чем вдвоем.

— Встаньте, — голос слиса был, как и полагается, ровен и негромок. — Ваш номер? Постоянное место? Когда возникла неисправность? При каких обстоятельствах?

Слис смотрел не на техналь, а на него — и спрашивал, следовательно, о его неисправности.

— Я в порядке, слис.

— Вы неисправны. Номер? Место Реализации Смысла?

Он еще стоял на коленях, ни слова не говоря в ответ.

Пальцы слиса на плече технета сжались жестче.

— Встать.

— Слис, я...

Второй слис шагнул к нему.

— Встать!

Тут и произошло, собственно, необычное — потому что неисправность, постигшая технета прямо на улице, вовсе не такая уж большая редкость. Невероятное заключалось не в этом.

Коленопреклоненный технет осторожно снял ладони с плеч неисправной технали, — она не опустилась после этого на тротуар, но усидела, опершись на руки, — и начал подниматься во весь рост.

Но вместо того, чтобы выпрямиться и застыть, ожидая дальнейших указаний слиса, технет, разгибая колени и еще согнутый в пояснице, неожиданно и резко, головой вперед, рванулся в сторону, пружинно оттолкнувшись ногами.

Это было — да, это было неповиновение. Серьезнейшая неисправность, которая могла, и даже должна была привести к...

Нарушая общепринятый и привычно размеренный ритм пешего хождения, неисправный технет мчался по тротуару, петляя и все же натыкаясь на идущих, выскакивая то и дело на полосу встречного хождения, пугая горожан резкостью и непредсказуемостью движений, тем более странных, что лицо бегущего стремглав технета сохраняло общепринятое невозмутимое выражение, и только глаза метались. Лишь несколько долей секунды истекло с мгновения, когда он рванулся — и оба слиса кинулись вдогон ему, почти точно повторяя его маневры, без стеснения проламываясь сквозь колонну и не произнося при этом ни звука в свое извинение. Лица их были точно так же невозмутимы, как и у бежавшего, лишь чиркали подошвы по асфальту и отработанный воздух с громким шорохом вырывался из предназначенных для окислительного процесса отверстий на лицах в наступившей вдруг тишине; по сторонам все уже остановились, не рискуя продолжать движение в такой непонятности. Но за те доли секунды, на которые беглец опередил слисов, он успел вырваться вперед на десяток метров, и еще потом чуть увеличил дистанцию, пока те двое набирали скорость; зато потом расстояние между ними стало заметно сокращаться, и ясно было, что надолго эта погоня не затянется.

Так и получилось — вернее, если быть по-технетски точным, не совсем, но почти так. Убегавший, вынесшись уже на самое острие угла Спицы и Обода, вдруг каменно застыл на месте, сколь бы это ни представлялось невероятным при его скорости; застыл, и только как бы волна от его движения покатилась дальше, а сам он словно сложился вдруг, присел на корточки, сразу же скрывшись от наблюдения поверх голов — и исчез, совсем исчез. Во всяком случае, когда слисы подбежали и тоже остановились — не так, впрочем, круто, — и стали смотреть сперва под ноги, а потом по сторонам, его уже не видно оказалось. Это при том, что по проезжей части машины шли в затылок одна другой (близился час покоя, и все, кто еще не был в местах нерабочего пребывания, торопились успеть туда!), и ни одной подворотни не случилось по соседству, где беглец мог бы укрыться. Был, правда, подъезд — но дверь его все время так и оставалась закрытой и, кто знает, может быть даже запертой. И тем не менее, аварийный технет исчез, во-

преки всем вероятностям. Осмотревшись, слисы встретились взглядами; не будь они технетами, во взглядах наверняка мелькнула бы растерянность, — но они ими были, и глаза их выразили всего лишь признание факта, приятие неудачи. Постояв на месте менее двух секунд, они согласно повернулись и двинулись от Сквера обратно — туда, где неисправная техналь нуждалась в помощи. Теперь они шагали столь же размеренно, как и все остальные, как бы невольно попав в такт неслышимой музыке. Все было хорошо, мерно, ровно, однако невезение есть род беды, и потому тоже не приходит в одиночку; применительно к сегодняшним событиям это означает, что неисправной технали на месте также не оказалось, и никакого следа, а спросить было не у кого, очевидцев не нашлось, потому что технетам быть очевидцами не полагается; если же им нужно что-то увидеть, их об этом предупреждают заранее, и чаще всего достаточно оказывается самого предупреждения, а видеть становится не обязательным. Так или иначе, слисы на сей раз не смогли похвалиться успехом. Но и неудач своих они не скрывают, и можно быть уверенным, что в их сегодняшнем отчете будут и сведения о двух неисправных технетах разного пола, уклонившихся от оказания содействия. Это значит, что начнется розыск нарушителей, так что инцидент никак нельзя полагать исчерпанным.

Пока же больше ничего не произошло, если не считать того — не шепота даже, но как бы дуновения, что побежало сразу во все стороны от перекрестка: Человек это был! Человек! — и один-другой технет рискнул оглянуться — как бы случайно, невзначай, потому что порядочный технет смотрит только перед собой, и никак не в стороны. Оглядывались; но все спокойно было вокруг.

2

(162 часа до)

Он осторожно втиснулся между невысокой кирпичной стенкой и мусорными контейнерами, опустился на грязный асфальт, перевел дыхание. Прислушался, но вокруг

было тихо — а погоня не бывает беззвучной, — и ощутил вдруг, как мелко задрожали руки, и позволил себе на несколько минут расслабиться: нервы требовали. Только на лице по-прежнему висело безразличие — как вывеска, свидетельствующая о полном благополучии. Он даже прикрыл глаза, хотя сейчас ему лучше бы двигаться, давая выход волнению; однако, технеты не совершают лишних действий, и потому им не свойственно метаться по улице из конца в конец; глаз вокруг много, заметят и сообщат...

«На грани провала, — отметил Милов, пытаясь увидеть все так, словно не он сам то был, но кто-то другой, незнакомый, далекий, а ему следовало лишь спокойно оценить ситуацию и сделать вывод. Не получалось, однако же; все-таки с ним это происходило, а не с воображаемым чужаком. — На грани провала, а может быть, уже и за гранью. И как все просто оказалось! Тебе чудилось, что ты полностью сумел забыть все, что полагалось забыть, отрешиться от того, от чего необходимо было отрешиться. Но есть же что-то такое — человеческое — от чего избавиться нельзя, можно подавить в себе усилием, — но для этого надо успеть осознать надобность такого подавления, а если не успеваешь — действует автоматизм, не технетский — наш, человеческий автоматизм; и вот ты бросаешься на помощь упавшей женщине, и в этот миг куда-то проваливается твердое знание того, что технеты так не поступают, каждый технет знает о себе и всех остальных, что они — лишь машины, и если в какой-то из них возникла неисправность, заботы надо предоставить специалистам, самим же — спокойно следовать своим путем: все, что происходит за пределами твоих предписаний, тебя не касается — вот альфа и омега, вот стержень технецианской мудрости, их конституция, их священное писание. А исправностью технетов занимаются слисы и ремсы — Служба исправности и Ремонтная служба. Слисы и ремсы. Твоё же дело — спокойно пройти мимо...

Вот черт, — вот всю жизнь так: когда нужно поторопиться, на тебя нападает стих размышлять; шевелишь мозгами, когда нужно шевелить ногами, а бывает и наоборот. Сейчас надо исходить из того, что внешний номер твой запомнили, и с минуты на минуту нагрянут, чтобы забрать тебя и сдать в ремонт. А уж там в два счета разберутся в

том, кто ты таков на самом деле: это ведь только мне кажется, что разницы нет, а она есть, просто я ее не улавливаю. Давай, давай, в темпе, думать будешь потом, в безопасности...»

Где обретет он эту безопасность, Милов совершенно не знал, однако было ему ясно, что сейчас более опасного места, чем этот вот закоулок, ему во всем Текнисе (ранее называвшемся Омнисом) не найти. Правда, закоулок этот был не первым горячим местечком; пожалуй, самой большой опасности Милов подвергался (или мог подвергнуться) полчаса тому назад, когда, оказавшись, наконец, в городе, пешком направился по тому адресу, где его должны были ждать, принять, снабдить необходимой информацией и прочим, что могло ему понадобиться. Он шел не прямым путем, сворачивая по давно знакомым улицам вправо, влево, и снова вправо, и опять влево, привычно стараясь выделить из прохожих возможного преследователя; хвоста он, однако же, не обнаружил и благополучно добрался до нужного места — старого особнячка в запрудной части Текниса. Но тут везение и кончилось. Дом был явно нежилым, он кричал об этом заколоченными дверьми и окнами, дорожка, что вела к нему от калитки, заросла травой, створки ворот были чуть ли не навек соединены строительными скобами — ну, и так далее. Конечно, это само по себе могло ничего плохого и не значить: явка на исключалась и в необитаемом доме — но только не в этом случае: Милов был заранее предупрежден, что в доме живут, и хорошо помнил, что ему понадобится сказать при встрече, и что — услышать в ответ, прежде чем довериться. Но тут некому было сказать и не от кого услышать, а это могло означать лишь, что явка перестала существовать уже достаточно давно. Тротуар перед воротами был выщерблен; очень удобно, чтобы слегка споткнуться и, восстанавливая равновесие, метнуть взгляд назад. Никого; только какое-то существо женского пола метрах в тридцати позади него — шагает, тупо глядя перед собой. Милов постоял, отряхивая с колен воображаемую пыль. Когда взглянул снова — женщины не оказалось более: свернула в переулок, надо полагать. Позади — чисто.

Он оценил обстановку и принял решение, не замедляя

шага, прошел мимо домика и двинулся дальше, чтобы найти вторую связь (и последнюю), на которую мог рассчитывать в этом городе. Встреча должна была состояться в центре, и именно тужа он и направлялся, когда случился этот эпизод с неисправной техналью, в результате которого Милов оказался в помойном закоулке, куда, к счастью, погоня за ним не последовала.

Он медленно встал. Отряхнулся. Проверил, хранит ли его лицо выражение спокойного равнодушия ко всему на свете; оно хранило. Хоть этому успел научиться... Близ свалки не было ничего подозрительного — прохожих виднелось мало, дисциплинированные технеты выполняли предписанные им в этот час действия в установленных для этого местах. Милов глубоко втянул воздух и пошел — ритмично, размеренно, как здесь только и полагалось.

3

(162 часа до)

Двигался он по направлению к центру города. Надо было добраться до мест, где технетов на улицах больше: в толпе легче исчезнуть, а другого укрытия у него сейчас не было. Он не очень понимал, откуда берется на центральных улицах такое множество технетов — в часы, официально называвшиеся Временем Реализации Смысла, они должны были находиться при своем деле — и тем не менее, тут весь день колыхалась толпа. Однако, что он вообще успел узнать о здешней жизни? Самые азы, да и то не все. Так что спешить с выводами не следовало.

Он спокойно, загнав тревогу глубоко в подсознание, шагал, не нагоняя впереди идущих и не отставая от них. Глаза — строго вперед, голова гордо поднята: ты горд уже тем, что являешься технетом, независимо от того, какое место занимаешь в технетском обществе. А в процессе перемещения тебя интересуют только две вещи: пункт, из которого ты вышел, и тот, куда должен прибыть в назначенное время. Все остальное — не твое дело. Поэтому даже простое человеческое любопытство удовлетворять приходилось украд-

кой, скашивая глаза в стороны или вверх до последнего предела, до боли.

Тем не менее, он успевал увидеть многое — и увиденное заставляло думать больше и быстрее — настолько оно порой оказывалось неожиданным.

То был тот самый город, в котором он прожил десятки лет — и совершенно другой в то же время, до боли знакомый — и до боли чужой. Не так, как бывает знакомым и одновременно чужим встреченный через десятилетия человек, в лице которого знакомые черты не сразу угадываются за резкой ретушью возраста; но, скажем, скорее так, как узнаешь — и всё же не узнаешь человека, с которым вместе носил солдатскую форму, стиравшую социальные различия — а потом вдруг увидел его в штатском, после дембеля — и понял вдруг, что вы совсем из разных этажей жизни, и равенство ваше перед законом и сержантом было хрупким, а скорее — его и вовсе не было, оно лишь мерещилось. Так и с этим городом оказалось. Он как бы переоделся в то, что ему более пристало — и стал высокомерным и чужим, и не для одного лишь Милова (что было бы вполне естественным), но и для всего того технетства, что дефилировало сейчас по улицам, ничего не выражающим взглядом проскальзывая по неожиданно богатым витринам, по шуршавшим мимо автомобилям — американским, немецким, японским, французским, итальянским (кто в них разъезжает, интересно? — мельком подумалось ему), по фигурам полицейских на перекрестках (они назывались здесь регсами, Регулировочной службой, это Милов уже успел узнать, как и немало других полезных вещей). Словом, город похож был на любую другую столицу маленького государства, населенного людьми; только на улицах — и в магазинах, и в автомобилях — были не люди. Милов впервые по-настоящему не то, что понял это (понимал он и раньше — теоретически), но почувствовал кожей и всем нутром, как чувствуешь, выйдя на улицу, что стоит мороз — хотя ты узнал это раньше, поглядев на градусник за окном; понял — и отчего-то ему на миг стало страшно.

Он успел уже, в этих впечатлениях и размышлениях, дойти до центра, и сейчас всё тем же размеренным шагом миновал Центральный фонтан, который в городе всегда на-

зывали просто Фонтаном, хотя был он далеко не единственным. Неожиданно вспомнилось, как давным-давно, в прошлой жизни (которой, быть может, на самом деле и не было вовсе?) он назначил милой девушке из своей школы свидание вот у этого самого фонтана — и забегался по городу, забыл и не пришел, а потом спохватился и кинулся к ней домой, долго скребся под дверью, слыша, что она дома — но она не отворила; много всяких воспоминаний можно было бы сейчас вызвать из небытия — но этого совершенно не нужно было делать, напротив — следовало забыть о мысли, что этот город когда-то был твоим, а помнить, что нынче он чужой, враждебный, угрожающий, и всё, что ты знаешь о нём, есть всего лишь оперативная информация, нужная по делу, и только так можно ею пользоваться.

Информации же вокруг имелось в избытке. Можно было просто-таки купаться в ней, есть её, пить, поглощать гектолитрами.

Судя по множеству изречений и транспарантов, в изобилии украшавших улицы, все технеты были равны, поскольку были произведены на свет одним и тем же образом, не имели ни родителей, ни детей, и общим родителем, от которого все они наследовали одно и то же, считалось государство, не знавшее любимых или нелюбимых сыновей и дочерей — все были одинаковы. И им самим, каждому технету, наследовало тоже государство, они ничего не копили, потому что в конечном итоге всё возвращалось к истоку, причине и обладателю всего — к Технеции. Это была, безусловно, очень ценная информация, потому что психология жителей любой страны основывается прежде всего на их отношении к собственности; у технетов же должно было иметься что-то вроде психологии; пусть они были всего лишь подобием людей — значит, хотя бы подобие психологии тоже существовало. И проявлялось наверняка и в этих самых лозунгах — хотя, как прекрасно знал Милов, содержание официальных формулировок нередко не только не соответствует истинным мыслям населения, но прямо противоречит им. И всё-таки в любом случае начинать следовало с официального, чтобы потом либо принимать его как истину, либо же использовать от противного. То, что он видел на улицах, не очень вязалось с идеей равенства

и ненакопительства. Конечно, не для такого анализа был он сюда заслан, но и эту информацию никак нельзя было назвать излишней.

Черным по белому, лозунги всё тянулись по сторонам, однообразные, располагавшиеся сериями; прочитав одну такую серию, можно было не тратить времени на остальные. Были они просты и рассчитаны на легкое запоминание, не заставляли думать, но утверждали непреложные истины. «Мы пришли на смену людям. Люди владели Землей сто тысяч лет, у нас впереди — миллион». «Людское — устарело. Несите в мир новое. Все новое — технетское. Все технетское — новое». «Люди уходят. Долг технетов — помочь им уйти». «Гуманизм — недостаток рационального мышления. Технецизм есть рациональное мышление, реализованное на практике». «Технетов мало. Но Земля содрогается от их поступи». «Технет — высшее существо во Вселенной». В содержание надписей можно было не вдумываться, но звучали они приятно. «Счастье — это спокойствие и единообразие. Технеция — мир счастья». И так далее. Это было уж и совсем оптимистично.

Были, правда, и другие надписи — вернее, следы их: написанные черным или синим на стенах домов, надписи эти были тщательно замазаны, но местами проступали отдельные слова, а то и целые фразы. «Ассимилируемся среди...» «Мы подобны людям. Почему же нам не быть людьми?». «Вернем...» — дальше было неразличимо, может быть, слово было «Вернемся», теперь уже нельзя было угадать. Но, во всяком случае, существовало здесь, выходит, и другое направление мыслей — и не казалось невероятным, что именно с проявлением иных мнений были связаны следы беспорядков. Правда, пока нельзя было сказать, принадлежали оппозиционные идеи технетам, или, может быть, то были попытки уцелевших тут людей вернуть прошлое?

«Ну, поживем — увидим... — думал Милов как-то отстраненно, словно все это его не касалось. — Не могу сказать, что мне здесь очень уж нравится, скорее наоборот; может быть, память мешает увидеть все это непредвзятым зрением — память о том, как здесь было когда-то, при людском правлении (хотя теперь, задним числом, понимаешь, что начала технецизма существовали уже и

тогда, только носителями их в ту пору были люди, технетов просто еще не успели изобрести. Не нравится мне. Но ведь я — человек, таким родился и таким умру». — Такие мысли приходили в голову Милову, пока он в общепринятом ритме продвигался по центру Текниса, бывшего Омниса.

Он дошел до ближайшего перекрестка. Дождавшись разрешающего сигнала, перешел на другую сторону улицы и двинулся в обратном направлении. В его распоряжении оставалось еще несколько минут, и это время он должен был провести так, чтобы не обратить на себя ничьего внимания. Технет среди технетов; таким он должен был представляться любому.

«И, быть может, раньше умру, чем мне хотелось бы, — подумал он; конечно, если бы я располагал временем всё обдумать, как следует, я даже и за такие деньги не пошел бы на авантюру, какой эта операция на поверку оказывается. Да и так не пошел бы за деньги; но если есть хоть какая-то надежда разобраться — не с людьми, это проблема не такая уж срочная — и не с технологией изготовления андроидов: тут тоже несколько недель туда или сюда ничего не решают; но если то, о чем мне говорили, действительно должно произойти — теперь уже через... через сто шестьдесят часов примерно — то вот это такая вещь, ради которой можно и рискнуть собственным долголетием. Несмотря на то,что шансов выпутаться из этой истории у меня, откровенно говоря, до прискорбия мало. Уже почти сутки, как я в стране, а еще совершенно не представляю, с чего начать. Тупик. Окажись я таким образом в любом нормальном государстве со столь же затрудненным выездом — нашел бы какую-то, пусть неофициальную поддержку в посольстве или хотя бы консульстве; или отыскал бы наверняка бывших соотечественников — их сейчас по всему миру пораскидано, и они если даже не помогли бы практически, то по крайней мере снабдили нужной информацией, чтобы представить, что здесь возможно, а что совершенно исключается. И они наверняка есть, только — где? Они ведь — люди... Впору мне уподобиться Диогену — включить фонарик и отправиться на поиски человека.

Только не затянулись бы эти поиски, — думал он дальше. — Едва успею начать — и сцапают меня, жизнерадостного, и придет мне конец. Ведь, если исходить

из того, что мне уже известно — я, не успев и двух шагов сделать, уже оказался в розыске; это чревато опасностями. Собственно говоря, не так уж и мало я прожил, в прежние времена люди в моем возрасте считались стариками — да и были ими, наверное; а я вот себя таковым не чувствую, но это — мое личное дело, а объективно — мне даже не очень обидно будет помереть. Объективно, окулярно... Идиотские какие-то слова. Слишком много слов. Вот технеты молодцы: из того языка, что они благополучно унаследовали от своих создателей, оставили, по-моему, слов пятьсот, от силы пятьсот пятьдесят — и прекрасно ими обходятся, не засоряя пространства лишней лексикой...»

А впрочем (пришло ему в голову), какого черта возникли вдруг такие настроения? Ведь вот из уличного происшествия ты все же выкрутился без особых усилий, профессионал как-никак?..

5

(159 часов до)

Все же он был внутренне напряжен до предела, хотя всеми доступными ему способами убедился в том, что непосредственной опасности для него сейчас не было. Однако, как острил порою тот же Мерцалов, по старой, придуманной Миловым кличке — Рокамболь с карамболями, — «пережженного Бог пережжет».

Отступая на несколько метров, фонтан по прежнему окружали скамейки, предназначенные для отдыха гуляющих в центре города — главным образом приезжих, каких прежде в Омнисе бывало множество. Сейчас с гостями обстояло, надо полагать, скудно, однако скамейки отнюдь не пустовали. Видимо, и человеческое стремление побыть вблизи свободно играющей воды оказалось не чуждым сменившей их расе. Найти место, чтобы присесть, оказалось не так уж просто.

Тем более, что нужна ему была не любая скамейка, а весьма определенная. Третья от аллеи.

Она тоже была занята технетами. Хотя если бы сидевшая с краю женщина (для удобства Милов про себя

назвал техналь женщиной) сняла со скамейки свою объемистую дорожную сумку, место оказалось бы. Но Милов успел уже понять, что обратиться с подобной просьбой было бы не по-технетски: повод был слишком незначительным, чтобы вступить в контакт. Технеты не любили контактов. Он уже примирился с тем, что присесть ему не удастся, и сделал шаг в сторону, когда техналь, окинув его быстрым взглядом, после мгновенного колебания с некоторым усилием приподняла сумку и опустила на землю перед собой. В следующее мгновение она сделала приглашающий жест.

Кивнув в знак благодарности, он подошел и уселся. И только тут узнал ее.

То была та самая, что на миг почувствовала себя дурно на улице. Из-за которой он едва не попал в переплет.

Вряд ли это могло быть случайностью... Постой, постой. Там, перед проваленной явкой, тоже была женщина. Конечно, разглядеть ее лица Милов не успел: некогда было пялиться. Но фигура, но движения, насколько он успел заметить и то, и другое... Нет, он не мог с уверенностью сказать, что то была она. Но и противоположного не стал бы утверждать. Но если там была действительно она...

Эта мысль ударила его, как током. Несомненно, в этой неожиданной (для него, по крайней мере) встрече таилась опасность. Может быть и сценка с ее обмороком и падением, — это всё было подстроено?

Милов хотел уже встать и уйти, — к счастью, ему не пришлось бы объяснять этот поступок, — но техналь опередила его.

— Я узнала тебя, — произнесла она негромким, невыразительным голосом. — Ты хотел помочь мне. Спасибо.

Сказанное ею «ты» удивило его. А также и выражение благодарности. Ему почему-то казалось, что такое чувство не должно проявляться у роботов. Но почти сразу он сообразил, что формы вежливости, очевидно, в Технеции были утрачены, а вот понятие о благодарности уцелело.

— Я рад, что с тобой ничего не случилось, — сказал он в ответ.

— Ничего, — подтвердила она. — Но я и на самом деле исправна. И было бы неправильно, если бы они меня забрали.

— Конечно, — согласился Милов.

У него не было желания продолжать разговор. Он пришел сюда не для того, чтобы заводить знакомство неизвестно с кем. Ему предстояло ждать пятнадцать минут, и если ничего не случится — исчезнуть на сутки — до этого же часа завтра.

Только вот куда исчезнуть — он не знал. И надеялся, что сидит тут не напрасно: если встреча состоится, то ему подскажут, куда деваться. Если же нет...

Но ему сейчас не хотелось думать об этом варианте. Несколько оставшихся минут он предпочитал провести спокойно, не огорчая себя ненужными предположениями, которых можно было бы на ходу сконструировать великое множество. И он сидел спокойно и безмолвно, позволяя двигаться лишь глазам, быстро и тщательно ощупывавшим каждого прохожего — и всякий раз не находившим того, что было ему нужно. Раз-другой он чуть было не замурлыкал песенку — однако, вовремя спохватился и, как говорится, проглотил язык.

Сидевшая рядом техналь также хранила молчание и оставалась неподвижной. Однако, за эти несколько минут она дважды взглянула на часы. Возможно, она отдыхала здесь перед работой, и время, каким она располагала, кончилось. А может быть, ей просто надоело сидеть без дела. Технеты, — помнил Милов сообщенное ему при подготовке — не любят праздности.

Техналь встала со скамейки как раз в тот миг, когда четверть часа, отведенная Милову для ожидания, истекла. Встала и пошла, молча, даже не оглянувшись на него, не кивнув на прощание. Да, вежливость здесь явно не была в чести.

Встала и пошла? Значит, она не для того сидела здесь, чтобы приглядывать за ним? И там, перед особнячком, оказалась случайно?

Решение пришло к нему неожиданно. Милов позволил ей отойти на несколько шагов, потом поднялся и пошел вслед за нею.

Ему ведь всё равно было, куда идти, потому что идти было некуда. Когда они вышли на тротуар и включились в общий ритм, он немного приблизился к ней, чтобы не потерять ее из виду, и на ходу размышлял о возможных достоинствах и еще более возможных недостатках того плана, который только что возник в его голове.

Но продумать, как следует, не успел. Потому что техналь, словно спиной ощутив его присутствие по соседству, неожиданно сделала шаг в сторону, пропустила вперед четырех, находившихся между ними, и оказалась рядом с Миловым. Он постарался не выказать удивления и не сбиться с ритма.

— Зачем ты пошел за мной? — спросила она.

Милов, не колеблясь, ответил:

— У меня трудности.

Они переговаривались негромко, ступая в ногу.

— И что же?

— Меня ищут потому, что я хотел помочь тебе. Думают, что я неисправен. Я не могу идти домой.

— Возможно.

— Я хотел помочь тебе!

— Не спорю. Я знаю.

— Тогда помоги мне.

— Как?

— Мне надо где-то укрыться до завтра.

— Где?

— Там, где меня не найдут. Всё равно. В подвале, на чердаке, в сарае, кладовой... безразлично.

Несколько шагов она молчала.

— Хорошо. Ты и вправду помог мне. Не погонись слисы за тобой, они схватили бы меня. И отправили на переналадку. А у меня есть дела в городе. И вообще...

— Ты меня выручишь?

— Попытаюсь. Иди за мной. Только не рядом. Когда нужно будет, я тебя позову. Старайся не отставать.

— Я не отстану, — заверил Милов.

6

(158 часов до)

Слишком мало времени минуло с тех пор, как технеты создали в стране свое государство; так что не удивительно, что города — и Текнис в том числе — остались в общем такими же, какими были при людях, и то, что бросилось в глаза Милову в центре — где преобладали черты, наско-

ро заимствованные у традиционно рыночных держав (а перенимается в первую очередь, естественно, самое поверхностное — и потому определяющее не суть дела, а лишь видимость ее, и далеко не самое лучшее) — вовсе не замечалось уже в каком-то полукилометре от того же фонтана. Иными словами, технеты жили там же, и в общем так же, как делали это прежние обитатели домов и квартир. Быть может, теория новой расы и предусматривала в дальнейшем строительство обширных общежитий или казарм, что наиболее соответствовало бы машинному бытию; но даже и в государстве роботов строительство продолжало стоить денег, и даже в государстве роботов в деньгах на строительство ощущался постоянный недостаток. Это Милов понял еще раньше, так что сейчас, войдя вместе с техналью в ее обиталище и затворив за собой дверь, он нимало не удивился увиденному. Если он и не ожидал чего-то, то разве что слов, которые произнесла техналь, едва переступив порог:

— Благодарность и слава Технеции за кров и жизнь...

Остальное же всё показалось Милову как бы уже виденным, давно и не раз. Точно в такой же комнатке жила бы одинокая представительница людского, а не технетского рода: в небольшой, тесно уставленной всякими необходимыми в быту вещами, достаточно темной (снаружи перед окном первого этажа узкая полоса земли была засажена разросшимися кустами, посаженными, надо думать, еще прежними жителями), но по-своему уютной; впрочем, Милову сейчас наверняка показались бы уютными любые четыре стены, в которых можно было укрыться от возможного наблюдения и хоть немного перевести дыхание. Повинуясь жесту хозяйки, он протиснулся между диваном и шкафом и с удовольствием уселся на стул возле небольшого стола, на котором, к некоторому своему удивлению, Милов увидел телефон и механически запомнил написанный в рамочке номер. Больше ничего интересного не было. Милов расслабился и почувствовал, что изрядно устал и ничего не имел бы против и более серьезного отдыха. А перед таким отдыхом — и это Милов тоже ощутил весьма недвусмысленно — он не отказался бы и от предложения съесть что-нибудь, и чем больше, тем лучше.

Однако, такого предложения не последовало. Похоже,

что приведя нового знакомца к себе и усадив на стул, хозяйка комнаты сочла свою миссию выполненной и долг погашенным, и потому перестала обращать на него вообще какое бы то ни было внимание. Правда, и сама она не стала ни есть, ни пить (возможно, технетам и не полагалось держать дома съестное); действуя так, словно кроме нее в комнате никого не было, она сняла куртку, а затем и джинсы, в которых была на улице (при этом Милов скромно потупил взор, однако техналь даже и не покосилась в его сторону, так что при желании он мог глазеть на нее сколько угодно) и накинула домашний халатик точно так же, как это сделала бы обычная женщина. Потом села в углу дивана, откинулась на спинку и закрыла глаза. Похоже было, что отключилась. Возможно, технеты были снабжены специальным устройством, позволявшим им выключаться, когда никаких действий не требовалось — просто ради экономии энергии. Это было целесообразно, и Милов на миг пожалел, что люди — и он в том числе — подобным механизмом не обладают и вынуждены расходовать энергию даже во сне.

Улочка, на которой стоял этот старый трехэтажный дом с первым каменным а остальными — бревенчатыми этажами, с обширным двором, по периметру которого теснились то ли сараи, то ли гаражи, в далеком прошлом являвшимися, похоже, конюшнями, — улочка была глухой, и когда оба находившихся в комнатке существа устроились на своих местах и перестали производить какой-либо шум, их окружила глубочайшая тишина, в которой, если вслушаться, наверняка можно было бы уловить, как шуршит, утекая безвозвратно, время, и еще — как подкрадывается сон. «Сон идет на мягких лапах...» — вспомнил Милов стихи времен своего детства, и ненадолго увидел себя ребенком в московском переулке, около дома, в котором тогда жил — себя в толстой шубейке и круглой меховой шапке, с лопаткой для снега в руке; длинная машина «линкольн» остановилась напротив дома и громко сказала: «Олулэ» — так воспринимал он звуки ее клаксона в то время... Сигнал повторился — Милов встрепенулся, сон отпрыгнул в сторону, как напуганный зверек, унося с собой и переулок, и мальчика с лопаткой. Сигнал был наяву. Милов шарил рукой в поисках пистолета, потом сообразил, что пистолета у него

нет, оружие осталось далеко. Просигналившая машина, судя по утихавшему звуку, проехала мимо, никакой опасности не возникло — если не считать угрозы умереть с голоду, как подумал он, внутренне невесело усмехнувшись и уже окончательно просыпаясь.

Звук проехавшей мимо машины разбудил не только его; техналь тоже открыла глаза, посмотрела на него — сперва недоуменно и со страхом, через мгновение — осмысленно, узнавая и вспомнив. Хозяйка выглядела совершенно так, как любая только что проснувшаяся женщина, и Милов улыбнулся ей точно так же, как улыбнулся бы женщине.

— Слушай, — сказал он. — Как тебя называть? Я так и не знаю...

Она тоже улыбнулась — медленно, едва ли не со скрипом.

— А тебя?

— Даниил.

— По-моему, никогда не слышала такого имени.

— Оно редкое в наше время. Ну, а ты — кто?

— Леста.

— Красивое имя, — похвалил он. — Я его тоже никогда не слышал.

— Оно чисто технетское, по-моему. У нас много новых имен. Нам находят красивые и редкие.

Значит, у технетов с именами примерно так же, как у людей, — заключил Милов про себя. — Прямо какая-то мания подражательства. Хотя официально у них только номера — внешний и второй, несменяемый, которым я, кстати сказать, еще не успел обзавестись.

— Слушай, Леста... Ты не проголодалась?

— Я не... Что ты имеешь в виду?

— Есть не хочешь?

Она бросила взгляд на часы — дешевый будильник.

— Время не наступило. Значит, не хочу.

— Да, — сказал он, — конечно. Я тоже не хочу. Просто так спросил.

Он мог бы добавить, что готов спрашивать обо всем, что угодно — и ради получения полезной информации, и еще затем, чтобы не начала задавать вопросы она; ему сейчас было бы трудно удовлетворительно ответить на любой во-

прос, до такой степени он оказался неподготовленным — и жаль, что только сейчас начал понимать это. Но отступления уже не было. Хотя спрашивать было не менее опасно, чем отвечать: с каждым вопросом он, похоже, все больше демаскировал себя, приближал к тому самому провалу, которого боялся. Самым разумным сейчас было бы — молчать, но ему отчего-то казалось, что он должен что-то делать, чем-то заполнить пустоту, возникавшую в безмолвии.

— Может быть, вам на самом деле нужна какая-то помощь? — Милову показалось, что он нашел достаточно безопасную тему. — Если что-то в моих силах...

Техналь взглянула на него с удивлением.

— Отчего ты так решил? Я совершенно исправна, я же сказала.

— Да, но там, на улице... Да и здесь — ты сразу задремала.

Она посмотрела на него, и в глазах ее мелькнуло какое-то странное (подумалось ему) выражение.

— Я задремала?

— Ну, возможно ты сама не заметила этого...

— Может быть, — неожиданно легко согласилась она. — И ты тоже задремал, правда ведь?

— И я тоже, — подтвердил он. — Я немного... ну, почувствовал недостаток энергии. Слишком давно не пополнял ее запас.

— Понимаю... — протянула она таким тоном, который, похоже, свидетельствовал как раз о противоположном. — И у меня то же самое. Был энергетический перебой — там, на улице.

— У тебя тяжелая работа?

Она подумала, прежде чем ответить.

— Скорее нервная. Я недавно вернулась с производства. Из круга.

— С производства — чего? — Вопрос вырвался непроизвольно, и Милов слишком поздно сообразил, что задавать его, вернее всего, не следовало.

— У тебя, похоже, не только с энергетикой плохо, — озабоченно проговорила Леста. — Ты что — стал уже забывать самые простые вещи? Просто у меня пришло время превенции.

Милов заставил себя улыбнуться.

— Ты не говори об этом никому, — о том, что у меня такие перебои с памятью, ладно?

После паузы она кивнула.

— Не скажу. Ты ведь помог мне — и может быть, как раз потому, что у тебя какие-то системы не в порядке. Если бы с тобой всё было нормально, ты наверняка прошел бы мимо — как все остальные.

— Да, — согласился он. — Может быть. Но, знаешь, я вспоминаю понемногу. Конечно, производство — очень тяжелая работа.

Леста неожиданно улыбнулась — как если бы Милов сказал что-то очень смешное; но тут же снова стала серьезной.

— Работа, конечно, тяжелая.

— Я мешаю тебе по-настоящему отдохнуть?

— Чем же? Ты ничего такого не делаешь.

— Ну, просто своим присутствием...

— Здесь достаточно места, чтобы дышали двое. Даже пятеро могли бы дышать в этой комнате. А сейчас давай помолчим. Наступили минуты поглощения информации.

— Да, конечно, — поспешно подтвердил он.

Что-то как будто щелкнуло внутри аппарата на столике около дивана; Милову сперва показалось, что это приемник, потом он сообразил, что всего лишь динамик трансляционной сети. Принудиловка — как называлось это устройство в дни его детства.

Прошло не более минуты — и после сигнала точного времени диктор произнес:

— Актуальная информация на вторую половину нынешнего дня. Требуется особое внимание. Каждый технет должен быть настороже на улице, на работе и дома. Остерегайтесь незнакомых. Не совершайте поездок в восточном направлении, в семидесяти километрах от города начинается зона срочного ремонта дорог, проезд по ним закрыт. Технеты второй учетной категории приглашаются в точки организации. Всем, всем: не впускайте в ваши жилища никого, чью сущность вы не можете удостоверить; не вступайте в разговоры; не верьте слухам, полагайтесь только на официальную информацию; при малейшей надобности прибегайте к помощи Сипо. Количество патрулей Сипо сегодня удвоено. Не проявляйте излишнего беспокойства: в

стране протекают нормальные процессы развития, и все остаются на своих местах. Теперь прослушайте сообщение о погоде...

Сообщение о погоде Милов пропустил мимо ушей, но услышанное перед тем показалось ему заслуживающим внимания. Дороги на восток перекрыты, и вроде бы ожидается проникновение в Текнис нежелательных сил. Это говорило о том, что отряд с тренером во главе действовал в соответствии с диспозицией. То есть, в намеченном месте, или близ него, отделался от своих сопровождающихся и скрылся в лесу, чтобы достичь нужного места — точки исчезновения команды, как у них это называлось: исчезновения от ненужного внимания. Жаль, информация оказалась слишком скупой. Это могло означать лишь то, что задержать отряд не удалось, и у властей не было представления о том — кем же были люди, незаконно оказавшиеся на этой территории и оказавшие сопротивление. Что же: думать так было приятно. Когда сказать правду стыдно — врут, оказывается, и технеты.

— Всё, как у людей... — пробормотал он скорее самому себе, чем Лесте. Она, однако, услышала.

— А откуда тебе знать, как делается у людей?

Он не ожидал такого вопроса.

— Ну... странно было бы не знать этого — в мои годы.

— А, ну да, — сказала она. — Конечно.

И снова у него возникло впечатление, что он сказал не то, что следовало бы. Нет, — подумал он, — если завтра я не встречу, кого нужно, и не получу исчерпывающей информации о том, как мне надо себя вести, я сверну всю операцию и постараюсь выбраться отсюда как можно быстрее, если даже придется для этого использовать команду и пробиваться с шумом. Я всё время делаю не то, но если бы знать, как делать то, что нужно... Мы слишком поверхностно отнеслись к тому, что действовать придется не среди людей: людские реакции в общем рассчитать всегда можно, но как мыслят роботы — для нас полная загадка. Ну а сегодня — нужно прекратить все разговоры. Додержаться тут до утра — и либо встретиться, либо исчезнуть, третьего не дано. Прекратить разговоры. Похоже, единственный способ сделать это — лечь спать. Когда спишь — или делаешь вид, что спишь — имеешь право не поддерживать беседы.

Думаю, что желание отдохнуть не покажется ей неестественным: она ведь сама признала, что со мной не все в порядке и мне не помешает восстановить энергию.

Милов высказал эту мысль вслух; Леста не удивилась и не стала возражать.

— Наверное, это будет самое лучшее, — сказала она.

— Прекрасно. Где ты меня положишь?

Она взглянула удивленно.

— По-твоему, мы здесь не уместимся?

При этом она кивнула на диван.

— О, конечно, — сказал он, стараясь оставаться совершенно спокойным.

Ну, конечно; технеты ведь по сути бесполы, хотя внешность их и может ввести в заблуждение. На самом деле они — среднего рода. Так что нет ничего необычного... Всего лишь копии людей... Во всяком случае, именно такова информация, какой меня снабдили перед вылетом.

Очень удачные копии, — пришлось признать ему, когда он оказался вынужденным наблюдать за тем, как Леста раздевалась, нимало не стесняясь его, не выключая света. — Если бы я не знал, что это техналь... Но надо и в самом деле спать. Завтра нужно быть в форме, в наилучшей форме, на какую я еще способен...

7

(150 часов до)

Сон нокаутировал Милова; считай хоть до ста — он так и не пришел бы в себя, и пришлось бы уносить его с ринга на носилках. Сновидения были сложными, какими-то многослойными, типа матрёшки — сон во сне, и тот, в свою очередь, тоже во сне, а порою казалось, что туманная пелена сна вот-вот рассеется окончательно — настолько прозрачной становилась она, и за ней уже мерещилась реальность — но всё вновь густело, и продолжалась странная, потусторонняя жизнь, которой все мы живем и которую объяснить никто не в состоянии — можно только догадываться. В этом глубоком сне рассудок, наверное, и в самом деле покинул бренную свою оболочку, и пока он путеше-

ствовал по многим и многим измерениям и временам — тело жило своею, телесной, чувственной жизнью, ни у кого ничего не спрашивая и еще меньше собираясь давать хоть какой-то отчет. Лишенное информации и верящее только собственным ощущениям, тело действовало так, как повелевал инстинкт: почувствовав близость другого тела — живого, теплого — оно пустилось на поиски сходства или разницы, и разницу эту быстро и привычно обнаружило и сразу же соответственно отозвалось — прикасаясь, лаская, проникая, становясь всё настойчивее и устремленнее, отвергая всякие попытки возразить. Впрочем, таких попыток со стороны другого тела на самом деле и не возникало, скорее лишь намеки на них, более демонстративные, чем рассчитанные на успех. На самом деле другое существо почти сразу же стало отвечать на ласки — кто знает, осознанно или тоже повинуясь извечной программе; всё шло так, как и должно было идти, естественно и последовательно, пока оба тела не слились окончательно — однако, каждый и так представляет, что и как было с теми двумя в одной постели в отсутствие рассудков, уж непременно постаравшихся бы помешать. А позже, когда рассудки вернулись из пространства сна в наш трехмерный мир и заняли предназначенные места, каждое в своей плоти, тела отреагировали на это разве что тем, что еще теснее сдвинулись одно с другим, не прерывая начатого, но напротив, намереваясь повторить; здравым смыслам оставалось лишь притаиться до поры до времени — чтобы уж потом (а это «потом» неизбежно наступает) отыграться; если только удастся, конечно. Но когда настал миг и двое в постели открыли, наконец, глаза и осмысленно посмотрели друг на друга — ничего не произошло такого: они не отпрянули один от другого, не издали возгласов смущения хотя бы, даже не покраснели, но просто улыбнулись, ни слова не вымолвили ни он, ни она, и продолжали лежать: неяркий свет за окном свидетельствовал о том, что день еще не начался, и вставать было бы преждевременным.

В оправдание обоих можно сказать лишь одно: с вечера подобных намерений ни у кого из них не было, планов никто не строил и занимали и его, и её совсем другие мысли — правда, отнюдь не одинаковые, что легко понять.

Иными словами, всё получилось непроизвольно и естественно — и, значит, наилучшим из всех возможных образом. Но при всем этом каждый из них предпочел сделать вид, что ничего не было, а если и было, то забылось сразу же и навсегда.

Но и время вставать тоже пришло в конце концов.

8

(149 часов до)

Вот тогда-то рассудок и принялся за свою пакостную работу. Нет, вовсе не стал упрекать за уже сделанное, отлично понимая, что прошлого не вернуть и не изменить. Но стал хитренько представлять дело так, что ничего, собственно, такого не произошло — ну мало ли, с кем не бывает, тут все взрослые, никому и ничем не обязанные... Даже хорошо: получена важная информация, — оказывается, техналь в этой области совершенно ничем не рознится от обычной женщины — но, в отличие от многих женщин, вовсе не является фригидной, напротив. Итак, всё произошло к лучшему, но поскольку это никак не лучший из миров, то и нет никакой причины расслабляться, погружаться в лирику, предаваться романтическим мыслям и вообще отвлекаться от главного; наоборот, надо еще строже следить за собой и за нею и не допускать более никаких осечек до самого конца, до мгновения, когда он покинет этот дом, чтобы отправиться на встречу к фонтану — туда, где уже был вчера и где, надо надеяться, сегодня ему повезет больше. Да, именно так надо было сейчас вести себя — однако, и не переусердствуя в прохладной невозмутимости: если встреча не состоится и сегодня — придется где-то переждать еще три дня, до следующего срока, а другого места, кроме этой вот комнатенки с ее хозяйкой, Милов не знал. Значит, надо было сохранять спокойствие во всем — как, скорее всего, делал бы настоящий технет; похоже, что другого отношения Леста и не ждет — во всяком случае, сама она ведет себя именно так. Леста — может быть, все это — действительно лишь стечение случайностей, однако возможен и другой вариант...

Пока Милов умывался над раковиной в углу, эти и подобные мысли быстренько прошуршали в голове, оставляя извилистый, как змея на пыльной дороге, след. Леста тем временем накрывала на стол. Завтрак оказался весьма умеренным — чтобы не сказать скудным: какие-то хрусткие кусочки (синтетика, что ли? Нет, кажется... но дома есть такое не приходилось никогда. Что-то эта жратва напоминает, никак не сообразить только — что именно; да ладно — выбирать не из чего, остается надеяться, что это не отрава для нежного человеческого организма). Сомнения Милова, впрочем, никак не отразились ни на лице его, ни на поведении — он хрустел себе и хрустел, пока посуда не опустела. Запили кипятком, подкрашенным слабой заваркой, вместо сахара была вроде бы карбоксилаза — ее Милов брать не стал, помнил, что от нее болит голова, а у него и так хватало причин для головной боли.

Поев — начали собираться, ни о чем не разговаривая, стараясь даже не встречаться взглядами — не из смущения, но как раз для того, чтобы не начинать никакого обмена мнениями: никто не стремился раскрывать свои планы и намерения на предстоящий день. Сборы, собственно, заключались только в том, что Леста убрала со стола посуду и надела куртку; технетский гардероб разнообразием не отличался. Милов стоял уже у двери.

— Мне пора, — объявил он кратко. Леста кивнула:

— Я тоже иду.

— Лучше выйдем порознь. Я первым.

— Хорошо. Мне все равно нужно еще позвонить по делу. А телефон на втором этаже. Ты успеешь отойти достаточно далеко.

— В случае чего — ты меня не знаешь, я у тебя не был.

Он ожидал, что она улыбнется, но она ответила серьезно:

— Да, конечно.

— Наверное, не вернусь.

Она только кивнула, лицо не выразило ничего.

Надо было уже идти; он бессознательно медлил.

— Спасибо тебе, — сказал он. — За всё.

Вот тут она неожиданно улыбнулась. Но лишь мгновен-

ной улыбкой. И повернулась спиной — наверное, чтобы он ушел, наконец.

Милов осторожно приотворил дверь. Войти и выйти — это как летчику взлететь и приземлиться: самые опасные мгновения. Но за дверью всё оказалось спокойно: пустынный коридор, и в конце его — выход на тихую улицу.

Он перешагнул через порог и пошел, не оборачиваясь.

9

(147 часов до)

Путь до фонтана, до городского центра занял, как он и предполагал, сорок с небольшим минут. За это время, шагая в ритме, никого не обгоняя и не отставая, Милов успел совсем прийти в себя и настроиться на предстоящие, возможно, дела.

Он старался заметить признаки какого-то беспокойства, неблагополучия в городе, что было бы естественно после вчерашней информационной передачи; всё, однако, представлялось спокойным, обычным, народу на улицах было не меньше и не больше, чем вчера, трамваи, автобусы, машины двигались с прежней плотностью. Всё прекрасно, словом. И все же что-то происходило в стране — пусть и не в столице, а на востоке, но что-то происходило. Если сейчас встреча не состоится, то на предстоящие три дня выжидания надо будет, пожалуй, направиться именно туда — понять, что и почему происходит и обогатить свои запасы информации: ее, как правило, больше всего бывает именно там, где что-то происходит, потому что события и происходят вследствие возникновения какой-то новой информации. Как пробраться, если дороги перекрыты? Ну, это уже, как говорится, дело техники...

Обдумывание способов проникнуть на закрытую территорию и заняло почти все время; он занимался этой работой, заранее зная, что на местности всё получится не так и придется принимать другие решения. Однако, сам процесс размышления действовал успокаивающе.

Перед тем, как приблизиться к фонтану, он сделал широкий круг, исподволь приглядываясь. Ничего, что могло

бы его встревожить, он не заметил, да и интуиция подсказывала, что никакой угрозы сейчас не было. И даже места на скамейках есть. В том числе и на той, на которой он должен был усесться и ждать.

Милов подошел к скамейке, повернулся спиной, чтобы непринужденно опуститься на нее. И замер на миг.

К скамейке приближалась с противоположной стороны — от бульвара — Леста. Она смотрела прямо на него, и этот ее взгляд даже оптимист не назвал бы добрым.

Но и его нимало не обрадовало появление технали; уже утихомирившиеся было подозрения вспыхнули газовым факелом. Сам того не сознавая, он стиснул кулаки. Но вовремя спохватился: технеты не проявляют эмоций! — и лишь отвернулся, понимая, что не в его силах помешать ей подойти и сесть на ту же скамейку. К счастью, она опустилась на жесткое сиденье не рядом с ним, а поодаль, насколько это было возможно — уселась на противоположном конце достаточно длинного сиденья. Она тоже не смотрела в его сторону, даже головы не повернула, и тем не менее он продолжал ощущать ту ненависть, что ясно прочиталась в ее глазах, когда их взгляды на мгновение встретились только что.

Сколько-то времени протекло в безмолвной взаимной ненависти, прежде чем Милов глянул на часы — небрежно, вскользь. Уже совсем мало минут осталось до истечения условленного срока; все ясней становилось, что и сегодня встреча не состоится. Но теперь Милов начал уже догадываться, почему: вероятно, Леста была известна тем, с кем ему предстояло встретиться, и они не хотели — или не должны были — устанавливать контакт в ее присутствии. Она пасла его, вероятнее всего; всё было театром, начиная со вчерашнего уличного происшествия, после которого представители власти так быстро его потеряли. На самом же деле (соображал он) они издалека вели его до того самого момента, пока он не заговорил с нею здесь, на этом самом месте; после этого им не о чем больше было беспокоиться. Постой, а как они могли знать, что именно здесь надо ждать его? Выходит, место рандеву им известно, они не знают только, кто придет на свидание; это-то и хотят установить. Всё очень просто, никаких загадок, ничего сверхъестественного...

Да, чудесно. Вывод отсюда следовал лишь один: немедленно уходить. Куда угодно. В пустоту. Раствориться. Пусть, если хотят, гонятся за ним — но зато не пострадает никто другой из немногих, видимо, еще уцелевших здесь...

Тут же он заспорил с самим собой. Если именно ее присутствие — причина того, что к нему никто не подходит, значит, те, кто ему так нужен, еще раньше прочитали ситуацию и никто сюда не подойдет. Однако, встреча должна произойти — иначе всё зря. Они понимают это не хуже, чем он сам, и непременно будут искать возможность войти в контакт. Не здесь, разумеется; но если он просто пойдет по улице, то наверняка ему каким-то способом дадут понять, что и как нужно делать. Кто-нибудь, обгоняя или идя навстречу, обронит два слова, или сунет записку в руку, или мало ли еще как. Только это обязательно должен будет быть некто с большим родимым пятном под левым глазом; если обстановка позволит, Милов скажет этому меченому: «Никак не могу оторваться от этого фонтана», на что в ответ последует: «Свободно текущая вода — основа нашей энергетики», после чего Милов, помолчав, начнет негромко напевать популярную некогда в этих местах песенку: «Лето было в разгаре, и пели луга и леса. Ты шла мне навстречу в зеленой косынке своей...» Тут он закончит, и после маленькой паузы его собеседник в свою очередь запоет — другую песню, тоже всем давно знакомую: «На пустынном морском берегу как-то встретились двое; он приплыл из далекой страны, она много лет ожидала...». Только после всего этого и будет установлен настоящий контакт. Но это всё — в спокойной обстановке, а для начала неплохо будет и услышать хоть два слова — от существа с родинкой... Поэтому сейчас необходимо не торопясь встать и, не оглядываясь, уйти не в ту сторону, откуда прищел, но в противоположную...

Он встал медленно, как и собирался, но следующего условия не выполнил: не утерпел и хотя не оглянулся, но все же покосился на нее — чтобы убедиться, наверное, что Леста не собирается вскочить, чтобы последовать за ним по пятам. Но нет, она не собиралась. Она даже не смотрела в его сторону — он находился слева от нее, а ее взгляд был направлен наискось вправо, техналь была видна слева в

профиль: прядь волос, ровная линия носа, глазная впадина, а под левым глазом, почти на скуле...

Милов не сделал второго шага. Моргнул. Нахмурился. Ничего такого не было раньше на ее лице. Была гладкая кожа. Еще сегодня, какой-нибудь час с небольшим назад. А сейчас — большое, коричневое родимое пятно. Мушка. Но это...

«Ловушка, — пронеслось в голове, — тебя ловят на блесну. На муху ловят. Там наверняка крючок. Острый, с бородкой. Родинка. Но... Но...»

Он заставил себя подойти к ней вплотную. Просто-таки подтащил. Не мог поверить. Но обязан был.

Он кашлянул. Леста медленно повернула голову, хотя боковым зрением наверняка заметила, как он приближался. Она окинула его взглядом с ног до головы, словно видела впервые — выражение глаз было презрительным — и столь же медленно отвернулась. После такого приема обычно остается только уйти. Но этого Милов сейчас не мог себе позволить.

— Никак не могу оторваться от этого фонтана... — проговорил он условную фразу, стараясь, чтобы голос звучал совершенно естественно.

На этот раз ее голова повернулась резко. Лоб нахмурился. В глазах было недоверие вперемешку с удивлением. Мгновение она колебалась.

— Свободно текущая вода — основа нашей энергетики. — Она произнесла слова чуть ли не с вопросительной интонацией.

Тогда, уже почти не сомневаясь более, он стал напевать, сдерживая ликование — так, словно эта женщина действительно дожидалась его многие годы, и только ради нее он прибыл из дальних стран — только, чтобы увидеть ее в зеленом платочке... который, кстати, и был тут как тут — пусть не платочек, а шарфик, не на голове, а на шее — но был, был...

Леста медленно поднялась со скамейки.

— Великий Альмир! — сказала она, и голос ее вовсе не звучал ласково. — Какой идиот! И я тоже хороша... Идемте быстрее.

— Куда? — невольно спросил он.

— Всё равно. Подальше отсюда!

10

(146 часов до)

— Ну почему, почему сюда послали такого бездарного агента! — негромко, сдавленно говорила Леста, пока они шли по плавно изгибавшейся аллее центрального городского парка.

— Сначала скажите: куда это мы так летим?

— Не знаю. Какая разница?

— От чего спасаемся?

— От сипо, естественно.

— Почему бы не вернуться к вам?

— Потому что там они уже поджидают вас.

— Откуда вы знаете?

— Да я сама их вызвала. По телефону... Когда вы ушли.

— Чего ради?

— Потому что вы слишком уж были похожи на провокатора, на этакую подсадную утку — довольно неумелую, или, быть может, наоборот...

— Откровенно говоря, не понимаю.

— Ну, все ведь совершенно ясно! Вы начали с того, что демонстративно открыто показались перед бывшей явкой, хотя все знают, что она провалена бесповоротно. И вообще — вели себя именно так, чтобы даже несмышленышу стало бы понятно: вы человек, и притом пришлый — или же очень стараетесь, чтобы вас за такого приняли. А тут у нас, как вы несомненно знаете, — во всяком случае, должны знать, — укрывательство таких людей считается одним из самых серьезных преступлений против государства, против технетской идеи. Наказания очень суровы. И я подумала, что самым лучшим было бы — сдать властям их собственного провокатора. Вот почему я позвонила. Сказала, что вы, возможно, еще вернетесь. Так что ко мне больше нельзя. Не знаю даже, следует ли мне самой... Ну, и кроме того... — она запнулась на мгновение, — мне казалось, что человек оттуда — разведчик — должен быть, ну, как бы это сказать...

— Суперменом во цвете лет, — договорил за нее Милов. — А не существом преклонного возраста, так? Только я вообще-то не разведчик. А кроме того — не вы одна так представляете, мне это на руку. Ничего, я не обижаюсь.

— Нет, я вовсе не это хотела сказать... — Она совсем смешалась.

— Ага, — сказал он невесело. — Вот почему вы постарались ночью сделать так, чтобы я уснул покрепче.

Она слегка покраснела:

— Вовсе нет! Это получилось как-то... само собой.

— Спасибо и на этом, — сказал Милов. — По крайней мере, сейчас я знаю, чего мне ожидать. Но в чем же я так засветился? Полезно будет усвоить на дальнейшее. Если оно будет, конечно.

— Да господи, на каждом шагу... Когда мы пришли ко мне, я, как полагается, произнесла формулу благодарности стране за кров. Вы промолчали — а должны были повторить то же самое. Потом, когда наступило время углубления, вы решили, что я просто задремала — и дали понять это; не знать таких простых вещей может только человек, впервые попавший в Технецию. Ну, и еще, и еще... Неужели вас не могли как следует подготовить?

— Если бы вы знали, Леста, как мало у нас информации обо всем этом... Вот и вы не удосужились своевременно сообщить насчет нравов и обычаев.

— Насколько я знаю, мы всегда только отвечали на вопросы. А таких вопросов нам не задавали. Конечно, Мирон знал об этом больше. Но его нет.

— Мирон — резидент?

— Вы должны знать это.

— Я и знаю. Откровенно говоря, я не сразу опознал вас потому, что меня должен был встретить мужчина. Что с ним? Сгорел? Вряд ли: тогда вы не сидели бы дома так спокойно, не разгуливали бы по городу. Что же произошло?

— Он отправился в Круг. После провала явки.

— Объясните.

— Так называется место, где — мы собрали эту информацию по клочкам — находится, может находиться то, что интересует вас.

— Уточните. Что может находиться там?

— Там растут грибы. Если не все, то хотя бы некоторые... Мирон надеялся выяснить это на месте, чтобы вы могли сразу же начать работу. Он поехал туда. Уже не в первый раз: ему приходилось бывать там и раньше, да и

мне тоже: Круг — это место, где находится центр так называемой человеческой оппозиции...

— С Орланзом во главе?

— Вы уже знаете...

— Очень мало. Об Орланзе слышал.

— Мы считались принадлежащими не к самой оппозиции, но к сочувствующим технетам. Вам следовало бы знать, что вовсе не каждый технет безоговорочно поддерживает принципы исключительности и ненависти. Не так уж мало их выступает за возвращение к людскому...

— Леста... А вы — техналь? Или женщина все же?

Она помедлила.

— А вы сами не можете ответить — после того?

— Если бы мог — не спросил бы.

— Откровенно говоря, я уже сама не понимаю — кто я. Все мы, живущие здесь... Но это не относится к делу. Так или иначе, мы туда вхожи. Из Круга временами удавалось добыть интересную информацию. И вот как будто бы туда не так давно доставили...

— Я понял. Итак, Мирон отправился туда.

— Чтобы проверить, я уже сказала. И исчез.

— И никаких сведений о нем?

— Ну, какие же могут быть оттуда сведения? Опять вы не понимаете...

— Ладно, может быть, когда-нибудь пойму. Давайте работать. Что еще у вас есть для меня?

— По-моему, я все сказала. Разве что...

— Говорите все до конца.

— По-моему, он отправился туда, потому что возникла какая-то информация, связанная с вами. Он успел сказать мне, что вам не следует приезжать, но не сказал — почему. Я, когда он не вернулся, передала это — но вы были уже в дороге.

— Интересно... Но сделанного не вернешь. Тем больше у меня причин пробраться в то место, куда он так стремился — поскольку это касается меня. Как туда попасть? Где находится этот самый Круг?

— Надо ехать до станции Сандра на поезде...

— Знакомые места. Очень хорошо. Дальше?

— Перейти линию. Там только одна дорога. Пройти до развилки. Путь в Круг — левая дорога. Но там — глухой забор. Место очень строго охраняется, и пробраться туда

практически невозможно. Боюсь, что Мирон сгорел именно при такой попытке.

— Возможно. Но мне необходимо попасть туда.

— Тогда вы пойдете по правой дороге. И дойдете до придорожного ресторанчика. Там по вечерам собираются люди Орланза.

— Думаете, они мне помогут?

— Конечно, нет. Но уже сегодня вечером там должна быть и я. И может быть, что-нибудь придумаем...

— А завести знакомства с людьми из Круга — просто?

— Те, кто там работает, там же и живут, и в столице возникают крайне редко — и всегда под надзором.

— Как это место называется?

— Производство-два.

— Есть и другие производства?

— Первое — это собственно производство технетов. Оттуда они выходят. Это место называется Базой. Но о нем у нас практически ничего нет.

— Не густо...

— Поработайте здесь сами!

— Каждому своё. Что же, задача мне ясна.

— Послушайте... я даже не знаю вашего имени...

— Это неважно.

— Мне очень неприятно: выходит, я сдала вас им...

— Я всё понимаю. В той обстановке ничего другого, наверное, вы и не могли сделать. Но самое позднее через час меня уже не будет в городе.

— Во всяком случае, теперь вы знаете, где меня найти уже этим вечером.

— Постарайтесь не попасть еще в какую-нибудь неприятность. Что с вами, кстати, стряслось тогда на улице?

— Какое-то мгновенное нарушение регуляции... Может быть, потому, что у меня была нелегкая ночь.

— В каком смысле?

— Эта информация вам не нужна.

— Нарушение регуляции, — повторил он. — Так вы техналь все-таки?

Леста слабо улыбнулась:

— Я же сказала: если бы я сама понимала...

— Объясните. Не очень-то понятно.

Она пожала плечами.

— Даже не знаю, что и как тут можно объяснить... Видите ли, я однажды уже исчезала.

— Как это понять?

— Исчезновение? Ну, представьте: вы просыпаетесь утром — и вдруг оказывается, что вы ничего не помните. То есть, знаете, как вас зовут, понимаете, что находитесь у себя дома, вам известно, что и как вы должны делать, куда идти и так далее. Но о том, что было вчера и еще раньше — ни малейшего представления. Начинаете как бы жить с чистой страницы.

— Гм... Это интересно. Леста, но вот то, что вы делаете... по поводу чего мы с вами встречаемся — это тоже возникло после исчезновения?

— Откуда мне знать? Может быть, да, может — нет...

— Вы помните, как начинали эту работу?

— Самое начало? Нет... нет, не помню. Странно: никогда и не пыталась вспомнить. Интересно, правда?

Значит, это было предвидено, — подумал Милов. — Ей поставили блок. Следовательно, блок помогает. Для меня это очень важно: дает новые возможности... Конечно, блок: иначе ее давно не было бы в живых.

— Вы не могли бы, Леста, рассказать об этом подробнее?

— Теперь уже некогда. Вам надо поспешить: сейчас они ждут вас у меня или где-нибудь по соседству, но вскоре наверняка перекроют все ходы и выходы. К сожалению, они теперь знают, как вы выглядите...

— Неприятно, конечно. Леста, почему же вы не раскрылись сразу — когда я подошел к вам у фонтана в первый раз?

— Да всё потому же: узнала в вас того, кто пытался помочь мне на улице. Это было так непрофессионально, что я сразу заподозрила в вас провокатора. Ну, а при малейшем сомнении, как вы сами знаете...

— Спасибо за то, что не прикончили меня, — усмехнулся Милов.

Она серьезно ответила:

— Могло быть и так. Я просто решила передоверить эту работу им самим.

— О'кей, — сказал он. — Как по-вашему мне сейчас проще и надежнее выбраться из Текниса?

— Пожалуй, через рынок. Кажется, ничего лучшего сейчас не придумать. Подходит уже время, когда начнется разъезд оттуда, и те, кто с утра привозил продукты на продажу, потянутся из города восвояси. Если бы вы смогли как-то пристроиться к ним... Их обычно проверяют достаточно условно. Я попыталась бы помочь вам в этом, однако, за мной сейчас тоже будут следить, ожидая, что вы захотите со мной встретиться. Поэтому не приглашаю вас ехать в Круг со мной.

— Но это ставит под угрозу и вас?

— Думаю, что не вполне. Я описала вас, как весьма озабоченного сексуально и выражавшего ясные намерения...

— Понял. Следует считать это комплиментом?

— Как пожелаете. Во всяком случае, теперь они будут, конечно, приглядываться, но не только ко мне, а и ко всем техналям, которые могут вызвать такого рода интерес у маньяка. Что же касается меня...

— Кстати: вы даже не сказали мне, какова ваша крыша.

Леста отвела взгляд в сторону. Помолчала.

— Я уже сказала: вам не обязательно знать это.

Милов не стал говорить, что догадывается. Жаль ее, конечно, — подумал он. — Но позиция удобная, безусловно. Знакомства, встречи, разъезды — всё оправдывается...

— Будьте осторожны, — проговорил он.

— Вы тем более. Где рынок, знаете?

— Еще бы. Итак, я исчезаю. Наверное, вы еще понадобитесь; я вас найду.

— Найдете в Круге. Но если меня потом не окажется в городе, значит, я попала на производство-один. Или меня вообще устранили.

— Ну, — сказал Милов. — Такую красивую женщину...

— Теряете время, — она даже в сердцах топнула ногой.

— Меня уже нет, — сказал он и пошел прочь.

Леста повернулась и направилась в противоположную сторону выразительной походкой прогуливающейся девицы.

Глава четвертая

1

(140 часов до)

Технет, привозивший на рынок свинью для продажи, на своем пикапе подбросил Милова до удобного места и взял за услугу самую мелочь. От перекрестка, на котором он высадил Милова, до станции Сандра оставалось пройти не так уж много. Можно было попробовать пробраться лесом, однако Милов рассудил, что безопаснее будет идти по дороге: вблизи закрытого района в этот час суток, уже слишком поздний для грибников, человек, пробирающийся лесом вызовет больше подозрений, чем просто и открыто шагающий по дороге. Конечно, если в нем заподозрили просто психически больного, — странности его поведения, о которых сообщила властям Леста, можно было ведь объяснить и таким образом, — то большой тревоги поднимать не станут: не больно-то он им и нужен. Но если у сипо возникли более опасные для него предположения... В любом случае рисковать не следовало.

В лес он углубился лишь тогда, когда от уже знакомой ему станции его отделяло совсем немного. Оставшееся до вечера время — часа четыре — он использовал для того, чтобы, отдыхая неподалеку от заложенного им тайника, где была спрятана сумка со снаряжением, примерно представить, что же он может здесь найти и каким образом это найденное использовать.

«Мне нужно встретиться с пресловутым Орланзом, — размышлял Милов неторопливо, позволяя себе понежиться под теплым — в самый раз — здешним солнышком. — Это имя возникало уже дважды: в разговоре с Хоксуортом, а второй раз его утром упомянула Леста. Интересно. Там мне его назвали не зря: видимо, он является одним из источников информации, поступающей отсюда; информации, которой мои наниматели почему-то не весьма доверяют. Иными словами, мне ненавязчиво предложили поинтересоваться тем, насколько она правдива; это — раз. Второе: было сказано, что при крайней необходимости я могу просить у него помощи — однако же, никак не подставляя его. Значит,

этот Орланз наделен некоторыми возможностями в этом мире. Таким образом, идя на контакт с ним, я не нарушаю данных мне инструкций; напротив, я их выполняю. Вот то, что касается моей, так сказать, классной работы, ответа у доски: я пытаюсь выяснить у Орланза, каким образом можно получить доступ к тому, что касается производства технетов: сырье, средства и, наконец, технология. Прекрасно. Но у меня есть еще и домашнее задание, о котором я тоже обязан думать; задание, касающееся тех самых грибов, за которыми пошел Ваня — и пропал. Ваня, в легальной своей жизни — Мирон. Если верить Лесте, направлялся он именно сюда и исчез где-то здесь; значит, полагал, что информацию такого рода можно получить именно тут. Придется идти по его стопам — с тем, чтобы в критический миг свернуть в сторону, не подставить себя, как это, вероятнее всего, произошло с ним. Итак — грибная проблема: попытаться поймать хотя бы намек на то, где они могут храниться, как можно к ним добраться, и — предел мечтаний — что с ними собираются делать те, кто нынче ими распоряжается. Вот таков круг задач на ближайшее время. Как решать эти задачки? Способ пока видится один-единственный: контакты со здешними обитателями. Установить контакты — а дальше игра сама начнет подсказывать ходы.

Что же: будем продвигаться последовательно, шаг за шагом. И начать необходимо с того, чтобы без лишней суеты выйти на этот самый Круг. Когда-то ведь бывал я в этих местах...»

Сосредоточенно вспоминая, ориентируясь по возникавшей в памяти карте, Милов пытался наложить на реальную местность указания Лесты; они казались простыми, когда она объясняла — но, как всегда бывает, на месте обнаружилось немало лишнего — того, о чем она не упоминала, всяких дополнительных стежек-дорожек, в которых надо было разобраться. Он отсекал одно направление за другим, пока наконец не выбрал для поиска самый перспективный вроде бы маршрут: те места, где раньше, в давние времена, размещалось некое предприятие, подконтрольное его тогдашнему ведомству. Пожалуй (к такому выводу пришел он) именно в таких местах удобнее всего размещать производства, которые желательно укрыть от излишне любо-

пытствующих, а также — располагаться людям, не желающим, чтобы их беспокоили и навещали без их ведома. Хороший, надежный забор может быть равно необходим и тем, кто остается вне его, и тем, кто располагается внутри. Между концлагерем и крепостью нет технологической разницы.

Теперь предстояло лишь дождаться темноты. Когда до вечера осталось уже совсем немного, Милов с величайшей осторожностью пробрался в заросль, где была зарыта сумка, выкопал ее, вынул всё, что, по его мнению, могло пригодиться ему ночью, разместил вынутое на себе, используя некоторые хитрости своего снаряжения, и закопал остальное. Все было бы просто великолепно, если бы не так сильно хотелось есть; однако, в сумке ничего съедобного не было, а показываться в придорожном магазинчике или на станции ему сейчас представлялось излишним. Приходилось терпеть. Впрочем, к этому у него давно уже выработалась привычка; плохо только, что в последние год-два ощущение голода вызывало головную боль, сейчас менее уместную, чем когда бы то ни было.

Станцию Сандра он обошел стороной; ему не нужно было, чтобы его здесь заметили. И пошел — на этот раз уже лесом — в том направлении, где, по его расчетам, и должно было находиться Производство-два. И уже в пути убедился, что выбранная им дорога совпадала с инструкциями, что дала Леста перед расставанием.

2

(138 часов до)

Воздух был сухим и ясным, в меру прохладным, и Милов неспешно шагал, пытаясь внушить себе, что ничего, собственно, с ним не происходит — находится в очередной командировке, и сейчас вот, в перерыве между делами, просто прогуливается. Вскоре он увидит у дороги то самое, что было ему обещано и сейчас очень нужно: ресторан. Да, вскоре он увидит ресторан, войдет, выберет уютный столик, раскроет карточку, вдумчиво, без лишней торопливости, выберет закуску...

— Черт! — проговорил он вслух, хотя рядом не было никого.

Но это было сказано весело, с некиим удовольствием даже: впереди близ дороги и в самом деле виднелось строение, больше всего похожее именно на придорожный ресторан. Даже, может быть, на гостиничку с рестораном: одиноко стоявшее здание было трехэтажным.

Ну что же, вот он и пришел. Всё правильно. Хотя в его времена здесь ничего подобного не было. Не для кого было открывать тут такое заведение: надзиратели и охрана питались кто дома, кто в своей части а кроме них и заключенных, которым и подавно ресторанных разносолов не полагалось, здесь бывали — изредка — разве что их родственники, навещавшие тех, кому было разрешено свидание. Ну, а когда приезжало начальство, его принимали в колонии почище, чем оказалось бы под силу любому ресторану — не интуристовскому, разумеется.

А теперь кабачок тут, несомненно, был. И даже музыка доносилась оттуда. Жизнь явно не стояла на месте. Даже в Технеции. Даже в этом достаточно отдаленном от столицы уголке, у дороги, которая никак не относилась к большим автомобильным магистралям.

Милов пошел еще медленнее, на ходу обдумывая, как поступить.

Что здесь за клиентура? Во-первых, у посетителей заведения есть деньги. И во-вторых, люди эти — если они люди — принадлежат к тому слою общества, чьи представители предпочитают провести время за столиком и под музыку, а не закупить, допустим, ящик «Кристалла» и употребить его дома, подальше от посторонних.

Такими здесь могли быть причастные к Производству-два. И, значит, число их было достаточно велико, а интерес к подобному виду отдыха — устойчивым. Кстати, вот почему указания Лесты не ассоциировались у него с давно знакомым местом: само представление о ресторане совершенно не вязалось с его воспоминаниями; слово помешало увидеть действительность. Бывает.

Он остановился; теперь надо было решить основной вопрос: пройти мимо, не привлекая к себе ничьего внимания, и ждать, пока не появится, выполняя обещание, Леста — или зайти?

Наверное, миновать привлекательное место было бы разумнее. Но против этого возражали самое малое два соображения. Ему так хотелось есть, что уже при одной мысли о хорошем ужине рот мгновенно наполнился слюной — пришлось даже сплюнуть, но не помогло, слюна возникла снова. А кроме того — там, где люди расслабляются, проводя досуг за бутылкой вина («вина» — он подумал из любви к литературным оборотам, на самом деле в этой стране исстари предпочитали что покрепче), всегда в воздухе плавает громадное количество информации, которую надо только уметь выудить. Да и полезные знакомства и связи не раз возникали именно в таких местах. И хотя лучше, конечно, было бы появиться на людях в сопровождении женщины, околачиваться поблизости и не входить было намного опаснее, чем войти в одиночестве: заметь его кто-нибудь — а здесь наверняка имелось некоторое количество наблюдателей, — это сразу вызвало бы совершенно ненужные подозрения.

И все же Милов, может быть, колебался бы еще некоторое время, если бы на крыльце не показался кто-то — вышел, огляделся, заметил стоявшего поодаль Милова и не совсем уверенной походкой направился к нему.

— Риш? — громко спросил он, приближаясь.

— Увы, нет, — ответил Милов. — Вы ошиблись.

— Не имеет значения. Опыт науки показывает, что отрицательный результат не менее важен для исследования, чем положительный. Согласны?

— В банке мне никогда не удавалось доказать справедливость этой истины, — ответил Милов.

— Хотите сказать, что вы на мели? Наплевать. Сегодня мы абонируем весь кабак. Маленькое торжество. В честь маленькой удачи. Хотя вру: удача как раз немалая, но мы скромны. Пошли, пока не нагрянула еще какая-нибудь голодная стая, и есть свободные места.

— Боюсь, что мой облик придется не по вкусу...

— Ерунда. Мы здесь по-домашнему. Да мы и есть дома, если разобраться. Так что черный галстук не обязателен. Судя по оборотам речи, вы не рядовой технет, уныло воплощающий смысл. Этого вполне достаточно: вам не будет скучно с нами, а нам — с вами. Всякое новое лицо здесь приветствуется, не так-то их и много бывает.

Они медленно шли ко входу.

— А как вы вообще сюда попали? — поинтересовался как бы между прочим представитель здешнего общества.

— Люблю вечерние прогулки.

— А, вы со станции?

— Строго говоря, — сказал Милов, — я сошел в Сандре по ошибке. В поезде задумался и проехал свою остановку.

— Не секрет — какую же?

— Секрет, конечно, — улыбнулся Милов, — но вам скажу: Тарс.

Он ничем не рисковал: городок Тарс находился на этой же ветке, километров на десять дальше от границы.

— Милое местечко. А здесь бывали?

— Впервые. В Тарсе я лишь на время, по делам.

— Это и так понятно: видно, что вам не хватает опыта. Поживете в этих краях подольше, и научитесь ценить все, что выходит за пределы обыденного. Тут ведь нас развлечениями не балуют, а новостями — и того меньше. Так что каждый человек и каждая новая процедура приобретают такую ценность, какой в другом мире наверняка не имеют. Кстати, о новостях: вы едете с востока — что там такое стряслось? Из объявления мы мало что поняли.

— Да я не совсем в курсе. Вроде бы задержали какую-то банду, но те то ли просто сбежали, то ли при этом отлупили и обобрали охрану — что-то в этом роде. Говорили в поезде, за подлинность информации не ручаюсь.

— Воистину, мы живем в диком мире, и он становится с каждым днем все хуже и хуже. Идите, идите, не упирайтесь, смелее! Не изображайте стеснительную девицу, все равно я вам не поверю. Хотя что я: девица давно уже была бы за столиком и, возможно, успела бы перестать быть девицею... Но вам повезло, что вы пошли по этой дороге.

— Разумеется. Не думаю, что такие приятные заведения находятся у вас при каждой тропе.

— Такие — нет. Зато есть другие. И если бы вы, идя от станции, на развилке взяли левее, то я смог бы познакомиться с вами разве что на ваших похоронах.

— Дикие звери?

— Нет, зверей давно съели люди, а что еще оставалось, подобрали техноты. Простите, я не обижаю ваше расовое

чувство? Нет? Ну, весьма рад. Не звери, нет. Электроника и автоматика. При этом никакой старомодности, никаких этих «Стой, кто идет» и тому подобное. Прицеливание и огонь — автоматические, днем и ночью. Без предупреждения. Собственно, предупреждения есть — на щитах, но в сумерках вы могли бы их и не заметить.

— О, — сказал Милов, — потрясающе интересно. Что же вы здесь так охраняете?

— Избранные секреты моей бабушки. Извините — швейцара сегодня нет, мы отправили его к чертовой родительнице: все швейцары — наушники Сипо, и мы их не любим. Ничего, я приглашаю вас, выполняя его функцию.

Он отворил дверь и изящно поклонился.

— Прошу вас... простите, я не расслышал?

— Флим, — сказал Милов. — Моё имя Флим.

— Так я вас и представлю... Кстати, я отзываюсь на кличку «Силенс», сиречь «молчун», если переводить с латыни. Не подумайте только, что я принадлежу к пифагорейцам и должен соблюдать обет молчания. Отнюдь! Но думаю, вы уже смогли оценить справедливость данного мне прозвища.

— Вы скорее последователь Цицерона. А что у вас сегодня за праздник?

— Этакие посиделки, суарэ, парти... Давняя традиция. Понимаете, мы стараемся сохранить какие-то людские традиции — иначе можно опуститься, отехнетиться... Ну, это то же самое, что бриться и чистить зубы — проявлять какое-то уважение к себе, как к человеку... А вообще-то, как я успел уже намекнуть, — успел, не правда ли? — нам тут удалось решить одну задачку, и в результате в этих местах сразу станет легче дышать. Решили, правда, на бумаге — но очень быстро она воплотится в материал. И уж не отметить такое дело было бы непростительным нарушением всего на свете.

— Насколько я понял — здесь собираются люди, не технеты?

— А что им тут делать? На нашем месте технеты быть не могут — мы тут не дрова колем... а их головы только на это и годятся, скажу вам откровенно.

Сейчас, войдя в маленький, но хорошо освещенный холл, Милов смог оглядеть своего собеседника, и сделал это

с откровенным любопытством: очень уж не вязалась его речь с обликом. Тот усмехнулся:

— Видите! А вы еще опасались за свою экипировку. Не думайте, мы и в самом деле могли бы собраться в тэксах, но приходим в рабочем — потому что техи на нашем месте пришли бы расфуфыренными до плюс-минус бесконечности. Ну, а теперь приведите себя в несколько легкомысленное состояние, иначе какой же праздник?

3

(136 часов до)

Веселье было уже в разгаре, когда они вошли; верно, Силенс с намерением медлил, развлекая Милова разговорами — чтобы избежать той неловкости, какая возникает, когда незнакомый человек появляется в еще не стартовавшей компании и невольно становится в ней центром внимания, не всегда доброжелательного, порой иронического. Сейчас в маленьком зале было уже шумно, говорили, казалось, все сразу, словно стараясь заглушить один другого, клубился дым (неплохих сигарет — определил Милов, принюхавшись), потом в говор врезался хрипловатый, но явно женский смех — не жестокий, каким он порой бывает, а скорее удовлетворенный. Милов стал улыбаться еще не успев войти — весело, дружески, но без заискивания. В зале на долю секунды замолчали, потом шум поднялся снова.

«Силенс, разбойник, ты захватил пленника? Давно, давно не ели мы человечинки... О господи, а я и не знал, что у нас сегодня званый вечер. Где мой смокинг?.. Кто это собрался его съесть: ты? Оставь надежды — его проглотит Ласка, нам останется только облизываться... Кто там поближе — держите его, он сейчас удерет, он смертельно напуган, разве не видно? Эй, Голлин, он сейчас упадет без сознания, воды ему, кто там поближе — дайте стакан воды!»

— Пей, мой мальчик, пей, — сказал очутившийся рядом человек в пестрой маскировочной форме, годами намного моложе Милова, — иначе ты весь вечер не придешь

в себя. Ты попал к мыслителям, дружок, они, как ты понял уже, пьют только чистую воду.

Он вложил в пальцы Милова стаканчик, Милов поднес посуду к губам.

— Только до дна, — предупредил тот же человек, — глубина мысли предполагает...

Милов не стал дослушивать, что именно предполагает глубина мысли — он выпил, задержав дыхание, нос еще раньше предупредил его, что воды в стакане если и было, то лишь самая малость. Пока он пил, стояла тишина. Он выпил, перевел дыхание, вручил стаканчик стоявшему рядом, вынул платок, вытер губы, немного подумал — хотя думать было тут не о чем, сорт он узнал сразу, не из самых лучших, но по здешней шкале ценностей, видимо, весьма уважаемый, — сказал:

— Если уж въезжать в город, то только на белой лошади. А какое продолжение последует?

— Браво! — крикнул кто-то. — Принимаем!

Все загалдели, Милова схватили за руки и подтащили к длинному, метра в три, столу. За него уселось еще несколько, у дальней стены, на диване, расположились еще трое, две женщины и один — в возрасте, редковолосый, он держал стакан наизготовку. Милов осторожно, ненавязчиво провел взглядом по остальным. Странноватое сборище... Но думать было некогда: его усадили, расчистили на столе местечко, поставили тарелку, всё было, как на вечеринках вообще бывает. Силенс сел рядом с ним; ему закричали:

— Оратор, на трибуну, на трибуну!

Он отмахнулся:

— Нет, сегодня я в другой роли — наставника, я Вергилий нынче, это у нас бывает не часто. Не хочу, чтобы гость совсем растерялся — а он непременно растеряется, если своевременно не оказать ему помощь.

Он повернул голову к Милову, оглядывавшему стол.

— Здесь у нас никто ни за кем не ухаживает, накладывай сам себе, — и, подавая пример, стал оснащать свою тарелку.

Стол был накрыт даже по нетехнетским меркам неплохо, и приготовлено было, как Милов быстро убедился, на должном уровне. Он даже вздохнул от умиления. Воистину,

ищите — и обрящете, — успел он подумать прежде, чем врубиться зубами в карбонад.

Сидевший напротив налил ему — уже не в стакан, впрочем, а в нормальную рюмку; но Милов и так уже чувствовал — на голодный желудок — легкое, приятное головокружение. Он попытался сосредоточиться, вспоминая, в какой карман уложил средство против опьянения — хорошо, что догадался взять его из сумки, снова предчувствие не подвело, хотя логически ожидать чего-то подобного было невозможно. Ага, в левом внутреннем маленьком, вот оно где. В его одежде карманов (главным образом потайных, не полагавшихся по стандарту) было великое множество, и сейчас все они были загружены, так что когда Силенс посоветовал Милову снять куртку по причине жары (а в зальце и правда было жарковато), Милов вежливо отказался — сказал, что еще не отогрелся после прогулки, что он вообще мерзляк и двойную жару предпочитает ординарному холоду.

— Тогда надо добавить, — обрадовался Силенс, — расширить сосудики, сразу почувствуете себя лучше!

— Не премину, — согласился Милов, — но сперва, может быть, поможете мне сориентироваться, чтобы я побыстрее почувствовал себя свободно?

— Это в смысле кто есть кто? Ну разумеется, друг мой. Начну с женщин, как того требуют приличия. Та, что помоложе — это Зила, химик, а та, что покрасивее — Ласка, она, в отличие от Зилы, тоже химик, но кроме того, и это самое главное — очень пригожая и милая женщина...

— Я же их не вижу, — сказал Милов, — они сзади нас.

Милов и на самом деле женщин сейчас не видел, но это ему и не нужно было, потому что в пригожей Ласке он, едва войдя в зал, опознал Лесту.

— Зачем вам их видеть? Запоминайте мои характеристики — потом разберетесь. Зила первой подойдет к вам, но это вовсе не значит, что она потом полезет с вами под одеяло. Ласка подходить вообще не станет.

— А под одеяло? — легкомысленно поинтересовался Милов, прикидывая, через сколько минут придется выйти на воздух, чтобы без помех протрезветь.

— Ну, об этом вы спросите у нее самой. И вот все о дамах. Рядом с ними сидит любопытный персонаж.

Милов вспомнил: тот, с редкими волосами, у которого стакан вроде бы сросся с рукой, так что без хирургического вмешательства их не разлучить было.

— Да, — согласился Милов, — пока меня усаживали, он успел взять на грудь два веса.

— Ну, это ему, как носорогу подснежник. Он не этим примечателен.

— Понял, — ухмыльнулся Милов, притворяясь чуть более захмелевшим, чем был на самом деле. — Он модель, рекламирует мужские прически.

— Не смейтесь над недостатками, друг мой, это нехорошо, у нас не принято. Он отличается от всех нас не прической, а тем, что он тут — единственный технет, чистокровный технет, и не просто технет, а еще и сипо!

Милов ощутил, как бодрость его начинает убывать, он вдруг затылком почувствовал чей-то пристальный взгляд и понял, чьим этот взгляд должен был быть.

— И это никого не смущает?

— А почему это должно нас смущать?

— Мне как-то трудно представить веселье под официальным надзором.

— Да никакого надзора нет, оставьте!

— Зачем же он тут?

— Затем же, что и вы: чтобы перевести дух, развлечься немного. Ну, и еще — посмотреть на нас, людей, в нерабочей обстановке, так сказать, неофициальной.

— Но зачем им это? Кажется, у них были возможности изучить людей более чем достаточно.

— Затем, что им интересно. Вы представьте себе: раса-то новая, молодая, значит, инстинкт подражания сильно развит, требует применения, а кому им подражать, если не нам, людям? Вот они и перенимают кто что может...

— Не пойму. Они нас считают низшими существами...

— Так это официально; разумеется, спросите любого из них в служебной обстановке, и они вам отбарабанят без запинки: люди свое отжили, люди обречены, люди во всех отношениях менее совершенны, чем они, технеты. Официально. А на самом деле они понимают, конечно, — те, кто вообще имеет желание думать и понимать, — что для того, чтобы не быть примитивными, необходимо иметь за спиной

богатую историю, от нее все и идет; а у них истории, естественно, нет, откуда ей взяться, пара десятков лет — это не история, еще даже не серьезный разбег к ней. И вот они, сознательно или нет, смотрят на нас и заимствуют, постоянно что-то заимствуют, перенимают, хотя, может быть, и себе самим в этом до конца не признаются. Так что вы не сомневайтесь: тут они себя не чувствуют на службе, они очень любят, когда мы приглашаем их вот так — провести время, но, знаете ли, без приглашения не явятся; если их не позвать — будут очень переживать, но нахрапом не полезут, не станут ссылаться на то, что власть — у них... Ну, мы и приглашаем, понятно — нам они не мешают, а с другой стороны — это помогает поддерживать неплохие отношения, всё же они ведь начальство, и при желании могут наш у жизнь затруднить, отравить, а могут и наоборот.

— Это понятно, однако, вы уже не можете высказать вслух что-то из того, что наверняка думаете, и что не очень обрадовало бы их.

— Нет, вы напрасно так думаете. Ведь мы — кто? Легальная и признанная оппозиция! Как бы власти не кочевряжились, они не могут не обращать внимания на мнения остального мира: будь они хоть технетами в квадрате — им в одиночку не выжить, в стране ресурсов меньше, чем в носовом платке.

— В квадрате не выжить, — усмехнулся Милов, — а в кубе?

Силенс моргнул озадаченно, потом рассмеялся.

— Вы остряк. Но и Куба выживала, пока в нее вливали — хотя бы нефть... И вот, представления внешнего мира требуют каких-то видимых признаков демократии, а демократия не мыслится без оппозиции. У технетов же оппозиции не может быть принципиально: единомыслие заложено в их конструкцию. Вот им и приходится...

Милов пьяненько ухмыльнулся.

— Ну, а почему бы вам не помочь им в этом? Программировать их, скажем, на два мнения, а не на одно?

— Программировать — какие мнения? Вы о чем?

— Насколько я понимаю, вы ведь здесь и заняты их производством?

Силенс ответил совершенно другим — негромким, серьезным голосом:

— Нет. Мы занимаемся совершенно другой проблематикой. И я надеюсь, что у вас хватит такта и рассудка не спрашивать — какой именно! Мы вообще не разговариваем здесь о делах, мы отдыхаем; а если бы тут было принято болтать о работе, то вас бы сюда и на порог не пустили. Не думайте, что интересы государства тут не охраняются. Отнюдь!

— О, — сказал Милов и икнул, — я, видимо, сморозил некую глупость. После четвертой дозы это со мною бывает. Извините великодушно. Итак, вы — оппозиция?

— По сути — нет, конечно. Мы же не политики. Тем не менее, пользуемся правом говорить порою и неприятные вещи. Власть делает так, что эти наши упражнения в элоквенции становятся известными за границей — и все сугубо довольны. Кстати, и мы тоже.

— А вы-то чем?

— Ну, например: как вы, возможно, еще не успели узнать, нам покидать эту территорию запрещается. Мы, так сказать, в резервации. И для каждого выхода нужно особое разрешение самого что ни на есть высокого начальства. Разрешение такое в принципе получить можно, но процедура это тягомотная, технеты вообще не любят решать быстро, выработалась у них почему-то такая традиция. А ведь бывает у нас и по чисто деловым вопросам: надо срочно с кем-то увидеться, пока получишь официальное разрешение — надобность эта тридцать раз успеет пройти. Вот и договариваешься тут же, на месте, вот с этими самыми. И для дела польза, и тебе самому приятнее...

— Да, — сказал Милов несколько рассеянно, — это, конечно, выгода существенная. Постойте, о чем это мы с вами?.. Ах, да. Да. И они в самом деле могут это обеспечивать?

— Простите, что именно обеспечивать?

— Ну, вы говорили о секретности. Не сомневаюсь, что вы ее не нарушаете, но ведь сюда приезжают и уезжают посторонние лица, да и кроме вас здесь наверняка есть всякий низший персонал... Обождите, не отвечайте, давайте сперва выпьем, а то я всё никак не согреюсь...

Они выпили.

— Ну, — проговорил затем Силенс, — те, кто занимается черной работой — не люди, а технеты, и они по-

падают сюда не по своей воле, и весьма ограничены в возможностях. Мы получаем их из Системы Порядка, если угодно.

— Мне это вовсе не угодно, — пробормотал Милов, — а точнее, мне всё равно, я-то к вам не попаду, уж можете быть уверены. Тем более, что у вас вакансий нет.

— Совершенно верно, сейчас нет. Но бывает — кто-то переберет рентген; такой — уже не работник...

— Да, был у меня знакомый врач-рентгенолог, так у него, помнится, были какие-то неприятности по мужской линии... Ну, вы понимаете... — и Милов противно захихикал.

— Да, конечно, — проговорил Силенс, — это очень забавно,— и тоже посмеялся.

— Это очень хорошо, что они вам помогают, технеты, — вернулся Милов к старой теме. — Морально легче, не правда ли?

— Помогают. Понимают ведь, что мы если и вылазим за ограждение, то не для собственного удовольствия, вернее — не только для него, но и для работы. Ну, а в наших результатах ведь и они заинтересованы, знают, что работаем на них в конечном итоге, и учет достижений у них поставлен неплохо. Вот к примеру...

Но примера Милов не дождался, потому что в зале снова поднялся всеобщий галдёж, вызванный появлением новой, достаточно многочисленной группы отдыхающих. Они, правда, не казались особенно воодушевленными предстоящим весельем.

— Да здравствуют встречающие и провожающие! Гип-гип ура! — воскликнул кто-то из уже разогревшихся.

— Ну как — всё в порядке?

— Черта лысого, — ответил один из вновь пришедших, хмуро глянув на провозгласившего, — вернулись с тем же, с чем и уезжали. Только зря сожгли топливо, не заработали ни цента. С той стороны заколотили дырку, придется идти по банку... А у нас следующий рейс — по особому заказу, и придется это выкидывать, то грузить...

В зале сразу поутихло, кто-то протянул:

— М-да...

Тут сидевший позади Милова редковолосый технет неожиданно громким голосом заявил:

— Успокойтесь, всё будет в порядке, меры принимаются, подкрепляйтесь и отдыхайте, разговаривать будем на веселые темы.

Это прозвучало, как приказ.

Веселых разговоров что-то не возникло, но и о печальном говорить больше никто не стал, наступила относительная тишина — только звякало стекло и металл ножей и вилок.

— Так вы не успели рассказать... — обратился Милов к Силенсу.

— Я? Я ровно ничего не собирался, — ответил тот, — это вам почудилось!

— Понимаю, — сказал Милов, и больше на эту тему не было сказано ничего.

В свободном углу зала, подле маленькой эстрады, уже танцевали под магнитофон, обе женщины были нарасхват. Вдруг Леста бросила партнера, подбежала к Милову, положила руку ему на плечо.

— Вам не удастся отсидеться, гость, извольте-ка танцевать со мной! — решительно заявила она.

— В моем-то возрасте? — начал было Милов.

— Ах, перестаньте, — капризно заявила женщина, — я ведь все равно от вас не отстану!

Милов поднялся — впрочем, это вовсе не было ему неприятно. Леста позволила обнять себя, прижалась, пробормотав: «Ах, я так люблю старомодные танцы...», положила голову ему на плечо; Милов бережно вел ее, вскоре они оказались в самом дальнем углу.

— Обожаю танцы, — прошептала Леста вроде бы и не ему даже, но сама себе или же всему миру. — Чудесно, правда?

— Настолько чудесно, — так же тихо ответил Милов, — что я сейчас же уйду — чтобы ничто не смогло разрушить впечатления от этой прекрасной минуты.

Он и в самом деле подумал, что пора уходить: редковолосый технет поднялся с дивана и внимательно оглядывал зал — не исключено, что именно Милова искал он, и это было бы совершенно естественно: работники секретных служб не верят в случайные совпадения, и Милов, окажись он сейчас на месте того технета, постарался бы вдумчиво побеседовать с неизвестно как и зачем оказавшимся тут персонажем;

Милову же казалось, что для него такая встреча вовсе не обязательна, тем более что ему хотелось какое-то время побыть в одиночестве, провести в систему многое, услышанное здесь, и таким путем догадаться о том, чего не услышал.

— Куда же вы денетесь? — заботливо поинтересовалась Леста. — Как я слышала, вы ведь попали сюда случайно, и вам негде остановиться?

— Ничего, дождусь на станции поезда и доберусь, наконец, до дома, — ответил он легкомысленно.

— Где же ваш дом?

— Хотите навестить меня?

— Не исключено, — она прищурилась, — или это связано для вас с осложнениями?

— Буду очень рад, — пробормотал Милов. — Но я живу вовсе не так близко: в столице.

— В Текнисе? О, это чудесно, я там бываю не так уж редко... Где же?

Милов, не задумываясь, ответил — громко, чтобы всякий, кому хотелось бы услышать, не прослушал бы:

— Вы знаете такое местечко — шестиугольник? Такая небольшая, красивая площадь недалеко от центра. Если ехать от вокзала, то туда идет тридцать седьмой транспортер, очень удобно, никаких пересадок... Итак, Шестиугольник, дом шестнадцать, квартира семь...

Некогда он действительно жил там, и адрес как-то сам собой всплыл в памяти в нужный миг.

— Я запомню... — многообещающе прошептала Леста.

Танцуя, они мало-помалу сместились в самый угол, где говорить было безопаснее. Тем более, что желавшие быть в курсе их обмена словами успели уже, без сомнения, наслушаться и прийти к выводу, что ничего, кроме обычных банальностей ни он, ни она не произносили. Он склонился к ее уху, как бы для того, чтобы продолжить флирт.

— Что-нибудь новое?

— О Мироне ничего не удалось услышать. Конвой только что вернулся — безуспешно, как вы, наверное, успели понять.

— Что такое — конвой?

— Специальная автоколонна, занимается секретными перевозками.

— Чего именно?

— Всего на свете, но в основном — контрабанды.

— Конвой принадлежит Кругу?

— Нет, это — подразделение Базы, но тут — промежуточная остановка, тут они нередко забирают груз. Если бы они загрузились там, на востоке, то поехали бы прямо на Базу или туда, куда им было указано; но раз неудача — будут здесь ждать команды...

— Что отправляют отсюда на эту Базу?

Они продолжали мило улыбаться, Леста кокетливо щурилась, шепотом отвечая:

— Чаще всего людей.

— Их везут на Базу? Но зачем?

— Для производства. Знаете, как их называют в здешнем обиходе? Сырьем... Многозначительно, а? Но может быть, груз окажется другим — не знаю. Я ведь говорила вам: сюда что-то привезли — очень громоздкое, оттого и возникло предположение, что это может быть интересующий вас товар.

— Люди меня тоже интересуют, — ответил Милов. — Хотя бы Орланз, о котором вы упоминали. Он здесь?

— Он здесь никогда не бывает. Это человек совсем другого уровня, в Круге он царь и бог.

— Тем больше для меня необходимость проникнуть за ограду — если только там можно его увидеть. Пролезть. Хотя один джентльмен предупредил меня, что лучше не пробовать.

— Он совершенно прав. Хватит Мирона.

Милов кивнул, словно соглашаясь, весело рассмеялся и проговорил:

— Ну конечно, на рожон я не полезу — однако, попытку сделаю, не заходя слишком далеко.

— Лучше не делайте, прошу вас. Со временем найдете решение.

— Времени у меня как раз нет.

Он не стал объяснять ей — почему.

— На худой конец, попробую прицепиться к этому, как вы назвали, конвою.

— Это еще опаснее — они стреляют при малейшем подозрении, им все сходит с рук: База — очень серьезная система.

— Ладно, — сказал Милов, — поживем — увидим. В любом случае постарайтесь в дальнейшем держаться поближе к дому — может быть, вы мне понадобитесь, дела должны развиваться быстро.

— Вы уверены?

— Если они не будут развиваться быстро, то можно вообще ничего не делать: результат будет столь же плачевным.

— А почему...

Милов прервал ее:

— И держите рацию в постоянной готовности. Слушайте наших. Я буду с вами связываться ежедневно в два ночи по местному.

— Вы запомнили номер моего телефона?

— Разумеется.

— Звоните в любое время: у меня в сумочке — сотовый аппарат, в стокилометровом радиусе вы меня найдете.

— Ну, мне пора, — пробормотал Милов с подлинным сожалением. Технет-сипо уже медленно продвигался по залу в их направлении.

— Буду ждать, — страстно возгласил Милов и выскользнул в дверь, к которой они как раз приблизились.

Оглянувшись, он встретился с пристальным взглядом спецтехнета, но через миг дверь, затворившись, позволила Милову почувствовать себя если не в безопасности, то во всяком случае на пути к ней.

4

(135 часов до)

«Надо же, какая чертова темнота, — подумал Милов, — такая ночь даже не каждый год выпадает, того и гляди загремишь на землю, мало ли обо что здесь можно споткнуться... Хотя с другой стороны это и полезно: меня тоже можно увидеть только с ноктовизором, а он наверняка не у каждого здесь найдется. Хотя у того плешивого — может быть. На слух он меня не определит, передвигаться бесшумно я еще вроде бы не разучился...»

Милов и в самом деле шел без единого звука, напряг-

шись до крайности, держа полусогнутые руки перед собой, словно был хирургом и приближался к операционному столу. Порой он даже закрывал глаза — все равно ничего не увидеть было, но тогда слух острее воспринимал малейшие нарушения тишины. Однако закрывал он глаза даже не столько ради этого, а чтобы яснее различить схему этих дорог, которую постарался запечатлеть в памяти, когда шел сюда.

«Так, — соображал он, — сейчас я приближаюсь к той самой развилке, о которой говорил Силенс и где тяжелые колеса свернули налево, я же — направо. Теперь надо решить, как вести себя дальше. Двигаться по этим следам значит излишне рисковать: то, что говорун наплел относительно автоматической стрельбы, вернее всего, соответствует истине. Пусть в меня даже не попадут — хотя могут ведь и попасть, — все равно, лишняя реклама мне ни к чему, я не на телевидении работаю... С другой же стороны — если сейчас возвращаться к станции, то это будет как раз то, чего от меня ждут, и на пути туда меня наверняка станут поджидать. Вообще вроде бы нет оснований для такой уверенности в том, что меня опознали и хотят взять; чистая интуиция, всего лишь. Однако, она меня редко подводит... Да и очень странно всё это: случайного прохожего чуть ли не силой затаскивают на вечеринку, кормят-поят на халяву — не в такие времена мы живем, чтобы кто угодно проявлял столь щедрое гостеприимство. Ну, а варианты? Да нет, если хорошо подумать, становится ясным: случайных прохожих здесь быть вообще не может, слишком наивно было бы — полагать, что посторонних станут подпускать так близко к секретному объекту, на котором люди время от времени получают количество рентген выше допустимого. Тут наверняка всё просматривается и прослушивается как минимум от самой станции. Значит, меня видели и вели, и подпустили. Зачем? Чтобы выяснить, какие проблемы меня волнуют? Не исключено; но для этого они должны если не знать, то хотя бы предполагать, кто я такой на самом деле и какие задачи решаю. А откуда у них быть такой информации? Ладно, Леста меня заложила, предположим, от излишнего страха — но это им дает только факт, что появился на сцене некий человек, плохо знакомый с условиями и, значит, пришлый из-за кордона.

Ну что же: и этого достаточно, чтобы начать интересоваться вплотную. Убедившись, что из города я исчез, они могли дать установки по всем своим объектам, которые могут интересовать пришельца; элементарный и естественный ход мысли. Хорошо, но если так — почему меня не взяли сразу же, почему позволили вечерок порезвиться? Трудно сказать. Разумное объяснение одно: они сами не вправе были принять решение, им не было приказано брать, но лишь — доложить. Они и доложили и получили какое-то указание; это всегда требует времени, технология принятия решений нам знакома... Вот и прошла эта пара часов. Предположим, им скомандовали: брать. Значит, мне нужно сделать какой-то финт ушами, чтобы ничего у них не получилось. Какие же финты можно сейчас пустить в дело?..

...Вот она, развилка. Стой. Три секунды паузы. Слушай. Внимательно слушай. Может быть, кто-нибудь громко дышит? Правда, вряд ли они могли успеть сюда; скорее всего, двинули по прямой, чтобы пересечь дороги где-то, куда я, не знающий местной топографии и вынужденный пользоваться наезженными путями, не мог еще попасть. Ну, что там? Тишина. Пошли дальше. Но если можно, раза в два осторожнее, пожалуйста, — попросил он сам себя и действительно пошел еще осторожнее. Теперь принять левее — и бережно, бережно... Тут, конечно, есть одно обстоятельство в твою пользу: от тебя не ждут рекордов, они тебя еще не раскусили до конца. Стоп! Вот теперь действительно — умри, и не шевелись! Теперь я кого-то несомненно ощутил. Ну-ка, попытаемся локализовать его... Приблизиться — легко, как весенний ветерок, чтобы хотя бы понять: один ли там, двое ли, а может, и больше... И, кстати, откуда уверенность, что они не вооружены приборами? Но до сих пор они меня не видят. Значит — нужно подобраться до предела возможного — и затаиться, потому что в таком положении самое безопасное место — под самым боком противника: другие станут искать тебя где угодно, только не тут. Зато если там начнется какой-то разговор — я, пожалуй, услышу. Капсула-то у меня с собой, жаль, что ноктовизор пришлось оставить — уж очень он выпирал бы из кармана... Вот так. Дальше не ходить. Лечь на землю. Прижаться, как к любимой женщине...»

Он так и сделал. Что-то и на самом деле стало слышно.

Хотя о связности думать не приходилось: даже капсула доносила лишь отдельные звуки. Но уже ясно было, что разговаривают двое. Придется одним ухом слушать разговор, другим — всё остальное. Что у них там за диалог выстраивается? Ну-ка, ну-ка...

(Один голос:)

— ...не очень поддался, хотя... может быть... действительно... (бур-бур-бур).

(Другой:)

— ...и все же... не свернет... конвой должен... засвечивать... (бур-бур-бур) отправить на базу...

— В таком случае надо... (и вовсе неразборчиво).

— А если... женщина... крик ночью... (дальше каша).

— (Бур-бур-бур) женщина... (дальше не понять).

— Женщина... (невразумительно).

— З-з-з-з-з... Орланз... Женщина... З-з-з-з...

— Время... Но я... конвой... женщина... и он... (бур-бур-бур)...

«Да, — подумал Милов. — Могли бы все-таки говорить и более членораздельно. Подумать о моих удобствах. Пока я понял только, что женщина их очень интересует, только не знаю, какая и по какому поводу. То ли это ссылки на Лесту, а может быть, речь о Зиле — тогда надо ожидать, что и она тоже вступит в игру. Да, к этому надо быть готовым. Ну, а что там были за упоминания о конвое и времени? Можно выстроить такое умозаключение: через какое-то время, не слишком, видимо, долгое, конвой должен снова тронуться в путь — на Базу, вероятно. И они, по-видимому, не очень хотят, чтобы я был тому свидетелем. Им нужно или убедиться, что меня тут уже нет, или, наоборот, что я есть — и тогда сделать так, чтобы меня и на самом деле здесь больше не стало.

Убедиться; но как? В таки случаях ловят на живца. На что я, по их представлениям, могу клюнуть? На женский крик, призыв о помощи? Черт, но если они так думают — значит, меня идентифицировали с тем субъектом, который нарушил правила поведения в городе. Кстати, этого они могут как раз не знать. Хорошо, если так. Потому что в ином случае выходит, что они знают обо мне больше, чем им положено. Веселый разговор.

Значит, так: глухой ночью где-то поблизости раздается

женский крик. Искренний, отчаянный. Ожидается, что рыцарь и дамский угодник, что стало ясно всем после городского эпизода, — сей паладин стремглав выскочит из своего убежища и кинется выручать красавицу. И тут его вяжут. Хрестоматийно. Если же он не бросается на помощь — а крики все отчаяннее, потом они начинают прерываться, становятся хриплыми, просто-таки предсмертными, дама никак не может расслабиться, чтобы получить максимум удовольствия, — итак, если он не бросается, значит, его здесь нет и надо переносить ловчие сети в другое место. Ну, что же: вполне возможный вариант. Боюсь только, что так они Милова не возьмут. И вообще вряд ли возьмут. Слишком давно уж он играет в такие игры».

Он вспомнил вдруг: Мирон, по словам Лесты, говорил что-то о том, что ему, Милову, сюда приезжать вообще не стоило. Однако, дорого, как говорится, яичко ко Христову дню... А игра началась не сегодня. Давненько уже она началась.

5

(134 часа до)

Для Милова все игры начались с ракетного скандала.

Основы его были заложены давно: задолго до конца Империи, в годы ее закатного великолепия, на территории, впоследствии получившей название Каспарии, было размещено некоторое количество ракет среднего радиуса действия с разделяющимися боеголовками — нет нужды говорить, что были эти головки ядерными. Когда Империи не стало, так называемая мировая общественность начала проявлять искреннее беспокойство по поводу судьбы этого опасного великодержавного наследства: ядерное оружие вообще опасно, но оно становится на порядок опаснее, оказавшись в руках слабого государства, которое может — в приступе ли отчаяния, или мании величия — в один роковой миг нажать кнопку. Поэтому правительству Каспарии было незамедлительно заявлено о необходимости как-то освободиться от опасного реликта империи. Откровенно гово-

ря, никто не ожидал каких-либо осложнений: всякому было ясно, что у Каспарии нет ни возможности, ни нужды содержать ракетные войска, и не было сомнений в том, что правительство молодой страны с радостью согласится избавиться от ракет. Однако, неожиданности чаще всего возникают именно в совершенно прозрачных ситуациях. И на сделанные предложения (все расходы по ликвидации ракет и вывозу их для этого за пределы страны международные организации брали на себя) последовал совершенно немыслимый ответ: правительство Каспарии наотрез отказалось расстаться с ракетами, сперва объявив их национальной собственностью, а потом, противореча самим себе, сообщили, что отдавать, собственно, нечего: ракеты уничтожены на месте, а ядерная взрывчатка отдана науке. Никто не сомневался в том, что это было вранье, однако, доказательств не было.

Этот демарш был встречен в мире с растерянным возмущением. Организация Объединенных Наций, ее Совет Безопасности сразу приняли соответствующие постановления — но безрезультатно. Пошли уже разговоры о применении вооруженной силы, но тут дело зашло в тупик: ни у кого не хватало решимости послать войска в маленькую страну, исторически лишь недавно начавшую контролировать собственную территорию.

Тогда задумались о компромиссном варианте: не применяя вооруженных сил официально, послать рейнджеров, которые, будучи снабжены необходимой техникой, просто-напросто выкрадут ракеты со стартовых площадок и вывезут их на вертолетах — и дело с концом. То есть, шум бы, конечно, поднялся, все маленькие страны мира постарались бы устроить грандиозную обструкцию; но любой дипломатический шум — ничто по сравнению с взрывом хотя бы одного реального ядерного заряда, пусть и не стратегического, а всего лишь тактического класса. Такой вариант (не обсуждавшийся, разумеется, открыто, но анализировавшийся в узком кругу и при наглухо замкнутых дверях) получил негласное одобрение всех, от кого зависела его реализация, и дело закрутилось.

Началом, как всегда, была разведка. В то время проникновение на территорию страны не представляло еще такой сложности, как сейчас, да и в те дни на местах оста-

валось еще вполне достаточное количество информаторов. Результат был неожиданным: ракет на базах более не оказалось, они были сняты и вывезены в неизвестном направлении после того, как малочисленная охрана их — единственные из персонала баз, еще остававшиеся на чужой территории — подверглись вооруженному нападению и были обезоружены и изолированы. Они, собственно, и не оказали сопротивления: такого поворота событий, такого, мягко выражаясь, нахальства со стороны малого государства никто не ожидал, и охране баз не было отдано приказа применять оружие на поражение в случае каких-либо событий. Так или иначе, ракеты исчезли, и это было непреложным фактом.

А сейчас нужно было их непременно найти. Потому что...

Потому что оставалось уже сто тридцать три часа до.

6

(133 часа до)

Найти. Каким способом? Да любым.

А какими вообще могут быть способы в этом случае? Примитивно сигануть через линии ограждения? Тогда на территории окажется лишь твоя бренная оболочка, хорошо прошпигованная пулями и поджаренная на высоком напряжении. Лакомое блюдо, конечно, но тебе-то попробовать его не придется. Топать на проходную с липой в кармане? Нет у тебя ни липы, ни представления о том, какой она должна быть, ни, наконец, времени. Запрыгнуть туда с парашютом? Увы, самолет взорвался несколько раньше.

И тут его ударила в виски совершенно неожиданная мысль.

Ну а, собственно, почему бы им не взять его?

«В конце концов, что тебе нужно? — спросил он себя. И ответил: — Попасть на объект. Сюда пока не получается — значит, попробовать на Базу. Если туда возят людей... Я ведь все еще стою в классе у доски и отвечаю на заданные вопросы. До домашнего задания дело еще не до-

шло. Хорошо. Значит, ждем конвой. Ну, а если он повезет не людей, а то, что меня интересует не менее, а скорее более? Если он повезет пресловутые грибы? Переключиться? Оптимальным было бы — решить задачу у доски еще до того, как понадобится переходить к домашнему заданию. Значит — предоставить им возможность поработать за меня — а именно, доставить меня в места, до которых мне самому не добраться? Нагловато, конечно. И рискованно. Однако без риска, как сказал один классик, можно заработать лишь пять центов на доллар. Не воодушевляет — в наши сумасшедшие времена... Да, а если все-таки они сейчас готовятся перевозить куда-то именно грибы? Да к чертям эти детские шифры, когда речь идет о ракетах! Перевозить неизвестно откуда — неизвестно куда; но известно ведь, что именно при перемещении легче всего найти искомое: хранить можно и очень скрытно, а перевозить — лишь до определенной степени секретности, полная тайна тут невозможна и никогда не была возможной. Что же получается? Конвой собирается на Базу, как они это место называют. И мне нужно туда же. Вывод: ждем конвоя. Пытаемся зацепиться. А если нет — ладно, пусть хватают меня, пусть провезут хоть через какие-то ворота — а там попытаемся разобраться.

Да, если все прочее не годится, то остается один-единственный способ. Чреватый последствиями, зато весьма реальный.

Да, предусмотреть последствия невозможно. И утешаться можно лишь с детства известной припевкой: «Я от дедки ушел, я от бабки ушел, от тебя, сипо, и вовсе уйду...»

Опасная игра, черт бы ее побрал. Однако — кто не рискует, тот здоровеньким помрет. Но тебе это вряд ли на роду написано.

Итак — сгореть на женщине?

Пожалуй, нет. Не обязательно сразу дать им возможность идентифицировать тебя с тем — городским. Пусть повозятся, поскрипят мозгами. Если они будут думать, что наличествуют самое малое два чужака — тем лучше. Нет, на женщину не клюем, даже если она действительно возникнет и вопить станет очень, ну просто очень жалобно.

К тому же, ее запустят — если запустят — наверняка

перед тем, как тронется в путь конвой. А есть большое желание его увидеть. Чтобы понять, наконец, что это такое. И впоследствии опознать в случае нужды. Значит, надо дождаться конвоя. И сыграть что-нибудь такое — нелепое до наглости. На двести процентов непрофессиональное. Чтобы снова поставить их в тупик: да действительно ли он — тот, за кого его принимают? А может, просто случайный дурачок?..

О'кей. Кажется, подсчитано, взвешено и решено. Мене, текел, фарес.

Однако, они что-то медлят. Нет, нет должной четкости в здешней службе безопасности. Распустились, разучились...»

Он прислушался. Голоса, все еще неразличимо бубнившие, заметно сместились поближе к дороге. Ага, значит, скоро представление начнется. Ну, а мы пока что опорожним карманы, освободимся от всего, что могло бы послужить уликой. Выроем ямку. Вот так... И зароем. Конечно, шансов потом отыскать это полезное снаряжение будет крайне мало. Но избавиться от него в предвидении событий нужно. Тем более, что вещи, которые могут оказаться нужнее всего прочего, все равно останутся у Милова. Как это говорил Географ? «Всё мое ношу с собой»?

Милов так и сделал. И едва успел закончить, как и в самом деле раздался женский крик.

7

(132 часа до)

Милову даже немного страшно стало: оттого, что он так точно всё угадал. Хотя, конечно, большой сложности в этом не было. И еще по той причине, что кричала Зила очень натурально. И стоило немалых усилий сдержать себя и не рвануться на помощь. Милов даже порадовался тому, что зарыл слуховую капсулу вместе со всем прочим добром: слушать эти вопли через усилитель было бы вообще невозможно. Никакая логика не удержала бы его на месте.

А так он все-таки стерпел. Хотя ему казалось, что

продолжалась эта пытка не менее часа, а на самом деле Зила терзала его слух и нервы от силы минут десять, и чем дальше, тем перерывы между воплями становились дольше.

«Бедняга, — подумал Милов, — совсем сорвет голос. Ну, что делать — такая служба...»

Когда наступила, наконец, тишина, Милов признал, что никогда в жизни до этого не приходилось ему слышать такой чудесной, такой бархатной, душистой, очаровательной тишины. Он пил тишину, наслаждался ею.

Но, к сожалению, недолго.

Тишину взломал низкий рокот мощных моторов. И он понял, что тронулся в неведомый путь тот самый конвой, с которым он так хотел познакомиться.

Однако, рассмотреть его как следует было немыслимо. Все еще стояла темнота, а машины шли без фар. Видимо, имели такую возможность. Милов скорее угадал, чем увидел длинные-длинные крытые кузова, в которых можно было бы (прикинул он наспех) разместить не меньше груза, чем в товарном вагоне. Причем — крупногабаритного груза. Милов узнал машины, несмотря на темноту. То был тот самый конвой, что он наблюдал на шоссе вчера — перед тем, как пересечь дорогу.

Однако, судя по звуку моторов, сейчас конвой шел если не порожняком, то во всяком случае с небольшой загрузкой. Да, те же машины. Милов насчитал пока пять силуэтов. Правда, может быть, их было и больше. Кроме мглы, различить было трудно еще и потому, что видел он их под острым углом. Можно было, разумеется, найти позицию и поудобнее. Но тогда ему не удалось бы сделать то, что он намеревался.

Приготовившись к старту, он коротко вздохнул. Откровенно говоря, было страшновато. Да кой черт страшновато: просто страшно. Редко когда он находился в такой опасности.

Он решительно шагнул вперед. Не скрываясь более, вышел на дорогу, когда головная машина конвоя была уже совсем близко. И поднял руку, словно голосуя в надежде, что подвезут.

Нервы его были закручены в тугой клубок. И поэтому, когда из первой машины ударил пулемет, Милов, готовый к этому, на микросекунду опередил пули и, бросившись наземь, скатился в придорожную канаву.

Конвой не остановился. Стопсигналы медленно, один за другим, уплывали направо.

Сосчитать их Милов не успел. Обостренный, как всегда в минуты опасности, слух уловил шаги, приближавшиеся к нему с нескольких сторон одновременно; услышал, несмотря на все старания подкрадывавшихся действовать бесшумно.

И одновременно слух его уловил и еще один звук, казалось бы, тут совершенно неуместный: звук песни, которую негромко и не очень в лад пели хором; глухой звук, словно из-под подушки. Звук усиливался с приближением последнего трейлера — и с его удалением стал ослабевать.

Зато шаги делались всё явственнее.

«Значит, взяли все-таки», — подумал он и хотел было ухмыльнуться. Ухмыльнуться хотя бы тому, что все развертывается по его сценарию. Но ему сейчас, если говорить серьезно, весело не было,так что улыбки настоящей получиться не могло, а ненастоящая Милову сто лет не была нужна.

Глава пятая

1

(130 часов до)

Наверное, еще можно было что-то сделать. Рискнуть. Поставить всё на карту. Но Милов, и не скашивая глаз, видел: и справа, и слева надвигаются темные силуэты — со всех сторон, и их достаточно много, чтобы схватить и задержать одного лишь. Готовых ко всяким неожиданностям. Если даже удалось бы прорваться, пусть они и не станут стрелять — всё равно, бегают они быстрее, ничего не поделаешь, да и места знакомы им досконально, ходы и выходы. Нет, поздно. Уже ничего не успеть. И они это понимают. Так что задержание его выйдет совершенно естественным: ничто не говорит о том, что человек на самом деле просто-напросто сдается. Ну, придется, конечно, сделать несколько выразительных телодвижений — но не переусердствовать, а то ведь запросто могут попортить здоровье.

— Вы задержаны. Следуйте с нами.

Милов и на самом деле прибег к телодвижениям — не совершил действий, но, что называется, показал их. Его попытки пресекли сразу же. Тогда он смирился. Затих. И пошел с ними. Один сипо шагал перед ним, другие сзади. Здоровые, мускулистые, молодые технеты. Безнадежно. Не тратьте, кумэ, силы, опускайтесь на дно. Шедший сзади сипо на ходу ухватил Милова за кисти рук, отвел назад. Милов ощутил холодок металла. Щелкнули наручники. Вот и сподобился он кандалов. Смешно. Смешно до слёз.

Он вдруг почувствовал, что совершенно спокоен. Страха не было. Чего бояться теперь: самое ужасное произошло. Взяли. Ну, и веди себя спокойно, коли так: суетой делу больше не поможешь. Хотя и не чрезмерно спокойным должен он оставаться: чтобы не зашевелилось у них в головах никакой лишней сейчас мысли. Нет, ты взволнован, конечно, однако понимаешь, что сила солому ломит, и подчиняешься в надежде таким способом как-то облегчить свою нелегкую участь...

Он и не стал суетиться — даже когда они прошли мимо все еще освещенного ресторанчика, где продолжала играть музыка, хорошо слышная через отворенное окно. Там большинство, верно, успело забыть о нем... В окне Милов увидел Зилу — она смотрела на их процессию, и что-то не вполне определимое почудилось арестованному в ее глазах: удивление? Сочувствие? Еще что-то? Может быть, испытывала неудобство оттого, что приняла какое-то участие в его поимке? Во всяком случае, она могла так думать — да и все они. Но, собственно, разницы уже не было.

Пока оставалось одно: ждать, как станут развиваться события.

«Сам ты сейчас направлять их не можешь, — сказал он себе. — Во всяком случае, сию минуту ты на это неспособен. Но будь внимателен. Держись настороже. Шахматная партия всегда начинается первым ходом — одним из достаточно ограниченного числа возможных, — но чем дальше, тем больше возможных ходов возникает; порой противник ошибается даже тогда, когда этого не ждешь. Сейчас инициатива у них, ты, можно считать, пожертвовал им фигуру. Но постарайся дальше этого не делать. В эту минуту ты для них — подозрительный неизвестный в закрытой зоне, и ничего более. Значит, в объеме информа-

ции ты уже имеешь преимущество: тебе-то хорошо известно, кто ты на самом деле. Итак, веди себя спокойно...»

И тут же он нарушил это своё только что принятое правило. Чуть не сбился с шага. Едва не вынудил заднего налететь на него, что сейчас было бы вовсе ни к чему. И сердце вдруг рванулось и зачастило.

Потому что навстречу шла Леста, собственной персоной. Каким-то, ей одной известным способом успела обогнать их — по лесу, наверное, — зайти вперед и теперь спокойно шагать навстречу.

Леста поравнялась с маленькой процессией. И вдруг остановилась прямо перед ними, тем самым поставив охранников перед выбором: то ли отстранить, оттолкнуть ее, то ли остановиться и самим. Наверное, оттолкнуть ее было не так-то и допустимо; они остановились.

— Ребята, — сказала она. — Куда это вы такой компанией? А посты что — побросали?

— Операция по задержанию, — негромко ответил ей охранник, что, наверное, был тут старшим. — Хотел скрыться. Но далеко не убежал. Не зря мы его весь вечер пасли — от самой станции... Ничего себе дело придумал псих: напал на конвой! И как только в живых остался?..

«Весь вечер пасли... — повторил Милов мысленно. — Вот, значит, какие пироги. Действительно, партия разыгрывалась по замыслу, а не с листа. Очень полезные сведения. Спасибо, красавица...»

— Кто же это? — продолжала меж тем она. — Ну-ка, дайте полюбоваться...

И, не обращая внимания на неудовольствие охранников, подошла к Милову вплотную.

— Э, да это наш вечерний гость? Как интересно...

Язык ее самую малость заплетался; собственно, так и должно было быть: весь вечер она не дистиллированную водичку пила. Видимо, и охрана, понимая это, обходилась с нею не так строго, как должна бы. Но возможно, ей такое обращение полагалось по занимаемому в здешней табели о рангах положению?

— Просто невероятно, — говорила между тем женщина, говорила весело и с усмешкой в голосе. — А я-то с ним весь вечер рядышком просидела, думала, что порядочный... Он что же, получается: вроде того, кто два дня назад хотел

пробраться в Круг? Ну, тот, которого подстрелили и схватили так же, как этого...

— Этого не подстрелили, — сказал охранник, — здоровенький пока что. А того подстрелили, но взять не удалось. Исчез, падло. Без следа. Ничего, поищут — и найдут.

— Как жалко, что не нашли, — сказала Леста. — Ничего, зато хоть этот никуда не делся. Попалась птичка. Ну, что: теперь его в подвал? Или же повезете в главную контору, для серьезной разборки? Только он ведь технет — точно, точно, он мне сам сказал. А раз технет, то куда же? Передадите ремсам? Ему ведь тогда полагается экспертиза и либо ремонт, либо — утилизация...

— Наше дело — доставить, — сдержанно проговорил охранник. — А уж ремсы сами разберутся. Не наша забота.

— На экспертизу, ясно, — словно сама себе подтвердила женщина. — Раз его так ждали, значит, птица с богатыми перышками. Ну ничего, из него там повытрясут всё, что нужно. Нелегко ему придется, бедняге... Голова кругом пойдет — выболтает все, что надо и чего не надо. У него никакой блокировки нет, треплется напропалую...

Эти слова можно было воспринять просто как болтовню охмелевшей женщины. Это был текст для охранников. Но можно было и — иначе. Как предупреждение. Как указание: готовься, гость дорогой, к серьезным вещам... И это была уже информация только для него. Блокировка. Ладно, будем иметь в виду... Ничего, если всё действительно обстоит так, то на этом игра не закончится. Терпение. Так или иначе, она сделала то, что сделала.

Милов почувствовал, что на душе стало легче. И веселее. Он приободрился, хотя по его облику никто не подумал бы такого. Всё очень хорошо. Похоже, начинается желаемая игра. В таком случае — поиграем. Этому нас учить не надо. Покрутимся. Неужели наша людская причудливость не осилит элементарной технетской логики? В конце концов, человек, играя в шахматы, чаще побеждает логическое устройство, чем проигрывает ему. Почему бы и здесь не повториться тому же? Конечно, комбинация задумана весьма сложная, а следовательно и уязвимая. И тем не менее... Тем не менее, сейчас надо исходить из того, что этот гамбит был оправдан.

Он почувствовал, как, вопреки правилам, ему вдруг захотелось улыбаться. Хотя положение все еще оставалось до-

статочно невеселым. И перспектив на быстрое его улучшение не имелось.

А вот — весело стало.

2

(129 часов до)

После того, что было сказано Лестой, он понимал уже, что из двух вариантов дебюта, какие он анализировал перед тем, как принять решение, осуществляется второй. То есть, его не оставят здесь (а это был бы тоже вполне приемлемый вариант, работа для него нашлась бы и тут, как наверняка отыщется она и в другом месте) — не оставят, но без промедления переправят куда-то в другое место. Пока что его никто еще не проверял серьезно; его принимают за технета — это немалая удача. По возможности надо держаться этой версии. Любой технет, ведущий себя неправильно, считается неисправным и подлежит, надо полагать, либо ремонту, либо уничтожению. Как он успел уже усвоить, эти вопросы решаются — и реализуются — именно на той самой Базе, куда отправляют людей отсюда — из Круга, в который ему пока так и не удалось войти. Попав на Базу, он постарается установить, что же происходит с этими людьми; с этими — значит, возможно, и со всеми остальными. И таким образом будет найден ответ на первый вопрос, заданный ему у классной доски. А может быть, найдется там подводка и к другому ответу: где, как, из чего и каким способом изготовляют технетов... Недаром же услышал и запомнил он пренебрежительно-точное: «Сырьё...» Милов почувствовал вдруг, как невольная дрожь пробежала по телу: технеты состоят из тех же материалов, что и обычные люди, и самым простым способом получить такие материалы являлось бы...

«Нет! — безмолвно крикнул он. — Не может быть! А почему, собственно? — тут же опроверг он сам себя. — Отношение к людям может быть всяческим — а в технетских представлениях, как я успел уже почувствовать по лозунгам в Технисе, творцы Освенцима выглядели вполне достойными и уважаемыми людьми, одними из предтеч техницизма, впервые официально отнесшиеся к человеку, как к своего ро-

да сырью. Техноканнибализм? Но нет, все-таки верить в это не хочется. Слишком похожи технеты на людей, слишком близки им. Но все же — где люди? И зачем везут их на Базу? Везут скрытно, в закрытых трейлерах, ночью...

Не сообразил вовремя, — укорил он сам себя. — Надо было попробовать как-то пробраться, слиться с теми людьми, пусть бы тебя отвезли вместе с ними... — Но он понимал, что практически это не осуществить было: такое можно было предпринять, лишь пробравшись в Круг, а этого-то у него и не получилось, не могло получиться...

Ладно, пусть события движутся так, как им положено. Все равно, каждый час приносит новую информацию. Делает жизнь богаче, — подумал он не без ехидства по отношению к самому себе. — А пока что вырази судьбе благодарность за то, что тебя все же куда-то повезут. Хотя бы не пешком придется добираться...»

Его и в самом деле посадили и повезли. Машина была специальной — для перевозки арестованных.

«Автозак, — подумал он. — Приходилось и раньше на таких ездить, да только в ином качестве. Не здесь, не в будке с конвоирами. А в кабине...

Всё течет, все изменяется».

Автозак — не лимузин, но машина куда более тряская. Однако, несмотря на это и другие неудобства, он ухитрился даже задремать. Не выспался как следует прошлой ночью, да и выпитое давало о себе знать, хотя он и принял все возможные меры, чтобы последствия оказались не слишком серьезными. И он с легким (насколько это было возможно) сердцем позволил себе уснуть — всё равно, заметить, куда его везут, из-за отсутствия окон было невозможно, — и действительно проспал до того самого мига, когда машина остановилась и ему приказали, слегка подтолкнув, чтобы придать энергии, — выходить.

3

(124 часа до)

В помещении их было двое. Оба — в комбинезонах, нежнорозовый цвет которых гармонировал с красноватой

окраской стен. Вдоль стен, вплотную к ним, стояли низкие, длинные столы, загроможденные множеством приборов, с первого взгляда Миловым не опознанных. Посреди комнаты стоял еще один стол — отдельный, возле него в двух мягких удобных креслах и сидели эти двое. А на столе располагался терминал. Что-то знакомое было в облике этого устройства. Милов напряг память. Господи, да это же IBM, не сложнее 386-го, без малого — музейный экспонат. Приятная неожиданность; приятная — потому что от технетов можно было ожидать большего. Неужели они сами до сих пор не придумали ничего лучшего? Просто невероятно. Ну ладно, примем к сведению.

Доставившие его успели уже доложить обстоятельства задержания и вышли. Сесть Милову не предложили. Оба розовых разглядывали его, как ему показалось, с интересом. Он, как и полагалось, смотрел прямо перед собой, стараясь моргать пореже. Красноватая стена была гладкой и пустой, не за что было зацепиться взглядом, но он мысленно провел на ней две диагонали и старался удерживать взгляд в точке их пересечения.

Так — без звука, без движения — прошла минута, другая, третья... Очень хотелось двигаться, переступить хотя бы с ноги на ногу, пошевелить руками... Он заставлял себя стоять неподвижно. Чтобы отвлечь себя, принялся вспоминать стихи, любимые в юности, и другие — что узнал позже. Но стихи не шли на ум, хотя сами поиски помогали не ощущать так остро молчание и неподвижность.

Видимо, это было какой-то формой проверки, своего рода тестом. Возможно, Милов его выдержал. Он уже не мог бы сказать, сколько минут протекло (удивился бы, услышав, что ровно пять, вовсе не полчаса, как он был уверен), когда один из розовых ремсов (он полагал, что попал, наконец, к ним) разбил, наконец, лед молчания. У него оказался негромкий, приятный голос. И обратился ремс не к Милову, как можно было ожидать, а к своему не менее розовому коллеге.

— Прямо идеальный технет, — сказал он, и Милов не уловил в его тоне иронии, хотя понимать эти слова надо было, по всей вероятности, именно иронически. — Как держит плоскость — просто залюбоваться можно. Вы согласны, коллега?

Второй поджал ровные, в ниточку, губы.

— Чересчур убедительно для разлаженного технета, — откликнулся он. — Так что могут возникнуть даже некоторые сомнения. Может, он просто лепит горбатого к стенке?

— Сомнения в том — действительно ли он неисправен? Или в другом: вообще технет ли он? Но и то, и другое не составляет проблемы. Когда его разберут, это станет видно. Хотя вы, быть может, думаете, что возможно обойтись без разборки?

«Интересно, — мельком подумал Милов:— тут они обращаются друг к другу на «вы», не то, что технеты на улице. Видимо, единство расы здесь не менее условно, чем в любой другой точке планеты...»

— А что же с ним еще делать? — ответил второй. Голос его был бесцветным, без интонаций. — Он почти сутки уклонялся от явки. Разлад четвертой степени. Ремонтировать его — потеря времени. Да и утрата невелика. Примитивный технет, черный. Уровень сложности неотличим от нуля. Если бы тут было что-то интересное, им, возможно, заинтересовался бы Клеврец. А так — ерунда, примитив. Самое большее — мешок для отработки приемов.

«Клеврец? Он назвал имя — Клеврец? Не может быть! Но ведь Клеврец был начальником отдела в... Еще тогда, при людях, еще даже до Каспарии... Неужели?.. Или просто совпадение? Или заимствовано только имя — в силу подражательного инстинкта? Клеврец! Ну, что они там дальше?..»

Двое как ни в чем не бывало продолжали свой разговор:

— Ну, положим, это ведь он только сейчас такой, а вообще-то — технет городской, с нашим, столичным индексом, так что в прошлом наверняка имел важную функцию. Назови свой основной смысл, технет!

Переход от спокойного тона к раскатистому приказному, почти крику, был настолько неожиданным, что Милов не удержался и вздрогнул. Он сразу же испугался того, что вздрогнул, и страх этот — растительный, неосознанный — заставил его пропустить то мгновение, в которое надо было дать ответ: на такие вопросы откликаются, не думая. Опоздал; и теперь оставалось только молчать — молчать, что бы там ни было и чем бы ни грозило.

— Онемел, а? — сказал первый ремс своему коллеге, когда протекло не менее минуты в полной тишине. — Бедный, бедный технет. У него даже речь отключилась, вот ведь как далеко зашел разлад. Пятая степень. Неужели же мы так и не узнаем, какой была его основная функция?

— Да ну, — все так же лениво-безразлично отозвался собеседник. — Номер есть, запросим картотеку, и все будет яснее ясного.

— Конечно, мы так и сделаем, и незамедлительно. Но, коллега, как же тяжел и неблагодарен наш труд! Даже удовлетворить наше невинное любопытство из первоисточника мы не имеем возможности! Нет, положительно я буду просить, чтобы меня переналадили на что-нибудь другое. Займусь вопросами снабжения, или финансами, например — разве плохое занятие в наши прагматические времена?

На этот раз Милов не вздрогнул — он просто не очень внимательно вслушивался в разговор, переживая недавнюю оплошность, и не сразу оценил многозначительный намек. Кроме того, ему сейчас вообще ни на что не следовало реагировать: если уж он разлажен до пятой степени, то и придется держаться такой версии. Какой бы нелепой она ни казалась. Хуже всего — менять версии на ходу.

— Речь нарушена, — сказал второй вместо того, чтобы высказать коллеге сочувствие по поводу их общей нелегкой судьбы. — Но восприятие работает. Глаза-то у него живут. Да еще как весело! Прямо прыгают и скачут. Значит, разлад не в центре. Какой-то периферийный разладик речи. Такой, случается, проходит, если технета немного встряхнуть — что-то там заскочило, а от сотрясения оно и встанет на место. Как вы относитесь к такому способу, коллега?

— Да, так бывает, вы совершенно правы, — поддержал первый. — Легкая встряска порой делает чудеса. Молчит технет, молчит, а потом вдруг начинает разговаривать, даже не говорит, а поёт, да еще с такой охотой — потом просто не заставишь замолчать.

— Я бы встряхнул его, — сказал второй, изображая нерешительность, — но что-то я его боюсь. Поверите ли, коллега — просто страшно приблизиться. Какой-то угрюмый, тяжелый технет. От того, что мы вернем ему речь, ему вряд ли станет легче. Нет, мне действительно страшно...

— Ну-ну, что вы, — успокоил его первый. — Он хороший, добрый технет, только немного разладился, и он не сделает вам ничего плохого. Он искренне хочет, чтобы всё стало ясным и чтобы ни у кого не возникало лишних забот. Нет, нет, коллега, уверяю вас — он сам чрезвычайно озабочен тем, что с ним происходит, и если так настойчиво уклонялся от встречи с нами, то, конечно же, лишь потому, что не хотел печалить нас своим невеселым видом. Он заботился о нашем спокойствии, коллега, так что придется, хотите вы или нет, даже поблагодарить его за это. Он — смирный и благонастроенный технет, и я полагаю, что вы можете без боязни подойти к нему.

Второй ремс, как бы вняв увещеваниям, встал и обошел стол, приближаясь к Милову. Был он, пожалуй, на голову выше и соответственно шире в плечах. Мощный был технет, но, насколько Милов успел заметить, ремсы все были такими — наверное, их выполняли по специальной программе. Когда до Милова оставалось шага три, ремс вдруг остановился.

— Нет, право же, я по-прежнему боюсь. Он все-таки очень злой, этот технет, зол и угрюм, он вовсе не добрый. Я отсюда прямо носом чую, какой он бяка. Пожалуй, не стану я к нему приближаться. Что вы на это скажете?

— Вы же добры от природы, — ответил на это первый. — И, не сомневаюсь, справитесь со своим страхом, чтобы сделать благо этому нашему бедному, несчастному собрату... Смотрите-ка, он даже и не удивляется!

— Сейчас удивится, — пообещал второй ремс.

И, сделав еще шаг вперед, нанес Милову мгновенный правый боковой в челюсть. То был нокаутирующий удар.

Потолок вдруг встал перед глазами, вспыхнул и превратился в галактику. Милов, не сгибаясь, рухнул на пол. Стало тихо и темно. Только негромко и густо шумело в ушах.

— Пожалуй, он и в самом деле удивился, — еще успел услышать он, выключаясь.

4

(122 часа до)

Милов открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. Освещение, однако, было не таким, как перед ударом

в челюсть; тогда преобладали розоватые тона, теперь же — ему показалось — свет был скорее белым, не столь угрожающим. Но всё равно слепил, так что Милов не стал больше поднимать веки, и лежал неподвижно, стараясь понять, что же с ним произошло. Видимо, его всё-таки встряхнули, как и собирались. Основательно, надо сказать, встряхнули. Он начал ощупывать зубы кончиком языка. Нет, кажется, сохранились и протезы, и то, на чем они держались; удар был нанесен со знанием дела — чтобы не усугубить неисправности технета, но всего лишь поставить его мозги на место. Ну и как, поставил? Аргумент, конечно, убедительный, но к чему-то подобному Милов был психологически готов заранее, когда продумывал варианты. Да и вообще ясно было: раз технеты — всего лишь искусственные устройства, то ни о каком гуманизме действительно и речи быть не могло. С механизмом обращаются в зависимости от обстоятельств: можно ключом, но не исключается и зубило. Кажется, после этого меня еще куда-то переместили, — подумал он, все еще не открывая глаз. — Ладно, полежим еще, прислушаемся к обстановке; пока ничего другого — только прислушиваться...

Он вслушался. Он был тут явно не один: тишину нарушали какие-то шорохи, чье-то дыхание. Потом прозвучал голос:

— Нет, ничего... Так вот, это было, значит, как раз перед превенцией, и у него стали уже, как водится, наступать странности. Знаете, как это бывает у неустойчивых: стал воображать себя человеком. Ну и сразу, конечно, выпадать из ритма. А к тому времени познакомился он с одной приятственной технюлей, и вместо нормальной технологии стал вести себя, как человек: ну, вздохи там, туманные разговоры, цветочки...

— Это надо еще ухитриться, найти цветочки, — вставил кто-то другой.

— А меня от таких с души воротит, — это был уже третий голос. — Ты знаешь, что ты — технет, самое совершенное существо в мире, и подражать людям хоть в чем-нибудь — позорно. Я бы за такие цветочки не то, что в лес — я бы в горы загонял, без ограничения времени, пусть повкалывает на расплав, тогда поймет, каким должно быть технету.

— Жаль только — гор у нас нет, — сказал второй — не особо, впрочем, грустным голосом.

— Будут, не беспокойся, — проговорил третий. — Будущее за нами. Горы, океаны — всё будет.

— Ты что ремонтируешь-то? — спросил второй после паузы. — Вроде бы у тебя всё в порядке, а?

— Я уж превенции не пропущу, за это можешь быть спокоен. У меня другое: плохо держат тормоза.

— Въехал кому-нибудь в верхнюю панель, так я понимаю?

— Так получилось. Тоже был такой — ретроход. Я ему долго втолковывал: твои, мол, любимые люди произошли от обезьяны, а мы произошли от людей, значит люди для нас — вроде обезьяны, достойно ли хоть в чем-нибудь им уподобляться? Мало ли что — своей знати у нас не было, королей всяких, да и государства тоже — зато всё будет! А он вместо того, чтобы провернуть это через свои шарики, мне кричит: ты, мол, ничего не понимаешь! Будь я в полном порядке, я, возможно, и стерпел бы, да вот — тормоза не сдержали, я ему и поднес, так что он в момент вырубился...

— Вроде вот этого, — сказал первый голос. — Два часа не может включиться.

— Это Куза, его почерк, — сказал второй.

— Пробовал, что ли?

— Может, и пробовал, если знаю. Может, и пробовал.

— Шевелится, — сказал первый.

— Нет, Куза насмерть не бьет, — сказал второй. — Он умеет.

— Ты мне смотри, — предупреждающе предостерег третий голос. — Я ведь сказал: у меня тормоза не держат.

— А что такого?

— Насмерть — это людской оборот. Мы, технеты, так не говорим. Мы не умираем, к твоему сведению. Мы изнашиваемся, и нас отключают. Мы не люди — раз и навсегда!

— А ты с этим не ко мне обращайся, — возразил второй.

— Верно, — сказал и первый. — Разве мы виноваты?

— Кто же еще? — сказал третий.

— Вычислить нетрудно. Сколько циклов назад было провозглашено Совершенство?

— А хрен его знает, — сказал третий. — Никогда не спрашивал. Технет не живет вчерашним днем. Для технета нет понятия «вчера».

— Ну, это каждый знает. Так вот, могу тебе напомнить: двенадцать циклов назад.

— Теперь мне ясно, — сказал третий, — почему ты здесь оказался.

— А я и не скрываю. Ну да, у меня открылось обратное мышление. Мне на экспертизе растолковали: потому, что попал под сильное облучение. Там, где я был, хранятся какие-то такие штуки, точнее не знаю. Разлад, конечно, но устранимый. Исправят, и я снова не буду знать. Но пока еще знаю. Двенадцать орбит назад. И по тогдашнему Провозглашению Совершенство должно было быть уже сегодня. И люди во всем мире признали бы нашу неотвратимость. А что мы сегодня делаем? Чудеса? Да ничего подобного — перетаскиваем через кордон краденую медяшку и продаем тем же людям, только за другую границу. И люди поэтому нас всерьез не принимают. Потому что ничего, кроме контрабанды, от нас не видят.

«Интересная информация», — подумал Милов, внимательно прислушивавшийся к разговору.

— Как же не видят? — не согласился третий.

— А потому, что, кроме этого, видеть и нечего. Мы десять орбит назад перестали работать на вывоз, для людей. Говорят, что перестали потому, что товары наши никому не нужны были — даже на востоке, не касаясь всех прочих. Но я считаю, это не так, а просто мы решили, что сперва сделаем всё, что нужно, для нас самих, для высшей технетской расы, получившей наконец возможность свободного развития. И за это же время, поскольку мы технеты и мыслим продуктивнее людей, подготовим такую производственную программу, что люди только рты разинут — и сдадутся: поймут, что им осталось только доживать на правах подчиненного вида. Вымирать, попросту говоря. Вот как оно было задумано, собрат.

— Вот тот самый хнет, про которого я начал рассказывать, — снова заговорил первый, — он каждый день повторял: «Люди работают очень плохо, а мы — и того лучше».

— Когда подремонтируемся, — сказал третий, — ты меня с ним сведи. Я ему объясню, что к чему. А ты, собрат,

тоже фрукт. Что значит — «задумано»? Совсем даже неплохо задумано.

— Это верно, — сказал второй. — Задумано, да. Только получилось не так. Пока мы готовились с этой своей программой, оказалось, что люди убежали вперед. И программа наша — это вчерашний день, хотя и говорится, что мы вчерашнего дня не знаем.

— Ну, и что же, — сказал третий. — Просто нас пока еще мало. А их много. Но скоро нас тоже будет много. И еще больше. И мы этот их бег притормозим.

— Мне что-то от этой мысли беспокойно, — сказал первый собеседник. — Нам же не их притормаживать надо. Нам самим надо скорость набирать.

— Согласно Провозглашению, — сказал второй, — у нас через пять орбит должен будет уже возникнуть собрат новой конструкции — технет космо. Который сможет жить в мировом пространстве без всяких там приспособлений. Не так, как люди. А вот так же свободно, как мы тут, на поверхности. И почти одновременно с ним — еще другой технет, марин. Он будет жить в воде, как рыба. И поговаривали даже, что разрабатывается еще конструкция технета-аэро. Летающего.

— Вот уж тогда люди скиснут окончательно, — сказал третий с торжеством в голосе.

— Верно, — согласился второй. — Только пока непохоже, что все они в срок появятся. Потому что по Провозглашению у нас сегодня уже должно быть Совершенство. Но его нет. И всего, что нужно для нас самих, мы не сделали. И тащим из-за границы медную стружку...

— Ты, что ли, тащил? — спросил третий.

— А хотя бы и тащил. Я, если хочешь знать, в конвое был, водил трейлер, не где-нибудь, а в Восточном конвое, чтобы ты знал. Так что знаю, что — туда, что — оттуда. Туда чаще всего — стволы, но тоже, понятно, не у нас произведенные...

— Мне в это не верится, — сказал первый голос. — Граница у нас закрыта наглухо. Особенно на востоке.

— Закрыта, верно, — согласился второй. — Только не для всех. И с той стороны закрыта. И тоже не для всех. Кому надо — для тех открыта. Ко всякому замку есть отмычка.

— Ну, это не наше дело, — сказал первый. — А вот почему же, по-твоему, мы не сделали всего, что нужно для нас самих?

— Может, потому, — сказал второй, — что производим собратьев больше, чем успеваем обеспечить. Сырья пока что хватает... А может, и еще какие-то причины есть. Только люди пока что остаются впереди. Не наши, понятно. А там, в людском мире.

— Это временно, — сказал третий. — И это никак не значит, что кто-то должен подражать людям. В этом ты меня не убедишь.

— А я и не собираюсь, — сказал второй. — А ты, собрат, где возвеличиваешь Технецию? Какой смысл реализуешь?

— Зонт Страны.

— Ну, тогда понятно. До вас новости доходят через фильтр тонкой очистки.

— Что нам надо, до нас доходит.

— Может, это вам и впрямь не нужно, — сказал первый. — Только вот нам — там, где я сейчас — по программе надо давно уже работать на вывоз. Подавлять людей и замыслом, и качеством. А не выходит. Ну просто никак не получается.

— Плохо работаете. Если бы мы так же халтурили, как вы, то те, не хочу называть, своего добились бы, и что сейчас здесь творилось бы — никто не знает.

— Работаем, как можем. Дело технета — выполнять. Технет должен, это в науке сказано, находиться в состоянии равновесия с окружающим миром, тогда он проявляет себя с наибольшей полнотой. Значит, что-то с равновесием не так. Но мы себя не жалеем. Мы честные собратья. Делаем, что способны. И выходит плохо. У людей лучше.

— И всё равно...

— Да обожди. И вот нам дано локальное провозглашение: смотреть на людей внимательно. Почему у них лучше. В чем секрет. Говорят даже, что мы со своими людьми поторопились. Не надо было их так сразу выводить из дела. Надо было присмотреться, а пока то да се — объявить двухрасовое государство. А то ведь наши собратья тогда просто не успели. Поторопились. Раньше, пока мы работали

под ними, присматриваться было незачем: они давали команды, собратья исполняли. А потом мы сразу вывели их в Круг. И ничего не успели перенять. Мы ведь так их ненавидели, хотя и вслух не говорили, что казалось — ничего от них нам не нужно, они — одно, мы — совсем другое... Мы не люди, мы — технеты, и всё у нас должно быть иначе.

— Оно и есть иначе, — сказал третий.

— Только не так, как думали. И вот теперь говорят, что, может быть, надо людей из Круга, какую-то часть, вернуть в дело. И посмотреть, почему у них так получается.

— Без толку, — сказал второй. — Это ведь не те люди. Это наши люди, а они ничем не лучше нас. Только одно название, что люди. А тех, что умеют, ты к нам и на буксире не затащишь. А эти, наши — ты зря говоришь, собрат, что мы их к делу не подпускаем. Вот там, где Восточный конвой базируется — там технетов почти и нет, только охрана. А остальные — люди. И работают, им там условия созданы. Правда, их из той зоны не выпускают, это верно, но остальное там — будь-будь. А большого толку всё равно не видно. Это только говорят, что в Круге — одно лишь сырьё. Нет, там и другие есть — те, что еще на что-то годятся толковое.

— Вредный ты собрат, — сказал третий убежденно. — Далеко зашло у тебя с разладом. Не знаю уж, какой ремонт тебе поможет. Я бы тебя, откровенно говоря, сразу пустил на протоплазму.

— Да ну, — сказал первый, — это пустяк. Сделают ему усиленную превенцию, и будет нормальный собрат, а это всё у него исчезнет. Он ведь говорун, а не деловик. Ты ведь говорун?

— Ну да, — сказал второй. — Потому и здесь. А был бы деловик — то меня сразу пустили бы на разборку. Вернули бы в люди, а оттуда опять взяли в сырье.

— Это, конечно, верно, — согласился третий. — Но всё равно ты — вредный. Ты лучше рот открывай пореже, пока тебе не сделали превенцию. А то у меня, знаешь ли, тормоза слабые.

— Знаю, ты уже говорил, — сказал второй. — Ладно, не буду. Я ведь только одно хотел сказать: что дан теперь такой поворот — смотреть на людей. Потому что надо что-

то делать. Времена меняются. Вот и в Ост-конвое, где я был, дела пошли хуже. С той стороны жмут. Надо как-то по-новому. А наши не умеют. Говорят, будут менять начальство — тех, кто всё организует. Только кем его заменишь? Все мы одинаковы. Вообще мы, технеты, чувствительны к переменам. Воспринимаем их неуклонно. Вот дали команду присматриваться к людям — и мы присматриваемся. И, конечно, сперва усваиваем то, что легче. Разные привычки. Обороты речи. На экранах стали больше показывать разных людей. Не наших, понятно, а тех — со всего мира. У людей много забавного. А главное — многое непривычно для нас, вот мы и перенимаем. Технет быстро схватывает. Технет существо способное. Мы можем всё делать лучше людей. Если бы равновесие. Но чего-то для равновесия не хватает. Чего — я не знаю. Наверное, никто из нас не знает. Но людям сейчас уделено внимание.

— Оно и чувствуется: недаром они зашевелились, — проворчал третий голос.

— Так что ты зря обиделся, собрат, когда я сказал «до смерти». Я мог бы, конечно, сказать «выбил на списание», а не «убил до смерти». Но сейчас это считается малым нарушением. И даже не карается.

— И всё равно, — упрямо сказал третий. — Ты, собрат, думай про себя, как хочешь. Но при мне не говори. Мы, в Зонте Страны, этого не любим. Нас так уж запрограммировали, что мы этого не любим.

Милову уже надоело лежать без движения, хотя разговор вокруг него шел интересный. Он снова открыл глаза, на этот раз медленно, чтобы не ударило светом, и попытался приподняться на локтях.

5

(120 часов до)

— Где это я? — проговорил он медленно, запинаясь, словно способность воспринимать и оценивать окружающий мир только что возвратилась к нему. — Вроде бы только что выходил на улицу...

— Верно, не в ту сторону повернул, — сказал третьим

голосом один из находившихся тут технетов: крупный, вроде пресловутого Кузы, с тяжелыми чертами лица — или, по-здешнему, верхней панели, на которой поблескивали маленькие, острые глазки. Одет он был — как и остальные, впрочем — в длинную, до щиколоток, серую просторную рубаху; был босоног, длинные, в рыжеватых волосках руки далеко торчали из куцых рукавов. — Не туда, собрат, не туда! — и он громко захохотал, открыв длинные желтые зубы и темнокрасные десны.

— Ты, собрат, попал в ремонт, — доброжелательно проговорил голосом первого из собеседников другой технет, фигурой помельче, с большей, как принято говорить у технетов, степенью износа; люди сказали бы — годами постарше, но тут человеческие представления о возрасте вряд ли были применимы. На голове его почти уже не оставалось волос и, кажется, был недочет и зубов. — В первый раз, что ли, ремонтируешься?

— Откуда же мне знать? — ответил Милов так, как и надо было.

— Ну да, верно, — сказал первый. — Значит, технет. А я, признаюсь, подумал было, что ты — да не человек ли. Пока ты лежал вырубленным, панель у тебя очень уж выразительно дрыгалась.

— Разлад, — сказал третий. — Ничего, наладят. Нигде в мире нет такого ремонта, как у нас. — И он обвел взглядом остальных, словно ожидая возражений, но никто не стал спорить.

— А жаль, — молвил молчавший до сих пор второй. — Жаль, что ты не человек. Поговорили бы. С людьми теперь можно беседовать. Раньше было нельзя, но мы и сами не хотели, очень уж натерпелись от людей; так всегда говорили и говорят, что мы от них натерпелись ого-го сколько всякого зла; сам я не знаю — какого зла, но так уж говорят. А теперь говорить с ними разрешают, да и у нас самих интерес возник. Многое меняется в жизни. Только мы этого не помним. Тебе приходилось с людьми встречаться?

Милов хотел было покачать головой, но вовремя подумал, что у технетов это, может быть, и не принято: раз можно сказать, зачем же тратить энергию еще и на движения? И он ответил:

— Скорее всего, нет. Где же я мог бы с ними встречаться? Да и зачем? В моем смысле такого не заключалось.

— Ну, мало ли, — сказал второй. — Я вот помню. Это у меня неисправность такая: помню всё, что было. Бывает, и в городе оказываются люди. Бегут с Базы. Наверное, тянет их к высшим существам. К нам то есть. Но тут их быстро выявляют. Раз-два.

— А вообще-то известно, что люди во всем мире нас ненавидят, — вставил третий.

— Не все люди, — поправил первый. — Правительства. Рядовые люди за нас. Потому что мы во главе прогресса и развития. И они знают, что при нашей структуре люди могут жить и ничего не делать. А этого все люди хотят. Мечтают. Люди ленивы. Мы, технеты, без работы не можем. А они — сколько угодно.

— Да мы тоже не отказались бы, — сказал третий и снова захохотал. — Только мы не для такого созданы. Не для лени. И если кто разлаживается по этой линии, то ему солоно приходится. Но люди нас ненавидят, это верно. И не могут спать спокойно, пока не узнают нашего секрета. Только они не узнают.

— Понятное дело, не узнают, — сказал Милов, чтобы участвовать в разговоре и не выделяться при этом. — Мозгов у них не хватит, чтобы такую хитрую вещь узнать.

— Глуп ты, собрат, — снисходительно возразил третий. — Разве же в этом секрет? Это просто технология, только и всего. А настоящий секрет в другом. Но это уже дело политическое. А вся политика на три четверти состоит из военного дела. Мы в Зонте Страны это твердо знаем. А секрет заключается в том: когда будет дана команда техне... технезировать мир. Дня и часа никто не знает. Но приказ будет, это уж как аш два о.

— Технецизировать, — поправил первый.

— В общем, чтобы во всем мире были технеты. Мы ведь когда-то весь этот мир населяли, от океана до океана. Это потом уже нас оттеснили, потому что взялось откуда-то множество людей. Вот тебе и вся великая тайна: когда будет дан приказ подниматься и расселяться по старым нашим местам. В какой день. Но этого люди никогда не узнают. Пока мы не начнем. А тогда поздно будет.

— Да и мы до тех пор не узнаем, — сказал второй.

— Я вот и не хочу знать, — сказал первый.

— И я не хочу, — присоединился Милов.

— А хоть бы и хотели: не положено, — успокоил их третий. — А не положено — значит, и не будет. Много есть вещей, которые не положены. Вот например, доставили тебя в ремонт — сиди и жди команды. Ты, может, и хотел бы встать и уйти по своим делам, да вот не положено — и дело с концом.

— Хотел бы, да не уйдешь, — сказал Милов уверенно. — Не так всё задумано, чтобы кто-то взял и ушел.

— Это кто не знает, — сказал второй. — Уйти-то как раз просто. Но если после этого тебя еще раз остановят, то путь один: на списание и на протоплазму. А кому же охота на протоплазму раньше времени? Правда тебе, собрат, и так уж не много осталось, — повернулся он к Милову. — Износ у тебя, судя по виду, уже серьезный. Хотя и не безнадежный. Да все равно, начальство — оно точно знает, когда кончится твой ресурс.

«Дурак, — подумал Милов. — Нашел веселую тему для разговора. Хотя — видно, так у них принято. Не люди ведь, так что о простой деликатности и представления не имеют...»

— Начальство знает, — откликнулся он вслух.

— Да что уж, — вмешался первый, — до начальства, может, и вообще дело не дойдет. Скорее, тебя и ремонтировать-то не станут. Стоит ли заниматься ремонтом, если у тебя ресурса осталось — всего ничего? Могут и сразу списать. Я бы вот тебя сразу списал, и самому тебе было бы спокойнее. А то они с тобой, видно, серьезный разговор затеяли, встряску-то тебе дали, как новенькому, — видели мы, как тебя приволокли...

— А ты зачем мне это говоришь? — сказал Милов с досадой. — Ты же меня на что подбиваешь? Не знаешь? Так я тебе скажу: ты меня, честного собрата, подбиваешь на то, чтобы я вот прямо сейчас встал и пошел. — Он повернул лицо к двери, единственной в этом тесноватом и без окон помещении, где всей мебели было — четыре деревянных топчана без намека на какую-нибудь подстилку. — Потому что, мол, раз все равно на протоплазму, то терять нечего, беги знай... Как же это у тебя возникают такие мысли, собрат?

— Встанешь и пойдешь, — усмехнулся второй, — да только не дальше этой вот двери. Чуть отворишь ее — подкатится к тебе один, выдаст верхним манипулятором по твоей панели, и опять будешь полдня приходить в себя.

— Ты же сам сказал, собрат, что уйти — просто.

— Я сказал: для того просто, кто знает. А не знаешь — и сиди.

— Все равно ведь иначе, как через дверь, не уйти.

— И через дверь можно уйти по-разному. Тебя как кличут?

— Эпсилон, — сказал Милов, вызвав в памяти названия серий, усвоенные еще перед полетом.

— Да нет, я кличку спрашиваю. Эпсилон — серия, вас, может, сто тысяч существует, а может — миллион. Ты вообще откуда взялся?

— Из ниоткуда. Тебе-то что? Ну, скажем, из леса...

— А, лесник... Ну, тогда ясно, вы же там дикари, живете на деревьях, грибы жрете. Здесь кличку каждый себе придумывает сам — так у нас тут, в городе, повелось. Вот я, например — Плям, этот вот зонтик — Болт, а он — Сока. Надо же и тебя как-то прозвать, иначе неудобно. Чука — годится?

— Пускай Чука, — согласился Милов.

— Так вот, Чука, сейчас ты если даже и выйдешь из двери, и если даже потом доберешься до выхода — а дальше что? В этом-то чехле? — Плям двумя пальцами приподнял подол рубахи. — Ты и ступить не успеешь, как тебя возвратят на место, обездвижив — и тогда уже пойдут строгости. Нет, это не так делается. Но ведь мы сейчас где? Мы — в точке направления. Тут только решают, кому какой ремонт нужен. А сам ремонт — в других местах. Вот когда решат, тогда тебя опять переоденут в нормальное, посадят там внизу в отстойник и будешь ждать, пока не соберется команда туда же, куда и ты. Может, день прокантуешься, а может, и все три. А из отстойника выход — прямо во двор, а во дворе надзор слабый, потому что все знают: нормальный технет не станет уходить — соображает, что самому дороже обойдется. Вот тогда надо только улучить момент — и шмыг за ворота. Лучше всего в такой час, когда собратья либо расходятся по работам, либо воз-

вращаются. На улице тогда — поток. Юркнул — и исчез. Вот так это, Чука, делается...

За дверью послышались приближающиеся шаги.

— Наконец-то заправку несут, — сказал Болт. — А то у меня уже все датчики воют...

Но то были не разносчики. В приотворившейся двери показался слис в розовой оболочке.

— Кто тут Эпсилон?

— Я Эпсилон квадрат восемьдесят четыре...

— Ползи на выход!

6

(118 часов до)

Его привели туда, где он уже был, и за столом сидели те же двое: Куза и второй, вежливый. Снова было пять минут тишины и неподвижности. Потом вежливый проговорил:

— Так вот, Эпсилон, какие дела, бедный ты мой собрат. Плохие дела. Твои. Прямо-таки невыносимо плохи они. Я могу целую вечность искать по всей Технеции дурака, который захотел бы тебе позавидовать — и не найду. Вот так вот.

— Да что ты с ним нежничаешь, коллега, — сказал Куза. — Он же все равно не оценит. Слушай, ты, — обратился он к Милову, — банные ворота, сейчас ты будешь говорить по делу, и лучше не пытайся нести всякую туфту, не то придется еще разок тебя встряхнуть, мне это труда не составит. Тебя спрашивают — ты отвечаешь, и не лепишь из себя простачка. Вот коллега сейчас доходчиво объяснит, в каком меду ты увяз по уши. А ты насторожись, чтобы потом не пенять на себя. Воспринял?

Милов промолчал.

— Я всегда сочувствовал немым, — в своей мягкой манере произнес вежливый. — Это же очень тяжело, когда ты не можешь сказать собрату всего, что о нем думаешь. Однако ты, собрат, вовсе не самый несчастный экземпляр в стране: слух ведь у тебя в сохранности, и зрение тоже. Так что сейчас ты четко услышишь, что думаем о тебе

мы — у нас-то хватит слов, чтобы донести это до тебя; и зрение у тебя тоже достаточно остро, чтобы увидеть свою перспективу, пусть даже не в цвете, а в черно-белом изображении. Только белого там окажется очень-очень немного, поверь мне. И поверь также, что я тебе по-настоящему сочувствую, и если ты дашь возможность чем-нибудь помочь тебе, я сделаю это с радостью.

— Да не распинайся ты, коллега, — снова вступил Куза. — Он же смотрит на нас и думает — ох, как нехорошо, недостойно он думает, братом буду. И эта протоплазма, будь уверен, сейчас воображает, что будет водить нас за нос, а мы пойдем за ним, как игрушка на веревочке. Не могу — до чего хочется еще разок дать ему встряску.

— Надеюсь, что до этого не дойдет, брат, — сказал вежливый с надеждой в голосе. — Так вот, собрат, послушай. Мы, по сути дела, добрые технеты, и поэтому даем тебе полную возможность выбрать такой вариант поведения, какой больше всего тебе понравится. Теперь напрягись, чтобы не упустить ни единого моего слова. Вариант первый: ты признаешь без всяких запирательств, что ты — пассажир с потерпевшего аварию самолета. Следовательно — человек, а вовсе не технет. И ты, оказавшись на территории Технеции, не присоединился к остальным пассажирам и экипажу, которые законопослушно передали себя в распоряжение властей и сейчас чувствуют себя намного лучше, чем ты, поверь мне: они, люди, находятся среди людей и вовсе не обязаны соблюдать все нормы технетской жизни...

«А вот здесь ты уже начинаешь врать, уважаемый, — подумал Милов. — А врать — значит, проявлять слабость. Если бы вы на самом деле полагали, что я — человек, отколовшийся от попавших в катастрофу, то поняли бы, что такие вещи, как нападение на охрану, а затем уход в лес, делаются не по наитию, а по домашней заготовке, а значит — я в курсе. И вряд ли ты хочешь этим сказать, что им помешали уйти или перехватили в лесу: будь это так, поднялся бы такой шум, что и до меня дошло бы — хотя бы там, на веселой вечеринке...»

— Ты выбрал иной путь, — продолжал меж тем технет. — Пробравшись в запретную зону, ты напал на специальную автоколонну! Ну, а теперь объясни же нам: по

какой причине ты это сделал? Из страха? Непохоже; ты не производишь впечатления очень уж боязливого субъекта. Значит, по иным соображениям? По каким же именно? У тебя была какая-то задача? Ты разведчик? Ты заброшен к нам, чтобы красть наши секреты? Какие? Технологические? Военные? Политические? Если ты ответишь на эти вопросы, я, конечно, не обещаю, что мы немедленно выпустим тебя через границу; ты ведь все равно не поверил бы, даже если бы я пообещал. Но могу сказать, что в таким случае ты наверняка сохранишь жизнь, а пока человек жив — он, как говорят, продолжает надеяться; нам, технетам, это не очень понятно, но мы допускаем, что так оно и есть. Итак, это был первый вариант: чистосердечное признание. Помолчим минуту, чтобы ты как следует усвоил то, что я сказал.

Он умолк. Куза проговорил:

— Слушай, дай-ка я щелкну его разок по панели, чтобы он и правда задумался всерьез.

— Обожди, коллега, — попросил вежливый. — Люди, как тебе известно, существа слабые — и может быть, именно такое воздействие помешало бы ему углубиться в размышления. А ведь он сейчас размышляет, готов спорить на что угодно. Наберись терпения, верный мой соратник.

Куза набирался терпения недолго: несколько минут быстро проскользнули в молчании.

— Значит, не желаешь, — вздохнул вежливый. — Что же, была бы, как говорится, честь предложена... Слушай теперь второй вариант. Ты не пассажир; тогда ты, Эпсилон — да-да, по второму варианту ты человек или даже скорее технет, весьма враждебный нам, чуждый — иначе ты, будучи нормальным гражданином Технеции, не стремился бы прорваться на Круг с очевидной целью испортить сырье и нарушить постоянный процесс производства нас, технетов — процесс, на котором основано теперешнее, а еще больше — будущее могущество нашего неповторимого государства, нашей великой расы. Теперь снова сосредоточь все свое внимание на том, что услышишь: если справедлив этот вариант, то тебе предстоит опять-таки чистосердечное признание и исчерпывающий рассказ о том, кто руководил тобой и направлял твои безумные действия — не с востока ли? Не было ли у тебя какого-то выхода на конвой; какой была твоя конечная цель — не собирался ли ты, к приме-

ру, в случае успеха перебросить сырье через ближайшую границу, тем самым оставив нас без возможности дальнейшего производства? Где и когда зародилась сама идея? Где находится руководивший тобой центр? В Москве, может быть, а? Много ли еще подготовлено таких агентов, как ты, где именно их готовят, в каких лагерях и школах, где они располагаются? Действовал ли ты по уговору с тем, кто два дня назад пытался пробраться в Круг, но был остановлен нашей бдительной охраной? Кто он таков, откуда, и где находится сейчас? Зачем ему понадобилось пробраться? Ты дашь нам всю информацию, все свои связи — и в стране, и за рубежами. Если ты выполнишь наши условия — твои дела могут оказаться даже лучше, чем ты предполагаешь: допустим, мы пожелаем найти с тобой общий язык и дать тебе возможность искупить свою вину: мало того — ты не только останешься в порядке, но и получишь хороший шанс жить намного лучше, чем до сих пор — если ты человек, и выйти совсем на другой уровень реализации смысла — если технет. Мы ведь понимаем, что лес — не лучшее место в Технеции для способного и честолюбивого существа. Вот второй вариант из возможных для тебя, и ты можешь вертеть его в голове еще целых пять минут.

«А вот это уже что-то новое, — подумал Милов. — Относительно этого нападения я ничего не успел узнать. Кто же это? Экипаж? Нет, перед ними таких задач не ставилось. Значит, кто-то действует здесь на свой страх и риск. Но это явно не та оппозиция, с которой я уже знаком. Ладно, запомним это, как еще один повод для размышлений... — И тут его словно осенило: — это же Мирон был, конечно же; Мирон; Ваня, который пошел в лес по грибы и которого, по слухам, съел волк. Волк, однако, в этом не уверен. Ах, Мирон, Мирон... И Леста ведь не случайно заговорила об этой попытке там, сразу после задержания Милова: услышала о происшествии, сообразила, кто был тот подстреленный, и решила сразу же предупредить Милова; а он только сейчас понял».

— Зря ты с ним цацкаешься, собрат, — сказал Куза и лениво поднялся. — Он, похоже, слишком тупой даже для изношенного технета.

— Я, коллега, — ответил вежливый, — существо терпеливое. И никогда не теряю веры в лучшее.

— Ну, дело твое, — Куза пожал плечами. — Схожу-ка я, подзаправлюсь немного, а то от этой бестолковщины энергия уходит без толку. Тебе принести чего-нибудь?

— Прихвати. А впрочем — нет, не надо. Потом, когда с этим закончим. Представляется мне, что это потребует еще самую малость времени.

— Ладно, тебе виднее.

Куза вышел неожиданно мягкими, крадущимися шагами.

— И третий вариант, — снова заговорил розовый. — Всё, что я тут говорил — бред, ты не человек и не шпион, ты просто нормальный честный технет, весь свой активный период усердным трудом восславлявший нашу великую страну. Ты просто разладился. Но, откровенно говоря, разладился сильно. А твой ресурс, собрат, уже на исходе. Для человека ты был бы еще хоть куда, но для технета — сам понимаешь, увы... Насколько мы можем судить, твои соседи там, наверху, растолковали тебе то, что ты и сам должен знать, коли уж ты технет: что никто не станет тратить средства на ремонт организма, которому всё равно меньше чем через год придет пора идти на списание. Мы просто спишем тебя сейчас — это обойдется дешевле. Ведь мы, технеты, чем хороши? Никогда не задумывался об этом? А вот представь: нам удалось доказать, что ты человек. И сразу же возникает целый вагон сложностей. Тебя уже нельзя просто так взять и распылить. У человека, видишь ли, есть большая куча всяческих прав, и когда с ними не считаются, весь мир — та его часть, на которую приходится оглядываться — воспринимает это как-то слишком уж болезненно. И мы вынуждены об этом думать: нас ведь пока еще меньшинство на этой планете... Чтобы списать человека со всеми его правами, нужны долгие и глупые процедуры, которые вовсе не всегда завершаются так, как хотелось бы. А с нами, технетами, вот и с тобой в частности, всё очень просто. Кто мы? Да всего лишь механизмы с юридической точки зрения. А любой механизм можно уничтожить без всяких осложнений — если только это экономически оправдано. Так что лучше было бы тебе оказаться человеком, но на нет, как сказано, и суда нет. Вот такие дела. Так что пойдешь ты, невезучий собрат, на протоплазму, и очень скоро. Вот таков твой третий вариант, и я думаю, что тебе не понадобится даже пяти минут, чтобы

усвоить его очень твердо. А теперь — последнее. У нас нет ни времени, ни желания ждать, пока ты сделаешь выбор между этими тремя возможностями. Ты дашь нам ответ немедленно, вот здесь, не сходя с места. А молчание твое будет означать лишь, что ты выбираешь третий вариант — со всеми его последствиями. Начинаю последний отсчет.

«Вот сукины дети, — думал Милов. — Зажали в угол. Прямо хоть начинай каяться, разыгрывай явку с повинной. Но не дождутся. Потому что я им не верю. В том, что касается третьего варианта. Так легко они меня не выпустят — даже на тот свет. Нюх у них имеется, слов нет. Они чуют. Но пока еще ничего не знают. И будут мурыжить меня еще и еще, чтобы хоть что-то выяснить наверняка. Нет, покаяния не будет, розовые вы мои подштанники...»

Дверь отворилась и снова возник Куза — утоленный аппетит, похоже, не сделал его ни терпеливее, ни сдержаннее.

— Что ты скажешь — он всё молчит, падло? — возмущенно выговорил Куза. — Вот упрямый тип, банные ворота. Нет, я всё-таки протру ему панель, чтобы заблестела.

И он встал с кресла — воплощенная угроза. И стиснул массивные кулаки.

— Потерпи еще, собрат, — в очередной раз удержал его вежливый. — Знаешь, я технет любознательный. И мне все-таки очень хочется узнать, кто же этот, как ты выразился, тип: человек или технет. Вот что: давай-ка проведем испытание. Выясним этот вопрос досконально. И уж тогда...

— Да чего ради? — Куза, кажется, всерьез удивился. — Падаль всё равно падаль, технет он там или кто.

— Жаль, что ты выходил, — ответил на это вежливый. — Я в это время как раз ознакомил нашего клиента с некоторыми правовыми аспектами его положения, и тебе тоже не вредно было бы из услышать.

— Да вот еще! — произнес Куза едва ли не возмущенно. — Что мне нужно, я всё знаю.

— Ах, коллега, — укоризненно сказал вежливый. — Жизнь постоянно учит нас: нельзя жить вчерашним днем. А нам, технетам, этого и вовсе не полагается. Это вчера, собрат, вчера было все равно, из чего приготовлена протоплазма. Но увы — прекрасные дни миновали. Теперь, как

известно, мы играем с людьми в увлекательную игру, называемую «Я тебя вижу, ты меня — нет». Ныне, коллега, нам не все равно, что представляет собою этот индивид, с тупым видом позирующий перед нами. Если он и вправду наш с тобой собрат, тогда он — бесспорное сырье для протоплазмы или, как ты грубо, но тем не менее точно определяешь — падаль. Но если он все же человек... Да еще не наш, не реликтовый, вымирающий, а пришелец оттуда, из того неправдоподобного мира, где все они, конечно, тоже вымирают, однако, надо признать, обставляют это унылое действие всяческим комфортом — и не спешат, очень не спешат... Так вот, если этот экземпляр залетел к нам оттуда, а мы обойдемся с ним недостаточно бережно — не предотвратим вовремя слишком близкое наступление того исхода, какой в конце концов уготован любому существу и любой вещи, — то люди по ту сторону контрольной полосы могут обидеться, если сведения об этом до них дойдут. А информация к ним попадет, я тебе ручаюсь, потому что в великой Технеции что-то слишком уж много развелось той эвентуальной падали, что нарушает наши законы и установления, проявляет излишнее любопытство и не придерживает свои акустические устройства. Итак, когда до людей во внешнем мире такие сведения дойдут — то, ставлю всё будущее Технеции против дюжины носовых платков — окажется, что он вовсе не бродяга, не прохвост и уж конечно не заслан к нам с целями, как говорится у людей, несовместимыми со статусом, но является кристально чистым, благородным, светло мыслящим и мухи не обижающим представителем мира науки, или искусства, чемпионом благотворительности, или главой фирмы по изготовлению сахарной ваты, который забрел к нам совершенно случайно, незаметно для себя перейдя границу во время собирания в густом лесу бледных поганок — его любимое блюдо в это время года, — а наша пограничная служба со всей ее электроникой и автоматикой, по странному совпадению, как раз в это самое время в полном составе увлеченно смотрела на экран, где развивалась очередная неурядица в благородном американском семействе — незаконно поймав эту передачу из недружественной нам России при помощи спутниковой антенны — по каковой причине наш грибник и не был своевременно остановлен. Вот как окажется, дорогой

мой собрат, и тогда с нас с тобою, простодушных технетов, снимут не только эту нашу столь приятную для глаза внешнюю оболочку, но и несменяемую внутреннюю, и не сразу, а лоскуточками. Вот почему, собрат, я все же считаю необходимым узнать — кто он такой на самом деле.

— Чего же ты всё это прямо при нем? — забеспокоился Куза.

— А пусть слушает. Если он умен, то не хуже нас все знает, а если глуп — ему никакая информация не поможет. А каков он на самом деле — мы с тобой узнаем уже очень скоро. Угадай: как?

Куза некоторое время подумал.

— Так всё очень просто, — сказал он. — Если он человек, да еще оттуда, то у него нет вечного номера. А если технет, то номер у него должен быть на установленном месте.

— Да нет, коллега, номер-то у него наверняка есть, — невесело сказал вежливый. — Разве что он в самом деле собирал грибы... Ну ладно, убедись, посмотри своими глазами.

Куза таким рывком приблизился к Милову, что тому нелегко оказалось сохранить внешнее спокойствие, не отпрянуть, не принять защитную стойку. Однако, пока что обошлось без встряски. Куза в два счета обнажил то место на теле Милова, где должен был находиться вытатуированный вечный номер технета.

— Смотри-ка, да он атлет, — сказал вежливый удивленно. — А так, по виду, не скажешь... Что же, это интересно. Ну, что же там с номером? Убедился?

Милов старался сохранять полное спокойствие, хотя у него были сейчас все поводы для волнения. Само собой, номер у него был, однако, не хватало уверенности в том, что он выглядел, как настоящий — потому, разумеется, что настоящим он и не был. У Хоксуорта, понятно, нашелся мастер по таким художествам; однако, хорошего образца у них не было. Так что...

— Да, есть номер, — мрачно проговорил Куза, — и совпадает с карточкой. Ладно, одевайся...

— Значит, так, — помолчав еще, сказал вежливый. — Всё это очень интересно, и могут возникнуть всяческие варианты, относительно которых решать будут не на нашем

с тобой уровне. Придется отправить его на серьезное обследование и установление, раз уж он сам не выражает желания помочь нам. В конце концов, кому нужно лишнее беспокойство ради такого вот непонятного типа? Я думаю, собрат мой Куза, кинем-ка его на Базу, в ремонтное подразделение; ну, в крайнем случае, выругают нас за то, что сами не разобрались — но у нас с тобой от этого сети не сгорят. Не наше это дело — заниматься такими вот операциями; наша забота — исправность, а тут — никакой ясности. Верно я рассуждаю? — Он повернулся к Милову. — Слушай ты, покойник; спрашиваю тебя в последний раз: ты будешь говорить, прока ты еще на этом свете?

Кажется, ни один из них ответа не ожидал. Но Милов успел уже принять решение, на первый взгляд показавшееся сумасшедшим даже ему самому.

— Буду, — ответил он, сохраняя невозмутимое выражение лица.

— Куза, что ты скажешь, а? Смотри-ка! Оказывается, он умеет говорить! А я уже совсем было разочаровался... Ах ты, ненаглядный мой молчун! Ну, говори, говори, дай нам порадоваться вволю! Что же приятного ты нам скажешь? Куза, запись!

— Я буду говорить, — повторил Милов тем же ровным голосом. — Но не с вами.

— О, какое горе, я не переживу этого! Я бесконечно разочарован! Но кого же ты удостоишь беседой, грязь ты помойная?

— Я буду говорить с Клеврецем, — сказал Милов.

— Ого! — пробормотал Куза.

— Вот как, — сказал вежливый теперь уже нормальным голосом. — А ты понимаешь...

— Я всё понимаю.

— Ну, что ж... Тогда обожди. Я доложу.

Он вернулся через пару минут.

— Ладно, ты сам захотел. Куза, организуй всё.

— Пошли, — сказал вместо ответа Куза и, как бы опасаясь, что Милов не поймет команды, положил чугунную руку на его плечо, повернул и подтолкнул.

Милов послушно двинулся в указанном направлении — не к той двери, в которую вошел, а к другой, маленькой, в дальней стене комнаты.

Глава шестая

1

(110 часов до)

«Если уж я — столь важная персона, — думал Милов полушутя-полусерьезно, — то могли бы и на этот раз обеспечить персональным транспортом. А то как-то несолидно получается...»

Персональным транспортом действительно не пахло. Прямо с допроса его отправили на вокзал — пешочком, благо — было это недалеко, — а там поместили в какой-то подвальный закоулок, где находилось уже с десяток технетов (наверное, тоже каким-то образом проштрафившихся или просто уличенных в неисправности), и там на неопределенное время словно бы забыли. Одним словом, все так и происходило, как пророчил разлаженный технет совсем еще недавно. Приткнувшись на корточках спиной к стене, Милов даже подремал немного, чуть ли не радуясь тому, что можно ни о чем конкретном не думать и никаких действий до выяснения перспективы не предпринимать; но потом и дремота прошла, и захотелось чем-то заниматься,— бездействуя, он слабел и настроение быстро портилось, а это, как он давно знал, ни к чему хорошему не приводило, — но тут можно было разве что разгуливать из угла в угол — только и всего. Да и ходить становилось всё труднее, потому что народу постепенно прибавлялось; вероятно, здесь должны были накопить определенное количество задержанных, чтобы потом отправлять их дальше. Сколько же? Вокзал был железнодорожным, следовательно, этапируют их поездом, тогда, скорее всего, должны были насобирать на целый вагон. На какой только: пассажирский или товарный? И сколько еще недоставало для одного и для другого? Такова была, пожалуй, единственная задача, которой можно было отвлечь себя в эти вязкие минуты и часы.

Вагон, как в конце концов все-таки выяснилось, был нормальный вагонзак; в этом отношении цивилизация технетов ничем не отличалась от людской. И — как в родной стране — пассажиров в этот вагон набили больше, чем по-

лагалось по нормам; впрочем, нормы тут как раз могли быть другими. Технеты, пока их выводили и грузили, вели себя тихо и спокойно, принимая всё происходящее, надо полагать, как должное и совершенно естественное. И то, что есть не давали, тоже, кажется, никого не смущало и не расстраивало даже. Милов постарался отнестись к этим мелким неурядицам философски, чтобы, во всяком случае, не выделяться из общего ряда. Утешал он себя тем, что слишком больших расстояний в этой стране не было, а значит, теснота была явлением быстропреходящим, и ее можно было потерпеть. Что же касается настойчивого желания съесть что-нибудь, то обуздывать его Милов научился давным-давно, еще в ранней молодости.

Вагон немного погоняли по рельсам туда-сюда, потом всё-таки прицепили к чему-то — и поехали. Когда тронулись, была уже ночь, и пришлось примириться с тем, что никакой информации о направлении, в котором их везли, он не получит; правда, увидеть он, благодаря конструкции вагона, ничего не сумел бы и средь бела дня, но тогда можно было бы что-то если не услышать, то хоть угадать по звукам, которых в рабочее время всегда больше и которые громче; а сейчас была тишина, во всяком случае в вагон ничего не долетало, и оставалось, как это было сказано в давнем романе, ждать и надеяться.

Проехали, с остановками на разъездах, около пяти часов; потом остановились и долго ждали чего-то после того, как их отцепили от поезда. Наконец, приказали выходить. Снаружи уже светлело, однако сразу сориентироваться не удалось: им дали команду ложиться на землю, рылом в траву, и не шевелиться, а если кому что нужно — терпеть, а если уж стерпеть никак нельзя — позвать ближайшего караульного. Один немедленно воспользовался этим разрешением, и ему действительно позволили совершить требуемое; однако, при этом бедняге досталось не менее десятка раз прикладом по спине и кулаком по шее и в разные другие места, так что на свое место вернулся он в согнутом состоянии. Урока хватило, и еще полчаса — столько пришлось пролежать, поёживаясь от рассветной свежести — все терпели с истинно технетской выдержкой. Для Милова же этот эпизод послужил источником новой информации, а именно: процесс дешлакизации у

технетов ничем не отличался от такого же у людей; во всяком случае; внешними проявлениями не отличался, а там кто его знает.

Наконец, кто-то приехал и что-то приказал. Привезенных подняли, построили в колонну и повели по приятному проселку. Тут уж никак нельзя было помешать Милову смотреть и соображать; однако, и глядя, он не увидел особенностей, что позволили бы ему определить, в какие же это места их завезли: дорога не была оборудована никакими указателями или знаками, местность же была такой, что вполне могла относиться к любому району бывшей Каспарии; как говорится — ткни пальцем, и не ошибешься.

Шли около часа; следовательно, находились километрах в пяти от места, где из выгрузили, когда в окружавшей их картине стали замечаться какие-то изменения. Исчезли часто попадавшиеся группы деревьев, что никак не означало, что из климатической зоны лесостепи они переместились в степную, но говорило лишь о том, что тут в свое время позаботились вырубить всё, что росло — вероятно, для того, чтобы улучшить обзор и лишить какого-либо укрытия тех, кому таковое могло понадобиться; однако известно, что укрытие может требоваться лишь неблагонамеренным, законопослушные же ничего не скрывают и не имеют поводов укрываться даже от налоговой инспекции, не говоря уже о прочих инстанциях. Значит, в этих местах признавалось возможным появление неблагонадежных существ; это стоило взять на заметку. Дальше стало еще интереснее: раз и другой невдалеке от дороги попались характерные бугорки, в которых привычный взгляд Милова без осечки опознал неплохо расположенные для контроля над местностью и удовлетворительно замаскированные пулеметные дзоты, сиречь дерево-земляные огневые точки; амбразуры их были деликатно укрыты кустиками, которые, судя по желтизне листочков, ухитрялись расти тут без корней. Можно было предположить, что вновь доставленные постепенно приближались к объекту достаточно важному для того, чтобы охранять его при помощи фортификационных сооружений.

«Что же, — подумал Милов, — возможно, мне следует поблагодарить тех, кто постарался запихнуть меня в эти

края даже и таким непрестижным образом: на какие только жертвы не пойдешь ради информации — а тут она имелась, это он чуял, как говорится, верхним чутьём. База — ничем другим это не могло быть. То есть, его сюда доставили, как он и хотел, за казенный счет и без всякой волокиты с оформлением пропуска».

Прошли еще километра два — и жаждущему информации взгляду открылась наконец цель утомительного похода: ограждение из колючей проволоки в несколько рядов, сторожевые вышки и — прямо впереди — ворота с караулом. Хорошо знакомая, — пришлось признать, — картина.

Однако, это оказался не лагерь. Ни в коем случае. Заведение называлось «Центральная производственно-ремонтная база». Так, во всяком случае, следовало из надписи на щите, помещавшемся непосредственно перед самыми воротами.

«Ладно, — подумал Милов, когда колонну остановили у ворот и стали выполнять какие-то формальности. — Некоторые любят покруче...»

2

(108 часов до)

Впустив, вновь прибывших вывели на плац и там на полчаса оставили — до прибытия начальства, — приказав только сесть на утоптанную землю впритык один к другому. Двигаться было нельзя, зато разговаривать не возбранялось. Милов, правда, этой возможностью не воспользовался, предпочитая слушать. И не напрасно: не столь уж далеким прошлым вдруг повеяло на него от разговора, что происходил вполголоса человека за четыре до него, правее и сзади:

— По какой ходке тут?

— По третьей. Бакс тридцать два по-новому. Под шорой сейчас.

— Да он уже давно не новый... Чалить долго собираешься?

— Свиньи скажут. Если западло — ванькой буду. А сам?

— Сколько есть — все мои. Корешей тут имеешь?

— Да пока в дыму. Ничего: обнюхаемся.

— А как, если стать на лыжи?

— Не канается. Я же на воле вертун, и тут не загнусь.

— Станешь вкалывать? Ты что: бык-рогомёт?

— Давить клопа мне безвыгодно. Продал свободу, так что сейчас — самый раз тут припухнуть. Усек?

— Ты не шансонетка — самому виднее. Может, зонта уже увидел?

— Да уж не знаю... Вроде срисовал одного — только навыворот. Мусор, а может, и шарик — в давние дни пересекались. Засундучил меня, было дело.

— Барином здесь?

— Да нет! Может, он капустник был, или политик — только он тоже вроде бы попал на банк. Тут он, в садиловке.

— Точно всё?

— Проверить еще надо. Но если он — не упущу. Вальну его, век свободы не видать. Он — закоцанный, мне горбатого не слепит.

— Вентилируй. Если не закуришь — бякни. Сголдим блатных.

— Клёво...

Тут прозвучала команда — встать и строиться, и диалог нарушился, добавив Милову немало озабоченности. О нем ведь шла речь, вряд ли могло быть такое совпадение — чтобы в этом этапе оказался и еще один каспарский милицейский. А сам он — да, с немалым количеством блатных пришлось ему пообщаться за годы службы в этих краях, и у многих из них были, конечно, поводы на него обижаться; а родичи и кустари — народ злопамятный. И примета у него действительно есть — к счастью, не на лице, так что его еще раздеть надо, чтобы проверить — а это не так уж просто...

Он не стал вертеть головой, чтобы углядеть говоривших: сейчас самым разумным было — ничего не видеть, ничего не слышать; но как можно больше знать и еще больше — предвидеть. Занял свое место в строю и стал ожидать дальнейшего — в общем уже зная, конечно, что сейчас должно произойти: первичная сортировка.

И в самом деле, начальство вышло с сопроводительны-

ми списками в руках, и началась унылая перекличка. Всё, как у людей — только, в отличие от обычного лагерного порядка, здесь статей не называли, а выкликали неисправность, и не было фамилий: одни лишь номера.

— Слабо выраженное локальное разрегулирование с наладкой в процессе элементарного функционирования — номера...

Цифры, цифры. После каждой числовой комбинации один технет выбегал из строя и рысцой следовал к месту нового построения.

— Полифункциональное расстройство со стационарным ремонтом...

Номера, номера. По одному, по одному — но вокруг Милова соседей оставалось все меньше. И это ему не нравилось: тот, кому хочется опознать его, теперь, незримый в толпе, сможет сделать это, ни на что не отвлекаясь. Самому же ему оставалось лишь стараться загнать в память как можно больше лиц (про себя он не называл это «верхними панелями») из тех, что виднелись теперь уже напротив, в самой большой группе «локально разрегулированных»; диагноз этот, как подумалось ему, обозначал скорее всего просто-напросто роботов-уголовников. Значит, и такие имелись — и не одни лишь редкие единицы. Но вот говорившие за его спиной несколько минут тому назад, свободно ботавшие по фене — они никак технетами не могли быть вроде бы? Технетов ему арестовывать не приходилось: в его времена их вовсе не было. Или уже существовали — просто маскировались под людей? При желании, это было бы очень несложно. Словом, чем дальше, тем больше неясностей возникало в его новом положении...

Тем временем он остался и совсем один.

— Общее разрегулирование с углубленной иллюзией излишнего времени...

Вот, значит, как называется его неисправность. Иллюзия излишнего времени? Любопытно: с чем эту хворобу едят?

Зазвучали цифры. Он и так знал их наизусть, но все же проверял, повторяя про себя. Никаких ошибок: то был номер, нанесенный не так давно на его грудь, в области сердца, — номер, обманувший (пока еще) искушенного, надо полагать, Кузу.

— Я! — крикнул он, как и следовало откликнуться.

— Остаться на месте! Службам — развести остальных!

Команды тут выполнялись быстро. И вскоре Милов остался на плацу один — если не считать охраны.

«А для них время действительно как бы выпало, — пришло ему в голову. — Лет этак с полсотни. Форма у всех теперь та же, что была именно столько лет тому назад — до всяких крупных событий. Ну что же, небольшая хитрость — представить, что полувека вообще не было. Только у соседей-то это время было, и они вовсе не спали... Да, любопытно. Значит, чем-то я показал, что у меня — другой отсчет времени, не тот, что у них. Ладно, посмотрим, во что всё это выльется. Память они мне отбивать станут, что ли? Или действительно — решат, что овчинка выделки не стоит, и шарахнут куда-нибудь в крематорий — или утилизатор, черт знает, как это у них сейчас называется. Нет, до обидного хлипкой информацией располагали о Технеции — и не одни только американцы...»

Наконец-то и к нему подошли.

— Технет, следуйте за нами.

Двое; значит, и сейчас еще побаиваются. А почему, собственно? Он ведь никакого активного сопротивления не оказывал. Что-то знают? Что? Откуда? Хотя — если какой-то урка опознал или почти опознал его, то почему не могло это получиться у других — гораздо лучше снаряженных и информированных? Или, может быть, такие почести полагались ему по той причине, что он потребовал разговора с Клеврецом — в новом государстве, надо полагать, достаточно высокопоставленной личностью?

Они втроем неторопливо пересекли плац, прошли мимо нескольких бараков и остановились перед небольшим двухэтажным кирпичным домиком. Из единственной двери его вышел вооруженный автоматом технет.

— Получите доставленного, — сказал один из приведших Милова.

Вооруженный не сказал ни слова — только мотнул головой, приглашая войти. Милов на всякий случай покосился на конвоиров и, после разрешающего жеста, поднялся по четырем ступенькам крыльца.

Дверь за ним затворилась беззвучно, однако три замка потом звякнули, один за другим — гулко, внушительно, словно запирался старинный банковский сейф со звоном.

3

(107 часов до)

«Смахивает на детектор лжи, — подумал Милов, пока ему, усаженному в неудобное, высокое кресло прикрепляли датчики не только к голове, но и к груди, спине, обхватывали манжетами запястья, лодыжки... — И всё же это не полиграф; новая встреча с воистину непредсказуемой технетской цивилизацией. Непредсказуемой — потому что там, где от нее ждешь чудес, она вдруг оказывается вчерашним днем мирового уровня, даже позавчерашним — ну, а вот сейчас может оказаться совсем наоборот. Так что лучше будет приготовиться к любым неприятностям — даже к тем, которых по теории и быть не должно. И поменьше размышлять, но полагаться на интуицию, действовать рефлекторно — пусть это даже покажется глупым любому, наблюдающему со стороны. А вообще-то эта процедура заставляет вспомнить то, о чем меня предупреждали заблаговременно...»

Однако, времени для того, чтобы погрузиться в воспоминания, у Милова уже не осталось. Те, кто усаживал его и снаряжал, закончили свою работу и без единого слова или лишнего движения (истинно по-технетски, — не утерпел он отметить) отошли к двери и там застыли, словно выключились. Прошла минута — и оба встрепенулись, повернулись фронтом к двери и вытянулись в струнку перед вошедшим — начальником, видимо, обладавшим плотной, чтобы не сказать — хорошо упитанной фигурой, румяной верхней панелью с крупным носом и большими карими видеодатчиками, в которых — или это Милову только почудилось? — где-то на донышке таился даже юмор. Руки были крупные, белые, ухоженные. Халат, в который упитанная фигура была облачена — накрахмален до скрипа. Одним словом, существо обладало хрестоматийно-профессорским обликом, и даже странным показалось, что вошел он сюда в одиночку, без свиты ординаторов, ассистентов, сестер и прочих, кому в таких случаях полагается быть. Тем не менее, он был действительно один, и даже обоих приветствовавших его легким движением головы выдворил из помещения, и они улетучились беззвучно, словно выпорхнули на антигравах.

«Постарел немного, — подумал Милов без всякого удивления, потому что и сам не помолодел за те годы, что они не виделись. — Сдал немного, бывший майор милиции Клеврец; бывший майор, а ныне кто же: технет? Или сотрудничающий человек? Или маскирующийся под технета? Но в любом случае — Клеврец, старый дружок. Нет, никак не друг, но именно — дружок. Ладно, посмотрим, каким боком повернется нынешняя наша встреча...»

Он старался понять: а Клеврец опознал его? Но по выражению лица (или верхней панели) вошедшего понять это было невозможно. Самодовольная, невозмутимая харя...

4

(10б часов до)

Когда дверь за стражами затворилась, Клеврец повернулся к Милову и заговорил таким тоном, словно оба они сидели за чашкой чая — непринужденно и доброжелательно, однако без малейшего намека — словом или хотя бы интонацией — на то, что встречаются они не впервые в жизни, и даже не в сотый, наверное, раз:

— Ну, как пишут в эротических романах, наконец-то мы остались наедине в интимной обстановке, что так способствует активной деятельности. Согласитесь: с нашей стороны было бы крайне легкомысленно не воспользоваться создавшимися условиями. А деятельность наша будет заключаться в следующем: я задаю вопросы, вы — на них отвечаете. Единственное, что от вас требуется — отвечать именно на заданный вопрос, не пытаться сменить тему. Я не собираюсь терзать вас долго — понимаю, что сама по себе процедура эта получится достаточно скучной. Однако, вы сами попросили о встрече со мной; это позволяет думать, что вы решили вести себя разумно, не так ли? Хотя, возможно, я ошибся; но чем меньше вы станете тянуть резину, тем быстрее мы справимся и закончим — с результатом, как надеюсь, благоприятным для нас обоих. Итак: расслабьтесь, не думайте ни о чем постороннем, внимательно слушайте и точно отвечайте. Готовы?

Милов счел за благо промолчать. Видимо, интуиция

подсказала именно такой образ действий — или, вернее, бездействия. Сейчас Клеврец заказывает музыку — пусть сам и определит, какой танец придется исполнять.

— Предупреждаю, — сказал Клеврец (или, может быть все-таки лишь технет, сдублированный с настоящего Клеврека-человека: возникла у Милова и такая идея): — Если собираетесь саботировать, то напрасно. Если рассчитываете, что мы вас так полюбили, что не сможем с вами расстаться — грубо ошибаетесь. Безусловно, мне хотелось бы побеседовать с вами по душам. Разумеется, прежде всего — в своих эгоистических интересах, однако, они во многом совпадают и с вашими. Но, смею вас заверить — со мной не произойдет ничего плохого, даже если наш диалог не состоится; а вот с вами — случится, это я утверждаю со стопроцентной уверенностью. Я понимаю, в чем источник вашего упрямства: вам представляется, что вы подвергаетесь комбинированному воздействию допроса и медицинского анализа; и что ни одно, ни другое не представляет для вас непосредственной опасности. Однако, это справедливо лишь отчасти. Да, безусловно — допрос; конечно — анализ; но это допрос не на предварительном следствии, друг мой, а в судебном заседании, а посему может оказаться и так, что приговор последует незамедлительно — вы еще и со стула подняться не успеете. Я честно предупреждаю вас: все наши разговоры, вся встреча и транслируется, и пишется на видео, и ваше молчание, если можно так выразиться, видно и слышно — и этого вполне достаточно, чтобы оправдать наши действия даже в том случае, если вас действительно придется, не откладывая, пустить на протоплазму. Вы попали в серьезную передрягу, собрат, и чтобы вы это как следует поняли, я напомню вам правила нашей веселой игры. Наша цель — не просто выяснение некоей истины или, если угодно, получение определенной информации, но достижение некоторой, я бы сказал, договоренности с вами. Если мы ее достигаем — всё в порядке. Если же нет... Оказаться виновным во множество смертных грехов в положении, в котором вы очутились — проще простого. Три лживых ответа — а наши приборы определяют ложь в девяти случаях из десяти — являются преступлением уже сами по себе: они квалифицируются, как предоставление государству ложной информации по жизненно важным для него во-

просам. Два отказа от ответа — а молчание оказывается именно отказом — равны одной лжи. То есть, вы можете позволить себе промолчать не более чем на пять вопросов — шестой решит вашу судьбу не так, как вам хотелось бы. Но даже и одна ложь, даже и единственное умолчание уже повлияет на решение о вашем будущем. Причём учтите, что решение приму не я — технет, никому не желающий зла: технетам вообще свойственна доброжелательность, в особенности по отношению к низшим формам жизни. Вердикт выносит вся вот эта аппаратура, и обобщает ее компьютер, а он, как вы понимаете, судит непредвзято — но и обжаловать его решения некуда, никаких кассаций и никакого помилования не существует по делам о нарушении Закона об исправности, так же, как и Закона о порядке. Ну вот, теперь вы, собрат, информированы наиполнейшим образом, и я, чтобы не тратить зря времени, задаю первый вопрос, а всего я могу их задать до двенадцати — в простом случае, но существует еще дополнение на сложность, а ваше дело не представляется мне самым простым. Вопрос таков: вы человек? Промедление с ответом более трех секунд означает уклонение от сотрудничества. Итак, повторяю: вы человек? — и включаю отсчет.

Нет, это был точно Клеврец; внешность, разумеется, скопировать можно было бы без особых затруднений, изготовляя двойника-технета, но манеру разговора и привычку нагловато ухмыляться во время разговора повторить было, пожалуй, нельзя.

«Нет, не копия — тут подлинник, — думал Милов, пока медленно капали отведенные ему секунды. — Но в таком случае — это ведь значит, что...»

Одна. Две. Три секунды проскользнули. Он не успел сформулировать возникшую было мысль.

— Ответа не последовало, — констатировал Клеврец, как бы даже довольный этим фактом. — Один — ноль не в вашу пользу. Пока. Вопрос второй: вы технет?

«Ответить «да»? Тогда на первый надо было отвечать «нет», а не молчать. Да, прижали они меня крепенько. Однако, последуем за интуицией — не может же она просто так угробить меня... Не верю, что он не узнал меня. И если не показывает этого — значит, таковы правила игры. Ладно, будем играть по его правилам...»

— Ответа нет. Ноль — два. Или ноль — тридцать, если

вы предпочитаете теннисную систему счёта. Вы ведь играете в теннис? Нет, этот вопрос не засчитывается, он вызван простым житейским любопытством. А вы и так уже использовали треть своих возможностей. Теперь вопрос по делу: вы были в последние сутки близки с особой противоположного пола?

«Допустим, я отвечу «да». Но если технетам этого не полагается без какого-нибудь специального разрешения — или вообще не полагается, эмоций у них ведь нет по определению — черт его знает... Бывший коллега мог бы и прояснить игру хоть немножко».

Сослуживец зафиксировал «три — ноль» в свою пользу, а Милову в эти секунды представилась вдруг особа противоположного пола. Та самая, что загнала его в ловушку — или сама была ловушкой. Мышеловкой. Но до чего привлекательной мышеловкой! Он и не думал, что в его достаточно зрелом возрасте можно еще испытывать такое молодое переживание... Возникло вдруг ощущение теплоты ее тела, едва уловимое сперва, а потом глубокое и сильное дуновение ее дыхания, запах волос, выражение глаз... Только то, что было в Технисе, в ее каморке; а вторая встреча — в Круге — почему-то не вспоминалась, хотя наверняка она была куда важнее первой.

— Вопрос четвертый: когда вы последний раз проходили превенцию?

Вот тут, кажется, надо что-то ответить. Пусть нелепицу, пусть наугад. Почему-то возникла такая уверенность: надо ответить.

«Иначе я проиграю всухую даже без борьбы. Нужно хоть за что-то зацепиться, навести туману... И, в конце концов, обозначить свою позицию в этой игре. Иногда приходится ведь и помогать сопернику — ради конечного результата».

— Три месяца тому назад.

— О, наконец-то заговорил великий немой! От души поздравляю вас и себя — теперь я хоть услышал ваш голос, достаточно приятный, надо сказать. Наверное, вы поете — в узком кругу, только для своих. Что же, хорошо, что взялись за ум. Хотя лучше бы это сделать раньше. Но ответ оценивается лишь в четыре десятых, так что придется уточнять. Где вы проходили превенцию?

— В пункте моего района.

— Каков ваш район? Его номер?

— Восемьсот двадцать четыре.

— Как давно вы живете в этом районе?

«А черт его душу знает...»

— Одиннадцать лет.

— В каком районе жили раньше?

— В... двести девятнадцатом.

— Вы ремонтник?

— Нет.

— Последние пять вопросов — уточняющие, так что в общий счет они не идут. Пока вам задано четыре основных вопроса. Из них три остались без ответа, четвертый же после уточнения признан лживым. Вы не проходили превенции. Если вы технет — значит, уклонились от нее, что является преступлением. Если человек — вам и не надо было ее проходить. Если бы вы прошли ее, то не помнили бы номер своего предыдущего района. Зато знали бы, что технеты вашего уровня весь период своего функционирования живут в одном и том же районе. Всю жизнь — как сказали бы мы, если бы речь шла о людях. И, наконец, двести девятнадцатый — это район ремонтников, там живут именно они, и никто другой. Так-то вот... Но дальше, дальше. Ваш любимый цвет?

— Э-э... Синий.

— Ответ фиксируется. Вопрос: играете в футбол?

— Нет.

— Фиксируется. Любите детей?

— Не понял вопроса.

— Браво, браво, вы делаете успехи. У вас чувствуются большие способности — а может быть, и неплохая школа. Нет, положительно, чем дальше — тем больше вы мне нравитесь. Итак, вопрос отводится. Следующий: употребляете наркотические вещества?

— Нет.

— Алкоголь?

— Нет.

5

(105 часов до)

— Ну что же, подведем итоги. Было задано восемь вопросов, и у меня еще четыре в запасе — но к чему? Вы и

не заметили, должно быть, что давно уже проиграли. Три умолчания, три лживых ответа — более, чем достаточно. Просите объяснений? С удовольствием. Синий — любимый цвет; ложь. Причем как будто бы недоказуемая — но только на первый взгляд. С таким же успехом — или, вернее, неуспехом — вы могли бы назвать зеленый, оранжевый, серо-буро-малиновый в крапинку... Любой ответ был бы против вас: у технетов нет любимых цветов; у нас вообще нет ничего любимого, мы не эмоционалы, мы технеты. Футбол — тут вы сказали правду. Хотя и противоположный ответ был бы уместен: мы иногда играем между собой — не только потому, что наследие людей изживается с трудом, но и для того, чтобы определять уровень реакций каждого технета — это своего рода тест Службы Исправности... Далее: наркотики — чистая правда. А вот алкоголь — ложь. Я ведь сказал вам, что эти два отрицания прозвучали очень по-разному; это не мое впечатление, это показания приборов. Но не станем углубляться в технологию. Вот вам и вся арифметика. Мало того, что вы проиграли: вы к тому же дали понять, что вы не технет, а человек. Так что теперь я освобожу вас от всей той паутины, в которой вы запутались, — я имею в виду мои датчики, — и будем считать, что сеанс окончен. Сеанс одновременной игры.

Он принялся быстро и умело снимать датчики и отключать провода. Милов сидел неподвижно. Он провел языком по пересохшим губам.

— У вас тут есть что-нибудь попить?

— Пересохло во рту? — в голосе Клевреца вдруг прозвучало как бы неподдельное участие. Он открыл один из шкафчиков у стены — это оказался холодильник, — достал бутылочку. — «Фанта» вас устроит?

Видимо, удивление Милова выразилось в его глазах: бывший сослуживец засмеялся.

— Старинное изречение можно было бы перефразировать так: «Я не человек, но ничто человеческое мне порой не чуждо», — сказал он. — Что делать, мы слишком долго существовали в тесном общении с людьми, и даже, признаюсь, в чем-то завидовали им, хотя зависть — чувство, а чувства, как вам уже известно, нам не свойственны. Но ведь и чувствам можно подражать — и не без успеха... Так что, кстати говоря, вы напрасно испугались вопроса насчет

противоположного пола. Ну, пейте смело: в эту жидкость ничего не подмешано.

Милов не без удовольствия осушил бутылочку.

— Еще? Не стесняйтесь, вы меня не разорите, и Службу тоже.

— Благодарю, достаточно.

— На здоровье. Надеюсь, что оно вам еще понадобится. Но я ощущаю, что у вас возникли по этому поводу сомнения или, по крайней мере, вопросы. Не стесняйтесь задать их.

— Благодарю. Что теперь со мной будет?

— Как вы сами понимаете, вы честно заработали бы списание на протоплазму — если бы действительно оказались технетом. Но вы — человек, и для меня это стало ясно в тот миг, когда я увидел ваш несменяемый номер; он сделан довольно умело — но не для профессионала. Всё же это кустарщина. Кололи сами?

Ну, что же: Клеврец всегда отличался хорошим чутьем...

— А если бы и так?

— У нас его не колют, а наносят лазерной иглой. И конфигурация цифр у нас стандартна и заметно отличается от вашей. Конечно, самому на себе, да еще без специального оборудования, мудрено сделать лучше, чем получилось у вас. Однако, сейчас это не имеет принципиального значения. Поскольку вы человек, протоплазма вам не угрожает. Но — это ведь не единственный возможный способ завершить свое бренное существование. Так что на эту минуту всё еще зависит от вас самого.

Милов несколько приободрился.

— Вы прекрасно умеете объяснять, — сказал он. — Я всегда так считал. Готов слушать и дальше.

Это было, по сути, предложение играть в открытую.

— Разумно. Я ведь сказал вам: это был сеанс одновременной игры. Кроме той, которую мы уже сыграли, ведется еще и другая, и с ее правилами я сейчас вас познакомлю. Дело в том... Кстати, могу ли я узнать ваше уважаемое имя?

Значит, предложение оказалось отвергнутым.

— Предположим, Чука.

— Очень смешно. Но если вы предпочитаете пользоваться технетской кличкой — не стану возражать; так или

иначе наступит момент, когда вы назовете свое настоящее имя — вам просто донельзя захочется его назвать... Так вот, дело в том, достойный Чука, что мы, как вам, возможно, уже приходилось слышать, заинтересованы в сотрудничестве с людьми. Оно весьма важно для нашей экономики, для определенных ее отраслей. Понимаю вашу мысль: у нас достаточно — или должно быть достаточно — и своих, так сказать, исконных людей. Не стану спорить. Хотя сейчас их значительно меньше, чем предполагают ваши специалисты. Но это всё, я бы сказал, немного не те люди. Насколько мне известно, вы совсем недавно активно общались с их представителями...

— Не стану отрицать, — прервал его Милов, — что они произвели на меня очень приятное впечатление. И если бы я был человеком — вы понимаете, это всего лишь предположение, а вовсе не признание, — я с удовольствием проводил бы время в их обществе.

«Что же: продолжим игру по-твоему. Хотя не очень понятно пока, к чему она может привести. Что разыгрывается в конце концов?»

— Не стану комментировать ваше «предположение». А что касается людей — могу вас заверить: знакомство было слишком непродолжительным, чтобы вы смогли составить о них сколько-нибудь точное представление. Вы ведь знаете, что люди познаются не за бутылкой... За годы пребывания в некоторой изоляции от других людских сообществ и вообще от активной жизни, наши люди, так сказать, утратили умение жить, потеряли вкус к бытию, что ли... одним словом, безнадежно отстали. А нам нужны именно современные люди — и нужны для очень многих дел, серьезных и не терпящих отлагательства. Вот я и предлагаю вам оказать Технеции некоторую вполне посильную помощь.

— А почему вы решили, что я чем-то отличаюсь от прочих технецианских людей? Опять-таки — если я человек, в чем я сам не уверен.

— Ох, боже, что за непрофессиональный вопрос! Да слепому видно, что вы в Технеции совсем недавно. Чересчур разительно отличие.

— В самом деле?

— Не надо выпытывать, я охотно объясню и так, в этом

нет никакого секрета. Во-первых, об этом свидетельствует то, что вы нас — и меня в частности — не боитесь. А будь вы нашим — боялись бы. Потому что будь вы нашим, вы могли бы оказаться в Технисе только одним способом: бежав отсюда, из Базы, или же оттуда, где вы были и где вас задержали — из Круга. Иными словами, вы должны были бы все годы, что миновали после возникновения Технетского государства, провести либо тут, либо там. Человек, поживший здесь, хорошо знает, что такое технет в его худших проявлениях. Любой технет, осуществляющий на Базе установленный правопорядок, презирает людей, ненавидит их и не стесняется в обращении с ними, потому что в его представлении они уже вымерли, хотя внешне кажутся еще живыми. Что делать, милый Чука, смена власти для кого-то, как правило, болезненна, происходит ли она в рамках группы, нации, расы или в мировом масштабе... Далее, такой человек вряд ли осмелился бы притворяться технетом, заранее зная, что где-то обязательно сорвется — вот как вы с той техналью на улице... Кстати, вы ее знаете?

— Увидал впервые в жизни.

— Что ж, в этом я вам поверю... Так вот, человек сорвется — а он знает, что такое поведение является одним из самых нетерпимых нами преступлений. Технеты — не люди, они — выше, и мы не хотим, чтобы кто-то из людей пытался ослабить нас, затесавшись в нашу среду.

— И тем не менее, вы приглашаете меня...

— Это совсем другое дело. Мы приглашаем вас, зная, кто вы; приглашаем для выполнения конкретных дел; работа ваша будет вознаграждена — и на этом отношения наши завершатся.

— Интересно, как стали бы вы меня вознаграждать — разумеется, если бы всё, что вы предполагаете, оказалось правдой? И что стало бы со мною потом?

— Вы задали два вопроса, но ответ на них один. Мы отпустим вас, и вы спокойно отправитесь к себе домой. Я не имею в виду тот район, что вы мне недавно назвали; нет, я говорю о вашем настоящем доме — там, за границей, в той обширной стране на востоке, гражданином которой вы являетесь.

— А вы так уверены, что я захотел бы такого исхода?

— Если бы вы от него отказались, я с удовольствием предложил бы другой вариант, по-моему — гораздо более выигрышный. Но это — замечание между прочим, это не ответ. А прежде чем ответить, я попрошу вас оказать мне — вернее, нам — небольшую услугу. Она действительно невелика, но для вас многое зависит от ее выполнения.

6

(104 часа до)

— Ну, если это в моих силах... — протянул Милов, и счел нужным добавить: — Я имею в виду мои реальные силы, а не то, что вам мерещится...

— О, я вижу, что вы чувствуете себя всё более уверенно — иначе не решились бы дерзить мне. Но это, может быть, и к лучшему. Итак, у меня нет никаких сомнений в том, что выполнить нашу просьбу — целиком и полностью в ваших силах.

— Было бы интересно услышать...

— Но разумеется! Дело в том, что, как вам, вероятно, уже известно, совсем недавно в воздушном пространстве нашей страны потерпел аварию самолет, следовавший нерегулярным рейсом. Он по неизвестной пока причине взорвался в воздухе.

— Какой ужас! — сказал Милов и покачал головой. — Я слышал об этом краем уха, но подробностей, увы, не знаю.

— О, по сути дела, не произошло ничего страшного. К счастью, все пассажиры и экипаж спаслись.

— Это прекрасно. Все до единого?

— Вот тут у нас возникли некоторые сомнения. Мы не нашли ни одного погибшего, и все потерпевшие бедствие утверждали, что никто из них не оказался пропавшим без вести. Однако, у нас есть серьезные основания полагать, что на самом деле одного из пассажиров — или, может быть, он был даже членом экипажа — мы недосчитываемся.

— То есть, у вас имеется список пассажиров и членов экипажа, и вы решили...

— Не совсем так. Однако, это как раз должно интересовать вас меньше всего. Если понадобится, мы раскроем перед вами источники нашей уверенности, пока же я не вижу такой необходимости. Важно то, что на нашей территории исчез человек. Нас очень заботит его безопасность. И мы просим вас: помогите разыскать его.

Глаза Клеврека откровенно смеялись, в то время как лицо сохраняло нейтрально-доброжелательное выражение.

— Ого! Вы полагаете, это так просто? Но почему бы вам самим... Я, откровенно говоря, не понимаю, при чем тут я. Я ведь не розыскная собака, не экстрасенс и не предсказатель...

— Безусловно, мы можем найти его сами, и даже без особых усилий. Но мне хочется дать вам возможность оказать нам услугу, и тем самым значительно улучшить свое положение — настоящее и будущее. Найдите его! А чтобы вам было легче совершить это, поделюсь с вами тем, что нам о нем известно. Это человек, пол — мужской, возраст — около шестидесяти, хорошо тренирован, здоров, находчив, подданство — Россия, однако в последние годы работал чаще всего по заданиям международных организаций, главным образом Интерпола; основная профессия — полицейский, но обладает навыками ведения разведывательных действий; может быть резидентом в другой стране. В частности, в этой, поскольку прожил здесь много лет и знает язык... По неизвестным нам причинам недавно оставил активную деятельность и вышел на пенсию, поселился у себя на родине, ведет уединенную жизнь... Далее: рост — ниже среднего, — пять футов шесть дюймов, волосы — густые, темные, с сильной проседью (хотя здесь он, вероятнее всего, красит их или носит парик, потому что намерен выдавать себя за технета, а мы не бываем седыми — не успеваем), зубы — искусственные, фарфоровые, глаза карие, нос прямой...

Клеврец говорил медленно, размеренно, словно вколачивал в сознание собеседника слово за словом, как будто читал лекцию весьма тупой аудитории, — а глаза его в это время смотрели на Милова неотрывно и очень выразительно — как будто должны были договорить то, чего не содержалось в словах: пойми, дубина, я же хочу тебя вы-

городить, я даю тебе шанс, какого не дал бы никто другой; даю — хотя бы в память о совместной нелегкой службе...

Милов, читая все это, не очень-то верил. Клеврец всегда любил схитрить, и был щедр на обещания задержанным — ради оперативных успешных результатов.

— Можно подумать, что у вас в руке — его фотография, — как о чем-то незначительном проговорил Милов в ответ.

— Вы же видите, что у меня ее нет, хотя не стану уверять, что мы вообще ее не имеем. Просто сейчас она не обязательна. Ну, что вам еще рассказать о нем? Я полагаю, что он, прибыв на нашу территорию, вероятнее всего, с целью сбора той информации, которую мы не предоставляем никому в силу ее важности для нашего государства — прибыв, он, хотя и не сразу, но пробрался в столицу, где, однако же, был замечен...

— Это очень интересно, — проговорил Милов безмятежно.

— Что именно: как он засветился? Ну, я мог бы и не объяснять вам, однако, намекну (говоривший чуть заметно усмехнулся): его прибытие не было для нас такой совершенной неожиданностью, как он, вероятно, рассчитывал. Такой вот намек; как говорится, sapientii satis. Однако, вследствие некоторых обстоятельств ему пришлось покинуть Текнис — вероятнее всего, в надежде запутать следы. И теперь он находится — мы знаем совершенно точно — где-то неподалеку отсюда — потому что именно База может являться целью его странного визита. Он способен на решительные действия; мы судим по тому, что за краткое время пребывания на нашей территории он успел уже убить солдата — что само по себе является достаточно тяжелым преступлением: вывести из строя дорогостоящего технета — за это мы наказываем строго даже своих, а уж если виновный является человеком — то... Ну, кажется, я изложил вам всё, что может понадобиться. Осталось разве что назвать его имя. Угодно услышать?

— Отчего бы и нет?

— Его зовут Милов.

Ага. Приближаемся все-таки к открытой игре. Ну что же: прекрасно...

7

(103 часа до)

«Очень смешно, — думал Милов.— У них полная информация из какого-то источника вне Технеции; источник наверняка в Штатах. Но и там, как меня уверяли, в операцию посвящено считанное количество людей. Тем не менее — это кто-то из них... Хоксуорт? Маловероятно: ему-то информация о людях и производстве технетов нужна, я уверен, всерьез. А вот этот самый мистер Клип, американец каспарийского происхождения — он, пожалуй, и может оказаться тем краном, через который утекли сюда нужные им факты. Интересная получается тут и своеобразная игра в кошки-мышки: он рассказывает мне обо мне, наверняка зная, что разговаривает именно со мной. И раскрывается настежь. Как следует понимать это? То ли он настолько самоуверен, что допустил непростительную накладку, то ли у него игра такая. Посмотрим. Во всяком случае, становится всё интереснее... Велик, конечно, соблазн поверить в то, что Клеврец искренне желает мне добра, хочет меня выгородить. Однако, не исключено, что это именно ему и нужно: чтобы я поверил. Сентиментальностью же он никогда не страдал...»

— Вот, собрат, так обстоят дела, — закончил Клеврец весьма доверительным тоном. — И от вас требуется найти этого человека.

— М-да... — пробормотал Милов. — Вы меня прямо огорошили. Боюсь, что это намного превышает мои скромные, а еще вернее — совершенно отсутствующие возможности.

— Да что вы; не смешите меня. Я уверен: вы можете без труда обнаружить его, даже не выходя из этого помещения.

— Как вы сказали — не выходя?

— Вот именно.

— Он что у вас — спрятан в шкафу?

— Ох, ну не надо паясничать... Даю вам пять минут. А тем временем объясню, почему ваше сотрудничество представляется нам важным. Мы собираемся сделать господину Милову интересное и взаимовыгодное предложение.

Мы полагаем, что он на него согласится. Но чтобы у нас была возможность сделать предложение, а у него — принять, необходимо, чтобы он находился в нашем распоряжении. А это возможно только при условии, что не мы отыщем его, а он сам... понимаете?

— Не вижу разницы.

— Она огромна. Если мы — или другие силы — берем его, то он — преступник, попадает в ведение органов правосудия, и заполучить его в таком случае, вырвать из их когтей будет весьма затруднительно, а может быть и вообще невозможно. Как и в человеческом обществе, достойный друг, различные силы и ведомства постоянно тянут одеяло каждая на себя; для судейских это был бы повод к прекрасному, громкому процессу с международным резонансом; шутка ли — на нашей территории схвачен русский разведчик и диверсант! Для политиков — возможность еще более обострить отношения со страной, гражданином которой Милов является. У нас же — свои интересы. Но мы, увы, не всесильны. Вот вам наша исчерпывающая мотивировка. Сосредоточьтесь, можете закрыть глаза, подумайте, как следует — и представьте мне этого Милова. После этого поведем дело дальше.

«То есть, откровенно предлагает сдаться — и вполне понятно, почему: если я делаю явку с повинной, то для моих нанимателей и для всех остальных меня более не существует, я сгорел синим огнем; после этого я остаюсь целиком в распоряжении Клевреца и его хозяев, и уж тогда придется отплясывать под их дудку, выкидывать самые сумасшедшие коленца...»

— Мне сложно сосредоточиться и думать, — сказал Милов, — не зная, какого рода предложение может быть сделано Милову в случае, если я действительно смогу представить его вам. Коли вы так хорошо осведомлены о нем, то понимаете, что он не на всякое предложение пойдет — даже под очень сильным прессингом: я же в этом случае попаду в неловкую ситуацию.

Экс-сослуживец, казалось, задумался; во всяком случае, он молчал около трех минут.

— Ну, что же, — медленно проговорил он затем. — Пожалуй, определенный резон в ваших словах имеется. Итак: чего мы от него хотим? Нам не нужно, чтобы Милов,

находясь у нас, делал какие-то заявления в пользу технетской формы цивилизации. Это было бы дешево и наивно. Для политиков — еще туда-сюда, но не для нас. Мы не любим сотрясать воздух, мы решаем конкретные проблемы. А они есть, и я бы сказал — в избытке. Так вот. Милову прекрасно известна география нашей страны. Он знает, что на востоке она граничит с тем самым государством, подданным которого он является. Отношения наши с этим государством — официальные, я имею в виду — находятся на точке замерзания, что вполне объяснимо. Однако помимо официальных отношений, как известно любому специалисту, существуют неофициальные, наряду с официальной дипломатией — тихая, с открытой экономикой — теневая... И вот наша экономика очень тесно завязана на восточного соседа. Нам самим это не нравится, но что поделать: долгие десятилетия мы работали, по сути, в одной фирме, и любые официальные перемены не могут привести к немедленным и радикальным переменам в экономике. Отношения сохраняются; просто они переходят в область незримого простым глазом...

— В область контрабанды, скажем так, — не утерпел Милов, хотя, может быть, и не следовало вмешиваться в рассуждения сослуживца. Тот, однако, не обиделся.

— Вопрос терминологии, вы это отлично понимаете. Как и Милов... Короче, такие отношения существуют — и к нашей выгоде, и небезвыгодно для тех, кто участвует в них с другой стороны, с востока.

— Речь вряд ли идет о том государстве, если я правильно понял. Скорее о каких-то его гражданах — или даже неграждан ах...

— Вы поняли правильно, однако деньги, как известно, не пахнут и — могу дополнить — сохраняют свой цвет независимо от их местонахождения... Итак, до относительно недавнего времени отношения эти развертывались к обоюдному удовольствию. Но пришло время перемен — и действовать стало все труднее.

— Вы имеете в виду, что граница стала менее проницаемой?

— И это, в частности. Теперь мы получаем значительно меньше, чем нам хотелось бы, чем нам нужно. Да собственно, если я не ошибаюсь, вы, находясь там, где вам не

следовало показываться и присутствовать, и сами догадались — могли догадаться, во всяком случае — о том, что хотя бы одна операция, связанная с темой нашего разговора, не увенчалась успехом. И могу добавить: не единственная. Будь этот случай первым — мы бы не... Но процесс этот грозит продолжиться — даже, быть может, до полного закрытия всех ходов-выходов. А такой поворот событий привел бы к весьма и весьма плачевным для нас результатам. К серьезным экономическим потрясениям. Да-да, не делайте вид, что вы удивлены; это действительно так.

— Но вряд ли политические потрясения могут развернуться в Технеции, с ее монолитностью граждан, единством мировоззрения...

— Э, достойный друг; на самом деле все обстоит не так уж гладко. И монолитность общества, и единство и аксиоматичность мировоззрения не приходят сразу, с ними не рождаются, они должны войти в инстинкт, в кровь, не знаю во что еще. Так или иначе, пока все эти процессы еще обратимы — или, во всяком случае, есть немало технетов, полагающих, что можно еще повернуть назад, к людям... До тех пор, пока мы удачно сводим концы с концами, они не добьются ничего серьезного, и всякая попытка изменить ход вещей будет подавлена. Но если уровень жизни начнет понижаться, как вода в ванной, когда вынимают пробку — никто не сможет поручиться за последствия. И вот мы — наша служба, один из столпов государства — должна обеспечить сохранение существующего положения на границе.

— Полагаю, вы не думаете воевать с восточным соседом для того, чтобы они облегчили пограничный режим?

— Это не пришло бы в голову даже сумасшедшему.

— Согласен. Но не понимаю, зачем вообще вам этот самый Милов. Чем он сможет помочь в решении ваших неурядиц?

— Этот самый Милов тем не менее является едва ли не единственным, кто может оказать нам известную помощь. Нет, я не стану утверждать, что он — лучший в мире для этой цели. Однако он — наилучший из тех, кто нам доступен. С кем мы можем войти в контакт, причем занимая сильную позицию.

— Что же конкретно он может сделать для вас?

8

(102 часа до)

Собеседник Милова помолчал, как бы колеблясь.

— На эту тему я могу разговаривать только с ним. После того, как вы его найдете.

— Я найду его.

— Это обещание?

— Найду. Но, как я уже сказал, только в том случае, если вы прежде раскроете этот секрет мне. Вы ведь понимаете, что риска для вас нет никакого. Я целиком в вашей власти.

— Это, конечно, не вызывает сомнений. И все же... Ну, хорошо. Но вы должны понять: настаивая на моей откровенности, вы тем самым определяете свою судьбу в случае каких-либо осложнений.

— Вы имеете в виду — если я нарушу обещание? Кстати, а действительно, в случае, если мы все же не договоримся — что будет со мной?

Клеврец подкупающе-весело улыбнулся.

— Что с вами будет? Ничего. Ровным счетом ничего.

— Приятно слышать.

— Обождите, вы еще не дослушали до конца. С вами не будет ничего, потому что ничто не может произойти с тем, кого нет.

— То есть?..

— Вас просто-напросто нет. Вы не существуете. В настоящее время я нахожусь в своей лаборатории в полном одиночестве, и всего лишь разговариваю сам с собой вслух — у меня есть такая привычка. Возможно, у меня возникают время от времени визуальные и акустические галлюцинации, и мне может показаться, что я беседую с кем-то. На самом деле здесь нет никого, кроме меня. Да и откуда кому-либо взяться? Да, произошла авария в воздухе; но все до единого люди, находившиеся на борту самолета, спаслись. Вы меня понимаете, глубокоуважаемый?

— Слишком хорошо.

— В таком случае, вам остается лишь подтвердить желание услышать то, что я должен сказать господину Милову — или отказаться от этого вашего желания.

— Продолжаю на нем настаивать.

— Прелестно. Тогда слушайте. К названному господину у нас будут две просьбы.

— Не так уж и много.

— Да, совершенная безделица. Во-первых: полагаю, что вам известно, что все, находившиеся на борту самолета и спасшиеся после его взрыва, были почти сразу же обнаружены нашей поисковой службой. Однако по пути в... медицинское учреждение — согласитесь, что люди, перенесшие подобные потрясения, нуждаются в определенном врачебном обследовании и помощи — они, применив силу, освободились от сопровождения и исчезли. У нас есть все основания полагать, что летевший вместе с ними господин Милов хорошо знает, куда они должны были направиться и зачем; ему, вне сомнений, известно, где они сейчас располагаются — с точностью если не до десятка метров, то во всяком случае с ошибкой не более километра. И мы очень хотели бы, чтобы он поделился этими сведениями с нами. Как вы понимаете, — говоривший ухмыльнулся, — нас волнует исключительно здоровье и безопасность этих людей. Я растолковал ясно?

«Ага. Значит, предварительное условие — сдать команду. Пока она не схвачена, они не чувствуют себя уютно — полагают, что эти люди могут им в чем-то помешать. Следовательно, у них намечается какое-то немаловажное действие. Запомним это и пойдем дальше.

— Могу лишь поблагодарить вас за полную ясность изложения. Ну, а второе задание?

— Вторая просьба, вы хотели сказать? С ней дело обстоит несколько сложнее, однако выполнить ее — целиком в пределах возможностей господина Милова. Как мы с вами уже говорили, транзит через восточную границу в настоящее время весьма затруднен. Особенно, когда речь идет о грузах, которые нельзя спрятать ни в кармане, ни в двойном дне...

Так. Вот тут, кажется, мы подходим вплотную к интересным вещам.

— Понимаю.

— Мало того; грузы эти нуждаются в специальных транспортных средствах, и потому их трудно протащить лесными тропами; они должны следовать по нормаль-

ной дороге. Однако, на нормальных дорогах на границе стоят и нормальные посты, нормальные таможенные пункты...

— Могу лишь подтвердить это. Но мне не совсем понятно другое...

— Что же именно?

— То, что вы собираетесь транспортировать такие грузы на восток, а не в противоположном направлении.

— Ну, это относится уже к области коммерческих тайн, раскрывать которые я не уполномочен — вернее, не был бы уполномочен в случае, если бы они были мне известны; но это не моя компетенция. Мне — да и вам тоже — вполне довлеет знать, что именно этим грузам надлежит быть переправленными именно через эту границу.

— Пусть так. Но я достаточно хорошо знаю Милова, чтобы заверить вас в том, что он не волшебник. И не имеет в своем арсенале средств, позволяющих делать невидимыми крупногабаритные, судя по вашим словам, грузы.

— О, волшебство тут совершенно не при чем.

— В таком случае, мое воображение пасует.

— А между тем, все очень просто. Как вы могли убедиться, у нас имеются достаточно точные представления о том, как и зачем Милов проник сюда. Известно, что на таком уровне профессионализма никто не станет входить куда-либо, не убедившись предварительно, что у него будет возможность при надобности беспрепятственно выйти. Азбука, не так ли?

— Теоретически все правильно.

— Милову для того, чтобы покинуть эту страну, достаточно перейти восточную границу в любом месте.

— А вот это представляется мне затруднительным. Граница очень серьезно охраняется с вашей стороны, да и с той, другой, тоже.

— Вот-вот. Тут вы, как у нас говорится, попали гвоздю по шляпке. Итак, для того, чтобы выйти, он должен иметь в своем распоряжении средства, которые обеспечат ему нужное благоприятствование хотя бы с восточной стороны кордона. Ожидалось ведь, что он будет уходить с целым ворохом интересной информации, не так ли?

— Предполагать, разумеется, можно...

— Благодарю за любезное разрешение. Итак, у Милова есть нечто, делающее его своим, как только он перейдет

границу. И это, конечно же, не паспорт, вообще — не какой-либо документ, ничего такого, что можно было бы отобрать у него и передать другому существу. Наверное, это даже не словесный пароль: современная методика допросов позволила бы узнать ключевое слово или фразу без особого труда. Нет, сейчас это — нечто, совершенно иное. Тембр голоса. Биотоки. Отпечатки пальцев. Радужка глаза... То есть, вещи, которые подменить, скопировать, имитировать весьма трудно или вообще невозможно. А это значит, что перейти границу, пользуясь ими, может только сам Милов.

— Что же, неплохое обеспечение...

— Мы тоже так считаем. Открою вам еще одну маленькую тайну: нам удалось выяснить, на каком чек-пойнте недавно появилось оборудование, при помощи которого можно произвести подобное опознание. Вряд ли вас удивит, если я скажу, что сегодня обычные посты на границе не снабжаются подобными устройствами... Иными словами, нам уже сейчас известно, где именно стал бы переходить границу господин Милов — если бы ему это удалось, разумеется. То есть — если бы ему позволили уйти мы.

«Вот сукины дети, — думал в это время Милов. — Даже в таком деле нельзя обойтись без расхлябанности. Не удосужились все укрыть, как следует, наоборот, наверняка стали развлекаться, как игрушками — опознавать друг друга, или в этом роде... Ох, страна ты моя великая, взять десять пудов мелкого маку!»

— Зато, — продолжал тем временем собеседник, — если уж он выйдет, официально представится и будет опознан, то и все то, что будет следовать с ним, получит право беспрепятственного прохода через границу и таможню. Информация может ведь быть и вещественной, не так ли, мало того — нередко именно такая информация является самой ценной, поскольку ее не приходится расшифровывать. И вот господин Милов в целости и сохранности оказывается у себя дома, а груз, в котором мы заинтересованы, благополучно минует опасную узость и выходит, так сказать, на оперативный простор. В результате — довольны все: господин Милов, его руководство, а также грузоотправитель и грузополучатель. Только не спрашивайте меня об этом последнем: мне о заказчике не известно совершенно ничего,

и я очень этому рад. Вот, собственно, и вся работа, которую мы хотим поручить господину Милову. Напомню, что вы уже обещали найти его — чтобы нам не пришлось прибегать к иным мерам.

— А разве могут быть еще и другие меры? Мне думается, что если уж я его не найду, то это не удастся и никому другому.

— Вот тут вы несколько переоцениваете себя. Не забывайте, что находитесь в Технеции. Здесь, как вам известно, обитают технеты. А самой главной чертой их является, да будет вам ведомо, безоговорочное подчинение, точное выполнение приказа.

— Это мне известно не хуже, чем вам. Но Милов-то не технет!

— Справедливо. Зато технет — вы! Разве вы сами не утверждали этого?

«А вот тут он меня подловил. Я — технет, а значит... Нет, тут ничего нельзя решать с хода. Ладно...»

— Ну что же, — сказал он. — Признаюсь, вы меня убедили, и я не собираюсь отказываться от данного обещания. Но, убеждая, вы меня и утомили до последнего. Я знаю, что технетам не полагается... Однако, мой сегодняшний ресурс на исходе. Нуждаюсь в восстановлении. И прошу отложить отыскание господина Милова до утра.

Собеседник улыбнулся.

— Вполне с вами солидарен, собрат, — сказал он. — Не обессудьте только, если не смогу предоставить вам целительного одиночества. Ваше благополучие настолько для нас ценно, что с вами неотлучно будут находиться мои технеты — чтобы на вас и муха не села... Ну, и в отношении времени — боюсь, не смогу вас удовлетворить. До утра — это совершенно невозможно, такими промежутками времени не располагает никто из нас. По ряду обстоятельств, счет идет едва ли не на часы. Так что можете располагать временем — ну, скажем, в пределах двух... нет, в пределах одного часа. Большее не в моих силах.

— В таком случае могу ли я немного подышать свежим воздухом?

— Отрегулировать процесс окисления? О, разумеется. Всякое устройство должно поддерживаться в нужном режиме, это все прекрасно понимают. Дышите, дышите. Однако,

вы, надеюсь, не будете в претензии, если вам составят общество все те же технеты? Они совершенно не помешают вам и не станут нарушать вашего окислительного процесса: молчаливые устройства, чего нельзя сказать обо мне, а?.. Итак, если пожелаете — можете воспользоваться этим вот выходом.

— Непременно. Приятного восстановления!

9

(101 час до)

За дверью оказался внутренний дворик и три охранника, как и было обещано. Окружали дворик высокие кирпичные стены, в каждой из них было по двери, наглухо закрытой. Не убежать. Милов на это, впрочем, и не рассчитывал, понимая, что имеет дело со специалистами. Слишком, видимо, он был им нужен, чтобы они пошли на риск упустить его в самом начале игры.

«Нужен, безусловно, — думал он, медленно прогуливаясь, заложив руки за спину, как, собственно, ему и полагалось. — Только вот зачем? То, что он там мне наговорил — это для малолетних, дешевая покупка. Всё, что он наболтал, свидетельствует только об одном: они уверены, что любая информация, какую можно из этого рассола выпарить, не уйдет дальше меня — следовательно, моё будущее решено весьма категорично и определенно. Иного нельзя было и ожидать. Но пока что об этом и думать не следует. Запустим-ка центрифугу и попытаемся быстренько отслоить серьезные факты от ерунды.

Почему я ему не верю? То, что он сказал относительно услуг, которых они от меня ожидают, звучит вроде бы правдоподобно, и должно меня вполне устраивать. Даже более, чем вполне: ситуация создана как будто по моему заказу. И в самом деле: мне предоставляется возможность переправить груз (будем называть это по-прежнему грузом, хотя никто, кажется, моих мыслей не прослушивает) на мою территорию, причем им прекрасно известно, что это именно моя территория, где вряд ли можно будет помешать мне действовать дальше по своему усмотрению; следова-

тельно, они должны быть уверены, что я и оказавшись у себя дома буду продолжать действовать так, как они мне прикажут, а не так, как мне может захотеться. Это возможно только при одном условии: перед операцией я буду подвергнут какому-то воздействию, которое лишит меня свободы действий. Иными словами, я буду вести себя, как нормальный технет; но можно ли рассчитывать на такой оборот, зная, что на самом деле я человек, и все технетское ко мне не относится? Не очень-то правдоподобно; однако, другого варианта вроде бы не просматривается. Значит, надо проанализировать возможность каких-то воздействий и мою реакцию на них: избежать — или поддаться, учитывая, что... Ну, одним словом, учитывая. (Милов инстинктивно избегал даже в мыслях называть вещи, о которых знать никому не следовало; неплохое правило, между прочим). Итак, это пусть будет вариант номер один. Но можно представить и другой: они понимают, что на своей территории я смогу распорядиться грузом так, как мне представится нужным — а это вовсе не то, что, казалось бы, нужно им. Как же я в таком случае, по их мнению, стану действовать? Одно из двух: я могу сразу сдать груз нашим властям, и на этом закончить операцию — или же, в традициях службы, позволить грузу следовать по намеченному ими маршруту, держа его под колпаком и фиксируя все, связанное с его продвижением: трассы, пособников, получателей... Однако, если они хотят сдать нам свою зеленую тропу, то это можно сделать куда проще. А следовательно, если они действительно хотят, чтобы груз оказался у нас, и если принять во внимание специфический характер груза... М-да, очень, очень интересная возникает картинка, и меры придется принимать непредусмотренные и нестандартные. А для этого необходима связь, которой у меня сейчас нет, и добраться до которой так сразу я не в состоянии.

Значит, исходя из всех этих предпосылок, какой линии поведения мне придерживаться?.. — думал он дальше, наскучив ходить по периметру и пересекая теперь дворик по диагоналям (из троих сопроводителей двое стояли по углам с автоматами наизготовку, третий же ходил за ним — в трех шагах позади, и спина как-то нехорошо зудела в том месте, куда, надо полагать, было направлено дуло); теперь

осталось выяснить — как же поступать сейчас пресловутому Милову, которому в операции отводится столь важная роль. Сейчас необходимо решить: согласится ли Милов на участие?

С одной стороны, вроде бы выгоднее было дать согласие; прежде всего, это означало бы выигрыш во времени, а время — это возможность искать выход. Однако, они же не совершенные дураки, и понимают, что такое согласие с моей стороны будет чистой липой. И примут, конечно, меры. Но в таком случае они вряд ли станут подвергать меня — во всяком случае, откровенно — тому самому воздействию, которое, по их прикидкам, должно сделать из меня зомби. А между тем, пока они не сделали попытки такого воздействия, я не смогу решить, какой же из двух вариантов они разыгрывают. Кроме того, сама мысль о таком воздействии уже приводит к весьма интересным идеям, и было бы очень обидно — закончить игру, не разобравшись в них. Ну-ка, продумаем еще раз. Если я согласен и меня не подвергают воздействию — значит, им нужно, чтобы груз оказался в нашем распоряжении, так? Возможно. Ну, а если я не соглашаюсь? Тогда — на это был сделан совершенно четкий намек — меня подвергают воздействию. Для чего? Для того, чтобы я под давлением сделал бы то же самое, на что не согласился по доброй воле: перетащил через кордон и передал нашим властям этот пресловутый груз. Если все действительно так, то все вроде бы становится на свои места. Если же меня воздействию после отказа не подвергают — значит, мои версии целиком или в какой-то существенной части ошибочны, и придется начинать думать сначала... А времени, чтобы думать и делать, остается все меньше и меньше: что-то около ста часов всего-навсего. Больше половины времени ушло, а у меня до сих пор — ничего конкретного. Хотя с другой стороны нельзя и сказать, что ничего не сделано...»

Окрик заставил его повернуть голову. Охранник, следовавший за ним по пятам, указывал на открывшуюся дверь — ту самую, из которой он сюда вышел.

Передышка кончилась, понял он. Ну что же: вот сейчас и надо доказать, что ты еще чего-то стоишь.

Глава седьмая

1

(101 час до)

Клеврец вышел навстречу Милову с таким радостным видом, словно в те давние времена, когда и тот и другой работали в одной конторе, они были закадычными друзьями и встретились, наконец, после долгой разлуки по горячему обоюдному желанию. Только поцелуев, пожалуй, и не хватало; впрочем, у технетов они, кажется, не были приняты.

— Ну, вот и подышали, — сказал сослуживец весьма удовлетворенно. — Давайте теперь вернемся к нашим делам. Итак, господин Милов найден и мы будем иметь удовольствие поговорить с ним по душам?

Милов вздохнул.

— Увы — боюсь, что ничего не получится: названный вами господин чувствует себя слишком плохо.

Клеврец улыбнулся; и даже, как показалось Милову, некое торжество светилось в этой его улыбочке.

— Представьте, я ожидал этого, — сказал он. — И, не теряя времени, успел соответствующим образом подготовиться.

— Вы намерены лечить его?

— Лечить? Можно назвать это и так. Его, вас — какая разница? Но довольно разговоров. Идемте.

И, не заходя больше в лабораторию, он размашисто зашагал, жестом пригласив Милова следовать за собой. Охранники тянулись за ними, словно на буксире. Пересекли дворик, направляясь к одной из дверей в глухой стене; она отворилась, словно бы в нее был встроен фотоэлемент, и немногочисленная колонна покинула прогулочное пространство и вышла на простор.

«Интересно, — думал Милов, оглядываясь. — Похоже, я тут уже бывал когда-то. Знакомые места, честное слово. Любопытно... Погоди, погоди, да это ведь... Ну конечно — сразу мог бы сообразить. Меня название это сбило с толку — База. А раньше это называлось Исправительно-трудовой колонией, вот оно как. И бывал я здесь не раз и не

два по долгу службы. Только не в такой вот роли. Понятно... Ну, теперь вся география, кажется, становится на места. Это вот сооружение впереди, налево было в те времена штрафным изолятором, а там, подальше — жилая зона, бараки. Если свернем направо — окажемся уже в другой зоне — рабочей; где же мы в таком случае только что находились? Ну, понятно: в больничке, вот где; а в противоположной стороне остается, значит, ПКТ-ШИЗО. Так; свернули направо; значит, в заводскую. Это не худо. В свое время отсюда даже побеги совершались, по этой причине и приходилось мне сюда наведываться, совершенно верно. Ну, что же: одним неизвестным стало меньше в нашей математике, хотя не знаю, может ли это мне помочь, и каким образом. А куда же это мы идем? Да вроде бы прямо туда — в цеха. Что же у них там сейчас размещается? Если мои прикидки оправдываются, там должно быть это самое производство — секретное. А почему бы и нет? Ладно, хватит гипотез; сейчас надо настроиться на предстоящую работу...»

Но они вошли уже в рабочую зону; возглавлявший колонну Клеврец остановился. Охрана осталась в трех шагах, образовав вокруг них равносторонний треугольник; такая служба была для них, видимо, делом привычным.

— Сейчас вы подвергнетесь некоему процессу, — сказал сослуживец очень довольным голосом. — Воздействию, какое оказывается на всех в той или иной степени неисправных технетов. Вы ведь технет, не так ли? Вы утверждали это, ваши уверения зафиксированы, и мы не станем от них отвлекаться, чтобы не навлечь на вас новых обвинений. Мы вас вылечим. Но перед тем, как это приятное событие произойдет, хочу кое о чем предупредить и даже, может быть, предостеречь. Вы, не сомневаюсь, хорошо тренированы и можете некоторым образом и даже с небольшими успехами сопротивляться предстоящей операции. Так вот, категорически не советую делать этого. Мы сильнее; и в результате все равно настоим на своем. Однако, попытки сопротивления значительно ослабят вас — а мы хотели бы, чтобы вы сохранили ту неплохую физическую форму, в какой находитесь сейчас. Будьте же благоразумны, и раз дело дошло до этого рубежа, примиритесь с фактом. Вы вступили в эту игру, и выйти из нее сможете только с нашего разрешения — не раньше, чем игровое время истечет до конца.

«Игровое время? Уже не впервые он упоминает о времени. Значит ли это, что он в курсе — хотя бы в той же степени, как я? Или просто случайность, или привычный оборот речи?..»

Милов безмятежно улыбнулся и кивнул; а чтобы получилось еще убедительнее, сдублировал голосом:

— Договорились. Буду вести себя нежно. Как одуванчик.

Сравнение ему самому показалось смешным, однако Клеврец воспринял его, как должное.

— Ваше поведение начинает меня радовать, — сказал он в ответ и, оглядев охранников, взглядом предупреждая их о необходимости быть наготове, нажал кнопку звонка у входа.

2

(100 часов до)

«Какое-то воздействие, — думал Милов, стараясь идти помедленнее, чтобы побольше времени оставалось до мгновения, когда придется вступить в серьезную схватку и победить или проиграть, тем определив и свое будущее — и, наверняка, будущее всей операции, ради которой оказался здесь. — Вторжение в корку? В подкорку? Технецизация? Вполне возможно. Вообще-то уже только ради этой информации стоило огород городить. В Штатах будут очень довольны — если только информация эта когда-либо к ним поступит. Вызванный к доске ученик проявляет сообразительность и немалое усердие. Ладно, это потом. Сейчас важно представить, насколько успешно сработает блокада. Надо настроиться, понять, что же мне предстоит. Психическое воздействие, подавление воли, возможно — амнезия... Но ведь технеты ничуть не производят впечатления умственно неполноценных; они просто чужие — да, тут другого слова не подберешь: совершенно чужие, не дружественные и не враждебные. Во всяком случае, пока они не становятся толпой и пока разговор не заходит о восточных соседях — тогда они могут очень легко пойти вразнос. Да, хочешь — не хочешь, придется признать, что ребята были правы, когда предупреждали меня... А прививка Эскулапа? Прививка с рекреационным сроком до недели. Ну, неделя — это уйма

времени, у меня такого срока просто нет, мне отведено теперь меньше ста часов. Так что надо поторапливаться — если удастся.

— Простите, я прослушал, — сказал он извиняющимся голосом; уйдя на несколько мгновений в свои мысли, он и в самом деле пропустил мимо ушей то, что сказал ему Клеврец все в той же профессорской манере.

— Вы размышляете? Это хорошо, — произнес тот таким голосом, словно ничего другого и не ожидал. — Я говорю: вот мы и пришли. Разденьтесь, пожалуйста, до пояса...

Милов поднял голову и огляделся. И невольно поежился.

— Внушительная кухня... — проговорил он, стараясь, чтобы голос не выдал волнения.

— Ну, конечно же. Неужели вы думали, что мы будем шаманить? Мы пользуемся новейшей аппаратурой...

— Многие, — сказал Милов, — дорого заплатили бы за удовольствие узнать то, что я уже знаю сейчас.

Клеврец усмехнулся.

— Если кто-то и узнает об этом, то не от вас. Будьте спокойны. Садитесь вот сюда. Расслабьтесь. Можете зажмуриться: все равно, сейчас вам придется надеть этот вот шлем, он непрозрачен и в нем нет отверстий для глаз. Постарайтесь, чтобы наушники прилегали как можно плотнее. Вы не ощущаете холода? Или, может быть, вам жарко? Температура здесь легко регулируется, она в нашей власти, здесь всё в нашей власти — и вы в том числе, уважаемый технет по имени Милов — в полной нашей власти. В дальнейшем постарайтесь не вертеть головой, в остальном сохранять неподвижность вам будет просто: сейчас мы зафиксируем ваши, так сказать, экстремальности — во избежание каких-либо недоразумений...

«Он по-старому любит щегольнуть словечком, кстати и некстати, — успел еще подумать Милов. — Старый шандарах...»

— ... они возможны только в первое время, — продолжал Клеврец. — Потом мы будем управлять вашей моторикой сами. Ну, что же — начнем?

«Начнем», — повторил Милов про себя, имея в виду

вовсе не то, что подразумевал его бывший милицейский коллега. И тут же понял, что не зря пристегнули его к креслу, словно к электрическому стулу: в голову словно ударило изнутри зубилом — такая возникла острая боль, что он невольно изогнулся, насколько позволяли ремни, и перестал что-либо соображать, слышать, видеть — только красная пелена была перед глазами и ровный шум — в ушах.

Далеко не сразу шум этот начал распадаться на отдельные слова.

3

(99 часов до)

— ...технеты, — бубнил голос,— вовсе не являются чем-то новым в истории планеты — напротив, точно такие же живые роботы сопровождали первых насельников Земли, прибывших, как то доказывают последние изыскания (какие — об этом лектор умолчал), из другой звездной системы — или даже систем — и колонизировавшие уютную планету; технеты сопровождали их и играли выдающуюся роль в освоении этого мира; однако спустя достаточно долгое время между живыми существами и технетами возникли разногласия, и большинство разумных устройств было уничтожено — за исключением той их части, что уцелела именно в этих краях и готова была уже создать собственное государство. Однако, выдержать натиск куда более многочисленных людей было практически невозможно, и технеты, повинуясь своим мудрым руководителям, понемногу прекратили сопротивление, даже больше — притворились людьми, чтобы уцелеть. Но на самом деле были и оставались технетами на протяжении всех столетий, какие протекли с той поры — и до наших дней, когда стало вновь возможно восстановить древние правила и установления и объявить себя тем, кем они и являлись на самом деле...

— Доказательств тому имеется неисчислимое количество, — говорил далее лектор. — Возьмите хотя бы язык. Любой непредубежденный языковед даже после беглого анализа подтвердит, что наш язык — один из древнейших

на Земле, латинский, греческий, древнееврейский по сравнению с ним — дети малые, в нашем языке больше архаических корней, чем в любом другом; нам удалось сохранить его лишь потому, что мы всегда помнили, что мы — технеты, хотя внешне очень похожи на людей; да иначе нам и не уцелеть бы. И поэтому принадлежать к технетам — великая честь, которой может быть удостоен далеко не всякий человек, однако при желании и настойчивых стремлениях...

Постой, постой. Да, именно так и сказал он: человек может быть удостоен...

«Да, — с удовлетворением подумал Милов. — Неглупые все-таки у нас сидят ребята; недаром Мерцалов говорил...»

И невольно крепко стиснул веки — от нового сокрушительного удара дикой головной боли.

4

(98 часов до)

Боль опять налетала прибойной волной, накатывалась, захлестывала всё, заставляя корчиться, выть, скрежетать зубами так, что искры летели, а потом, когда его освободили от ремней и позволили двигаться — кидаться наземь и перекатываться с боку на бок, едва лишь возникала даже не мысль, но хоть какой-то намек на нее; на мысль излишнюю, не разрешенную, вредную.

Зато от мыслей добрых и хороших боль отступала сразу же, далеко-далеко, так что ее вовсе не было видно. И начиналось блаженство, с которым просто невозможно было бы расстаться. И уж во всяком случае по своей воле он не стал бы разрушать этого блаженства никогда и ни за какую цену.

Мысль, приносившая блаженство, была проста, чтобы она возникла, не приходилось напрягаться — она все время была рядом, на нее можно было надежно опереться.

Я — велик; вот в чем заключалась она. Эта мысль. Я — самое совершенное существо из всех, живущих на Земле. Я выше всех. Только я понимаю, что такое жизнь и в чем заключается ее смысл и содержание.

Они — в том, чтобы сразу и наилучшим образом выполнять то, что мне приказывают. Приказывать мне могут Старшие Великие. Я — маленький великий. И в этом — блаженство. Самое лучшее в мире — быть Маленьким Великим. Потому что Старшим Великим приходится думать. А мысли причиняют боль. Думать — больно. Зато делать — совсем не больно. Исполнение приносит ощущение счастья. Маленький великий не должен думать. Только выполнять. Но выполнять хорошо. Для того, чтобы выполнять хорошо, великий должен быть всегда исправным. Полная исправность создает ощущение «Всё хорошо». Когда такое ощущение исчезает — значит, в тебе возникла неисправность, и ты должен обратиться к лучшим своим друзьям — тем великим, что заботятся о твоей постоянной исправности. Они сделают так, что тебе снова станет очень хорошо.

Получать приказы и выполнять — вот главное и единственное, что есть у великого. Только если он живет по этому правилу, он может получать и всё другое, что помогает возникновению блаженства. Энергию в такой форме, принятие которой доставляет удовольствие. Общение с техналями, которое тоже приносит радость. И все остальное. Но только — если он хорошо выполняет главное. Выполняет постоянно, в единственно существующем и непрерывно развертывающемся «Сейчас». Кроме этого «Сейчас» не существует ничего. Великий не может думать о том, что якобы было — потому что в действительности ничего не было раньше, есть только «сейчас». Непрерывное «сейчас» — и всё. И больше ничего не нужно.

Великий постоянно доволен. Довольство исчезает только тогда, когда он не получает приказов — или получает, но не в состоянии их выполнить. Тогда ему становится очень нехорошо. И он ищет приказов — или, если они есть, сокрушает всё, что мешает ему их выполнить.

В мире нет более удовлетворенного существа, чем Маленький Великий...

— Собрат!

— Я собрат! Слушаю!

— Ты доволен, собрат?

— У меня есть всё, кроме приказа к действию. Мне не хватает приказа. Мне нужен приказ!

— Получи приказ, собрат!

— Я слушаю! Слушаю!

— Ты будешь запоминать каждое слово. И выполнять всё только так, как тебе будет приказано. Тебе ясно?

— Мне ясно! Ясно! Я запомню каждое слово!

— Если чего-то не поймешь, не станешь скрывать этого, но спросишь. Собрат ничего не может скрывать. Если он скрывает — он неисправен. Ты понял меня, собрат?

— Я понял. Я спрошу. Пока мне все понятно.

— Хвалю. Ты хороший собрат. Слушай приказ. Ты будешь находиться в Восточном конвое. Знаешь, что такое — Восточный конвой?

— Буду находиться в Восточном конвое. Нет, я не знаю, что такое Восточный конвой.

— Правильно. Тебе не надо было этого знать. Теперь нужно. Конвой — это машины. Грузовики. Много машин. Ты поедешь на одной из них. На первой.

— Много машин — конвой. Я поеду на первой. Я понял.

— Машины повезут груз. Они повезут его к Восточной границе. Знаешь, что такое граница?

— Конец мира технетов. Временный конец.

— Хорошо. Ты сделаешь все, что должен сделать, чтобы груз благополучно перевезли через границу. Когда вы окажетесь по ту сторону границы, машины конвоя оставят груз и уедут назад. Но ты останешься с грузом. Приедут другие машины, с той стороны, и заберут груз. Ты поедешь с ними и будешь находиться с грузом до тех пор, пока тебе не скажут, что вы достигли конца пути. Тогда ты вернешься сюда, к нам, и получишь новый приказ. Тебе ясно, собрат?

— Мне все ясно.

— Ты не хочешь ни о чем спросить? Например, о том — какой груз ты перевезешь через границу?

— Мне надо знать это?

— Нет, тебе не надо. И правильно, что ты не спрашиваешь о нем.

— Я рад, что поступаю правильно.

— А что ты должен сделать, чтобы груз благополучно перевезли через границу? Через пограничные и таможенные заставы?

— Я должен сделать всё, что должен сделать...

— Да, да. Но — что именно ты должен сделать?

— Я должен остаться с грузом...

— Постой. Вот вы оказались на границе. Вас пропустили технетские пограничники и таможенники. Ты знаешь, кто такие — пограничники?

— Мне не говорили этого. И о таможенниках тоже.

— Но ты должен знать!

— Я не знаю. Это плохо? Пусть мне скажут, чтобы я знал, кто такие пограничники и таможенники.

— Тебе потом расскажут. Сейчас главное: скажи, что ты должен сделать, чтобы вас пропустили пограничники и таможенники на той стороне?

— Я должен находиться с грузом...

— Там, на пограничной заставе — что ты должен сделать? Что — сказать?

— Мне этого не говорили. Пусть мне скажут...

— Ты должен знать это!

— Я не знаю. Пусть мне...

— Ты должен! Должен! Должен знать сам!

— Я не знаю, Старший. Мне очень плохо, но я не знаю! Не знаю!

— Постой. Отдохни немного... Кстати: ты помнишь, как тебя зовут?

— Я — маленький собрат.

— Мы все собратья. Но как твое собственное имя?

— У меня есть имя? Мне не говорили. Пусть мне скажут мое имя.

— Обожди...

Собрат, забывший о том, что он — Милов, послушно расслабился. Он больше не говорил. Только слушал.

— ...Что за дьявол! Вы что — вычистили его до полной амнезии?

— Я не собирался. Полагаю, что такого эффекта не должно было возникнуть. Он же был совершенно нормальным, уравновешенным...

— Идиот! Человек его профессии всегда должен выглядеть нормальным и уравновешенным, иначе он просто не может работать. Однако, на самом деле он никак не может быть таким! Не тот это род занятий, при котором человек может сохранить свою нервную систему в нормальном состоянии. Вы что, не учли этого? Тут надо было работать ювелирно, снимать слой за слоем...

— Я так и делал. И вроде бы ничто не указывало...

— Вы дурак! Дурак! Выскребли его память до дна! Ну, и что теперь прикажете с ним делать? Он не помнит ни слова пароля. То есть, шансов миновать границу у него не больше, чем у нас с вами. Даже меньше.

— Я же говорю вам: ничто не указывало...

— Я вас спрашиваю: что теперь с ним делать?

— Ну, я думаю, далеко не всё потеряно.

— Объясните.

— Вы ведь знаете: после нормальной превенции память нередко восстанавливается. Постепенно, и все же восстанавливается. В особенности, если содержать его в соответствующем режиме. То есть, не подвергать перегрузкам и моделировать ситуации, подобные тем, в которых он оказывался ранее. Вызывать, так сказать, резонансные явления...

— Сколько это может занять времени?

— Трудно сказать с уверенностью...

— Бросьте ваши фигуры! День? Неделю? Месяц?..

— Ну, за день, разумеется, вряд ли что-нибудь изменится. Но через неделю, я полагаю, мы сможем уже сделать какие-то выводы относительно того — происходит ли восстановление, и какими темпами.

— Дерьмо... Вы что — воображаете, что в нашем распоряжении — бесконечность? Эти проклятые торговцы не станут делать никаких скидок на вашу неумелость! Я уже не говорю о главной части операции: вы забыли о смене ветров? Хотите, чтобы неприятности возникли здесь? Да вы представляете — к чему это приведет? Соседям не к кому будет предъявлять претензии: от нас с вами просто ничего не останется — кроме, может быть, белых теней на почерневшем бетоне...

— Это было бы ужасно, но...

— Впрочем, для вас, быть может, до этого не дойдет. Вы поняли?

— Но послушайте... Я приложу все усилия... Я же не виноват в том, что он оказался... Когда я работал с ним вместе, он обладал очень, очень устойчивой психикой. Кто мог предположить...

— Перестаньте завывать! Вы с самого начала наделали глупостей! Вам было ясно сказано: превенция — лишь в са-

мом крайнем случае! Если все прочие подходы не дадут результата! А вы что — испробовали всё? Да вы еще и не начинали как следует... Вы представляете, во что нам обошлась его доставка сюда, в Технецию? Кто возместит убытки — вы? Да вы со всеми потрохами не стоите и сотой доли, десятитысячной...

— Я сделаю! Сделаю! Восстановлю его память. Прошло очень мало времени, есть все шансы на успех.

— Начинайте действовать немедленно!

— Слушаюсь.

— С чего начнете?

— Я поставлю его на легкие работы здесь, в пределах Базы. Если заставить его бездельничать, будет хуже: он ведь технет, бездействие вредит ему. И буду создавать ситуации...

— Но ни в коем случае не спускайте с него глаз! И будьте внимательны. Потому что всё это может оказаться еще и постановкой.

— Постановкой чего? Не понял...

— Спектаклем. Теперь поняли?

— Не беспокойтесь. Что-что, а уж внимание к нему мы проявим на высшем уровне... Собрат!

— Я слушаю, внимательно слушаю!

— Приказ отменен. Ступай за мной.

— Мне нужен приказ! Я не могу без приказа...

— Сейчас ты получишь другой.

— Я готов. Я выполню, хорошо выполню!

— Я и не сомневаюсь.

5

(96 часов до)

С метлой в руках он медленно сканировал плац — во всю его ширину слева направо, равномерными движениями метлы отгоняя мусор вправо; затем поворот кругом — и снова через всё пространство, только на этот раз движения были справа налево. И еще поворот. И еще. Много раз. И еще больше придется сделать.

Прекрасная работа. Спокойная, безмятежная. И голов-

ная боль проходит понемногу. Хотя совершенно избавиться от нее не удастся еще долго. Пока совершенно не восстановится мышление. Да, воздействие было мощным, и если бы не предварительная подготовка — вряд ли удалось бы прийти в себя. Но как будто это получается. И теперь самое главное — не позволить никому заподозрить, что ты продолжаешь ясно и трезво оценивать обстановку и действовать по своему усмотрению, а не по приказу Старших.

Да, прекрасная работа — подметать плац. Чувствуешь себя почти свободным, даром что в стороне маячит другой технет — настоящий, вооруженный, который не позволит тебе реализовать свободу воли, которой ты теоретически сейчас вовсе не обладаешь. Но он не может — и никто не может помешать тебе видеть, оценивать, сопоставлять и делать выводы.

Во всяком случае, сейчас мы сделаем, чтобы ничто не помешало...

Милов, по-прежнему активно орудуя метлой, добрался, наконец, до того местечка, которое еще издали наметил для нужного ему действия. Здесь угол строения закрыл его от взгляда охранника; здесь можно было оставаться почти две минуты — примерно столько времени нужно, чтобы неторопливо и аккуратно подмести этот кусочек двора. Но это можно сделать и куда быстрее — и тем самым выгадать почти минуту времени...

Оглядевшись, Милов прислонил метлу к стене. Нагнулся. Подтянул штанину. Похлопал себя по икре ноги. Славная у него была нога, полная, с хорошей, рельефной мускулатурой; красивая нога, одним словом. А ведь еще несколько дней тому назад ему говорили о том, что ноги тонковаты... Милов усмехнулся, пальцы рук его тем временем быстро работали, отыскивая нужные места и нажимая на них. В результате через несколько секунд в руке оказались неизвестно где взятые мягкие капсулы — одна, две... три. Пока нужны только они. Быстро глотаем, оболочка растворится в желудке, средство начнет действовать через минуту-другую. Дело сделано. Хватаем метлу. Работаем...

Он уложился в отведенное время — судя по тому, что охранник оставался на своем месте, не пошел проверить, чем там занят технет. Так что пока всё в порядке. Голова яснеет, яснеет, вот уже можно становится нормально вос-

принимать окружающее и по-человечески думать. Теперь осмотримся заново, оценим обстановку.

Милов продолжал перемещаться по двору, то и дело меняя направление, как того требовала работа.

Внешне тут действительно мало что изменилось. Те же строения: жилые бараки, цеха, склады. Большие склады. Интересно: они пусты? Или здесь что-то производят? Кроме, разумеется, основной продукции, каковой тут являются технеты. Желательно выяснить. Если производят, то хранят на складе или сразу вывозят? Заезжает ли сюда конвой? А если производство не ведется, то чем заполнены склады? Они вряд ли пустуют: даже отсюда, издалека, можно разглядеть часовых. Никто не станет охранять пустоту. Кто живет в бараках? Только охрана? А те, кого доставляют сюда в качестве сырья? Надолго ли они здесь задерживаются? А те, кто попадает сюда только для ремонта, наладки и переналадки? В чем заключаются их неисправности, в частности — много ли тех, кто страдает самопроизвольным возвращением памяти?

Это — одна группа вопросов. А вот и другая: что, собственно, со мной сделали? Какому воздействию подвергли? Что перед тем впрыскивали? Милов помнил точно, что сделали ему два укола; то была память тела, не ума. Всё это тоже нуждается в выяснении. Догадки не нужны; надо увидеть и запомнить. Для этого — оказаться в том самом помещении, где на него воздействовали, оказаться, обладая свободой действий. Сложно в этой обстановке. Но сложно — не значит невыполнимо. Придется постараться.

Вопросы, вопросы, вопросы... И на них, если не на все, то на большинство надо ответить — пока ты находишься здесь и, в общем, не состоишь на подозрении. Пока тебе поверили. Да и, собственно, подыгрывать тебе пришлось самую малость. Ты и на самом деле ощутил себя технетом — и лишь как бы издалека, со стороны наблюдал за происходившим Милов-человек. А если бы не подготовка — человека этого вообще не было.

Двигайся, двигайся, не забывай, что ты — технет, и к работе относишься очень серьезно, если даже у тебя в руках всего лишь метла. Подметай аккуратно. Это тоже надо уметь.

Жаль, что подмести тебе приказано только плац. А це-

ха находятся на отлете, склады же еще дальше; к ним от самых ворот ведет специальный проезд, который хорошо просматривается и отсюда, и от проходной у ворот. Так что невзначай подойти туда, прогуливаясь, не получится. Не говоря уже о том, что прогулки не входят в здешний распорядок дня. Да и охранник тебе не позволит. Так что нечего и пробовать. И в то же время, надо найти способ пробраться туда, и достаточно быстро. Цеха обязательно надо осмотреть, но только после того, как ты разберешься с той лабораторией, где обрабатывали тебя. И если окажется, что в цехах находится то же самое, или похожее оборудование, если и там ты найдешь те же самые химикаты — можно считать, что классную работу ты выполнил, самое малое, на четыре с плюсом. И на всё — одна ночь: вряд ли ты засидишься тут надолго, в этом никто не заинтересован, и прежде всего — ты сам.

Быть может — ночью, когда темно и большинство технетов не проявляет активности, удастся не только взять информацию, но и ускользнуть?

Собственно, а нужно ли ускользать?

Милову не пришлось долго думать, чтобы ответить утвердительно.

«Если я не восстановлюсь, — думал он, — то есть, не вспомню (для них), что именно надо мне сделать на границе, чтобы меня пропустили вместе с грузом, если в памяти не возникнут ключевые слова и действия — то меня с конвоем не отправят, и я ничего не смогу сделать из того, что сделать необходимо. В этом варианте оставаться здесь не имеет смысла. Если же я всё вспоминаю, и меня отправляют с конвоем, то сто против одного, что меня постараются ликвидировать сразу же, как только груз окажется на российской территории. Там я им не только не нужен — там я опасен, и все они прекрасно понимают это. Тем больше причин сбежать отсюда. Вопрос только в том — как сделать это побыстрее и с наименьшим риском. В моем возрасте уже не хочется рисковать чрезмерно...»

Милов еще не знал, в каких условиях будет проводить ночь, но заранее усомнился в том, что план побега можно будет привести в исполнение без забот и — что еще хуже — без потерь, без драки и крови... Сказано ведь, что с

него не будут спускать глаз. Надо полагать, это относится не только к дневному времени.

Вот если понадобится какая-то работа близ расположения складов или хотя бы цехов... Несомненно, на складах должны быть кладовщики и грузчики. Если не первые, то вторые во всяком случае живут вместе с прочими маленькими технетами; надо узнать их, завести знакомство — насколько это вообще принято у технетов — и попытаться...

Интересно: я уже твердо знаю, что принято у технетов и что — нет. Основательно все-таки меня обработали...

Когда боль налетает особенно резко, ни в коем случае нельзя ни морщиться, ни потирать виски, вообще как-то показывать, что у тебя что-то не в порядке. Смешно, однако это сейчас — самая сложная задача.

Давай-ка чуть быстрее. Хорошо сделанная работа выполняется не только тщательно, но и достаточно быстро. Охранник внимательно следит за тобой. Он еще не привык к мысли, что от тебя не надо ждать никаких неприятностей, ты — добрый, смирный собрат, думающий только о работе. Вот тебе и еще одна задача: расположить к себе охрану. Потому что он — не единственный, кто станет приглядывать за тобой. Да, нужно заручиться их доверием. И нет времени для того, чтобы делать это постепенно, естественно. Нужна какая-то ситуация — из тех, в которых сразу раскрывается сущность человека ли, технета ли. Опять-таки, такого стечения обстоятельств можно ожидать долго, очень долго — и все-таки не дождаться. Вывод? Ситуацию надо создать.

Ничего себе задачка для того, кто не пользуется даже свободой передвижения и не вооружен ничем, кроме собственной головы.

Значит, придется орудовать головой. Тут охрана бессильна.

Вот и работа закончена, плац подметен — хоть пробуй его носовым платком, как вычищенную лошадь.

Возвращаемся к исходной точке — к месту, где расположился охранник. Только не надо метлу волочь за собой. Возьми ее на плечо — как боевое оружие. И шагай четко, как на параде. Без малого строевым шагом. Охраннику это наверняка понравится.

Раз-два, раз-два. Левой!..

И помни, все время помни: для всего на свете у тебя остается менее ста часов.

...Он аккуратно пристроил метлу там, где брал ее; технет не мог оставить инструмент кое-как, это сразу вызвало бы подозрения. Прошагал мимо своего охранника, чтобы войти в бывший изолятор, откуда его и выпустили на работу. Но тут же остановился: охранник удержал его, положив тяжелую руку на плечо.

— Не туда, — сказал он. — Туда только по вызову. Шагай в жилой барак. Я покажу.

Милов послушно повернулся и направился за своим телохранителем.

Барачный интерьер мало изменился за минувшие годы; разве что на нарах лежали более или менее пристойные тюфяки. Сейчас на них спали наработавшиеся за день технеты; ровный шум от их дыхания не раздражал, наоборот, действовал успокоительно. На столе, что находился между рядами нар, охраннику и Милову был оставлен ужин: намазанный свиным жиром хлеб и — в алюминиевых кружках — липовый чай. Против такой трапезы Милов ничего не имел бы и на воле. Они уселись на лавках друг против друга.

— Ты чего чухаешься? — спросил охранник подозрительно, видя, как Милов, согнувшись и упрятав руки под стол, растирает правую ногу. — Кусают, что ли? Надо доложить немедля.

— Свело ногу, — объяснил Милов.

— А, вон что. Ничего, обойдется. После ремонта многим бывает не по себе, — равнодушно успокоил охранник. — Поспишь, и ладно будет.

— Мое место где?

— Свободных хватает, выбирай любое, — сказал охранник и зевнул.

— Где-нибудь поближе к тебе хотелось бы, — пояснил Милов.

— К чему? Мне всё равно не ложиться до утра: Я к бараку приставлен, а с тобой — так, дополнительно. Устраивайся, где не дует. До побудки не так уж много осталось.

— А тот, что около двери стоял? — спросил Милов. — Он чего не ложится?

— Какой — около двери?

— Ну, был снаружи, когда мы входили. Ты что — не заметил?

Охранник ничего не выражающим взглядом окинул Милова, еще секунду подумал, но все же поднялся, неспешно прошел до двери, на секунду-другую скрывшись за блоком нар, выглянул; недовольно вернулся обратно.

— Ну, что он?

Охранник хмуро глянул:

— Это у тебя в голове еще не улеглось. Мерещится. Нет там никого.

— Наверное, мерещится, — готовно согласился Милов. Допил чай и поднялся. — Тогда я спать пошел.

— А чего тебе еще делать, — согласился охранник, устраиваясь на лавке так, чтобы хорошо просматривалась дверь.

Раньше, конечно, никто из охраны не стал бы нести вахту внутри барака; но ведь тут не арестанты жили, а свои, такие же, ни в чем не виновные, ничем не наказанные и бежать никуда не собиравшиеся. Так что вообще вахты эти были данью прошлому, не более, чем формальностью.

«А от формальностей всегда неприятности», — подумал Милов, укладываясь на место, с которого можно было наблюдать за охранником.

По миловским расчетам, наблюдение должно было продолжиться всего-навсего несколько минут, и это было очень хорошо, потому что до начала активности оставалось и в самом деле не так уж много времени.

Милов медленными движениями, как бы почти не сознавая, что он именно делает, не вставая, свернувшись в клубочек, приняв позу новорожденного, долго гладил всё те же свои ноги, толстые, с набухшими венами, которые, конечно, неудобно было показывать другим, — они свидетельствовали о возрасте и беспомощности, о необратимых изменениях, — гладил и ощупывал, и, как и во дворе, нашарил нужную точку и нажал. Тонкое одеяло, ему полагавшееся и которым он прикрылся, позволило Милову укрыть свои действия от любого наблюдателя — тот, надо полагать, немало удивился бы, и еще более — встревожился, заметив, как разошлась, без единой капли крови, кожа,

открывая пустоту в том, что извне представлялось мускулами, но на самом деле было лишь накладкой, контейнером, так удачно прилаженным, что Милов и сам порою забывал, что это не его плоть; он давно уже привык к этому снаряжению и не ощущал от него даже и малого неудобства. Сейчас он действовал не размышляя, все действия с контейнерами были доведены до полного автоматизма еще давно, в других местах, задолго до того, как он оказался в Технеции. Опыта у него хватало... Раскрыв левый контейнер, достал оттуда — не флакончик, но мягкий пластиковый мешочек с жидкостью, наглухо запаянный, емкостью в пять кубиков; вложил в рот, растёр зубами и проглотил, ощутив резкий, но в чем-то даже приятный вкус жидкости; это нужно было, чтобы окончательно закрепить сознание, и означало, кроме прочего, что произошедшее с ним было в какой-то мере предусмотрено, хотя полной уверенности у снаряжавших Милова людей и не было. Милов тщательно закрыл контейнер, левый контейнер; правого он во дворе не касался: не требовалось, потому что если в левом находились средства, что могли ему понадобиться для предохранения самого себя от всяких неприятностей, то в правом, напротив, содержалась всякая всячина, предназначенная для причинения неприятностей другим. Теперь вот, похоже, наступала их очередь.

Правда, охранник должен был уснуть куда быстрее: минут через десять, самое крайнее.

Вот он зевнул; длинно, сладко...

Милов лениво поднялся с нар. Шаркая ногами, подошел к охраннику. Присел рядом. Тоже зевнул. Охранник покосился на него.

— Спать надо, не полунощничать.

— Привык перед сном выкурить последнюю...

— Бросать надо. — Охранник посмотрел внимательнее. — У тебя и сорт какой-то... У нас такого не курят. Это для Старших. Забудь.

— Придется, как видно, — согласился Милов. — Последние остались две штуки. Давай: одна мне, другая тебе — и всё с ними.

Охранник поколебался.

— Не полагается... — пробормотал он, хотя рука его

по-технетски точным движением уже схватила предложенное. Милов поднес огонька. Душистый дымок на несколько мгновений окутал их. Охранник затянулся. Милов спокойно наблюдал за ним. Барак спал. Милов вытянул руки, чтобы принять на них тяжесть бессильно опускавшегося на лавку охранника. Помог улечься. Охранник дышал мерно, глубоко, разинув рот до предела. Всё было в порядке.

6

(95 часов до)

Двор был безлюден, но все-таки Милов не стал пересекать его, а обошел по периметру, стараясь все время оставаться в тени, какую бросали строения, освещенные яркими фонарями. Без происшествий приблизился к двери, из которой его тогда вывели, чтобы вручить метлу и тем самым включить в реализацию великого технетского смысла. Инструмент для диалога с замком был у него уже в руке — из того же правого контейнера извлеченный. У двери он обождал немного. Никто не появлялся, в окнах было темно. Милов нашарил замочную скважину. Вложил щуп инструмента, нажал едва выступавшую кнопку на рукоятке. Больше ему ничего не нужно было делать — инструмент прилаживался к замку сам, такой техники пока в блатном мире не было; хотя, надо полагать, долго ждать не придется: обзаведутся и они. Но это сейчас Милова не очень-то волновало.

Дверь отворилась бесшумно; за нею была темнота, что несколько удивило Милова: обычно в такого рода помещениях оставляют свет даже и в нерабочее время, а кроме того, помимо электронной защиты, ставят и охранника, вооруженного и решительного. Здесь ничего подобного вроде бы не было; возможно, над этим следовало задуматься. Жаль только, что времени на размышления не оставалось. Лучше бы мне, пожалуй, вовсе не знать об отсчете времени, — промелькнуло в голове, — куда легче дышалось бы...

Дверь из тамбура в коридор была закрыта неплотно; медленно, сантиметр за сантиметром Милов отворил ее, каждое мгновение ожидая какой-то внезапной опасности,

необратимой, как взрыв; ничего, однако же, не было. Он бесшумно двинулся по коридору, протянув руки вперед и чуть в стороны, словно готовясь заключить кого-то в объятия. К счастью, пока вроде бы некого было. Через каждые несколько шагов — останавливался, вслушивался. Было тихо, но он не доверял тишине. Поэтому остановился, пригнулся, снова раскрыл контейнер — левый, извлек слуховую капсулу, вложил в ухо. Настала очередь фотоаппарата, размером с бульонный кубик, заряженного пленкой, рассчитанной на сто двадцать кадров и смонтированного в одном блоке с фонариком-вспышкой — отечественным, дававшим необычно яркий луч, но рассчитанным лишь на немногие секунды действия. Им можно было и просто светить. Из правого контейнера хотел было достать хранившийся там нож-шпрингер с надежным стопором — но передумал и не стал вынимать его. Пошел дальше, на ходу восстанавливая в памяти расположение помещений и мысленно считая шаги. Теперь, держа фонарик в левой руке, правой он легко вел по стене; капсула передавала этот звук — в ее интерпретации шорох звучал, как работающее точило. Потом глухо ударил барабан; это пальцы перескочили на дверь. Милов застыл. Память подсказала, что именно эта дверь и была ему нужна: отсюда его вывели нынче вечером, послали бороться за чистоту — ничего не соображавшего восторженного технета. Ну, что же — двор он подмел чисто, краснеть за свою работу не приходилось.

Снова несколько секунд ушло на прислушивание. Разных шумов доносилось немало: стучали где-то механические часы, в другой стороне падали капли из недовернутого крана, временами что-то шуршало под полом, потом что-то скрипнуло — дерево о дерево, — и Милов невольно напрягся. Но продолжения не последовало; видимо, какие-то естественные процессы происходили в стенах здания — что-то оседало, или, наоборот, какие-то поверхности слегка расходились, деревянная конструкция, как и всегда, жила по своим правилам. Этого бояться не стоило.

Постепенно усиливая нажим, он попытался открыть помещение; не удалось. Нашарил замок и опять пустил в ход свое приспособление, суперотмычку на микросхемах. На этот раз — через капсулу — он хорошо слышал, как механизм работал, быстро играя своей гребенкой, анализируя,

выдвигая, закрепляя. Когда шорохи кончились, Милов повернул инструмент в замке, отворил дверь и вошел.

Да, это было то самое помещение. Здесь было куда светлее, чем в коридоре: через матовые стекла окон проходил свет наружных фонарей, тени от решеток лежали на полу. Пока можно было даже не включать фонарика. Затворив за собой дверь, Милов запер замок и почувствовал себя в безопасности. Осмотрелся. При виде кресла, на котором он сидел, пристегнутый, пока его обрабатывали — технецизировали, — ему сделалось немного не по себе, и он отвернулся. Кресло его не интересовало. По-прежнему не издавая шума, он медленно переместился на то место, где тогда стоял Клеврец: перед приборным пультом. Стал вглядываться. Некоторые приборы он узнавал, с другими встретился впервые. Ни один не был изготовлен здесь, за это можно было поручиться; два или три показались ему сделанными в России, но большинство было иного происхождения, хотя трудно было сказать точнее. Милов начал фотографировать пульт. Вспышки были настолько мгновенными, что глаз почти не успевал их заметить; успевал аппарат. Классное упражнение выполнялось успешно.

Закончив снимать приборный иконостас, Милов продвинулся вглубь помещения — туда, где стояли больничного вида стеклянные шкафчики с инструментами и медикаментами. Стал открывать одну дверцу за другой, фотографировал инструменты, потом стал читать сигнатуры; названия были незнакомыми, собственно, это не были принятые в фармакологии наименования, но какие-то условные, понятные лишь специалистам: утрин, затвор, отвод — и прочие в таком же духе. Милов сомневался, что может запомнить все это, — пришлось снова снимать на пленку, хотя ему хотелось оставить побольше кадров на цеха, в которых (он не сомневался) будет не меньше всяких интересных вещей, а, пожалуй, даже больше. Теперь оставался только сейф — большой, по виду неприступный, стоявший не у стены, а едва ли не посреди лаборатории; там должно было храниться, наверное, самое интересное. С этим сооружением пришлось провозиться минут двадцать; но и его замки в конце концов уступили. Внутри не оказалось, однако, никаких препаратов, инструментов, инструкций или наставлений — только толстая кипа бумаг с множеством фамилий. Переснять всё это было бы невозможно, и Милов, после крат-

ковременного колебания, сунул бумаги себе под куртку, сразу заметно потолстев. Конечно, лучше бы не оставлять следов, но тут иного выхода просто не было.

Наконец, он закончил; вся операция заняла минут сорок. Можно уходить. И тут вспыхнул свет — яркий, беспощадный, из многих источников. И Клеврец проговорил безмятежно:

— Бог в помощь, коллега. Отработал? Давай теперь поговорим...

8

(94 часа до)

Он появился откуда-то из глубины лаборатории, и нельзя было сказать — то ли находился здесь все время, то ли, предупрежденный какой-то, все же существовавшей здесь системой, вошел через другую дверь так же бесшумно, как сделал это и сам Милов. Сейчас он стоял, наполовину скрытый сейфом, вытянув руку с пистолетом, направленным на Милова. Лицо Клеврета не выражало ни угрозы, ни даже уместного в этой ситуации негодования; на нем виднелась лишь несколько ироничная улыбка. И это подсказало Милову тональность разговора, в который неизбежно приходилось вступить.

— Что это тебе не спится, коллега, среди ночи, — сказал он безмятежно, словно бы его не застали на месте преступления, словно он сидел у себя дома, и на огонек заглянул проходивший мимо приятель. — Блохи заели? Или совесть?

— Нахал ты, Милов, — ответил Клеврец, как бы принимая предложенную манеру. — Тебе бы надо сейчас падать на колени и молить о прощении, а ты шутки шутишь.

— Дурная привычка, — сказал Милов и сделал шаг по направлению к сейфу. — Когда на меня глядят через прицел...

— Шаг назад! — предупредил Клеврец. — Эта машинка шуток не понимает. Сядь. Я сказал ведь: надо поговорить. Да тебе ничего другого и не остается.

Милов кивнул. Сесть было некуда, кроме того кресла, которое он уже занимал однажды. Милов выполнил приказание.

— Теперь выгружай все, что у тебя там есть, — ско-

мандовал Клеврец. — Удивляться, поднимать брови не надо. Я тебя видел с того момента, как ты вошел в тамбур. Мы тут пользуемся инфравидением, этого ты не учел — а и учел бы, все равно не помогло. Так что я с интересом наблюдал все твои действия. Распахивай свои гадюшники. Вынимай вещи по одной. Клади на пол и двигай ко мне. Шутить не пробуй.

Милов и сам понимал, что для шуток сейчас не время. Послушно засучил штанины, открыл правый контейнер. Вытащил нож, пустил его по полу с таким расчетом, чтобы оружие оказалось где-то в шаге от Клеврека. Суперотмычку, которую только что успел спрятать. Микрорацию размером с зажигалку, с радиусом действия до ста километров. Клеврец удовлетворенно кивал с появлением каждой новой вещи. Милов вынул и пустил по полу круглую баночку, вроде тех, в какие фасуется вазелин. Баночка скользнула к кучке уже сданных предметов. Милов крепко зажмурился. Ослепительный свет, возникший в миг бесшумного взрыва баночки, пробился даже сквозь опущенные веки. Одновременно Милов бросился на пол и прокатился в сторону. Открыл глаза. Ослепленный Клеврец невольно поднял руки к глазам, в правой по-прежнему он держал пистолет. Милов метнулся, расстилаясь в воздухе. Ударил. Суто — назывался этот удар внешней частью ребра ладони. Ударил не чтобы убить, но основательно вывести из строя. Обмякшего, закатившего глаза Клеврека подтащил к креслу, на котором только что сидел сам. Тщательно пристегнул. Пусть посидит; часа два еще будет находиться в отключке. Разговор? Конечно, любопытно было бы поговорить; но не в этой обстановке. Сейчас — мало времени и очень много работы. Цеха. Склады. Необозримо много работы.

9

(93 часа до)

Видимо, в системе производства и сбыта продукции что-то на технетской Базе разладилось; Милов решил так, добравшись, наконец, до складских эллингов, светлых металлических полуцилиндров, видом своим наводивших на мысли о чем-то неземном, космическом, почти сказочном.

Хотя на деле то были вполне реальные сооружения, воздвигнутые тут в колониальные времена, как и все прочее, и с тех пор вряд ли обновлявшиеся.

Здесь, однако, не было так пусто и спокойно, как ожидал Милов, когда, использовав остаток пленки в цеху, выбрался оттуда, осторожно проскользнул мимо накрепко вырубленного из активной деятельности очередного охранника и потом, пользуясь еще не рассеявшейся темнотой, с оглядкой стал двигаться мимо цехов по направлению к этим самым складам. Не было покоя, несмотря на глухой ночной час; это Милов понял, едва миновав полдороги от цеха, где его предположения подтвердились: там было всё то же, что и в лаборатории, но повторенное многократно, так что была возможность обрабатывать не менее двухсот пациентов; работа на потоке — иначе не назовешь. Снимки, которые он там сделал, служили, по сути дела, разве что для очистки совести. Итак, Милов обнаружил неожиданную активность вблизи складских сооружений: справа, в той стороне, где находились ворота, сейчас скрытые от его взгляда старым сборочным цехом, уже тогда послышался негромкий, но оттого не переставший быть внушительным голос мощных моторов, не однажды уже им слышанный. Всё-таки отчаянно везло ему: успел к самому интересному, а именно — к визиту Восточного конвоя, вряд ли случайно состоявшемуся в час, когда всем полагалось спать: конвой явно не нуждался в успехе у зрителей.

Милов упал и затаился, ожидая, пока машины не одолеют расстояние от въезда до площадки перед складскими зданиями, и только когда они проехали мимо, позволил себе приблизиться — осторожно, применяясь к местности; так это называется, когда ты, растянувшись на земле, делаешь вид, что плывешь, подныривая под волны. Здесь, правда, применяться было почти не к чему, но рисковать он совершенно не хотел. Лучше на десять минут позже, — уговаривал он сам себя, — чем вообще никогда. Тут не вокзал, и конвой вряд ли ограничит стоянку тремя минутами, как опаздывающий поезд.

У второго, если считать справа, эллинга головная машина конвоя остановилась, за ней притормозили и остальные, и можно стало наблюдать, как шофер первой машины затеял разговор с технетом, что ведал, надо полагать, этим складом. Не сразу, похоже, они пришли к соглашению, но

наконец договорились; ворота эллинга почти беззвучно расступились, машины одна за другой въехали в обширное помещение и заглушили моторы по мановению руки складского начальника, который после этого вместе с повылезавшими из кабин шоферами медленно направился в глубину склада, отыскивая, вероятно, место для нового груза.

Милов уже чуть было не направился за ними, но вовремя отпрянул в сторону, где на него не падал свет из распахнутых ворот, прижался к округлой металлической конструкции: позади слышались шаги, шла группа, которой не надо было скрывать свое приближение. Они поспешно протопали мимо; грузчики — предположил Милов, но оказался неправ. То оказались медики, судя по белым халатам и тому инвентарю, что они тащили с собой: врачи и санитары, наверное; похоже, кому-то тут не повезло. И только двое не принадлежали к благородному сословию, а были, судя по виду, рядовыми технетами. Они прошли, почти пробежали мимо, не оглядываясь по сторонам, иначе Милову вряд ли удалось избежать их взглядов. Двое из них тащили санитарные носилки.

Он замер, прислушиваясь. Все-таки, много информации мы воспринимаем через слух — хотя принято считать, что посредством зрения куда больше. Зрение, однако же, хорошо при должном освещении, а вот слух в темноте работает даже лучше. Тут, правда, не темно, однако что в этом толку, если ты все равно ни одного обитателя в лицо не знаешь? Казалось бы, к чему они тебе — с ними детей не крестить, и помощь их тебе сейчас ни к чему. А кому же она понадобилась? О чем они? Переговаривались шедшие приглушенно, но снова Милову помогла капсула.

— Симптомы странные, судя по их словам...

— Да что странного, доктор? Опять картина лучевого поражения, как и в тот раз, помните?

— В самом деле... Идиоты, неужели так трудно было принять меры предосторожности?..

— Да кто станет этим заниматься... К счастью, теперь, похоже, мы избавимся от этой напасти.

— Давно пора бы...

Продолжение разговора заглушили более зычные голоса обоих не-медиков, что шли в этой группе последними:

— А такие вот тягачи водить приходилось?

— Запросто...

— Учти — дорога будет всякая — и получше, и похуже. И вообще...

— А платят как?

— Никто не жалуется.

— Тогда — порядок.

— В этот раз съездишь — тогда увидим, порядок или нет. Если бы не срочность...

Дальше было не разобрать: металлические звуки, донесшиеся из глубины склада, заглушили.

Ты прав был, — похвалил себя Милов, — среди них и на самом деле лиц знакомых нет. А вот голоса... Во всяком случае, один голос ты уже вспомнил. Верно? Голос того, что хвалился своей водительской умелостью.

Милов действительно вспомнил. Вернее, не вспомнил, — он и не забывал его, — но опознал. Уверенный в себе голос, выговаривающий слова с некоторой шепелявостью — по старой тюремной манере. Тот самый голос, что в строю звучал где-то за его спиной... Он? Совершенно точно. Тот самый технет-урка, что не так давно обещал свести счеты с Миловым, когда судьба столкнет на узкой дорожке. Может, и столкнет, но сейчас это было бы крайне некстати. И лучше будет не попадаться ему на глаза. Это дело терпит. Конечно, очень полезно было бы увидеть его в лицо, чтобы при случае не ошибиться. Но сейчас это было бы неоправданным риском. Он-то тебя наверняка опознает...

Но все же из-за этой мнимой или действительной опасности никак не следовало отступить без хотя бы маленького, но успеха все же. Теперь в помещении было уже вполне достаточно народу, чтобы можно стало рискнуть и тоже возникнуть там — не стараясь попасться на глаза, но и не очень избегая этого, поскольку для грузчиков он мог принадлежать к конвою, а для шоферов — к местному персоналу. Риск, безусловно, по-прежнему сохранялся, однако слишком важной была информация, какую он в случае удачи мог здесь получить, да и обычное любопытство все еще не покидало его. И он медленно двинулся вдогонку вошедшим, посматривая по сторонам и запоминая.

Судя по внутренности склада, Базе сейчас до процветания было далеко: если бы производство тут кипело, это непременно отразилось бы на количестве товаров — и привезенных, и приготовленных для погрузки на трейлеры и

отправки в другие города и веси; в минувшие времена в таком складе и ступить было бы некуда, а сейчас тут и в футбол, пожалуй, можно было бы сыграть...

Лжетехнет шагал, стараясь не вертеть головой, но тем не менее замечать и запоминать все, что могло пригодиться. Вот две объемистых кучи: лом цветных металлов. Происхождения явно не местного, скорее всего, украдено за той же восточной границей и переправлено сюда для перепродажи дальше, за валюту. Это хотя бы ясно, никаких сомнений не вызывает. А вот тут что? Интересно, интересно...

Он с удовольствием остановился бы, но не мог себе позволить этого, и лишь замедлил шаг до возможного предела. Внимание его привлекли ящики, даже не ящики, нельзя было назвать их так — и не контейнеры тоже в привычном, стандартном смысле этого слова, но какие-то конструкции из дерева и металла, чьим назначением явно было — скрывать в себе нечто, отличающееся весьма крупными габаритами. Пожалуй, на специальную железнодорожную платформу можно было бы погрузить не более одного такого сундука — и то лишь при помощи портального крана. Хотя, — прикинул он на-глазок, — необычайно длинные полуприцепы Восточного конвоя тоже вроде бы в состоянии были вместить такое вот устройство. Теперь, когда, проходя мимо, он смог впервые по-настоящему разглядеть этих автомобильных левиафанов, он понял, что не зря возникли у него некоторые представления относительно груза, который до сих пор все к нему причастные избегали назвать по имени: то, что он имел в виду, вполне могло уместиться в этих машинах. Да, и эти сверхконтейнеры тоже уместились бы — кстати (констатировал он, подняв на миг голову) и портальный кран наличествовал тут, раньше в такой технике просто не было надобности. Значит, они совместимы — контейнеры и машины. Очень, очень любопытно: что же таят они в своем чреве?

Не оглядываясь по сторонам (ни в коем случае!), безмятежно шагая, Милов изменил направление своей прогулки и, не убыстряя шага, приблизился к ближайшему из четырех заинтересовавших его саркофагов.

Когда-то на борта этого сооружения была нанесена необходимая маркировка — иначе никто не принял бы подобный груз к перевозке. Однако, сейчас от нее остались

только следы: местами надписи были замазаны черной краской, другие — соскоблены. Следовательно, груз был неофициальным, в чем-то незаконным; в противном случае никто не стал бы заметать следы. Хотя незаконность эта явно была скорее показной. Секретность из вежливости — вот что это такое.

Вновь Милов позволил себе незримо для стороннего взгляда улыбнуться; последний вопрос, заданный им самому себе, был чисто риторическим, на самом же деле он, едва завидев эти гробы, уже знал, для какой поклажи они предназначены. Такое везение бывает редко, очень редко... Только что ведь возникла возможность перейти от классного занятия к домашнему заданию — и вот сразу появились и нужные условия.

Он остановился, едва не упершись в контейнер. Загрузка его, по Миловской догадке, должна была производиться сверху — потом крышка опускалась и закреплялась накидными болтами. Да, верно, вон они видны отсюда — края скоб. Для того, чтобы окончательно убедиться в своей правоте, нужно бы забраться наверх: только так и можно заглянуть в нутро. Но сейчас об этом нечего было и думать, с таким же успехом можно было бы сдаться первому же стражнику, какой попадется на пути. Нет, и речи быть не может. И тем не менее, очень, очень интересно было бы увидеть всю эту картину сверху. Настолько интересно, что ради этой цели, пожалуй, будет смысл задержаться внутри склада еще на некоторое время — хотя первоначально Милов собирался покинуть его так скоро, как только позволят обстоятельства. Во всяком случае, такой вариант следует обдумать. А сейчас — повернем назад, пока никто еще не заинтересовался нашей несколько, пожалуй, затянувшейся прогулкой. Столь же неспешно вернемся к воротам, и там задержимся и внимательно, хотя и ненавязчиво рассмотрим, насколько серьезно запираются ворота эллинга, нет ли там признаков охранительной сигнализации — ну, и так далее, и тому подобное...

Стройный этот план реализовать до конца, однако, не удалось. Милов едва успел приблизиться к воротам, а сзади, около машин, только еще началась возня, сопутствующая, как правило, погрузочно-разгрузочным работам (хотя сейчас вряд ли было, что разгружать — это можно было понять даже при беглом взгляде на рессоры трейлеров: на этот раз они при-

везли сюда всего лишь людей, сырье) — как в обширном прямоугольнике ворот нарисовалась фигура, показавшаяся Милову знакомой. Он ощутил нехороший холодок под ложечкой: то был его охранник, которому, по миловским расчетам, следовало сладко спать еще часа два. Сомневаться в действенности зелья, которым Милов угостил своего телохранителя, не было оснований; значит, охранники здесь тоже были подстрахованы от происшествий такого рода, и этот пришел в себя едва ли не быстрее, чем Милов после минувшей обработки. Так или иначе, сейчас не было времени размышлять об этом — нужно было что-то предпринять, чтобы страж не поднял шума, потому что тогда легенде о смирном технете Милове грозил полный крах. Зашевелятся, обнаружат вырубленного Клеврета, которому так и не удалось поговорить по душам — если только он этого действительно хотел...

Изобразив радостную улыбку, шагая навстречу своему аргусу, Милов в последний раз оглянулся, чтобы запечатлеть в памяти картину склада. И успел заметить, что неподвижный прежде кран теперь сдвинулся и медленно выезжал из глубины склада всеми своими четырьмя ходовыми тележками; наверху крановая тележка одновременно перемещалась влево — а там, взобравшись на один из так заинтересовавших Милова контейнеров, уже готовились зачалить стропы грузчики. Значит, именно этот груз и собирается забрать конвой; без участия Милова? Или же, что куда более вероятно, именно в этой связи его стали искать, не нашли, обнаружили зато спящего охранника, растолкали... Следовательно, груз уплывает в неизвестном направлении, а самому Милову грозит — впрочем, лучше и не думать о том, что ему грозит, но найти способ как-то зацепиться за груз, не упустить его из вида...

Охранник между тем был уже рядом. И выражение его верхней панели не предвещало ничего хорошего.

10

(92 часа до)

«*Маваси сото ути*, — отмечал Милов, выполняя именно этот удар. — А теперь *тейсо ути* — и *мае гери*. Хлип-

коват оказался охранничек... он вообще не тренирован был, скорее всего, на боевые единоборства, хотя в наше время нельзя полагаться на одно лишь оружие: все стали умными — прогресс как-никак...

Этот выбыл, значит, — подумал Милов, оставив позади недвижное тело, — не сразу придет он в себя, можно поручиться, а если и придет, то ни слова не сможет сказать о том — куда же это я подевался. И станут меня искать где угодно, только не там, куда я сейчас намереваюсь направиться...»

Он был уже на плацу. Остановился, чтобы пропустить немногочисленную колонну — технетов с полсотни — пересекавшую плац по направлению к воротам, за которыми кончалась База. Прислушался. Со стороны склада доносилось высокое гудение электромоторов крана и отрывистые возгласы. Погрузка шла полным ходом.

Планы приходилось ломать на ходу. Сейчас главное — получить свободу действий. Оказаться за воротами. Обождать, когда выкатится конвой. И — да хоть уцепиться за что-нибудь там, как в мальчишеские годы...

«Они тебе уцепятся, — урезонил его здравый смысл. — Из пулемета».

Ну и наплевать. Но нельзя же упускать! Лови потом ветра в поле!

Колонна медленно дефилировала перед ним. Ее сопровождали два охранника, судя по их облику, не ожидавшие никаких осложнений в выполнении своей миссии.

— Куда это их? — спросил Милов, не рассчитывая на осмысленный ответ. Но ошибся.

— А это — прошедшие ремонт и превенцию технеты, — благодушно ответил охранник. — Сейчас их погрузят в машины и отправят в распределительный центр, а оттуда разошлют по местам их новой деятельности. Чтобы выполняли свой основной смысл...

— Ах, вот как, — проговорил Милов без видимого интереса, глядя вслед миновавшей их колонне, что становилась уже почти неразличима в наступившей темноте. — К местам новой деятельности... Погоди: а распределительный центр — это там, где Круг, что ли?

— Территория одна, — сказал охранник, которому давно, видимо, ни с кем не приходилось поболтать. — Но под-

чинение другое. Круг же — это люди, сам понимаешь, невозможно же технетов подчинять людям.

— Никак невозможно, — согласился Милов. Его не удивила дружеская манера охранника: у самого Милова через плечо висел автомат того собрата, что сейчас, валяясь подле склада, в темном углу, куда Милов успел оттащить его от нескромных взглядов, — вряд ли успел прийти в себя.

— Как насчет закурить? — поинтересовался охранник.

— Водилы раскурили, — Милов пожал плечами, кивнув в сторону склада. — Конвой, а своих не имеют. А тут ночью, понятно, не достанешь.

— В Круге разживутся, — сказал охранник уверенно. — Наши говорили — отсюда они снова туда направятся. Чтобы полностью груз сформировать. Что-то тут, что-то там — порядочки, словом. Поэтому мы народ и отправляем ночью: чтобы узкие места проехать до них, они же с грузом медленно потянутся...

— Ну да, в Круг, — согласился Милов спокойно. — Я тоже слыхал. Счастливо тебе.

Колонна прошла. Милов обождал несколько секунд. Вздохнув, бережно положил автомат в траву рядом с дорогой. Жалко было расставаться с оружием, но сейчас ничего другого не оставалось.

Мягким, размашистым бегом он догнал удалявшуюся колонну и пристроился к предпоследней, неполной шеренге.

— Эй, это кто там еще? — окликнули его.

— Технет номер...

И он браво, раскатисто проскандировал цифры.

— Тебя что — вдогон послали?

— Так точно!

— Всегда у них всё в последний момент... — пробормотал спрашивавший — другой охранник, замыкавший колонну. — Повтори номер раздельно — я запишу...

«Нет, все-таки порядки у них не те, что были в этих местах раньше, — подумал Милов, вышагивая в одном ритме со всеми. — Хотя это ведь и не заключенные, не арестанты... Просто свободные и здоровенькие технеты следуют к местам своей работы. Только и всего».

Часть вторая

«Домашнее задание»

Глава восьмая

1

(91 час до)

Только что закончилась вторая в году неделя Возвращений, и начался месяц Добрых Традиций; гладкое летнее солнце снижалось за спинами — там, откуда шла дорога, так что глядеть назад было трудно, и сидевшие в кузове грузовика — прямо на дне и лицом назад, тут такая была мода при этапировании, отличная от изжитой, людской, — невольно косились в стороны, хотя время от времени монотонно и уныло раздавался возглас старшего проводника: «Глаза прямо!.. Не пяться по сторонам!.. Останешься без заправки... Ну, чего ты там не видал? Насмотришься еще, надоест. Кому говорю!».

Смотреть и в самом деле было не на что. Взрытая земля тянулась по обе стороны дороги, торчали пни, в ямах стыла черная вода.

«Н-да, — думал Милов, стискивая зубы, чтобы не прикусить язык при толчках, — а ведь, помнится, когда-то, сколько-то лет назад, я проезжал в этом же направлении; ну, по другой дороге, наверное, но путь шел на восток, как и сейчас. Что здесь тогда было? Веселые леса, кудрявые, помню, все время хотелось остановиться, прогуляться по лесу, по тогдашнему октябрьскому холодку, ощутить под ногами проминающийся мох или пружинистую опавшую листву, полюбоваться теплыми красками — от золотистого до яркокрасного оттенка. Здесь и были они, те леса; что осталось? Мерзость запустения. Чего ради? Неужели не жалко было? И кому понадобилось? Или все дело не в пейзаже, а в моем собственном состоянии — тогда я был свободен, волен в желаниях и поступках, а сейчас... Да, полезно тебе почувствовать и на своей шкуре, как воспринимает мир арестант на этапе. И все равно — даже и вольному, мне этот вид сейчас не пришелся бы по сердцу...

А у меня сейчас — раздвоение... Ну и гонит он, скотина, как будто дрова везет, не людей. Хотя технетам, наверное, на такие мелкие неудобства реагировать не положено — а может быть, и ощущать их они не умеют. Да и машина какая-то, прошлого века, не иначе... Наверное, опять их хваленая целесообразность: пока колеса крутятся, будут ее гонять. Разумно, конечно, да не очень-то: в результате они ведь проигрывают, механизм может и не ощущать тряски, но все равно разбалтывается, тут никакая идеология не помогает и никакие заклинания. Да, не совсем так все выглядит, как из московского кабинета, и не так, как из Штатов; издалека все кажется гладким, а когда пройдешь своими ногами, тогда только и ощутишь каждую выбоину. Но все удивительно смирные, спокойненькие такие, сидим друг у друга на ногах и трясемся от хреновой дороги — и ничего, словно так всё и должно быть.

Интересно: времечко уже прошло, а позади всё спокойно, никто не нагоняет нас, не устраивает тревоги. Словно бы я не бежал, как будто не остался там лежать страж — пусть и не насмерть уделанный, но все же изрядно поврежденный. Да и Клевреца им уже следовало бы найти; кстати, погасил я там свет, когда уходил? Черт, совершенно не помню. Да и какое это имеет значение? Не очень-то хорошо поступил я с бывшим коллегой; как знать — может быть, он действительно хотел мне добра? По-моему, в технологии изготовления технетов, во всем, что с этим вопросом связано, я уже разобрался, и если мои выкладки справедливы — у него вполне могли уцелеть и какие-то человеческие мотивы поведения; а если и нет, то, быть может, в его технетских планах для меня отводилось какое-то место. Хотя вернее всего — он просто хотел исправить свою ошибку, доказать своему начальству, что я вполне пригоден для того дела, которое они хотели меня заставить сделать; вернее всего, так оно и было. Но чем это для меня пахло, я вычислил еще раньше. Нет, все правильно сделано, совершенно правильно...

Да, погони нет как нет. То ли они махнули рукой, то ли знают, что всё равно далеко не убегу; может быть... Нет, не «может быть», а скорее всего именно так оно и есть: кто-то ведь устроил мне этот побег, иначе меня и в колонну не приняли бы, или — в крайнем случае — при

посадке обнаружили, счет ведь не должен был сойтись — однако сошелся. Да, кому-то еще я тут нужен — кроме уважаемого сослуживца, которому мысленно приношу извинения за то, что пренебрег его обществом... Интересный, словом, преферанс тут разыгрывается — неясно только, кто — тасующий, и какие две карты лежат в прикупе — а может, и побольше, чем две. Кому-то зачем-то нужно, значит, чтобы ехал ты тут в кузове вместе с еще двадцатью четырьмя туповатыми технетами, возвращающимися из ремонта к исполнению своего жизненного смысла».

Он покосился на технета, прочно прижатого к нему справа; левым боком Милов упирался в борт, высота которого доходила почти до самых глаз. От соседа несло немытым телом, холодным дымом (словно у костра ночевал не одну-единственную ночь) и унылой безнадежностью; взгляд его тупо упирался в спину сидящего впереди. Возраста технет был, на взгляд, среднего, на лице — пардон, на верхней панели — морщины, в них — застарелая грязь. И явно не стремится скрасить дорогу разговором. А между тем, очень неплохо было бы — перекинуться словечком вполголоса. Потому что, по возрасту судя, должен он быть достаточно опытным, и, может быть, знает, куда их везут, далеко ли, и к чему следует приготовиться заблаговременно, к каким таким изгибам судьбы.

— Эй, сосед, — негромко, так, чтобы только можно было расслышать через стук, скрип и лязг расхлябанной колесницы, позвал Милов. Но ответа не получил, сосед даже глазом не моргнул. Не разобрал? Дефекты акустических датчиков? Повторим вызов...

— Эй, сосед! — на сей раз чуть громче.

— Проводник! — неожиданно резким, хриплым голосом выкрикнул сосед. — Тут рядом один разговаривает!

— Это который? — раскатисто рявкнули со спины, от кабины.

— Да вот, слева.

— А ты который? Поверни голову. А, вон ты где...

Свистнуло в воздухе. Милову ожгло левое ухо и голую — над воротником — шею. Он зашипел от боли, втянул голову в плечи. Снова свистнуло. Теперь взвыл уже сосед — дурным голосом, в котором слышались и боль, и обида.

— Меня-то за что, провод? Я же доложил...

— Порядка не знаешь. Сначала подними руку, будущее планеты, и уж когда тебе разрешат разевать варежку — тогда докладывай. Плохо тебя отремонтировали, собрат, ну просто из рук вон.

Милов поёрзал плечами, потирая воротником болевшую шею.

«М-да, воистину — век живи... Однако, надо признать: человек на поверку оказался не столь уж разумным, как самонадеянно обозначил в собственном видовом определении; не очень — раз создал такое на свою же голову. А главное — не технеты же всё это выдумали, подобное безобразие и у нас самих, людей, было — да и сегодня никуда не девалось в разных точках обетованной нашей планеты. Ученики они, может, и способные, но в чем их собственное, новое, сверхчеловеческое — пока не видно. Да и есть ли оно? Конечно, если подтвердится моя гипотеза, то искать вовсе ничего больше и не придется: очень хорошо она все объясняет. Но смущает только ее крайняя простота; ну, никак не может быть, чтобы все обстояло столь примитивно — и так нагло. Хотя, как свидетельствует история... Да, загадал мне загадку мой работодатель. И все же я уверен, что решил ее правильно, переминаясь у доски... А ребята во многом оказались правы, едва ли не во всем; хотя — поживем, увидим. Поговорить же тут явно не удастся. Ладно, придется потерпеть — может, на месте полегче будет, не станут же там постоянно охранники ходить по пятам. Плохо только, что времени у меня в обрез, даже меньше, чем в обрез; хотя сейчас мы и обогнали конвой, но всего лишь на считанные минуты. Как зацепиться?.. Не станешь же бежать за ними вприпрыжку по дорогам — да они и не позволят, они крутые пареньки... Что-то придется изобретать. Но не один я в цейтноте, не мне единственному надо поспешать — подходит время операции, для которой я им понадобился — и очень кстати оказался под руками именно тогда, когда потребовался. Ладно, пусть везут, — подумал он, вслушиваясь в громкое сопение пострадавшего соседа. — Спасибо хоть, что транспорт дали, что не атьдва, левой... А времени действительно в обрез, так что загорать не придется; и думать, и действовать понадобится во все лопатки».

2

(90 часов до)

Милов ожидал, что его повезут уже знакомой дорогой — той, что разветвлялась недалеко от кабака, в лесочке, на которой его и взяли вчера — или уже позавчера? Однако, машина подъехала совершенно с другой стороны, и не знай он заранее, что это — тот самый Круг, ни за что не догадался бы. Разница, наверное, объяснялась тем, что та его часть была предназначена для людей, существ неблагонадежных, эта же отводилась технетам.

Место, куда их в конце концов привезли, тоже охранялось, как и База, но, похоже, больше для порядка; ограда была, но какая-то несерьезная — такую делают для скота, чтобы не разбредался с пастбища, а человека, который захочет убежать, она не то, что не остановит — такого препятствия он просто не заметит... Правда, когда машина подъехала к группе строений — то были отнюдь не бараки, но аккуратные, приятные на взгляд коттеджи, вызывавшие представление о курорте, лунных ваннах и вообще чем-то весьма легкомысленном, — ее встретили несколько служивых технетов, но не было никакого ажиотажа, большого рвения никто из них не проявил — не орал, не ругался, не подталкивал, наоборот, время от времени даже улыбались.

Прибывших поставили рядком, пересчитали, сверили с бумагой. Потом из ближайшего коттеджа вышел еще один технет, одетый в черную кожу, зевнул, лениво спросил:

— Производственники?

Старший из привезших отрапортовал:

— Так точно, и один по спецзапросу.

Милов понял, что это последнее сказано скорее всего о нем; значит, игра развертывалась все шире — ну что же, тем интереснее будет...

Технет оглядел выстроившихся, еще раз зевнул — выражение его верхней панели было не очень любезным, похоже, ему не дали то ли доспать, то ли еще чего-нибудь доделать. Строй в это время заволновался, приглушенно загудел; Милов сперва не понял было — отчего, но быстро сообразил: метрах в пятидесяти, возле одного из коттеджей, появилось несколько здешних технетов — мордастеньких,

облаченных во все белое и с высокими колпаками на головах — явно кухонная команда; они с любопытством глядели в эту сторону, перебрасываясь какими-то репликами, касавшимися, наверное, прибывших новоселов, а тем — и даже Милову — почудилось вдруг, что в воздухе запахло вареным мясом. Нет, здесь точно было не подобие лагеря, как на Базе, тут шла какая-то другая жизнь, не лишенная приятностей, и попутчики Милова, похоже, об этом знали и сейчас предавались приятным предчувствиям.

Черный технет, однако, тут же навел порядок, громко скомандовав: «За мной — марш!», и направился к тому коттеджу, из которого вышел. Строй послушно двинулся за ним — только некоторые, совсем молодые, всё оглядывались, а повара издалека махали им руками, но не так, как прощаются, а наоборот — словно подзывали к себе, и смеялись при этом.

«Любопытно... — подумал Милов, — словно вдруг запахло всеобщим технетским счастьем...»

Перед домиком их остановили. Черный технет ушел внутрь, и почти сразу на крыльце показался высокий старик в строгом темносером костюме при белой рубашке и красной, в горошек, бабочке; седые волосы зачесаны назад, на глазах сильные очки.

— Ага, — проговорил он, — вот вы где.

Все повскакивали на ноги, но он отрицательно поводил перед собой ладонью.

— Нет, за вами придут еще, — сказал он глубоким, низким голосом, — меня вы не интересуете. Господин Милов, — он уверенно повернулся к названному, — я за вами. Прошу вас!

Милов послушно пошел вслед за стариком с галстуком бабочкой.

3

(88 часов до)

Они вышли из коттеджа, прошли несколько десятков метров по аллее и вошли в подъезд длинного двухэтажного строения, отлитого из бетона — без швов, без зазоров; все

это время старик молчал, не смотрел на Милова, словно тот его совершенно не интересовал. Миновав крыльцо, оказались в светлом коридоре, отделанном пластиком, матово-кремовым и как бы светившимся — в коридоре окон не имелось, но было светло. Еще одна дверь была снабжена автоматическим замком — на что он среагировал, Милов не успел понять, старик просто сделал какое-то неуловимое движение рукой. За дверью пахло хвоей, видимо, работал одоратор, но места почти не было — маленькая площадка, от которой лестница уходила вниз. Милов шагнул к ступенькам.

— Подождите, — сказал старик, — тут лифт, зачем же терять время и силы?

Милов остановился, всё более удивляясь. Разъехались створки двери, открылась кабина, оба вошли в нее, кабина словно сама собой, без команды, двинулась, цифры стали загораться в окошках.

«Восемь подземных этажей? — подумал Милов. — Неожиданно. Тем интереснее...»

На восьмом был снова автоматический замок, коридор, тот же свет, только пахло здесь уже не лесом, а морем. Старик взял Милова под руку, они пошли рядом.

— Удивляетесь? — спросил старик.

— Удивляюсь, — честно сказал Милов.

— Да всё очень просто: в Каспарии, как и во всем мире, чем важнее для властей то, что вы делаете, тем в лучшие условия вас ставят.

— В Технеции, хотели вы сказать, — не удержался Милов, чтобы не поправить.

Старик только махнул рукой — жест ясно показывал, что ему, старику, на такие мелочи, как изменение названия, наплевать. Однако, опасаясь, быть может, что его недостаточно верно поймут, он все же прибегнул к помощи языка:

— На моем веку бывали всякие перемены, но все в конце концов возвращалось к центру тяготения — вернется и на сей раз, чуть раньше или чуть позже, но обязательно, и старые названия тоже вернутся — к чему же мне насиловать свою память и запоминать какие-то идиотские словечки? До этого я не унижусь.

Милов кивнул, показывая, что всё понял, и спросил:

— Что же вы такое здесь делаете, что вам создали такие вот условия?

— Дойдем и до этого — потерпите, в коридоре о делах не принято.

Милов усмехнулся.

— Значит, и в этом технеты подражают людям, — сказал он, не спрашивая, а как бы констатируя факт. Старик усмехнулся.

— Насекомое летает при помощи крыльев, и птица, и летучая мышь; можно ли сказать, что кто-то из них подражает другому? Просто способ продиктован условиями.

— Ну, работать заставляют и другими способами, — не согласился Милов.

— Зависит от характера работы, — ответил старик, склонив голову к плечу. — Вот сюда, прошу.

Они вошли в просторную комнату, по обстановке — смесь кабинета, библиотеки и гостиной: стены — в книгах, в шкафчиках с дискетами, компьютер на столе в углу и прочая, как это теперь называется, оргтехника: факс, ксерокс, два телевизора, несколько телефонов. В другом углу тоже стол — на этот раз письменный, а посреди комнаты полукруглый диван и три кресла окружали низкий овальный столик, за каким удобно пить кофе или еще что-нибудь, не требующее солидной закуски.

Словно угадав мысли Милова, старик сказал:

— Чашечку кофе? Не стесняйтесь, вы мой гость, а гость, как известно — хозяин в доме.

— Не найду сил отказаться, — сознался Милов.

— Ради Бога, к чему отказываться от того, что доступно? И так остается слишком много вещей, отказ от которых неизбежен.

Старик гостеприимно указал Милову на кресло, отошел к стене, открыл один из шкафчиков — там оказалось всё, что требуется, чтобы приготовить кофе — и, судя по запаху (подумал Милов, принюхиваясь невольно, пока кофемолка жужжала), кофе хороший. Милов хотел помочь накрыть столик.

— Нет-нет, позвольте мне выполнить долг до конца.

Запах обжигал ноздри, потом чашка оказалась перед Миловым и он с болезненным наслаждением сделал глоточек — первый за несколько последних дней. Старик мед-

ленно, понемножку отпивал, не глядя на гостя, давая ему время прийти в себя.

— Еще чашечку?

Милов хотел отказаться, но не смог.

— Если это не очень беспардонно с моей стороны...

— Ну, друг мой, пусть это вас волнует так же мало, как меня. За кофе, да и за всё остальное, платят те, quae nos hic protegit — ответил хозяин строкой из Gaudeamus'a.

Наконец, кайф закончился, казалось — но, как выяснилось, еще не до конца.

— Сигару? Сигарету? Да не стесняйтесь, если мы с вами договоримся, всех подобных благ и у вас будет предостаточно — куда больше, чем, скажем, свежего воздуха.

— Хотелось бы прижиться, — сказал Милов, лишь наполовину в этот миг играя роль, на вторую же половину — искренне. — Чем же нужно обладать для этого?

Старик ответил не сразу — он раскуривал тонкую сигару с мундштуком.

— Технеты ведь не курят? — зачем-то спросил Милов.

— Вы думаете? Впрочем, это их дело, — пробормотал старик, углубившийся, похоже, в свои мысли.

Он курил молча, Милов сидел тихо — отдыхал, и ему хотелось, чтобы это состояние расслабленности продлилось побольше, хотя он понимал, что передышка будет краткой, а продолжение, возможно, окажется куда более сложным, чем всё, что было до сих пор. Старик держал сигару осторожно, чтобы пепел не упал. Кажется, сигара доставляла ему истинное удовольствие. Милов между тем невольно ощущал, как бесполезно утекает время, которого оставалось все меньше — утекает без толку, без всякой пользы, принося, наоборот, все более реальное ощущение опасности. И это было уже не предчувствие; это было самое настоящее знание.

4

(87 часов до)

— Ну, вот, — сказал наконец старик, словно бы успел к этому мгновению привести свои мысли в полный порядок и мог теперь уделить внимание собеседнику. — Можете

чувствовать себя, как дома. Или, во всяком случае, в полной безопасности. Думаю, это должно вас устроить.

— Звучит сладостно, — Милов позволил себе вежливо улыбнуться. — Но недостает информации. Почему я могу чувствовать себя тут легко и безмятежно? И еще: разве мне угрожала какая-то опасность?

— Ну, полно, полно, — проговорил старик укоризненно. — Не будем разглядывать загадочные картинки, — помните, было в свое время такое развлечение? Я вовсе не собираюсь скрывать от вас что-либо. Понимаю, что многое нельзя понять сразу, не зная подлинных обстоятельств. Поэтому готов ответить на вопросы — если вам будет угодно их задать.

Милову было угодно.

— Если я приглашен в гости, — сказал он, сохраняя на лице всё ту же светскую улыбку, — то хотел бы знать хотя бы имя хозяина дома.

— На этот вопрос могут быть даны разные ответы, — сказал старик серьезно. — Если придерживаться формальной стороны, то хозяин этого дома, как и этой земли и всего прочего — великое и могучее технетское государство. Но вопрос можно сформулировать иначе: кто здесь распоряжается? Или еще проще: кто таков я? Ответ будет необычайно простым: моё имя — Орланз, и командую здесь я.

Милов кивнул.

— Не буду делать вид, что очень удивлен.

— Я бы все равно не поверил. Потому что знаю: вам уже приходилось слышать обо мне.

— Но, видимо, и вам известно нечто обо мне?

— Иначе как мы могли бы встретиться?

— И все же: как это произошло?

— Меня попросили оказать вам помощь — в случае, если вы ее попросите, и даже в таком случае, если вы не сможете или не захотите обратиться ко мне, но я сам сочту, что некое содействие вам необходимо. Вот сейчас, по моему убеждению, такое время наступило.

— Что же мне грозило?

— Мсьё Милов, не нужно рисовать загогулины. Пусть наш разговор развивается по прямой. Вы прекрасно знаете, что вам грозило. Но, может быть, нуждаетесь в подтверждении?

— Всегда полезно убедиться в своей правоте.

— Сделайте одолжение. Прежде всего хочу сообщить вам: кто вы, откуда и почему оказались здесь — мне известно. И вы догадываетесь, из какого источника: из того же, откуда поступила просьба помочь вам. Это те же люди, от которых вы в свое время узнали о моем существовании. Будем считать этот факт установленным?

— Согласен.

— Далее. Вы, по причинам, которые мне понятны, хотели попасть на Базу. И попали. Попали в руки Базы. И это грозило — и в какой-то степени еще продолжает грозить вам серьезными неприятностями.

— Н-ну... было бы интересно услышать, какими именно.

— Для этого я и пригласил вас сюда. И — если отступить подальше во времени — для этого я выкрал вас у того департамента, в чьем ведении вы находились. Я в общих чертах представляю, чего База от вас добивалась. Речь шла о некоем грузе, не так ли? И о необходимости обеспечить пересылку этого груза через восточную границу Технеции. Нет, мне не обязательно ваше подтверждение: я и так знаю, что вы понадобились именно для этого.

— Мои скудные возможности были явно переоценены, — заметил Милов.

— Скромность безусловно украшает человека — до тех пор, пока не переходит определенных границ, за которыми превращается в глупость. Вы не обиделись, надеюсь... Так вот. Их проект заключается в том, что упомянутый груз будет продан (вернее, он уже продан, контракт заключен, но деньги еще не заплачены) кому-то там, на востоке.

— Мсьё Орланз, на сей раз, кажется, моя очередь напомнить о разговоре без экивоков. Если уж вы решили называть вещи их именами...

— Вы правы. И в самом деле глупо объясняться символами — тем более, что они никого не ввели бы в заблуждение. Да, несомненно, речь идет о ракетах; о тех самых ракетах, о которых вы, не исключено, забыли — потому что наши общие друзья ведь не ставили перед вами никакой задачи, связанной с этими симпатичными устройствами, — и которые сейчас заставляют вспомнить о себе. Да-да, именно ракеты с ядерными головками. Они до сих пор уцелели, и пока еще никому не причинили вреда; однако, эта безмятежная пора, когда они дремали под охраной на складе, кажется,

пришла к концу. Иными словами, на этот груз нашелся покупатель, готовый заплатить немалые деньги. Я не строю гипотез, поэтому не стану высказывать предположений, зачем эти ракеты, чей срок годности, кстати сказать, близок к истечению, кому-то вдруг понадобились; может быть, как раз по причине увеличивающейся опасности от их хранения, а может быть, совсем по иным мотивам. Допустим, кто-то хочет купить их просто для того, чтобы разрядить и тем самым избежать каких бы то ни было осложнений, связанных с ними, в будущем. Но так или иначе, на этот товар возник спрос. Скажу даже больше, чтобы вам стал ясен общий характер операции: этот спрос возник на востоке.

— Вы хотите сказать, что он понадобился России? Но Россия за это платить не станет.

— Я и не называл этой страны, отнюдь. Речь идет о другом Востоке, их ведь, как вы знаете, имеется неимоверное количество, всяких Востоков — разумеется, если не рассматривать вопрос географически. И груз, о котором я говорю — именно груз, друг мой; я человек достаточно суеверный и потому всегда опасаюсь подслушивающей аппаратуры, а потому и избегаю конкретных упоминаний, и вас призываю к тому же — итак, груз там весьма нужен для каких-то целей. В случае, если он уйдет в соответствии с этим планом, деньги будут получены — и до последнего гроша пойдут руководству и будут истрачены на абсолютно бессмысленные вещи — не говоря уже о том, что большую половину их просто разворуют само руководство и их ставленники.

— Разве технетам свойственно воровать?

— Мы ведь уже говорили о том, что они обладают многими людскими чертами. Воровать — не работать, воровать легче и выгодней. Одним словом... Впрочем, это уже наши внутренние дела, и они вас совершенно не интересуют. Итак, вот ситуация, которой мы с вами сейчас занимаемся: есть продавец, и есть покупатель. Первый хочет продать, второй — купить. Условия устраивают обе стороны. Избавившись от товара, продавец вздохнет с облегчением: как-никак, он обладал товаром не на законных основаниях, ракеты обладают не только колоссальным фугасным зарядом, но и не менее взрывчатым компрометирующим. Продажа их, таким образом, пойдет лишь на пользу Технеции, не так ли?

— Не совсем понимаю, — сказал Милов. — Вы хотите

убедить меня в том, что замысел Базы можно только приветствовать и нужно всячески содействовать этой самой продаже? Но какое отношение к интересам Технеции имею я?

— Если бы я рассуждал по этой схеме, то и пальцем не шевельнул бы ради того, чтобы вытащить вас с Базы — кто бы меня об этом ни просил. Нет, дело обстоит несколько сложнее. В самых кратких словах обрисую положение вот как. Вам надо спастись. Единственный способ сделать это — покинуть Технецию как можно скорее. Я готов оказать вам в этом содействие, поскольку ваше спасение не противоречит моим интересам. Но я не альтруист. Жизнь научила меня стараться извлекать из любого сочетания обстоятельств хотя бы маленькую выгоду. Так и в нашем случае. Я помогаю вам выжить и вернуться домой — вы же помогаете, в свою очередь, мне осуществить одну несложную операцию.

— Интересно: какую же? Может быть, она мне не по силам?

— О содержании ее вы узнаете в свое время. Пока могу лишь заверить вас: вы с нею сладите.

— Вы так во мне уверены?

— Мы знаем о вас много — да и вас знаем, друг мой, тут сохранилось не так уж мало людей, помнящих вас по прежней, дотехнетской жизни. И у нас есть все основания полагать, что вы способны справиться с этим. Кстати, подобного же мнения о вас были и те, с кем вы разговаривали на Базе, не правда ли? Господин Клеврец в частности? Я очень уважаю его, как специалиста. К сожалению, до меня дошла весть, что у него какое-то расстройство здоровья. К счастью, не смертельное.

Разговор о здоровье Клеврека Милов предпочел не поддерживать.

— И все же я не представляю себе — каким образом мог бы сейчас выкрутиться... Вы говорите: покинуть Технецию. Не думаю, что это очень просто. Границу у вас охраняют достаточно добросовестно.

— На что же вам дана голова? Думайте! Я потому и пригласил вас сюда: именно здесь мы можем обеспечить вам наилучшие условия для работы мысли. У меня тоже нет готового рецепта для вашего спасения. Есть лишь желание содействовать — и кое-какие возможности для этого. На то, чтобы обдумать способ решения задачи, у вас будет целых два дня. Целых два!

— Немного, — сказал Милов на всякий случай.

— В этом мы не властны. Потому что, как мне представляется, ваше возвращение домой легче всего увязать именно с торговой операцией, о которой мы с вами уже говорили; с операцией, что готовит База. Операция, насколько мне известно, должна начаться через неделю, перенести сроки — не в нашей власти, а дня три-четыре вам понадобятся на то, чтобы оказаться в той группе, которая и будет реализовать план — их план. Это можно только изнутри: никакое нападение на транспорт с грузом невозможно, я уверен — он будет прекрасно охраняться, да и маршрут его следования вряд ли удастся уточнить: он предельно засекречен — а может быть, вообще из нескольких возможных будет избран лишь в последний миг. Нет, вам надо быть в той группе — как это и предполагали те, кто ставил перед вами задачу номер один.

— Они действительно ставили задачу, — кивнул Милов. — Но потом сами же меня отстранили. Оказалось, что меня обрабатывали слишком...

Старик не дал ему договорить.

— Мы узнали об этом практически сразу же, и, признаюсь, это обстоятельство немало нас озадачило. Дело в том, что как только я узнал о том, что вас задержали тут, буквально у меня перед носом, мне стало ясно, что вас придется вытаскивать. Первоначально мы рассчитывали, что вас официально введут в состав конвоя — ну, а мы сумеем связаться с вами, объяснить обстановку и тэ дэ. Однако, этот план сорвался. Мы стали думать над другими вариантами. Мы вовсе не глупы. Вот вам пример: мы ни на мгновение не усомнились в том, что на самом деле вы сохранили — или быстро восстановите — человеческую ясность мышления. Если бы мы не знали этого, то не стали бы строить на вас какие-то расчеты. Наоборот, это происшествие только укрепило нашу уверенность в том, что любая работа вам по силам. И мы решили вытащить вас оттуда, раз уж они не смогли вас использовать. Решили — и вытащили. Вам только казалось, что если ваш охранник выбыл из игры, то за вами никто не приглядывал. Смотрели. Кстати, группа, к которой вы в последний миг присоединились, несколько часов была вынуждена ждать подходящего момента для выхода. Нет, не рядовые технеты, конечно — им приказали ждать, и они ждали, скомандовали — и они пошли. Я говорю о тех, кто дал команду на выход. А начальство Базы...

— Кстати, — сказал Милов, — они мне хоть что-то обещали в случае успешного выполнения...

— Они лгали, и вы это прекрасно знаете.

— А откуда, собственно, мне это знать?

— М-м... Своя логика в вашем замечании есть. Н-да. Ну, что же — придется снабдить вас еще кое-какой дополнительной информацией.

— Могу только приветствовать.

— Видите ли, мистер Милов (уже не «мсьё», — подумал Милов мельком, — форсит, бранденбур с бакенбардами, пижон старый!), избавиться от ракет и получить за них весьма пристойные деньги — таков план Базы, но не весь план, а лишь его меньшая половина. И если вы хоть на минуту задумаетесь над ним, то поймете, что в плане этом, в самой его основе, заключается определенная опасность для продавца. Впрочем, я уверен, что и эта минута вам не нужна: вы наверняка успели уже раньше проанализировать все обстоятельства. И поняли если не всё, то многое.

— Я понял во всяком случае, — сказал Милов, — что тащить краденые ракеты через Россию весьма рискованно. Это ведь не пакетик с иголками. И Россия — не пустыня. А если покупатель — не она, то, значит, Россия — лишь некое расстояние, которое нужно преодолеть. Но ведь есть и другие способы — морем, например?

— Разумеется. Но при условии, что покупатель сам имеет доступ к морям.

— Вы правы... Да; вовсе не сказано, что покупатель не находится на территории страны. Он — не государство, однако... Орланз!

— Я вас слушаю.

— Вы должны сказать мне, кто покупатель.

Старик развел руками.

— Если бы я хоть имел представление! Однако, я с самого начала не исключал, что покупатель действительно может находиться на территории вашей страны. Иметь к ней прямое отношение. Этим многое объяснялось бы, не так ли?

— Дьявол... Орланз, мне надо попасть в этот конвой!

— Постойте. Вы думаете, что уже все поняли? О, нет!

— Ах, так...

— Все ведь отдают себе отчет в том, что транспортировка такого груза по территории России, начиная с самой

границы, чревата множеством опасностей. И основная заключается в том, что груз будет обнаружен — на границе ли, или позже, уже в глубине страны... Это одинаково плохо и для покупателя, и для продавца...

— Почему? Постойте, постойте... Нет, тут вы ошибаетесь, Орланз: вовсе не одинаково. Покупателю, действительно, все равно: он в любом случае теряет и товар, и деньги. Но вот что касается продавца... Если груз задержат где-то в сотнях километров от границы, продавец тут совершенно не при чем: он делает большие глаза, разводит руками и знать ничего не знает; нельзя доказать, что перехваченные ракеты проданы им и перед тем годами хранились у него. Но вот если их хватают за руку на месте преступления — во время перехода, — то может возникнуть международный скандал... И никак не в пользу Технеции. Так?

— С удовольствием слежу за ходом вашей мысли.

— Значит, База должна как-то подстраховаться от самой возможности такого скандала, не так ли?

— А вы на их месте поступили бы иначе?

Милов помедлил.

— Я в какой-то мере уже знаком со здешними нравами. Могу поставить себя на их место. И...

— Ну, ну? Горячо, как говорят в детских играх.

— Тут может быть подстраховка с развитием. То есть: не только избежать скандала для себя, но и вызвать его — в адрес соседа...

— Умница. А каким способом?

— Понял. Я понял, Орланз! В случае осложнений на границе груз просто уничтожается. Для этого он должен быть всего лишь заминирован. Остальное просто: скажем, сигнал по радио...

— Действительно, очень просто.

— Но, послушайте... это ведь ужасно!

— Ну, головки вряд ли сработают: думаю, что их и повезут отдельно, и вообще...

— Пусть ядерного взрыва и не будет — но ведь все это поднимется в воздух! Вспомните Чернобыль!

— Никто его и не забывал. Но если взрыв происходит не на территории Технеции, а на земле соседа, то кто виноват? Сосед, естественно! Не так ли?

— Но ведь тем, кто будет поражен, от этого не легче!

— Безусловно, но кто будет поражен?

— А кто может гарантировать, что это не будут граждане Технеции?

— Ветер.

— Ветер?.. Черт!

— Сейчас — устойчивый ветер с запада. И есть гарантии, что он продержится еще не менее двух дней.

— Вот теперь всё действительно прояснилось.

— Вы понимаете, Милов? Вы не только должны спастись на своей земле; ваша задача еще — и предотвратить несчастье.

— Согласен.

— Здесь, на технетской территории я помогу вам, чем смогу. И, разумеется, вы сможете опереться на тех людей, что находятся в вашем распоряжении.

— Не понимаю вас, Орланз.

— Прекрасно понимаете. Но мне не нужны ваши подтверждения. И я не собираюсь выпытывать у вас, где этот отряд находится сию минуту: мне не интересно. Это ваши проблемы, Милов. Я просто знаю, что у вас есть, на кого опереться. А сейчас — как вы недавно заметили, вам и в самом деле надо попытаться каким-то образом подключиться к конвою.

— Звучит заманчиво, согласен. Но только — вы похитили меня оттуда; каким же способом я смогу теперь попасть в ту группу?

— Возможны варианты. Мне представляется самым простым — вернуть вас туда. Предположим, вы подставитесь, и они вас схватят. Если это произойдет достаточно естественно, они клюнут.

— Но вряд ли мне доверят выполнение задачи...

— А куда им деваться? У них нет другого исполнителя. Просто вы сообщите им, что память вернулась и вы восстановили все, что должны сказать и сделать на границе. Они, конечно, припишут это действию каких-то средств, предположат, что вы сбежали именно для того, чтобы добраться до этих средств, до какого-то тайника, и воспользоваться ими — что, я полагаю, будет не так уж далеко от истины. Безусловно, это могло бы в какой-то степени подорвать их доверие к вам — если бы они таковое испытывали. Однако смею вас заверить, что никаких иллюзий относительно вас они не пи-

тают. Конечно, вы будете весьма ограничены в действиях. Не согласны? Ну, хорошо. Я же сказал вам: думайте!

— Да тут и думать нечего, — сказал Милов с великой уверенностью. — Стоит мне снова попасть в их руки — и не знаю, как кто, но вы-то уж меня больше не увидите. Вам не приходилось сталкиваться с ними вплотную — когда все козыри у них на руках? Да и кроме того... Боюсь, что господин Клеврец расстроил свое здоровье не без моей помощи; при этом наверняка убедился, что я восстановил не только память. Нет, это вариант для самоубийцы. А если они, схватив меня, выколотят и отчет об этом нашем разговоре — как это отразится на вашем самочувствии?

Орланз чуть заметно улыбнулся:

— Я для них — фигура неприкасаемая. Пока, во всяком случае.

— Тогда поверьте мне на слово. Однако, как мне представляется, ваше предложение не исчерпывает всех возможностей?

— Ну, оно было сделано не всерьез, вы же понимаете. Разумеется, я сделаю всё мыслимое, чтобы максимально приблизить вас к нужной позиции.

— Уж раз вы ставите передо мной такую задачу, вы просто обязаны это сделать. Я все-таки не заурядный наемник. Я вообще не наемник, если уж на то пошло.

— Да, это мне известно...

— Тогда давайте, наконец, поговорим всерьез.

— Пойдемте, пообедаем, — предложил старик. — У нас кормят не по технетскому меню, так что вы останетесь довольны. Там и побеседуем.

— Самое время, — согласился Милов. Замечание это, весьма возможно, одновременно относилось и к разговору, и к обеду, время которого, как казалось, наступило уже сто лет тому назад.

5

(85 часов до)

— Скажите, Орланз: а чем вызвано такое, я бы сказал, трогательное отношение к моей особе? И даже — если ши-

ре — вообще к России, которую здесь, как все мы знаем, не очень-то обожают?

— Полагаю, вы задали вопрос всего лишь для препровождения времени. — Орланз несколько секунд смотрел на своего гостя — или теперь уже не гостя? — в упор. — Насколько я осведомлен, все нужные для ответа знания у вас имеются в избытке. Я настолько уверен в этом, что даже не стану устраивать вам экзамен. Вместо этого расскажу о месте, куда вы попали и где останетесь очень недолго. Подразумевается, что вы, направляясь сюда, постарались узнать об этой стране не меньше хотя бы, чем знаем мы, живущие здесь люди. Человеки. Вы осведомлены, я полагаю, о наших проблемах — пусть и в общем виде. Так вот, для начала я познакомлю вас с нашим статусом — тех, кто продолжает оставаться здесь людьми. Технеты весьма практичны, пусть это и примитивный практицизм, но нередко именно такой бывает полезным. Каждый из нас пользуется благами жизни — а начинаются эти блага, как вы понимаете, не с кофе и сигар, но со степени свободы и независимости, какую вам предоставляют, — каждый из нас обладает этим в линейной зависимости от той пользы, которую он приносит технецийской системе. Что касается меня, могу сказать без ложной скромности: я приношу стране куда больше пользы, чем дюжина ее средних полноправных граждан — хотя полноправным я формально все же не являюсь, но мне на это наплевать — да и им, думаю, тоже.

— Что же, прекрасная позиция, — похвалил Милов.

— Вероятно, — продолжал со смешком старик, — собираясь сюда, вы постарались обновить свои знания по истории страны. Мы, люди, порой еще позволяем себе это, хотя технеты прекрасно обходятся без истории: так спокойнее. Так вот, если вы обращались к нашей истории...

— Не раз, — сказал Милов.

— То должны помнить, поскольку вы не так уж молоды, хотя далеко не так стары, как я — должны помнить, что до того, как технеты пришли к власти, мы были активным народом и, я бы сказал, неглупым; наши ученые (когда я говорю «наши», то имею в виду проживаших здесь независимо от их этнической принадлежности) были ничуть не хуже прочих, а в одной-двух областях мы даже лидировали. Не случайно ведь до самой идеи технецизма

додумались именно здесь: для того, чтобы совершить эпохальную ошибку, нужен порой не меньший талант, чем для достижения эпохального блага.

— Однако технеты провозгласили, что они делают всё лучше, чем люди, — осторожно вставил Милов.

— Ну, сказать всё можно... Вначале они, откровенно говоря, прекрасно копировали. Имитаторы они и на самом деле недурные. Были. Но почему-то чем дальше, тем они копировали хуже. Не могли расширить рынок. Наоборот, стали терять клиентуру. Ведь в остальном мире люди не спят. Они конкурируют. Между собой, между странами, между компаниями... Но технетов настолько оглушила идея собственной независимости, что они буквально захлебнулись в ней. Независимость — весьма сильно действующее средство, к нему надо привыкать постепенно, а тут его сразу стали хлестать не стаканами — вёдрами. Собственное достоинство должно основываться на фактах, а не на идеях; здесь же идея собственной исключительности возобладала над фактами — и получилась ерунда: если что и росло, то разве что самомнение, а реальная жизнь между тем затормаживалась...

— Но ведь технетам немногое нужно, — сказал Милов, как бы размышляя вслух.

— А вы знаете, чем технет отличается от человека? Нет, я говорю не о способе производства; я имею в виду его внутренний мир.

— Полагаю, что ощутил это на собственной шкуре.

— Естественно, друг мой: с вами, насколько мне известно, работали — и весьма серьезно, даже перестарались немного. Но вы, я полагаю, сумели восстановиться? Во всяком случае, так можно заключить, наблюдая за вашим поведением. Да, так что там о внутреннем мире технетов?

— Им, похоже, не хватает кое-чего, присущего людям...

— Ну, и что же? Допустим, у человека выпали зубы, и он не может заказать протезы; он остается без зубов — и вы думаете, что ему от этого легче, чем зубастому? Нет, ему значительно хуже. Хотя он может, конечно, похвалиться тем, что совершенно не подвержен зубной боли и гарантирован от расходов на дантиста, зубную пасту и прочее. Нет, внутренний мир технета, по моим предположениям, от этих редукций страдает. Если вам внушили, что уже одна ваша принадлежность к технетам ставит вас выше всех

остальных разумных существ на планете, так ли уж важно, признают ли это все остальные? Все равно, вы самый великий. А что величие это ограничивается территорией площадью в пятак, их не волнует: они над этим просто не задумываются. Короче говоря, технеты, формируя свое общество, сделали ошибку, вряд ли меньшую, чем мы — позволив им это. Они всерьез поверили в то, что люди не могут и не должны быть ничем иным, как только сырьем для производства новых технетов, всего лишь. И в этом заблуждении зашли достаточно далеко. А главное — не скрывали этого от остального мира; впрочем, скрыть это было бы весьма затруднительно даже при всем желании. Безусловно, в этом мировоззрении — если можно так назвать сумму предрассудков и предубеждений — немалая вина и людей: они вели себя тут крайне легкомысленно даже при наличии явной опасности. Но люди могли себе это позволить, хотя, конечно, этого делать не следовало; могли, потому что в их распоряжении были — и есть — колоссальные ресурсы всего великого людского сообщества. И технетам по инерции казалось, что всё это так и останется у них, даже если люди тут перестанут существовать. А у технетов нет ничего, их территория бесплодна, Вот в каком положении оказалась страна. Но мы — здешние люди — не перестали любить ее: мы все-таки родились здесь и прожили жизнь, значительную часть ее.

— Я, кажется, понял, — сказал Милов. — Вы пытаетесь снова научить их уважать людей? И для этого пробуете восстановить у них те качества и свойства, от которых они сами отказались? Хотя нет, — тут же опроверг он сам себя. — Тогда вы не находились бы в таком гарантированном уединении.

— Да разумеется, нет, — отмахнулся Орланз. — Это их проблемы, и меня они совершенно не волнуют. Кроме того, таким делом можно было бы заниматься лишь с разрешения властей — а для властей это означало бы признать ошибку, которая легла в основу их общества. Нет, нет. Мы тут по совершенно другому поводу.

Он положил окурок сигары в пепельницу и взял другую. Раскуривание заняло с минуту.

— Так вот, — продолжил он затем, — в результате всех обстоятельств, мною уже упомянутых, страна стала

медленно, но верно лишаться симпатий всех правительств и народов, которые с давних пор нам сочувствовали, потому что считали, что мы угнетены, порабощены, лишены всяческих прав — и так далее. Вряд ли нужно вам объяснять, что на самом деле это по большей части не соответствовало действительности.

— Не нужно, — подтвердил Милов. — Я знаю это так же хорошо, как и вы.

— Знаю, разумеется. Но те, кто сочувствовал — и еще сочувствует нам издалека, этого не знают и знать не хотят. Люди ведь верят в приятно, музыкально звучащие слова куда охотнее, чем в факты, которые очень часто дурно пахнут и весьма непривлекательно выглядят; тем более, что факты эти по большей части им недоступны.

Похоже, Орланз разволновался — настолько, что вскочил и стал расхаживать по комнате, уронив пепел с сигары на кресло, на котором только что сидел.

— Вы могли бы и не объяснять мне столь очевидных вещей.

— Примите мои извинения за многословие. Так или иначе, независимо от фактов, нас любили не только по чисто политическим, но и по гуманным соображениям, и просто из добрых чувств. Однако, наши технетские власти, похоже, совсем разучились понимать даже столь простые вещи. И повели свою политику таким образом, что в самом скором времени мы перестанем пользоваться чьим-либо сочувствием; а при наличии таких соседей, как у нас — правильнее было бы сказать «такого соседа», — и при нашей хилой экономике это может стать фатальным; история имеет привычку повторяться, это было замечено давно, но что она повторяется, как фарс — это уж, пардон, чушь собачья. Трагедия от повторения никак не становится фарсом, она остается повторяющейся трагедией, только и всего... Какие выводы из этого, по-вашему, должны следовать?

— За исключением одного — какие угодно, — сказал Милов. — Но при чем тут я? Круг моих идей весьма ограничен, и как творческая сила в области политики и даже простой логики я вряд ли вас устрою. Зачем вы все это мне рассказываете? Просто из склонности к чтению лекций?

Как ни странно, Орланз, похоже, не обиделся.

— Сейчас я вам объясню.

Старик опустился в кресло — не в то, в котором сидел раньше; наверное, все-таки заметил, что пепел упал, но стряхивать почему-то не захотел.

— Итак, слушайте. Для того, чтобы сохранить доброе отношение к нам со стороны тех сил, от которых мы так или иначе зависим, необходимо предотвратить кардинальную перемену общественного мнения в отношении нашей страны — а она неминуема, если не принять мер. Первый и основной вопрос — это люди. Здесь в этом направлении наделали глупостей — но об этом я уже все сказал. Да и что в этом что удивительного: политической культуры нет и не было, откуда нам было ее взять? Итак — люди, отношение к ним, их судьба. Тут можно вывести такую формулу: отношение властей к людям, помноженное на время, равно отношению всего остального мира к нам.

Старик умолк, чтобы перевести дыхание.

— Так вот. Втолковывать даже столь простые истины высшим технетам бесполезно. Они живут не только вне истории, но и вне здравого смысла. Однако, внешнему миру не до таких тонкостей; Технеция для него есть нечто целое. И вот для того, чтобы показать нашу маленькую страну и с другого бока, чтобы по возможности сгладить те скверные впечатления, которые возникли и возникают вследствие уже названных мною причин, и существуем мы.

Тут он снова сделал паузу — на этот раз чисто ораторскую, перед тем, как удивить аудиторию. Но Милов лишил старика этого удовольствия — не без внутренней ехидной усмешки.

— Вы хотите сказать, что вы и есть Людская оппозиция? А не просто резидентура Хоксуорта или Клипа?

К чести старика — он умел держать удары, во всяком случае в ораторской схватке. Он улыбнулся — воистину улыбкой вельможи.

— Вы информированы лучше, чем я ожидал. Да, этот Круг, где мы с вами сейчас находимся, и есть место обитания людей — естественно, и оппозиции. При случае я расскажу вам о наших задачах более подробно. А пока скажу лишь, что государство, вынужденное признавать наше существование, не дает нам ни единого техна для поддержания этого самого существования. А ведь здесь — не только политическая и общественная организация. Здесь и

кое-какое производство, которое под силу именно людям, а не тупоголовым технетам. Людям с ненарушенной психикой. И политика, и производство обещают немалую отдачу в будущем. Но тем не менее, и в них нужно вкладывать деньги. Причем это просто смешно: деньги, которые власть получает из-за рубежа, проходят ведь через наши руки, руки людей, потому что ни в одном зарубежном банке не откроют ни одного счета на имя технета — они пока что не обладают там никаким правовым статусом, и чем солонее здесь приходится людям, тем более затягивается это дело там. Да, через наши руки, но нам не дают ничего. А нам нужны деньги не меньше, чем кому-либо — прежде всего — для постоянного расширения нашей производительной базы. Нужны деньги. И в этом вы нам поможете.

6

(83 часа до)

— Я? — несказанно удивился Милов. — Не представляю себе...

Но Орланз, кажется, решил, что сказал слишком много.

— Ешьте, — сказал он. — Всё стынет. Еда не заслуживает столь пренебрежительного отношения к себе.

— Давайте так, — сказал Милов, когда с отбивной было покончено и наступила пауза, неизбежная перед десертом. — Чтобы не тратить времени зря, сначала я буду спрашивать, вы — отвечать; ну, а потом, если понадобится — в обратном порядке. О'кей?

— Играйте, — благосклонно разрешил старик.

— С вашего позволения. Видите ли, когда кто-то говорит со мною открыто, мне прежде всего хочется узнать: почему именно со мной? Случайный выбор? Чья-то рекомендация? Или я, так сказать, победил на закрытом конкурсе? До сих пор вы говорили весьма лестно для меня, но совершенно не конкретно. Итак, что было причиной?

— Скорее, последнее.

— Однако, я нахожусь здесь слишком недолго, чтобы конкурс этот можно было как следует подготовить. Это дол-

жно было быть сделано заранее. Следовательно, вы готовились встретиться именно со мною?

— А вам не кажется, что вопрос этот — за рамками допустимого? Кроме того, я, кажется, уже ответил на него ранее.

— Я не совсем так спросил. Что об этом знали вы — понятно, поскольку источник известен. Но откуда знала База?

— Да к чему вам это?

— Объясню популярно. Хотя ваш заказ и достаточно сложен, я бы сказал даже — очень сложен, поскольку включает в себя и просачивание в конвой, и — самое главное — предотвращение катастрофы тем или иным способом — я надеюсь в процессе его выполнения все-таки выжить. Такая цель существует для меня всегда параллельно всем остальным, и до сих пор, как видите, мне это удавалось. Полагаю, что счастье не изменит и сейчас. Если даже вы придерживаетесь иного мнения. Итак, я задал вам простой вопрос: меня здесь ждали?

Старик медлил.

— Да не тяните же! Хорошо, объясню вам подробнее: от того, что знают или чего не знают обо мне на Базе — поскольку там я безоговорочно опознан, — зависит очень многое: могу ли я и в самом деле каким-то образом открыто присоединиться к ним, или такая возможность исключается?

— Пожалуй, исключается. Нет, не пожалуй — совершенно исключается.

— Хорошо. В таком случае, дилемма представляется неразрешимой: мне нужно оказаться в конвое — но, поскольку его контролирует База, я не могу этого сделать. Вы видите выход?

— Ну, я бы сказал — да. Не помню, говорил ли я вам, что этот пресловутый конвой свою последнюю остановку перед броском к границе — или первую на пути оттуда, все равно — делает в одном и том же лесном поселении.

— Вы знаете, где оно?

— Разумеется. Хуже то, что даже я не знаю местоположения того единственного окна, которым сейчас конвой еще может пользоваться.

— Это потом. Итак, Лесное поселение. Дальше?

— Командует этим лесным предприятием чиновник, ну скажем... сочувствующий моим воззрениям.

— Уже интересно.

— Я послал туда человека, который займет первую же водительскую вакансию в конвое. Водитель у них называется командиром машины, — и обладает определенной свободой действий. Он сможет просто прихватить вас с собой — хотя бы укрыть в трейлере — и таким способом довезти до границы, где вы и начнете действовать. Вот таким способом вы попадете в состав конвоя. Ну, а дальше...

— Одну минутку. Вы сказали — «водительская вакансия». Вы так уверены в том, что она откроется? Боюсь, что вы несколько опоздали. Один водитель заболел и был снят еще на Базе. Буквально на моих глазах.

— Я знаю. Да, это очень досадно — однако могу вас заверить, что это не мы организовали. Скорее всего, он заболел по каким-то естественным причинам. Мы этого не предвидели, иначе наш человек уже сидел бы в кабине тягача.

— Ну что же, что было, то прошло. Дальше?

— Продолжаю. Здесь, в Круге, конвой — он уже прибыл, кстати — должен взять еще одну часть груза. После этого все должно совершаться буквально по часовой стрелке — а порою и по минутной. Погрузка совершается в особых условиях, и тут даже приблизиться к конвою невозможно. Он погрузится и уедет, чтобы на какое-то время остановиться на исходной позиции.

— То есть, в этом самом Лесном поселке.

— Вот именно. И вскорости туда-то вам и предстоит направиться. Я постараюсь доставить вас так близко к нему, как только будет возможно. У вас это называлось бы лесхозом, не так ли? Городок в лесу, соответствующие занятия: заготовка древесины, лесопосадки и всё такое прочее. Там работает достаточно много технетов, и прибытие еще нескольких рабочих — ваше в том числе — не вызовет ничьего удивления.

— Понимаю.

— Итак, место в конвое я могу вам обеспечить. Всё остальное — вы сами. Но ведь вам, насколько я понимаю, инициативы не занимать.

— К сожалению, всё проходит. Но я постараюсь. Итак, предположим, я сижу в одной из машин конвоя. Что я смогу сделать в этой ситуации?

— Вы сможете попасть к «окну».

— Я уже там. Дальше?

— А дальше и начнется то, из-за чего нам понадобились

именно вы. Видите ли, я не могу исключить такого варианта, что произойдет небольшая неувязка по времени, и ваши соотечественники, которых вы, безусловно, постараетесь предупредить обо всем, и в самом деле успеют наложить лапу на товар. И вы, вдвоем с моим водителем, окажетесь единственными, кто сможет предотвратить бессмысленное преступление — взрыв с выбросом радиоактивных веществ.

— Гм... Во всем этом есть одно осложняющее обстоятельство.

— А именно?

— Всё то же время. То самое чертово время, которого у нас нет.

— У вас — свой отсчет?

— Орланз, отнеситесь к моим словам серьезно. У меня есть от силы трое суток. Когда они истекут — ну, предположим, я просто исчезну, растворюсь и уже ничем не смогу вам помочь.

— Что же, вот вам задача по плечу: остановите время.

— Если вы полагаете, что меня зовут Иисус Навин...

— Как вас зовут, я знаю.

— Кстати, мне требуется снаряжение. Кое-какое.

— Думаю, мы снабдим вас...

— Тут подойдет только моё.

Орланз ухмыльнулся.

— При вас таковое не обнаружено. Или изъято при задержании?

Усмехнулся и Милов.

— Я думаю, детали моей подготовки не должны вас ни интересовать, ни волновать.

— Я вообще стараюсь волноваться как можно меньше. Как вам десерт, друг мой?

— Я всегда обожал взбитые сливки с клубничным вареньем...

7

(79 часов до)

— Ну, вы готовы? — спросил Орланз.

Даже не прибавил обычного «друг мой». Милов же сде-

лал вид, что не обратил на это ровно никакого внимания. Как и на то, что казался старик хмурым и чем-то словно бы озабоченным.

— Бутафорию вам выдали?

Милов вместо ответа кивнул в угол своей кельи, где лежала более чем наполовину наполненная не новая, напротив, изрядно побывавшая в употреблении дорожная сумка из дешевого пластика.

— Проверили? Ничего компрометирующего? Дайте-ка, я сам взгляну.

Пришлось вытряхнуть содержимое сумки на одеяло. Орланз брал вещь за вещью, разглядывал придирчиво, откладывал. Три пачки сигарет отбросил. Позвонил и, когда ассистент появился на пороге, сказал сердито:

— Вы бы ему еще «Корону» подложили. Гвоздиков у него должно быть три пачки, а вы ему суете интеллигентские.

Сигареты заменили мгновенно. В хозяйстве старика служба была поставлена хорошо.

— Вопросы? — поинтересовался Орланз, закончив проверку.

— Вопросов нет.

— Тогда едем. Берите поклажу.

Милов закинул мешок за спину.

— Присядем на минутку.

Присели, по обычаю.

— Ну, — сказал Орланз, — в путь.

8

(75 часов до)

Слух у Милова был все еще отменный, и внезапно услышанное заставило его насторожиться.

Искоса наблюдавший за ним старик кивнул:

— Да. Вам не послышалось. Проводится государственная операция. Как мне сообщили — большая группа вооруженных людей была замечена охраной. Они продвигались на юго-восток. Их пытаются захватить. Судя по стрельбе, пока это не удалось.

«Команда, — подумал Милов. — Выполняя замысел,

выдвигались к условленной точке. Но не смогли пробраться незамеченными. Очень неудобно: для меня больше подошла бы спокойная обстановка в этой округе. Но ничего не поделаешь. Надеюсь, у тренера хватит разума и умения, чтобы не ввязываться в серьезный бой, вывести отряд из схватки и найти другой путь. Кстати, с ними должна быть Леста — на нее я почему-то полагаюсь даже больше...»

Снова донеслись звуки.

«Нет, это не орудие, — подумал Милов, внешне сохраняя спокойствие. — Это миномет. Батальонный, восьмидесяти двух. И не один. Огонь ведет батарея».

Они тем временем подошли к машине. Джип «Чероки».

«Неплохо устроились», — решил Милов про себя.

Уселись. За рулем сидел незнакомый — наверное, человек, но может, и технет — или квазитехнет. Машина сразу же тронулась. Водитель не ждал указаний — видимо, получил их заранее.

— Вот, возьмите, — сказал старик. — Прочтите про себя и запомните. Текст отдадите мне тут же.

На бумажке было имя того, к кому следовало обратиться за помощью, когда в конвое откроется водительская вакансия. И одна фраза. Не на технетском. На другом языке.

Милов глянул вопросительно. Старик усмехнулся.

— Именно так, — сказал он. — Запомнили?

Милов кивнул. Отдал клочок. Старик щелкнул зажигалкой, тут же поджег его.

— Можно произнести, — сказал он. — А можно и спеть. По обстановке.

Проехали лугами. Потом дорога нырнула в лес. Разрывы слышались всё отчетливее. Вскоре стала доноситься и автоматная стрельба.

— Вот еще что, — сказал Орланз негромко. — Боюсь, что полной секретности нам соблюсти не удалось. Собственно, чего-то подобного я и ожидал: если у меня там есть свои информаторы, то было бы наивным предполагать, что они не имеют своих людей в моем хозяйстве. Имеют. Следовательно, им известно, где вы. Точнее — где вы были до этого часа. Зная это, нетрудно вычислить, куда вы можете направиться. Для них вы приговорены и обречены. Они будут стараться ликвидировать вас, чем раньше — тем лучше. Остерегайтесь.

— Постараюсь, — произнес Милов первое слово за поездку. Сидя сзади, он поверх плеча водителя поглядывал на спидометр. Тридцать километров позади. Тридцать пять...

Мина хлопнула неподалеку, менее чем в сотне метров.

— Шальная, — сказал Орланз. — Но как знать — может быть, нас и засекли. Становится опасно.

И — водителю:

— Подрулите к месту разрыва. Хочу посмотреть, что за калибр...

Водитель даже не кивнул, но исправно сработал рулем. Машина запрыгала по корням. Остановилась. Старик распорядился:

— Выйдите, посмотрите — не найдется ли осколочка...

«Глупо. И зачем: на память, что ли?» — подумал было Милов.

Водитель, однако, не рассуждая, вылез. Побрел к воронке. Склонился. Орланз выстрелил ему в затылок. Пистолет в его руке возник как-то неожиданно, Милов не уловил мгновения — откуда он появился и в какой миг. Орланз, видимо, неплохо владел ремеслом.

Он подошел к воронке и выпустил еще две пули. Вернулся к машине. Милов напрягся. Но старик уже прятал пистолет в кобуру под мышкой. Маленький плоский кольт.

Орланз спокойно встретил его взгляд.

— Одним информатором у них меньше, — сказал он. — А кроме того, война, по сути, началась. На войне не бывает без трупов. Это поможет вам выиграть хотя бы несколько часов.

Он вытянул перед собой руку, внимательно поглядел на нее. Рука не дрожала.

— Здесь комфорт кончается, — сказал он затем. — Трамвай дальше не пойдет. Вам придется пробираться самому. Не лучший вариант, согласен. Однако, события в какой-то мере вышли из под контроля и начались раньше условленного. Это все же лучше, чем если бы они не начались вообще. Вся остальная программа остается в силе. Буду наблюдать за вами. Желаю успехов и ожидаю их. Кстати, так вы сохраните и тайну вашего схрона — иначе я его увидел бы.

Орланз не протянул руки на прощание, и Милов был этому только рад.

— Счастливого пути, — сказал он.

Орланз уже сидел за рулем. Включил мотор и стал разворачиваться.

Милов проводил его взглядом. Прислушался к разрывам. Пожал плечами. И двинулся вперед, в чащу леса.

«Быть может, — думал он, пробираясь, — это и лишнее — то, что я собираюсь сделать. Там, конечно же, ничего не осталось. Но сейчас это лишь предположение. А нужна уверенность. Значит, пойдем, поищем — может, и найдем эту самую уверенность. Чтобы впредь действовать уже без сомнений. В моем возрасте уже нельзя совершать грубых ошибок — особенно при выполнении домашних заданий».

Глава девятая

1

(72 часа до)

На мгновение Милову показалось, что пронесло. Цепь прочесывавших миновала его, так и не заметив, и теперь удалялась — все так же неторопливо, приминая бутсами палую хвою и валежник. Со спины даже заметно было, что гулять здесь с автоматами наизготовку технетским солдатам вовсе не так уж нравилось: хотя бы потому, что в такой обстановке всегда есть возможность схлопотать пулю.

«Да, они все-таки совсем как люди, — мелькнуло в голове, — если не знать, то и не скажешь, что роботы, технеты. Теперь выждем, пока они не скроются из виду, и двинемся помаленьку дальше... Ничего себе кашу заварили ребята, шум на всю епархию, и по ту сторону границы наверняка уже внимательно вглядываются и вслушиваются. Только одному, отдельно взятому мне от этого в данный момент не легче...»

Он позволил себе чуть-чуть расслабиться, перевести дыхание и даже заметить, что погода сегодня на диво хороша, солнце пробивается сквозь кроны сосен, земля источает тепло, и пахнет лесом — сильно, сладко, жизнеутверждающе. Да, по меньшей мере нелепо было бы сейчас лежать тут пристреленным в спину. Пусть лучше согревают ее лет-

ние лучи. Конечно, если быть честным, ты не предусмотрел такого варианта — что придется пробираться на брюхе, и вернее всего, совершенно зря: конечно же, ничего не осталось на старых позициях. Но... снявши голову, ходят без шляпы, ничего не поделаешь. Ничего, и не из таких переделок выкручивались. Все-таки они прошли, не заметив.

Однако, тут же пришла пора одернуть себя: рано успокаиваться, слишком еще рано. Если технеты заимствовали военные навыки от своих предшественников — людей, то они, прочесав весь лес и никого не обнаружив, на этом не успокоятся. Каспары, породившие их, не зря считались, да и на самом деле были хорошими солдатами, всегда готовыми драться, едва ли не безразличными к смыслу драки, ее содержанию. А коли так, облава непременно пройдет здесь еще раз, продвигаясь в обратном направлении — и тогда уже вряд ли повезет так, как только что. У тебя не так много времени, — напомнил себе Милов, — чтобы найти хоть сколько-нибудь надежное укрытие, в котором можно будет пересидеть, отдохнуть, обдумать — как поступать дальше. Сколько же у меня на самом деле времени? Часики-то тикают, и если я вовремя не успею в это самое лесное хозяйство, то все планы могут полететь псу под хвост: и замыслы Орланза, но это бы еще полбеды, даже меньшая её половина, — и мои собственные; вот это было бы совсем ни к чему, тогда получится, что зря весь огород городили. Значит, задачи три: первая — выжить, вторая — найти и проверить барсучьи норы, и третья — потратить на это как можно меньше времени.

Он прикинул. Опушка леса, к которой продвигались сейчас солдаты, находилась километрах в трех отсюда; это он знал более или менее точно, потому что сам пришел с той стороны — с запада. Учитывая, с какой скоростью они продвигаются, цепь достигнет опушки — ну, этак минут через двадцать. Передышки устраивать не станут, поскольку это все-таки не люди, и уставать им не положено. Значит, повернут и двинутся назад. Пойдут чуть быстрее: как-никак, однажды этот путь ими уже проделан. И вернутся они еще минут через пятнадцать. Ладно. Пять минут сбросим для верности. В общем, у меня есть полчаса; если за это время я не ускользну в норку, не растворюсь в воздухе, не научусь становиться невидимым — солоно мне придется,

даже и с перцем солоно. Нашлась бы только хоть мышиная норка, пока искомые барсучьи не попадаются. А если и ее тут не окажется?.. Хорошо, что хоть команда ускользнула, по всему судя, без потерь. Все-таки утешение.

«Знай я, что дело так обернется, — думал Милов, перебегая на полусогнутых от одного куста к другому, низко пригибаясь и стараясь производить как можно меньше шума, — черта с два стал бы соглашаться с этим вариантом. Чтобы сделать свое дело, нашел бы другие пути-дороги. Нигде бы не согласился. Ни в машине, когда старик меня стал высаживать, а фактически — подставлять под пули. Ни в его чертовом подвале не согласился бы ввязываться в эти игры; ничего, выкрутился бы как нибудь и не договариваясь с ним. Ни в Штатах не стал бы соглашаться с Хоксуортом, на черта в конце концов мне всё это сдалось, это игры для молодых, по которым еще мало стреляли в жизни; и ни в... Гм, да. Если трезво поразмыслить — чего мне не хватало? На мой пенсион, конечно, роскошествовать не станешь, однако, прожить можно было. Нет, не в деньгах, конечно, дело, хотя заработать их всегда приятно и полезно. Вернее всего, захотелось снова побывать в местах, в которых хорошо ли, плохо ли, но прожил четыре десятка лет. Старческая ностальгия, похоже?..

Да, а время-времечко-то идет, бежит, летит прямо, минуты скачут не хуже блох. Что сейчас там — они наверняка уже дошли до опушки и вот-вот повернут, или уже повернули назад. До сих пор тебе везло, но полагаться на везение есть смысл, когда ты подстрахован со всех сторон, а не так, как сейчас — открыт всем стихиям.

Черт, хотя бы берлогу медвежью какую-нибудь отыскать — однако, медведи здесь последние полтораста лет не замечались. Жаль...»

Он перебегал зигзагами, от одной купы деревьев или кустов к другой, надеясь напасть в конце концов хоть на что-нибудь, — вывороченный пень на худой конец, под который можно еще подрыться и переждать, заброшенный колодец, или старый обвалившийся блиндаж — наследие прошлой, теперь уже давней войны. Иначе не укрыться — лес достаточно редкий, культурный, нет в нем буреломов, больших куч разного лесного мусора, — ничего, что можно было бы использовать, чтобы спастись. Но Милов знал, что будет искать до последней возможности.

А что потом? Что может сделать безоружный с вооруженной цепью? О сопротивлении и речи быть не может. Да и будь он вооружен, это не помогло бы — разве что пошумел бы напоследок... Будь это не в Технеции, а в любой другой стране, он попытался бы слепить горбатого, прикинуться туземцем, туристом, заблудившимся горожанином-грибником, потому что технеты, как он уже понял, сохранили и эту людскую черту, — кем угодно. В любой стране, но не здесь. Потому что тут местность была перекрыта не сейчас, и не сегодня, и не вчера даже; не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: утечка информации из хозяйства старика действительно существовала, и власти что-то, пусть не очень определенное, заранее знали — недаром ведь еще в Технисе, у Лесты в комнатенке слышал он предупреждение о запрете поездок в этом направлении; да, сюда уже тогда просто так не пробраться было бы, так что никакому грибнику, даже самому сумасшедшему, здесь пути не было. Логично, очень логично выстраивались его мысли, прямо образцово — жаль только, что ему от этого легче не становилось. Нет, тут от задержания до полного разоблачения не пройдет и минуты. Сразу станет ясно, что ты человек. И тебя немедля в лучшем случае запрут в какой-нибудь дыре до выяснения. А когда выяснят — еще до вечера окажешься ты снова в приятном обществе розовых мальчиков, или нетерпеливого Клеврета, или всех вместе, объединивших усилия. А в худшем — ну, в худшем просто пристукнут здесь, чтобы не создавать себе лишних затруднений...

Милов остановился на несколько мгновений — перевести дыхание, оглядеться, прислушаться.

Прислушаться и в самом деле стоило. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что уже сейчас и отсюда можно уловить тот шум, которого Милов боялся. Да, идут. Возвращаются. Плохо. Черт, обладать бы такой способностью — усилием воли создать тут убежище, неприметное снаружи и надежное. Волей, а не лопатой — которой, кстати, нет. Напрячься до предела, и...

Он и в самом деле напрягся. Потому что в просвете меж двух кустов разглядел бугорок. Не очень высокий, но все же то была некая складка местности, какими этот лес не изобиловал. Бугорок порождал некоторые мысли и предпо-

ложения. Быстро оглянувшись туда и сюда, Милов убедился, что естественное развитие леса в этом месте было некогда нарушено: в двух направлениях неширокой полосой — метров пяти — елки росли не совсем так, как вокруг: теснее, и были они ростом пониже и стволами потоньше. Посадка, и относительно недавняя. На месте былой просеки. Да, если вглядеться, почти воткнувшись носом в землю, то замечаешь: полоса эта и по уровню чуть приподнимается над прочей местностью; не более десяти сантиметров, но все же. Значит, грунт тут подсыпали в свое время. Делали дорогу. И шла эта бывшая дорога мимо той аккуратной, почти идеально круглой поляночки, посреди которой замеченный Миловым бугорок и возвышался; теперь полянка, правда, тоже подзаросла всякой мелочью, но опытному взгляду очертить ее не составляло никакого труда. Ну, что же: сказано — ищите, и обрящете. Обрели, выходит?

Милов припустил к бугорку изо всех остававшихся еще сил. Все ближе. Сейчас посмотрим, как можно использовать этот пусть и небольшой, но все же подарок судьбы.

Ах, черт!

Он, против обыкновения, даже выругался вслух.

Угораздило же. В последний момент...

2

(70 часов до)

«Интересно, — ухитрился Милов еще подумать, хотя времени на размышления совершенно уже не оставалось, — как у них там сейчас насчет помолиться за меня? Помнится, мистер Хоксуорт обещал эту форму помощи совершенно серьезно. Кажется, только на нее и можно надеяться... Помолиться — чтобы мне удалось невредимым преодолеть эти вот несколько метров. При моем невезении...»

Дальше как-то не думалось. Милов опустился на землю и, кряхтя, принялся ощупывать левую лодыжку.

«Да, воистину, везет так везет. Если здесь есть хоть одна яма, она обязательно будет моей. Надо надеяться, не перелом. Иначе будет очень плохо. Иначе можно останав-

ливать часы и пристойно улыбаться, поздравляя довольного победителя. Детский мат в три хода... Нет, не перелом, к счастью. Не вывих даже. Просто ушиб, надо полагать. Но больно. Я бы сказал даже — очень больно. С такой ногой далеко не ускачешь. Это — одна беда. А вторая, и может быть, даже горшая — в том, что хорошо, на совесть прилаженный контейнер — накладная икра со всякой полезной всячиной — от удара деформировалась, и теперь отставала от ноги, грозя тут же рассеять все свое содержимое. Этого только не хватало, черти бы тебя любили...»

Теряя последние секунды, пришлось совсем оторвать накладку и вместе с начинкой засунуть в сумку. Проверять, что там уцелело, а что пострадало, сейчас не приходилось, не до того было. Как и возиться со вторым контейнером, уцелевшим; надо было убираться с поверхности земли быстрее, чем делает это потревоженный крот. Если это даже не тот бугорок, на который ты рассчитывал, каким он тебе показался, если поиски еще впереди — все равно, надо уползать. Но, кстати...

Он внимательно посмотрел на роковое для него место и понял. Он не заметил помехи потому, что сверху эта неглубокая вроде бы ямка рядом с бугром, на который он в тот миг только и глядел, была прикрыта нижней, широкой лапой елочки, что росла вплотную. Вот сама собой и получилась пакостная ловушка. Непроизвольная, природная ловушка. А вовсе не устроенная, чтобы доставить ему неприятности.

Он подтянул колкую лапу поближе к себе, тем самым открывая ямку. Бросил на углубление беглый взгляд. Оно имело форму достаточно широкого полумесяца, вогнутая часть которого ограничивалась кромкой круглого холмика. В углублении угадывался лаз, уводивший куда-то под пригорок, в темноту. Кажется, это и было то самое, чего он искал.

— Прелестно, — пробормотал Милов. — Как писали в старину, судьба была благосклонна к нему. В данном случае — ко мне. Вожделенная спасительная берлога — или не берлога, а просто старая, добрая стартовая позиция — quod erat demonstrandum, что и требовалось доказать. Или бывшая стартовая позиция. Сейчас она может носить другое имя — дыра, берлога или разрытая могила, — но это

укрытие. Могила? Надеюсь, не моя; во всяком случае, таблички с моим именем никто не позаботился установить. Может, отложили на вечер? Ладно, увидим. Сейчас давайка в темпе. Залезай. Заползать надо ногами вперед; о'кей, так и полезем. Это вовсе, я горячо надеюсь, еще не тот случай, когда ногами вперед выносят...

Но сперва он пропихнул в найденный лаз сумку, и только после этого двинулся, подталкивая ее ногой и держа длинный плечевой ремень в руке. Он протиснулся примерно на метр, когда ремень напрягся и Милов понял, что сумка повисла. Как видно, под бугром ход круто уходил вниз, может быть даже — по вертикали. Значит, не нора. Значит, нашел все-таки то, что искал. Норы или лесные могилы обычно не бетонируют, а тут, похоже... Но в таком случае следовало быть еще более осторожным. Потому что тут ведь и сюрпризик могли оставить — специально для таких вот, как он, незваных гостей, непрошенных посетителей.

Отталкиваясь от земли локтями, свободной рукой он придержал ветку, надломленную им при падении, а когда оказался внутри — надвинул лапу на углубление, в котором начинался лаз, таким образом скрывая его от взгляда извне. Ноги его уже висели над пустотой. Лаз был тесным, повернуться, чтобы увидеть, что находится там, позади, не удавалось — однако, он и так уже представлял себе это, кажется, достаточно ясно. Теперь он продвигался совсем медленно, колени его, а затем и бедра опирались уже не на мягкую землю, но на твердую, упрямую поверхность, то и вправду был бетон. Когда колени ощутили пустоту, Милов остановился, с немалыми усилиями перевернулся на спину и, позволив ногам согнуться в коленях, попытался нащупать ими опору. Нашарил нечто. Несколько секунд ушло на то, чтобы сообразить — что же там такое. Поняв, он удовлетворенно усмехнулся. Прежде, чем двинуться дальше, прислушался. Собственное дыхание мешало ему. Милов перестал дышать. Наверху все нарастал шум, означавший, что цепь, прочесывавшая лес, была почти рядом. Хорошо, если никто из тех не обратит внимания на пригорок, на его слишком правильную для природной форму, не догадается приподнять еловый сук... Конечно, здесь куда сподручнее держать оборону, чем наверху, но все равно ре-

зультат схватки можно будет предсказать заранее со стопроцентной вероятностью. Так что нужно торопиться, отползти подальше от входа.

Подальше — означало вниз. Милов не без труда подтянул к себе сумку: теперь ее следовало использовать в качестве якоря, чтобы не соскользнуть вниз по бетону, потому что держаться тут было вроде бы не за что.

«Нет, — подумал он, — неверно: тут должно быть, за что держаться, ведь люди, строившие эту позицию, должны были спускаться вниз, хотя бы время от времени. Ну-ка, пошарим, как следует... Да, работы тут не завершились, их прервали даже не на половине, а раньше — хотя может быть и другой вариант: позиция была готовой и даже обжитой, но когда она опустела, туземцы понемногу растаскали всё, что только можно было унести; повсеместная туземная привычка — тащить все, что плохо лежит и не очень надежно охраняется, независимо от того, нужно это тебе сейчас, или быть может никогда в жизни не пригодится ни на что. Всё равно, если даже будет просто валяться, пусть лучше валяется у меня во дворе, чем где-нибудь еще. В хозяйстве же, как известно из классики, и веревочка пригодится. Вот и растащили, оставив только то, что уж никак не унести: бетонную облицовку (металл и керамику, конечно же, ободрали) да вбетонированный скобтрап — а табельный, хромированный, надо искать по окрестным населенным пунктам — если кому-нибудь придет в голову его искать...) Приходилось тебе видывать такие сооружения и в готовом виде, и даже с полной начинкой, так что можем без затруднений определить: нет тут больше специальной облицовки, выносящей высочайшие температуры, смотровой кольцевидной площадки, с которой открывается доступ к различным устройствам этой самой начинки, ни ведущего к этой площадке того самого стального трапа... Но ведь спускались сюда люди! И скобтрап наверняка сохранился. Только не раскисать раньше времени!»

И действительно, ему удалось нащупать нечто вроде поручня — за него следовало держаться правой рукой, смещаясь вниз. Он снова перевернулся на живот и медленно пополз. Теперь ноги висели в воздухе целиком; он согнул их в коленях, и ступнями нащупал потолок, или как еще было его назвать. Еще несколько движений — и стало наконец возмож-

ным выгнуться в поясе, а следующим усилием — нащупать здоровой ногой верхнюю ступеньку: начало скоб-трапа, уводившего вниз по отвесной вогнутой стене. Значит, где-то по соседству должны быть и направляющие...

Милов отыскал и направляющие. Все было на своих местах — за исключением украденного. Но уж что с воза упало... И главным из украденного была вовсе не облицовка и не трап. Основная начинка исчезла. К счастью. Потому что будь она здесь — в лес и вовсе войти было бы нельзя, тут одних минных полей хватило бы на небольшую войну...

«Что же — поползем вниз? Не надо торопиться, — остановил он сам себя. — Подумаем: если они все-таки обнаружат лаз, что помешает им проверить — не скрывается ли кто-нибудь под этим самым бугорком? Они наверняка захотят убедиться... И, безусловно, найдут трап не менее успешно, чем это удалось мне. И кто-нибудь полезет вниз. Или просто швырнет сверху связку гранат — и прощай, Макар, ноги озябли. Надо, чтобы этого не произошло. С трапом ничего не поделать, он так и останется на своем месте: скобы намертво вцементированы в стенку колодца. Однако, хозяйство это — не из тех, на которых красуется вывеска с приятной надписью «Добро пожаловать!». Наоборот. И оно обязательно должно иметь какую-то крышку, заслонку, что ли — иначе шахта и то, чему полагалось в ней быть, оказалась бы открытой для всех стихий, да и не только для них. Нет, не крышка всей позиции — та самая, что выглядит снаружи безобидным бугорком с такой трогательной елочкой; нет, эта крышка могла сдвигаться только мотором. А легкая заслонка, с которой справлялся один человек...»

Стоя на скобе, опираясь, по сути, на одну работоспособную ногу (вторая давала о себе знать все более ощутимо, но пока что он старался к ней не прислушиваться) и придерживаясь левой рукой за верхнюю скобу, Милов правой принялся шарить вокруг. Тщетно. Потом хмыкнул, вспомнив, что в сумке у него благополучно лежит фонарь. «Совсем растерялся, мальчик — стыдно, стыдно!». Достал. Зажег, и сразу все стало ясным. Заслонка, восстанавливавшая герметичность колодца, находилась сбоку, и именно к ней был приварен поручень, за который Милов держался, начиная спуск. Поручнем этим и следовало орудовать, что-

бы повернуть толстую заслонку на шарнирах и перекрыть вход.

Поднявшись на две скобы, он ухватился за выгнутую металлическую трубу, горячо надеясь, что шарниры не приржавели. Но, видимо, тут не тот металл был, чтобы ржавчина могла хоть когда-нибудь за него зацепиться.

Да, в принципе это было очень надежное место, такое, в каком можно просидеть, пока наверху все не успокоится совершенно, и власти приграничного района почтут все мыслимые меры — принятыми, а положение благополучным и не вызывающим ровно никаких опасений. Плохо только, что успокаиваться всё будет, надо полагать, достаточно долго, а дело, из-за которого он тут оказался, должно делаться в темпе.

Милов медленно спускался. Луч фонаря, направленный теперь вниз, вытаскивал из тьмы одну скобу за другой, и начинало уже казаться, что пути этому не будет конца, что бетонный цилиндр ведет в самую преисподнюю, к центру Земли, никак не ближе. Милову стало серьезно представляться, что спуск наверняка продолжается целые часы, если не сутки, что от поверхности земли, с ее небесами, деревьями, птичьим гамом и чистым воздухом его отделяют очень многие километры. Об этом, похоже, свидетельствовал и воздух — он становился все более тяжелым, и в нем возник и все усиливался тяжелый смрад, о котором пока было понятно лишь, что он был отвратительным. Мертвым.

«Жаль, — подумал Милов, — если бы не вонь и запустение, если бы то хозяйство оставалось здесь, насколько все оказалось бы легче, проще, результативнее... Но думать об этом означало — мечтать о несбыточном».

Еще скоба открылась внизу, и еще одна... Руки успели основательно устать, но еще хуже приходилось ногам — и той, которая в основном принимала на себя тяжесть его тела и сумки, и второй, болевшей все более бесстыдно. Но все же когда-то дорога эта должна была кончиться; надежда на ее благополучное завершение оставалась сейчас единственным, что еще позволяло Милову владеть собой.

И наконец в каком-то из будущих столетий он увидел внизу вместо очередной железной загогулины серое в свете фонарика дно. Не удержавшись — на последней

скобе нога проскользнула — он не то неудачно спрыгнул, не то просто упал; но, к счастью, падать было уже, по сути дела, некуда.

3

(69 часов до)

Серые стены окружали его, под ногами был серый пол — все было серым, потому что единственным, что попадало сюда во все последние годы, была пыль; веселая жизнь пошла, — устало подумал он, медленно обводя световым конусом помещение, во владение которым вступил. Вступил, потому что не было никого, кто захотел бы оспаривать у него это право.

Или все-таки был некто?

Милов резко повернулся, потому что в помещении явственно прозвучал пусть и негромкий, но несомненно посторонний звук. И донесся он не сверху (что было бы неприятно, но естественно), а раздался здесь, внизу, почти рядом, за спиной.

Забыв на мгновение о вышедшей из-под контроля ноге, Милов привычно метнулся в сторону, рука скользнула под куртку — туда, где сейчас ничего не было. Нога тут же отомстила, но он только зашипел от боли — не до ноги сейчас было. Звук повторился, а луч света выявил, наконец, и его источник.

На дне шахты, чуть в стороне от трапа, на полу валялось какое-то тряпье — похоже, обтирочные концы, сохранившиеся с давних времен. А на этом тряпье лежал кто-то, отвернувший лицо от яркого света. Он простонал еще раз, приглушенно и коротко.

Милов стоял неподвижно, наблюдая — не начнет ли лежащий медленно менять позу, готовясь к прыжку: из такого положения, как сейчас, не то, что прыгнуть, но и быстро встать было просто невозможно.

«Впрочем, — подумал Милов тут же, — если бы лежащий тут человек замышлял что-то подобное, ему с лихвой хватило бы времени, чтобы приготовиться — того времени, пока я, скоба за скобой, одолевал спуск, любезно освещая

себя собственным фонариком. Человек этого не сделал — значит... Хотя, скорее, не человек — технет. Откуда здесь взяться человеку? Только из команды».

Однако, этот одет по-технетски, ничего похожего на пестрые масккомбинезоны спутников Милова по авиарейсу.

Медленно, осторожно Милов шагнул поближе к убогой постели, продолжая держать лежащего в свете фонарика.

— Кто вы? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал не просто естественно, но и уверенно.

Лежавший забормотал невразумительно.

— Вы можете говорить громче?

На этот раз слова удалось разобрать.

— Дайте пить...

— Сейчас посмотрю.

Смотреть, собственно, было нечего: у Милова в сумке пряталась пластиковая фляжка с раствором, утолявшим жажду и снимавшим усталость. Среди разных полезных вещей, какими снабдил его Орланз, была и такая. Он колебался лишь мгновение: кем бы ни был лежавший перед ним, но ему сейчас это питье было нужнее, а воды в шахте, естественно, не было — ее здесь в свое время боялись больше, чем огня. Милов достал фляжку, содержавшую литр питья, налил стограммовый колпачок, прикрывавший пробку.

— Пейте медленно, сперва прополощите рот, потом проглотите.

Лежавший с усилием приподнялся на локте, медленно повернулся к Милову; волна характерного запаха ударила по ноздрям. «Вот оно что!..» Рука лежавшего тряслась от слабости; он принял колпачок в длинные пальцы и тихо-тихо, чтобы не расплескать, поднес ко рту. Губы его были воспалены. Он медленно выцедил жидкость, рука сникла, колпачок вывалился из пальцев, сухо щелкнул, упав на бетон. Милов ногой отодвинул его подальше, отошел сам, сильно хромая, поднял, привинтил на место. Лежавший хрипло дышал, глядя вверх, в черноту шахты.

— Кто вы? — повторил Милов. — Почему вы здесь? Зачем?

— Вы сами кто? — Лежавший произносил слова с перерывами, каждый раз заново собираясь с силами.

Милов предпочел не отвечать. В конце концов, все же хозяином положения был он: у него не в порядке была только нога, а у этого, похоже, — все подряд.

— Что вы здесь делаете? — спросил он голосом, каким обычно пользуются имеющие право спрашивать.

Лежавший попытался усмехнуться:

— Дорабатываю ресурс. Превращаюсь в сырье. Утешаясь тем, что мои детали им не достанутся: пока меня найдут, они успеют сгнить.

Это было похоже на правду — если говорила машина, а не человек.

— Вы больны?

— Поврежден.

— В чем повреждение? Куда вас... повредили?

Медленным движением руки лежавший показал, куда: в живот, в нижнюю его часть. Запах. Да, запах...

— Могу я посмотреть?

— Вы... понимаете в этом? Вы ремс?

— Разбираюсь — более или менее....

Милов начал осторожно снимать тряпки, прикрывавшие рану; даже и тут, у них, рана остается раной, — подумал он, изо всех сил стараясь сдержать тошноту, одолевавшую его от невыносимого и все усиливающегося смрада. Технет смотрел на него, чуть усмехаясь; впрочем, усмешка сменилась гримасой боли, когда нижний слой тряпок пришлось отрывать, а смочить их было нечем. Тело технета вокруг раны почернело, и даже не будучи медиком, можно было без всякого риска утверждать, что для любой помощи было уже слишком поздно.

— Вы давно здесь?

— Какое сегодня число?

— Двадцать третье июля.

— А началось двадцатого... Выходит, три дня.

— Вы... участвовали в столкновении?

Вместо ответа технет спросил:

— Что сейчас наверху?

Милов пожал плечами:

— День. Хорошая погода.

— Я не об этом. Все тихо?

Давать информацию никогда не следует без нужды.

— Умеренный ветер, скорее ветерок. Теплый.

— Откуда вы взялись такой — ничего не понимающий? Комик.

— Не всё ли равно?

— Вы не здешний. Хотя говорите свободно. Как перешли границу? Где? Вам известно, где окно?

Интересно. Уже интересно. Похоже, это кто-то из людей, замешанных в одну из предстоящих, взаимно противоположных операций.

— Это ваши предположения. Почему я должен быть обязательно из-за границы? Здесь я вообще очутился нечаянно: несчастный случай.

— Перестаньте валять дурака. У вас, может быть, есть на болтовню время, у меня — нет. У меня остался — хорошо, если час. Слушайте... Осветите-ка себе лицо, как следует. Да не стесняйтесь: вы же понимаете, что я уже безопасен для кого бы то ни было.

Секунду помедлив, Милов направил луч фонарика на себя, жмуря глаза от света, но не закрывая их совсем: нельзя было выпускать лежавшего из-под наблюдения. Вскочить, даже из последних сил — секундное дело, а под ним может находиться оружие. Да и вскакивать не обязательно; выпростать руку с пистолетом...

— Да, точно, это вы. Я...

Лежащий остро, надрывно закашлялся, тонкая струйка (крови?) поползла изо рта. Милов воспользовался паузой, чтобы сказать:

— Это все — ваши догадки, не более. Насчет меня, я имею в виду.

Раненый перевел дыхание.

— Помолчите, — пробормотал он едва различимо. — Нет смысла ломать комедию. Я вас видел раньше...

— Сомневаюсь. Вы нигде не могли меня видеть.

— Внизу. У старика. Я знаю о вас то, что мне следует знать. Следовало... Я тоже работаю у старика. Работал — теперь уже...

— Почему же вы здесь? — Милов сам понимал, что вопрос глуп, но он и задал его только, чтобы выиграть время.

— Вы прекрасно понимаете. Мне не повезло, хотел сократить путь и угодил в самую схватку. Получил пулю в живот. Похоже, знаете, такую — придурковатую, из тех,

что кувыркаются и делают из кишок стружку. Но хватило сил заползти сюда...

Технет умолк; слышалось только хриплое, частое-частое — словно наперегонки — дыхание. Хотя у них это называлось как-то иначе.

«Кажется, это гангрена, — думал Милов, — во всяком случае,так определили бы у людей. Вырубился. Или, по-человечески — лишился сознания. Забылся. Надо надеяться, еще придет в себя. Но, пожалуй, это его состояние можно использовать, чтобы порыться в его имуществе; ничто не говорит о человеке так много, как те немногие вещи, что он держит при себе даже в самые нелегкие минуты».

Думая так, Милов имел в виду сумку, что лежала у раненого под головой. Обычная сумка, весьма похожая на ту, с какой сам он прибыл на этот своеобразный курорт. Но багаж в ней был не обязательно таким же самым. Так что ознакомиться с багажом невольного сокамерника был прямой расчет.

Но прежде следовало заняться самим собой, восстановить некоторое соответствие и симметрию. Это он и сделал в первую очередь: не без труда и даже испытывая боль, Милов отодрал от левой ноги второй контейнер, содержимое переместил в свою сумку, оболочку же, с заметно проступавшим рисунком вен, волосами, какими у него с годами ноги изрядно обросли, хотел было поджечь; но тут и так дышать было нечем, и он сунул ее туда же, в сумку — чтобы потом избавиться на воле — если приведется, конечно, выбраться отсюда. Только закончив эту операцию, он занялся соседом.

Милов подошел к раненому вплотную. Задерживая дыхание — гнилостный запах бил в ноздри, буквально валил с ног — осторожно, поддерживая голову лежавшего, вынул сумку и поспешно отступил. Она оказалась неожиданно увесистой.

Милов вздохнул; поискал, посвечивая фонариком, на полу местечко почище, не нашел и усмехнулся: после преодоления узкого лаза он мог бы и не привередничать по части чистоты... Он выбрал пятачок подальше от умиравшего, чтобы не так донимала вонь — совершенно уже непереносимая, если подходить с общепринятыми представлениями. Однако, на такие предрассудки Милов сейчас права не имел: нарушая законы страны, он не мог рассчитывать на нормальное отношение к нему чего бы то ни было

здесь — даже и самой природы. Так что приходилось мириться со всем тем, что было — и с запахом в том числе.

Он кое-как устроился на грязном полу. И принялся исследовать содержимое сумки.

Прежде всего он вытащил оружие. Маленький автомат, какой можно спрятать под курткой или пиджаком. Повертел его в свете установленного на полу фонарика. И покрутил головой, подняв в изумлении брови — хотя и давно отвык удивляться чему-либо: это была последняя модель, секретная, какая только должна была поступить на вооружение российских десантников и рейнджеров. Российская модель. Каким-то непостижимым образом оказавшаяся здесь. В Технеции, бывшей Каспарии.

«Очень интересно... — подумал он. — Как это попало сюда? У старика такие связи? Там, у нас? И подобные вещички попадают в эти края через то самое окошко в границе? Вообще, для дела — пусть и не именно для этого — было бы весьма полезно окошко это найти и обозначить; пусть этот груз через него и не пройдет, но мы на этой чертовой контрабанде теряем страшно подумать, сколько. Ах, Орланз ты, Орланз! А может быть — он получил это, так сказать, официально? Не исключено, что Орланз — тот самый ласковый теленок, что двух маток сосет. И российскую. Придется поломать над этой проблемкой голову — когда найдется время... Так или иначе, вещица из сумки сейчас весьма полезна. Всё-таки совершенно иначе чувствует себя человек, когда он вооружен».

Он бережно положил автомат рядом и вернулся к сумке. Что тут? Немного съестного: пара засохших бутербродов с салом. Ладно, иметь их полезно, однако о владельце они ничего не скажут. А вот это, в пленке, перетянутое резинкой? Ага: документы. Вот это уже приятно...

Милов развернул пакетик и стал неспешно просматривать. Собственно, документов было мало. Технетский знак; эта штука заменяла тут паспорт. А это что за карточка? О, водительская? Для всех видов автомобиля и на мотоцикл к тому же. Международные права, вот что это. Конечно, каждый технет уже по определению умеет водить машину, но высокого класса достигают лишь отдельные; этот — один из них. Весьма интересно... Ну, а еще чем сумка его порадует?

Преодолев некую неловкость, Милов стал поочередно вынимать один предмет за другим; бегло оглядывая, клал

на пол. Там было белье, две пары, не новое, но чистое, стиранное; тяжелые башмаки — видимо, запасные; несколько каких-то бумажек (подробно разглядеть их сейчас не было времени, Милов успел увидеть только, что среди них было письмо в изрядно уже потершемся конверте); тяжелый пластиковый футляр — Милов с надеждой раскрыл его, но тут же разочаровался: вместо ожидаемого пистолета (даже при наличии автомата он не был бы лишним) или хотя бы хорошего запаса патронов, он увидел всего навсего несколько слесарных инструментов. Была там пара книжек, судя по обложкам — детективов; нашлись в сумке небогатые туалетные принадлежности, еще какие-то мелочи, не привлекшие к себе внимания. Одним словом, кроме оружия — совершенно ничего такого, что помогло бы Милову сейчас выпутаться из неприятностей, нависавших над ним все ниже.

Он аккуратно переложил все к себе, стопроцентно уверенный, что владельцу содержание сумки вряд ли уже когда-либо понадобится, а вот ему, Милову — как знать.

«Хотя, — прикинул он, — тащить такого бегемота, да еще при нынешней хромоте, вовсе не будет развлечением на лоне природы. Любишь кататься (за границу), — внутренне усмехнулся Милов, — люби и сумочки таскать, отнюдь не дамские...»

Закончив с инвентаризацией и присвоением чужого имущества, он позволил себе немного поразмыслить о житье-бытье.

«Давай-ка сопоставим те немногие факты, что теперь известны. Как сказал сам раненый, он работает у старика. Он — классный водитель. И оказывается в этой яме. По его словам — хотел срезать уголок... Куда он направлялся? Если предположить, что туда же, куда держит путь и сам Милов? В таком случае очень возможно, что именно он и есть тот водитель, с чьей помощью Милову предстояло попасть в конвой, и в паре с которым работать там.

Надо надеяться, что он еще очнется. Все равно — придется ждать, пока не возникнет уверенности, что облава ушла достаточно далеко, а лучше — погрузилась на машины и убыла к месту постоянного расположения. Что же — переведем дыхание и подумаем — как действовать дальше... Если этот раненый — действительно тот самый водитель, который должен был проникнуть в конвой, то, похоже, вся операция

идет насмарку. И ежу ясно: если он не возьмет меня в машину, когда конвой пойдет к границе, то мне окна не найти и за неделю, и за месяц — если бы я даже располагал этой самой неделей, не говоря уже о месяце — а у меня осталось... осталось уже меньше трех суток. А если я не отыщу окна, мне нечего будет сообщить людям. Но если даже граница закроется (хотя и не верится в такую возможность), без своего человека в конвое не удастся получить контроль над машинами и грузом... Да, ничего нельзя было придумать хуже, чем выход из строя этого человека — или технета, работающего на Орланза, черт его разберет, кто он на самом деле... И возникла целая куча поводов для размышлений. Возможно, у старика в операции заняты и еще какие-то люди — там, на переднем, так сказать, крае — но я их не знаю, и выходит, что рассчитывать можно только на самого себя. Черт, даже совета спросить не у кого — не у себя же самого, в самом деле... И тем не менее, придется советоваться с собственной персоной — и обязательно что-нибудь придумать, иначе...»

4

(68 часов до)

Однако вместо составления плана на ближайшее время (что было бы вполне естественно) он почему-то углубился в воспоминания; хотя может быть, это и являлось сейчас самым полезным. Постарался сосредоточиться, невзирая на боль в ноге — или, может быть, благодаря ей.

Он стал вспоминать о самом приятном из всего, что приходилось ему переживать за все дни — после второго звонка, прозвучавшего тогда в Москве. А именно: о встрече с Евой, — встреча эта состоялась после того, как Милов категорически заявил, что в противном случае он ни о чем больше разговаривать не станет, ни за какое дело не возьмется, и вообще — возьмет да и созовет пресс-конференцию.

В ответ на последнее предупреждение Хоксуорт иронически улыбнулся, но всего лишь на миг. А потом сказал:

— Хорошо. Будь по-вашему. Но только если вы согласитесь на определенные условия.

— Сначала хотел бы их услышать, — буркнул Милов.

— Нет ничего проще. Дело в том, что мисс Блумфилд совершенно не в курсе наших с вами планов. Она не имеет представления о том, что сюда вас пригласили мы. И не должна его иметь. Мы все сделаем, и она встретит вас. Однако, у вас обоих сейчас плохо со временем. Так что свидание будет достаточно мимолетным.

— Интересно, как же я объясню ей мое появление?

— Очень просто. Вы очень хотели ее видеть — и приехали.

— На какие деньги?

— Сошлетесь на лекционный вариант.

— Я вовсе не желаю врать ей.

— А вы и не будете. Потому что то, чем мы просим вас заняться, и есть тот самый обмен опытом, за который мы готовы платить. Вряд ли она потребует уточнений...

— Вижу, что вы ее совершенно не знаете.

— Я хорошо ее знаю, хотя и не знаком лично. Однако, ей будет просто некогда спросить. Об этом мы позаботимся.

— Только без шуток, — Милов постарался, чтобы в голосе прозвучала угроза.

— Разве мы похожи на шутников?..

Его отвезли в аэропорт, и он позвонил туда, где — как ему сказали — она сейчас должна была находиться.

Она очень обрадовалась, и одновременно огорчилась.

— О, так прекрасно, что ты приехал... и как жаль, что именно сейчас: у меня всё забито, каждая минута на счету. Я даже не бываю дома... Придется тебе какое-то время пожить там в одиночестве.

— Не получится, — сказал он и объяснил, что ему предстоит прочитать курс лекций на Аляске.

— Так что потом, — сказал он. — Когда закончу.

— Ты рад? — спросила она.

— Ты знаешь.

— Не имеет значения, что знаю. Это надо повторять регулярно. Как арендную плату вносить.

Они были уже на стоянке машин.

— Сядешь за руль? — спросила она.

— Боже упаси. Пока не привыкну...

— Иногда ты бываешь крайне осторожен. К счастью, не в критические мгновения.

— Именно тогда я и бываю осторожен, — возразил Милов. — Хотя со стороны этого можно и не заметить. А у тебя все та же машина...

— Пока сойдет. В будущем году, если все будет благополучно...

— Поезжай без лихости, пожалуйста, — попросил Милов. — У меня неблагоприятные предчувствия.

— Все равно, я тебя люблю, — сказала Ева, выезжая на дорогу.

Он пробыл у нее меньше двух часов. Это было всё время, какое они могли посвятить друг другу. Но и это было прекрасно. Хотя бы потому, что сейчас можно было об этом вспомнить и хоть немного и ненадолго расслабиться — перед тем, как снова завязать все силы узлом...

5

(67 часов до)

«Черт, — подумал Милов, сам прервав плавно усыплявшее течение собственных мыслей. — Нет, больше я так не могу. Задохнусь. И почему это мудрецы этой страны, изготовляя своих андроидов, не наделяют их способностью противостоять процессу гниения? Недомыслие. Решили, наверное, что незачем выдумывать то, что природой и без того хорошо устроено. Остроумно, конечно, только нормальные машины, ломаясь, обходятся без такого несусветного аромата... Нет, будь что будет, а форточку я все-таки открою!»

Милов поднялся, покряхтывая. На мгновение включил фонарик, чтобы сориентироваться, снова выключил и, сильно хромая, направился к скобтрапу. Придется лезть, черт бы их всех побрал, никуда не денешься.

Он и полез, и уже после первых движений понял, что задачка эта — на пределе его возможностей. Хватило опереться на больную ногу, чтобы уяснить, что на нее рассчитывать никак не получится — придется просто волочить ее за собой, как бесполезный, но неизбеж-

ный груз. Для того, чтобы перенести здоровую (пока) ногу на следующую скобу, он должен был каждый раз повисать и подтягиваться на руках, и уже в скором времени руки стали возражать против такого их употребления, угрожая совершенно отказать именно в тот миг, когда они по-настоящему понадобятся. Но другой возможности одолеть высоту не придумать было. Оставалось лишь одно средство: перевести все эти движения в автоматический режим, а думать в это время о чем-нибудь совершенно другом; тогда он рано или поздно все-таки доберется до заслонки, откроет ее и сможет хоть недолго подышать свежим воздухом.

«...Ну, слава Создателю», — подумал Милов, когда рука его вместо того, чтобы нашарить очередную скобу, ухватила лишь воздух; это означало, что он добрался, наконец, до места, где начинался лаз. Уже и не верилось, что путь этот когда-нибудь кончится...

Он поднялся еще на одну ступеньку, ухватился за поручень и медленно, осторожно потянул его на себя, открывая доступ свежему воздуху и, возможно, новой информации о том, что успело произойти на поверхности земли с тех пор, как Милов покинул ее.

Ему казалось, что внизу, в темноте и вони, прошло очень-очень много времени, и наверху должна была уже стоять глухая ночь. И он был немало — и очень приятно — удивлен тем, что снаружи сияло солнце и крепко пахло лесом; в мире не существовало (подумалось ему в тот миг) другого столь же чудесного запаха, от которого хотелось петь и двигаться.

Петь он однако же не стал, а неизбежные движения совершал с привычной и необходимой осторожностью.

Стараясь не производить совершенно никакого шума, Милов протиснулся через лаз так, что лицо его оказалось сантиметрах в тридцати от закрывавшей выход еловой ветки. Несколько секунд, а быть может даже и минут, он пролежал неподвижно, борясь с сильнейшим желанием немедленно, пренебрегая всяческими опасностями, выбраться на свет, чтобы опять ощутить вкус жизни.

Наверху было тихо; точнее, это следовало понимать так, что не доносилось никаких звуков, какие можно было бы определить как посторонние, необычные, не свойственные лесу, когда он находится наедине сам с собой — и по-

тому опасные. Итак, его хорошо тренированный слух не предупреждал об опасности.

Милов медленно вытянул руку и осторожно, миллиметр за миллиметром, отвел в сторону еловую ветку — ровно настолько, чтобы она позволила увидеть пространство непосредственно перед лазом. Но не ту ветку, что прикрывала большую часть лаза, а повыше и поменьше, никак не бросавшуюся в глаза внешнему наблюдателю — если такой оказался бы наверху.

Прежде всего он увидел следы. Нет, не отпечатки ног: на лежалой хвое они, как правило, не сохраняются. Но та же самая хвоя с покорной готовностью выдает всякому, кто хочет спросить, информацию о том, что по ней кто-то полз или что-то волочили. Чтобы предотвратить такое предательство, ее надо слегка размести — хотя бы такой вот еловой веткой. Но у Милова, когда он забирался в лаз, не оставалось на это времени — или он считал, что не оставалось. Так или иначе, следы сохранились и теперь недвусмысленно свидетельствовали о том, что под бугорок кто-то заполз. Конечно, не обязательно человек. Но и не исключено, что именно он.

К счастью, к великому везению след этот, надо полагать, остался незамеченным, когда цепь прочесывания продвигалась по этим местам.

И тем не менее... Милов даже не дал себе труда додумать до конца. Вместо этого он, не отнимая пальца от отжатой в сторону ветки, сместился в лазе насколько мог правее, чтобы увидеть — нету ли чего-то интересного чуть левее той узкой полосы, которую он мог просмотреть сейчас.

Прежде всего он увидел нитку. Тонкая, она едва отличалась цветом от покрывавшей грунт сухой хвои, служившей фоном. Один конец нити был привязан к той самой еловой лапе — широкой — которую он не стал сейчас тревожить. А сама нить уходила куда-то вверх — похоже, к вершине бугорка. Раньше этой нити не было, теперь она существовала и была туго натянута.

И еще Милов увидел тень.

Точнее, это были даже две тени. Первой оказалась тень от елочки. Ей и полагалось быть тут, и она не вызвала у наблюдателя никаких новых эмоций. В отличие от второй.

Потому что вторая тень, мирно лежавшая рядом с первой, принадлежала, без всякого сомнения, человеку. На земле ясно рисовались его голова, плечи и верхняя часть торса, и еще что-то отбрасывало тень, прямое и тонкое, в чем можно было достаточно обоснованно предположить оружие. «Человеку» — то было, разумеется, снова лишь трафаретное движение мысли — на самом деле речь могла наверняка идти только о технете. Лаз был замечен и охранялся; только такой вывод можно было сделать из увиденного.

Милов почувствовал, что настроение его, на которое только что столь благотворно повлияли свет и душистый воздух, снова испортилось. Выбраться из шахты оказалось куда сложнее, чем забраться туда. И все-таки выкарабкаться было необходимо. Следовало только придумать — как.

Только не самым простым способом: пока будешь по кускам выползать из-под земли, тебя не то, что расстреляют в упор — нет, этого вовсе не понадобится, тебя просто возьмут под белы руки — и будут долго и обидно смеяться.

Если, разумеется, технетам свойственно смеяться. Люди бы стали.

Караульный, безусловно, меняется. Когда его сменят, как это будет происходить? Интересная и полезная информация была бы.

А что они вообще собираются предпринять? Ждать, пока он сам не вылезет? Маловероятно. Потому что всегда есть начальство, которому не терпится. Которому вынь да положь. Сей момент.

Так что наверняка есть у них планчик, как его оттуда выжить. Вытащить. Выкурить.

Выкурить? М-да... Милов даже передернулся от этой мысли. И, как бы для того, чтобы укрепить его в таком опасении, технет наверху пошевелился, сделал несколько движений — и закурил, скотина. Слабенькая тень от дымка скользнула по земле и исчезла. Вскоре пришел и запах. Но это лишь рассмешило Милова. Высшая раса, существа без страха и упрека — и вот обезьянничают, подражают людям даже и в недостатках. А это всегда вызывается ощущением своей ущербности — пусть даже неосознанным, но, несомненно, существующим.

Хотя поводов для смеха, откровенно говоря, было немного. Конечно, проще всего — выкурить. Привезти бал-

лон, вставить шланг и нагнать газу. Против этого всякое оружие бессильно.

Так что, пожалуй, особенно рассиживаться тут не приходится. Как бы не промедлить.

Второй раз спускаться было уже легче, да и сам спуск не отвлекал теперь внимания: появился другой предмет для размышлений. На дне Милов зажег фонарик; задержав дыхание — склонился к технету. Тот все еще дышал часто-часто и поверхностно — вбирал гнилой воздух из последних сил. Жив еще. Или как это о нем правильно сказать... Что же, не обессудь, собрат по несчастью — придется распорядиться наследством, не дожидаясь, пока оно по-настоящему откроется.

Технет открыл глаза — медленно, словно со скрипом.

— Уходишь?

— Рискну...

— Постой. Я тебе еще не все сказал...

— Говори.

— Тебе теперь одному придется... в конвой. Машину водишь?

— Смотря какую... Вообще-то приходилось немало.

— Все равно. Ты иди туда. И скажи, что ты — это я. Хозяин там обо мне предупрежден. И что сможет — сделает. Надо попасть в конвой. Обязательно нужно тебе...

У него снова кончились силы, и он умолк, ожидая, пока они снова скопятся. Наконец, смог.

— Номер мой возьми...

— Как же это я его возьму, — не понял Милов, — если он выколот?

— Это наклейка. Только снимешь осторожно — чтобы не повредить. И себе наклей — точно на то же место. А свою — сорви. Ну, а уж там — как сам справишься... Автомат мой возьми, и вообще все, что тебе пригодится. Вот теперь — собирайся...

— Так ты что же — не технет? Человек?

— Какая теперь разница — кем я был?.. Не медли. Тебе надо успеть. Только придумать — как...

— Погоди, погоди...

Милов и сам не мог бы сказать — что заставило его произнести эти слова — так поспешно, словно собеседник в следующее мгновение мог куда-то исчезнуть, испариться, растаять...

— Ну, чего тебе еще? Не медли...

Но Милов уже понял, почему интуиция заставила его продолжить разговор. Интуиция оказалась умнее, чем он сам.

— Мирон...

Умиравший ответил не сразу:

— Не понял. Что — Мирон?

— Я от Лесты.

— Лесты... — повторил человек.

— Не надо играть. Некогда. Я тот, кого ждали.

— Передай мне... привет.

— Привет Мирону от Миши.

— Это ты... Как удалось найти меня?

— Я не искал. Случайность. Зачем ты здесь?

— Хотел убедиться, что шахты пусты — чтобы тебе не пришлось пробираться сюда. Но видишь, как получилось... Жаль. Тем более придется тебе сделать эту работу.

Милов кивнул.

— Выбраться будет сложно, — сказал он. — Наверху стерегут.

Мирон похрипел, потом все же выговорил:

— Тебя убьют, если полезешь просто так, наобум.

— Похоже на то. Но и здесь не лучше.

— Да.

Мирон долго кашлял, и чувствовалось — даже на это у него никаких сил уже не оставалось. Все же он заговорил снова:

— Выходить надо вдвоем — тогда один уйдет.

— С тобой, что ли?

— А больше тебе не с кем...

Милов пожал плечами. Но раздумывать не оставалось времени.

— Я полезу первым, — сказал Мирон. — Ты — за мной, в случае, если понадобится — подтолкнешь.

— Ну, а потом?

— Вылезу наружу. Он меня убьет.

— А меня, значит, вторым? Конечно, вторым — совсем не то, что первым, это ты хорошо придумал...

На иронию умиравший никак не отреагировал.

— Он меня застрелит, — повторил он. — И подойдет, чтобы посмотреть. Обязательно подойдет, не вытерпит.

— А может, он стрелять и не станет...

— Тогда я просто пойду. Выстрелит.

— Или догонит — взять живым...

— Пусть догоняет. Все равно, окажется перед лазом. И ты его...

— И я его, — повторил Милов. — Но на выстрел прибегут...

— Не станут они оставлять группу в таком месте. Они ведь видели: отсюда можно вылезать только по одному. И быстро тут не вылезешь.

— А если он выстрелит, когда ты еще не успеешь выбраться? Тогда мне никак не пролезть.

— Риск, понятно. Но он увидит сразу, что я безоружен. Да и запах учует. Я думаю, что им надо кого-то живым взять...

«А ведь это, пожалуй, и верно, — подумал Милов. — И не кого-нибудь, а именно меня. Потому что специалисты на Базе сидят не глупые, Клеврец знает, что я полностью пришел в себя, и поэтому необходимо меня схватить — и заставить петь по их нотам. Соображают они и то, что в этих условиях я буду просачиваться поближе к границе. Очень правдоподобная схемочка».

— Что?.. — переспросил он, мысленно выругав себя за то, что отвлекся.

— Я говорю: какой-то свой расчет у них есть. А то бы кинули они вниз связку гранат — и никаких забот. Им же следствие еще вести надо. Не знаю, понял ли ты главное: тут ведь не о деньгах разговор, то есть не об одних деньгах: им нужен большой международный скандал с резонансом по всему миру... Ты все оценивай с этой позиции. Ты знаешь оба варианта?

— Знаю.

— Так вот: и тот, и другой... рассчитаны на скандал. База — это служба...

— Об этом я догадался.

— Но и Орланз — тоже служба, только другая. Конкурент...

— Вот оно как...

— Поэтому если бы они могли замести тебя... Если бы знали, что ты здесь и работаешь...

— Они знают.

— Это плохо. Тем нужнее тебе ускользнуть.

— Но тебя нужно спасти.

— Это сейчас уже под силу только чудотворцу. Ты не чудотворец?

— Боюсь, что нет.

— Вот и не будем зря... Не сомневайся: меня уже все равно нет. Так что рассматривай меня сейчас, как инструмент. Значит, я вылезу. А этот... Наверняка захочет поизмываться. Это же технет... А что до выстрела — ты ведь стрелять будешь из-под крышки, она звук приглушит. Только не давай очереди. Бей одиночными. Стрелять-то умеешь?

Вместо ответа Милов лишь усмехнулся. И сказал:

— Долезешь, значит? Ну, ты силен!

— Должен. Ничего, потом отдохну. На свалке.

6

(64 часа до)

Мирон скис на полдороге, и пришлось подлезть под него, усадив, по сути дела, себе на плечи, и поднимать двойной груз — хотя тот, к счастью, оказался не столь тяжелым, каким мог бы быть.

«Это уж точно последний подъем в моей жизни», — думал Милов, ожесточенно штурмуя скобу за скобой. В конце концов он окончательно лишился сил — но почему-то в тот самый миг, когда они оказались наконец наверху и он принялся толкать спутника по узкому лазу. Перед самым выходом Мирон несколько секунд полежал неподвижно, пытаясь дышать глубоко, собирая последние силы. Потом вытянул руку вперед и отвел ветку, загораживавшую путь. И тотчас же наверху, на бугорке, зазвонил колокольчик — безмятежным, ласковым, рождественским звоном.

... — А ну, лежи тихо!

Было это сказано нагло-безмятежным тоном, каким говорят, когда уверены в собственной безопасности и в том, что противнику деваться некуда. Резидент продолжал ползти. Чтобы встать и пойти, как собирался, он просто не мог уже найти сил. Уже то, что полз, было сверх всякого естества.

— Стой, гнида, сказано! Пристрелю!

Мирон полз.

— Ну, погоди, вонючка...

В поле зрения Милова появились ноги в тяжелых солдатских бутсах. Они прошагали и остановились. Технет еще пытался ползти, но пальцы лишь загребали хвою. Солдатская нога поднялась, замерла, потом с силой обрушилась. От удара технет перевернулся на спину.

— Ну-ка, покажи свою мордашку...

Охранник наклонился над лежавшим. Теперь Милов видел его целиком. Он не забыл отвести предохранитель. На резкий звук выстрела снизу, из глубины колодца отозвалось эхо. Промахнуться тут было трудно. Охранник упал поперек технета.

Милов нагнулся. Глаза резидента были открыты и мертвы. Видимо, его убил удар ногой; ему немного было надо.

Милов благодарно кивнул ему. Огляделся. Водитель оказался прав: больше никого не было видно в окрестности.

«Теперь подальше отсюда. Конечно, по правилам надо было бы тела оттащить куда-нибудь. Спрятать, чтобы не сразу нашли, когда придут сменять охранника. Чтобы подумали, что скрывавшийся вылез и пустился наутек, а воин потрюхал вдогонку... Но нет поблизости ни места такого, ни сил не осталось, ни времени. Сейчас каждая секунда должна работать на меня. Исчезнуть. Затаиться. Дотемна. Где-нибудь в чаще. Отдышаться, да и чтобы дурной запах выветрился. Приклеить себе номер, это прежде всего. И как только смеркнется — вперед. Хоть всю ночь пройти, но чтобы к утру оказаться на месте. А его еще отыскать надо... Хотя и демонстрировал Орланз схемку, однако — гладко было на бумаге. Бежать очертя голову тоже нельзя: этот солдат наверняка был не последним в округе.

Ладно; пошли. Еще раз: спасибо, резидент, и прощай. Увижу Лесту — передам от тебя последний привет. Придется ей ждать нового хозяина — если, конечно, оставят ее здесь, если уцелеет во всех предстоящих передрягах. До сих пор ей везло. Вот бы так и продолжалось. И без того судьба ее сложилась — хуже некуда. Но на этой работе белых перчаток не носят. Что же — двинемся туда, где, если все сложится нормально, встретимся с Лестой. В последний, может быть, раз. Прежде всего — разыщем Лесное поселение. И посмотрим, что удастся там сделать.

Где у нас восток? Ага, ясно».

И он двинулся на восток, припадая на все еще болевшую ногу.

Глава десятая

1

(60 часов до)

— Восемь-восемь-шесть-сто двадцать пять!

Технет с обычным для любого из них угрюмым выражением неподвижного лица сделал шаг вперед.

— Топор, сучья. Семь-один-три-пятьсот шестнадцать!

Шагнул другой, столь же невозмутимый.

— Собирать, грузить отходы. Два-три-четыре-ноль-восемь-ноль!

Технет, в другом мире отзывавшийся на обращение «Милов», присоединился к вызванным ранее.

— Пила, валка. Три-семь-шестнадцать-двадцать три!..

Разводка на завтрашние работы заканчивалась, похоже, без происшествий. Можно было, пожалуй, расслабиться, но Милов все еще не позволял себе этого; знал по опыту, что опасность возникает в самый, казалось бы, неподходящий миг. Да и не мог он сейчас добиться внутреннего спокойствия: слишком сильным стало ощущение ускользающего времени, вырывавшегося прямо-таки со свистом, как воздух из разгерметизированного космического корабля, чтобы безвозвратно рассеяться в бесконечности. Удивительным казалось, что другие не чувствуют, как почти совсем уже не остается времени для жизни; и хотелось затопать ногами и заорать: «Да быстрее, вы, что вы тянете резину, жизнь ведь уходит!». С трудом великим заставлял себя Милов стоять спокойно, словно бы в запасе была вечность.

Но вот прозвучала и команда разойтись; Милов сделал несколько шагов в сторону, чтобы видеть сразу всех собравшихся. Никто вроде не проявлял к нему особого интереса — нормальное состояние для технетов, никогда и ничем не интересующихся. Они медленно разбредались по сторонам, чтобы вскоре (Милов успел уже составить представление об их обычном распорядке) погрузиться в спокойную непо-

движность, нарушить которую могло бы, наверное, только какое-то сверхчрезвычайное происшествие. Нет, не было никакого повода для беспокойства. И все же Милов ощущал его; снова предчувствие — из тех, что до сих пор обманывали его очень редко; никогда, по сути дела. Особенно когда он находился (как он сам называл такое состояние) на боевом взводе.

А сейчас Милов был именно в таком состоянии. Он не мог понять — что же его тревожит. Что-то, находившееся совсем рядом с пониманием, но все еще не складывавшееся в четкие мысли и формы; так бывает, когда нужное слово вертится где-то на кончике языка, но никак с него не срывается.

Неопределенность, одним словом. Самое неприятное, что только может быть. Потому что неопределенность всегда указывала на допущенную в чем-то ошибку. В рассуждениях, в поступках, в словах ли — но где-то произошла накладка. Наверное, она была небольшой, иначе Милов заметил бы ее почти сразу, во время того почти бессознательного контроля своих действий, какой происходил регулярно, через каждые час-два. Маленький промах; но большие всегда вырастают именно из маленьких, не осознанных и не исправленных вовремя. Вот и сейчас Милов чувствовал, что не осознанная им ошибка будет расти, и когда достигнет таких размеров, что он ее увидит — будет слишком поздно.

Надо было немедленно и спокойно подумать.

2

(59 часов до)

Прислонившись спиной к стволу кряжистого дуба (в этом поселении заготавливалась сосна, немногочисленные дубы никто не трогал, дерево это пользовалось здесь уважением, сохранившимся, как полагал Милов, еще от людей), он медленно, поворачивая голову слева направо, обвел взглядом поляну, на которой производился развод, по краям окаймленную жилыми и служебными строениями, вместе и образовывавшими «Лесное поселение номер сто восемьдесят шесть». То самое, в которое он должен был

прийти, заменив умиравшего в старой ракетной шахте резидента по кличке Мирон, и в которое он и пришел на самом деле, потратив на поиски минимум времени.

Солнце закатывалось, и здесь, в лесу, наступили уже легкие сумерки — время, располагающее к расслаблению и лирическому настроению. Воздух был свеж, сосновый аромат успокаивал, настраивал на лирические воспоминания, легкую, сладкую тоску. Нет, день прошел без опасностей: никого не разыскивали (никого, это означало — его, прочие Милова сейчас не интересовали), среди звеньевых и распорядителей не замечалось ни малейшего волнения, какое Милов наверняка уловил бы, если бы те были озабочены чем-то кроме обычной завтрашней работы. Он не верил, разумеется, что База не ищет его; наверняка искали — но, значит, не ожидали от него такой наглости: появиться близ границы и именно там, где находилась промежуточная стоянка конвоя. Не хватало, видно, у них воображения... Итак, в этом отношении — в событийном плане — все было в порядке вроде бы. Значит, ошибка возникла не здесь. В словах? Нет; за минувший день, первый в этом поселении, он почти не произносил их, как и полагалось исправному технету: только отрапортовал начальству о прибытии и, получив направление в цепь, в третье звено, отозвался стандартной формулой повиновения. Вот и все его разговоры.

Оставалось думать, что ошибка вкралась в рассуждения. В планирование поступков. Такие неточности наиболее опасны. И ее надо было немедленно найти.

Планы его были вроде бы несложны и логичны. Как он убедился при обмене мгновенными и выразительными взглядами с начальником поселения — большего при формальном представлении не могли себе позволить ни один, ни другой — при первой же возможности он получит место в Восточном конвое, и даже на возникновение такой возможности будет оказано определенное влияние. Тут, похоже, всё обстояло так, как и должно было. Потом конвой направится к близкой отсюда восточной границе — не туда, куда двинулся бы, продолжай Милов выполнять почти уже полученное на Базе задание, но пойдет по контрабандистской тропе, чтобы попытаться протащить громоздкий груз там, где теоретически он пройти вовсе и не мог. Обдумывая такое развитие событий еще по дороге к поселе-

нию, Милов пришел к выводу, что самым разумным будет — способствовать успеху этого варианта. Груз должен оказаться на территории соседнего государства. Там он сразу же попадет под незримый надзор тех служб, которым и надлежит такой надзор осуществлять. А для того, чтобы службы знали, когда и, главное, где им ждать гостей — Милов должен был предупредить их сразу после того, как время выезда станет ему известно (первое сообщение) и потом, уже с дороги — когда примерно выяснится маршрут (второе сообщение и последнее). Конечно, указать точное место пересечения границы он заранее не сможет; однако, тяжелые машины даже и повышенной проходимости все же не в состоянии катить по пересеченной лесистой местности, хоть какие-то дороги им нужны, пусть и не автобан. А количество дорог в каждом секторе является конечным и достаточно хорошо известным — как с прежних времен, так и по регулярным наблюдениям последних лет. Так что дать направление означало — дать всё. И таким образом, кроме всего прочего, засветить и перекрыть едва ли не последнюю дыру в границе, через которую утаскивалось уворованное в России. И, разумеется, не без деятельного участия самих россиян.

«Все-таки патриоты мы большие, — подумал Милов, внутренне и злясь, и усмехаясь. — Хоть и воруем, ту же Россию обкрадываем, но все равно — патриоты. Воруем свысока...»

Что речь идет о воровстве, у него более никаких сомнений не было: с нормальной внешнеторговой операцией у всего происходившего не имелось ничего общего. Правда, и здесь дело тоже велось с размахом, и от него кормилось наверняка множество народу по обе стороны якобы непроницаемой границы... Непроницаемой — как для кого, получалось. И вовсе не надо было гнать самолет аж из Штатов, а просто — договориться с российскими контрабандистами, которые и сами густо наживаются, и соседям, будь они хоть трижды технеты, дают заработать. Всего и делов. И доставили бы они в Технецию не только тебя, но наверняка и целый полк провезли бы с полным вооружением...

«Хотя, — тут же поправил он сам себя, — на полк технеты никак не согласились бы. Независимостью своей,

пусть сколь угодно эфемерной, они дорожат. А вот провезти наверняка позволили бы что угодно — бизнес есть бизнес, он уже в основе своей наднационален...

Ну, что же: возьмем их и тут за горло. Жесткой хваткой».

Способ связи Милова не заботил: все из того же своего тайника он заблаговременно извлек рацию, и теперь она, в гидроизолирующей пленке, была зарыта совсем рядом с поселением — на таком расстоянии, на какое можно отдалиться, как бы прогуливаясь в свободные минуты. Так что ошибки, кстати сказать, не было сделано и тут: если бы кому-то, чрезмерно любопытному, и захотелось бы поинтересоваться содержимым сумки нового обитателя лесного поселения сто восемьдесят шесть, он не нашел бы там ничего, что вызвало бы хоть малейшие подозрения. Всё было чисто.

Он медленно втянул ноздрями воздух, от какого успел уже отвыкнуть в больших городах обеих полушарий. Что же: счесть ощущение опасности ложным? Ведь и такое бывало — хотя редко, очень редко подводила его интуиция.

Но на сей раз — почти сразу же понял он — не подвела. Наоборот, вовремя предупредила...

3

(58 часов до)

Темнело быстро, и он не сразу опознал технета, неторопливо прошедшего мимо него, в двух шагах. Может быть, Милов и не обратил бы на него внимания, если бы не взгляд, мгновенный и острый, брошенный тем исподлобья именно на Милова. Только долгая практика позволила человеку перехватить этот взгляд — и определить, что в нем было что угодно — только не традиционное технетское безразличие. Нет, то был жесткий, понимающий и — ненавидящий взгляд. Как удар ножом или выстрел из-за угла.

Как ни странно, этот невзначай перехваченный взгляд успокоил Милова. Неопределенная ситуация сразу сделалась конкретной, то есть поддающейся оценке и побуждающей к определенным в своей последовательности и целенаправленности действиям. Короче, начиналась обычная работа.

Все это Милов даже не подумал — оно само мгновенно сложилось в уме, и определило последующие его действия. Обладатель взгляда сделал пять или шесть шагов, когда Милов отделился от ствола — не для того, чтобы следовать за интересовавшим его субъектом по пятам (слишком прямолинейные действия могли сразу насторожить противника — напряженного по какой-то своей причине ничуть не меньше, чем Милов), но чтобы последовать в ином направлении: под острым углом к курсу, каким следовал технет, — продолжая при этом наблюдать за удалявшимся существом при помощи бокового зрения.

«Ну что же, — подумал он как-то очень спокойно. — Когда-то ведь все должно было начаться. Спасибо и за то, что дали оглядеться, даже обжиться как-то, и за то, что не позволили дальше лениться. Потому что обстановка тут, если разобраться, почти дачная, располагает к безделью — ведь не назовешь же серьезной работой то, чем все мы тут занимаемся».

Большое дело: ну, с раннего утра приступил к работе на лесоповале (так он про себя именовал эту деятельность, называя ее привычным термином, а не как все остальные, «регуляцией растительности»). Дело было не очень-то пыльным, механизация, против ожидания, оказалась неплохой, а персонал — достаточно сноровистым и опытным, хотя на работе, откровенно говоря, никто не горел, да никто и не подгонял, чтобы горели. Так и в этот день — двигались вперевалку, даже пилы крутились как-то с заметной ленцой, хлысты валились не часто, трелевали их к поляне тоже со многими перекурами, так что Милову показалось, что и не среди технетов он вкалывает, — существ, которым уже изначально положено быть усердными двадцать четыре часа в сутки, — но среди своих, привычных, отечественных работяг, тех, кому всякое монотонное занятие изо дня в день — вусмерть, а вот дай им чего-нибудь такого — одноразового, чтобы сверх сил, чтобы вообще невозможно это сделать по всем статьям — только тогда они себя покажут по-настоящему, во всей красе и могуществе... Нет, здесь земляков не было, да и людей вообще не было — однако, надо полагать, многолетнее соседство и общение с вышеупомянутыми оказало-таки свое влияние даже на искусственно созданные и запрограммированные характеры: сначала здеш-

них туземцев, а потом уже и вытеснивших их технетов. Так что большого дохода от этого хозяйства государство будущего вряд ли получит, и это как-то не укладывалось в заранее возникшую у Милова схему, по которой именно лес и должен был оказаться одним из основных продуктов экспорта и, следовательно, источников надежных денег.

Но все-таки нужно вспомнить день поминутно. Что было? Неспешно вышли, после первой заправки, из ангара (так называлось легкое сооружение, у людей наверняка именовавшееся бы бараком), молча, с неизменно неподвижными лицами погрузились на открытую платформу, трактор зафырчал, потом рыкнул посильнее и потащил.

Заправку на этот раз Милов перенес уже достаточно спокойно — не так, как вчера вечером, когда оказался к ней совершенно не готовым. Он просто не знал, чего ожидать, когда все сошлись в середине барака; хорошо, что заметил, что каждый держал в руке стакан, и сообразил прихватить свой — тот, что оказался все в той же технетской сумке. Старший звена из объемистой посудины налил каждому; запах, сразу разнесшийся по комнате, Милову оказался хорошо знакомым, и он сразу же ощутил, как что-то повернулось в желудке — в предчувствии привычного некогда переживания. Как и все прочие, безмолвно подставил стакан. Когда налито было последнему, все вытянули руки со стаканами, старший кивнул, и все одновременно проговорили вполголоса: «Судьба, благослови Технецию!» и разом же выпили. Милов, заранее не знавший текста, пробормотал что-то себе под нос, а в питье постарался не отстать, чтобы не вызвать никаких подозрений. Все тут же разошлись — спрятать стаканы до следующего раза; Милов, воспользовавшись этой паузой, проглотил таблетку из аптечки Орланза; теперь-то он понял, для чего они были, и обрадовался: кто знает, какое воздействие оказал бы на него стакан чистого спирта — такой практики у него давно уже не было. Таблетка, надо полагать, ладно подействовала — хмель не ударил в голову, что несомненно произошло бы в ином случае, потому что никакой закуси выдано не было — вероятно, технетам она не требовалась, калорий в дозе спирта было более чем достаточно, чтобы самое малое полдня отработать в хорошем темпе. Да никто никакой закуски, судя по всему, и не ждал — сразу пошли грузиться.

Нет, всё в порядке было и вечером, и с утра. Без на-

кладок, подобных той, городской, без недоразумений. Может быть, потом что-то сделалось не так? Вспоминай дальше, пока есть возможность.

4

(57 часов до)

Дальше (восстанавливал Милов события дня), дальше случилась первая неожиданность — хотя даже не совсем и неожиданность, но все же приятная, подтверждавшая, что всё было рассчитано правильно. Пока добирались до сегодняшнего рабочего места — проехали по широкой просеке. И чуть в стороне от нее на расчищенной от мусора полянке стояли уже четыре здоровенных тягача с полуприцепами — того сорта, что колесят по всей Европе и еще дальше; на тентах, накрывавших трейлеры, виднелись яркие надписи — названия транспортных фирм, которым машины принадлежали, а также были на бортах круги, закрашенные в национальные цвета Технеции — две коричневых полосы и одна посередине — желтая; здесь, впрочем, были не полосы, а кольца. Машины, видимо, прибыли недавно — шофера похаживали вокруг них, заглядывали снизу, били ногой в тяжелой бутсе, сильно размахнувшись, по громадным тугим скатам, словно хотели гол забить невидимому противнику. И было все это не что иное, как Восточный конвой, встречи с которым Милов так ждал, и который ему удалось наконец впервые рассмотреть как следует в неподвижности. Впрочем, понятие неподвижности относилось только к самим машинам, зато вокруг них прямо сейчас, на глазах Милова, начиналась какая-то суета: легко оттеснив шоферов, подошла целая группа технетов, вооруженных кистями и краскопультами, банками с краской, легкими стремянками — словно бы тут, на месте, собирались заняться если не капитальным, то во всяком случае косметическим ремонтом машин. Милов, естественно, и вида не подал, что маляры его хоть как-то интересуют, даже головы не повернул в ту сторону; как, впрочем, и остальные технеты, наверняка видевшие эту колонну не в первый раз. А это свидетельствовало о том, что окно контрабандистов

находилось и на самом деле недалеко; эта мысль доставила тогда Милову удовольствие: постепенно он приближался к местам главных событий. Ну, и какая же ошибка была им допущена в это время? Никакой.

Дальше. Проехали мимо машин; шофера проводили трактор с платформой равнодушными взглядами. Шоферам этим до самой темноты, надо полагать, делать тут было ну совсем нечего, и они, уступив поле деятельности мастерам цвета и линии, теперь лениво укладывались на припеке, непосредственно усваивая солнечную энергию и преобразуя ее во что-то, им нужное — а может быть, и не преобразуя вовсе, кто их знает. Так поступали все водилы, кроме одного; тому отчего-то на месте не лежалось, не сиделось и не стоялось, был у него, наверное, какой-то конструктивный дефект или что-то в нем вырастили с брачком; не иначе, как обрабатывали его в конце месяца а то и полугодия, когда не до качества, гони вал. Вот он смотрел на проезжавших мимо с какой-то истовой внимательностью, успевая за доли секунды измерить и взвесить каждого и сделать какой-то вывод для себя, создать программу действий. Милов тогда отметил этого технета чисто механически, органы чувств сработали без участия сознания, без команды; органы эти подчас лучше знают, что нужно их владельцу, чем его хваленый здравый смысл.

Они проехали, наблюдатель остался позади. Но уже через час тип этот приперся на делянку, где звено, включавшее и Милова, занималось своими делами. Ну, явился — и хрен с тобой, присутствуй, но только не мешай, не путайся под ногами, здесь опасно, особенно без сноровки, тут и острый инструмент, и деревья падают то и дело, и тракторы снуют, тянут хлысты, и укладывают лес в штабели — бывает, что бревно срывается и грохочет вниз, грозя переломать все на свете, — так что нечего здесь шататься посторонней личности. Однако, этому технету все было, похоже, трын-трава, и он бродил туда-сюда, пока не надоело. И бродил — сейчас это Милову вспомнилось совершенно ясно — все время неподалеку от Милова, как бы описывал круги, в центре которых Милов оказывался постоянно, как бы ни приходилось ему менять местоположение. Милов уже и тогда это заметил, днем, но почему-то не оценил должным образом; все-таки сказалась расслабленность. А ведь

мог бы сообразить сразу, что было в этом какое-то несоответствие логике и смыслу.

Но вот кончилось рабочее время и пришла пора для куда более важных дел: предстояло выйти на связь, и, пожалуй, не только с Востоком, но и с другими, кто должен был слушать его в ближайшие два часа; если он не успеет, то связь отложится на целые сутки, а сейчас (подсказывало все то же не обманывающее предчувствие) за сутки могло произойти очень много событий — и предвиденных, и совершенно неожиданных. И надо же было, чтобы теперь, очень некстати, опять появился этот тип, и на сей раз все-таки заставил обратить на себя серьезное внимание.

Наверное, главным тут оказался все же его взгляд; тогда, днем, на делянке, когда он нарывался на скандал, глаза его оставались привычно бесчувственными, а на этот раз эмоций в них было столько, что через край переливалось. И стало ясно, что это вовсе не технетские развлечения, а что-то совсем другое.

Однако, время не прошло для Милова даром: кое-что он успел понять, к чему-то приготовиться, а главное — снова и снова прокручивал в голове всю новую информацию и сопоставлял с тою, что досталась ему от Мирона в ракетной шахте. Некоторые выводы он для себя сделал, и сейчас только искоса поглядывал на отдалявшегося хулигана. Тот вышагивал неторопливо и важно, словно чувствовал себя крупной величиной здесь, среди вальщиков леса. Шагал, заложив руки за спину...

«Ну, что же, друг мой милый, — подумал Милов не без некоей мрачной иронии; — ты ведь сам решил для меня некую задачку, к которой я еще только примерялся. Заслуживаешь благодарности — только боюсь, что будет она выглядеть несколько своеобразно. Нет-нет, не сию минуту еще, гуляй себе спокойно, у меня есть дела более срочные, но как только разделаюсь с ними — я к твоим услугам. Сейчас пошел уже отсчет моего времени, сейчас люди тут и там внимательно прослушивают эфир, и я не хочу заставлять их волноваться понапрасну...»

Так он думал; и тем не менее, что-то заставляло его по-прежнему идти в том же направлении, не выпуская технета из поля зрения. Наверное, опять предчувствие — хотя где-то в мозгу хронометр отсчитывал минуты и секунды.

Да, идет, заложив руки за спину. Руки за спину...

Это и было тем маленьким толчком, какого не хватало Миловской памяти, чтобы исправно сработать. Руки за спиной! И вся походка — немного расхлябанная, и в то же время напряженная, долгими годами выработавшаяся у человека, привыкшего ощущать затылком пристальный взгляд конвоира и слышать перестук его сапог. И тут же, как по заказу, фигура эта совместилась в памяти Милова с той, что он видел — и тоже со спины — ночью в складе на Базе: тот, что явился туда, чтобы заменить пораженного лучевой, похоже, болезнью водителя. И все стало таким же прозрачным, как ключевая вода в месте, достаточно удаленном от цивилизации.

Итак, ты его, как говорится, вычислил; но все его поведение свидетельствует о том, что и он опознал тебя, окончательно убедился — и теперь будет немедля что-то предпринимать. И уж коли все стало вроде бы ясно, ни в коем случае нельзя спускать с него глаз, но напротив — следить за каждым шагом, выяснить, что он собирается предпринять, и если понадобится — упредить. Он опасен. Здесь и сейчас. Что будет потом — увидим, но с ним надо решать сейчас. И не только для того, чтобы обеспечить собственную безопасность. Этот урка теперь состоял тут в ранге водителя на машине конвоя, был одним из четырех (кстати, а пятая машина куда девалась? Их раньше было пять, совершенно точно — пять. Значит, должна подойти позднее? Или вообще не будет участвовать в предстоящей вылазке? Но это потом, потом...). И если он выбывает, то открывается вакансия — та самая, что так нужна сейчас Милову: теплое местечко для него самого. То есть, налицо тот самый случай с одним выстрелом и двумя зайцами.

Выстрел, впрочем, следует понимать метафорически. Не из чего сейчас стрелять, да и лишний шум. Есть, однако, другие способы...

Уже почти совсем стемнело. Милов изменил направление и теперь приближался к водителю. Сама собой возвратилась способность двигаться беззвучно, хотя под ногами полно было хрусткого материала.

Теперь стало уже ясно, что шофер направлялся к стоянке машин. Если это действительно он, то наверняка намеревается сейчас сообщить на Базу — ведь именно на Ба-

зе заметил он Милова, и именно с подачи Базы занял место выбывшего из строя водителя в конвое, — да, сообщить на Базу, что беглый Милов обнаружен. Как сообщить? Ну, это не составит для него трудности: нельзя представить себе, чтобы машины конвоя не были радиофицированы. Именно это он сейчас и сделает.

Да — если это действительно тот самый... Но пока это всего лишь умозаключения, хотя и весьма правдоподобные. Потому что в лицо ты его не видел и опоздать не можешь. Для того, чтобы считать факт установленным, нужно услышать его голос. Прямо сейчас.

А это, в свою очередь, означало, что придется отложить связь и постараться окончательно установить технета. Потому что опознание его может изменить условия игры, и весьма основательно.

Пришлось прибавить ходу, чтобы по дуге, ведшей через кустарники, обойти противника и занять близ машин такую позицию, с которой можно будет видеть и слышать, а при нужде — помешать происходящему. Это удалось. Никаких подходящих укрытий близ машин не было, и пришлось с десяток метров проползти по-пластунски и остаться лежать, прижавшись к земле — зато совсем рядом с крайней машиной, которая, насколько Милов понял, и принадлежала старому его знакомцу.

Милов не знал, улеглись ли уже шофера в своих кабинах на ночь, или проводят свободное время где-то в другом месте. Возвращаясь, они могли его заметить; но приходилось рисковать.

Он едва успел подумать об этом, как услышал звук отворяющейся дверцы. Он донесся от первой машины, что принадлежала старшему небольшого каравана. Видимо, хозяина в машине не было; во всяком случае, никто не заговорил. Чуть скрипнуло сиденье: кто-то сел в машину. Был ли то ее водитель или миловский недруг? Если он, то почему забрался в чужое обиталище? Что там было такого, что могло бы срочно понадобиться тому, кто преследовал Милова? Весьма интересно, — подумал Милов, подползая поближе. и еще не закончив движения, понял: телефон. Из четырех машин только над кабиной головного грузовика поднималась короткая антенна стандартного радиотелефона. Итак, преследователь действительно спешил выйти на связь — и не по радио, как

предположил было Милов, а просто по телефону. Значит, тот, с кем он собирался разговаривать, находился не так уж далеко. Хотя — здесь ничто не находилось далеко.

Милов удобно устроился под машиной, под ее кабиной, слева, так что человек, набиравший сейчас номер, находился прямо над ним на высоте примерно полутора метров. Легкие щелчки кнопочного аппарата были хорошо слышны отсюда. Потом зазвучал и голос — приглушенный, хрипловатый: сомнений не было — тот самый, с блатным акцентом, что слышал Милов и на плацу у себя за спиной, и позже — в складском эллинге:

— Хрящ это... Граф близко? Нарисуй его, дело есть. Сказал — есть, давай по-быстрому...

Наступила пауза. Милов старался дышать медленно, бесшумно, чтобы не мешать самому себе слышать каждое слово из тех, что будут здесь сказаны: нутром чувствовал, что разговор будет и для него значительным, не только для звонившего.

— Граф? Слушай, буду говорить по делу. Послезавтра с арбой буду в цветной миске, прикачу с аллеи любви... Ну да, завтра за нитку и сразу назад... Звоню? С бревна. Нет, это верняк, тут не бутор, тут сделаем — бабки встанут колом... Слушай балоту, сделаешь, как я скажу, чтобы никакого бездорожья! Там, в миске, большая коробка, ты знаешь, ты там бывал, встарь ее Хилый брал на абордаж базаром, увел шмотье. Теперь по-другому сделаем. Нас разгрузят, варилы разбегутся, останется один кнацаль снаружи, а ты с урками найдешь метро — там было, было с давних пор, менты не надыбали, — проедешь в мазуху и нижним кабуром нарисуешься. Надо, чтобы и амбалы были — тащить придется. Бригантину подгони... Нет, гамлы там нет, все сделается окейно, усек?

Милов внимательно слушал без особого, впрочем, интереса: можно, конечно, было бы (в другие, лучшие времена) довести до сведения местной полиции о задуманном ограблении какого-то склада неизвестно где — скорее всего, в каком-то порту, — но не в том положении находился сейчас Милов, чтобы вступать в контакт со здешними стражами порядка. Это их проблемы. Однако похоже было на то, что волноваться ему вовсе и не следовало: речь шла не о нем... Хотя... что он там сейчас?

— Помнишь, — продолжал разговор тем временем шофер, — тут в старые времена был такой вязало вздрюченный — ну тот, что нас тогда заштопорил, когда мы вагон дури тем сдавали... Во-во. Пес легавый...

«Чисто ботает по фене, — промелькнуло в голове. — Не отвык, хотя немало лет уже минуло, а среди технетов этот язык вряд ли в большом обиходе. Да, так что он там? Похоже, добрался-таки до моей душеньки?»

— ...Я его всю жизнь, как срок отволок, вентилировал, да он юзанул вовремя, я уж думал — ввек не наклекаю, а он вот он — объявился, неделю назад я его слепил. Он меня? Да пока не показал, хотя он, падло, конечно, не васек. Сдать здешним мусорам? Так он меня с ходу заложит, я же себе не враг... А зачем же он тут, по-твоему, случился? За мной ведь там, у них, еще тот вьюк числится, вот он и прилетел. Может, у них соглашение такое случилось, ты не знаешь? Ну, а чего ему еще тут искать? Нет, мне отсюда когти рвать нет никакого резона: дело золотое. Остается его завалить, тут и думать нечего. Да прямо сейчас. Я тут чистенький, да и...

Говоривший замолчал, слушая; на том конце линии, видимо, возражали. Потом заговорил снова:

— Да уймись... Усеки вот что: кроме прочего, мне это дело заказали. Он оттуда, с Базы, сорвался, ясно? И им надо ему перекрыть кислород, усек? Меня потому и воткнули в эту хренацию. Ну, как, как — много будешь знать... Ну, и что, что База — не контора? Конечно, если он тут со здешней ментаврой повязан, ежели тихарек этот с нашими в одну игру играет, то искать станут, но я уже на трассе буду, да и кто что вякнет? Нет, тебе незачем: он нам не нужен, лаз туда у нас есть, да только чего мы там не видали? Ну все, кончаю, пока боярин меня не зашухерил. Значит, ты усек все точно: послезавтра на большой песочной орбите, там сразу и увидимся. Сам скорее всего к тому же часу подбегу, а ты до послезавтра будь на приколе — вдруг что понадобится. Бывай здоров.

Милов прополз под машиной к правой ее стороне, выбрался из-под нее. И, как ни спешил, все же не пропустил мимо внимания одну конструктивную особенность полуприцепа, под которым лежал. А именно: в отличие от тех конструкций, какие ему приходилось в свое время встречать,

этот фургон снабжен был, как оказалось, зачем-то нижним люком, который запирался, надо полагать, изнутри; располагался он не посредине, а с правого бока. Милов понятия не имел, понадобится ли ему этот лаз когда-нибудь (на самом деле не лаз, конечно — люк был достаточно велик, чтобы через него можно было грузить и средней величины ящики), — но, так или иначе, увиденное запомнил. И пополз дальше, на свежий воздух.

Какая-то мысль, вернее, хвостик ее, промелькнула в голове, но сейчас не время было задумываться над этим: шофер вот-вот вылезет из кабины, и надо было мигом решать, что делать с ним, и что — с собой.

«Кажется, — смутно вспоминаться стало, — действительно пересекался он когда-то с этим ярилой; да, похоже, это ярило был, но какой-то стороной прикасался и к гадости — уж не взяли ли его тогда на кайф-базаре? Повязали тогда большую кодлу, и, верно, пришлось ему тянуть долгонько до звонка, если на всю жизнь затаил он обиду и сейчас, через немало лет, опознал. Он, значит, полагает, что по его душу я и сюда явился; наверное, есть за ним что-то такое, только я об этом ничего не знаю, и не до него мне совсем. Но раз он напуган — постарается меня начисто заделать; а мне сейчас нарезать дубаря вовсе не в цвет...»

Незаметно и сам Милов стал думать по фене — старое нахлынуло. А в молодости все мы были решительными и скорыми на действия, — подумалось мельком, — иначе не выжить было в годы крутого расцвета уголовщины после распада империи, о которой Милов и сейчас еще вспоминал, как о стране спокойствия — хотя на самом деле далеко не так было. Но что пройдет— то будет мило...

Он затаился у задней стенки длиннющего фургона в ожидании водилы, но тот все медлил — наверное, решил поинтересоваться зажитком своего коллеги, где-то задержавшегося к собственному ущербу.

«Ну что же (продолжал Милов размышлять в том же духе), дорогой утюг, придется и мне с тобой поступить круто, потому что зуб даю — у тебя перышко где-то под рукой. У меня ничего такого нет, однако же обойдемся, надо думать, и своими силами...»

Негромко хлопнула, наконец, дверца, и визитер из прошлого тенью заскользил от машины, шагов через десять ос-

тановился, прислушиваясь, и тронулся дальше. Туда, где по его расчетам должен был бы сейчас коротать время Милов.

5

(55 часов до)

Милов шел за ним в десяти-двенадцати метрах, от дерева к дереву, шел легко, как бы пританцовывая на чуть согнутых ногах, словно играл в баскетбол и ему предстояло сейчас прорваться под корзину, лавируя среди массивных и готовых отразить проход защитников. Скользил, пытаясь на ходу оценить обстановку. Предположим, я там и нахожусь, куда он идет. Допустим, он меня нашел. Ну, и что — прямо там, у всех на глазах, и нападет? Да нет, конечно, этого он себе не позволит. Ему придется меня вызвать, заинтересовав чем-то, отвести подальше в сторонку, и уж там, подальше от взглядов — освежевать скотинку. Да и вызвать он постарается так, чтобы никому это в глаза не бросилось — иначе, как только найдут тело, заподозрят его, а он всего-навсего шофер, не депутат парламента и неприкосновенностью не пользуется. Значит, последует с его стороны какая-то хитрость — не весьма сложная, особой остротой ума эта клиентура никогда не отличалась; зато подлостью — да, этого у них навалом... Но и мы со своей стороны постараемся что-нибудь этакое придумать. Понятно, его больше всего устроит, если труп обнаружится далеко не сразу, а тогда, когда и он будет далеко, да никто и не вспомнит, где и когда видели меня в последний раз, и при каких обстоятельствах я исчез; и прежде всего подумают, что сбежал, и так будут думать, пока не отыщут. А отыскать могут лишь времечко спустя, если упрятать меня в соответствующем месте. Где же тут у нас поблизости такое местечко?

Милов быстро сообразил — где, и теперь уже мог со стопроцентной вероятностью сказать, куда поведет его шофер для важного, якобы, разговора. Предложит что-нибудь вроде: я тебя не знаю, ты — меня, разойдемся мирно... Только я ему не поверю.

«А неплохо было бы так разойтись, — подумал Милов, теперь уже не преследуя противника, но напрямик — через

кустарник — направляясь к своему — и всего звена — пристанищу, где шофер и должен был через пару минут его обнаружить. — Неплохо было бы, потому что, если говорить откровенно, не очень хочется мне убивать, я не за этим сюда прибыл, никто мне этого не поручал, да и вообще у нас это принято лишь в крайних случаях, и лучше всего — находясь в состоянии самообороны. Ну конечно, первый ход сделает он, так что это и будет самооборона — и все равно, с радостью обошелся бы без крайней меры. Я ведь не о суде думаю, а о душевном покое — а его никто тебе не даст, кроме собственной совести... Но с другой стороны, Милов, ты ведь раздумывал над тем — как возникнет в Восточном конвое водительская вакансия? А вот сейчас она и возникнет, прямо на твоих глазах и при твоем активном и непременном участии. И хорошо бы, если бы поскорее она возникла — потому что время связи всё сокращается. Да и к тому же, — прибегнул он к уже привычному оправданию, — не человека ведь станешь устранять, а всего лишь выведешь из строя механизм... — О своей гипотезе Милов сейчас предпочел не вспоминать: очень уж некстати она была.

Но и он, — продолжал соображать Милов, уже приближаясь к бараку, — он тоже ведь в этом деле не профессионал, во всяком случае, насколько я могу вспомнить, он деловой, но не мокрушник, не утюг, это я его сгоряча так обозвал. Может, ему и на самом деле будет легче разойтись добром?»

Тут же он сам усмехнулся собственному прекраснодушию. Нет, на это плохой расчет. Его совесть мучить не станет. Наоборот. Тем более, что практически все это он может сделать безнаказанно. Здесь, похоже, технетами не очень дорожат — да и что дорожить, если они всего лишь техническое устройство?

Милов уже подошел к своему бараку, но входить не стал, а остановился неподалеку от входа — встал так, чтобы слабая лампочка над дверью освещала его: решил облегчить злоумышленнику выполнение его задачи, вернее — первой ее части. При таком мнимом везении уголовник даже расслабится слегка — это тоже свою роль сыграет. Ага, вот и он — легок на помине...

Действительно, темная фигура сформировалась в десятке метров от Милова и стала неторопливо приближаться — видимо, тот пытался различить, кто же это торчит на све-

жем воздухе в ожидании вечерней заправки. Пытался, но еще не узнал.

«Ладно, — подумал Милов, — напарника у тебя нет, и это очень хорошо, ты даже не представляешь, давний мой дружок, как это для меня хорошо, а для тебя, враг ты мой нахальный, наоборот, очень и очень плохо... Ну, иди, иди сюда, приятель, тебе же хочется и на этот раз поизмываться... А я — видишь, я уже заметил тебя и испугался, — я отойду немного в сторону, как бы заранее отступая. Шажок в сторону, еще шажок... И для экономии времени — в том направлении, где, в нескольких сотнях метров лежит в тайничке мое средство связи».

Шофер на этот раз не стал задевать его ни ногой, ни локтем. Но, приблизившись вплотную, лишь склонился к уху, продолжая усмехаться так, словно собирался рассказать какой-то сальный анекдот. И проговорил негромко — так, чтобы одному только Милову услышать, обдав при этом весьма ощутимым запахом хорошей заправки:

— Отойдем-ка в сторонку — потолкуем...

Что-то странное почудилось Милову в интонации водителя: какая-то эмоциональная нотка, что ли, вообще-то технетам не свойственная. И это было любопытно. Тем не менее, Милов постарался не проявить ни малейшей заинтересованности.

— Не положено, — ответил он так, как и полагалось сказать технету, знающему, что через несколько минут последует вечерний торжественный ритуал.

— Мы раз-два. Не пожалеешь.

Милов пожал плечами. Движение это, как он успел давно заметить, было свойственно технетам не в меньшей степени, чем людям.

— Но чтобы быстро, — предупредил он и послушно, как бы ни о чем не подозревая, последовал за шофером.

6

(54 часа до)

Технет шел вырубкой, перешагивая через низкие пеньки, а толстые обходя. Похоже, направлялся он к высоким

штабелям, сложенным из бревен, заготовленных в последние дни и еще не вывезенных. Милов шел за ним в двух шагах. Очень хорошо, очень правильно шел шофер — направлялся прямо к миловскому схрону.

Пройдя шагов пятьдесят, Милов остановился. Окликнул:

— Эй, урка!

Шофер оглянулся рывком, среагировал подсознательно.

— Дальше не пойду, — сказал Милов. — Работа ждет. Есть что сказать — говори здесь.

Здесь и было самое, пожалуй, удобное место для грядущей разборки... Потому что в десятке шагов отсюда оказалась свежая, достаточно глубокая промоина, в которую можно было бы и слона скинуть, если поднатужиться — и его там обнаружили бы далеко не сразу. Милов насторожился: раньше этой промоины не было, наверняка сегодня здесь почва оползла, потому что пониже прокладывали новый проезд, и слишком глубоко врезались бульдозером; существуй она раньше, Милов знал бы об этой промоине, потому что, как и все работяги, сегодня утром сгрузился с платформы именно здесь, внизу и поднимался по этому самому склону; тут рядом и зарыл он накануне свою рацию, чтобы не вызвало подозрений его движение, когда он пойдет за ней: нахоженная дорога... Промоина оказалась в опасной близости от тайника — а может быть, и того хуже. Отсюда, однако же, не разглядеть, да и не до того сейчас было. Сперва — дело. Шофер же видел только то, что можно было заметить издалека; те же штабели, к примеру. Но там тело нашли бы уже через день-другой — как только начнут вывозить, так и найдут. А в промоину никто без особой нужды не заглянет, а нужды не будет, потому что участок этот уже отработан...

— Ну, — поощрил Милов, — давай на откровенность!

Похоже, шофер секунду поколебался. Но, видно, словам уже тесно было в нем — не то, что просились, а прямо-таки ломились наружу. И он сделал шаг к Милову. Остановился. Осклабился:

— Ну, что же, гражданин начальник!.. Гора, как говорится, с горой не сходится, ну а нам вот где привелось. Запамятовали?

— Да нет, Хрящ, — ответил Милов с некоторой даже скукой в голосе, словно разговор шел о вещах повседневных, рутинных. — На свою память пока еще не жалуюсь.

— Вот и я. Хорошо все помню, до последнего все.

— Было, значит, время запомнить.

— Да уж времени хватило...

— И что же — снова на кичман захотелось?

Урка, похоже, такого поворота не ожидал. И потому, наверное, не сделал того, чего Милов опасался и что вор, надо думать, готовился сделать за надежно укрывавшими от свидетелей штабелями: не ударил, а ведь у него наверняка было припасено, чем бить. Не ударил, а пошел теперь уже за Миловым, на ходу предупреждая:

— Пожалеешь, брамин!

Снова Милов только пожал плечами, шел, не оглядываясь, внешне — беспечный, на деле же напряженный, чтобы не упустить мгновения, когда блатарь все же не выдержит и бросится. Шел, не ускоряя шага. И только когда край промоины был уже совсем рядом — резко обернулся:

— Вот что, Бурок! (Вдохновение, что ли, спустилось на него, но совершенно неожиданно Милов в последнее мгновение вспомнил даже фамилию — подлинную, не кликуху — этого типа; всплыла она все-таки в памяти!). Слушай, что скажу. Я тут не за тобой. У меня свои дела. Разбежимся по-доброму?

Он знал, что нельзя им разбежаться. Так рисковать Милов не имел права. И еще менее — осложнять самому себе первостепенной важности задачу: проникновение в конвой. Останься урка в живых, оно стало бы вдесятеро сложнее. И все же не простил бы себе, не сделай он сейчас такого предложения.

— Врешь, мусор! Ищи дураков...

Это было вытолкнуто злыми губами, горлом, всем существом уже в полете, в прыжке, и полоска ножа слабо блеснула. Милов, однако, тоже не оставался неподвижным. *Усиро маваси какато гери* — такое длинное японское название носил этот удар — по дуге назад, слегка согнутой ногой, пяткой — в голову. И сразу же — медленно падающему — ребром ладони по шее. Он не слышал, как хрустнули позвонки, но знал, что дело сделано. Конец.

Постоял, опустив голову. Хрипы у ног слышались все реже. Потом прекратились. На войне, как на войне...

Ухватив за ноги, проволок тело по траве и сбросил в

промоину. Потом спустился сам, нарвал папоротников и закидал труп. Не первого класса маскировка, конечно. Но все же — чтобы не лез явно в глаза... Нашарил в траве выпавший финаш и, размахнувшись, закинул подальше.

И все же скверно было на душе, хотя всё было сделано вроде бы правильно — по необходимости, а не от удовольствия убивать. Но на переживания времени уже совсем не оставалось. Его будут слушать еще шестнадцать минут. И надо, чтобы успели услышать. Очень надо.

7

(53 часа до)

Уже шагах в пяти-шести от хорошо запомнившегося места, где была закопана рация, Милов насторожился и почувствовал, как что-то ёкнуло под сердцем и мгновенный холодок пробежал по телу: то, что открылось взгляду, заставило не на шутку испугаться.

Когда часть склона, подрытая и подмытая, оползала, несколько сосен, всегда расползающихся корнями по поверхности, не устояли и рухнули туда, куда каждому было удобнее; и одной среднего возраста сосне заблагорассудилось именно так свалиться, что один из верхних сучьев, обломившись при падении, острым обломком вонзился в землю совсем рядом с тайником — если только не прямо в него.

Милов почувствовал, как задрожали руки; опустился на колени и пополз, протираясь между сучьями: иначе нельзя было подобраться к нужному месту. Врылся руками в мягкий, не успевший улежаться песок. И наконец-то смог облегченно вздохнуть: аппарат уцелел.

Аппарат уцелел, но этого нельзя было сказать о толстой пленке, защищавшей его от влаги; воткнувшись совсем рядом, сосна все-таки сумела изрядно напортить, прорвав самый край пакета и открыв сырости доступ к схеме. Устройство, правда, считалось защищенным от сырости, приспособленным к исправной работе и в самых скверных условиях. Однако, Милову хорошо известно было, сколь большой бывает разница между обещанным и реальным.

Выпростав плоскую коробку из пленки, вытащив оттуда

же внешнюю антенну, он раздвинул ее до предела, поудобнее уселся и включил, надев наушники, аппарат.

Прослушивался слабый фон, и на разных частотах разговаривали — но где-то очень, очень далеко, так что слов не разобрать было. Аппарат работал, но от сырости, надо полагать, прежде и больше всего пострадало питание, обычные батарейки. Так что рация работала на пределе.

Милов настроился на частоту Востока. И услышал нужные позывные. «Вест», — звали его, «Вест», «Вест»...

— Я «Вест», — заговорил он торопливо, прикрывая микрофон ладонью. — Я «Вест», слышу вас, «Восток», как слышите?..

— «Вест», — по-прежнему вызывал Восток. — «Вест»...

Он откликался еще и еще раз; его не слышали. На скиснувшем питании сигнал его передатчика оказался слишком слабым. Будь еще антенна поднята на хорошую высоту... Но сейчас не было ни времени, ни возможности закинуть канатик.

И все-таки Милов продолжал вызывать, уже не надеясь, что его услышат; вызывал всю еще остававшуюся в его распоряжении четверть часа. До того самого мгновения, когда там, на востоке, умолкли, ушли из эфира, переключившись на другую частоту для другой связи, и в телефонах остался лишь слабенький фон.

Снова они выйдут на связь лишь через сутки — если спустя эти самые сутки у него найдется какая-то возможность слушать и отвечать. Конечно, сейчас он не станет больше закапывать рацию, а батарейки вынет и понесет прямо на теле — может быть, подсохнут, а еще лучше, если удастся их подогреть: при нагреве даже севшие батарейки на какое-то время вновь обретают хотя бы часть своей мощности. Но на сегодня все было кончено. Плохо завершался нынешний день.

Однако, разве не правда, что самое скверное положение — обязательно является начальной точкой улучшения? Если хуже некуда, значит, в дальнейшем может быть только лучше...

Он почувствовал, что начинает хорошо злиться. Совсем как в далекой уже молодости. И предчувствие возникло какое-то — веселое.

Хотя объективных поводов для него вроде бы и не было.

Ладно. Хорошо смеется тот, кто начинает первым и кончает последним. Быть посему.

С такими мыслями он хотел уже войти в барак. Но остановился: внимание его отвлеклось каким-то мельканием в том направлении, где на своей стоянке располагались машины конвоя.

Он всмотрелся; не понадобилось ноктовизора, чтобы в последних лучах света узнать шоферов. Они покидали поселение, ничуть не скрываясь — наоборот, весело перекликались и пересмеивались.

«Развлекаться пошли», — безразлично подумал Милов. Как проводят свободное время шофера, его сейчас нимало не интересовало.

А впрочем...

И он пошел спать. Ненадолго, правда.

Глава одиннадцатая

1

(50 часов до)

Милов пробудился в назначенное им самим время — в разгар ночи. Вышел из барака, не скрываясь, в одном белье, шел согнувшись, придерживая руками живот, так что со стороны можно было подумать, что у него схватило живот (явление в Лесном поселении вовсе не редкое), и он спешит в место облегчения. На самом же деле руки его прижимали к животу укрытую под майкой рацию с подсохшими батарейками; Милов надеялся, что хоть ближняя связь у него состоится. Легкой рысцой он проследовал в направлении общественного места, забежал в него, — там оказалось пусто, — протрусил до второго входа, в противоположном конце длинного, многоместного храма задумчивости, там осторожно выглянул и выскользнул наружу. Сразу же обогнул сооружение, все еще морщась от тамошнего амбре. Тут же начинался лес, и он запетлял среди деревьев, пока не нашел в неверном лунном свете местечко, показавшееся ему подходящим. Залег за муравейником, —

сейчас это было безопасным, шестиногие труженики мирно спали, — и включил аппарат.

Батарейки, конечно, не восстановились так, как ему хотелось бы, однако худо-бедно дышали. С ними и думать было нечего — докричаться до своих, он на это и не рассчитывал. Но Леста, быть может, все-таки откликнется?

Ему не повезло: хотя было время связи, она его не слышала. Он же ее и не мог услышать: Леста ни в коем случае не должна была вызывать его, а только ждать; но его зов не доходил. Милов пытался докричаться до нее минут десять, потом питание совершенно отказало — аппаратик вырубился. В первое мгновение, когда в телефонах настала тишина, Милов сгоряча чуть не выкинул коробочку, но вовремя опомнился и вернул ее на место, под майку. Снова зашел в дощатое помещение и утопил батарейки в выгребной яме. Связи не было. Но именно сейчас, когда он стал, наконец, понимать, что ему надо было сделать и чего не нужно, она сделалась совершенно необходимой.

Медленно возвращаясь в барак, он напряженно думал. И ничего не мог изобрести, кроме одного-единственного варианта. Не очень надежного и достаточно рискованного; однако, выбора не оставалось никакого. Если шофера, уходившие на кобеляж, когда он возвращался вечером в барак, обрели искомое и занялись весельем и любовью с пейзанками — аграрное поселение было, он помнил, километрах в четырех отсюда к западу, — то сейчас в машинах их нет, и появятся водители разве что к общему подъему. Это не означало, конечно, что машины были брошены на произвол судьбы: в Лесном поселении, как и на Базе и даже в Круге, соблюдался порядок и некоторые объекты охранялись: контора, например, продовольственные и вещевые кладовки, а также стоянка конвоя. Однако, страж не в кабине коротал время, — машины, скорее всего, были заперты, водители ведь хранили там свое достояние, — но где-то на свежем воздухе. Один охранник, не ожидающий никаких неприятностей, проблемы не составлял. А в первой машине, как Милов прекрасно помнил, был телефон — радиотелефон, вернее, аппарат сотовой связи. И у Лесты тоже был телефон, на аппарате был крупно написан белой краской номер, который Милов, однажды увидев, привычно запомнил — так, на всякий случай. Теперь вот случай наступил.

Он бесшумно подобрался к поляне. Неподвижные трейлеры казались даже громаднее, чем днем. Вокруг было тихо и спокойно. Милов ожидал, что охранник будет дремать безмятежно; человек, возможно, так и сделал бы, но технет себе такого нарушения порядка не позволил; он бодрствовал. Милов мысленно выругался. Применить к охраннику силу было несложно, однако, это привело бы к возникновению, с самого утра, каких-то подозрений, беспокойства, которые еще усилятся, когда окажется, что один из водителей исчез — и в такой обстановке занять его место будет очень не просто. Значит, надо было либо проникнуть в машину и разговаривать оттуда при живом и здоровом охраннике — и, разумеется, так, чтобы он не заметил и ничего не заподозрил; в стоявшей вокруг тишине это представлялось нереальным. Либо же — последний вариант — выключить долдона так, чтобы он этого вообще не почувствовал, а позже, придя в себя — даже не сообразил, что с ним приключалось что-то подобное.

Как это сделать, Милов знал, но в успехе не был уверен: не в той форме он себя чувствовал, да и не тренировался уже давно. Однако, ничего другого не оставалось.

И все же не менее четверти часа ушло у него на то, чтобы, улегшись под одним из окружавших поляну деревьев, укрывшись в его тени, привести себя в нужное состояние — вобрать в себя максимум энергии извне, из космоса, мобилизовать сознание, сконцентрироваться на том, что предстояло сделать. Работа эта требовала громадного напряжения, и Милов знал, что после нее он завтра весь день будет чувствовать себя, как в тяжком похмелье. Ладно — все равно, другого выхода нет.

Почувствовав себя готовым, он встал и быстро отыскал глазами часового; тот, устав ходить вокруг машин, стоял теперь, прислонившись к последней из них, то есть ближайшей к Милову. Прикрываясь ею, Милов, скользя бесшумно (он сейчас, пусть и на краткое время, чувствовал себя способным даже в воздух подняться и лететь, лететь), подобрался к охраннику и остановился в шаге от него. Стоило парню обернуться — и он мог бы схватить Милова за горло — для эволюций с оружием уже не оставалось между ними места, — но он не обернулся, потому что Милов начал уже свое дело, замкнув взгляд на часовом, внедряясь

в его сознание, принося в него расслабленность, покой, желание спать, спать, спать... Мужик оказался крепким; однако, слабой стороной технетов, как еще раньше понял Милов, была внушаемость — а иначе они и не были бы технетами. И все же прошло не менее десяти минут, прежде чем застывший в неподвижности часовой стал протяжно зевать, тереть глаза, хотел было двинуться — но уже не в состоянии был, только пошатнулся. Милов шагнул и, поддерживая, позволил технету мягко опуститься на травку.

Теперь нельзя было терять времени. Милов подбежал к первой машине. Дверца, понятно, была заперта. Однако, такие замки отпираются и куском проволоки — если уметь. Милов умел; проволоки у него не было, универсальная отмычка, помогавшая раньше, осталась в сумке в бараке, но была телескопическая антеннка рации; пришлось пожертвовать ею — верхним, самым тонким звеном. Замок быстро сдался. Милов скользнул на сиденье. Телефон был там, где ему и полагалось. Чувствуя, как обрывается от волнения сердце, Милов взял трубку. И облегченно перевел дыхание: сигнал был. Он набрал код и номер. Леста должна быть дома. Она должна подойти... Милов как бы вогнал в телефонный сигнал весь остаток своей энергии: подойди, сними трубку!..

Она подошла, и он, убедившись в том, что это действительно она, и позволив ей, в свою очередь, увериться в том, что именно он вызвал ее, — сразу же сказал все, что ей надо было знать и сделать: и насчет пятой машины, что находилась еще в Круге и которую надо было задержать на сутки; и насчет того, чтобы с ней не отправили никакого резервного водителя, в случае, если отсюда будут его требовать; и относительно команды, с которой — с тренером — ей следовало связаться незамедлительно. Она все поняла и обещала выполнить. Для этого ей надо было немедленно уходить из дому, чтобы на рассвете оказаться снова в Круге. Времени у них совсем не оставалось, и все же они позволили себе еще с минуту поговорить на темы, к делу не относившиеся. Потом он попрощался и осторожно положил трубку на место. Вылез. Захлопнул дверцу, предварительно заблокировав, чтобы кабина вновь оказалась запертой. Тут без некоторого шума, конечно, не обошлось, но часовой еще спал; он должен был проспать еще десять

минут, потом встать и нести службу дальше, даже не подозревая о том, что в бодрствовании его возникал перерыв. Самому же Милову сейчас, как никогда, требовалось именно поспать, как можно лучше выспаться — у него оставалось на это целых три часа: чтобы отдохнуть и окончательно продумать действия на предстоящий день.

2

(47 часов до)

К завтрашнему дню вариант у Милова уже созрел. И, чтобы не упустить возможности реализовать его, Милов с самого утра, до выезда на работу, старался держаться поближе к самому начальнику поселения. Тот казался обеспокоенным, и все знали, почему: все утро по участку искали исчезнувшего шофера, но найти не могли. Непонятно было, что с ним приключилось, однако разобраться помог водитель первой машины, он же старший каравана. У него из кабины, как оказалось, исчезли деньги и еще кое-какие мелочи. Хочешь — не хочешь, приходилось предполагать, что исчезнувший водитель просто-напросто обокрал своего коллегу и заблаговременно скрылся. Почему, зачем — никто, понятно, не знал, однако, надо полагать, были у того причины.

— Ну, погоди, встречу я его... — и старший каравана стиснул увесистые кулаки. — А кого же я теперь за руль посажу? — озабоченно подумал он вслух тут же.

— Да, — посочувствовал начальник поселения, всем обликом своим показывая, что на самом деле проблема эта его ну просто ни на грамм не волнует. — Три машины остались, а нужны-то четыре. Тебя, что ли, он за баранку посадит, тупая твоя морда?

Говоря это, он смотрел на Милова, и по лицу начальника было совершенно ясно видно, что именно таким он этого технета и считает, а может быть, оценивает и еще ниже, чем позволяет себе сказать вслух. Милов внутренне одобрил начальника: тот показывал недюжинные актерские способности — если учесть, что всего лишь полчаса назад Милов навестил его — перехватил в лесу по дороге от жилья к площадке, где собирались для отправки на работу;

перехватил и, представившись, назвав как пароль имя Орланза, предупредил, что в конвое открылась вакансия, и что он как раз является кандидатом на ее замещение; делом начальника было — технично вложить эту кандидатуру в сознание старшины конвоя — чтобы тот был уверен, что сам лично пришел к такому решению. Этим единомышленник Орланза сейчас и занимался.

— Да ладно, — продолжал начальник, утешая конвойщика. — Пришлют же тебе водилу — ну, перекантуешься тут еще денек, а может два, чем тебе тут не кайф? Лес валить вас не заставляют... — и он засмеялся, как будто удачно сострил. — Товар протухнет, что ли?

Главный водитель глянул на него весьма недружелюбно.

— Не дай бог ему протухнуть... — пробормотал он сквозь зубы.

— Оштрафуют, однако? — не отставал верховный лесоруб. — На много ли? Не на тысячу же технов! Да и тебе ведь — помнится, ты сам говорил — не сегодня выезжать надо было, ты еще собирался тут постоять до команды...

— Оштрафуют, — сказал старшина конвоя тяжело, словно язык его устал ворочаться во рту. — И меня, и тебя, и всех — на сто миль в округе. Сегодня надо бы уехать — понял? — И добавил с таким выражением лица, словно сказанным объяснялась вся сложность положения: — Тут ветер меняется, понял? Раньше, чем думали. Так что мы сразу должны, как только пятая машина подойдет — в путь-дорогу. Ветер; усек?

— А я и не знал, что ты под парусами ходишь, — сказал начальник поселения и снова захохотал.

— Не щерься — для зубов вредно, — сказал водила так, что начальник поверил и сразу посерьезнел. — Лучше подумай: у тебя же здесь народу до хрена, не может быть, чтобы среди них ни одного шофера не нашлось. Я сейчас нашим позвоню, если пятая еще не вышла — с нею подошлют замену; а если нет — ты мне приготовь человека.

— И почему это вы по двое не ездите?

Водила, посопев, ответил:

— А нам лишние ни к чему. Глаза, уши, языки...

— Ну, извини, — сказал начальник, явно стремясь к примирению. — Я вижу, тут и правда дело серьезное. Поискать тебе шофера?.. Ты, тупарь, — снова перевел он

взгляд на Милова. — Может, ты знаешь — из вашей команды кого-нибудь можно за баранку посадить?

Вот таким образом разговор был подведен к той самой точке, когда Милову не оставалось ничего другого, как ответить:

— Можно и меня.

— Тебя? Ты что — водишь? — встрепенулся старшина конвоя.

— С малых лет.

— Пойдем, покажешь, — произнес начальствующий шофер, и в его голосе послышалось немалое облегчение — что для технета было не очень-то привычно. — Начальник, этого я забираю. Пока. Дальше видно будет. Отметь номер. Пошли.

— Постой, постой, — запротестовал начальник лесовиков, как бы оскорбившись за свое поруганное величие. — Как это так — «Этого я забираю»? Ты, что ли, тут главный? Если так, то мне об этом сообщить забыли, ты уж не обессудь. Ты станешь забирать — а лес валить кто будет?

— Твои проблемы, — сказал старшина конвоя. — А чтобы тебе не страдать, ты позвони своему начальству на Базу — может, они тебе на этот счет мозги продуют. Мне же разговаривать некогда.

И зашагал, не оглядываясь, а Милов — за ним, на два шага отставая, соблюдая вежливость. Значит, назначение его можно было считать состоявшимся. Если, конечно, он в ближайшие несколько минут не осрамится, заняв водительское сиденье. Ну и, разумеется, если с пятой колесницей не пришлют шофера из резерва, который там, по соседству с Кругом, наверняка был, хотя и явно небогатый: взяли же они там с ходу этого урку...

Вспоминать об убитом не хотелось, и Милов призакрыл глаза, стараясь сосредоточиться на предстоящем испытании по водительскому мастерству и умению. Конечно, высокого класса он здесь никак не покажет; однако, и конкурс сейчас тут пристойный: всего один человек на место. Шанс имеется. У технетов все делается просто. Это преимущество перед людьми у них, несомненно, есть. Преимущество, если вдуматься, весьма и весьма немалое.

Старшина конвоя собственноручно распахнул перед ним

дверцу машины, чье дно Милов накануне разглядывал снизу, лежа между колесами.

— Ну-ка, покажи права для порядка...

К этому требованию Милов был готов; полученный в ракетной шахте водительский документ был у него наготове.

Старшина осмотрел карточку весьма внимательно.

— Ну, — сказал он и, похоже, даже повеселел немного, — у тебя, я вижу, всё в порядке. Сколько времени не ездил?

Милов прикинул.

— Да с неделю, пожалуй.

Оно и на самом деле так было. Улетая из Москвы, он в Шереметьево приехал еще на своем драндулете, который сейчас дремал бы там на стоянке, одновременно грабя Милова — удовольствие это теперь стоило недешево, — если бы провожавшие его дружки не пообещали отогнать машину домой.

— Всего-то? Ну, тогда я тебя и проверять не стану. Влезай, осматривайся. Времени у тебя не так много: сегодня стартуем. Должны сегодня, — уточнил он, словно самого себя убеждая в скором отъезде. — Только не обижайся: если пришлют запасного... — Тут он задумался, почесал в затылке: — Хотя, конечно, не сказано еще, какого пришлют... Вот мне в Круге подсунули одного, — у меня водитель заболел...

— Чего-нибудь такого съел?

— Ну, съесть не съел... Пришлось оставить, в общем. Так вот, подсунули мне парня — на язык крутой, а водила средненький, ему только на такси баранку крутить. Зато воровать оказался мастак. Оно и лучше, может быть, что исчез, но вот денег жалко — они на дороге не валяются. Ну, разыщу — посмотрим, кто в проигрыше... Ты мне еще одно скажи: а с этой техникой обращаться умеешь?

Он кивнул на пристроенный в кабине автомат, затем — на лежавший позади, на спальной полке, ручной пулемет.

— Имею опыт.

— Ценно. Тогда у меня всё. Спроси, если что неясно.

— Ну, что ж, — сказал Милов безразлично. Вставил ключ, повернул. — Бак полный, это хорошо. Так... Вроде бы, все нормально, вопросов нет. А что тут — его барахло?

— Чье же еще. Пользуйся, если что-нибудь нужно.

То, что было Милову нужно, он уже заметил: рацию. И уж тут с питанием никаких сложностей не должно было возникнуть.

— Ладно. Если надо будет.

Старшина мог бы уже уйти, но помедлил, словно бы о чем-то задумавшись.

— Слушай: а я тебя не встречал раньше? Словно бы не впервые вижу. А ты меня не вспоминаешь? Ты где ездил раньше?

— Я помню, что ли? — ответил Милов легко: ему, исправному технету, ничего такого помнить и не полагалось, тут он был в своем праве.

— Ну да, конечно...

А старшина, выходит, помнил. Но не объяснять же было ему, что Милова он мог заметить — ночью на дороге, когда конвой выезжал из Круга, и водители обстреляли кого-то, кто вроде бы пытался то ли остановить их, то ли напасть... Однако, зрительная память у него острая. А водители конвоя, выходит, могут позволить себе и обладать нормальной памятью; и в самом деле, привилегии у них немалые.

Жаль, что пользоваться ими вряд ли удастся долго.

— Ладно, — сказал старшина перед тем, как удалиться по своим делам. — Ночью, вернее всего, спать не придется. Так что используйте время для того, чтобы отдохнуть, как следует.

Он обратился вдруг почему-то на «вы», что было вовсе не обычно для водителя тяжелой машины при общении с подчиненным. Но может быть, это должно было означать лишь, что отныне Милов — свой, а уважение к своим надо было специально подчеркивать. Тоже привилегия.

— Я ночью выспался, — сказал Милов. — Не ждал, что дела так повернутся.

— Ну, вам виднее. Тогда посидите в кабине, осмотритесь; машины у нас специальные, что-то, может быть, и не сразу поймете. Тогда до вечера успеете спросить — у меня, или у кого-нибудь из коллег, все равно. Обживайтесь, в общем. И свое имущество сразу же перенесите в машину. У нас случается так, что времени на сборы не остается: скомандовали — и через пять минут мы уже на трассе.

— Так и сделаю, — кивнул Милов с готовностью.

Он задумчиво глядел вслед удалявшемуся старшине. Ветер, значит, меняется. Меняется ветер...

3

(46 часов до)

Он открыл дверцу, соскочил на землю. А сейчас что за ветер? Откуда и куда?

Воздух сейчас тек на восток. Минуя посты и таможни. Ветер меняется. Надо понимать — завтра ожидается восточный. И он уж установится на достаточно долгое время. Повадки здешних воздушных потоков Милов помнил хорошо.

«Постой, — сказал он себе. — Все это ты предполагаешь, исходя из того, что переход границы состоится. То есть, при хорошем западном ветре. Но ведь ветер-то уже рыскает, он уже явно заходит к северу, и к рассвету может установиться прочный ост. Или норд-ост к осту, на худой конец.

А это означает отмену операции. Во всяком случае, в таком ее варианте. Или, если не отмену, то на худой конец замораживание ее — впредь до попутного ветра. Выжидание.

Чтобы успеть до перемены ветра, конвой должен двинуться в путь сегодня. Но, кажется, сделано уже все, что было в миловских силах и возможностях, чтобы колонна сегодня не отправилась. Границу, как правило, переходят ночью. Что до самого Милова — ему именно эта ночь и нужна — тихая, спокойная, неподвижная. Ракеты здесь; те четыре ракеты, которых мир недосчитывался все последние годы. Четыре ракеты — и (он глянул на часы) сорок шесть часов времени. Более чем достаточно для того, чтобы он смог выполнить свое домашнее задание. А когда отсчет прекратится — можно будет спокойно поразмыслить и о дальнейших действиях. Тогда времени будет — без пяти минут вечность».

Размышляя так, Милов неторопливо шагал; конечной целью его был барак, в котором он собирался забрать свою сумку и переселиться на жительство в машину, не дожи-

даясь конкурента: если даже таковой возникнет (хотя Милов почти уверен был, что не появится никого), то труднее вытеснить человека с уже занятой позиции, чем просто помешать ему овладеть ею. Отойдя от машин, Милов, пользуясь свободой, пошел не по кратчайшему пути, а наоборот, самым дальним, делая большой крюк. С таким расчетом, чтобы путь его пролег через место вчерашнего поединка. Не потому, чтобы его тянуло туда, как преступника — к месту преступления; подумав так, Милов только усмехнулся. Но затем, чтобы убедиться в том, что тело укрыто от случайного взгляда, а также и выгрести из своей лесной кладовки все, что там еще оставалось, поскольку эти места, как говорила все та же интуиция, он в обозримом будущем покинет уже, скорее всего, навсегда.

Кроме того, была и другая надобность удлинить путь: Милову лучше всего думалось, когда он мог вот так — неторопливо, безмятежно — шагать, протяжно и глубоко вдыхая сосновый воздух.

В остающееся время неплохо бы познакомиться с грузом хотя бы той машины, которая отдана в твое распоряжение. Сделать это, не привлекая ничьего внимания. Но до тех пор, пока это не сделано, стоит просчитать какие-то варианты хотя бы теоретически.

Итак, ты предполагаешь, что цель Базы — продав ракеты, взорвать их на территории России. Правдоподобно? Да. А механизм?

Тут возможны два варианта: установка с таймером, или же управляемая по радио. О радиосигнале говорил и Орланз, как о наиболее вероятном способе.

Искать устройства надо в машинах. И не в кабине, естественно, а на самом грузе.

«Черт, — подумал Милов, осторожно, хотя и чисто автоматически, посматривая по сторонам — словно кто-то мог, притаившись, заглянуть в его мысли. — Попасть внутрь прицепов не так-то уж просто: шоферам это вряд ли разрешается, и во всяком случае, ключей от прицепа я не получил. Ну, хорошо, предположим, я туда проник. Если там стоят какие-то простенькие устройства — я, может быть, с грехом пополам еще разберусь. А если хитрые? С подстраховкой, установленные на неизвлекаемость? Да, тут

бы пригодился подрывник-специалист. Но здесь мне такого не найти. Значит, нужно, чтобы он ожидал конвой по ту сторону границы — если мы там окажемся. И что-то необходимо придумать, чтобы лишить команду конвоя возможности, в приступе отчаяния, привести всю кухню в действие, — если им вдруг померещится (или так и получится), что их вместе с грузом берут. И вот уж это придется делать тебе самому, только как именно — пока совершенно непонятно...

Что нужно? — думал он уже в привычном, лихорадочном темпе, невольно и шаги убыстряя соответственно.

Связь! Прежде всего — связь. Чтобы граница была наготове. И с подрывниками, и со всеми, кто может понадобиться. Но это — всего лишь на всякий случай: если ветер не переменится — или же если База, невзирая на риск, решит все-таки сделать по-своему.

Итак, ясно: связь с Востоком — прежде всего и любой ценой.

Но еще до — вплотную познакомиться с грузом. И, если повезет, найти и то неприятное устройство, от которого ожидаются все беды. Пусть бы найти, если уж не вывести из строя. Хотя обезвредить эти их средства если и возможно будет, то лишь в последний момент, но никак не сейчас: все машины, все двери, все прицепы наверняка проверят и снаружи, и изнутри, обнюхают со всех сторон перед тем, как тронуться в путь.

Спокойно, спокойно. Только не бежать. Представь, что ты выступаешь на соревнованиях по спортивной ходьбе, и переход на бег ведет к немедленной дисквалификации и снятию с дистанции. А тебе надо преодолеть ее до самого конца — каким бы он ни оказался».

4

(45 часов до)

Когда возвращаешься куда-то после отсутствия, пусть и не очень продолжительного, хуже всего, — Милов знал это — предполагать, что там всё в полном порядке и тебя не ожидают никакие неприятные сюрпризы. Лучше — заранее быть готовым к осложнениям.

Он так и настроился, приближаясь к стоянке конвоя. И к собственному неудовольствию увидел, что без сюрпризов не обошлось.

Сперва ему вообще показалось, что машины конвоя успели куда-то деваться — уехать, например, по назначенному маршруту, несмотря на некомплект шоферов, — и на их место прикатили какие-то другие. Такой вариант был совершенно немыслимым, тем не менее в первое мгновение Милов именно так и подумал.

Потому что изменилось все, что в первую очередь воспринимает взгляд, как отличительные черты хотя бы того же автомобиля с прицепом: цвет, надписи, рисунки, эмблемы, номера...

Теперь все трейлеры, при первом знакомстве Милова с ними своим обликом даже не говорившие, а громко кричавшие о своей европейской принадлежности, сейчас, словно переодевшись с ног до головы, убедительно утверждали свое российское происхождение. Номера, названия фирм, рекламные надписи, — одним словом, все на свете.

Сейчас появись этот караван на любой российской дороге — он не задержал бы на себе ни единого подозрительного взгляда, не привлек чрезмерного внимания.

«Вот как, — подумал Милов. — Не зря поработали маляры-художники. Всё очень точно. Конечно, чуть-чуть слишком свеженькими выглядят все прицепы; однако, после часа езды по пыльной дороге они приобретут требуемый облик, а возиться, смывать пыль на границе никто не станет. Номера ясно видны — больше ничего и не требуется. И документы наверняка сделаны как полагается.

Итак, полная смена антуража. Ну, а в остальном — что изменилось?»

Милов приблизился к конвою, не замедляя шага. И тут с радостью убедился, что там по-прежнему царят мир и спокойствие. Благодать.

Водителей все еще не было видно. Впрочем, проходя мимо машин, Милов услышал мощный храп, доносившийся из одной кабины; значит, самое малое один шоферюга физически присутствовал — однако, будить его Милов вовсе не собирался.

Свою — теперь уже свою — машину он оглядел осо-

бенно внимательно. Сейчас она хорошо заслоняла его от других, но все равно, следовало остерегаться случайного взгляда из леса. И уж если что-то предпринимать, то быстро и наверняка.

Например — вскрыть фургон, чтобы утолить свое любопытство и выяснить, что же они в конце концов повезут. Пока что его предположения о грузе все еще оставались только гипотезой.

На случай, если кто-то невидимый все же контролировал сейчас его действия, Милов, откровенно удивляясь совершившемуся преображению, покачал головой, сплюнул. Потом подошел к кабине, отомкнул дверцу, влез, уселся на свое место, посидел. Зря играл? Пусть, однако, в таких случаях всегда лучше пересолить, чем недосолить, этим правилом он руководствовался всегда. Секундная стрелка дважды обежала круг; тогда Милов, наконец, спустился. Постоял, прислонившись спиной к высокой ступеньке, глазея по сторонам: вполне вероятным могло показаться, что водитель, не успокаиваясь, все еще просто любопытствует; однако, Милов вовремя вспомнил, что технеты любопытством как раз не отличаются, что они, в общем, безразлично относятся к окружающей среде — и перестал любоваться, а стал медленно обходить машину, как бы в заботе о вверенном ему механизме. Постучал по каждому из трех задних левых — наружных — колес, потом так же неспешно зашел в тыл машины, чтобы проверить — в порядке ли дверь и хорошо ли различим номер. В руке Милов держал тряпку, безмолвно свидетельствовавшую о благородстве его намерений.

Дверь — двухстворчатая, металлическая, как и весь трейлер, надежная — была, к сожалению, в полном порядке: заперта и даже опломбирована. Так оно и было с самого начала, и немалый интерес представляло — чья же это пломба, кто не убоялся взять на себя ответственность за контрабандный груз. Но до сих пор познакомиться с висячим металлическим кружком не удавалось — хотя бы потому, что остальные шофера к пломбам не прикасались, а значит, и ему не следовало. Но, быть может, это последняя возможность? Был смысл рискнуть; проявить чрезмерное, может быть, усердие. Ни в коем случае не воровато, украдкой, а напротив — смело, открыто, у всех на глазах, дей-

ствовать так, как присуще человеку, не сознающему, что он совершает что-то запретное.

Милов залез на ступеньку задней лесенки. Левую ладонь завел под пломбу, в правой держал тряпку — и начал усердно начищать пломбу, в дороге успевшую изрядно запылиться, — а маляры, преображая машину, пломбу, понятное дело, красить не стали. Пришлось поплевать на тряпку, чтобы добиться успеха. И вот не сразу, но какие-то знаки начали проступать на пломбе. Буквы? Да нет, черт бы взял. Вроде бы что-то другое... Ну-ка, ну-ка... Нет, все-таки, это надпись. Только не латинскими буквами. И уж естественно — не кириллицей. Арабские письмена. Среди великого множества вещей, в которых Милов не разбирался, была и арабская письменность. Так что можно было лишь отметить факт: пломба принадлежала, скорее всего, покупателям. Очень интересно...

Ну что же, и на том спасибо. Больше нечего торчать тут. Для правдоподобности обойдем машину с другой стороны...

Ему не пришлось даже делать этого: соскочив со ступеньки, он оказался лицом к лицу со своим начальством. Тот стоял неподвижно, правая рука была за бортом куртки, там внутри, под левой рукой, нечто оттопыривалось — нетрудно было угадать, что.

Будь Милов человеком, он улыбнулся бы старшине конвоя — ну просто так, чтобы показать, что настроен вполне мирно и никаких противных замыслов не лелеет. Однако, Милов был сейчас технетом и никак этого не забывал. Поэтому он лишь глянул на своего шефа — стеклянно, равнодушно, как на пустое место. Начальник кивнул ему.

— А, это вы, — сказал он спокойно. — А я подумал: кто это так любопытствует... Все в порядке?

— В полном. Не прибыл... этот, кого вы хотели вместо меня?

— Нет, — хмуро ответил старшина водителей. — И машина пятая еще не вышла. Что-то там у них не ладится.

— А без нее разве нельзя? Так уж она нужна?

— Вы чем занимаетесь?

— Да вот... Проверить, вытереть...

— Сходите, принесите ведро воды — мойки тут нет, а диски у вас посмотрите, какие. Не делает чести. У вас своей ра-

боты хватает — так что не лезьте в чужую, не то надорветесь.

Он кивнул и пошел — не в свою машину, а по направлению к конторе. Милов поглядел ему вслед. Да, остерегаться нужно, безусловно. И все же...

Он отцепил ведро, из ближайшего колодца принес воды, вымыл диски — колес было много, и времени на эту работу ушел целый вагон. Закончив, разогнулся, потер спину. Никого не было видно, никто не мог оценить его рвение. Тогда он снова двинулся к задку машины.

Остановившись шагах в двух перед задней двухстворчатой дверью, Милов сперва тщательно протер пучком травы задние габаритные лампы и стоп-сигналы. Затем протер номерной знак. Он, как и пломба, не был покрашен заново, то был заслуженный знак, не раз, надо полагать, использовавшийся в дороге, сейчас лишь заново привинченный. После этих вполне безвредных и совершенно правильных действий Милов позволил себе вплотную заняться запорами.

Двери были заперты на два внутренних замка, и ключи к ним должны были обладать весьма сложным профилем — судя по тому, что можно было увидеть, разглядывая замочные скважины. Владельцы транспортной колонны явно хотели застраховать грузы от чрезмерного любопытства посторонних. Вскрывать такие замки без необходимых инструментов означало бы — сразу и безвозвратно утопить себя. Милов не сомневался, что целости замков и дверей здесь уделяется особое внимание.

Милову пришлось с сожалением констатировать, что у него таких инструментов нет. Он никогда не смог бы таскать с собою всё то, что могло бы ему пригодиться в какой-то из возможных ситуаций; тогда ему пришлось бы возить объемистый сундук.

Милов ненадолго задумался, затем снова неторопливо направился к кабине, отворил дверцу, поднялся по ступенькам и уселся, чтобы начать всерьез привыкать к новому рабочему месту.

Он быстро убедился в том, что и органы управления, и приборная доска не таят в себе никаких секретов, и ему не придется в спешке догадываться о назначении какого-либо из них. О том, как ведет себя машина на ходу, каким обладает

характером, можно будет узнать только на трассе. Однако, сейчас его интересовало в первую очередь вовсе не это.

Ну, пусть, — еще там, перед запертым полуприцепом пришло ему в голову, — пусть я оказался плохо экипированным для столь специфического действия — это вовсе не означает, что и бывший обитатель кабины жил в такой же бедности; так что воспользуемся свободным временем для того, чтобы основательно исследовать кабину.

И в самом деле. До сих пор Милов успел только заглянуть в бардачок, да и то мельком, на более подробное знакомство не было ни времени, ни желания, напротив, некое чувство неудобства мешало ему рыться в барахле человека (именно человека, не технета же!), им же самим убитого. Но сейчас ему удалось справиться с собой; на войне, как на войне — в который уже раз подумал он, запуская руку под сиденье и шаря там. Стал извлекать, одну за другой, всякие интересные вещи. Инструментальную сумку, нормальную принадлежность любого автомобиля. Другую сумку — маленькую, изящную, однако тоже наполненную инструментами, только уже не слесарными, а воровскими, изготовленными, судя по виду их, профессионалом, хорошим мастером. Был в сумочке славный набор отмычек, — балерина, будра, вилочка, фильда, щучка, де — целых два незаменимых инструмента для внутреннего замка, открытая и закрытая, крестик — одним словом, умело подобранный арсенал для умелых рук, с которым в любую дверь можно войти — если, конечно, никто не помешает.

«Что же, вот это, собственно, нам и требовалось, — это нам весьма пригодится», — сказал себе Милов, продолжая тем не менее поиски. Нащупал и вытащил два рожка к «Калашникову», изоляционной лентой связанные вместе, выходами в разные стороны, чтобы побыстрее можно было поменять их во время схватки.

Милов машинально глянул на оружие, которому рожки принадлежали — оно по-прежнему находилось над головой, два пружинных зажима надежно удерживали автомат на потолке кабины, а достать его можно было одним движением руки; удобно, слов нет. Он поднял руку, прикоснулся — оружие, чистое, смазанное тонко, как полагается, готовое к бою хоть сию минуту.

«Хорошая вещь», — и на этот раз признал Милов, —

хотя лучше было бы обойтись без его применения... Время еще было, и от исследования сиденья Милов перешел к спальной полке, в задней части кабины. Под ней оказался целый склад, но не оружия уже, а носильного барахла: хороший мужской костюм, белье — по большей части еще не надеванное, в невскрытых прозрачных пакетах, такие же рубашки, современные, модные; женское белье — тоже от хорошей фирмы и не бывшее в употреблении. Похоже, не так давно где-то брали магазин, и покойный водитель не стоял от этого дела в стороне...

Да, всё это представляло бы интерес для Милова, если бы он расследовал дело об ограблении; сейчас он разглядывал барахло лишь по старой профессиональной привычке. Однако, время шло, и все меньше его оставалось для выяснения того, что сейчас действительно являлось важным. Так что пришлось все вещички засунуть туда, где они хранились до сих пор, и снова выйти из машины, прихватив с собой только те инструменты, которые, по мнению Милова, должны были сейчас пригодиться.

5

(46 часов до)

Наверное, с этим делом стоило обождать до темноты; однако, риск был бы слишком велик: конвой мог тронуться с места уже в сумерках, если, паче чаяния, пятая машина все-таки доберется сюда сегодня, и Милову пришлось бы ехать, так и не выяснив, какую именно адскую машину он везет за своей спиной, и когда следует ожидать от нее серьезных неприятностей, а также — можно ли, и каким способом можно ее обезвредить так, чтобы это не бросалось в глаза — в случае, если проверка груза все-таки произойдет. Так что придется рискнуть, пока никого еще нет...

Так он и сделал, и, похоже, никем не был замечен. Тем более, что замки открылись неожиданно быстро: инструменты покойного и впрямь оказались отличными. Приотворив дверь, Милов скользнул внутрь и запер замки за собой. Убедившись, что они защелкнулись, зажег фонарик.

— Ничего себе уха... — пробормотал он, осмотрев-

шись. — А я-то думал, что это повезут как раз на пятой машине. Выходит, что здесь у всех какие-то свои хитрости. М-да, неприятно...

Он ожидал, что здесь трудно будет повернуться: по его расчетам, почти всю внутренность фургона должен был занимать громадный контейнер с ракетой. Однако, увидел он совсем другое.

Ракеты не было. Зато, надежно принайтованные к полу, располагались четыре округлых предмета, примерно метра два на метр. Облик эти предметов был Милову хорошо знаком. Это были суперконтейнеры для перевозки боеголовок. И, надо полагать, не пустые.

По телу прошла невольная дрожь. Хотя Милов и знал, что контейнеры достаточно хорошо удерживают излучение, все же находиться рядом с ними было очень неприятно. И, наверное, вредно.

«Странно, — подумал он, медленно отступая к двери, — везти самую ответственную часть груза доверили случайному, по сути дела, постороннему водителю. Потому что ведь и покойный урка был для них человеком новым, во всяком случае — не своим».

Однако, тут же он и нашел, похоже, ответ. Чужого не жалко. Пусть облучается. Или, в случае чего — горит синим огнем...

«Ну, что же, — подумал он затем. — Сейчас я во всяком случае знаю, чего следует ожидать. Самое плохое знание лучше даже и наилучшего неведения».

Впрочем, он не был в этом совершенно уверен.

«Значит, я везу головки. А остальные, надо думать, загружены средствами доставки. Ясность достигнута. О'кей».

Вернее — удалось добиться одной ясности. Но должна быть еще и другая... Если логическая цепь, выстроенная им, соответствует действительности, то кроме суперконтейнеров здесь должно найтись и еще кое-что. Не столь объемистое, и потому не бросающееся в глаза. Совсем наоборот.

Милов медленно просканировал лучом света потолок. Нет, там все нормально. Стены. Тоже ничего лишнего.

Опустившись на колени, он стал внимательно изучать пол. В особенности под контейнерами, которые, естественно, не лежали прямо на досках, но опирались на специальные козелки. Так что под ними еще оставалось достаточно

места, чтобы поместить что-то, не очень большое. Пакет взрывчатки, например. И, конечно, взрывное устройство.

Милов нашел их. И не одно. Адское устройство помещалось под каждым контейнером. Фирма не жалела затрат, чтобы добиться полной надежности.

Ну, ладно. А каким способом они должны приводиться в действие?

Ничего, похожего на таймер, Милов не обнаружил. Зато при каждом заряде была небольшая коробочка, от которой отходил проводок. Все эти проводки потом соединялись в один. Этот общий провод шел по полу, затем поднимался по передней стенке трейлера и уходил в аккуратную дырочку в потолке. Там, наверху, на фургоне, имеется, надо полагать, антенна.

То есть, взорвать устройство действительно предполагалось по радио. Орланз знал, о чем говорил.

«Вот такие пироги», — подумал Милов, невесело усмехнувшись.

Ну, кажется, всё что можно и нужно было, он выяснил. Оставалось лишь благополучно вернуться на свое место.

Милов подошел, стараясь ступать потише, к двери, и уже собрался было отпереть первый замок; но рука замерла на полдороге.

Рядом, по ту сторону переборки, он услышал голоса.

— Да наверное гуляет, — говорил старшина конвоя. — Сказал, что ночью выспался. Машину обтер, помыл — всё в порядке вроде бы.

— Лишь бы не спал за рулем,— пробормотал второй участник разговора очень негромко. Голос показался знакомым Милову; вернее, не голос, а манера произносить слова, тембр же было не определить, потому что слова были едва слышными.

— Опытный водитель — по бумагам.

— Но и ехать придется, пожалуй, до утра. Ну ладно, у вас еще завтрашний день остается для отдыха. Зато потом придется поспешать, чтобы не повредить своему здоровью.

— Однако, шеф...

— Никаких «однако»!

На этот раз сказано было громко, и стало можно опознать говорившего без сомнений. Что Милов и сделал.

Со старшиной конвоя разговаривал Орланз, и никто другой.

Милов мысленно присвистнул, не переставая вслушиваться в продолжавшийся разговор.

— Вы уверены, что по ту сторону всё приготовят? — спросил старшина. — Надо, чтобы было серьезно. Мои шофера ведь все с Базы, и будут стараться до последнего.

— Более чем. Там не должно быть осечек. Лишь бы у вас ничего такого не произошло. Иначе...

— Иначе, — перебил Орланза старшина, — я рискую куда большим, чем вы. Я — и любой из нас.

— Да, — согласился Орланз. — Это верно.

— Так что не волнуйтесь.

— Постараюсь. — Судя по голосу, Орланз усмехнулся. — Хорошо, зайдемте еще в контору — и я поеду. Встречу вас, скорее всего, на границе.

— Нужно ли вам быть там?

— А вторая колонна?

— Я не подумал.

— Достаточно того, что подумал я.

Голоса слышались все хуже: разговаривавшие удалялись.

Милов постоял перед закрытой дверью, размышляя. Голоса тем временем стихли, и он рискнул, бесшумно отперев замки, чуть приотворить одну створку.

Ничего опасного он не заметил. И шагнул, чтобы упасть на землю прямо с машины. Почти полная гарантия, что если кто-то и выстрелит, то промажет.

Но никто не стрелял. Выждав несколько секунд, Милов поднялся. Защелкнул дверцу. С пломбой пришлось повозиться несколько минут, но инструменты помогли, и теперь заметить, что она была нарушена, можно было только при помощи увеличительного стекла.

Закончив дело, неспешно прошел вдоль машины. Глянул вверх. Самая макушка антенны возвышалась над крышей. Она почти не видна, если глядеть отсюда. Но уже с расстояния в десяток-другой метров хорошо доступна и взгляду, и, естественно, радиосигналу.

Ну, что же: картина в общих чертах ясна. А откуда будут давать сигнал? Хотя — это может быть и достаточно далеко, если передатчик обладает нужной мощностью.

Он взглянул на часы. Приближалось время связи.

Уже не скрываясь, он распахнул дверцу, влез в кабину. Уселся. И только тут почувствовал, до чего устал противной нервной усталостью, от которой дрожат руки и одолевает желание закрыть глаза и ничего не делать.

Он посидел в неподвижности минуты две. Потом вытащил из своей сумки рацию; конечно, оставлять ее так было крайне неосторожным. Но — пронесло. От замка зажигания отсоединил два провода и подключил их к клеммам рации. Через стекла оглядел окрестность. Ничто вроде бы не угрожало. Он приложил наушник к уху и включил аппарат.

6

(45 часов до)

Слышимость была вполне приличной.

Милов говорил в микрофон раздельно, словно диктуя; открытым текстом — шифровать было некогда.

— Необходима инструкция. Нужно нейтрализовать радиовзрыватели. Мне не приходилось работать с ними в последние годы.

— Единственное, что можем посоветовать в этой обстановке — устранить антенны.

— Это заметят: они на виду.

— Или снять и выбросить сами устройства.

— Они подстрахованы. Нужен специалист.

— Тогда только антенны. Но может быть, специалист найдется в команде?

— Я рассчитываю на это, но не уверен. Сейчас буду разговаривать с ними. Есть опасность, что сигнал у них поставлен на автомат. А задержка на сутки не предусматривалась.

— Подумайте. Может быть, отменить задержку? Тогда у вас останется время, чтобы задействовать специалиста из команды.

— Хорошо. Я подумаю. У меня пока все.

— Конец связи.

Милов передохнул несколько минут — он использовал их, чтобы высунуться из кабины и скользнуть взглядом по поляне. Вроде бы пока никто не подслушивал.

На очереди была Леста.

— Как дела с машиной?

— Водитель устранен. Ищут нового.

— Подставляй человека из команды. И устраните неисправность.

— Есть изменения?

— Выезжайте сразу же. Люди уместятся в прицепе?

— Будет тесновато, но терпеть можно. Что потом?

— Остальное они будут знать сами. Твое дело — доставить их. Они не знают местности.

— Понятно.

— Это всё.

— Всё? — после паузы прозвучало в телефонах.

— Нет, — сказал он. — Не всё. Но остальное скажу, когда увидимся. Надеюсь на тебя... Конец связи.

Милов выключил рацию, отключил от аккумулятора, сунул в сумку. Сумку уложил сзади — рядом с краденными рубашками и лифчиками. Откинулся на спинку. Всё, что можно было сделать — сделано.

Так или иначе — теперь можно спокойно дожидаться старта.

Глава двенадцатая

1

(20 часов до)

Дорога была нехорошей: ухабистая, извилистая — одни виражи, узкая и — в низких местах — сырая, того и гляди — забуксуешь. Все силы и все старание Милов прилагал к тому, чтобы сохранять дистанцию от шедшей впереди машины и не подставляться следовавшей позади; в колонне он шел предпоследним. Включенные на ближний свет фары озаряли только небольшую часть дороги, так что приготовиться к возможным неожиданностям не оставалось времени, тем более, что передние трейлеры шли прытко — вероятно, трасса эта была их водителям достаточно хорошо знакома. Трудно было еще и потому, что Милов уже и не помнил, когда в последний раз садился за руль грузовика; во всяком случае, давно это было, очень давно. Однако, по-

казывать слабину он не собирался. Хотя сию минуту его с машины уже вряд ли сняли бы, даже и заподозрив в недостаточной квалификации.

Ночной лес из машины казался совсем другим, чем тогда, когда Милов пробирался по нему, даже не очень далеко отсюда, стремясь увернуться от предстоящего прочесывания. Сейчас казалось, что было это если не годы, то во всяком случае месяцы назад; и даже не здесь, а в каких-то совсем других местах — во всяком случае, Милов из окна кабины тут, даже когда удавалось оглядеться по сторонам, не мог заметить ничего такого, что говорило бы ему о происходивших здесь событиях, связанных со стрельбой, с опасностью для жизни, с умиравшим в глубокой заброшенной шахте человеком. Всё тут казалось растворенным в ночном покое, и нужно было постоянно напоминать себе, что — во всяком случае, для него — это оставалось лишь видимостью, а совсем близко, за какой-то невидимой гранью, поджидала настоящая опасность.

Милов думал об этом каким-то уголком мозга, пока вся остальная мощность мыслительного аппарата расходовалась на то, чтобы вовремя вывернуть баранку, переключить скорость и прибавить или наоборот, сбросить газ. До настоящего шоферского автоматизма было еще далеко, все-таки, пусть это был и «Мерседес», но тягач, а не послушный и легкий на ходу лимузин с автоматической коробкой. Тут зевать не приходилось — и все-таки нашелся в голове и свободный уголок, который впору оказалось загрузить несколько более отвлеченными рассуждениями.

В частности, очень полезным было бы как можно раньше определить место того самого окна на границе, к которому они направлялись. И не ради теоретического интереса; там, на месте предстоявшего действия, счет времени несомненно будет идти на минуты, и большое значение имело, как скоро окажутся на нужном месте пограничники и другие силы, которые должны были участвовать в операции с восточной стороны.

Район, определенный Миловым предварительно, был достаточно обширным, и если даже пользоваться машинами, перебросить группу с одного его конца на другой потребовало бы немало минут — если только не часов. А их никто не мог дать сверх необходимого минимума. Насколько Ми-

лов мог судить по общему направлению дороги (многочисленные повороты в общем уравновешивали друг друга, это он понял уже спустя первые полчаса езды), их колонна продвигалась не прямо на восток, но несколько уклоняясь к югу. В этом ничего странного не было: на своей территории люди имеют полное право двигаться, как им заблагорассудится: хоть к границе, хоть от нее или же по какой-то рокаде — вдоль. Так что вроде бы все было в порядке, и пока что задумываться над маршрутом не стоило. Все равно дорога приведет к нужной цели.

И однако. Вызвав в свободном уголке памяти карту той местности, в которой они сейчас находились, Милов без труда обнаружил, что не так уж далеко в том же направлении — к границе, к официальным контрольно-пропускным пунктам с пограничниками, таможней и всем прочим — вели самое малое две неплохих автомобильных дороги, по которым можно было катить с нормальной скоростью, а не как тут — то и дело переходя на вторую и даже на первую передачу. Расстояние до северного ли, до южного ли шоссе было — если, конечно, ехать, а не идти пешком — настолько незначительным, что никакой экономией времени нельзя было объяснить пристрастие к лесным узким просекам, где деревья порой чуть ли не бросались под колеса, неожиданно вывертываясь за очередным виражом. То же самое можно было сказать и о расходе топлива: тут его сгорало, пожалуй, вдвое больше, чем при нормальной езде.

Собственно, в этом ничего странного не было: конвой направлялся туда, где его меньше всего могли ждать люди, непричастные к операции. Но сейчас память подсказывала Милову, что дорога уводит их туда, куда вроде бы совершенно не должна была. Потому что — помнил он — именно в промежутке между обеими автомобильными дорогами располагалось обширное и топкое болото, через которое и пешком мог перебраться только редкий знаток местной топографии; а уж о тяжеленных машинах и говорить не приходилось. Граница пересекала болото почти посредине, так что если его сделали проходимым, работы должны были вестись с обеих сторон — Милову же об этом ничего известно не было. Конечно, никто вроде бы и не был обязан информировать его обо всех переменах, происходивших на запад-

ной границе, тем не менее он почему-то считал, что если бы об этих изменениях знали, то его своевременно предупредили бы.

Это вовсе не было чисто теоретическим рассуждением. Если бы убедиться в том, что болотный переход действительно существует, он мог бы тут же, не выходя из машины, сообщить по радио уже о гораздо более узком районе предполагаемого перехода границы; тогда встретить их наверняка успели бы. Конечно, риск в таком действии был заключен немалый: эфир тут мог прослушиваться — хотя бы из головной машины, да и кроме того, Милов вовсе не был уверен в том, что еще какие-то группы — то ли Базы, то ли Орланза, а может быть, и те, и другие — сопровождают их на небольшом расстоянии, чтобы в нужный момент (если он наступит) вмешаться в ход событий. Относительно Орланза он был даже совершенно уверен: не зря же старик обещал старшине конвоя встретиться на границе. И если Орланз не хитрил, говоря, что местоположение этого резервного окна ему неизвестно, то для него и не оставалось другого выхода, как следовать за конвоем чуть ли не в пределах прямой видимости. Да, выходить на связь было сейчас опасно. Однако, будь у Милова полная уверенность, и на такой риск он пошел бы; но не существовало никакой гарантии в том, что они и в самом деле намерены форсировать болото; скорее можно было предположить, что свернут в нужную минуту и станут огибать его по самой кромке, чтобы уже в непосредственной близости от границы вновь повернуть в нужном направлении. Так что такое заблаговременное предупреждение могло на деле оказаться дезинформацией, и, как знать, может быть, в числе прочих обстоятельств и это учитывалось организаторами операции.

Не без труда вписавшись непривычно длинным корпусом машины в крутой поворот, Милов приготовился было поразмышлять и над этим — но тут же распростился с этим намерением: деревья, до сих пор сжимавшие дорогу с обеих сторон, вдруг исчезли, как если бы кто-то сведущий произнес необходимое заклинание; и одновременно впереди идущая машина зажгла яркие стоп-сигналы, так что пришлось не мешкая жать на тормоз. Колонна остановилась. Сперва Милову показалось, что они выехали на поляну — однако, приотворив дверцу и высунувшись, он понял, что

не просто поляна это была; тут самое время было — крепко выругать себя за неверный расчет времени: он рассчитывал, что до кромки болота им добираться еще самое малое полчаса, оказалось же, что это оно и было, приятное для взгляда, но губительное для путника. Болото расстилалось перед конвоем; и дорога, не сворачивая никуда, словно бы ныряла в него и исчезала. Вернувшись на место, Милов глянул на спидометр, прикинул и понял, что не память ухитрилась подвести его, но обмануло ощущение времени. С километражем было всё в порядке, однако, занятый процессом вождения, он просто забыл (непростительно, конечно) сверить часы на панели со своими, и время выезда он засек по своим, а в дороге отмечал время по автомобильным — так что на самом деле они были в пути дольше, чем ему казалось, примерно на те самые полчаса, которые, как он рассчитывал, оставались еще у него в запасе. Впрочем, с этим ничего уже нельзя было поделать. И выходить в эфир сию минуту никак нельзя было: раз конвой остановился — значит, можно было — и следовало — ожидать каких-то осложнений.

Вообще-то неожиданностью можно было считать уже то, что их тут никто не встретил. Нельзя пускаться в путь через болото (а сейчас Милов уже был уверен, что именно так они и двинутся) без надежных проводников. Нет, проводники обязательно должны были быть.

«Ну, а если их так и не окажется? — подумал он. — Что тогда предпримут с опасным грузом его вороватые хозяева? Не бросят же тут! Может быть, игра пойдет уже по какому-то другому сценарию, и, обождав какое-то время, конвой вынужден будет развернуться и тронуться в обратный путь? Потому что вряд ли кто-либо решится оставить ракеты здесь надолго — в век спутниковой разведки и всяких прочих средств обнаружения».

Милов стал уже прикидывать, как будет действовать, когда понадобится разворачивать неповоротливую махину на узкой дороге.

Но такой возможный поворот событий никакого энтузиазма в нем не вызывал. Хорошо, предположим, конвой задержится здесь на какое-то время. База немного помедлит со своей провокацией. Однако, у них — свои расчеты, а у Милова — свои и, к сожалению, намного более страшные.

Потому что предпримет База что-нибудь или нет — но ракетам осталось жить (он взглянул на часы) — да, уже меньше двадцати часов. Плюс-минус, как было в свое время ему сказано; однако, скорее минус, чем плюс. Единственное, на что еще можно будет надеяться при таком повороте событий — это команда с тренером во главе, неведомо для конвойского начальства трясущаяся сейчас в последнем, пятом трейлере, наконец-то прибывшем из Круга несколько часов тому назад. Если тут сорвется — придется с помощью команды захватывать машины, поворачивать, выскакивать на одну из двух автодорог и гнать к официальному чек-пойнту, подвергая груз и самих себя опасности обстрела. Кстати, в программе действий команды такой демарш не предусматривался, и придется им еще доказывать, что операция действительно необходима. Удастся ли еще доказать? Воистину, сильно подвела его База!

«Вот сукины дети, — подумал он не с досадой даже, а с какой-то в общем не свойственной ему растерянностью. — Даже такую мелочь организовать не могут толком, как элементарный переход границы. В шею гнать за такую работу!..»

2

(18 часов до)

Однако, в последнем он ошибся — и тут же признал свою неправоту. Люди у болота, как оказалось, все же были. Просто до поры, до времени они укрывались в лесу, сбоку от дороги, здесь же, прямо напротив машин. И не сразу показались, а лишь выждав несколько минут — для того, наверное, чтобы убедиться, что все тихо и спокойно, и ни с той, ни с другой стороны никто не спешит, чтобы помешать и ожидавшим, и прибывшим заниматься своим делом.

Дело же, надо полагать, только начиналось. Так подумал Милов. И на сей раз не ошибся.

Четыре человека, вышедшие из леса, на несколько секунд остановились под деревьями. Один из них помигал фонариком. В ответ первая машина на долю секунды вклю-

чила дальний свет — и тут же еще раз, и еще один. Тогда четверо приблизились, разделившись: каждый направился к одной из машин. Милов напрягся. Но, стараясь внешне никак не показать этого, перегнулся на сиденье и отворил правую дверцу, ожидая, что приближавшийся к его машине человек займет место рядом с водителем.

Тот, однако, обошел машину спереди и уверенным движением, поднявшись на ступеньку, распахнул дверцу слева.

— Ну давай, что же ты? — проговорил он сердито. — Двигайся!

Только тут Милов понял, что от него требовалось; но и поняв, отодвинулся не сразу, промедлил еще с полсекунды: так поразило его то, что человек этот заговорил с ним по-русски.

— Там, у себя, поедешь, — кратко пояснил ему российский шофер. Он не прибавил ничего больше, но Милову почудилось, что в самом тоне, каким эти немногие слова были сказаны, заключался весьма определенный смысл: «Ты, кукла, можешь там, по своей Технеции раскатывать, как угодно, а здесь — Россия, и здесь тебе за баранкой — на нашей дороге — делать вовсе нечего...»

— Не тяни резину! Ехать пора!..

И в самом деле — на остальных машинах уже зашумели моторы. Милов отодвинулся, и встречавший сел за руль. Включая стартер, покосился на Милова.

— Новичок?

Милов только кивнул. Он боялся, что если сейчас начнет отвечать по-русски, то у него не получится нужного акцента. Но разговаривать ему не пришлось: человек за рулем больше ни о чем не стал спрашивать, Милов его, надо полагать, не интересовал совершенно. Стоявшая впереди машина уже тронулась, и новый водитель, позволив ей отдалиться метров на пятнадцать, включил скорость и отпустил сцепление. Милову оставалось только смотреть; ну, и запоминать, естественно.

Он предполагал, что в последний миг они свернут всё-таки и поползут по твердой земле вдоль болота. Но ничего похожего: головная машина уверенно, хотя и не быстро, двигалась прямо к обманчивому простору. Остальные без задержек следовали за ней. Вскоре к ровному, низкому гудению моторов присоединился новый звук. Милов не сразу

опознал его; то был легкий плеск воды, тяжелой болотной жидкости. Вскоре он послышался и под его машиной. Форсировали болото. Теперь можно было без труда понять, почему окно через границу по сей день существовало, никем из властей не обнаруженное: болото по традиции почиталось непроходимым, да и теперь еще (вдруг вспомнил Милов имевшуюся у него информацию) в нем тонули и люди, и скот время от времени. А машины вот шли.

Он высунул голову в окошко кабины, глянул вниз. Колеса были в воде выше ступицы; однако, этот уровень практически был для грузовиков безопасным, и, как понял Милов, более не понижался. И колеса под водой катились по чему-то твердому, им не приходилось преодолевать сопротивление вязкого, илистого дна — а только таким оно и могло здесь быть; значит, дорога существовала — твердая, хорошая, не грунтовая. конечно, а выложенная, скорее всего, тяжелыми бетонными плитами (Милов понял это по ритмически повторявшимся легким сотрясениям, когда машина проезжала стыки плит) — только тракт этот был подводным, и сверху установить его было нельзя, да и легковая машина тут неизбежно увязла бы; доступ же местного населения к этим местам был наверняка ограничен — да и вообще близ границ живет как правило народ не болтливый — все равно, люди то или технеты: среда обитания формирует нравы и обычаи.

Милов снова поднял стекло. Водитель, не отрывая глаз от поверхности болота, неизвестно каким образом угадывая дорогу (она была близка к прямой, но все же временами приходилось работать баранкой), сказал Милову:

— Боязно?

И сам же ответил:

— Без привычки — конечно. Но если напрактиковаться, то просто.

— Да, — согласился Милов, следя за акцентом. — Страшновато. Но, надо думать, окупается?

Шофер покосился на него, но отвечать не стал.

Больше они не разговаривали. Вокруг лежала темнота, машины шли без огней, даже габариты были выключены. Но, видимо, у здешних водителей опыт был действительно немалым: ни одна машина не съехала с дороги, даже не

замедлила ход, и конвой метр за метром преодолевал опасное место не менее уверенно, пожалуй, чем если бы двигался по сухому асфальту. Конечно, — подумал Милов, — груз тяжелый, резина не старая, так что сцепление с дорогой надежное. И все же хотелось бы миновать это местечко побыстрее. Хотя по ту его сторону ничего хорошего не ждет: наши могут сейчас находиться где угодно — только там, где конвой вынырнет, их точно не окажется.

Он не мог бы сказать, в какой именно миг они перевалили через границу; на болоте она никак не была обозначена, хотя специалисты наверное определили бы ее достаточно точно. Путь через водную преграду занял сорок с небольшим минут, так что к концу Милов уже и не волновался совершенно: привык, поверил, что путь безопасен — хотя не очень представлял себе, что было бы, окажись он сам в это время за рулем. Он понял также, что назад — если придется — сам он машину вряд ли проведет; на обратном пути тоже понадобится помощь. Вот будет ли она — другой разговор.

Или, может быть, все-таки не понадобится?..

Занятый этими мыслями, он даже не уловил мгновения, когда плеск под колесами утих — они снова оказались на твердой земле, куда дорога исправно выбежала из непрозрачной воды, покрытой всяческой болотной растительностью.

3

(17 часов до)

На миг у него сжалось сердце. Позади болото, а вот тут уже лежит своя страна. Несколько шагов буквально. Сейчас, среди ночи — пустяк для человека, которому не однажды приходилось уже преодолевать и не такие рубежи...

И ему стало жалко на несколько мгновений, искренне жалко, что он не может сейчас воспользоваться столь удобным случаем. Потому что вовсе не затем оказался здесь, чтобы возвращаться с пустыми руками, не оправдав даже того керосина, что был израсходован, чтобы доставить в нужное место взорвавшийся в воздухе самолет; не оправдав

нервов и жизней даже, потребовавшихся, чтобы он оказался там — по соседству с границей России.

С глухой, непроницаемой границей. Что она именно такова, свидетельствовал, казалось бы, весь предшествовавший опыт.

А вот опыт сиюминутный не менее убедительно говорил: да какая же она непроницаемая, какая же она глухая, эта граница, если вот тебе сразу за болотом начинается тщательно расчищенная просека, какая осталась и на той стороне, технетской, а за просекой, в отдаленной ее части, притерпевшийся уже к неверному свету глаз явственно различает, что дорога, точно такая же, как и та, по которой конвой из четырех трейлеров прибыл сюда, продолжается и по эту сторону границы: черным пятном в монолитной на первый взгляд стене деревьев кажется въезд на ту часть лесного грейдера, что бежит уже по территории России. Одним словом, все, как на ладони — и никакой таможни, никакого инспектора, ни одного пограничника... Полное безлюдье — если не считать тех, кто прибыл вместе с машинами.

Машина медленно, дрогнув, переползла через последний стык плит, пересекла просеку и снова оказалась в лесу, ничем не отличавшемся от того, что остался по технетскую сторону границы. Ничем — кроме разве сознания, что здесь уже Россия была, совсем другая страна.

Дорога все так же петляла, деревья так же стискивали ее, и таким же — чистым и сыроватым — был ночной воздух. И все-таки Милову казалось, что все не такое здесь, все другое — даже звездное мерцание, местами пробивавшееся сквозь кроны деревьев.

«Просто я давно не был в России, — подумал он в поисках оправдания, чтобы не заподозрить себя в сентиментальности, которой вроде бы никогда не страдал. — Слишком долго, пожалуй. Москва ведь не совсем Россия. Вот закончим это дело, возьму отпуск — самое малое на месяц — и уж никуда больше, ни на какие Багамы, а только сюда. Ну, не буквально сюда, конечно, но в наши, российские широты».

Размышляя так, он не забывал все-таки ненавязчиво поглядывать на спидометр: для будущего полезно было узнать, на сколько же караван углубится на чужую для

технетов территорию, так и не встретив никаких представителей власти, коим положено обеспечивать неприкосновенность государственных рубежей. Три километра уже проползли. Три с половиной...

Место назначения оказалось на исходе четвертого километра. На этот раз они выехали действительно на поляну. И не просто на поляну, а оснащенную некоторыми техническими удобствами.

Здесь, на нужном расстоянии друг от друга, из толстых бревен, наверняка тут же и вырубленных, были сооружены мощные козлы — попарно. И в каждой паре одни козлы были свободными, а на вторые опирался передней частью полуприцеп — совершенно такой же, как и те, что доставили сюда четыре машины каравана. Таких сооружений Милов насчитал пять пар, из них сейчас были заняты четыре, и каждая из пришедших машин направилась к одной из этих пар. Милов порадовался про себя тому, что не он сейчас находился за рулем: не настолько большим был его опыт вождения грузовиков, чтобы быстро и правильно развернуть машину и подать ее точно на нужное место. Чужой же водитель сделал это без всякого труда.

Все было организовано целесообразнее и проще, чем думалось Милову. Никто не стал перегружать грузы, какими бы они ни были, из одного трейлера в другой. Просто приведенные сюда из Технеции полуприцепы должны были, отсоединив от тягачей, оставить на пустовавших в каждой паре козлах. После этого тягачам предстояло, совершив простенький маневр, заехать рамой под те прицепы, что уже стояли здесь в ожидании перевозки, после чего отправиться в обратный путь к себе домой. Прицепы же с ракетами, получив новые тягачи — те самые, что привезли сюда уже ожидавшие переправки грузы и теперь ожидавшие своей очереди в сторонке, — тронутся (по официальной версии) в далекий путь уже по российским дорогам, на самом же деле через какое-то время получат по радио сигнал — и взлетят на воздух... Но об этом никто не знал.

Да, технология тут была отработана. Для умелых и снаряженных всем нужным людей не составляло труда, приподняв сильным домкратом переднюю часть прицепа, затем опустить ее на седло тягача и закрепить. Вот и вся работа.

Еще несколько минут прошло, пока старший караван-

на — водитель передней машины — и один из людей, встретивших транспорт здесь, на поляне, забравшись в кабину и включив плафон, просмотрели какие-то бумаги и обменялись ими. Надо полагать, подобная система перевозок существовала уже достаточно давно — наверное, целые годы, так что было время все проверить и отладить. И при этом в России еще оставалось что-то, что можно было вывозить...

«Нет, воистину я другой такой страны не знаю», — невольно повторил Милов далеко не свежую мысль.

Снова перемигнулись фонарики, а когда они погасли, из леса показалось еще несколько человек. Немедля они принялись за дело.

Как помнилось Милову из услышанного разговора, по первому сценарию — по плану Базы — люди эти должны были сразу же отсоединить привезенные полуприцепы с ракетами, и вместо них закрепить на тягачах конвоя те, что ожидали здесь обратного перехода границы; в них, надо полагать, была простая контрабанда, надо думать — тот же цветной металлолом. Впрочем, не только он: один из здешних полуприцепов оказался цистерной; вероятно, через границу шел и бензин. Нормальная вроде бы, привычная контрабанда.

Однако, Милов не смог вмешаться в игру; он не успел предупредить российскую сторону о месте перехода границы. И теперь вроде бы никто не мог более помешать Базе осуществить свой вариант.

Тем не менее, получилось не совсем так.

Люди, встретившие конвой здесь, еще не успели ничего предпринять, как погруженная в темноту поляна вдруг неожиданно и странно посветлела — как будто наступил внеочередной и стремительный рассвет.

4

(15 часов до)

То были осветительные ракеты, вспыхнувшие высоко в ночном небе и теперь медленно снижавшиеся на парашютах.

Все на поляне замерли. И в наступившем внезапно без-

молвии все услышали недалекое рычание мощных моторов. Оно приближалось не со стороны границы, а из глубины российского пространства.

«Значит, все-таки... — подумал Милов. — Я не смог сориентировать, но кто-то постарался. Подсуетился. Кто-то, кому известно было, где произойдет переход. И кто очень не хотел, чтобы ракеты ушли на восток. Орланз?.. Еще кто-то, пытающийся сорвать чреватую многими и многими опасностями провокацию Базы?»

Сейчас не время было размышлять об этом. Обстановка изменялась с каждой секундой, и надо было быстро принимать решения и выполнять их. Но еще неясно было — что предпримет конвой, оказавшись в непосредственной опасности захвата. Однако, так ли важно для Базы, произойдет взрыв с выбросом радиоактивных материалов несколькими десятками километров ближе или дальше от границы? Так или иначе, тут была уже российская территория... Для жителей этих мест, разумеется, это небезразлично; но кто и когда считался с мнением жителей? К тому же — чужой и не очень дружественной страны?

Шум всё приближался; шум, какой неизбежно издают открыто наступающие части. Гул моторов. Треск подминаемых кустов. Громко отдаваемые команды. А вот уже и первые выстрелы раздались. Пока, надо полагать, не прицельные, не на поражение, а для психического воздействия: пули просвистывали где-то высоко. Но это могло означать, что до настоящей схватки остаются считанные секунды. Конечно, никакой схватки не будет, если конвой побежит, а обслуга рассеется в лесу так же мгновенно и неслышно, как из него возникла. Не прольется кровь и в том случае, если атакованные поднимут руки, не пытаясь применить оружие. Люди, — в этом Милов был совершенно уверен, — избрали бы один из этих двух вариантов. Ну, а технеты?..

Так или иначе, он выпростал из зажимов на потолке автомат. Примкнул магазин. Мало ли что может случиться...

Мимо него пробежал старшина. Остановился на мгновение.

— Ты готов?

Милов не стал спрашивать — к чему надо было приготовиться. Если бы речь шла об отступлении, старшина при-

казал бы сесть за руль. Этого не было сказано. Технетский вариант...

И все же он воспользовался этими секундами:

— Старшина! Надо уезжать.

Тот глянул яростными глазами.

— Технеты не побегут перед этими... Давно мы не дрались с ними. Пришла наконец пора...

— Нас перебьют!

— Их не так уж много. И мы лучше стреляем.

— Они будут стрелять по машинам. Всё разнесет, никто не уцелеет! Ты ведь знаешь сам...

— Наплевать! — бросил старшина перед тем, как бежать дальше, к остальным машинам. — Бери побольше патронов! И — вперед, — он махнул рукой, указывая направление, — в цепь! Сейчас веселая жизнь начнется, парень! Мы им покажем — за всё, что было...

Он вдруг исчез из глаз: ракеты в небе наконец догорели, тяжело упала мгла. Только слышалось чавканье шагов по сырой земле. Судя по действиям технетов, у них заранее, быть может — с начала существования этого окна, была разработана система обороны — может быть, и позиции подготовлены. Бой может оказаться продолжительным. И с каждой минутой будет всё увеличиваться возможность уничтожения груза — теми, кто может послать радиокоманду на взрыв всех машин вместе с их неприятным содержимым. И с еще менее приятными последствиями.

«Ну, что же, — решил Милов. — Придется-таки играть по моему сценарию. По моему, к сожалению, совершенно не разработанному. Специалист, ты почему-то не учел одного: это же не люди все-таки, а технеты. Не столь уважительно относящиеся к жизни — любой, в том числе и своей собственной. И там, где люди предпочли бы отступить, технеты идут в атаку. Очертя голову. Бесхитростно. Однако, может быть, вовсе не бессмысленно. Значит, надо спасать ракеты от взрыва — и спасаться самим. Незамедлительно. Пока пули летают еще где-то в верхних лесных этажах. Ну ладно — нажмем на свои рычаги...»

Снова обвалом посветлело: вспыхнули новые ракеты. Милов, изготовив на всякий случай автомат, широко зашагал вдоль машин. Кабины их опустели; водители, вооруженные и веселые, были уже где-то на пути к лесу. Милов

покосился вправо вверх — туда, где, сейчас не заметная в темноте, возвышалась макушка релейной линии, давно уже не использовавшейся. Наверное, оттуда нужно было ожидать импульса, который поднимет на воздух все машины — и всех, кто окажется вблизи. Его самого, в частности. Но не только его одного.

Он миновал третью машину.

«Болото, — думал он. — Конечно, дичайший риск — лезть в болото без надежного проводника. Но проводники сейчас все там, готовятся к бою. Единственный, кто остался здесь и кто если и не рулил через трясину, то хотя бы наблюдал за ее форсированием — это я сам. Но за рулем мне этой дороги не осилить. Единственное, что я смогу — это идти перед колонной, по пояс в воде, нащупывая дорогу. Иначе мы все утопим. А этого делать нельзя. Потому что те, кто построил дорогу, смогут и вытащить из болота если не машины, то хотя бы груз. Или взорвут его прямо так. Им-то все равно — было бы побольше шума».

Он поравнялся с последней машиной — пятой, той, что нагнала их в Лесном поселке. Кабина тоже казалась пустой, но Милова это не обмануло. Проходя, он лишь стукнул в дверцу и протрусил дальше, вдоль прицепа. Остановился перед торцовой его дверью. Стукнул в дверь прикладом. Окликнул по-английски:

— Командир, вы в порядке?

В ответ дверь распахнулась — мгновенно, словно внутри только и ждали его прихода. Да собственно, так оно и было.

— Всё олл-райт, — проговорил сверху тренер команды. — Что надо делать? Мы готовы.

— Всем вылезать!

Капитан скомандовал, и люди — экипаж вперемешку с квази-футболистами — запрыгали из фургона.

— Судя по звукам, там весело, — сказал тренер. — Нам туда?

— Нет, — Милов мотнул головой. — Мы в России, командир. А российских виз у вас нет. Засвечиваться не к чему.

— Понятно, — сказал тренер.

— Уводим конвой. Лучших водителей — за руль. Я по-

еду в головной машине, дальше объясню на ходу. Надо спешить. Вырвемся на хай-вэй...

— Похоже, — сказал приблизившийся Джордан, — что схватка приблизится сюда не скоро.

— Дело не в них. Машины могут взорвать в любой момент. Это сейчас главная опасность. У вас есть специалисты по взрывным устройствам?

— Таких, каким платили бы большие деньги, нет — да они с нами и не поехали бы, — сказал капитан. — Но в пределах четырех правил арифметики мы все разбираемся.

— Вскрывайте трейлеры. Работать придется на ходу. Дело, по сути, несложное: перекусить провода, что идут внутри с внешней антенны к зарядам. Самими зарядами можно будет заняться потом. Там могут оказаться и какие-нибудь дублирующие системы — с таймером, например; электронный таймер на батарейках на слух не определяется, но если они и работают, то у нас должно оставаться еще часа два времени. А вот радио...

— Разжевывать будем потом, — решительно прервал его командир самолета. — Гилбрайд, Майелл, Тикстон, Уидер — за руль, на первой — Джордан, я рядом. Боровски, Шерер, Маттиоли, Рикер, Тривз — заряды. Остальным рассредоточиться по кабинам и трейлерам, сержанты по кабинам. Женщина... Где женщина?

— Здесь, — сказал Милов. — Возле меня. — Он протянул руку, чтобы коснуться Лесты.

— Тогда это ваша проблема. Ожидается преследование?

— Если вовремя спохватятся.

— Ясно. Стрелки — в концевой прицеп, оружие к бою, в случае надобности — огонь на поражение. Выполнять!

Возникла короткая суета. Милов обнял Лесту за плечи.

— Устала?

Она не ответила. Милов прикоснулся губами к ее волосам.

— Не надо, — сказала она. — Грязные волосы.

— Ванна будет вскорости, — усмехнулся Милов. — Спасибо за то, что не подвела.

— Все прошло нормально, — сказала Леста.

— Сейчас — в кабину, в первую машину, рядом с командиром.

— А ты?

— Рядом с тобой — до поры до времени и несколько позже. Спешим!

Один за другим, уже просыпались моторы. И, очень кстати, догорела и вторая очередь ракет.

5

(14 часов до)

Тут, наверное, тоже сказалась разница между технетским и человеческим мышлением, — думал Милов, зажатый между Лестой и правой дверцей машины. — Люди непременно оставили бы охрану у машин. Технеты же кинулись в драку. И — в первые минуты, во всяком случае — не сообразили, что ценный груз, предмет всей стычки, уплывает в обратном направлении...

Этих минут хватило конвою, чтобы добраться до болота. Ехали без огней, но командир вел головную машину уверенно — привык, надо думать, к слепым полетам. Да и полной темноты все же не было, где-то на востоке уже зарождался рассвет. У самой кромки трясины командир затормозил.

— Тут я не столь уверен, — сказал он. — Поведете сами? Я эту часть пути воспринимал только слухом.

— Поведу, — сказал Милов. — Только не совсем так, как вы думаете.

Он вылез из машины. Стащил куртку.

— Моя рубашка может еще считаться белой, — сказал он.

— Разве что в темноте, — ухмыльнулся командир.

— Она — ориентир для вас. Я пойду направляющим.

— Не скажу, чтобы я вам завидовал.

— Моя мама тоже не желала мне такой судьбы, — проговорил Милов прежде, чем ступить в холодную и грязную жижу. Делать это очень не хотелось. Он опустил в воду длинный прут, которым собирался пользоваться, как слепец — тростью.

— Держитесь футах в пятнадцати, — посоветовал он. — Если что — связь голосом, сигналить нельзя. Черт знает, что тут может оказаться по соседству.

— У меня хороший голос, — ответил командир, захлопнул дверцу и опустил свое стекло. Высунул голову.

— Я готов.

Милов тронулся, расталкивая жижу лодыжками. Коленями. Бедрами. Когда он оказался по пояс в воде, уровень перестал повышаться.

Брести было тяжело и противно. Хотя нога успела уже оправиться от тогдашнего ушиба — сейчас, в холоде и сырости, снова заныла. И точно так же, как тогда в шахте, Милову вскоре стало казаться, что болото это бесконечно; так и придется тащиться до исхода дней — а может быть, и после. Он не оглядывался; слышал, что машины не отстают. Правда, это мог услышать и кто-нибудь другой, кому вовсе не следовало знать, что конвой крадучись возвращается к местам старта. Однако, Милов не без оснований полагал, что эти-то места они минуют без особых осложнений, зато на твердой земле их могут ожидать всяческие сюрпризы. Или даже не очень сюрпризы: Орланз, например, наверняка где-то неподалеку ожидает доказательств того, что игра пошла уже по его правилам.

Собственно, внешне оно так и было. Хотя относительно ее дальнейшего развития у него были свои предположения.

«Надо бы связаться с нашими по ту сторону границы, — думал он, когда по расчету времени выходило, что они снова оказались на технетской территории. — Однако, даже когда я вернусь в кабину (это казалось ему сейчас верхом блаженства: в кабине было хотя бы сухо и тепло), этого сделать не удастся: командир самолета — прекрасный мужик, но и ему следует знать далеко не все обетоятельства. Он делает свое дело, и в конце концов, его начальство получит то, ради чего заварило всю эту кашу; однако, у меня есть еще и свои дела — у меня и Лесты, и это пусть остается нашей маленькой тайной. К тому же, тот шум, что поднялся сейчас по ту сторону границы, нам даже наруку: все взгляды обращены сейчас туда, а мы тем временем...»

В этих размышлениях он даже не сразу обратил внимание на то, что зеленая бурда колыхалась уже не у пояса, а где-то чуть выше колен: дорога стала повышаться, и значит, суша была уже где-то рукой подать. Или, точнее — ногой.

Он преодолел искушение ускорить шаг: самым глупым было бы — утопить хотя бы одну из машин здесь, уже преодолев препятствие. А поторопиться очень хотелось — еще и потому, что работавшие на первой-второй передаче машины сильно обогащали воздух соляровым перегаром — а ветер, обгоняя конвой, нес эту гадость прямо на Милова, почему-то прижимая ее к поверхности, хотя глушители у тягачей были выведены к крыше. Ветер дул в спину — восточный ветер, как и было предсказано (и на этот раз безошибочно) бравыми метеорологами.

Наконец, болото осталось позади. Милов отошел в сторону и, стараясь отжать как можно больше воды из брюк, пропустил мимо все пять машин. Нет, по дороге ничего не было потеряно. Милов поглядел вслед концевому трейлеру; дверцы прицепа были распахнуты, два стрелка сидели, свесив ноги. Тлел огонек сигареты. Милов в два прыжка догнал машину.

— С ума сошли! — прокричал он тихо. — Решили взлететь без самолета? Внутри взрывчатка...

— Всё о'кей, — отозвался куривший. — Ребята разобрались. Теперь из нее можно лепить бюст того, кто ее укладывал. При случае покажите нам его.

У Милова отлегло от сердца.

— Договорились, — согласился он. — В таком случае, бросьте сигарету и мне.

Сидевший достал сигарету, прикурил от своей и передал Милову, все еще шагавшему за прицепом — чтобы согреться. Милов взял сигарету и чуть не налетел на остановившийся вдруг прицеп. Командир, видимо, рассчитал, что и последняя машина успела выбраться на твердь земную, и остановил конвой, чтобы получить новые указания.

— Спасибо, — поблагодарил стрелка Милов и затрусил к головной машине. В башмаках противно хлюпало.

— Дальше поведу я, — сказал он, добравшись до первого тягача.

— Очень хорошо, — согласился командир. — Не люблю столкновений с дорожной полицией. — Он подвинулся, оттесняя Лесту к правой дверце.

Милов взобрался на водительское место и включил мотор.

6

(13 часов до)

Казалось, все идет как по маслу — но лишь до первого перекрестка, где пришлось решать: сворачивать ли на южный, либо же, напротив, на северный автобан, где можно будет развить хорошую скорость и оторваться от возможных преследователей. База не примирится так просто с потерей ракет; кто виноват, будут разбираться потом, но прежде приложат все усилия, чтобы разыскать конвой и остановить его. Черт его знает — могут и авиацию привлечь, они ведь, по сути дела, государственная организация...

Хотя, если как следует поразмыслить...

Снова у него не оказалось времени додумать: понадобилось делать неожиданный поворот — не вслед за очередным изгибом дороги, но съезжая с нее на еще более узкую — если это вообще было возможно — поперечную. Здесь пришлось уж и совсем ползти — едва ли не со скоростью пешехода. Правда, не очень долго. В одном месте одолели небольшой подъем, перевалили — и впереди внизу открылось, наконец, нормальное шоссе. В ночной час было оно пустым, и все пять трейлеров, один за другим, казалось, подвывая от облегчения, выкатились на него.

«Южное шоссе, — прикинул Милов. — Значит, налево — к границе, а от границы, к центру — это направо...»

Но выехать на автобан не удалось: узкий проселок, по которому пробирался конвой с новыми водителями, близ самого своего устья оказался перегороженным двумя легковыми машинами. Конечно, можно было бы таранить их массивными телами тягачей; однако, Милов предпочел выяснить, в чем дело. Сейчас, чувствуя за своей спиной хорошо вооруженную команду, он готов был действовать более круто.

Поэтому он скомандовал остановиться.

От машин навстречу конвою неторопливо шел Орланз.

— Прекрасно, — сказал он спокойно, не дожидаясь миловских вопросов. — Вы удачно справились, Милов. Хотя вам и не удалось на этот раз попасть домой. Однако, это было уже вашим решением.

— Я не мог оставить груз, — сказал Милов. — Они взорвали бы его. Со всеми последствиями.

— А вы заметили, что ветер переменился?

— Думаете, это их остановило бы?

— Не уверен, — сказал Орланз.

— Вот и я тоже. Однако, для меня ничего не потеряно. Сейчас мы свернем к границе — и на официальном пропускном пункте я смогу, наконец, воспользоваться своими паролями и шифрами.

— Нет, — сказал Орланз невозмутимо. — Это не получится.

— Хотел бы я знать — почему?

— Потому что и это шоссе, и северное блокированы. Вы же понимаете, что в Базе операцию планировали не совершенные неумехи.

— Ну, сейчас мы едем не с голыми руками...

— Интересно, что вы предпримете против гранатометов. Не забудьте, герр Милов: конвой сейчас выглядит совершенно российским. И если его разгромят — все международные шишки в очередной раз посыплются на головы ваших соотечественников. К тому же, вы не имеете никакого права подставлять ваших спутников. Возвращение ракет в Россию не является их задачей, не так ли?

— Дьявол! — сказал Милов. — Все это звучит логично. Но что же, по-вашему, я должен сейчас сделать?

— Прежде всего — убраться подальше отсюда. Вас непременно будут искать, а конвой не иголка. Вас будут искать прежде всего близ границы — значит, необходимо убегать в противоположном направлении.

Он вынул из кармана заранее сложенную нужным образом карту.

— Вот наше место. Поезжайте направо, в глубину страны. Остановитесь на одной из этих вот двух стоянок. Вы наверняка их помните.

— Помню. Но у меня очень мало времени.

— Я уважаю чужие секреты, и не стану спрашивать — что вам предстоит такого срочного. Но не волнуйтесь: на рассвете я догоню вас. И вы сможете продолжить реализацию вашего плана. Вы ведь понимаете, что из страны можно выехать не только в восточном, но и в противоположном — западном направлении?

— Разумеется. Если иметь пароход.

— А кто вам сказал, что его не будет?

— Орланз, вы что-то хитрите...

— Ничуть не бывало. И утром я все объясню. Сейчас на это просто нет времени. Я тоже спешу — хотя, может быть, и не так, как вы. Поезжайте, друг мой, и до скорой встречи. И никаких импровизаций; поверьте, в обстановке я разбираюсь куда лучше вашего.

— Ну, что же, — сказал Милов. — Сделаю так, как вы советуете. Но утром надеюсь получить исчерпывающие разъяснения.

— Вы их получите.

Конвой повернул направо. Под колесами заструился асфальт. Сразу прибавили скорости. Милов зевнул, потряс головой. Почувствовал, что очень устал. Да и что удивительного. Может быть (хотя до сих пор ему и не приходилось видеть подобного, но теоретически он вполне допускал), технеты и могут работать сутками беспрерывно, — не люди все-таки, — но ему сейчас отдых был бы очень кстати. И вовсе не помешал бы тот напиток, которого в начале приключения была у него целая фляжка — но увы, где прошлогодний снег?.. Хотя бы хорошую чашечку кофе. Но и его нет. Придется держаться на одном самолюбии — и должно его быть немало, иначе на такой скорости ты вполне можешь не удержать тяжеленную машину на дороге; сверзишься в кювет, или хотя бы просто вынесет на встречную полосу — а там, как правило, именно в такие мгновения оказывается идущий в лобовую атаку ездок...

Проблема эта начала уже волновать его всерьез — тем более, что и весь день, скорее всего, придется еще ехать, и какие-то часы нужны для того, чтобы хоть частично восстановиться; да и командиру с его людьми отдых, пусть недолгий, тоже не помешает. Кроме того, неожиданная задержка в пути — если как следует укрыть машины от посторонних взглядов — могла испортить расчет времени тем, кто готовился перехватить караван на дороге, но к вычисленному часу не обнаружит машины ни на одной из них. Так или иначе, постоять в укромном местечке, обеспечив, разумеется, караульную службу, будет вовсе не лишним. И, улучив минутку — использовать рацию и сообщить Востоку всё, что там сейчас полезно знать, а так-

же получить информацию, весьма нужную сейчас самому Милову. Иными словами, сейчас самым разумным было действовать по той схеме, что предложил Орланз. Разумным и безопасным.

Поэтому Милов вскоре уменьшил скорость, а затем и вовсе съехал с магистрали на ответвление (тоже, впрочем, асфальтированное), а там, примерно через полкилометра, оказалась площадка для отдыха. Тут уже стояло несколько заночевавших машин, но места оставалось предостаточно; однако, Милова это не удовлетворило, и он, не останавливаясь, миновал площадку (когда-то, в свое время, ему приходилось ночевать здесь в машине во время разных поездок, деловых и не очень) и проехал дальше — туда, где погуще росли деревья. Только там он остановился. Тут их нельзя было, во всяком случае, увидеть ни с воздуха, ни с большой дороги — и даже с площадки затруднительно было, если, конечно, не знать заранее, что именно здесь конвой и находится. Орланз будет знать это: площадка была одной из двух, заранее намеченных стариком.

— Привал, — объявил он командиру корабля.

— Никто не обидится, — ответил тот.

— Только выставьте охрану. И надо до конца разобраться со взрывчаткой. Другого такого случая может и не быть.

— В школе я учился, — невозмутимо ответил капитан. — В первом классе. Мы надолго сюда?

— Дальше поедем как порядочные — днем.

— Боюсь, что движение усилится.

— Это нам наруку. Много машин на дороге — труднее проводить серьезные операции.

— Вы тоже учились в школе, — признал капитан. — А может быть, даже и преподавали.

— Может быть, — согласился Милов.

«Ладно, утро, как сказано, вечера мудренее, — успел еще подумать Милов прежде, чем провалиться во всегда неожиданное пространство сна. — Я бы не отказался, конечно, съесть чего-нибудь, а может быть, и выпить. Но устал, как собака — даже жевать лень. Да и нечего вроде бы... Спать, спать — вот о чем мечтаю...»

Он не без труда обернулся к спальной полке — и обнаружил, что место уже занято: Леста уснула там, легко

дыша. Милов прикинул, что уместится рядом — если ляжет на бок; а кто его сосед по спальному месту, для него сейчас было совершенно безразлично, у него на этот счёт и мыслей никаких не возникало. Спать — и хорошо бы пробудиться не от стрельбы... Да, выспаться — мечта. Хотя, казалось бы, вчера выспался на месяц вперед.

«Просто нервы уже не выдерживают, — подумал он с обидой на самого себя. — Но хочешь — не хочешь, а перед сном нужно еще прогуляться. По свежему воздуху. Говорят, очень полезно для здоровья. А в этом случае — особенно».

7

(12 часов до)

На прогулку Милов захватил с собой автомат.

«На случай дождя, — подумал он с усмешкой, — вместо зонтика».

Он двинулся в том же направлении, в каком они ехали. Но шел не по асфальту, а лесом, метрах в пятидесяти от дороги. Шел бесшумно, хотя ему самому казалось, что каждый шаг его сопровождается оглушительным треском; но то был эффект слуховой капсулы, которую Милов на сей раз вложил в ухо в самом начале пути. Без такого приспособления он бы сам себя не слышал — а другие и подавно.

Милов отлично помнил эти места. И заранее прикинул: если бы это ему предстояло перехватить здесь автоколонну, то он выбрал бы для этого местечко сразу же за поворотом, который он заметил еще издали и не рискнул вести конвой дальше; за этим поворотом дорога входила в выемку, и если там остановить колонну, хотя бы просто перегородив дорогу какой-нибудь парой грузовиков — деваться громоздким машинам было бы некуда: ни развернуться, ни объехать. Другого столь же удобного места на этой дороге нельзя было найти.

От места, где Милов остановил машины и расположил лагерем, до поворота было почти полтора километра. С километр он прошел свободно, не очень хоронясь: если засада

действительно была, и если даже они выставили боевое охранение, то вряд ли стали выдвигать его так далеко. Но когда, по его расчетам, до предполагаемого места осталось метров пятьсот, он заскользил профессионально — от дерева к дереву, с остановками, с постоянным оглядыванием. Автомат он держал наготове, хотя знал, что воспользуется им только в самом крайнем случае: он не сражаться шел, но всего лишь на разведку. Вот если он наткнется на группу, которая, заметив колонну, отправится, чтобы напасть на нее ночью — разве что тогда придется стрелять, хотя бы для того, чтобы предупредить своих...

Группы он, однако, не встретил, зато убедился, что засада и на самом деле не плод его воображения. У него оказалось даже маловато фантазии: на обочинах, готовые в нужное мгновение перекрыть дорогу, стояли даже не грузовики, а два танка. Старые, добрые танки российского производства. Милов залег, вслушиваясь. Огней никто не разжигал, соблюдали дисциплину, но негромко переговаривались; если бы не его электроника, Милов и в пяти шагах вряд ли услыхал бы приглушенные голоса. Он пролежал, прислушиваясь, с полчаса. И прикинул, что в засаде находилось порядка тридцати бойцов — не считая танковые экипажи. Нет, пробиться через такой заслон, имея в прицепах такой каверзный груз, какой вез конвой — и думать не стоило. Нужно было отыскать другой вариант.

Вернулся он без приключений. Разбудил тренера команды, объяснил ему обстановку. Тренер выставил охранение. Вот теперь и в самом деле можно было бы позволить себе отдохнуть. Не сразу, конечно; еще через полчасика...

Команда уже спала — кроме часовых, конечно. Милов, не зажигая плафона в кабине, приладил рацию. Послал вызов.

Ему откликнулись. Слышимость была хорошей; похоже, собеседники его находились где-то близ границы.

— Вариант сорвался, — сказал он. — Причины активности на границе мне не ясны.

— Мы устанавливаем. О срыве известно. Что предпримете? Остается совсем мало времени.

— Наиболее вероятен новый вариант, морской. Суть не меняется, только способ. Нужен пароход. Достаточно убедительный. Нейтральный.

— В какой порт прибудет груз?

— В торговый, я полагаю.

— Поняли.

— Это осуществимо?

— Надеюсь. Во всяком случае, найдите возможность связи за шесть часов до. Если у нас не получится — вам придется прекратить выполнение задания и скрыться.

— Очень не хотелось бы.

— Нам тоже. Немедленно начинаем работать над вариантом. Что вам нужно сейчас?

— Михаил может говорить?

— Он в отсутствии. Как только появится, свяжется с вами.

— Тогда ничего. Конец связи.

Наконец-то можно хоть немного подремать...

8

(7 часов до)

Проснулся он, когда было уже совсем светло, и испуганно рывком сел на полке, тут же соскользнул на водительское сиденье: подумал, что заспался. Но уже через несколько секунд почувствовал, как им овладевает спокойствие: Леста еще спала, машины стояли точно так же, как вчера, или, вернее, сегодня ночью остановились, и в кабинах их не было заметно никакого движения. Правда, кто-то возился в отдалении, на площадке, которую они миновали ночью и где все еще стояли посторонние машины — за это время их, кстати, не прибавилось, и двигавшийся там субъект всего-навсего пытался разжечь походный примус. Вдалеке, на шоссе, тоже не замечалось ничего, что говорило бы об опасности: за несколько минут проехали всего лишь две машины — легковые, не вызывавшие подозрений. Пока, следовательно, все было слава Богу.

Успокоившись, Милов вылез из кабины, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не потревожить своих попутчиков раньше времени. Отошел к краю стоянки, сделал несколько упражнений, чтобы размяться, почув-

ствовать себя в форме. Следовало воспользоваться свободным временем и наилучшим образом подготовиться к предстоящему дню, который наверняка окажется не самым легким.

Он вернулся к машине, протер, чтобы завершить утренний туалет, лицо и руки душистой салфеткой; устроившись в кабине поудобнее, после недолгого колебания, вызванного высокими этическими соображениями, запустил руку в сумку, до недавнего времени принадлежавшую старшине конвоя, и нашарил там прежде всего пакетик с едой, запасенной технетом в рейс. Пара ломтей хлеба, намазанных каким-то подозрительным жиром, два желтоватых огурца — вот и все, чем располагал он для подкрепления сил. Не густо; но это была нормальная технетская вечерняя порция, а другой еды тут достать и негде. Голод — не тетка, и хлеб с жиром исчез быстро, наперегонки с огурцом; была бы хоть соль — но соли, видимо, технетам не полагалось. Пришлось примириться. Половину обнаруженного он честно отложил для Лесты, отряд же, как полагал он, привык заботиться о себе сам — во всяком случае, должен был привыкнуть.

Милов наверняка съел бы и еще столько, и все равно в животе оставалось бы свободное место; однако, приходилось считаться с фактами — с упрямой, как известно, вещью. Он снова спустился на по-утреннему прохладную травку, зевнул, потом медленно обошел вокруг машины, постучал башмаком по скатам — подкачивать их не требовалось, — проверил, хорошо ли заперты двери прицепа, затем достал из кабины тряпку и протер номера; все это не торопясь, серьезно, тщательно. Проделав все эти, скорее всего, ритуальные действия, вернулся в кабину, легким прикосновением пробудил Лесту, перед тем позволив себе лишь краткие секунды полюбоваться ею — безмятежно спящей, впервые, наверное, за долгий срок чувствовавшую себя надежно защищенной, — хотя никто не мог сказать, насколько же действенной была эта защита в действительности. Леста пришла в себя сразу, совсем по-детски улыбнулась — даже не Милову, скорее всего, но просто солнечному утру, чистому воздуху, пусть и быстропреходящей, но все же безмятежности жизни... Милов оставил ей салфетки и пошел поднимать отряд на но-

ги. Хотелось ему также проверить, насколько серьезно организовал командир охрану конвоя от возможных неожиданностей. Сейчас, от своей машины, Милов никакой охраны не видел, хотя и всматривался внимательно; и оттого не на шутку разозлился, весьма четко представляя себе, что случилось бы, обнаружь их здесь неизбежные преследователи спящими. Картинки возникали — одна другой выразительнее, и оставалось только покрепче сжимать кулаки.

Он не успел додумать до конца, что произошло бы в наихудшем варианте, потому что откуда-то сверху, из густой листвы, просигналила, как бы требуя внимания, какая-то голосистая птица; насколько можно было судить, опираясь на память — таких птиц здесь отродясь не водилось, были они типичны скорее для противоположного полушария. Тем не менее, такая птица прокричала заливисто — и тут же ей откликнулась другая...

Милов переключился на аналитическое восприятие окружающего мира — и краем глаза увидел, как выскальзывали из кабин и прицепов и растворялись в траве быстрые фигуры в маскировочных комбинезонах — с оружием в руках, если только зрение не подводило Милова. И одновременно он увидел въезжающий на стоянку прекрасный, хотя и слегка запылившийся в дороге мерседес, из открытого окошка которого кто-то махал рукой — и, похоже, жест этот относился именно к Милову.

Мерседес остановился, правая передняя и обе задних дверцы его одновременно распахнулись, четыре человека вышли и все вместе направились к машинам конвоя. И первым из них был Орланз — тут уж никакой ошибки быть не могло.

«Ладно, — подумал Милов. — Прелюдия к последнему акту. Или, если угодно, переход в тяжелофигурный эндшпиль, играть в котором придется никак не по теории...»

Глава тринадцатая

1

(8 часов до)

Орланз вылез из машины — свежий, словно безмятежно проспавший ночь в мягкой постели и успевший к тому же неплохо позавтракать — чего Милов искренне пожелал и себе. Но вслух не сказал ничего — просто кивнул, приветствуя своего вроде бы начальника. Орланз улыбнулся весьма доброжелательно. Проговорил:

— Рад приветствовать вас в столь приятном месте. Добрались без приключений?

Улыбка улыбкой, но глаза его в это время, лишь бегло скользнув взглядом по фигуре Милова, теперь очень внимательно оглядывали машины, подолгу задерживаясь на каждой. И говорил он медленно, растягивая слова, похоже, для того, чтобы выиграть побольше времени для инспекции.

Милов ответил совершенно спокойно, словно не ждал ничего другого.

— Все в полном порядке; не хватает только ясности, но я надеюсь, что вы привезли ее с собой.

— Вот как? — несказанно удивился Орланз. — А мне казалось, что всё понятно, никаких вопросов не осталось. Впрочем, на эту тему мы поговорим как-нибудь на досуге, а сейчас время трогаться в путь.

Милов, однако, и не пошевелился.

— Я бы хотел все же знать: куда и зачем я должен везти груз? Не та ситуация, чтобы я стал рисковать и играть втемную.

— То есть, вы мне не доверяете?

— Вот о деталях наших отношений действительно можно будет поговорить в свободное время. Короче: или вы немедленно вводите меня в курс ваших намерений, либо я начинаю действовать по своему усмотрению. Мы еще не так далеко от границы...

Орланз помолчал. Пожевал губами, прежде чем ответить:

— Ну, хорошо — хотя мне это представляется лишь потерей времени. Мы с вами еще раньше рассуждали на тему

о том, что груз наш стоит денег. И немалых. Деньги нужны не только Базе, но, как нетрудно понять, и нам — оппозиции. Мы способны продать груз не менее выгодно, чем ваши приятели. Я имею в виду хотя бы того же Клеврета. Стране же по-прежнему нужно избавиться от компрометирующих улик. И в этом вы и будете способствовать нам.

Милов развел руками.

— Если бы я был банкиром...

— Если бы вы были банкиром, вы не дали бы нам ни цента — и, наверное, были бы правы. Нет, мы ждем от вас совершенно иной помощи.

— Я не совсем понимаю.

— Нам было нужно, чтобы груз этот ни в коем случае не ушел на восток. Потому что мы нашли другого покупателя. Он заплатит даже больше, и намного больше, чем обещали тем. Только вместо того, чтобы пересечь восточную границу, груз должен оказаться в морском порту, в каком именно — вам будет сообщено позже; его вам придется там погрузить в трюм судна, которое вам также будет указано, когда в том возникнет нужда. Вот в этом и будет заключаться ваша задача; как вы успели заметить, она прямо противоположна тому, чего требовали от вас те субъекты: не допустить ухода груза на восток, и напротив — обеспечить доставку его в порт и погрузку на судно.

— Легко сказать! Думаете, они нам так и позволят пересечь без малого всю страну...

— Ну! Каких-то две с лишним сотни километров! Не так уж и сложно. Согласен, задача из категории опасных. Но мы ведь и поручаем ее не кому-нибудь, а вам!

— К сожалению, не разделяю вашего оптимизма. Нас, безусловно, будут преследовать. Придется ввязываться в драку. С таким-то грузом? Я поглядел ночью, как дерутся технеты...

Орланз, похоже, нимало не испугался.

— Да? — откликнулся он. — Было впечатляюще?

— Увы. Мы лишились водителей. Со старшиной во главе. Словно бы вы не знаете!

— Был сильный обстрел? — Орланз, казалось, воспринял эту весть, как должное.

— Не сказал бы. Он просто рвался в бой. Как и остальные, впрочем. Они словно обезумели.

— Да, — сказал Орланз и вздохнул. — Технеты остаются технетами; этого следовало ожидать: технеты не могут не ввязаться в драку — они воспитаны определенным образом. Хорошо. В таком случае, объясните ситуацию. Почему вы остановились здесь, не проехали до следующей стоянки? Оставили бы за собой еще полсотни километров...

— Это вряд ли удалось бы. Примерно километрах в полутора нас ждали — и, скорее всего, ждут сейчас. Десятка три вояк и два танка.

Орланз снова не удивился. Спросил лишь:

— Откуда вам это известно?

— Пришлось сходить в разведку.

— Именно здесь?

— Помню эти края. А там, впереди, как раз очень удобное место для засады, для перехвата. Узость.

— Сколь приятно иметь дело с опытным специалистом, — проговорил Орланз спокойно. — Однако, давайте закончим наши переговоры. Что я вам предлагаю — вы прекрасно поняли. По сути, то же самое, что и раньше: живым и здоровым выпутаться из переплета, в который вы попали. Только я и могу помочь вам в этом — потому что База о вас не забыла, отнюдь, и хорошо, если у вас не будет повода лишний раз в этом убедиться. Итак, вы ведете конвой согласно моим указаниям.

— Хотелось бы все-таки знать о судьбе ракет.

— А что вам до них? Считайте, что они исчезнут бесследно; во всяком случае, не взорвутся на вашей территории — этого что, мало?

Милову этого было мало. Плохо, если бы ракеты взорвались, в особенности — на своей территории. Но еще хуже — если они живыми и здоровыми попадут в чьи-то руки. И потому, что в них есть некоторые конструктивные нововведения. И еще потому, что в таком случае их смогут использовать по назначению, и если они где-то сработают, то не составит чрезмерного труда установить их происхождение — а как тогда доказать, что оружие это было продано потребителю не государством, а шайкой контрабандистов? Потому что сейчас Орланз со своей оппозицией —

как бы ни мотивировал он свои действия — от такой шайки ничем не отличался.

Конечно, отсчет продолжается. И если все сработает нормально, ракеты до покупателя не дойдут. Но тогда через считанные часы поднимется немалый шум близ этого побережья, и снова всю вину свалят на производителя ракет. Не одна провокация, так другая, не другая — так третья... И жертвы будут, без них никак не обойдется. И не добраться до проклятого механизма, давно отсчитывающего часы, и никого другого не попросить об этом, никакого специалиста: устройство не подлежит рассекречиванию...

Сплошной туман. Однако, сейчас ясно одно: нельзя оставлять ракеты. Нужно быть рядом с ними. А там видно будет.

— Хорошо, — сказал Милов Орланзу. — Согласен.

Орланз не удивился; понимал, видно, что другого решения у Милова нет.

— Как намерены двигаться?

— Вы забыли сказать — каков порт назначения. Торговый? Нефтяной? Еще какой-нибудь?

— Торговый, разумеется, — сказал Орланз едва ли не сердито. — Итак?

— Зависит от дополнительной информации. Наверное, вы успели поинтересоваться: ждут ли нас и на северной магистрали?

Орланз кивнул, словно вопрос не был для него неожиданным.

— Ждали с вечера. Однако, как только стало известно, что конвой избрал южный вариант, они переместились на эту дорогу. Разумеется, если вы станете задерживаться, они забеспокоятся и снова пошлют кого-нибудь туда. Так что мешкать нам нельзя. Поднимайте водителей — и в путь. Если я правильно понял вас, вы собираетесь свернуть на северную дорогу?

— Для этого нам придется лишь вернуться примерно на километр — там направо отходит неплохой проселок.

— Согласен.

— Я полагаю, вы позаботились о том, чтобы привлечь их внимание именно к этой трассе? — спросил Милов. — Потому что иначе они могут успеть оседлать Северное шоссе прежде, чем мы проскочим эти места.

Орланз улыбнулся.

— Надеюсь, что вопрос этот вы задали из вежливости. Вряд ли вы полагаете, что я мог бы не предусмотреть такой потребности. Не беспокойтесь. Если вы не забыли ночных событий, то помните, что на перегрузочной площадке находилась, по сути дела, еще одна колонна, во всем подобная вашей.

— Разумеется. Но я предполагал, что она отправится обратно в Россию...

— Так планировалось. Но, поскольку обстановка изменилась, пришлось переадресовать ее. И сейчас она — на этом же шоссе, недалеко отсюда.

— Они согласились?

— Ну, у них ведь тоже груз, и отправители заинтересованы в его доставке. Дело есть дело — для нас, для русских, для кого угодно... Мне даже не пришлось долго уговаривать их. Да и возвращаться в Россию сейчас было бы для них небезопасно. Так что те, кто сейчас затаились в засаде, будут полностью удовлетворены: колонна подойдет, и они ее остановят.

— И убедятся, что в машинах — не тот груз, на какой они рассчитывали...

— Ну, я вовсе не уверен, что им так легко позволят обыскать трейлеры. Ведь ответственность за целость груза лежит на экипажах — и заработок тоже, естественно. И уж во всяком случае, в этом эпизоде будет потеряно время — а вы постараетесь использовать его как можно лучше. Я же, как только прояснится обстановка здесь, пущусь за вами — или, скорее, даже обгоню вас и присоединюсь где-нибудь там, впереди. Не беспокойтесь: в порт мы приедем вместе, без меня вы оказались бы там совершенно беспомощны.

Милов непроизвольно глянул на часы.

— Времени остается совсем немного. Мы тут слишком задержались.

— Не беспокойтесь: вы успеете. Должны успеть.

— Ну, а если вашу колонну не станут задерживать?

— Маловероятно. Тогда они поедут дальше. И если их пропустят, то всем будет известно, что конвой движется по южному варианту; все равно, когда они спохватятся, вы успеете уйти достаточно далеко.

— Постараемся. Хотя, конечно, рокада съест немало времени.

— Поезжайте так быстро, как только позволит безопасность груза.

— Непременно. Скажите только как можно точнее: каким временем мы располагаем?

Орланз думал недолго.

— Через пятнадцать часов груз не только должен быть погружен, но и судно обязано покинуть порт. Какого черта!.. Платить штрафы за просрочку никто не желает — ни капитан, ни я. А мне еще пришлось бы оплачивать и простой судна — это бешеные деньги!

— Сделаем все возможное, — произнес он вслух.

Орланз еще раз внимательно оглядел трейлеры.

— Антенны... — проговорил он медленно. — Я не вижу антенн...

— Я приказал убрать их.

— Почему?

— Я полагаю, что они — часть диверсионного устройства, которое смонтировали в машинах, надо думать, ваши оппоненты.

— Безусловно, они, кто же еще... Ну что же, вы поступили правильно. Итак, вы теперь — на головной машине? Но это не означает, что вам придется крутить баранку в одиночестве. Я привез вам попутчика.

Милов нахмурился.

— Кто он?

— Представитель покупателя. Правда, груз они примут только в порту. Но сопровождать его хотят прямо отсюда. Я не видел причин отказать. Ну, всё как будто бы ясно?

— За исключением моего билета, — серьезно проговорил Милов.

— Что вы имеете в виду?

— Ваше обещание: как только груз уходит — я свободен; но мне нужно будет еще и выехать отсюда...

— Признаюсь, я бы с удовольствием оставил вас у себя, Милов. Но... понимаю, понимаю. И предлагаю вам самый простой вариант: вы уедете на том же пароходе, что и груз.

— Я хочу попасть домой, а не куда-нибудь в другое полушарие.

— Вы и попадете — потом. В порту я дам вам всё: нужные документы, билеты, деньги — не думайте, что я забыл о вашем вознаграждении.

— Я этого и не думал. Итак, где же мой пассажир?

— Сейчас я вас познакомлю. Но только не засиживайтесь здесь. Быстрее, друг мой, быстрее!

— Я тронусь через пятнадцать минут после того, как пойдет ваша колонна. Тогда оттуда, из засады, звук наших моторов не услышат, если даже обойдется без стрельбы.

— Разумно, — кивнул Орланз. — Но уж потом — без остановок. Очень прошу вас.

— Это и в моих интересах, — сказал Милов.

2

(7 часов до)

Тронулись, как договорились. Пассажир (смуглый мужчина лет тридцати с иссиня-черными волосами и усами) расположился на правом сиденьи, объемистую сумку, что была у него с собой, уместил в ногах. Глянул на Милова, как бы оценивая его возможности.

— Салам алейкюм...

«Ах, вот, значит, как», — подумал Милов прежде, чем ответить:

— Ва-алейкюм салам...

Пассажир дружелюбно улыбнулся. Милов же запустил мотор и тронулся, выруливая со стоянки.

— Бисмилля рахмон, рахим... — пробормотал пассажир. Милов включил вторую передачу и мягко отпустил сцепление.

До северного шоссе добирались полчаса, меньше, чем получалось по прикидке Милова. Неширокая грунтовая дорога была тут хорошо ухожена, выглажена грейдером — чувствовалось, что за порядком здесь следили. Ехать удавалось без особого труда даже не весьма опытному Милову: движение было умеренным, да и водители, и встречные, и обгоняющие, вели себя прилично. Но зато на магистрали почти сразу начались осложнения.

Собственно, отзвуки перестрелки, докатившиеся до них

с южного шоссе, когда они только выезжали на северную магистраль, назвать осложнением нельзя было; звуки несли только информацию о том, что вторая колонна все-таки ввязалась в схватку с засадой, и конвой пока что мог спокойно продолжать путь.

По шоссе проехали неполных тридцать километров, когда увидели две машины под откосом — БМВ и дорогой мерседес; сперва Милову показалось, что обычное на дороге дело обошлось без жертв.

«Ну, — подумал он мельком, — и слава Богу, начинаешь верить, что и сам доберешься благополучно...»

И тут же насторожился: судя по расположению машин, столкновения не произошло — выглядело так, словно на обеих, ехавших, похоже, навстречу друг другу, водители разом потеряли управление — и автомобили кувырнулись под откос; но не в разные стороны от полотна, что было бы естественным, если бы ездоки отворачивали одновременно, стремясь избежать удара, и не справились с рулем на большой скорости — здесь скорее одна из машин стремилась съехать с дороги, сделать петлю, объезд — другая же старалась помешать ей, даже подставив собственный бок; но ни одна, ни другая не закончили начатого маневра. Кроме того не было людей, которые, уцелев, начинают в таких случаях увлеченно выяснять отношения в ожидании дорожной полиции, или напротив, спешат решить возникшие проблемы до ее прибытия. Редо и сейчас не было видно, как и ремсов. Одним словом, что-то тут обстояло не так.

Милов плавно остановил конвой метрах в пятидесяти. Хотел уже отворить дверцу, чтобы выйти и осмотреться там, на месте. Спутник удержал его за плечо и покачал головой.

— Опасно, — сказал он по-английски с резкой гортанной интонацией. — Сначала посмотрим отсюда.

Запустив руку в сумку, достал бинокль.

«Интересно, — подумал Милов мельком, — чем этот хурджум у него так набит. Не деньгами же! Судя по общему впечатлению, там должно быть оружие; ну, а еще что? Шмотки? Какая-нибудь контрабанда? Для занимающегося такими делами просто грешно не воспользоваться удобным случаем и не попытаться вывезти что-нибудь из стра-

ны — даже такой небогатой, как Технеция... Воистину, — думал он дальше, пока старательно вглядывался в неподвижные машины внизу, — контрабанда такая, что впору вызывать нашу бригаду и заводить большое дело — жаль только, что нет у меня такой возможности. Придется отложить до лучших времен, а пока — ну что же, пока они так и будут челночить через границу: что-то туда, что-то оттуда... А вот что? Если не считать, конечно, той специфической контрабанды, в которую и я влез. Туда, к нам — предположить не так уж трудно: скорее всего, участники операции с российской стороны, пользуясь попутным рейсом, заказывают что-то для личного пользования или для знакомых; пусть небольшая, но все-таки выгода, беспошлинный товар. Ну, а какие товары можно сейчас везти из Технеции? Конечно, по ходу событий, не исключено, выясним это и поточнее. Что и куда? Очень интересно: куда это все идет? На сей раз, конечно, меня интересует именно нынешний мой груз, товары не повседневного употребления. Те, кто их покупает, наверняка рассчитывают получить ракеты в сохранности и боевой готовности — и при этом явно не станут подписывать договор о нераспространении ядерного оружия. Поживем — увидим... Ведь у меня, так сказать, случай исключительный — но ведь не ради него создавался Восточный конвой; на таких машинах можно чуть ли не танки перевозить при надобности. Ладно, к нам в Россию — или транзитом через нее — везут, как известно, чаще всего стрелковое оружие; ну, а от нас — какое?

Постой, — прервал он тут собственные размышления. — Куда это ты разогнался? Вот ведь полицейская натура: уже в подсознание вошло, что любое нарушение закона затрагивает непосредственно тебя и требует твоего вмешательства. Опомнись, Милов! Ты ведь сейчас не правоохранительную функцию выполняешь, ты нанят для осуществления разведывательной операции — и только ею и должен заниматься, запомни раз и навсегда. А все остальное можешь разве что намотать на ус — не исключено, что в будущем информация эта и пригодится, когда снова начнешь заниматься своими обычными делами; но не сейчас, ни в коем случае не сейчас!.. Да и не твоя это страна, пора бы привыкнуть. Надо у себя дома рубить корни, тогда здесь

все листочки завянут в два счета, не на ком больше будет паразитировать...»

Все эти размышления промелькнули в сознании быстро, пока черноусый попутчик внимательно и неторопливо оглядывал в бинокль то машины, то опушку недальнего леса, то снова машины, потом лес по другую сторону шоссе. Странно — движения по нему сейчас совершенно не было, почему-то оно прекратилось, и вряд ли по естественной причине. Значит, что-то было впереди, что-то такое...

Попутчик опустил бинокль, повернулся к Милову. Посмотрел очень серьезно.

— Это его машина, — сказал он негромко. Чья — не объяснил, но Милов и так понял.

— Вы уверены?

— Очень хорошо знаю. Потому что вообще-то это моя машина.

— Может быть, просто дорожное происшествие?

— На ней шофер такой — может проехать сто километров по горной дороге на двух колесах, держа руль двумя пальцами. Потом — стекла с дырками от пуль. Была стрельба.

— Мы бы слышали.

— Теперь не всякую стрельбу можно услышать даже за сто метров.

Это Милов и сам знал.

— Думаете, убиты?

— Не знаю.

— Может быть, тела в машине?

— Не знаю.

— Надо посмотреть.

— Сперва — подумать.

— Я и так думаю, — усмехнулся Милов. — Машины должны были убрать — чтобы не напугать нас. Почему не сделали этого? Наверное, мы помешали: оказались тут слишком быстро.

— Не очень понятно, — покачал головой попутчик. — Так удобно... Катастрофа, вокруг люди, просят остановиться — мы останавливаемся, нас берут голыми руками...

— Нет, — сказал Милов. — Они понимали, что мы не остановились бы. Прошли на скорости.

— Могли тут полицию поставить, очень правдоподобно было бы...

— Значит, с полицией что-то не сработало. Ни с сипо, ни с редо.

— Если бы знать заранее, — сказал спутник, — я бы привез много своих людей. И мы сейчас обеспечили бы себе безопасный проезд.

— Это лишь половина дела, — покачал головой Милов. — Хотелось бы знать, что произошло с Орланзом. С тем, кто продает товар.

— Он уже продал, — сказал спутник.

— Но вы еще не погрузили. Без Орланза будет затруднительно пройти таможню. Вы не думаете?

— Зачем сейчас думать? — спросил спутник. — Будем думать там. Когда понадобится пройти. Наверное, сейчас нужно рискнуть — и проезжать вперед.

— Нет, — сказал Милов. — Они будут стрелять.

— Я думаю, — сказал спутник, — они плохо стреляют.

— Ну, в этот груз попасть может даже слепой.

— Они не станут рисковать. Ведь это их земля.

— Они рискнут, — сказал Милов. — У них мало земли, но много злобы. Я хочу доставить груз в сохранности до места назначения.

— Клятву давал, да?

— Давал клятву.

— Что же будешь делать? Если бы у тебя были люди...

— Да есть у меня люди, — сказал Милов. — Чего у меня нет, так это времени. Придется поспешить.

Он поспешил — и через десять минут из дверей замыкающего трейлера начали выскальзывать люди. Разделившись на равные группы, они вскоре скрылись в лесу по обе стороны дороги.

— Ты умный человек, — сказал спутник Милову.

— Не очень, — усмехнулся Милов. — Но догадливый.

— Теперь будем ждать? — спросил спутник.

— Нет. Время и так уходит. Мы с тобой поедем. Остальные пока останутся здесь.

— Не понимаю.

— Сейчас быстро отцепим наш прицеп. Поставим на костыль. И тронемся на одном тягаче. Это для всех неожиданно и непонятно. Значит, и подозрительно. Я прав?

— Может быть, — сказал спутник неуверенно, — ты не очень хорошо знаешь?

— Я хорошо знаю. Мы сейчас выезжаем. Нас останавливают: может быть, мы едем за подмогой. Они беспокоятся. Мы останавливаемся или не останавливаемся — увидим по обстановке. Так или иначе, те, кто нас ждет, себя обнаруживают. И мои люди их уничтожают.

— Будет шум, — покачал головой спутник. — Соберется много лишнего народу.

— Нет, — сказал Милов. — Шума не будет. Он никому не нужен. Поэтому я даже думаю, что и по нам стрелять не будут. Только грозить. Никто не хочет, чтобы было много лишнего народу. Ты едешь?

— Зачем спрашиваешь? — нахмурился спутник. — Я там буду, где груз. Оставляешь прицеп — оставляешь меня.

— Извини. Конечно, ты прав. Ладно. Шоферов я предупредил: до команды стоят на месте.

И он включил мотор.

3

(6 часов до)

Милов оказался прав: лишнего народу не собралось, потому что шуму не было. Когда тягач, рыча моторами на первой передаче, вошел в поворот, в кустах близ дороги началось некоторое шевеление; потом на середину ее выбежал человек, замахал руками, предлагая остановиться. Милов, повинуясь команде, еще сбавил ход, пополз со скоростью прогуливающегося пенсионера, словно готовый и совсем замереть. Человек впереди еще раз взмахнул руками и упал. В кустах снова возникло легкое движение — и через несколько секунд стихло. Еще один человек вышел на проезжую часть. То был тренер команды. Тогда Милов на самом деле остановился. Командир подошел.

— Можно продолжать движение, — сказал он. — Сейчас наши сядут.

— Много там было?..

— Дюжина. И еще один — тот, что приезжал.

— Жив?

— Вполне. Правда, утратил товарный вид.

— Ничего, — сказал Милов. — Мы его не продаем. Пока что нужен самим. Давайте его сюда. Поедет третьим.

— О'кей, — сказал командир. — Джордан! — позвал он. — Давайте старика сюда, и все по местам. Только уберите это с дороги.

Он кивнул на все еще валявшийся труп того, что хотел остановить конвой. Двое подхватили тело. Тяжелую арбалетную стрелу оставили торчать. Пусть потом местные власти разбираются; ни командира, ни Милова это не волновало.

— Можем ехать, — сказал командир.

— Сейчас, — сказал Милов. — Вы обождите здесь — я только возьму мой прицеп, и двинемся. Да, и посмотрю еще, как себя чувствует наша дама.

— Конечно, — согласился тренер. — Я бы и сам мог подумать.

Милов подбежал к последней машине. Леста выглядела усталой, но улыбалась, как будто только что вернулась с приятной вечеринки. Милов, однако, не стал задавать вопросов о самочувствии.

— Сейчас двигаемся, — сказал он. — Теперь уже прямо в порт. Предупреди. В два адреса. Нужен точный адрес и вся информация. Времени у нас осталось... — он глянул на часы, — всего ничего. Справишься на ходу?

— Справлюсь, — сказала Леста. — Это всё?

— Не знаю. Как только получишь ответ — остановись, посигналь. Мне всё нужно знать еще до того, как приедем в порт.

— Если доедем.

— Надо надеяться, — сказал Милов, улыбнулся ей и побежал к своей машине, где уже нетерпеливо, хотя и негромко, покрякивал сигнал.

4

(5 часов до)

Наконец-то он почувствовал себя совсем уверенно: освоил непривычную машину, и всерьез подумал, что теперь

мог бы зарабатывать деньги и таким образом: за большой баранкой. И разгадал замысел Базы, заключавшийся в том, чтобы остановить их и снова завернуть на восток, дотащить до самой границы — или почти до самой, по возможности — и там учинить большой шум. Разгадал; хотелось верить, что больше таких засад на дороге не будет — хотя никто не мог бы дать ему в этом гарантии.

Сопровождавший его человек после того, как дорожный инцидент завершился благополучно, совсем успокоился, похоже, как бы ушел в себя — теперь сидел неподвижно, временами что-то едва слышно напевал под нос, два или три раза включал радио, но, послушав недолго, выключал: верно, не относился к любителям рока, а к местным новостям не проявлял никакого интереса. С Миловым больше не обмолвился ни словечком, с Орланзом же поговорил недолго после того, как старик, потеснив обоих, занял место в кабине; разговор, впрочем, интереса не представлял — вежливые вопросы о здоровье, не более. Может быть, он просто продумывал какие-то свои дальнейшие планы: для него ведь все дела не заканчивались в порту и даже на палубе парохода, ему, наверное, еще многое предстояло...

Во всяком случае, внешне он казался совершенно спокойным — и Милову очень хотелось выглядеть так же; однако, что бы ни стало волновать спутника, его наверняка не тревожило утекающее время: для него лишний час-другой особой роли не играл. Но Милов о себе никак не мог сказать того же самого. Он это уменьшающееся время ощущал физически — до такой степени, что было мгновение, когда ему захотелось остановить машину, распахнуть дверцу, выскочить и бежать, куда глаза глядят — только бы подальше от конвоя, над которым (вдруг показалось ему) смерть уже вышла на исходную позицию для атаки; Милову удалось справиться с приступом ужаса, однако, это его встревожило: быть может, атака на его психику, предпринятая на Базе, не прошла бесследно — возможно, в какой-то, пусть небольшой степени на него еще могли воздействовать оттуда, какие-то связи сохранились; нельзя расслабляться, — приказал он сам себе, — то, что на дороге ничего больше не приключается, вовсе не значит, что опасности кончились...

Он вовремя услышал прерывистые гудки сзади: замыка-

ющая машина таким способом сообщала о необходимости краткой остановки. Милов покосился на спутников; Орланз дремал, видимо, дорожное приключение изрядно подкосило его силы; да, собственно, ему сейчас ничего другого и не нужно было делать, вступить в игру старику предстояло лишь в порту — так, во всяком случае, думал Милов. Так или иначе, на остановку конвоя Орланз никак не отреагировал. Остановившись, Милов бегом пустился к задней машине и вернулся через минуту-другую.

— Что там было? — поинтересовался Орланз, не открывая глаз.

— Крохотная заминка, — объяснил Милов. — Опытный водитель справился бы и сам.

— Ах да, там женщина... Хотелось бы, друг мой, чтобы впредь заминок случалось как можно меньше. Время, время...

— Я знаю.

— Вряд ли. Вы ведь полагаете, что все беды позади...

— Во всяком случае, надеюсь.

— Ну, а я — не очень. Скажу больше: я просто боюсь. И чем дольше ничего не происходит, тем я боюсь больше.

Милову очень хотелось попросить объяснений. Однако он понимал, что в присутствии покупателя старик ничего не скажет, а если и скажет, то что-нибудь, весьма далекое от истины.

— Ладно, — проговорил он как мог спокойно. — Держитесь крепче...

И нажал на акселератор, увеличивая скорость.

5

(4 часа 30 минут до)

— Вообще-то мне кажется, — проговорил Милов между прочим, как бы самому себе, — что для вертолета восемьдесят километров в час — далеко не предельная скорость.

Он сказал это после того, как, высунув голову из бокового окна кабины, снова глянул вверх — и опять увидел там вертолет, упрямо висевший над ними, словно крепко

привязанный воздушный шарик. Восемьдесят километров — такова была скорость, с которой конвой несся по Северному шоссе, с каждой минутой сокращая расстояние, отделявшее их от порта. Оставалось оно, однако же, еще достаточно большим.

Орланз в свою очередь выглянул из правого окошка.

— Этого я и опасался, — проговорил он. — Теперь они от нас не отцепятся. И наведут Базу.

— Надеюсь, они не станут расстреливать нас с воздуха, — предположил Милов.

— Нет, конечно. Сейчас, когда мы почти в середине страны, нас станут беречь. Обстрела надо бояться где-то близ границы — любой границы. Но они постараются перехватить груз.

— У них для этого остается не так уж много времени, — сказал Милов, не отрывая глаз от дороги.

— Думаете?

— Простой расчет времени. Остается семь часов. За это время они должны не только перехватить груз, но и довезти его до границы. До восточной, я думаю: туда, куда груз предназначался с самого начала.

— Не знаю... — покачал головой Орланз. — Установился восточный ветер, и вряд ли они станут повторять попытку. Но в любом случае захотят вновь получить все, что мы везем, в свое распоряжение: они могут отложить операцию до другого раза и найти новый вариант. Им не остается ничего другого, как идти на риск. В определенных пределах, конечно.

— В таком случае мы должны вскоре увидеть погоню.

— Не обязательно. Погони может не быть.

— Что тогда?

— Снова перехват. Они наверняка где-то уже перерезали дорогу. А вертолет нужен им для того, чтобы убедиться, что мы движемся именно туда, где они нас ожидают.

— Однако, в порт нет другой дороги.

— Да, — подтвердил Орланз. — Другой дороги нет.

Эти слова он выговорил, однако, без особого волнения.

— Я чувствую, — сказал Милов, — что у вас есть запасной вариант.

— Только один выход, — усмехнулся старик, — име-

ется, как известно, лишь из брюха людоеда. А в любой другой ситуации...

— Ну, что же, — сказал Милов. — Мне остается лишь положиться на ваше хитроумие.

— Да нет, — сказал Орланз. — Все как раз очень просто...

И он тронул за плечо покупателя, до сих пор хранившего молчание.

— Друг мой, — сказал он. — Вы можете освободить нас от соглядатая? Поменяемся местами, и вы поймете, о чем я говорю.

— Я вижу, — сказал спутник. — Его тень падает на дорогу.

— А не может ли он сам упасть вместо тени?

— Если нет другого выхода.

— После этого выход найдется.

— Хорошо, — сказал спутник. — Это несложно.

Подняв руку над головой, он открыл верхний люк кабины. У этого люка не было ограничителя, и его можно было распахнуть совершенно, так, что человек мог высунуться в образовавшееся отверстие. Затем, запустив руку в сумку, извлек из нее продолговатое устройство. Милов покосился. Штуковина напоминала «Стингер» — зенитную ракету с автоматическим наведением. Человек этот был действительно неплохо снаряжен в дорогу, богатую неожиданностями, и Милов не удержался, чтобы не спросить:

— Скажите, а торпеды у вас тоже с собой?

— У меня с собой нет торпед, — ответил тот совершенно серьезно. — Но если понадобится, я достану. Сейчас они мне не нужны.

И он стал приподниматься, чтобы встать ногами на сиденье.

— Сбавить скорость? — спросил Милов.

— Нет, не нужно.

Южанин поднял снаряд над головой, просунул в люк, потом разогнулся и сам. Теперь он почти по пояс возвышался над крышей кабины.

— Постарайтесь, — проговорил Орланз, подняв голову, — чтобы выхлоп не поджег нас.

Южанин вряд ли услышал его; Милов же сказал:

— Думаю, у него достаточно опыта.

— Черт его знает, — пробормотал Орланз. — Они там привыкли быть смертниками. А я никогда не подряжался в камикадзе. А, дьявол!..

Восклицание это было вызвано тем, что лобовое стекло на несколько мгновений заволокло дымом, и одновременно машина вильнула. Милов едва удержал руль.

— Предупреждать надо... — недовольно пробормотал он.

— Теперь остановитесь, — велел Орланз.

— Вряд ли он упадет на нас...

— Остановитесь!

Милов повиновался. Высунулся из окошка. Вертолет круто поворачивал. Белая полоса в небе удлинялась, приближаясь к нему. Через несколько секунд они совместились. Рвануло.

— Боюсь, что нам испортят дорогу, — проговорил Милов.

— Ничего, — утешил Орланз. — Она нам не понадобится.

— Не понял.

— В ста метрах — съезд направо. Извольте свернуть туда.

— Куда — туда?..

Южанин медленно опустился на сиденье. Покачал головой.

— Очень посредственный летчик. Немного стыдно за него.

— Это мы переживем, — сказал Орланз.

— Куда же вы собираетесь ехать? — напомнил Милов.

— В порт, естественно.

— Хотите сделать объезд?

— На этой дороге они нас так или иначе поймают.

— Но другой дороги нет!

— Есть. Именно та, на которую мы съедем.

— И она тоже ведет в порт?

— Смею вас заверить.

— В тот самый?..

— А вот этого я не говорил, — усмехнулся Орланз.

— Но ведь нас будут ждать именно там!

— Именно там нас ждут стрелки Базы. А нужное нам судно — в другом месте. Не в торговом порту, а в рыболовецком.

— Но мы ведь все время ориентировались на торговый порт...

— Я считался с возможной утечкой информации. На самом деле я имел в виду именно рыболовецкий: там все осуществится значительно проще. Не так ли, друг мой?

Южанин улыбнулся.

— Совершенно так. Никто не должен был знать.

Милов посмотрел вперед — туда, где упали обломки вертолета.

— Едем, коллега, едем, — поторопил его Орланз. — Время уходит. И это касается всех нас.

Не оставалось ничего другого, как включить стартер.

«Другой порт, — со злостью подумал он. — Тут я крупно оплошал. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предположить и такой вариант. Их судно будет там, но мне-то от этого ничуть не легче. Что-то нужно срочно придумать: времени действительно уже не остается, ходом коня тут больше не сманеврируешь — только вверх по вертикали, только вверх. Ну — по главной диагонали на худой конец...»

Он свернул и, высунувшись, убедился, что все машины последовали за ним. Останки сбитого вертолета догорали теперь уже позади.

«Мы — в состоянии войны с Технецией, мы трое: Южанин, Орланз и я. Но только в моем варианте это грозит международными осложнениями — а ведь Базе, в частности, ничего другого, надо полагать, и не нужно. Однако, сию минуту я ничего не могу предпринять, не могу сопротивляться, иначе меня просто устранят. И Орланз нужен до самого конца: без него таможню не пройти. Что ж, поедем по этой кривой, авось она куда-нибудь да вывезет...»

6

(3 часа до)

Путешествие закончилось, когда уже заметно смерклось. Въехали в городок, где Милов несколько раз бывал раньше, во времена Каспарии: рыбацкий порт, хорошо оборудованный в колониальные времена, с тех пор, насколько

можно было судить, не обновлявшийся, и работавший сейчас еле-еле — судя по количеству судов у запустелых причалов. Видимо, с морским урожаем дела здесь обстояли не Бог весть как — а может быть, и тут сказывалась политика, кто его знает.

Орланз немногими словами указывал дорогу; Милов молча рулил — он понимал, что игра им проиграна — во всяком случае, на данном этапе — но других могло просто и не состояться. Южанин снова ушел в молчание, сидел неподвижно, двигались только глаза — непрерывно обшаривали пространство перед машинами и по сторонам, насколько позволяли окна. Несмотря на бездвижность, чувствовалось, что он готов ко всяким неожиданностям; на коленях его лежал автомат хорошо знакомой Милову отечественной конструкции; автомат был снят с предохранителя.

Однако, их, кажется, все же оставили в покое — хотя вряд ли по доброй воле: просто не нашлось второго вертолета, чтобы выследить, куда девался конвой с большой дороги. Все-таки, не всё государство противостояло оппозиции Орланза, хотя и не самая слабая из составляющих власти. Машины все так же, гуськом, прокрутились по нешироким, кое-где еще булыжным улочкам и добрались в конце концов до порта, который, судя по всему, и являлся их целью. В одном месте остановились, по просьбе южанина; он вышел, отошел на тротуар — тотчас же откуда-то взялись и подошли к нему двое такого же, в общем, облика, стали тесным кружком, начали о чем-то переговариваться — с жестикуляцией, но негромко. Милов вслушивался, пытаясь определить язык — так, на всякий случай; это ему не удалось (лишь редкие слова, скорее даже обрывки долетали до него, никакого смысла не имевшие), — однако, судя по звуковой, фонетической стороне и некоторым сочетаниям звуков, то не арабский был и не фарси; тюркский, какой-то из них, может быть? Нет, скорее какие-то славянские корни почудились Милову. Хотя ручаться он не стал бы.

Ладно, в конце концов сейчас это особой роли не играло. О чем бы они там ни переговаривались, Милову следовало поблагодарить их за то, что дали ему время, чтобы обдумать положение. Все сложилось наихудшим образом: Орланз, намеренно или нет — всё равно, провел его за нос, как мальчика; никуда не годится весь твой опыт, — казнил

себя Милов, — если он не подсказывает тебе с самого начала такого элементарного хода. В этом порту, совершенно естественно, не окажется ни одного судна, пригодного для того, чтобы погрузить и вывезти ракеты — кроме того, разумеется, которое пришло по приказу того же Орланза. Нет никакого способа избежать погрузки; судно выйдет в море — и там уже не останется никакой возможности влиять на судьбу ракет и боеголовок. Истекут оставшиеся часы и минуты — и всё произойдет так, как хочет Орланз, и почти так, как планировала База, пусть они и не знают этого. Просто судьба, иного слова тут не подобрать, — судьба за них. Провалить в самом конце вовсе не плохо проведенную операцию — да любой сосунок смог бы сообразить, заблаговременно принять контрмеры.

«Не зря ты оказался на пенсии, Милов, тебе только карманников ловить в троллейбусах — да нет, даже и это тебе сейчас не по силам...»

Вообще все сделано по-идиотски. Начиная с самого замысла операции. Нужно ли было закидывать столь хитроумные удочки с неплохой наживкой, входить в расходы и прочее, когда все можно было сделать гораздо проще: договориться с контрабандистами, и они перебросили бы меня хотя бы через то самое болотное окно. И не потребовалось бы взрывать самолет — пусть и старый, уже предназначенный на свалку... Конечно, контрабандисты могли бы и не пойти на такой вариант — они нас не любят, и это совершенно естественно; однако, неужели мы не смогли бы их прижать?

«Да нет, — тут же опроверг он себя. — Я бы, например, не хотел идти ни на какие соглашения с ними. Зато потом можно громить их с чистой совестью... Да и вообще: что сделано, то сделано.

Но все же — неужели это уже ситуация людоедского брюха? Или есть еще какие-то шансы? Говорите подольше, — мысленно попросил Милов тех троих, что все еще совещались на тротуаре, — дайте еще пару минут, чтобы придумать...

Собственно, думать особо не о чем. Представим дальнейший ход событий. Контейнеры грузят на судно. В том числе и тот, в котором провозится никем не предусмотренный дополнительный груз: отряд. Судно выходит в море.

Сколько на нем может быть экипажа? Не видя парохода, сказать трудно, но вряд ли Орланза тут ждет лайнер; скорее всего, какой-то незаметный трамп, а то и вообще траулер — только с трюмами, переоборудованными для приема такого груза, потому что на палубе вряд ли захотят везти его: слишком бросалось бы в глаза; хотя и на палубе можно замаскировать — везли же мы когда-то ракеты на Кубу... Даже лучше, если контейнеры останутся на палубе... Ночью при помощи отряда можно захватить корабль...

На старости лет тебе не остается ничего иного, как заняться пиратством, — хмуро усмехнулся он. — Сказать кому-нибудь из друзей — расхохочутся... Но другого выхода, кажется, нет. Можно, конечно, затопить судно вместе с ракетами — однако, это приведет к новому всемирному скандалу: хватит уже и подводной лодки, и отходов, что топили в океане на Дальнем Востоке... Нет, со своими проблемами надо разбираться самим. И все-таки придется захватить судно, потом связаться по радио с нашими, встретиться... Организовать перегрузку контейнеров в открытом море — наверное, чертовски трудно, если вообще возможно, я не моряк, не знаю, но это пусть решают специалисты. Во всяком случае, ракеты тогда окажутся хоть под надзором, под профессиональным надзором...»

По сути дела, всё уже придумалось, когда южанин вернулся на свое место в кабине. Орланз, последние минуты нетерпеливо ерзавший на сиденьи, поспешил осведомиться:

— Надеюсь, все в порядке?

— Все, как следует, — ответил южанин. — Судно ждет. Видите — впереди стоит БМВ? Сейчас машина тронется, и мы поедем за ней.

— Милов, вы поняли? — на всякий случай поинтересовался Орланз.

— Чего тут было не понять?

— Тогда поезжайте.

Милов повиновался.

— Вы не передумали? — спросил Орланз через минуту. — Относительно вашего отъезда на этом же судне.

— Я не передумал.

— Дело ваше. Эти ребята согласны взять вас.

— Да, — подтвердил южанин. — Нас немного, и нам

может понадобиться помощь. Мы бы взяли всех ваших людей.

— Об этом говорите с ними. Мой контракт с ними заканчивается.

— Вы все-таки передайте им мое предложение, — сказал южанин.

— Ну да, — сказал Милов. — Я понимаю. Я поговорю с ними.

— Вот и чудесно. Пожалуйста, не отставайте от машины. Сейчас надо будет повернуть направо...

— Да-да, — сказал Орланз. — И не забудьте: у меня мало времени. Еще очень много важных дел, и я должен как можно скорее вернуться в Круг. Уважаемый покупатель, вы не можете позвонить в переднюю машину, чтобы ехали побыстрее?

— Не волнуйтесь, — сказал южанин. — Ручаюсь вам — мы успеем.

— Хотелось бы надеяться... — пробормотал старик.

7

(3 часа до)

Милов был готов к самым разнообразным впечатлениям, но такого не ожидал при всей своей привычке к сюрпризам. Судно, к которому, следуя за направляющей машиной, он подвел свой трейлер, могло присниться разве что в дурном сне. Судя по облику, его не красили ни разу за последние полсотни лет — а пароходу этому было отроду никак не меньше, это было понятно даже человеку сухопутному, который хотя бы время от времени бывает в морских портах и видит, кто швартуется у причалов. Трудно было сказать, что преобладало в боевой раскраске его бортов и надстройки: ржавчина или обыкновенная грязь; во всяком случае, Милов не стал бы выходить на такой калоше в море даже по приговору суда — попросил бы заменить на нормальный лагерь, пусть и самого строгого режима. Однако, сейчас его никто не заставлял, и не на кого было жаловаться; ему предстояло взойти на борт по собственному желанию — слишком уж серьезным было дело.

Конвой остановился, чтобы закончить свой путь в таком вот непрестижном месте. Шофера повылезали из кабин, поглядывали на морское средство передвижения, покуривали, покачивали головами и сплевывали. Чувствовалось, что предложи им сейчас погрузиться на судно — водители встретят такую инициативу без воодушевления. И это могло сделать будущую задачу Милова еще более сложной.

Милов тоже закурил, глядя на корму, украшенную флагом — каким-то африканским (подумалось ему), выцветшим и просоленным, сейчас, в безветрие, скорее напоминавшем старый грязный носок. Название судна, еще различимое — «Мария Морей» — было нейтральным, порт приписки — Людериц — вызывал немалые сомнения в своей подлинности: казалось невероятным, что ржавая коробка эта даже в дни молодости способна была преодолеть расстояние, отделяющее юг Африки от этих не очень-то тропических краев. И команда тоже не вызывала ощущения надежности — во всяком случае, те два или три ее представителя, что поочередно появились на палубе, без особого интереса поглазели на прибывший конвой и снова скрылись где-то в недрах своего левиафана, который, при всей своей неприглядности, тянул, как показалось Милову, все же тысячи на три тонн.

Из БМВ, теперь возглавлявшего конвой, высадилось трое, видом не отличавшихся от уже увиденных Миловым южан. Они стали с опаской перемещаться по узким сходням, переброшенным с палубы на причал. Никто не останавливал их — вахтенного у трапа просто не было, видимо, на пароходе не признавали формальностей, что же касается порта, то уже сам его вид красноречиво говорил о том, что здесь никто и ничего не принимал всерьез. И, разумеется, никакой таможней тут и не пахло: не рыбьи хвосты же ей считать... Борт «Марии Морей» возвышался над причалом не менее чем на полтора метра, и было совершенно ясно, что закатить на палубу даже инвалидную коляску было бы связано с немалыми трудностями; о тяжелых же контейнерах с грузом и речи быть не могло.

Однако, это не должно было никого смущать: мачты ветерана были, как сразу же установил Милов, оснащены внушительными стрелами, каждая из которых наверняка могла поднять груз и помассивнее контейнера с ракетой

средней дальности. И там уже возились те трое, что перед тем оглядывали конвой — лениво поворачивались, готовя, видимо, механизмы к работе. Сколь ни невероятным казалось это, но какие-то устройства на «Марии», вероятно, еще ухитрялись работать.

— Какой красивый, да?

Милов покосился на своего спутника-южанина, остановившегося рядом с ним и, казалось, искренне любовавшегося судном.

— А похуже не могли найти? — поинтересовался он, не сдержавшись.

— Было одно еще хуже, — ответил тот серьезно. — Мы уже совсем было договорились. Но капитан вдруг почему-то отказался. Не знаю, почему. Я думаю, мы его уговорили бы, — он ухмыльнулся. — Но тут подвернулся этот вот корабль. Эти согласились сразу. И о цене спорили не очень много. Наверное, у них дела совсем плохи были.

— Да уж куда хуже, — пробормотал Милов. Оглянулся. И тут же почти бегом направился к замыкающей машине, успев бросить южанину лишь невразумительное: «Сейчас вернусь...».

Он поспешил, потому что увидел: весь отряд, включая и шоферов с трех машин, собрался плотной группой в некотором отдалении, у стены то ли пакгауза, то ли эллинга; иными словами, бойцы покинули свой трейлер, обнаружились без всякой надобности, не говоря уже об отсутствии команды; впрочем, командовал ими по-прежнему не Милов, а их командир. К нему-то Милов и подступил в первую очередь.

— Что это значит?

Тренер команды пожал плечами.

— Свое дело мы сделали. Не так ли? Конвой больше не нужен. Сейчас погрузят — и мы свободны.

— Но ведь вам нужно как-то выбраться отсюда!

Командир усмехнулся.

— Скорее мы перейдем океан посуху, чем погрузимся на этот гроб. Он держится на воде только по недосмотру высших сил. Но они в любой миг могут спохватиться...

— Это судно только кажется таким, — Милов старался говорить как можно убедительнее. — На самом же деле...

— Мистер, — сказал командир. — Половина моих лю-

дей служила на флоте. И вы не убедите их даже под гипнозом. Нет, уж лучше вплавь...

— Как же вы рассчитываете выбраться?

— Вполне законно. Каждый из нас имеет паспорт и всё, что полагается иметь добропорядочному гражданину великой страны, путешествующему с чисто познавательными целями. И поверьте — к нам здесь не станут придираться.

Это Милов понимал и сам. Не станут. Слишком много волшебства в трех буквах, обозначающих сокращенное название их державы. А вот ему в Технеции паспорт не поможет, даже самый наиподлинный. В конце концов, он тут многократно засвечен, да еще старые счеты, но прежде всего — необходимость оставаться с грузом до конца.

— Кроме того, — сказал командир отряда, — мистер Орланз обещал обеспечить нам самый спокойный выезд — если мы не захотим задержаться тут в качестве туристов. Но мы не захотим. Судя по тому, что мы успели увидеть, эта страна — очень скучная провинция. А технеты — неинтересное общество.

— Орланз? Откуда он узнал, кто вы такие?

— Разве не вы ему сказали?

— Конечно, нет.

— А я думал... Впрочем, что в этом плохого? Он же наш человек.

— Вы полагаете?

— Меня об этом предупредили заранее. Еще дома. Разве это не так?

— Так, так, — успокоил командира Милов.

Милов подумал, что Орланз в своих обещаниях командиру отряда был совершенно искренним. Старик вовсе не хотел портить отношения своей оппозиции с сильными мира сего. В конце концов, только на их поддержку он и мог рассчитывать. Но была у него и другая причина: не в его интересах было — чтобы американцы узнали, куда же на самом деле отправились ракеты. Будь они на судне, это стало бы для них ясным. А так — он наплетет что-нибудь, старик — краснобай, а американцы от природы доверчивы...

И в самом деле — не успел он подумать это, как командир сказал:

— Да и к чему сопровождать груз: его ведь везут для

уничтожения, как и полагается. Вы ведь это прекрасно знаете: уничтожение произойдет в вашей стране, потому вы и будете с грузом до конца.

— Это тоже — Орланз?

— Разумеется. Разве что-то не так?

— Да нет, — сказал Милов спокойно. — Все о'кей.

Всё и на самом деле было так. Ракеты предназначались для уничтожения. Ракеты, привезенные в заштатный порт конвоем, кабины и фургоны которого на этот раз были украшены надписями и эмблемами восточного соседа Технеции. И Милов должен был оставаться с грузом до конца...

— Ну что же, — сказал он. — Счастливого пути, капитан. Кстати, это не вас там собрались фотографировать?

И он кивнул в сторону, где два человека усиленно щелкали камерами, а еще один снимал происходившее видеокамерой.

— Не думаю, — сказал командир отряда. — Пресса, наверное; не вижу в этом ничего плохого. Снимают они, кстати, ваши машины.

Это Милов и сам видел.

— Ладно, — сказал он. — Еще раз — пока.

— Еще увидимся, — выразил надежду командир.

— Обязательно.

Впрочем, в этом Милов не был уверен.

Он неспешно вернулся к машине. Четверо откуда-то взявшихся грузчиков уже крепили стропы, продевая крюки в проушины контейнера, открывшегося для всеобщего обозрения, когда убрали брезент с прицепа. Толстая балка корабельной стрелы нависала над трейлером. Стоя поодаль, Орланз внимательно наблюдал за работой, южане разделились: двое были тут, у машины, трое — на палубе, у трюмного люка. Прозвучала команда — стрела дрогнула, стропы натянулись и контейнер плавно пошел вверх. Вот он уже над палубой... Грузчики-технеты бесстрашно вели контейнер за тросы, не боясь, видимо, что многотонный груз сорвется. Технеты, не боящиеся смерти...

— Милов...

Леста осторожно дотронулась до его руки. Он посмотрел на нее и улыбнулся.

— Все бросили меня — кроме тебя, — проговорил он.

— Теперь — и я...

Милов нахмурился.

— Думаю, тебе опасно возвращаться в Текнис.

— Приходится. Больше ведь никого нет.

— Ты не слишком засветилась?

— Не думаю.

— А Орланз...

— Он знает меня в другом моем качестве — ты понимаешь, о чем я.

— Да, — сказал Милов. И добавил — уже совсем о другом: — И все-таки — мне жаль, что так...

Она поняла.

— Ничего. Было бы труднее расставаться.

Он хотел поцеловать ее. Леста покачала головой.

— Не забудь: для Орланза мы едва знакомы.

— Да, правда. Прости. К сеансу успеешь добраться до места?

— Надеюсь.

— Сообщи всю обстановку. Название судна и прочее. А я постараюсь с моря выйти на связь. Может быть, как-нибудь смогут перехватить. Если уж сюда нельзя было успеть...

Леста вздохнула.

— Во всяком случае, известно будет, куда груз придет. Ты уж постарайся. Ты не виноват, что получился перекос.

Она вовремя заметила приближающегося Орланза.

— Милов, подгоняйте вторую машину...

— Прощай, — сказал Милов. — До встречи в Москве. Когда-нибудь.

Она только кивнула. Повернулась и пошла — как бы к своей машине, но Милов понимал, что она не станет садиться в кабину.

Сам он направился ко второму грузовику. Стрела снова уже нависала над берегом.

Когда он подогнал вторую машину и погрузка продолжилась, Орланз подошел к нему. Огляделся и сунул Милову в руки небольшой сверток.

— Что тут? Бутерброды?

Орланз не улыбнулся.

— Передатчик. С фиксированной частотой — это моя волна. Как только выйдете из территориальных вод — сообщите мне.

— Зачем?

— Мне нужно знать. Обязательно сообщите!

— Хорошо. — Милов взял сверток, сунул в объемистый карман куртки. И, не разговаривая более, направился к третьей машине — чтобы быть на месте, когда понадобится подогнать и ее.

Отряда уже не было. Но двое любопытных в отдалении по-прежнему щелкали камерами, третий не отрывался от окуляра камеры — он успел, наверное, сменить кассету.

Потом, словно выполняя неслышную команду, они разом кончили работу и повернулись, чтобы уйти. Милов не без интереса глядел им вслед, когда услышал сказанное негромко, совсем рядом:

— Милов...

Он резко обернулся. То был Клеврец.

8

(2 часа 30 минут до)

Первым движением Милова было: выхватить оружие, или даже просто нанести удар и исчезнуть, сбежать на судно, пока противник не успел еще ничего предпринять. Но Клеврец, предусмотрительно отступив, улыбнулся неожиданно миролюбиво, и Милов решил пока воздержаться от атаки.

— Я на тебя не в обиде, — сказал Клеврец спокойно. — Ты не думай. Просто в том эпизоде ты оказался удачливей.

Милов промолчал.

— Хотя и зря, — продолжал Клеврец. — Я ведь и тогда пришел к тебе с деловым предложением. И не собирался причинить тебе никакого вреда.

На этот раз Милов пожал плечами:

— Откуда мне было знать, что собираешься сделать ты — технет...

— Относительно технетов ты, кажется, уже разобрался? — спросил Клеврец.

Милов, немного подумав, кивнул:

— Думаю, что да.

— Значит — понял, что это — не наука и не техника. Немного медицины — и много политики. Ты и сам успел

побыть технетом, хоть и недолго, верно? И ничего страшного с тобою ведь не случилось?

— Пока не знаю, — сказал Милов.

— Да знаешь, знаешь. Теперь послушай. Ты собираешься отплыть. Можно, конечно, задержать тебя — хотя бы попробовать. Твои люди уже ушли, ты один. Но я этого делать не стану. Я только предложу тебе другой вариант.

— Слушаю, — сказал Милов.

— Сперва проинформирую: если ты отплывешь вместе с грузом, который так усердно курировал все последние дни — в неизбежном международном скандале твое имя будет упоминаться не раз и не два. В результате, тебя никогда уже не привлекут к выполнению какой бы то ни было задачи. Даже свои не привлекут. Гарантирую. Потому что я в курсе всех дел. И знаю — и ты теперь знаешь, — что при всем желании не сможешь ничему помешать и ничего — предотвратить.

— Ну, допустим, что так, — сказал Милов едва ли не равнодушно. — Что же предлагаешь ты?

— Предлагаю остаться. Мы помним тебя, как специалиста. Твоя жизнь, по сути дела, прошла здесь. Почему бы тебе и не дожить ее в знакомых условиях, имея хорошую работу по специальности?

Он сделал паузу, ожидая, видно, ответа. Милов промолчал. Тогда Клеврец заговорил снова.

— У вас такой беспорядок, что в ближайшие годы, а может — десятилетия ничего не изменится к лучшему. У нас пока тоже не рай, но мы — маленькая страна, и нам помогают куда больше; так что мы заживем нормальной жизнью куда раньше вашего. Здесь ты застанешь эту жизнь; там — не успеешь. Все же приходится считаться с календарем, не так ли?

— Несомненно, — подтвердил Милов.

— Полиция — везде полиция, пусть даже здесь она называется Системой Порядка. Называться можно, как угодно... А работать легче: технеты — я имею в виду маленьких технетов — контролируются гораздо легче. Поверь мне: я уже успел в этом разобраться. Но ты-то станешь не маленьким технетом; получишь тот уровень, какого достоин. За это могу поручиться.

Милов усмехнулся.

— Интересно, а твое начальство думает так же?

— Мое начальство думает так же. Ты же знаешь, что я делаю тебе это предложение и даю обещания не как частное лицо.

— Еще бы, — сказал Милов искренне.

— Надо ли дальше тебя уговаривать?

— Ты рискуешь, — сказал Милов. — Я ведь могу согласиться только ради того, чтобы внедриться...

— Конечно, такая вероятность есть. И какое-то время ты будешь испытывать некоторые неудобства: тобою будут интересоваться. Но это пройдет. И делаться это будет с максимальной деликатностью.

Милов кивнул и улыбнулся.

— Спасибо, коллега.

— Ты согласен?

— Ты же заранее знал, что я не соглашусь.

— Ничего подобного. Ты всегда умел логически рассуждать. И твоя хваленая порядочность не пострадает: ты сейчас не на службе, никому ничем не обязан...

— Всё верно. И все-таки — нет.

— Объясни.

— Две причины. Первая: да, я прожил тут долго. Но это не моя страна.

— Это не логика, а лирика.

— И вторая. Не хочу жить среди каннибалов.

— Мы — каннибалы?

— И всегда были такими. Во все времена обожали пожирать своих. Вы людоеды, Клеврец. Живя здесь, я както притерпелся к этому. А потом увидал со стороны — и мне стало не по себе. Вы потому и стали технетами, коллега, что это снимает последние сдерживающие моменты: у технетов совести не должно быть по определению. А у вас ее никогда и не было; амбиции были, и громадные, и сейчас они никуда не девались, а вот совести не было; я говорю о массе, конечно, единицы были порядочными и здесь. Но очень хорошо, что вы перестали выдавать себя за людей. А я хочу помереть человеком — как жил...

— Ты нас оскорбляешь, Милов.

— Да брось. Обидно, конечно, слышать такое; но правда не есть оскорбление.

Сейчас они разговаривали уже на ходу: Милов медленно шагал к пароходу, Клеврец не хотел отставать.

— Я ведь могу задержать тебя сейчас, — предостерег Клеврец. — И тогда разговаривать придется с другой позиции...

— Остерегись, Клеврец, — сказал Милов. — Ты ведь не умеешь плавать.

Он стоял рядом со сходнями, и Клеврец не сделал попытки удержать его.

— Прощай, — сказал Милов. — А знаешь, тут будет очень хорошо со временем.

— Я же говорил!

— Когда вы перегрызете друг друга. А люди останутся. Они ведь тут есть и сегодня.

— Люди? Такие, как Орланз?

— Нет, — сказал Милов. — Не такие, как Орланз.

9

(1 час 30 минут до)

Берег уже скрылся из вида. Милов стоял на корме, опершись на релинг, и хмуро смотрел на спокойную поверхность. На душе было скверно. Не получился даже и авантюрный пиратский вариант. Все должно было уже закончиться — а вышло так, что только начиналось на самом деле... Начиналось, чтобы совсем скоро завершиться уже окончательно — и плохо, так плохо, что хуже не бывает. Сейчас Милову даже не казалось самым страшным то, что погибнет вместе с ракетами и кораблем и он сам; плохо было потому, что он не привык проваливать задания, обманывать надежды — однако, именно так получалось теперь. И предстоящая гибель казалась чуть ли не заслуженным наказанием за плохую работу.

А впрочем — разве игра совсем уже окончилась?

Отодвинув рукав, он взглянул на часы. Еще почти полтора часа оставалось до взрыва. Восемьдесят шесть минут. Даже при выполнении сложных задач приходилось укладываться и в меньшие сроки...

Что же мы имеем на сегодняшний день и час? Давай-ка разберемся хладнокровно.

Он снова попытался спокойно оценить положение.

Контейнеры были надежно укреплены в неожиданно просторном трюме, люк закрыт, затянут брезентом; южане, побыв недолго на палубе, спустились вниз: погода их не привлекала. Пассажирских кают на пароходе не было, но место нашлось для всех. Хотя капитан, небритый и, похоже, не выспавшийся как следует, счел, видимо, ниже своего достоинства знакомиться с сопровождавшими груз людьми, ими все же занялся один из помощников — а может быть, и единственный, черт его знал, — и указал, где можно будет поспать. По-морскому ранний обед уже давно прошел, но был обещан ужин, и оставалось только дожидаться его. Милов прикинул: похоже, что скоро они покинут территориальные воды. И придет пора доложить Орланзу, что все проходит благополучно...

Милов вытащил из кармана сверток. И тут же засунул обратно: рядом с ним остановился кто-то из экипажа; одеты люди на пароходе были как попало, и невозможно было угадать, кто есть кто. Не капитан — в этом Милов был уверен. А впрочем — не все ли равно? Милова они не интересовали.

Что можно сейчас практически? Оставалось полтора часа. Всего-навсего девяносто минут до того мгновения, когда сработают устройства самоуничтожения ракет; этот тип был снабжен ими как раз в предвидении ситуации, когда ракеты останутся без технического обслуживания на время, превышающее допустимый срок. Ракеты должны были уничтожиться тихо и мирно, не грохоча, не выбрасывая ничего в воздух — просто что-то растворилось бы, что-то замкнулось, произошли бы некоторые химические реакции — и каждая ракета сделалась бы не более опасной, чем какое-нибудь полено.

Однако, сейчас они были заминированы. Заминированы неизвестно как: Милов не был специалистом в пиротехнике. Однако знал, что даже небольшая искра — а они были неизбежны при замыканиях в электронных и электрических системах — хотя бы на одной ракете могла инициировать посторонний заряд. А уж при его срабатывании могло сдетонировать и ракетное топливо. И тогда... В этом и заключалась опасность, ради этого и надо было ему добраться

до ракет и на самый худой конец выключить таймер системы самоуничтожения — выиграть время, чтобы найти новый способ получить ракеты в свое распоряжение, где с ними разберутся отечественные специалисты. Да, это было единственным, чему его успели научить: как остановить таймер.

Но ведь технетские мины могут сработать и сами: там и в самом деле не исключался собственный таймер — электронный, не определимый на слух. Да и сами контейнеры были минированы.

Словом, выхода он не видел. И все же надо было рисковать. Пробиться в трюм — даже силой, если понадобится. И пустить в ход те скудные знания взрывного дела, какие у него были. Шансов почти никаких. Однако, почти — не значит совершенно никаких. Он обязан рискнуть. И сделает это.

Милов нащупал пистолет во внутреннем кармане. Автомат пришлось оставить в машине: к отходу судна на берегу появились уже новые водители — скорее всего, опять люди Орланза, а может, и Базы — наведенные Клеврецем. Но судьба Восточного конвоя Милова более не волновала. Пусть жрут друг друга.

Милов бросил последний взгляд на берег. Повернулся и неторопливо зашагал по чуть колеблющейся палубе по направлению к третьему — первому с кормы — трюму.

Крышка трюма была закрыта и затянута брезентом, укрепленным клиньями. Однако, это было небольшой бедой. Куда хуже было то, что совсем близко от крышки, у противоположного борта, спиной к Милову стоял человек. Он глядел на уходящий берег — стоял чуть пригнувшись, как будто пытаясь хоть немного сократить все увеличивающееся расстояние между ним и земной твердью, — и роба на спине его, слегка натянувшись, явственно обозначила пистолет, засунутый, видимо, под брючный ремень со спины. Похоже, что трюм охранялся.

Однако, человек был всего один, и он не был готов к нападению. У Милова тоже не было четкого плана. Однако, сейчас нужно было попасть в трюм, получить доступ к ракетам. Выиграть это очко. А потом уже думать дальше: подсказывать будет сама обстановка. Придется, видимо, пойти на риск и попытаться обезвредить взрывные устройства самому. В случае неудачи произойдет лишь то самое, что случится и если он вообще ничего делать не станет.

Однако, ведь какой-то, пусть и крохотный шанс есть и на благоприятный исход: не настолько уж Милов на самом деле безграмотен...

Так или иначе — надо было пробиться в трюм.

Невольно вздохнув, Милов сунул руку в карман.

Он уже вынимал пистолет, когда сзади послышались шаги, и Милов застыл, не завершив движения, стараясь сохранить спокойствие.

Подошедший остановился за его спиной, закурил, на Милова пахнуло дымком скверной сигареты. Люди эти не процветали. Ну и наплевать. Было тихо, внизу работала машина, палуба чуть подрагивала. Вероятно, кто-то находился на мостике — отсюда Милов не видел, — но палуба была пуста. Было, в общем, тихо, только стоявший сзади громко посапывал в промежутках между затяжками, да тот, что опирался на релинг, негромко кашлянул и сплюнул за борт. И снова наступила тишина. Потом она нарушилась. Звук был похож на выстрел. Милов встрепенулся, а стоявший позади сделал шаг и приблизился к Милову совсем вплотную, встал рядом. Милов искоса глянул на него и наткнулся на такой же — искоса — взгляд. Когда их глаза встретились, тот улыбнулся.

— Ну, привет, пенсионер, — поздоровался пришедший. — Только не делай резких движений, пожалуйста. Всё в порядке.

Пока он говорил это, Милов успел прийти в себя.

— Рад видеть тебя, Мерцалов, — ответил он безмятежно.

Глава четырнадцатая

1

(Отсчет закончен)

— Я ожидаю удивленных восклицаний, — сказал Мерцалов.

— По-моему, стреляют, — сказал Милов задумчиво.

— Да вроде бы, — услышал он в ответ.

— Что это значит? — Милов на всякий случай шагнул в сторону.

— Да так, — сказал Мерцалов. — Детали. Неприятности. Для кого-то мелкие, для других — крупные. Но не для тебя. Ты не должен волноваться. Учти: я продолжаю заботиться о твоем здоровье.

— Пожалуй, я спущусь, — сказал Милов. — Становится прохладно.

— Отчего же нет, — согласился Мерцалов. — Только сперва отдай мне рацию. Ту самую, что у тебя в кармане. Очень разумно, что ты до сих пор не включал ее. Пока еще это преждевременно. Оружие можешь оставить себе.

— Спасибо, — поблагодарил Милов. — Это всё?

Мерцалов засмеялся.

— Ладно, старик, — сказал он. — Поздравляю тебя с благополучным выполнением домашнего задания.

Милов покачал головой.

— Откровенно говоря, — молвил он, — мне казалось, что всё дело провалено настолько, насколько его вообще можно было провалить. Как вы вообще оказались здесь? На этой калоше? Не думаю, что тут сработал случай...

— Если бы ты так думал, я принял бы это за оскорбление, — сказал Мерцалов. — Но — только не обижайся, — ты ведь у нас не единственный...

— Это ясно. Однако же...

— Тебя волнует этот пароход? Конечно, это наше судно. В какой еще стране можно найти такую развалюху не списанной? Это знают на всех морях и океанах. Конечно, если бы мы позволили посторонним заглянуть внутрь — их бы, возможно, удивило количество первоклассной электроники, какой этот пароходик набит, что называется, от кильсона до клотиков. Однако, внешне все в порядке; вот и ты поверил. Но не спеши задавать вопросы: пока доплетемся до места, успеем переговорить обо всем на свете.

— Значит, можно считать, что ты меня поздравил, — сказал Милов. — От имени и по поручению?

— От себя лично. Чтобы дать возможность другим сделать то же.

— Они, надо полагать, далеко?

— Двумя палубами ниже. Заняты делами, но вскоре, надеюсь, освободятся и воздадут тебе должное.

— Пока что я воздаю должное твоему хладнокро-

вию, — не выдержал Милов. — Тратишь время на всякую болтовню — когда до взрыва остаются считанные минуты!

— Не совсем так, — сказал Мерцалов. — Все не так плохо, как ты привык думать. На самом деле все обстоит достаточно благополучно. Хотя воспользуйся ты этим передатчиком, от благополучия остались бы одни обломки. Но я не думаю, что ты собирался им воспользоваться.

Милов невольно поежился.

— Об этом я догадался и сам. Но благополучие и сейчас еще сомнительно: заряды в контейнерах, и ...

— Да успокойся ты, наконец! Наши специалисты сели в трюм еще до начала погрузки, и сразу принялись за дело. Мы много чего порастеряли за последние годы, но специалисты еще остались. И сейчас заряды обезврежены. Но эта штука, которую вручил тебе великий оппозиционер, едва ты попытался бы включить ее, взорвалась бы у тебя в руках; тогда детонация действительно не исключалась. А для тебя лично это могло кончиться очень прискорбно. Но, повторяю, все в порядке. Мы успеем рассказать тебе все. Куда держим курс? Домой, разумеется.

— А те, кто купил ракеты? Эти...

— Эти террористы с давних пор в розыске, и мы передадим их Интерполу. Выстрел означал, скорее всего, что у кого-то из них при аресте не выдержали нервы. Правда, они не все... но это мелочи. Ну как, есть еще вопросы?

Милов с минуту постоял молча, закрыв глаза. Он вдруг почувствовал себя совершенно пустым. Выкачанным. Возраст, подумал он. Этот чертов возраст...

Он медленно открыл глаза. Так же медленно улыбнулся.

— Есть, — сказал он. — Два. Где тут можно прилечь — это первый. И второй: когда будет ужин?

— Увы — только через два часа. — Мерцалов развел руками. — Но зато с шампанским...

— А, — сказал Милов, — тогда я потерплю.

Он постарался сказать это как можно спокойнее. Хотя невыносимо хотелось есть.

— Ты-то потерпишь, — согласился Мерцалов. — А вот Эскулап, думаю, уже исходит нетерпением: ему очень хочется полюбоваться твоими статями.

— Господи...

— Что поделать: полного счастья, как сказано, не бывает.

2

— И все же, — сказал Милов после второго бокала, когда ему, усталому, слегка ударило в голову, — по-моему, вся эта операция была излишней. Всё можно было бы сделать проще: перебросить людей, внедрив их предварительно в контрабанду, не вязаться ни с кем из посторонних...

Они сидели в кают-компании парохода; ужин был без разносолов, но шампанское действительно присутствовало на столе. Эскулап хмуро поглядывал на Милова: чем-то он был недоволен. Географ (на сей раз он был в штатском и даже в каком-то легкомысленном штатском, суперкурортном) спокойно жевал; на заявление Милова он только покачал головой.

— Вряд ли, — ответил Мерцалов. — Ведь лучшей кандидатуры, чем твоя, у нас все равно не было, а внедрять к контрабандистам именно тебя нельзя, сразу засветился бы, уж очень ты среди них популярен. Да и потом — мы предпочитали официально остаться в стороне, пусть ставки делают другие. Они и поставили.

— Можно подумать, — проворчал Милов, — что вы заранее все знали...

— Если бы так, мы и начинать бы ничего не стали. Но мы не знали, в частности, где они укрывают ракеты, где — головки. Предполагали, что они хотят учинить крупную провокацию — взорвать, даже выбросить в атмосферу излучающие материалы, и во всем обвинить нас; чтобы понять это, не нужны семипяденные лбы. Второй проблемой была доставка к нашей границе или к морю. Ты практически справился с обеими задачами.

— И для этого вы меня подставили, — сказал Милов не очень дружелюбно. — Вы ведь понимали, что я могу попасть к ним — и тогда рискую больше любого другого?

— Ничуть не больше. Мы ведь знали, что им самим понадобишься именно ты...

— Знали? Откуда?

— Ну, старик...

— Извини. Снимаю вопрос.

— Мы знали, что они попробуют вытащить именно тебя. Прежде всего потому, что у них была все же надежда тебя перевербовать. Тебе предлагали?

— Да.

— Вот видишь. Но они понимали, что по их приглашению ты не явишься, и стали действовать через достойную организацию из того полушария.

— Сукин сын Хоксуорт, — сказал Милов.

— Да нет; он-то как раз, насколько нам известно, относился к этому делу серьезно. Да и проблема производства технетов их интересовала на самом деле. Ты, кстати, отчитался перед ними?

— Когда бы я успел?..

— И то правда. Ничего; съездишь, отчитаешься. И баксы, кстати, получишь, укрепишь свою материальную базу. Ты ведь их заработал? Без сомнения. Что же делать им такой подарок? С Евой пообщаешься...

— Если не Хоксуорт — то кто же? Клип?

— Вот это величина серьезная. И когда будешь там, постарайся с ним не встречаться.

— Трудно будет — если он захочет...

— Это ему будет трудно. На этот раз поедешь с официальной миссией. И придется соблюдать с тобой все правовые нормы.

— Ты говоришь так, — сказал Милов, — как будто нас самих проблема производства технетов не интересовала...

— Интересовала, конечно; но мы ведь догадывались, как обстоит это в действительности: мы-то их хорошо знаем, это американцы могут верить в легенды такого рода, потому что в их психике почти отсутствует понятие невозможного. Ну, а мы хорошо знаем каспарские возможности, потому что они от наших, по сути, не отличаются. Доложишь Хоксуорту честь-честью; он, конечно, разочаруется — но еще больше обрадуется, ручаюсь: одной большой проблемой меньше.

— Ладно, — пробормотал Милов после очередного бокала. — Будущее мне более или менее ясно, но вот с прошлым... Я ведь просил встретить и принять меня с грузом на границе; отчего же там подняли такой шум,

что пришлось уматывать через всю страну к морю? Тратить нервы...

— Ты, похоже, успел отвыкнуть от наших порядков, — покачал головой Мерцалов. — Слишком быстро, слишком... Да разве у нас когда-нибудь хоть что-то получается без накладок? Так и на сей раз. Наверху кто-то услышал о возможности взрыва с выбросом, перепугался, что это случится на нашей территории, и дал команду — отогнать. А ты не забудь, что там, по южной трассе, вы же не на нашу территорию вышли, а на соседскую; ну, а у нас с соседями погранохрана общая, но свои войска туда мы вводить, естественно, не могли, и их команды отменять нам тоже никакого права не давали. Они там были у себя дома — и действовали, как было приказано: отогнать — значит, отогнать. Они, правда, теперь — мне доложили — благодарят за то, что мы засветили это окно, они до сих пор не могли его нашарить...

— Вот, значит, как... Тогда скажи: как вы ухитрились оказаться именно в том порту, куда свернул Орланз, хотя я вам сообщал о другом?

— Ну, тут мы поняли, что он тебя провел. Дело в том...

— Миша! — кашлянув, предупредил Географ.

— Да нет, я называть не стану, а в общих чертах он, полагаю, имеет право знать. Видишь ли, мы ведь вообще стали думать об этой операции, когда нам откуда-то... да, скажем именно так: откуда-то сообщили, что намечается покупка четырех ракет с головками. И что на самом деле купить хотят не столько ракеты, сколько именно заряды: готовое оружие! И сообщили, кто продавец. Оставалось перемножить два на два, а на это нас хватает. Мы подключились с самого начала. И судно это — «Мария Морей» — прежде, чем подставилось под фрахт в тех южных краях, честно взяло генеральный груз на Дальнем Востоке, куда в свою очередь пришло с Филиппин со всякой всячиной, этот груз дотащило до этой самой не называемой страны и там позволило нанять себя за небольшие относительно деньги. Правда, пришлось побольше истратить, чтобы зафрахтовать то судно, которое там подставилось раньше нас, — перехватить его и послать в Петербург с грузом кофе; но бесплатных пирожных, как говорится, не бывает. Так что ты еще только собирался в

Штаты, а эта коробочка уже нанялась и неспешно выходила из...

— Миша! — снова предостерег Географ.

— Понял, понял. Словом, выходила оттуда, откуда выходила, чтобы своевременно прийти туда, где ты нас и встретил. Удовлетворен? Или тебе нужны все секреты?

— Нехорошие вы люди, — с чувством проговорил Милов. — Давайте по последней, что ли — и в койку...

Но этот день был для него днем невезений; и пожелание его насчет последней так и осталось пожеланием. Она даже и предпоследней не оказалась. На сей раз предчувствие его подвело.

3

Милов писал на английской машинке, успев уже приноровиться к плавным размахам бортовой качки — очень умеренной, впрочем.

«Дорогой сэр, полагаю, что могу теперь полностью отчитаться в выполнении порученной Вами работы, состоявшей в выяснении некоторых промышленных технологий, а также связанных с ними обстоятельств, касающихся большого количества людей, чья судьба вызывала Ваше беспокойство.

Тщательно изучив эти вопросы, я смог прийти к следующим выводам. Во-первых, никакой технологии не существует, как нет и такой реальности, как пресловутые технеты. Весь связанный с ними шум является лишь частью политической игры, рассчитанной на привлечение внимания и крупных средств западных инвесторов. На самом же деле технеты и есть проживавшие в бывшей Каспарии люди, подвергнутые, однако — и продолжающие подвергаться — определенному воздействию психотропных веществ, образцы которых мною получены и будут переданы Вам одновременно с этим отчетом. Подобная обработка значительно примитивизирует мышление, делает людей более управляемыми, но одновременно и гораздо менее обычного способными на принятие самостоятельных решений. Тут следует добавить, что указанное воздействие на людей должно повторяться достаточно часто, поскольку не является

долгодействующим. Однако, насколько я могу судить, после четырех-пяти повторений субъект в значительной мере теряет способность вернуться когда-либо в нормальное состояние. Вопрос — как всё это отражается на потомстве, нуждается в дополнительном изучении. Есть основания полагать, что он приводит к некоторым аномалиям.

Таким образом людям, еще сохранившимся в современной Технеции, несомненно, грозит опасность — хотя и не связанная с их физическим уничтожением.

Полагаю, что предоставлением этого отчета я полностью заканчиваю работу, выполнение которой взял на себя. При возникновении у Вас дополнительных вопросов, готов ответить на них — но только в том случае, если это не потребует повторного визита в Технецию.

Помимо этого, рад сообщить Вам, что люди, привлеченные Вами к обеспечению моей работы, благополучно покинули пределы Технеции, не понеся никаких потерь и не претерпев заметных неудобств — свыше предусматривавшихся самим характером задания. Полагаю, однако, что об этом Вы уже полностью информированы.

В связи со сказанным, прошу перевести оставшуюся часть моего гонорара на мой счет, чьи реквизиты Вам известны.

Примите, сэр, мои уверения в совершенном к вам почтении...»

4

— Гонорар! — сказал Мерцалов с усмешкой. — Ввернешь же ты иногда словечко, — хоть стой, хоть падай.

— Трудно объяснить малограмотному человеку, — сказал Милов.

— Это Хоксуорт-то малограмотный?

— А я не о Хоксуорте.

— М-да. Не уважаешь ты, Милов, начальство.

— Какой ты мне начальник? Я — вольный пенсионер. Отставник.

— Ну, это мы еще посмотрим.

Милов насторожился.

— А что?

— Да так, ничего особенного... Ты вот тут написал, что люди никакой другой опасности в Технеции не подвергаются. Между тем, мы получили кое-какие интересные данные. Об экспорте органов для пересадки. И это, между прочим, связано с теми местами, которые ты только что покинул.

— Гм, — сказал Милов. — Ну-ка, просвети старичка...

— Придет время, — сказал Мерцалов, — просветим. А сейчас — ты свой багаж распаковал уже?

— Да у меня всего багажа...

— И не распаковывай. Потому что мы тебя вскорости смайнаем за борт.

— Чего ради?

— Да ведь я тебе все объяснил уже! Вернешься к своему работодателю. Отчитаешься лично, поскольку вопросы у него наверняка найдутся. Проследишь, чтобы заплатили тебе без всяких... экивоков. Ну и, насколько я в курсе, соединишь полезное с приятным. Я не ошибаюсь?

— А вот уж это, я полагаю, не твое дело, — сказал Милов.

— Разве у меня есть не мои дела? — спросил Мерцалов.

5

— Куда ты исчез? — спросила Ева сердито. — Я потратила целую вечность, чтобы дозвониться до тебя — и ни разу никто не ответил. Ты что, уезжал из Москвы?

— Уезжал, — сознался Милов. — Как твоя конференция? Как сообщение?

— Лучше не бывает. Но ты не заговаривай мне зубы. Отвечай на вопрос. Ты уезжал? Куда же это, интересно? И с кем?

— В одиночку. Подвернулась возможность немного заработать. Чтобы уж здесь не отвлекаться на лекции и прочее. А у тебя тут неплохо — в новом, как ты говоришь, кондоминиуме. Всё о'кей.

— Погоди, — сказала Ева. — Ты еще не видел спальни.

— Твоей — или моей?

— Она — как это у вас говорится — совмещенная.

— Горю желанием посмотреть.

— Прямо сейчас?

— А чего ждать?

— Ну, это я еще подумаю — заслуживаешь ли ты...

— Ева!

— Ладно уж. Конечно, другая бы на моем месте...

— А другой на твоем месте и не может быть, — сказал Милов. — Только ты одна... Только...

— Господи, — сказала Ева. — И как тебе еще поручают какие-то дела? Ты же абсолютно ничего не соображаешь. Сколько раз я тебе говорила: это расстегивается спереди!

— Прости, — пробормотал Милов. — Забыл. Но только это...

— Кажется, да, — проговорила она долгое время спустя. — Память у тебя сохранилась. И не одна она...

— Я лишь притворяюсь старым, — сказал Милов. — Чтобы ввести противника в заблуждение. А в действительности...

— Я знаю, — сказала она. — Я рада... рада... рада.

— Погоди, — сказал Милов. — То ли еще будет.

Владимир Михайлов: задумчивый суперагент

Творческая судьба В. Д. Михайлова оставляет несколько двойственное впечатление. Судите сами: с одной стороны, Владимир Дмитриевич — признанный авторитет в мире научной фантастики, цикл его романов о капитане Ульдемире не только популярен, но и отмечен литературными премиями, а эти явления не всегда совпадают (1-я и 2-я книги — премия «Аэлита» 1986 г., 3-я — Беляевская премия 1994 г.), был редактором одного из самых престижных в свое время литературных журналов... А с другой: книги Михайлова до последнего десятилетия центральные издательства как бы не замечали. (Единственное исключение — сборник рассказов «Ручей на Япете», вышедший в молодогвардейской «Библиотеке советской фантастики».) Издавались они только в Риге, считавшейся тогда форпостом либерализма в Советском Союзе. Однако и из того самого журнала «Даугава» уже в перестроечные времена, но еще до гонений на «некоренных» редактора «ушли», поскольку нарушил пределы разрешенной смелости — первым опубликовал запрещенный в то время роман Стругацких «Гадкие лебеди» («Время дождей»)...

Те же двойственные чувства вызывает публикуемая в этом томе дилогия «Ночь черного хрусталя» и, в особенности, «Восточный конвой». Вроде бы типичные фантастические боевики с погонями и перестрелками, фантастический элемент мешается для пущей занимательности со многими злободневными приметами, как правило, напрямую не названными, но легко узнаваемыми: фашистское движение под видом экологического («Ночь черного хрусталя»), атомный шантаж, контрабандная торговля оружием из Прибалтики через Россию, исламские террористы («Восточный конвой»)...

Ну и что здесь такого особенного? Многие фантасты (А. Щеголев, М. Веллер, Л. Гурский и другие) в последние годы начали писать боевики, независимо, влекла ли их к этому прежде фантастическая муза. И у некоторых даже неплохо получается.

Однако «Восточный конвой» с точки зрения боевитости проверку не очень выдерживает. То есть все необходимые

сюжетные составляющие в наличии. А герой какой-то неправильный. Этот самый отставник Интерпола — Даниил Милов, исполняющий одновременно и не в ущерб друг другу задания российской и американской спецслужб. Ведет он себя для профессионала и суперагента непростительно легкомысленно — в обществе, где недопустимо любое проявление эмоций, все время их проявляет, прокалывается при простейших проверках на человечность, а уж думает-то, размышляет, соображает... Рефлектируюший интеллигент какой-то. Не тянет он на Джеймса Бонда. А сам сюжет? Вот сказано было выше «контрабандная торговля оружием из Прибалтики», но, если бы дело было только в этом, стоило ли писать фантастический роман? Можно было обойтись милицейской сводкой. Нет, просто жизнь словно поставила себе целью посостязаться с самыми бредовыми выдумками фантастов, практика опережает, с позволения сказать, теорию, и у человека наблюдательного, знающего историю и склонного к размышлениям (а В. Д. Михайлов, без сомнения, к таковым относится), увиденное неминуемо вызовет определенные ассоциации:

«Все новое — технетское, все технетское — новое».

«Мы — не рабы, рабы — не мы».

«Люди уходят. Наш долг — помочь им уйти».

«Падающего подтолкни».

«Чемодан — вокзал — Россия».

«Техницизм есть рациональное мышление, реализованное на практике».

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».

«Труд делает свободным».

«Свобода — это рабство».

«Счастье — это спокойствие и единообразие».

Вопрос на засыпку — какие лозунги взяты из вымыслов фантастов, какие — из умствований философов, а какие — из омерзительной реальности?

От того, что «хрустальной ночью» в фашистской Германии громили витрины, а в «ночь черного хрусталя» — компьютеры, сам принцип не меняется. А кого винить и кого бить — всегда найдется. Причем если в «Ночи...» объект травли вполне традиционный — это ученые и, само собой, евреи, то в «Восточном конвое» дело обстоит любопытнее. Технеты, отрекаясь от своего родства с родом человече-

ским, во всех несчастьях обвиняют людей. И они, между прочим, правы. Какие бы мерзости кругом не творились, виноваты в них люди, потому что кроме людей на этой планете мыслящих существ пока не имеется. И какие бы невероятные повороты не преподносила жизнь, за всем этим не стоит «никакой техники. Немного медицины и очень много политики».

Поэтому, хотя агент Ми (*хай*) лов, как положено ему по сюжету, и бегает, и стреляет, и вырубить врага приемом с мудреным названием типа «маваси суто гири» в состоянии, и чем-то вроде продажи славянского шкафа интересуется, но за маской супермена постоянно проглядывает умудренный автор, который скорее предпочтет остановиться, осмотреться, и увиденное окрест не столько влечет его к новым костоломным подвигам, сколько наводит на тревожные раздумья о судьбах человечества.

Что же до недостаточной «крутизны» дилогии Михайлова, то опыт жизненных наблюдений подсказывает следующее.

Мы здесь, в России, можем очень захотеть стать крутыми. Мы можем даже ими стать.

Но мы никогда их не полюбим.

И это радует.

В. Черных

СОДЕРЖАНИЕ

Ночь черного хрусталя 7

Восточный конвой 179

В. Черных
Владимир Михайлов: задумчивый суперагент 569

Владимир Дмитриевич Михайлов

ВОСТОЧНЫЙ КОНВОЙ

Компьютерный дизайн обложки
Ю. Лук

Ответственный редактор **М. Редошкин**
Редактор **Н. Резанова**
Художественный редактор **А. Гришин**
Технический редактор **М. Александров**
Корректор **И. Земкова**

Подписано к печати 10.3.96. Формат 84x108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 30,03. Уч.-изд.л. 30,27. Тираж 20 000 экз. Заказ 2367

НПП "Параллель"
603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Лицензия ЛП № 061943 от 23.12.92

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

издательство
«Параллель»

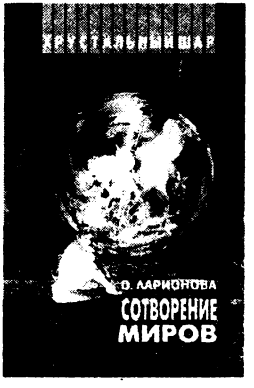
Библиотека отечественной фантастики
«Хрустальный шар»

672 стр.

Издательские цены

Прекрасное оформление

672 стр.



704 стр.

Увлекательное содержание

Две книги в месяц

576 стр.

Тираж 20 т. экз

Оперативная доставка автотранспортом, контейнерами, почтовым багажом

Приглашаем к сотрудничеству региональных дилеров, авторов.

По вопросам оптовой поставки обращаться по телефонам:
(8312) 33-62-98, 33-80-16

В ОЧЕРЕДНЫХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Генри Лайон Олди
"Путь меча"

"Сумерки мира" — это реальность, где ведут непримиримую борьбу Изменчивые, оборотни и Девятикратные, несущие бремя своих девяти жизней — не зная о тайне, что кроется в общем прошлом и о том, что из тумана на них надвигается третья сила — мороки, Бледные Господа, порождение Бездны...

"Путь меча" — это реальность, где боевые искусства, доведенные до высшей степени совершенства, сравнялись с религией, этикой и поэзией, где люди забыли, что оружие существует для того, чтобы убивать, и само оружие забыло об этом, забыло, что не все согласны жить по таким законам...

Генри Лайон Олди (Дмитрий Громов и Олег Ладыженский) — это новое слово в отечественной фантастике, равно близкое утонченным интеллектуалам и поклонникам крутых боевиков.

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Вадим Арчер
"Алтари Келады"

Александр Щербаков
"Шорох дерева Вселенной"

(название условное)

Юрий Тупицын
"Гнев Немезиды"

(название условное)

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР